

9-28
128
АРК. А—Н

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В АНГЛИИ
ФРАНЦИИ
и
ГЕРМАНИИ

8-е ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

1930

ГОСИЗДАТ РСФСР „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

О П Е Ч А Т К А

На стр. 96, 1 стр. снизу напечатано:

„Но в конце 70-х годов, благодаря депрессии в сельском стал распадаться..“

Следует читать:

„Но в конце 70-х годов, благодаря депрессии в сельском хозяйстве союз стал распадаться...“

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В АНГЛИИ, ФРАНЦИИ
И ГЕРМАНИИ

ОТ НАЧАЛА XIX ВЕКА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ВОСЬМОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ,
ДОВЕДЕННОЕ ДО 1929 ГОДА

ГОСИЗДАТ РСФСР
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1930

7-я

типография Мосполиграфа
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Москва, Филипповский, 13.

Мособлит № 7.784.
Тираж 10.000. З. Т. 1562.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ПОЛНОМУ ИЗДАНИЮ	7
ВВЕДЕНИЕ	9

О Т Д Е Л П Е Р В Ы Й

А н г л и я

I. Период революционный.

Промышленный переворот и возникновение пролетариата. Три периода в английском рабочем движении.—Борьба с машинами и стремление вернуться к старому. Движение лэддитов.—„Голодные“ стачки.—Зарождение профессиональных союзов.—Закон против союзов (1799 г.).—Период подпольного существования союзов.—Борьба за свободу союзов.—Профессиональное движение первых лет свободы союзов (1824—1832 гг.).—Участие рабочего класса в борьбе за избирательную реформу 1832 г.—Роберт Оуэн, его учение и филантропическая деятельность.—Роль Оуэна в рабочем движении.—Положение рабочего класса в первую половину XIX века. Работные дома.—Чартистское движение, его сущность, различие направлений (политическая и социальная программа).—Развитие чартистского движения до 1842 г.—Агитация либеральной буржуазии против хлебных законов; влияние ее на чартистское движение.—Упадок чартистского движения 13—78

II. Период чистого тред-юнионизма (старый тред-юнионизм).

Обстоятельства, благоприятствовавшие возникновению тред-юнионизма.—Три ступени в развитии рабочих союзов.—Возникновение объединенных союзов машиностроителей и плотников.—Вожди рабочего класса этой эпохи. Хунта.—Христианские социалисты.—Продолжение борьбы за свободу союзов и стачек. Избирательная реформа 1867 г. Отмена закона о господах и слугах. Дальнейшее развитие тред-юнионов. Движение за 9-часовой рабочий день.—Образование Соед. о-ва ж.-д. служащих и Нац. союза с.-х. рабочих.—Конгрессы тред-юнионов и парламентский комитет 79—98

III. Период нового тред-юнионизма и возрождения социалистических стремлений.

Социалистическая пропаганда и организация необученных рабочих.—Независимая рабочая партия.—Тафф-валевское дело.—Пар-

ламентская рабочая партия.— Дело Осборна.— Фабричное и социальное законодательство до 1910 г.—Потребительная кооперация.—Отличительные черты английского рабочего движения в XIX веке . . . 99—120

IV Английское рабочее движение в период 1910—1929 гг.

Краткий обзор английского рабочего движения и английского социализма в XIX веке.—Стачечный период 1906—1914 гг., его особенности и значение для дальнейшего развития рабочего движения.—Синдикализм и гильдейский социализм; их теория и практика.—Производственный юнионизм.—Рабочий класс и его вожди во время войны. Отношение рабочих масс к русской революции.—Революционно-забастовочное движение среди углекопов в период 1919—1921 гг. и измена вождей Тройственного союза.—Организация помощи безработным.—Социализм и социалистические партии в Англии в первое двадцатилетие XX века.—Образование коммунистической партии. Комитеты заводских старост.—Компартия и профдвижение. Движение левых меньшинств.—Рабочее правительство Макдональда (1924 г.) и его истинное лицо.—Конгрессы тред-юнионов и профсоюзы.—Гульсский конгресс и сближение между профдвижением Англии и СССР.—Всеобщая забастовка и забастовка горняков в 1926 г.—Конгресс тред-юнионов в Сванси (1928 г.) и конференция движения меньшинства в Шордиче (1928 г.).—Образование второго кабинета Р. Макдональда и его первые шаги 121—184

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Франция

I. Период революций и восстаний.

Экономическое и политическое состояние Франции накануне Великой революции.—Начало революции. Роль народных масс в революции.—Партии. Якобинский клуб. Робеспьер и Марат.—Преобразование буржуазией социально-политического строя в своих интересах.—Дальнейшее развитие революции. Революции 10 августа 1792 г. и 2 июня 1793 г.—Диктатура мелкой буржуазии и ее крушение.—Отношение буржуазии к пролетариату в эпоху Вел. французской революции.—Графх Бабеф и „заговор равных“.—Наполеон I. Реставрация Бурбонов. Революция 1830 г.—Развитие промышленности и возникновение пролетариата.—Первые рабочие организации и первое восстание рабочих (Лионское восстание 1831 г.).—Сен-Симон и Фурье.—Июльская монархия. Тайные общества. Покушения на короля. Преследования рабочих организаций. Огюст Бланки.—Луи Блан, Прудон.—Идейное движение среди рабочих. Бюш, Кабе.—Революция 1848 г. (февральская революция).—Государственный переворот Луи Бонапарта. Экономическое развитие Франции в период Второй империи.—Положение рабочего класса и рабочее движение в период второй империи. (1852—1870).—Интернационал и франц.

цузское рабочее движение.—Революция 1870 года. Восстание Коммуны.—Падение Коммуны. Месть буржуазии. Взгляды Маркса и Ленина на Коммуну 187—276

II. Социалистические партии и синдикализм.

а) Социалистические партии

Рабочее движение после разгрома Коммуны.—Образование французской социалистической рабочей партии.—Раскол в партии. Гедисты, POSSIBИЛИСТЫ, аллеманисты, бланкисты и независимые.—Дальнейшее развитие социалистических партий. Попытки объединения. „Мильерановский казус“. Образование „Социалистической партии Франции“ и „Французской социалистической партии“.—Характеристика обеих частей расколовшейся партии и объединение их в 1905 г. . 277—290

б) Синдикализм и социализм (до войны).

Партия и синдикаты до начала 90-х гг.—Отношение социал-демократии к вопросу о всеобщей стачке.—Биржи труда и дальнейшая борьба между гедистами и синдикалистами.—Дальнейшее развитие синдикального движения и объединение Федерации бирж со Всеобщей конфедерацией труда.—„Прямое действие“ в борьбе с конторами гайма. Конгрессы в Бурже и Амьене. Амьенская резолюция.—Расцвет и кризис синдикализма до войны.—Основные принципы синдикализма.—Стачечное движение и рабочее законодательство до войны.—Французская социалистическая партия с момента объединения до начала войны.—Отношение синдикалистов и социалистов к милитаризму и войне . 290—322

II. Отличительные особенности французского рабочего движения до войны.

Революционизм, раздробленность, слабая организованность. Синдикализм.—Причины этих особенностей.—Истинная сущность синдикализма 323—330

IV. Французское рабочее движение во время империалистической войны и после нее.

Французская социалистическая партия и Всеобщая конфедерация труда во время войны.—Распадение французской социалистической партии в 1920 г. на две части: коммунистическое большинство и реформистское меньшинство.—Кратковременный расцвет ВКТ после войны и разложение после неудавшейся всеобщей стачки 1920 г.—Раскол во французском профессиональном движении. Образование Унитарной конфедерации труда.—Различные направления в УКТ и конгресс в Сент-Этьене.—Конгресс УВКТ в Бурже (ноябрь 1923 г.) и компартии в Лионе (январь 1924 г.).—Борьба за единство профдвижения. Съезды ВКТ и УВКТ в Париже в 1925 г. 331—349

I. Мелнобуржуазный период германского рабочего движения.

Политический и экономический строй Германии в первой половине XIX в.—Тайные заграничные общества и ремесленный социализм.—Вильгельм Вейтлинг и его учение.—Развитие промышленности и голодные бунты.—Революция 1848 г. и рабочее движение этого периода.—Шульце-Делич, его учение и деятельность 353—369

II. Зарождение пролетарского рабочего движения.

Промышленное развитие Германии в период 1850—1870 гг. Партия прогрессистов и рабочие.—Проект созыва съезда рабочих в Лейпциге.—Фердинанд Лассаль, его учение и деятельность.—Лассальянцы и эйзенахцы.—С.-д. партия при законе о социалистах.—Карл Маркс и его учение.—Международное товарищество рабочих, или I Интернационал.—Зарождение профессиональных союзов.—Взгляд К. Маркса на профессиональное движение.—Профессиональное движение до 1890 г. 370—444

III. Германская социал-демократия с 90-х годов до 1914 г.

Расцвет партии после отмены закона о социалистах и состояние ее до войны (организация и печать).—Ревизионизм Эдуарда Бернштейна.—Партейтаги 1890—1913 гг.—Профессиональное движение (1890—1914 г.).—Отношения между профсоюзами и партией.—Стачечное движение.—Социальное и фабричное законодательство.—Кооперативное движение.—Отличительные черты германского рабочего движения.—Второй интернационал. 445—503

IV. Рабочее движение в Германии во время войны и после нее.

Отношение германской социал-демократии к вопросам милитаризма и войны.—Профессиональные союзы и рабочее движение во время войны.—Германская революция (8 ноября 1918 г.).—„Деловое объединение“, или диктатура капитала вместо диктатуры труда.—Поражение революции.—Профессиональное движение после войны.—Коммунистическая партия и развитие революционного направления в профсоюзах.—Фабзавкомы. Контрольные комиссии. Пролетарские сотни.—Оккупация Рура и пассивное сопротивление.—Результаты пассивного сопротивления для пролетариата и августовская (1923 г.) стачка.—От августовской стачки до октябрьского движения.—Блок коммунистов с соц.-демократами в Саксонии и Тюрингии. Гамбургское восстание и его поражение.—Съезд германских профсоюзов в Бреславле (1925 г.). Хозяйственная демократия.—От социал-реформизма к социал-фашизму 504—558

Л и т е р а т у р а 559

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ПОЛНОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящем издании произведены следующие изменения: во-первых, во всех отделах сделан ряд исправлений и дополнений, в особенности в тех местах, где изложение носит слишком конспективный характер; во-вторых, для согласования настоящего издания с программами по обществоведению дан новый параграф с полным изложением истории II Интернационала; в-третьих, в отделах I и III прибавлено по новому очерку, доводящему изложение до 1929 г.

30 июня, 1929 г.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Девятнадцатый век называют веком капитализма, потому что с изобретением машин и паровых двигателей в конце XVIII и начале XIX в. промышленный капитализм начинает быстро развиваться сначала в Англии и Франции, а потом и в других странах Европы и остальных частях света. Но в такой же степени XIX в. можно назвать веком рабочего движения, ибо классовое рабочее движение возникает вместе с возникновением промышленного капитализма, вместе с ним развивается и крепнет, организуя рабочих всех стран в мощную армию интернационального пролетариата для борьбы с капиталистическим строем.

В рабочем движении всех стран можно заметить две стороны. Рабочие, во-первых, борются с капиталистами за свои повседневные нужды, за улучшение условий труда, прежде всего за более короткий рабочий день и более высокую заработную плату, это — экономическая сторона рабочего движения. Рабочие, во-вторых, борются с буржуазией за политическую власть, стремясь овладеть ею и установить диктатуру пролетариата, чтобы уничтожить буржуазно-капиталистический строй и подготовить переход к коммунизму, это — политическая сторона рабочего движения.

Для отстаивания своих экономических нужд рабочие объединяются в профсоюзы, создают кооперативы; для политической борьбы образуют политические партии. Профессиональное, кооперативное и политическое движение рабочего класса суть три ветви единого рабочего движения. Но если мы присмотримся к истории рабочего движения, то увидим, что в каждой стране оно имеет свои особенности.

Так, в английском рабочем движении борьба профессиональных союзов за повседневные экономические нужды (тред-юнионизм) преобладает над политической борьбой, которой отведено второстепенное место. Во французском рабочем движении, наоборот, на протяжении почти трех четвер-

тей XIX в. преобладала политическая борьба (главным образом, революционная), и только с конца XIX в. развилось мощное профессиональное движение с анархической окраской (синдикализм). В германском рабочем движении, в котором политическая сторона (в форме парламентской борьбы) долгое время преобладала над экономической, к концу XIX в. обе стороны, наконец, были соответствующим образом согласованы и стали развиваться равномерно.

Некоторые буржуазные писатели старались объяснить особенности рабочего движения каждой из указанных стран особенностями характера народа. Так, по их мнению, уравновешенные, хладнокровные англичане, отличающиеся практической складкой, стремятся путем наименьших жертв достичь возможно больше выгод для настоящего, не увлекаясь мечтами о далеком будущем. Наоборот, пылкие, увлекающиеся, нетерпеливые французы, неспособные на долгое ожидание, стремились (к сожалению, лишь в прошлом) сразу, одним ударом покончить с существующим строем. Наконец, методичные, рассудительные немцы, привыкшие основательно и философски мыслить, систематически работать и неуклоно, хотя и медленно, идти к цели, создали рабочее движение, в котором все стороны соответствующим образом связаны и согласованы, и теорию, в которой все проявления этого движения надлежащим образом изучены и объяснены.

Нельзя отрицать, что каждый народ имеет особенности характера, зависящие от исторических и естественных условий, в которых сложилась его жизнь, и что эти особенности известным образом отражаются на всех проявлениях народной жизни. Но не этим, в конечном счете, можно объяснить особенности рабочего движения в той или иной стране. В конечном счете, как мы увидим, эти особенности зависят от экономических и политических условий борьбы рабочего класса, т. е. от того, насколько быстро и успешно развивался в стране капитализм, существовала ли в ней политическая свобода, или за нее приходилось бороться, каковы были отношения между крупной промышленностью и мелкой, между промышленностью и земледелием, городом и деревней и пр.

Излагая историю рабочего движения в Англии, Франции и Германии, мы постараемся осветить причины, благодаря которым это движение в каждой из указанных стран приняло тот или иной характер. Внимательное рассмотрение фактов покажет, что, несмотря на все особенности, рабочее движение всех трех стран ведет к одной великой цели — водворению социализма и коммунизма.

О Т Д Е Л П Е Р В Ы И

А Н Г Л И Я

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

Промышленный переворот и возникновение пролетариата. Три периода в английском рабочем движении

Еще около 200 лет тому назад (приблизительно до середины XVIII в.) Англия была страной, главным образом, земледельческой. Промышленность носила ремесленный и кустарный характер; в кустарном производстве изготовление из сырья разных продуктов производилось на дому земледельцем ручным способом в свободное от полевых работ время; с другой стороны, рабочие-специалисты, каковы: прядильщики, ткачи, рабочие по металлу, жившие вне городов, в свободные от своих занятий часы обрабатывали часто небольшой земельный участок, свой собственный или арендный.

Положение дел коренным образом изменилось вместе с изобретением машин ¹⁾. В 1767 г. Харгрэвс изобрел механическую прялку (названную им «Дженни» в честь своей

¹⁾ В своих «Заметках о влиянии мануфактурной системы», изданных в 1815 г., знаменитый утопист Роберт Оуэн пишет: «Те, которые были заняты в промышленности, мануфактуре или торговле 30 или 40 лет тому назад, составляли довольно незначительную часть богатства, политического влияния и населения нашей империи. До этого периода Британия была, главным образом, земледельческой страной. Но с этого момента до настоящего времени внутренняя и внешняя торговля возросли у нас столь необычайно быстро, что подняли эту отрасль национальной деятельности (т. е. хлопчатобумажную промышленность) до такой высоты, до которой она ранее не достигала ни в одной стране, владеющей такой политической мощью и влиянием. Но данным актом о народонаселении в 1811 г. следует, что из всего населения земледельцы составляют приблизительно $\frac{1}{3}$. Эта перемена является, главным образом, результатом механических изобретений, водворивших в нашей стране хлопчатобумажную промышленность, и широкого культивирования хлопчатобумажного кустарника в Америке». («Автобиография Роберта Оуэна» — «The Life of Robert Owen written by himself» т. I А, стр. 37).

дочери). При помощи этой машины один рабочий мог одновременно работать на 10—12 веретенах; но вскоре усовершенствование ее дало возможность работать одновременно на 80 веретенах. В 1769 г. Аркрайт изобрел ватерную машину, т. е. прядильную машину, приводившуюся в движение водой. В 1779 г. Кромптон изобрел мюль-машину, сочетав прялку «Дженни» с ватерной машиной; важная особенность изобретения Кромптона заключалась в том, что его машина давала чрезвычайно тонкую и в то же время достаточно крепкую нить, что обеспечивало изготовление тончайших сортов хлопчатобумажных тканей (муслин). Высшим усовершенствованием в области прядения была самодействующая тонкопрядильная машина Робертса (сельфактор), получившаяся в результате приспособления к машине Кромптона автоматического двигателя, благодаря чему веретенные станки стали приводиться в движение без посторонней помощи; труд прядильщика благодаря этому сводился к наблюдению за ходом машины и связыванию разорванных нитей (впрочем, это изобретение относится уже к 30-м годам XIX в.). В 1785 г. Картрайт изобрел механический ткацкий станок, ускоривший производство тканей в такой же степени, в какой ранее изобретение Харгрэвса ускорило производство пряжи. Впрочем, широкое применение станок Картрайта получил только три десятилетия спустя, благодаря существенным усовершенствованиям, произведенным в нем Радклифом и Хорроксом. Но самым замечательным изобретением была паровая машина, сооруженная Джемсом Уаттом в 1782 г., давшая могучий и дешевый двигатель для всех видов машин. Одновременно с этим произошли крупные технические усовершенствования в других отраслях промышленности, в особенности в добывании и обработке железа. Для устройства машин и других фабрично-заводских приспособлений требовалось много металла, в особенности железа; для приведения в действие паровой машины, для выплавки иковки железа нужно было много горючего материала, между тем к этому времени в Англии лесов осталось мало. Но здесь на помощь развивавшейся машинной промышленности явились природные богатства страны в виде громадных залежей железа, а в особенности каменного угля, в технике добывания и употребления коих с середины XVIII в., как уже было упомянуто, были сделаны большие успехи ¹⁾. Наконец, в путях сообщения произошел коренной

¹⁾ В 1735 г. Дерби изобрел способ добывания чугуна надлежащего качества (не хрупкого) из железной руды посредством выплавки на ка-

переворот благодаря изобретению железной дороги и парохода, проведению (еще раньше этого) густой сети шоссейных дорог и нескольких крупных каналов.

Все эти усовершенствования привели к тому, что в Англии в очень короткое время было построено много фабрик и заводов; изготавливаемые на них продукты были гораздо дешевле продуктов, изготавливавшихся ручным способом кустарями и ремесленниками. В результате фабрично-заводская промышленность стала постепенно вытеснять ремесленное производство и мануфактуру, отнимая у них одну за другой целые отрасли.

Однако развитие фабричной промышленности не могло бы принять значительных размеров, если бы экономическое развитие не обеспечило новым предприятиям достаточного количества рабочих рук. Этот процесс шел двумя путями. С одной стороны, развитие крупного производства, как мы только что сказали, вело к разорению самостоятельного мелкого производителя. Вместе с изобретением машин и возникновением фабрик и заводов кустари и ремесленники окончательно оторвались от земледелия. Их мелкие земельные участки сосредоточились в руках крупных арендаторов. Точно так же земледельцы и деревенские рабочие лишились своих вспомогательных заработков, так как ручная прялка, бывшая в XVIII в. главным источником подсобных заработков крестьянской семьи, не могла выдержать конкуренции с машиной. Все эти массы пролетаризованных кустарей и мелких земледельцев представляли собой богатый источник рабочих рук для возникавших фабрик и заводов.

С другой стороны, происходило ограбление крестьян крупными землевладельцами - лордами, известное в истории под названием аграрного переворота, или обезземеления крестьян. Громадный спрос на шерсть еще с начала XVI в. сделал очень выгодным овцеводство, вследствие чего земельные собственники (лэндлорды) стали огораживать под пастбища поля, до сих пор бывшие в общественном пользовании, подрывая и уничтожая таким образом мелкое землевладение. Процесс огораживания, ослабевший

менном угле с примесью негашеной извести. В 1784 г. Картом был открыт способ быстрого массового добывания железа из чугуна путем пудлингования вместо прежней, дорого стоившей кустарной переработки на древесном угле. Еще гораздо ранее, в 1740 г., Хёнтеман изобрел способ тиглевого изготовления стали. Все эти усовершенствования создали возможность дешевого и массового производства чугуна, железа и стали на каменном угле.

в XVII в., еще более усилился с середины XVIII в., когда к выгодам от овцеводства присоединились выгоды от производства сельскохозяйственных продуктов для городских центров, которые стали возникать и расширяться вместе с ростом промышленности; собственники, чтобы сосредоточить в своих руках побольше земли, сгоняли мелких арендаторов с нажитых мест ¹⁾, скупали участки у слабосильных хозяев, добивались уничтожения общинного землевладения путем парламентских актов. Не мало содействовала уничтожению мелкого землевладения скупка земель у слабосильных крестьян разбогатевшими промышленниками, так как с крупным землевладением были связаны значительные политические права (возможность пройти в члены парламента) и почетные должности в уезде; впоследствии произошли улучшения в земельной технике благодаря применению к земледелию открытий химии, а позже — земледельческих машин, благодаря чему крупное земледелие стало гораздо производительнее и выгоднее мелкого. Все это привело к концентрации земельной собственности, т. е. к сосредоточению крупных земельных участков в руках немногих владельцев, и к тому, что массы обезземеленных крестьян устремлялись в города в поисках работы, увеличивая и без того обширные кадры наемных рабочих; а это в свою очередь содействовало дальнейшему расширению фабрично-заводской промышленности.

Переворот в промышленности и земледелии привел таким образом к следующим двум результатам: во-первых, к образованию многих крупных городов, где сосредоточилась промышленная жизнь страны, принявшая характер крупного фабрично-заводского производства, во-вторых, к образованию обширного класса пролетариата, т. е. класса рабочих, лишенных орудий производства, оторванных от земли и живущих только продажей своего труда.

Все писатели, касающиеся в своих сочинениях жизни английских рабочих, единодушно сходятся на том, что вскоре после промышленного переворота положение трудящихся классов в Англии сильно изменилось к худшему. До промышленного переворота английский труженик, полужемледелец-полурабочий, жил не только не ведая нужды, но даже в некотором довольстве, в здоровой обстановке деревни, пе-

¹⁾ К. Маркс рассказывает историю знаменитой «очистки» поместий графини Соутерландской в 1810—1820 гг., сопровождавшейся изгнанием 15 тыс. чел. коренных обитателей страны и обращением громадного имения, занимавшего почти целое графство, в несколько десятков крупных ферм, предназначенных исключительно для разведения овец.

переходя от занятия своим ремеслом к хозяйственным работам на своем маленьком земельном участке, всегда в кругу своей семьи, дружно сплоченной вокруг своего главы ¹⁾). Но по мере развития капитализма положение рабочих становится все хуже и хуже.

В первые годы после изобретения машин, вследствие необычайно быстрого роста промышленности, спрос на рабочие руки сильно повысился, а потому заработная плата некоторое время стояла на довольно высоком уровне. Но это продолжалось очень недолго, и вскоре обстоятельства круто изменились. Согнанные со своих земельных участков мелкие землевладельцы и начавшийся прирост населения среди самого рабочего класса сильно расширили кадры пролетариата, и заработная плата стала падать. К этому присоединилось расстройство дел, вызванное долголетней войной с Наполеоном, и безработица вследствие перепроизводства товаров. Первое двадцатилетие XIX в., по словам Т. Роджерса, было самой злополучной эпохой в истории рабочего класса; другие писатели называют ее «эпохой отчаяния». Заработная плата была так низка, что ее приходилось дополнять из налога в пользу бедных. Так как фабричный труд не требовал продолжительной выучки и большого физического

¹⁾ Писатель Дефо в своем «Путешествии по всему острову Великобритании» (1727 г.) следующим образом описывает хозяйства сукноделов:

«Земля близ Галифакса была разделена на небольшие огороженные участки от 2 до 6 и 7 акров каждый, редко больше. Каждые три-четыре участка имели при себе усадьбу. Отдельные дома стоят почти всегда на расстоянии человеческого голоса один от другого... Во всяком доме можно видеть раму для натягивания сукна и почти на каждой раме — сукно, каразею или shalloon (тонкая шерстяная материя)... Всякий порядочный по размерам дом был мануфактурой... Всякий суконщик держит по меньшей мере одну лошадь, на которой ездит с своим товаром на рынок; всякий имеет одну-две коровы и даже более для прокормления семьи. Таким образом, почти весь маленький участок огороженной земли вокруг каждого дома занят; зернового хлеба сеют едва столько, чтобы хватало на корм домашней птицы. Дома полны дюжих молодцов, — кто у красильных чанов, кто у ткацких станков, кто лощит сукно. Женщины и дети расчесывают шерсть или прядут. Все работают — от мала до велика... Не видно ни нищих, ни праздношатающихся» (цит. по книге А. Тойнби — «Промышленный переворот в Англии в XVIII веке»).

Описания зажиточности английских кустарей и мелких землевладельцев до промышленного переворота мы находим у А. Тойнби — «Промышленный переворот в Англии», у Ф. Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии» и у других авторов, писавших по этому вопросу, как, например, Ностич, Роджерс и др. Все сходится в том, что промышленная революция (подкрепленная аграрным переворотом) обездолила этих тружеников «вергнув их и ближайшие поколения их потомков в «бездну бедности».

напряжения, то во многих производствах взрослых мужчин заменяли женщинами и детьми. Работа женщин разрушительно действовала на семейную жизнь. Попечители о бедных, назначение которых было заботиться об улучшении участи бедняков, буквально продавали детей бедных рабочих на фабрики, где они с пятилетнего возраста работали по 14—15 часов и более в сутки в самой отвратительной физической и нравственной обстановке, понуждаемые к работе побоями ¹⁾. Впрочем, и взрослые рабочие трудились при обстановке, которая немногим была лучше рабства.

Получая ничтожную плату, рабочие жили скученно в самых плохих кварталах на окраинах крупных городов, в так называемых рабочих или «дурных» кварталах, где ютились подонки общества — мошенники, проститутки, воры, — в смрадных, тесных жилищах, дополняя скверное и недостаточное питание непомерным потреблением алкоголя. Еще в худших гигиенических условиях приходилось работать на фабриках, так как фабриканты пользовались безнаказанностью со стороны закона, не желавшего вмешиваться в отношения между работодателем и рабочим. При таких обстоятельствах рабочие становились жертвами преждевременного истощения, повальных болезней, дети умирали в младенчестве или нежном отроческом возрасте от изнурительных работ, женщины погибали от проституции ²⁾.

Вполне естественным ответом со стороны рабочих на все эти бедствия и истязания были ненависть и возмущение — ненависть против поработителей и эксплуататоров, возмущение против общественного строя, который не только не заступался за угнетаемых рабочих, но был всецело на стороне угнетателей-фабрикантов. Борьба рабочего класса против своих угнетателей, сначала разрозненная и неорганизованная, постепенно вылилась в могучее рабочее движение с теми особенностями, которые мы опишем ниже.

¹⁾ О варварской эксплуатации детей в эту эпоху много данных находим в сочинениях Оуэна, написанных в эпоху его агитации за принятие парламентом его законопроекта об улучшении участи детей, работающих на фабриках (см. его «Автобиографию», т. II, приложения), а также в «Докладе о показаниях, данных перед парламентской комиссией», назначенной при рассмотрении указанного законопроекта.

²⁾ О жизни английских рабочих в первые десятилетия XIX века см. Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии», преимущественно до главы VIII. О жизни рабочих в тот же период и позже, в середине XIX века, много красноречивых данных собрано в первом томе «Капитала» К. Маркса, в главе VIII, большей части XIII и второй половине главы XXIII. См. также Г. Ностиц — «Рабочий класс Англии», гл. VII, стр. 327 и далее.

Английское рабочее движение можно разделить на три периода. Первый период, от начала XIX в. до 1848 г., можно назвать периодом революционным (хотя применявшиеся в самом начале такие средства борьбы, как поджог фабрик и разбивание машин, имели регрессивное значение). Это — период непризнанных законом организаций, «голодных» стачек, период социальных опытов и социалистической проповеди отдельных личностей, наконец, период социально-политического движения (известного под названием «чартизма»), когда рабочий класс, действуя сначала заодно с радикальной мелкой буржуазией, а потом самостоятельно стремился сокрушить власть капитала и крупных земельных собственников. Второй период, от 1848 г. до 1880 г., — период профессионально-экономический или период чистого тред-юнионизма. В этот период рабочее движение обнаруживает односторонний уклон в сторону профессионально-экономическую, т. е. в сторону борьбы за частичные улучшения в положении рабочего, а не за изменение всего существующего строя, — тот односторонний уклон, который считается отличительной чертой английского рабочего движения в целом. Наконец, последний период, от 1880 г., может быть назван периодом нового тред-юнионизма и социалистических стремлений вследствие того, что с этого времени английское рабочее движение все более проникается тем социалистическим характером, которым проникнуто рабочее движение во всех остальных европейских странах. Впрочем, этот последний период можно подразделить на две неравные части: от 1900 г. по 1910 г., — когда социалистические тенденции в английском рабочем движении были еще сравнительно слабы, не оказывая почти никакого влияния на его теорию и практику, и от 1910 г. до нашего времени, когда социалистические тенденции начинают играть заметную роль в этом движении, захватывая все более и более широкие кадры организованных рабочих и развиваясь на таких же началах, как и в других передовых странах.

Промышленный переворот начался с введения машин. Машина овладевала одной отраслью производства за другой, и всюду, куда она проникала, прежние ручные рабочие принуждены были превратиться в фабричных рабочих или остаться без заработка вследствие невозможности конкурировать с дешевизной товаров, производимых машинным способом. Само собой понятно, что превра-

Борьба с машинами и стремление вернуться к старому. Движение „лэддитов“.

щение самостоятельного хозяина-кустаря в фабричного рабочего не могло произойти сразу и безболезненно. Во всех отраслях производства, куда проникала машина, дело обыкновенно начиналось с того, что кустарь постепенно терял работу, беднел, голодал. Тогда приходилось отправляться на фабрику самому, а иногда всем членам семьи. Переход от самостоятельной работы в приятной семейной обстановке на лоне природы к одуряющей, мертвящей обстановке подневольного фабричного труда был слишком резок и тяжел, чтобы первые поколения фабричных рабочих могли это перенести равнодушно.

Но злоба первых жертв капитализма обращалась не столько против виновников их угнетения — эксплуататоров-фабрикантов, не против политического и социального строя, который эти угнетения и эксплуатацию узаконял, сколько против машины, которая сама по себе являлась полезным, благодетельным изобретением, облегчая труд рабочего, делая этот труд во много раз производительнее. Впрочем, как можно убедиться из нижеизложенного, разрушение машин и фабрик в некоторые моменты принимает характер явно выраженной борьбы пролетариата против его эксплуататоров-капиталистов.

Возмущения против машин начались в Англии еще в XVII в. «В конце первой трети XVII в., — читаем мы в I т. «Капитала» Маркса, — ветряная лесопильня, построенная одним голландцем близ Лондона, пала жертвой бунта черни. Еще в начале XVIII в. лесопильные машины, приводимые в движение водой, лишь с трудом преодолевали в Англии сопротивление народа». Приходится с грустью констатировать, что даже изобретатели становились жертвой этой неосознанности рабочих. Так, изобретатель машины «Дженни» Джеймс Харгрэвс должен был бежать из своего родного города Ноттингэма от преследований толпы. Машина Аркрайта вызвала необычайные волнения среди народа; некоторые из построенных им фабрик были сожжены и разграблены. Другие рабочие, настроенные более миролюбиво, в количестве 50 тыс. чел. обратились против машины Аркрайта с петицией в парламент.

Против разрушителей машин и фабричных зданий был издан суровый закон, грозивший смертной казнью; но это не остановило движения, которое принимает особенно бурный характер в конце 70-х годов (XVIII в.) в наиболее промышленном графстве Ланкастер. Вот несколько строк из рассказа современника знаменитого в то время фабриканта Веджвуда об одном эпизоде из движения 1779 г.

«По пути сюда (в Болтон), после того как мы проехали Чоубент, мы встретили на дороге толпу в несколько сот человек. Я думаю, что их было не менее пятисот. На наш вопрос, по какому случаю они собрались в таком большом числе, они ответили нам, что только что разбили несколько машин и собираются сделать то же во всей округе... Окрестные рабочие собрали уже все оружие, какое только могли достать, и заняты отливкою пуль и приготовлением запаса пороха, чтобы завтра утром начать атаку...»

Толпа, встреченная Веджвудом, увеличенная еще несколькими отрядами рабочих, в тот же день попытались напасть на фабрику близ Чарлея, но встретила отпор и, не будучи вооружена, отступила, потеряв двоих убитыми и несколько человек ранеными. Но это не обескуражило рабочих.

«Они провели, — рассказывает Веджвуд, — все воскресенье и утро понедельника в собирании ружей и боевых припасов... Углекопы герцога Бриджватерского присоединились тогда к ним, затем еще другие рабочие, так что число их дошло, говорят, до 8 тыс. Эти 8 тыс. человек двинулись с барабанным боем и развернутыми знаменами на фабрику, от которой их отогнали в субботу» и разбили вдребезги оборудование, ценность которого исчисляется в 10 тыс. ф. ст.

«Так прошел понедельник; во вторник утром, раньше, чем покинуть Болтон, мы слышали их барабанный бой приблизительно в двух милях от города. Их нескрываемое намерение заключается в том, чтобы захватить город, затем — Манчестер и Стокпорт, двинуться оттуда на Кромфорд и разрушить машины не только в перечисленных местах, но и во всей Англии».

«В Кромфорде, — прибавляет к этому рассказу Манту (из книги которого мы цитируем вышеприведенные строки), — Аркрайт приготовился уже к обороне. Такие же беспорядки произошли одновременно в нескольких пунктах; фабрика набивных тканей сэра Роберта Пила в Олдтеме была взята приступом, машины разбиты и брошены в реку... Беспорядки были подавлены скоро и энергично; посланные из Ливерпуля войска без труда рассеяли бунтовщиков. Некоторые были схвачены, преданы суду и приговорены к повешению».

В 80-х годах были изданы дополнительные законы против разрушителей машин (в хлопчатобумажной и чулочной отраслях), но движение не прекращалось. Вторая сильная вспышка возмущения против машин началась в 1811 г. То был один из наиболее тяжелых моментов в жизни английского пролетариата начала XIX в. Англия переживала за-

тяжкую войну с Францией, результаты которой особенно сильно сказались в это время в виде кризиса в торговле, безработицы и чрезвычайного вздорожания продуктов. В связи с этим движение против машин, известное под названием движения «лэддитов», возобновляется и захватывает многие промышленные части Англии. Полагают, что во главе этого движения стояла тайная организация. Движение это первоначально было направлено против чулочных машин и вербовало своих сторонников среди рамочных вязальщиков, крайне недовольных фабрикацией нового дешевого сорта «образанных» чулок, что вело к уменьшению заработной платы и сокращению числа рабочих, вследствие применения новой широкой рамы. Одновременно движение было направлено и против кружевных машин, которые были введены незадолго перед тем и лишили многих рабочих их обычного заработка. Вскоре к этим категориям рабочих присоединяются рабочие шерстяной, хлопчатобумажной и других отраслей промышленности.

Вот что об этом движении рассказывает один буржуазный английский писатель: «Уже в 1811 г. начались несогласия между фабрикантами чулок и кружев и рабочими в юго-западной части Ноттингампшира и соседних с ними частях Дербшира и Лейчестершира. Результатом этого было скопище рабочих близ Сетони в Ашфильде. Скопище это среди бела дня разрушило вязальные и кружевные машины фабрикантов. Некоторые из зачинщиков этих беспорядков были арестованы и наказаны, и волнения несколько улеглись. Но разрушение машин продолжалось производиться секретно, где только представлялся к тому удобный случай. Кружевная машина имеет очень тонкую конструкцию, и одного удара молотка достаточно, чтобы вконец испортить ее; и так как работа на машинах производилась большей частью в отдельных зданиях, а нередко и в частных жилищах, то найти случай разрушить машину было совсем нетрудно. В окрестностях Ноттингэма, бывшего главным центром беспорядков, разрушители машин составили правильно организованные шайки. Они устраивали ночные митинги, на которых устанавливался определенный план дальнейших действий. По всей вероятности, для того, чтобы внушить к себе больше доверия, они распространяли слухи, что ими предводительствует некто Нэд Лэдд, или генерал Лэдд. Поэтому их и называли «лэддитами». Благодаря этой организации в течение зимы 1811 г. разрушение машин производилось в чрезвычайно обширных размерах. Между тем владельцы машин стали пе-

ревозить их из сел и уединенных помещений в города и помещать их в товарные склады. Лэддиты, однако, повидимому, не упали духом, и немного спустя мания разрушения машин снова возобновилась и быстро распространилась в северных и средних фабричных округах. Организация стала более тайной; заговорщики обязались клятвой повиноваться распоряжениям предводителей, измена же наказывалась смертью».

«Все машины, употребляющиеся в производстве полотна, коленкора и кружев, решено было уничтожить, и в течение многих лет царил полный террор. В Йоркшире заводы подвергались нападениям вооруженных бунтовщиков; многие из них были разрушены или сожжены, так что явилась необходимость охранять их войсками или милицией. Владельцы заводов были обречены на смерть; многие из них подверглись нападению, а некоторые убиты. Наконец, правительство приняло суровые меры. Многие лэддиты были арестованы, другие казнены, и спустя несколько лет движение было подавлено. К числу заводчиков, подвергшихся нападению лэддитов, принадлежал и сам изобретатель кружевной машины — Гиткот. Летом 1816 г. в его завод в Лофобру ворвалась толпа с факелами, подожгла завод и разрушила 37 кружевных машин и на 10 тыс. фунтов стерлингов товара. 10 человек были схвачены и 8 — казнены. Гиткот потребовал, чтобы графство вознаградило его за убытки; ему отказали. Но королевский суд решил дело в его пользу и заставил графство заплатить Гиткоту 10 тыс. фунтов стерлингов».

Как видно из приведенных нами описаний, борьба против машин временами превращалась в подлинную гражданскую войну, во время которой рабочие, доведенные до отчаяния своим бедственным положением, разрушали драгоценные для капиталистов орудия эксплуатации, а правительство, стоявшее за спиной последних, отвечало на действия рабочих казнями и каторгой. В 1812 г. парламентом был издан новый закон против лэддитов. За поимку главарей движения было обещано по 2.000 фунтов стерлингов. В 1813 г. полтора десятка рабочих с вождем движения Джорджем Меллором взойшли на эшафот. Но это не помешало тому, что в 1816 г. движение возобновилось с неменьшей силой¹⁾.

¹⁾ Некоторые подробности о движении лэддитов можно найти у Германа Шлютера в его «Чартистском движении», гл. II, стр. 14—27. «Лэддитское движение, — пишет Шлютер, — было первым широким движением современного пролетариата против общественных условий, порожденных развитием машинного производства... Оно было революционно, поскольку являлось выражением сопротивления нового обществен-

Нетрудно понять, что уничтожение машин было нецелесообразной формой борьбы труда с капиталом. Оно не могло привести ни к каким полезным результатам для рабочих; наоборот, на рабочих обрушивались тяжелые кары, а машины продолжали победоносно преодолевать все чинимые им препятствия. Впрочем, и сами рабочие, как мы видели, вскоре перестали смотреть на разрушение машин, как на действительное средство улучшить свое положение, т. е. вернуться к прежним способам производства. Разрушение машин превратилось у них в акт мести, стало проявлением озлобления и ненависти. Вот почему разрушение машин, поджоги и взрывы фабрик продолжают вплоть до середины XIX в., еще долго после того, как рабочие перешли к более правильным средствам борьбы с капиталистами, и совершаются обыкновенно из мести во время длительных стачек, когда ожесточение и озлобление измученных рабочих доходили до крайности. О некоторых случаях подобного рода еще в 40-х годах рассказывает Ф. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» ¹⁾.

Стремление вернуться к прежним способам производства еще долго держалось в тех отраслях промышленности, которые сохранили свой полуремесленный характер, так как рабочие этих отраслей еще не теряли надежды стать самостоятельными мастерами и хозяевами. Рабочие этих отраслей промышленности, лучше оплачиваемые и организованные, забрасывали правительство просьбами о сохранении прежних цеховых законов, ограничивающих число учеников в ремесленных заведениях, устанавливающих продолжительность рабочего дня и величину заработной платы. В начале XIX в. были случаи, что правительство удовлетворяло их ходатайства; так, несколько раз оно подтверждало старый закон о праве мировых судей регулировать заработную плату. Но по мере развития машинного производства правительство, поддерживавшее капиталистов, не только перестало удовлетворять подобные просьбы, но начало на них смотреть, как на «бунтовщические» действия.

ного класса против гнета, на который его обрекал ход вещей... Применявшиеся ими (рабочими) средства, формы их борьбы, были нецелесообразны, устарели. Но они ухватились за них: развитие не дало еще рабочим понимание того, что только профессиональная и политическая организация в состоянии освободить рабочий класс».

¹⁾ Еще в 1847 г., как сообщает Д. Кол (в своей «Истории рабочего движения в Англии»), четыре лидера профессионального движения в Шеффилде были обвинены в подстрекательстве к разрушению машин и приговорены к десяти годам ссылки. Приговор, впрочем, был отменен, так как была доказана несостоятельность обвинения.

«Действия рабочих в пользу сохранения или, вернее, восстановления старинного законодательства, — говорит в своих «Очерках» Тутан-Барановский, — были с самого начала обречены на неудачу, так как рабочие стремились остановить жизнь, задержать экономическое развитие страны путем законодательных постановлений, возникших на почве совершенно иных хозяйственных условий. Вместе с тем движение это свидетельствует о пробудившемся классовом сознании английских рабочих. И хотя непосредственная цель означенного движения достигнута отнюдь не была, тем не менее оно не осталось без очень важного результата: оно чрезвычайно содействовало укреплению и росту рабочих союзов — настолько же специфического продукта новейшего экономического строя, насколько выставленные рабочими требования отражали собой хозяйственные условия прежнего времени».

**«Голодные»
стачки**

Но фабричные рабочие вели одновременно борьбу и другим, более действительным, способом, а именно посредством стачек.

История английского рабочего движения начала XIX в. есть история стачек, которые английские рабочие вели с удивительным мужеством и упорством. Эти стачки известны под названием «голодных», потому что рабочие, объявляя стачку, обрекали себя и свою семью на нищету и голод, не имея надлежащей поддержки, вступая в борьбу с противником, несравненно более сильным, на стороне которого было все остальное общество, правительство и закон.

Капиталисты и правительство имели столько средств сломить стачку, что нужно удивляться не тому, что стачки так часто оканчивались неудачей, а тому, что рабочие при таких условиях репались на борьбу. Устраивая стачку, рабочие обыкновенно ставили недалеко от фабрики пикеты из двух-трех человек, чтобы предупредить нанятых на их место рабочих о происходящей стачке, чтобы воздействовать на них уговорами, а иногда угрозами. Но это считалось противозаконным, и стачечники за «заstraщивание» подвергались суровым карам. Если же предпринимателям и властям не удавалось прибегнуть к этой мере, то рабочие-стачечники привлекались к ответственности за действия «скопом» или по закону «о противообщественных заговорах». Под такой «заговор» была подведена и стачка лондонских переплетчиков в 1786 г. ради уменьшения рабочего дня на час, наборщиков газеты «Таймс» в 1810 г. и манчестерских ситцепечатников в 1819 г., протестовавших против приема слишком большого числа учеников; карой же была тюрьма до 2—3 лет.

В 1812 г. произошла знаменитая в истории английских стачек начала XIX в. стачка 40 тысяч ткачей. Поводом к этой стачке послужило следующее обстоятельство. За год перед тем несколько бумагопрядильщиков были обвинены в составлении союза и заключены в тюрьму, при чем судьи указали, что закон доставляет достаточную защиту рабочим, так как судьям принадлежит право и власть устанавливать размер заработной платы и разрешать споры между хозяевами и рабочими. Но год спустя предприниматели отказались подчиниться установленному судьями размеру заработной платы, и ткачи забастовали. Стачка продолжалась около трех недель; предприниматели уже готовы были вступить в переговоры с рабочими, но вдруг, по распоряжению правительства арестован был центральный комитет из пяти человек, руководивший стачкой. Члены комитета были приговорены к тюремному заключению от 4 до 18 месяцев; стачка окончилась неудачей. Таким образом правительство грубо пошло на тот самый закон, который от его имени раньше подтвержден был судьями, и рабочие принуждены были подчиниться незаконным требованиям хозяев.

«Просматривая газеты 1800—1827 гг., — замечают по этому поводу в своей «Истории тред-юнионизма» в Англии С. и Б. Вебб, — мы найдем там многочисленные свидетельства судейской несправедливости и варварства... так что становится понятным озлобление рабочих против этих несправедливых законов». Вполне понятно, добавим мы, что такое несправедливое, прямо гнусное отношение со стороны предпринимателей, правительства и судей к труженикам, стремившимся хоть сколько-нибудь облегчить свое положение, вызывало в рабочем классе ненависть и озлобление; оно толкало рабочих на крайние меры мести и террора, выражавшиеся в убийстве фабрикантов или штрейкбрехеров, в поджоге и взрыве мастерских и фабрик.

Несмотря, однако, на то, что стачки оканчивались большей частью неудачно, нельзя сказать, чтобы они не приносили значительной пользы в деле борьбы за повышение заработной платы и уменьшение длины рабочего дня. Дело в том, что стачки, даже окончившиеся неудачно для рабочих, часто приносили фабрикантам большие убытки, в особенности, если они происходили в период оживления спроса на рынке. Благодаря стачкам фабрикантам не удавалось выполнить в срок принятые на себя заказы; стачки расстраивали производство, заставляя нередко фабрики закрываться. Видя отчаянную решимость и необыкновенное мужество,

с какими рабочие устремлялись на борьбу, фабриканты очень часто уступали требованиям рабочих, не доводя дело до стачки.

Уже с первых шагов рабочего движения английские рабочие убедились, что более успешная стачечная борьба возможна только при поддержке, получаемой стачечниками от рабочих союзов, которые в Англии стали возникать с первых моментов зарождения капиталистической промышленности.

Зарождение профессиональных союзов Первые сведения о союзах среди рабочих в Англии появляются в начале XVIII в., когда предприниматели начинают жаловаться парламенту на существование «противозаконных и мятежных» обществ и союзов среди наемных рабочих.

По мере развития разделения труда, под влиянием усовершенствований в технике, ремесленник оторвался от заказчика и попал в зависимость от капиталиста. Но все же такой рабочий не переставал быть ремесленником, обрабатывая большей частью у себя на дому доставленный ему хозяином-капиталистом сырой материал или полуфабрикат. Таким образом создалась новая категория ремесленников не самостоятельных, а пролетаризированных — прототип будущих «обученных» рабочих. Возникновение кадров таких полупролетариев явилось основой для возникновения их объединений. Ясно, что такие объединения должны были прежде всего возникнуть в тех областях, в которых ранее всего произошла пролетаризация прежних самостоятельных мастеров. Один из первых примеров такого рабочего объединения представляет собой «Союз подмастерьев - портных Лондона и Вестминстера», возникший в самом начале XVIII в., когда разделение труда значительно развилось в портняжном деле. Одновременно с этим возникают союзы в шерстяной промышленности в западной Англии и восточных графствах: Глостере, Сомерсете и др., так как и здесь разделение труда (пряильщик, ткач, валяльщик, лошильщик и пр.) сделало прежних самостоятельных мастеров зависимыми от хозяев-капиталистов. По тем же причинам возникают союзы среди производителей крученой шерсти, ткачей шелка, чулочников, золотобитов. В конце XVIII в. появляются союзы в области обработки металлов, а вместе с превращением бумагопрядения в отрасль фабричной промышленности развиваются союзы и в этой области.

Все союзы подобного рода носили полулегальный характер. Хотя общего закона, запрещавшего союзы, не суще-

ствовало, но по жалобам предпринимателей парламент в каждом отдельном случае издавал запретительные постановления. Так, образование союза портных-подмастерьев вызвало в 1720 г. обращение хозяев в парламент с жалобой, что «подмастерья Лондона и Вестминстера в числе более 7 тыс. образовали союз с целью добиться повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня на один час; что сборища свои они устраивают в трактирах и со своих членов взимают большие денежные взносы». Парламент внял жалобе хозяев и издал указ, запрещающий портняжным подмастерьям объединяться. Точно так же по жалобе хозяев-суконщиков на чесальщиков шерсти и ткачей парламент в 1718 г. запретил всякие «незаконные клубы и общества» среди рабочих. Но все эти запреты не уничтожили союзов, которые продолжали существовать, нося полуполюгальный характер.

Характерные черты этих объединений были следующие: во-первых, они развивались преимущественно среди подмастерьев и «обученных» рабочих ремесленных и полуремесленных производств; во-вторых, они носили местный характер отчасти потому, что те или иные формы промышленности преобладали в той или иной местности, отчасти вследствие плохих путей сообщения и вследствие необходимости не давать широкой огласки своему существованию; в-третьих, это были объединения по ремеслам или, вернее говоря, по тем узким специальностям, на которые распались ремесла: отдельно организовались прядильщики, отдельно ткачи, валляльщики, ворсильщики; в-четвертых, цели их первоначально были узкими целями взаимопомощи (на случай болезни или похорон); но время от времени союзы разными способами производили давление на хозяев в смысле увеличения заработной платы или уменьшения рабочего дня.

Кроме того, для защиты интересов своих членов союзы эти прибегали к подаче петиций в парламент, причем они обыкновенно, как мы уже выше видели, просили парламент принять меры, чтобы соблюдались существующие законы (законы об ученичестве, об установлении заработной платы судьями), нарушавшиеся капиталистами, стремившимися к расширению производства и вербовавшими дешевые рабочие руки среди необученных рабочих; иногда просители ходатайствовали об издании новых законов, которые оградили бы их от изобретений и приспособлений, препятствовавших поддержанию «обычного уровня жизни».

Союзы возникали часто в результате стачек. Этот способ возникновения союзов наблюдается как на самой ранней ступени рабочего движения, так и в позднейшие времена.

Во время стачки рабочие имели обычай собираться в ближайшем трактире и выбирать стачечный комитет для руководства стачкой, для переговоров с фабрикантами, для сбора пожертвований. Если стачка кончалась победой, союз разрастался. К нему присоединялись другие рабочие той же отрасли производства или смежных отраслей, а иногда удавалось временно объединить рабочих той же отрасли производства во всей стране (национальные союзы). В случае неудачи союз быстро распадался; но и временное объединение не проходило бесследно для практики рабочего движения, так как создавался обычай, который, все более укореняясь, привел в конце концов к образованию прочных, длительных союзов. Наконец, не мало союзов образовалось из сознанный рабочими потребности в объединении, без которого успешная борьба рабочего класса немыслима.

**З а к о н п р о т и в
союзов (1799 г.).
Период подполь-
ного существо-
вания союзов**

Эпоха борьбы английских правящих классов с Великой французской революцией (1793—1815 гг.) была периодом крайне неспокойным в Англии, в которой было не мало сочувствующих революции. Сюда относились, главным образом, все те, которые пострадали в связи с промышленным переворотом, затем сочувствующая им часть демократической интеллигенции, далее учащаяся молодежь. За ними шли рабочие, страдавшие и от промышленного переворота, и от дороговизны предметов первой необходимости, и от войны. Все движение носило полуреволюционный характер. Главными требованиями были: всеобщее избирательное право и ежегодные парламенты. Всех недовольных объединяла ненависть к существующей форме правления самовластной и гордой аристократии. Чтобы правильнее вести борьбу, образовалось множество обществ и союзов, которые открыли свое действие по всей стране. Грандиозные митинги, основным ядром которых являлись рабочие, приняли угрожающий для правительства характер. В карету короля, ехавшего в парламент, был брошен камень, что некоторыми услужливыми газетами было изображено, как покушение на жизнь короля. Правительство издало несколько законов, ограничивающих свободу собраний (ограничительные законы против бунтовщических митингов). Это было в 1795 г.

Одновременно с этим происходили описанные выше волнения рабочих чисто экономического характера: разбивание машин, поджоги фабрик. Число союзов среди рабочих росло. Участились жалобы фабрикантов на «бесчинства и бунты» рабочих, поддерживаемые и подстрекаемые союзами. Тогда правительство издало в 1799 г. закон, запрещающий союзы в промышленности, подкрепленный в следующем 1800 г. дополнительными постановлениями. По этим законам запрещались союзы как рабочих, так и фабрикантов. Фактически, однако, фабриканты могли организоваться беспрепятственно. Что касается рабочих союзов, то правительство и предприниматели относились к ним различно, смотря по характеру союзов и их образу действия. Если рабочие не восставали против хозяев и для защиты своих интересов прибегали к ходатайствам и просьбам, то их союзы оставляли в покое; но лишь только рабочие замыслили стачку или заявляли требование о повышении заработной платы или об уменьшении рабочего дня, или иные «бунтовщические» требования, хозяева доносили на союз, и тогда начиналось преследование по законам 1799—1800 гг., результатом которого обыкновенно бывал приговор к году и двум тюрьмы.

А образ действия рабочих был различен в различных отраслях производства. В производствах, сохранивших полуремесленный характер, отношения между хозяевами и рабочими регулировались старыми законами об ученичестве, установлении заработной платы судьями и пр. Рабочие этих отраслей производства образовывали союзы, которые называли себя союзами «для придачи действительной силы закону»; эти союзы прибегали к защите суда или подаче прошений (петиций) в парламент. Правительство поэтому к ним первоначально относилось терпимо.

Совсем иное было положение фабричных рабочих прядильной и ткацкой промышленности, на стороне которых не было никаких законов и которые всецело были отданы на произвол предпринимателей. Вот почему в первой четверти XIX в. мы встречаем довольно сильные союзы среди портных, плотников, бочаров, типографов, щеточников, мебельщиков, шляпников, ситцепечатников, между тем как среди бумагопрядильщиков и ткачей союзы носят временный характер и быстро распадаются.

Впрочем, по мере того как машинный способ производства все глубже проникает в полуремесленные производства, они тоже теряют свои привилегии. Так, в 1814 г. отменяется

старинный закон об ученичестве, изданный в царствование Елизаветы (1558—1603 гг.); около того же времени отменяется закон о регулировании заработной платы мировыми судьями, и вскоре союзы в ремесленных и полуремесленных производствах начинают подвергаться преследованиям наравне с союзами фабричных рабочих. А каковы были эти преследования, можно судить по словам Фрэнсиса Плэса, одного из руководителей борьбы за свободу союзов (человека хотя и сочувствовавшего рабочим, но далеко не пролетарского мировоззрения), который в 30-х годах минувшего века писал: «Если бы можно было представить точный отчет о судебных процессах рабочих (в первой четверти XIX в.), то, несмотря на то, что с тех пор прошло немного времени, никто не поверил бы возможности такой грубой несправедливости, таких безобразных оскорблений и столь тяжелых наказаний» ¹⁾).

При таких обстоятельствах многие рабочие союзы предпочитали уйти в подполье, т. е. существовать тайно. Об этих тайных обществах сохранились предания устные и письменные. Вступление в общества, точно так же как и их заседания, было обставлено таинственными обрядами и церемониями, напоминающими о необходимости жертвовать собой для общественного блага; заседания происходили обыкновенно глубокой ночью, часто в лесу, при свете факелов, бумаги держались в ящике, который зарывался в землю. Всякий новый член при торжественной и устрашающей обстановке приносил клятву верности и преданности.

Позже (в 30-х годах) многие крупные союзы, каковы союзы строителей, сукошниц, чесальщиков, организовались на манер масонских лож с обрядами, заимствованными у старинных обществ «чудаков», перешедшими в позднейшую эпоху из первых тодов существования союзов, когда они подвергались беспощадному преследованию.

Само собой понятно, что период тайных союзов не мог содействовать широкому развитию организованности среди

¹⁾ Тот же автор, касаясь вопроса о преследовании союзов, пишет: «Рабочие изображались бессовестнейшей частью человечества... Это представление было так распространено, что когда рабочие судились за образование союза с целью регулировки заработной платы или рабочего времени, то, как бы ни было тяжело наложенное на них наказание, никто не испытывал ни малейшего сострадания к несчастным страдальцам. О справедливости не могло быть речи; редко удавалось им добиться, чтобы судья выслушал их без нетерпения и оскорблений, и никогда не могли они рассчитывать на сколько-нибудь разумный вывод из их показаний...» (цит. по «Истории тред-юнионизма» Веббов).

рабочих, ни должному развитию их самосознания. Страх преследования отпугивал большинство рабочих; необходимость конспирации (тайны) передавала все дела союза в руки немногих вожakov, которым прочие члены союза повиновались беспрекословно. Вот почему многие рабочие и их друзья понимали, что необходимо бороться за отмену законов, запрещающих рабочие союзы.

Одним из главных руководителей борьбы за свободу союзов был Фрэнсис Плэс¹⁾, владеец довольно крупной портняжной мастерской на одной из центральных улиц Лондона. Раньше, чем стать самостоятельным хозяином, он был подмастерьем и организовал рабочие общества в своем и других ремеслах. После 1818 г. он передал ведение мастерской своему сыну, сам же посвятил себя борьбе за отмену законов против обществ, потом борьбе за реформу избирательного права.

Причина, почему радикалы так были заинтересованы в получении рабочими свободы союзов, выясняется из рассмотрения всей совокупности классовой борьбы этой эпохи. Дело в том, что (как видно из дальнейшего, см. стр. 36—40) в период 1817—1820 гг. радикалы, опираясь на рабочих, вели борьбу за всеобщее избирательное право (готовые, впрочем, примириться, как показали впоследствии факты, на расширении избирательного права в пользу средних слоев буржуазии). Борьба эта окончилась неудачно. Радикалы, не оставившие надежды на возобновление этой борьбы, были заинтересованы в укреплении рабочего фронта, что давало бы им возможность (как это впоследствии и было) грозить упорствующей земельной аристократии выступлениями рабочих масс.

В первое время рабочие не оказывали Плэсу почти ни какой поддержки. Рабочие, испытывавшие на себе судебные преследования, не верили, чтобы парламент, где целиком господствовали капиталисты и крупные землевладельцы, способен был сделать что-нибудь в пользу рабочих. Другие рабочие подозрительно относились к вмешательству человека, который сам был предпринимателем. Кроме того, борьба была затруднена тем, что правительство в виду беспорядков, вызванных выступлениями рабочих, предводимых радикалами,

¹⁾ Фрэнсис Плэс — знаменитый радикал и активный политический деятель первой половины XIX в., друг Роберта Оуэна, хотя и расходившийся с ним в своих политических и социальных воззрениях. Кроме борьбы за свободу союзов, Плэс принимал активное участие в борьбе за избирательную реформу, проведенную в 1832 г.

за всеобщее избирательное право, издало в 1819 г. шесть законов, запрещающих митинги, дававших полиции право обысков и преследования газет и журналов.

Несмотря на все это, Плэсу удалось преодолеть недоверие рабочих, затем посредством агитации в газетах и среди членов парламента он склонил на свою сторону депутатов палаты общин радикала Дж. Юма и знаменитого впоследствии экономиста Мак-Келлока. В пользу свободы союзов он, между прочим, выдвигал следующий довод. Существование легальных союзов выгодно не только для рабочих, но и для предпринимателей, так как с рабочими, объединенными в союзы, легче сговориться; рабочие, дорожа своими союзами, более склонны к миролюбивому решению вопроса, чем при существовании тайных союзов, когда они целиком находятся под руководством тайных агитаторов, неограниченное влияние которых есть прямой результат существования запретительных законов. Стремясь склонить на свою сторону предпринимателей, Плэс даже доказывал, что свобода союзов поведет к их уничтожению, ибо до сих пор «объединение рабочих, их сплочение в тайные союзы являлось результатом давившего на них закона; с отменой этого закона исчезнут и союзы».

Была образована парламентская комиссия для исследования вопроса, и в результате Плэсу и его единомышленникам удалось провести в 1824 г. отмену запрещения рабочих союзов. Предприниматели подали протест в парламент против закона, который, по их мнению, грозил гибелью промышленности. Считаясь с этим протестом, парламент в 1825 г. внес несколько ограничений в закон 1824 г.

Согласно этому закону с поправками 1825 г. разрешались экономические объединения рабочих только для «урегулирования» вопросов о заработной плате и о продолжительности рабочего дня; все другие вопросы, касающиеся отношений между хозяевами и рабочими, исключались, и внесение их в деятельность союза каралось не менее, чем трехмесячным арестом; само собой понятно, что политические цели были абсолютно запрещены. Союзы не имели прав юридических лиц; это значило, что они не имели права иска в суде и, следовательно, не могли защищать перед судами покушений на их фонды и имущество, чем часто пользовались недобросовестные служащие и что служило препятствием для накопления капиталов. С другой стороны, закон 1824—25 гг. оставлял в силе запрещение «застрахования», т. е. борьбы с пугрейкбрехерством, постановление о противообществен-

ных заговорах», дававшее возможность правительству подвести то или иное выступление рабочих под политическое преступление; оставался также в силе средневековый крепостнический закон «о господах и слугах», согласно которому рабочий считался слугой, а работодатель его господином, при чем с таким взглядом на их взаимоотношения был связан ряд юридических последствий, крайне невыгодных и унижительных для рабочего ¹⁾). Но все же новый закон давал возможность многим союзам легализоваться (т. е. стать на законную почву) и свободно развивать свою деятельность, а также послужил толчком к образованию новых союзов. Как мы увидим дальше, еще долгая борьба предстояла рабочим, пока за ними не была признана свобода союзов без всяких ограничений.

**Профессиональ-
нов. движение
первых лет сво-
боды союзов
(1824—1832 гг.)**

Завоевание свободы союзов внесло чрезвычайное оживление в жизнь рабочего класса. Увлечение союзами охватило рабочих всех отраслей производства. Союзы организовались в большинстве отраслей, где их до сих пор не было или где существовавшие организации были слишком слабы. Главным агитационным доводом для организаторов служила ссылка на высокую заработную плату и короткий рабочий день, существовавшие в большинстве производств, где уже издавна имелись тайные союзы. За организацией союзов последовали стачки в защиту выставленных требований. И в этой области движение первоначально имело успех. Но вслед за промышленным подъемом 1825 г. наступил четырехлетний период промышленного кризиса. Тысячи рабочих в самых различных отраслях производства были выброшены на улицу. Множество безработных содержалось на средства частной благотворительности. В результате не только приостановилась дальнейшая организация профессиональных союзов, но многие из тех, которые успели возникнуть в период 1824—25 гг., замерли или распались. Говоря о движении этого периода, нужно отметить, что в 1825 г. была сделана попытка образования всеобщего объединения союзов. Таков был союз, основанный в Лондоне корабельным плотником Джоном Гастом под названием «Столичного комитета профессий». Целью его было — объединенными силами рабочего класса бороться против попытки нового применения устарелого закона о сообществах. При

¹⁾ Подробнее о законе «о господах и слугах» нами будет сказано дальше, когда будет идти речь о его отмене.

содействии этого комитета была основана «Профессиональная газета», обслуживавшая нужды трэд-юнионов и руководимая трэд-юнионистами.

Но лишь только с 1829 г. началось оживление в промышленности, оживилось и движение в пользу образования союзов. Пятилетие трэд-юнионизма, начиная с 1829 г., характеризуется стремлением к образованию обширных национальных и даже всеобщих союзов. Пропаганда вождей этого периода стремилась внушить рабочим, что только национальные объединения, т. е. объединения, охватывающие ту или иную отрасль промышленности во всей стране, и даже всеобщие объединения всех профессий способны сломить упорство капиталистов и помочь рабочим достичь поставленных целей. Ведя эту пропаганду, вожди указывали на неудачи, которые терпели в своей борьбе отдельные союзы, объясняя эти неудачи тем, что отдельные местные союзы были слишком малы и слабы в материальном отношении, чтобы вести самостоятельно борьбу с капиталистами.

Первые восприняли этот лозунг бумагопрядильщики, чему содействовал неудачный исход большой шестимесячной стачки бумагопрядильщиков в Гайде, недалеко от Манчестера. Вожди движения объяснили эту неудачу изолированностью союзов. Инициативная группа послала приглашения на делегатский съезд всем союзам бумагопрядильщиков в Англии, Шотландии и Ирландии. Одним из главных организаторов и агитаторов был Джон Догерти, секретарь манчестерского союза бумагопрядильщиков, в первый период своей деятельности призывавший рабочих к социальной революции. Национальный союз бумагопрядильщиков вначале действительно охватил всю Великобританию, но просуществовал в этих рамках недолго, превратившись спустя некоторое время в федерацию союзов Ланкаширского района.

Под влиянием агитации национального союза бумагопрядильщиков организовался в 1830 г. всеобщий рабочий союз под названием «Национальной ассоциации для защиты труда», объединявшей до двадцати отраслей труда и до 150 союзов, но, главным образом, опиравшейся на союзы, относящиеся к ткацкой промышленности. Число членов «Ассоциации», как полагают, достигало 100 тыс. Официальной целью ее была объявлена борьба с попытками понижения заработной платы. В движении принимал участие Фрэнсис Плэс, которого ассоциация просила помочь в деле

организации еженедельной большой газеты И, действительно, вскоре начала выходить газета «Голос народа» («Voice of the People») под редакцией Догерти. «Ассоциация» поддерживала стачечников, и это превлекло к ней симпатии широких слоев рабочих и сделало популярной во всей стране; к ней вскоре присоединились утлекопы, суконщики, горшечники и др. Газета «Ассоциации» «Голос народа» расходилась в количестве 30 тыс. экземпляров, что являлось цифрой колоссальной по тому времени. «Ассоциация» просуществовала до 1832 г. и распалась вследствие внутренних раздоров. Вместо общей ассоциации образовались национальные союзы и потом федерации союзов, охватившие несколько родственных отраслей производства. «Голос народа» перестал выходить; вместо него Догерти с января 1832 г. стал выпускать газету «Защитник бедняка» («Poor man's Advocate»).

Среди федераций, образовавшихся вместо общей ассоциации, замечателен союз строителей, в состав которого вошло семь более или менее родственных отраслей труда. Устав союза был заимствован из объединений франкмасонов. Здесь были большие и малые «ложи», великие мастера, целая система обрядов при приеме в число членов, предусматриваемая «книгой церемоний», мистическая обстановка: скелет, обнаженный меч, секира. Эти церемонии и вся мистическая обстановка приема в число членов и некоторых торжественных заседаний являлись пережитками прежнего времени тайного существования союзов; они были усвоены всеми национальными и вообще крупными союзами того времени и еще долго существовали в качестве почтенных традиций старого революционного периода тред-юнионизма.

Чтобы понять характер профессионального движения рассматриваемого периода, нужно принять во внимание, что в эпоху, о которой идет речь, рабочий класс принимал активное участие в полуреволюционном движении в пользу реформы избирательного права в парламент, а затем получил живительный толчок от коммунистической пропаганды Роберта Оуэна.

Участие рабочего класса в борьбе за избирательную реформу (1832 г.)

Англию искони считают страной политической свободы и народного представительства. Это не совсем верно. В Англии в начале XIX в. были зачатки политической свободы, и ее можно было назвать свободной

в сравнении с другими странами Европы, где, за исключением Франции, было беспросветное бесправие и рабство.

В Англии в те времена был уже парламент, где заседали выборные депутаты, были и свобода слова, и свобода собраний, хотя с многими ограничениями. Но вся государственная машина находилась в руках родовитых дворян и богатей капиталистов. Право избирать представителей в парламент принадлежало этой небольшой кучке дворян и богачей. По вычислениям писателей того времени, большинство палаты избиралось 15 тыс. чел., что, предполагая численность взрослого мужского населения в Англии, в ту эпоху равной 3 млн., составляло $\frac{1}{200}$ этого населения. С точки зрения этой кучки рабочие не только не считались гражданами, но не считались даже людьми; на них смотрели, как на скот, который привилегированные классы призваны держать в своем подчинении и эксплуатировать.

Одной из отрицательных сторон этой избирательной системы были так называемые «гнилые местечки». Так назывались городские поселения, когда-то получившие право выбора депутата и с течением времени обезлюдившие и пришедшие в упадок. Ряд таких местечек, в которых насчитывалось иногда не больше десятка избирателей, посылал депутатов, в парламент, между тем, как такие центры, как Манчестер, Лидс, Бирмингем, не имели этого права, так как в свое время не удостоились получить этой привилегии. Большинство «гнилых» и иных местечек находились на землях лордов и при выборах подчинялись воле своих господ.

Быстрое развитие промышленности после промышленного переворота выдвинуло вперед широкие кадры крупной и средней буржуазии, которая была недовольна существующим избирательным правом, отрезывавшим ей путь к власти. Не была довольна также и та более богатая часть промышленников, предприятия которых были расположены в местностях, лишенных права посылать представителей в парламент. К ним примыкали более сознательные элементы мелкой буржуазии и вся буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция.

Уже с конца XVIII в. представители указанных классов и групп начали агитацию за реформу избирательного права, но их выступления были безуспешны, не производя на правительство должного впечатления. Видя свое бессилие, вожди средней и мелкой буржуазии обратились за содействием к рабочему классу. Это было в тот период, когда машина, быстро расширяя область своего применения, выбрасывала на улицу все новые и новые кадры ремесленников и кустарей

я привлечением на фабрики женщин и детей лишила работы значительную часть взрослых мужчин. Привыкнув к вере во всемогущество государства и зная, что в минувшие времена правительство принимало меры ограждения и поощрения ремесла, эти кадры обездоленных тружеников, как мы выше указывали, обращались с петициями в парламент; основой этих петиций была только просьба—защитить их от разорения и голода, приносимых им натиском крупной промышленности; и они излагали в этих петициях те меры, которые, по их мнению, могли им помочь в этой борьбе. Но оказалось, что парламент переменял фронт. Став на защиту их врагов, он оставался глухим к их просьбам. Вот почему мысль о преобразовании этого учреждения, о замене лиц, стоящих у кормила правления, другими, более внимательными к народным нуждам, и даже представителями из собственной среды начинает встречать среди рабочих живой и широкий отклик.

Уже вскоре по окончании войны с Наполеоном знаменитый публицист той эпохи и радикал Коббет, остроумно и едко бичевавший антинародную политику правительства, начинает агитацию за всеобщее избирательное право и годовичные парламенты. Сюда присоединяется также требование отмены хлебных законов ¹⁾. Агитация захватывает широкие круги пролетариата и мелкой буржуазии. Начинается полуреволюционное движение — грандиозные митинги под открытым небом, политические демонстрации с знаменами, на коих надписи выражают главные требования демонстрантов. Вследствие запрещения объединений рабочие союзы собираются ночью, в лесу, при свете факелов, документы и протоколы прячутся в потайных местах, участники собраний присягают в верности общему делу, причем нарушение присяги грозит им жестокими карами. То там, то здесь происходят открытые возмущения. В Лондоне в карету принца-регента был брошен камень.

В ответ на это полуреволюционное брожение правительство приостановило действие конституционных гарантий, т. е. законов, обеспечивающих гражданам основы политической свободы; изданы были исключительные законы против печати, запрещены собрания, расширены права судей по

¹⁾ Т. е. законов, изданных парламентом после войны с Наполеоном в пользу крупных землевладельцев и имевших целью удержать высокие цены на хлеб. Подробнее о хлебных законах см. дальше соответствующий параграф.

производству обысков и арестов и пр. Так как исключительные законы были изданы на два года, то по прекращении их действия агитация в стране возобновилась в еще более широких размерах. Радикалы перенесли агитацию из Лондона в промышленный центр — Манчестер. В августе 1819 г. на лугу Питерлоо, близ Манчестера, был назначен митинг под открытым небом. Собралось до 80 тыс. чел., преимущественно рабочих; развевались знамена с надписями «всеобщая подача голосов», «права человека», «долой хлебные законы» и пр. Но в ту минуту, когда выступил популярный оратор Гент, в толпу врезалась стоявшая недалеко милиция, подкрепленная отрядом гусар. Произошло побоище. 14 человек было убито и более 600 ранено и изувечено. Даже лондонские кулцы протестовали против «резни при Питерлоо» «во имя прочно установившихся прав англичан собираться для обсуждения общественных неурядиц». После этого правительство вновь издало исключительные постановления, так называемые шесть пунктов, прозванные законами «для зажимания рта».

Движение на некоторое время затихло, но с неменьшей силой возобновилось к концу 20-х годов. В марте 1831 г. либеральное министерство внесло в палату общин законопроект о реформе избирательного права, или билль о реформе. Этот билль немного улучшал избирательное право, открыв доступ в число избирателей средней буржуазии и некоторой части мелкой, главным образом сельской (фермерам, арендаторам). Таким образом основная масса рабочих и новым законопроектом не допускалась в число избирателей. Между тем палата, рассмотрев билль, отклонила его, находя его слишком радикальным. Брожение в стране усиливалось. Более сознательные рабочие, с деятельным учеником Оуэна Ловеттом во главе, основали «Национальный союз рабочего класса» (так называемые «ротундисты»), выдвинув требование всеобщего избирательного права. В движении принял участие вышеназванный Фрэнсис Плэс, руководитель борьбы за свободу союзов. Радикалы (к которым принадлежал Плэс), отстаивавшие прежде требование всеобщего избирательного права, теперь готовы были примириться с куцой реформой. Тактика Плэса поэтому была направлена на поддержание билля и на противодействие слишком левым, по его мнению, требованиям «Национального союза рабочего класса». Он стремился привлечь рабочих уверением, что предложенный

либералами проект реформы, захватывая широкие демократические кадры избирателей, будет очень полезен для рабочего класса; с другой стороны, он старался запугать правящие сферы возможностью рабочей революции, для чего образовал «Национальный политический союз» с многими отделениями в провинции, руководимый и направляемый из центра ловкими агентами и агитаторами.

После первого провала в парламенте билля, предложенного самим министерством, парламент был распущен, и назначены были новые выборы. Толпа, руководимая деятелями «Национального политического союза» (радикалами), устраивала митинги и демонстрации, на которых голосами малосознательной части рабочих повторяла один лозунг, выдвинутый либералами: «билль, весь билль и только билль», заглушая требования более сознательных, но хуже организованных сторонников «Национального союза рабочего класса», сторонников всеобщего избирательного права. Билль вновь был внесен в парламент и вновь был отклонен. В Бристоле произошло настоящее восстание среди рабочих; войска в течение нескольких дней стреляли на улицах, было сожжено много домов. Здесь и в других частях страны рабочие вооружились, чтобы идти на Лондон в случае отклонения билля. Но даже при виде этого всеобщего народного возмущения верхняя палата (палата лордов) упорствовала в своем нежелании принять билль и только после давления со стороны министров и короны уступила.

Избирательная реформа 1832 г. расширила кадры избирателей из рядов промышленной буржуазии и более равномерно распределила депутатские места, усилив в результате удельный вес крупной буржуазии в управлении страной. Таким образом и здесь, как всюду в революционных движениях XIX в., рабочие своими руками «таскали каштаны из огня для буржуазии». О том, как отблагодарила за это рабочих английская буржуазия, необходимо сказать несколько слов. Если до избирательной реформы «опекать» народ считала себя призванной земельная аристократия, то теперь эту миссию возложили на себя капиталисты. Они приступили к управлению страной, по их выражению, «в пользу всего народа». Но раньше, чем перейти к этому вопросу, тесно связанному с движением, известным под названием чартизма, нужно остановиться на пропаганде Р. Оуэна, имевшей колоссальное влияние на все дальнейшее рабочее движение первой половины XIX в.

Роберт Оуэн, его
учение и филан-
тропическая дея-
тельность

Бедствия английских рабочих были так велики, что они находили себе сочувствие иногда в представителях других классов, стремившихся как-нибудь облегчить их положение. Среди таких немногих людей самым замечательным был Роберт Оуэн (1771—1858 гг.), проповедник коммунизма и основатель коммунистических общин, имевший значительное влияние на английское рабочее движение в первом его периоде и считающий родоначальником английского социалистического и кооперативного движений.

Р. Оуэн происходил из трудовой среды. Отец и брат его были шорниками. Сам он, по окончании сельской школы, служил приказчиком в различных торговых предприятиях. В девятнадцать лет Р. Оуэн вздумал попытать счастья на поприще фабричного предпринимательства. Ему повезло, и к двадцати семи годам он стал совладельцем очень крупной бумагопрядильни.

С ранней юности Р. Оуэн много читал, задумывался над бедственным положением рабочего класса и над несправедливостями окружавшего его социального строя, и у него выработался собственный взгляд на то, в чем причина этих бедствий и несправедливостей и как преобразовать современное общество, чтобы все были счастливы. Так как с деятельностью Оуэна связана целая эпоха в социальной жизни Англии, в частности ее рабочего движения, то мы остановимся на этой деятельности подробнее.

Обладая чувствительным сердцем, ясным умом и чрезвычайно сильным характером, Оуэн сумел стать выше узкоэгоистических классовых интересов английских промышленников и посвятил всю свою жизнь и значительную часть своего состояния борьбе за улучшение положения рабочего класса и за радикальное изменение существующего строя.

В приобретенной им в 1799 г., в компании с двумя другими крупными фабрикантами, фабрике в Нью-Лэнарке Оуэн вводит целый ряд улучшений в условия жизни и труда его рабочих, образовавших вокруг фабрики поселок в 2.000 — 2.500 чел. Он уменьшает рабочий день с 14 часов сначала до 12¾, а затем до 10½, увеличивает заработную плату своих рабочих, радикально изменяет их жилищные условия в гигиеническом и санитарном отношении и в смысле элементарного комфорта, организует снабжение их более доброкачественными и дешевыми продуктами, успешно борется с пьянством. Доставив своей целью перевоспитание

рабочих и видя в перевоспитании людей одно из главных средств реорганизации существующего строя, он открывает в Нью-Лэнарке воспитательное учреждение, где дает детям рабочих, начиная с 3-летнего возраста, воспитание в обстановке любви и чрезвычайного внимания, где учеба заменена игрой и беседами учителей с учениками, где все преподавание носит наглядный характер и происходит преимущественно на открытом воздухе, где очень видное место отводится развитию телесных сил и ловкости, музыке и танцам; наказание совершенно изгнано из воспитательного кодекса, так как наказание Оуэн считал крайне вредным как для наказываемого, так и для наказывающего. Цель Оуэна — воспитание рациональных людей, т. е. людей, мыслящих разумно, на основании фактов действительной жизни, свободных от всяких предрассудков и религиозных суеверий. Одним словом — создание поколения людей, которые были бы общественными в действительном смысле этого слова, а не себялюбивыми животными, какими являются современные люди.

Несмотря на то, что рабочий день в Нью-Лэнарке был значительно короче, чем на других фабриках, и вознаграждение рабочих было выше, доходы предприятия не уменьшались, и Оуэн выплачивал своим компаньонам прекрасный дивиденд. Таким образом Оуэн на практике доказал, что уменьшение рабочего дня до известных пределов не отражается на общей сумме произведенных продуктов, иначе говоря, уменьшение рабочего дня ведет к повышению интенсивности труда. К таким же результатам ведет повышение заработной платы и улучшение других жизненных условий, и в особенности умственного уровня и знаний рабочего. Этим он показал практический путь рабочему движению, и хотя его проповедь, обращенная к фабрикантам с предложением следовать его примеру, не имела успеха, но влияние этого практического опыта на взгляды радикально настроенных политических деятелей, экономистов и друзей рабочего класса было очень значительно.

В это же самое время Оуэн выступил с проповедью улучшения положения детей и подростков на фабриках и в мануфактурах. Положение детей, как мы выше указывали, было невыносимо. В кампании, поднятой по этому вопросу, Оуэн доказывал, что на многих фабриках работают часто пятилетние дети; он сам видел на одной фабрике трехлетнего малютку. Зимой работа таких детей начи-

нается и кончается при ночном освещении. Работа таких малюток заключается в том, что они собирают с пола рассоренный во время работы хлопок. Более взрослые дети работают у машин в качестве помощников старших, а потому работа их продолжается столько же, сколько работа старших. Обращение с детьми бессердечное. Дети гибнут физически и нравственно, так как поступают на фабрики безграмотными, без всякого духовно-нравственного развития и таковыми остаются. Оуэн подготовил законопроект об улучшении участи детей, который внес в парламент через своих друзей. Но тут он должен был убедиться в жестокости и крайнем эгоизме английских фабрикантов и в том, что парламент является покорным исполнителем воли господствующих классов и совершенно равнодушен к кровным интересам и страданиям угнетаемых и эксплуатируемых. Вся суть законопроекта сводилась к тому, чтобы запретить прием на фабрики детей до 10-летнего возраста, и чтобы работа малолетних, не достигших 18 лет, была ограничена 10½ часами, началась не раньше 5 часов утра и кончалась не позже 9 часов вечера, при этом не в счет рабочего времени дети полчаса должны были заниматься грамотой на средства фабриканта и в специально отведенном для этого помещении.

Этот скромный законопроект поднял на ноги всю фабрично-промышленную клику в парламенте и вне его. Были пущены в ход все средства, чтобы провалить его. Законопроект оспаривался и с принципиальной, и с экономической, и с политической сторон. Фабриканты доказывали не более и не менее, что этот закон крайне вреден для самих опекаемых им детей и их семейств, так как дети, не будучи заняты, будут развращаться, между тем как на фабрике они приучаются к труду и порядку, а большие семьи, лишившись заработка детей, впадут в нужду и должны будут обратиться к благотворительности; далее они ссылались на святость свободы договора, на то, что государство не должно вмешиваться в отношения между работодателем и рабочим, доказывали, что с введением в жизнь этого законопроекта английская промышленность сделается жертвой иностранной конкуренции, величие Англии померкнет, и Англия займет третьестепенное место среди европейских держав. Только блестящая и настойчивая защита законопроекта Оуэном предохранила его от полного провала. Фабриканты прибегли к другому средству: они заставили своих единомышленников в парламенте создать специальную комиссию для исследования во-

проса о положении детей на фабриках и, таким образом, отсрочить рассмотрение законопроекта на неопределенное время. В конце концов законопроект через четыре года после его внесения (а именно в 1819 г.) — и то в крайне изуродованном виде — стал законом: низший предельный возраст детей, принимаемых на фабрики, был установлен в 9 лет, работа малолетних до 16 л. (а не до 18 л.) ограничена 12 часами (вместо предлагавшихся 10½); предложение Оуэна о назначении фабричной инспекции для надзора за исполнением закона было отвергнуто.

Но значение этого акта или, вернее говоря, этой победы не должно быть умалено, так как им было положено начало фабричному законодательству в Англии ¹⁾, и Оуэн по справедливости должен быть назван инициатором этого законодательства (хотя закон этот называл законом Пия по имени внесшего его в парламент депутата).

Одновременно с этим Оуэн задается более широкими целями борьбы с безработицей и нищетой среди рабочих путем устройства поселков, где труд и жизнь безработных и бедных будут организованы на коммунистических началах. С подобным проектом он обращается к комитету парламента и к английскому правительству. С подобными мыслями он носился уже давно, но поводом к его выступлению послужили следующие обстоятельства политической и социальной жизни.

Еще с середины XVII в. Франция и Англия конкурировали за экономическое первенство. Сначала предметом раздора были колонии, которые каждая из них наперерыв стремилась захватить во всех частях света; потом, с изобретением в Англии машин и развитием промышленности, между обеими странами началось соперничество в этой области.

С целью сокрушить Францию, Англия в союзе с другими европейскими государствами вступила в борьбу сначала с французским революционным правительством, а потом с захватившим во Франции власть Наполеоном I. В конце концов Франция все же не устояла против соединенных сил всех европейских государств. В 1815 г. Наполеон был окончательно побежден европейской коалицией с Англией во главе. Франция была подавлена и унижена. Англия торжествовала. Но

¹⁾ Закон 1802 г. «относительно здоровья и нравственности учеников», отдаваемых в мануфактуры, есть придаток к законам о бедных и касаясь детей бедняков, отданных в учение приходами.

это не принесло английскому народу того благоденствия, которое ему сулили патриоты. Безработица и нищета достигли размеров небывалых. Бедствие усугублялось от вздорожания хлеба. Фабриканты массами рассчитывали рабочих, а прочим уменьшали заработную плату. Дело доходило до того, что заработную плату приходилось пополюнять из налогов в пользу бедных или из благотворительных сумм. Число лиц, получавших пособия из этих сумм или содержавшихся педиком на эти средства, доходило до 3 миллионов. Те, которые имели некоторый заработок, страдали от высоких цен на хлеб. Так как налоги на содержание бедных падали, главным образом, на недвижимость, то английская земельная аристократия, видя бесконечное увеличение безработицы, очень беспокоилась; беспокойство овладело также и фабрикантами, так как под влиянием безработицы, понижения заработной платы и других бед начались рабочие бунты, поджоги фабрик и покушения на жизнь фабрикантов. Была образована комиссия из самых выдающихся деятелей и экономистов для исследования вопроса о причинах бедствия и о средствах их исцеления.

В виду славы, которой Оуэн пользовался как знаток рабочего вопроса, он тоже был приглашен в комиссию, так как фабриканты к тому же полагали, что он обладает секретом укрощать рабочих. Он представил по волновавшему обществу вопросу доклад ¹⁾. В этом докладе Оуэн отвечает на недоумение государственных деятелей и экономистов, почему народ бедствует, когда война так счастливо окончена и выгодный мир заключен. С удивительной для того момента глубиной Оуэн объясняет происхождение безработицы и нищеты техническим и экономическим прогрессом. Технические изобретения, особенно развившиеся под влиянием военных потребностей, вытеснили живой труд. Машины сделали во многих отраслях человеческий труд излишним. Из благодеяния для труженика, какими они могли и должны были быть при правильной организации труда, машины превратились в его проклятие. Колоссальное производство продуктов, которыми наполнены амбары и склады и которые вследствие заключения мира не находят прежнего сбыта, привело к кризису и расстройству дел, с одной стороны, к безработице и нищете — с другой. Сожгите излишние продукты, — иронически заме-

¹⁾ «Доклад комитету Общества вспомоществования бедным, занятым в промышленности и земледелии, представленный в комитет палаты общин по вопросу о бедных в 1817 г.».

чает Оуэн,—и равновесие опять водворится на время. Пособия, оказываемые безработным из благотворительных сумм и налогов в пользу бедных, не только не достигают цели, но ведут к обратным результатам, а единственным выходом из бедственного положения, которое не есть временное явление, а будет постоянным, пока существует нынешний строй; он считает такую организацию труда безработных, при которой машины являются не вытеснителями живой силы для голода и нищеты, а пособиями ее и при которой безработные собственным трудом в избытке сумеют покрывать свои потребности. Оуэн предлагает детально разработанный план поселков, основанных на общности собственности и труда, и взывает к представителям господствующего класса и английского правительства, чтобы они взялись за проведение в жизнь его плана, уверяя, что они от этого только выиграют, так как и налоги в пользу бедных исчезнут, и рабочий класс станет лучше и добронравнее, получая в указанных общественных объединениях лучшее умственное и нравственное воспитание. Этим обращением к господствующим классам Оуэн в резкой форме обнаружил свой утопизм. Но английские промышленники и землевладельцы оказались более проницательными. Они поняли, что такая организация труда поведет к уничтожению их привилегий и подрежет тот сук, на котором они сидят, и отклонили предложение Оуэна.

Таким образом Оуэн здесь, как и в другом, ранее изданном сочинении «Новый взгляд на общество, или опыты об образовании характера», обнаружил свой утопизм или политическую наивность ¹⁾. Чтобы уяснить себе, в чем заключались сильные и слабые стороны проповеди и деятельности

¹⁾ Утопизм—мечтание о несбыточном; происходит от слова «утопия»—название фантастического рассказа Т. Мора, в котором описано путешествие на несуществующий остров (утопия по-гречески значит несуществующее место), население которого жило коммунистическим строем. Слово утопист прилагается к тем социалистам, которые, не уяснив себе достаточно внутренних пружин современного общества и сущности социально-экономического развития, в особенности сущности классовой борьбы, стремятся водворить социалистический строй по составленному ими рецепту, не опираясь на силу организованного пролетариата и надеясь достичь своей цели при содействии миллионера-благотелья, обращенного в социализм путем их проповеди, или при содействии деятелей из господствующих классов, увлеченных их пропагандой, или, наконец, путем захвата власти при содействии кучки заговорщиков организовавшихся в тайное общество.

Оуэна среди рабочего класса и, в частности, его утопизм, нужно сказать несколько слов о его учении и мирозерпании.

Еще со времени основателя буржуазной политической экономии Адама Смита (1723—1790 гг.) среди государственных деятелей, экономистов и промышленников, стал распространяться взгляд, что отдельные люди, будучи в своей хозяйственной деятельности предоставлены самим себе, наилучшим образом сумеют соблюсти свои хозяйственные интересы и, благодаря свободной конкуренции друг с другом, — также интересы всего общества. Такой взгляд вполне соответствовал интересам выступавшей на общественную и политическую арену крупной буржуазии, стремившейся, с одной стороны, избавиться от хозяйственно-политической опеки, унаследованной от времен феодально-иехового строя, а с другой — поработить слабого, незащищенного рабочего. Но подобная точка зрения, переносившая центр тяжести всей социально-политической жизни с общества на индивида, встретила убежденного и страстного противника в лице Роберта Оуэна. Наблюдая происходивший на его глазах промышленный переворот, Оуэн понял, что отдельная личность находится целиком во власти общественных сил и что если тот или иной капиталист, вооруженный денежными средствами и защитой государства, располагает известной свободой в своей хозяйственной деятельности, то подобный взгляд совершенно нельзя перенести на широкие рабочие массы. Обездоленного труженика, по взглядам Оуэна, нельзя считать ни кузнецом собственного счастья, ни ответственным за его неправильные или противозаконные поступки, на которые его толкают бедствия, создаваемые на его пути капиталистическим строем. Поэтому он выдвинул положение, что характер каждого человека с момента его рождения образуется окружающей его средой и что только преобразовав коренным образом среду, можно создать новую породу людей и водворить всеобщее счастье.

Эта идея и изучение основных движущих сил капиталистического общества привели его к выводу, что главными причинами, препятствующими водворению всеобщего счастья, являются основы современного и индивидуалистического общества, а именно: собственность, семья и религия и защищающее все эти учреждения государство. Оуэн едко и резко критикует все эти учреждения, противные разуму и природе человека и препятствующие водворению общности между людьми в противовес борьбе, резне и обману, парящим в со-

временном обществе. Оуэн с удивительной глубиной подчеркивает то обстоятельство, что для водворения всеобщего счастья важно не только изменение способа распределения благ, но изменение прежде всего способа производства. Этому препятствует частная собственность, владельцы которой стремятся к одному: к извлечению возможно больше выгод для себя лично, хотя бы это сопровождалось крайним ущербом для всех прочих членов общества. Он неоднократно повторяет (в особенности в своем произведении «Книга нового нравственного мира»), что при надлежащей постановке, т. е. при общности собственности, развитии образования всех людей и перевоспитания их на основах рационализма и взаимной любви и при расширении и углублении технических усовершенствований — производство может дать во много раз больше, чем необходимо для удовлетворения обычных потребностей. Современный брак Оуэн считает, с одной стороны, результатом частной собственности, а с другой — освящения и всемерной поддержки существующего строя духовенством всех категорий. «Человек, — шепчет Оуэн, — был до сих пор рабом троицы самых чудовищных зол: частной собственности, нелепых религиозных систем и брака, основанного на первых двух. Все усиливающаяся погоня за богатством, и обусловленный ею брак, все более отдаляют нас от природы и приводят к физическому и духовному вырождению... Современные брачные союзы, заключаемые священниками, составляют лишь случай богатству сочетаться с богатством...». Современная семья, по мнению Оуэна, является плохой средой для воспитания детей; родители — плохие воспитатели вследствие питаемой ими к детям эгоистической, чисто животной привязанности; семья развивает в детских сердцах чувство эгоизма. «Детей приучают считать свою семью за маленький собственный мирок, в котором постоянно повторяют: мой дом, моя жена, мое имение, мои дети, мой муж».

Что же мешает людям оставить этот строй бедствия и перейти к строю всеобщего счастья? На этот вопрос Оуэн отвечает: человеческое невежество и вековые заблуждения. Главным виновником невежества, суеверий и всех заблуждений Оуэн считает религию, которая сеет вражду и раздоры между разными народами и членами одного и того же народа, является причиной взаимоистреблений, резни и междоусобий, освящает неестественный современный брак, защищает собственность, преступления и бесчеловечность богатей, порождает ханжество, лицемерие и всевозможные явные

и скрытые пороки. Государство с его судами и тюрьмами, кодексом преступлений и наказаний, судьями, адвокатами и полицейскими специально существует для защиты богатых и притеснения бедных и слабых. Оно такое же следствие заблуждения и предрассудков, как и все прочие учреждения нерационального строя. Коммунистические общины нравственного рационального строя будут связаны экономической и нравственной взаимностью; они не будут нуждаться в государственной власти с ее системой преступлений и наказаний, потому что исчезнут причины вражды и преступлений.

Главным средством водворения нового разумного строя Оуэн считает проповедь истины, которая должна всем открыть глаза на выгоды коммунизма. Люди, понявшие выгоды нового строя, станут его сторонниками. Короли и министры боятся коммунизма только потому, что они не ознакомлены с сущностью нового строя. Проповедь истины и перевоспитание характера, — вот главные орудия мировой революции. Оуэн неоднократно повторяет и уверяет богачей и правительства, что коммунистические общины и весь строй «нового нравственного мира» можно водворить постепенно, так что они при этом не пострадают. Он был поэтому противником революционных средств и борьбы классов и призывал к нравственному просветлению.

Из изложенного ясно, что утопизм Р. Оуэна заключался в этой неосуществимой надежде своей проповедью сделать богачей и властителей сторонниками коммунистического строя, в его ни на чем не основанной надежде, противоречащей всем видимым фактам, примирить классовые противоречия. Впрочем, как мы увидим дальше, жестокая действительность заставила его на время отступить от своих взглядов и принять участие в классовой борьбе.

Вскоре после его выступления с вышеуказанным докладом он порвал с аристократами, богачами и государственными деятелями, на которых возлагал свои надежды. Последние убедились, что он совсем не такой безопасный мечтатель, как это казалось, в особенности после того, как он на митингах стал публично высказывать свои антигосударственные взгляды на религию и повторять их в печати. После этого весь аристократический мир от него отворачивается; да и он сам решает перенести свою деятельность на другое поприще.

При содействии нескольких единомышленников из среды богатых классов Оуэн основывает коммунистическую общи-

ну в Америке — Нью Хармони («Новая гармония»); две другие — Орбистон и Релегейн были основаны в Англии; несмотря на затраченные значительные средства, из коих самым Оуэном было затрачено до 400 тыс. руб., несмотря на проявленную им и его сторонниками энергию — общины, просуществовав недолго, распались, доказав наглядно, что и этот путь для осуществления коммунизма (основание коммунистических общин в среде капиталистического строя) утопичен. В период пребывания Оуэна в Америке, в Англии под влиянием пропаганды его последователей развивается среди рабочих кооперативное движение, о котором мы подробнее скажем дальше.

Роль Оуэна в рабочем движении

Избирательная реформа 1832 г., для которой рабочие так много пожертвовали, принесла пользу только крупной и средней буржуазии. Рабочие были разочарованы, так как реформа не дала им ни расширения политических прав, ни улучшения их материального положения. Одновременно с этим их угнетал кризис в промышленности и торговле. Рабочие от политики обратились к экономической и социальной борьбе. Они с тем большим вниманием отнеслись к проповеди Оуэна и оуэнистов, что последние были противниками политики. Рабочие поэтому устремились в проповедуемые Оуэном и его учениками кооперативное и профессиональное движения.

Сам Оуэн, разочаровавшись в помощи правительств и сильных мира сего для осуществления его коммунистических проектов и не видя успехов организованных им на свои собственные средства или при содействии своих богатых последователей коммунистических общин, охотно примкнул к рабочему движению, которое развивалось с большой силой под влиянием указанных условий момента.

Упадок торговли в период 1830—1831 гг. увеличил безработицу не только среди рабочих, но и ремесленников. Тред-юнионы, затронутые проповедью оуэнизма, начинают, с целью помочь безработным, основывать производительные товарищества. Но и производительные товарищества не имели сбыта для своих продуктов. Размышляя над тем, как помочь трудовому народу, Оуэн приходит к идее образования «банка справедливого обмена труда». Идея его в высшей степени проста (хотя и ошибочна). Исходя из того положения, что единственным верным и справедливым мерилom ценности является труд, Оуэн для избежания эксплуатации капиталистов и рынка, платящих производителям за их продукты зна-

чительно меньше, чем вложено в них труда, выдвигает проект учреждения, где работники могли бы обменивать непосредственно продукты своего труда в равной пропорции, избегая посредников. Этим способом был бы также создан рынок для сбыта продуктов, ибо сами рабочие-производители (т. е. ремесленники) явились бы потребителями продуктов своих товарищей из других отраслей труда. И вот в 1832 г. был основан обменный банк. Он первоначально имел большой успех; ремесленники несли в банк свои продукты и по справедливой оценке за вложенные в них трудовые часы получали равноценные нужные им продукты из банка. Но вскоре дело ухудшилось, и банк принужден был закрыться, ибо в его складах постепенно накопились продукты и товары, на которые спрос был ничтожен или совсем не было спроса. Таким образом, мы видим, что и эта попытка разрешить рабочий вопрос, оставляя нетронутым капиталистический строй в целом, кончилась также неудачей.

Оуэн и его последователи обратили свое внимание на тред-юнионы, которые, после кризиса 1825—1827 гг., опять стали развиваться, захватывая все новые и новые отрасли производства. Выше мы говорили о союзе строителей, который образовался в 1832 г. и был одним из наиболее передовых и активных союзов того времени. В 1833 г. на делегатском съезде этого союза выступает Оуэн. Он призывает рабочих действовать сплоченно и единодушно, ибо только таким образом рабочие могут достичь того, чтобы производимое ими богатство не переходило к эксплуататорам, а оставалось в их руках. Здесь же он развивает свои коммунистические планы, рисуя перед слушателями картины общего благополучия и счастья, заражая их своей уверенностью в самом скором водворении этого счастливого строя. Его речь вселяет энтузиазм в участников съезда, которые вместе с его учениками разъезжаются для пропаганды по всей стране. Но две большие стачки в Ливерпуле и Манчестере, окончившиеся неудачно, наносят тяжелый удар союзу.

В то же время Оуэн начинает агитировать за образование общего союза, охватывающего рабочих всех отраслей, в который союз строителей должен войти как часть. Агитация эта имела большой успех, и вскоре (в начале 1834 г.) был образован «Великий национальный консолидированный профессиональный союз» (Grand National Consolidated Trades Union), к которому один за другим стали примыкать союзы различных отраслей произ-

водства. Насколько велика была сила оуэновской пропаганды, видно из того, что «Великому союзу» удалось организовать самых отсталых и неорганизованных до сих пор земледельческих рабочих, образовавших «Союзы земледельческих батраков», а затем «Союз земледельческих и других рабочих»; наконец, агитация проникла даже в среду женщин-работниц, организовавших «Союз шляпных мастериц», «Союз портних» и пр. В общем, как передают источники этого времени, «Великий союз» в продолжение одного месяца успел привлечь до полумиллиона членов.

Каковы были цели этой организации? У союза не было ясно выраженной программы. Конечной целью, которую Оуэн ставил этому движению, было водворение коммунизма. Ближайшие цели определялись, как стремление к повышению заработной платы и понижению рабочего дня до таких размеров, чтобы рабочие в конце-концов получали полный продукт своего труда. В своей пропаганде Оуэн внушал рабочим, что они вправе стать собственными господами, что они вправе и в состоянии сами организовать производство как с технической стороны, так и со стороны личного состава и руководства предприятиями; что они отнюдь не нуждаются для этого в услугах капиталистов. В согласии с этой идеей построена организация союза. Он должен был охватить все существующие производства и промыслы, при чем рабочие каждой отрасли производства обрызгивали автономный отдел. Каждый отдел или «национальная компания» возьмет на себя заведывание и управление относящейся к ней производственной отрасли, получив в свое распоряжение принадлежащие к этой отрасли орудия производства. Так, земледельческий союз возьмет в свои руки владение землей, союз рудокопов — рудниками, союз ткачей — соответствующими фабриками и т. п. Землевладельцы и капиталисты, таким образом, станут излишними и будут устранены. Главным средством для водворения этого строя была объявлена всеобщая стачка. Необходимо подчеркнуть, что идея всеобщей стачки или «священного месяца» принадлежала не Оуэну, а его последователям.

Но хотя «Великий союз» ставил себе великие цели, однако, он принужден был считаться и с повседневной действительностью и реагировать на ту частичную, по временам мелкую борьбу, которая вызывалась потребностями текущей рабочей жизни. Следовавшие одна за другой забастовки потребовали от союза напряжения его финансовых средств. Союз хотя и

не был богат денежными средствами в виду незначительности и нерегулярности взносов, делаемых его членами, однако, из всех сил выбивался, чтобы оказывать «стачечникам» должную поддержку, зная, что неоказание поддержки может повести к выходу из союза той или иной организации. Преприиматели отвечали на стачки локаутом и требованием «документа»¹⁾. Буржуазные газеты раздували опасность, грозившую от «Великого союза». Как раз к этому времени организовались газовые рабочие, которые объявили стачку, державшую в продолжение нескольких ночей в темноте часть Лондона. В правящих сферах решено было, что пора взяться за союз. Так как все действия союза с формальной стороны были правомерны, то нужно было найти «законный» повод для репрессий. Для этого выкопали из старинного законодательства статью о запрещении «незаконной присяги» и на основании этой статьи арестовали 6 сельскохозяйственных рабочих из деревушки близ Дорчестера; их обвинили в том, что, вербуя членов для своего союза, они приводили их к «незаконной» присяге. Присяга эта, как мы выше указывали, существовала во всех союзах, что было хорошо известно правительству; это был простой обряд, как и все прочие обряды при приеме в союзы, одна только театральная церемония, в которой не было и тени преступления. Так оценивался этот факт даже широкими слоями буржуазного общественного мнения. И все же 6 дорчестерских рабочих были приговорены, с невероятной даже для того времени суровостью и жестокостью, к 7 годам ссылки. Под влиянием этого приговора союз, который начал было уже распадаться, на некоторое время ожил; началась широкая кампания протеста против бесчеловечного приговора, сопровождаемая манифестациями, большими митингами, в парламент посыпались петиции, но власти остались глухи, и приговор был приведен в исполнение, т. е. осужденные были отправлены в ссылку. Однако, под давлением общественного мнения правительство через два года помиловало сосланных, и они получили возможность вернуться. Вскоре после дорчестерского приговора «Великий союз» окончательно распался на свои составные части, при чем некоторые союзы совершенно распались под натиском объединившихся фабрикантов, увольнявших рабочих, которые отказывались подписать «документ».

Нетрудно понять, почему подобный союз не мог выполнить поставленных себе задач и обречен был на преждевременное

¹⁾ Т. е. подписания обязательства о неучастии в союзах.

исчезновение. Он стремился организовать рабочих по отраслям производства, т. е. стремился к осуществлению организационных задач, которые намечены современным социализмом и с трудом осуществляются английским профессиональным движением нашего времени. Союз, далее, ставил своей целью овладение всем производством страны с передачей каждой отрасли производства в ведение соответствующей автономной профессиональной единицы, при чем средством к достижению этой великой цели являлась всеобщая стачка. Таким образом эта оуэновская организация в 30-х годах минувшего века предвосхитила программные и тактические построения современного синдикализма. В конечном итоге «Великий союз», по мысли его вождей, должен был водворить коммунистический строй, хотя в пропаганде Оуэна нет определенных указаний, как это должно было произойти. Но для выполнения всех этих задач экономическое развитие Англии того времени еще недостаточно созрело, несмотря на то, что она в экономическом отношении стояла впереди всех стран мира. Машинное производство в то время еще не проникло во все отрасли промышленности, оставалось еще много полуремесленных производств, где рабочие в своих стремлениях больше обращали свои взоры назад, к прошлому, чем вперед; слабое развитие путей сообщения разъединяло различные части страны, препятствуя одновременным согласованным действиям всей рабочей массы; значительная часть рабочих, в особенности необученных, была еще не организована или слабо организована и еще слабее сознавала и понимала конечные цели рабочего движения. Государственная власть, несмотря на непрерывные политические волнения, была очень крепка, опираясь на все буржуазные элементы, готовые ее защищать с оружием в руках, и косвенным образом также на бессознательность значительной части рабочего класса. Чтобы вывести рабочее движение на надлежащую дорогу, необходимо было начать с организации и просвещения рабочих низов.

Одновременно с организацией рабочих для достижения конечных целей Оуэн продолжал свою деятельность в области частичных улучшений положения рабочих. Вместе с Догерти, Фильденом, Грантом и другими он агитировал за 8-часовой рабочий день, принимая активное участие в деятельности «Общества национального возрождения». Под влиянием агитации Оуэна и его сподвижников были организованы «комитеты борьбы за сокращение рабочего дня». И если все это

движение не принесло скорых результатов, как того ожидали сторонники установления 8-часового рабочего дня, «явочным порядком», то все же оно не пропало бесследно, оказав большое влияние на принятие парламентом в 1847 г. билля о 10-часовом рабочем дне.

Вскоре после крушения «Великого союза» начинается новый период в деятельности Роберта Оуэна. Вместе со своими единомышленниками он организует в 1835 г. «Ассоциацию всех классов и наций», целью которой была пропаганда социализма (так с этого времени стало называться учение Оуэна) и организация коммунистических общин ¹⁾. С началом чартистского движения Оуэн и его единомышленники переносят свою деятельность в Манчестер, чтобы быть в непосредственном соприкосновении с фабрично-заводскими массами. Пропаганда социализма (вернее, оуэнизма) приобретает широкий характер. Не только сам Оуэн регулярно читает лекции (главным образом по воскресеньям) в Манчестере в «Институте механиков», выступая перед рабочей аудиторией, но он сам и оплачиваемые пропагандисты разъезжали по фабричным районам, ведя неустанную пропаганду оуэнизма. Эта пропаганда продолжалась приблизительно до середины 40-х годов, но и после того, как движение пошло на убыль, Оуэн, все же полный веры в свое дело, неустанно продолжает свою пропаганду посредством устных выступлений и в печати. Последний раз Оуэн в возрасте 87 лет выступил в Ливерпуле на съезде «Национального общества для содействия социальным наукам»; он был настолько слаб, что к кафедре был подвезен в катящемся кресле, а во время речи лишился чувств и не был в состоянии ее окончить. Он умер 17 ноября 1858 г.

Роберт Оуэн, как известно, считается отцом кооперативного движения. Хотя он не ставил своей целью основания кооперативов современного характера (каковы кооперативы потребительские, сельскохозяйственные, производительные и др.), но они возникали самопроизвольно в связи с его пропагандой. Дело в том, что среди его последователей, в особенности из среды ремесленников, было не мало сторонников его коммунистических общин; из горького опыта они убедились, что на богатей и сильных мира сего нечего надеяться и что нужно самим стараться осуществить идеи учителя. Но для этого нужны были средства. Чтобы собрать их, рабочие

¹⁾ Слово «социалист», как отмечает Шлютер («Чартистское движение», стр. 41), впервые было употреблено в «Кооперативном журнале», пропагандировавшем оуэнистские идеи, в ноябрьской его книжке 1827 г.

и ремесленники стали устраивать «кооперативные» общества, продавая их членам продукты своего труда и иные предметы потребления, купленные по наиболее выгодным ценам, и отчисляя известный процент прибыли в неприкосновенный фонд для накопления капитала, необходимого для создания коммунистической общины. Так стали возникать первые потребительские и производительные товарищества, сырьевые товарищества и некоторые другие виды кооперативов. В 30-х годах минувшего века их насчитывалось уже около 500. В 1844 г. потребительская кооперация была усовершенствована родчельскими пионерами. Это были ткачи из Рочделя, которые основали маленькую потребительскую лавочку, постановив продавать членам товары по рыночной цене за наличный расчет с распределением прибыли по окончании года пропорционально стоимости покупок, с отчислением определенной части прибыли на образовательные цели. Эти «родчельские принципы», несколько усовершенствованные, легли впоследствии в основу потребительского кооперативного движения во всей Европе.

Оуэн был прирожденный вождь рабочего класса. Несмотря на свою миролюбивую тактику и вопреки ей, он своей проповедью имел громадное влияние на развитие самосознания рабочего класса. Он по справедливости считается первым проповедником социализма и коммунизма в Англии, где социализм долгое время отождествлялся с оуэнизмом. Оуэнизм, рядом с чартизмом, представляет самое выдающееся явление этой поистине революционной эпохи рабочего движения в Англии.

Чтобы понять положение рабочего класса в рассматриваемую эпоху, нужно принять во внимание, что обрушившиеся на него бедствия имели два направления. С одной стороны, они выражались в пролетаризации прежних самостоятельных мастеров и мастерков, которые упорно, можно сказать, до последнего издыхания боролись за свою хозяйственную самостоятельность против пролетаризации, с другой стороны, — в утнетении новыми способами производства фабричных рабочих — мужчин, женщин и детей, скученных в больших городах и поставленных в условия жизни и труда, низводившие их на положение подонков общества.

Насколько ужасно было положение кустарей и какой массовый характер носило их вымирание можно видеть из

того обстоятельства, что в 20 годах в одном Ланкаширском округе было до 80 тыс. кустарей-ткачей, заработок которых постепенно падал и дошел с 13½ шиллингов в неделю до 4½ при 12—16-часовом рабочем дне. Трагизм их положения заключался в том, что они упорно боролись с машиной и предпочитали голодное существование переходу к фабричному труду; подавляющее большинство из них, в буквальном смысле слова, перемерли преждевременной смертью от недоедания и других лишений. В подобное же положение попадали также другие кадры кустарей и ремесленников с того момента, как в их отрасли стала проникать машина; таково было положение шелкопрядов, чулочников, слесарей и др. Само собой понятно, что эти элементы наполняли кадры недовольных, которые желали реформы всего политического и социального строя и беззаветно шли за теми, от которых надеялись получить помощь.

Об ужасном положении фабричных рабочих в Англии в первую половину XIX века написано немало книг; но классическим сочинением по этому вопросу по сию пору остается книга Фр. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», книга, с которой должен познакомиться всякий, интересующийся историей рабочего класса в Англии. Здесь мы вкратце скажем следующее. Жилища рабочих в больших фабричных городах Энгельс сравнивает с свинными хлевами. Описывая один из рабочих кварталов Манчестера, он замечает: «Люди, живущие в этих полуразрушенных домишках, за разбитыми окнами, в которых стекло заменено куском полотна, пропитанного маслом, за растрескавшимися дверьми в полусгнивших косяках, или в темных, сырых подвалах, в этой безмерной грязи и вони и как будто намеренно придушенной атмосфере, не могут не стоять на самой низкой ступени человечества, — таково впечатление, таков вывод всякого, кто увидит этот квартал хотя бы с внешней стороны». К этому нужно прибавить, что таковы были жилищные условия рабочих не в одном Манчестере, а во всех крупных фабричных центрах. Значительная часть рабочих жила в сырых, темных и загаженных подвалах, где дети спали на сыром каменном полу; несколько семей часто помещались в одной комнате, причем все спали вместе, вповалку. Судьба этих несчастных никого не интересовала, так как в глазах аристократии и буржуазии рабочие были те же общественные подонки. Но холера 1842 г. и опасность занесения заразы из рабочих кварталов заставили местные власти взяться за обследование этих кварта-

лов, которое обнаружило картины потрясающей нужды и бедствий рабочего класса. Эти открытия, впрочем, ничуть не смягчили неспособных к альтруистическим побуждениям сердец английских фабрикантов, которые постарались только принять меры, необходимые для ограждения себя и своих семей от грозившей им опасности. Заработную плату рабочих той эпохи тот же автор называет суммой, еле хватавшей, чтобы не умереть с голода; она не превышала 8—10 шиллингов в неделю на целую семью (т. е. 4—5 руб.). Сравнительно низкий уровень потребностей английских рабочих того времени еще более понижался, благодаря непрерывному притоку ирландцев, готовых работать за плату, дававшую им возможность питаться хлебом и картофельной похлебкой и в лучшем случае с бутылкой джина в придачу; громадная армия безработных, готовая работать на каких угодно условиях, постоянно грозила понижением завоеванного минимума заработной платы. С этой ничтожной заработной платы предприниматели, в особенности крупные, находили возможность сдирать значительную часть посредством так называемой truck-system (системы «трук»), т. е. выдавая рабочим в счет жалования нужные (а иногда и ненужные) им товары и продукты по высокой цене и обыкновенно низшего качества. К сказанному прибавим следующее: повальные болезни и чрезвычайная смертность, как результат крайне антисанитарной жизненной обстановки, скверного питания и переутомления трудом, алкоголь, как единственное средство забыться от невзгод, и бесконечный, однообразный, одуряющий труд, — вот основные условия этой жизни¹⁾. И при всем том этот рабочий

¹⁾ Описания бедствий рабочих той эпохи сохранились, между прочим, в романах: «Трудные времена» Диккенса и «Сивилла» Дизраэли. Последний роман (время действия которого относится ко второй половине 30-х годов) принадлежит перу знаменитого первого министра английской королевы Виктории — лорду Виконсфильду (до своей блестящей административной карьеры носившему скромное имя Дизраэли). В этом романе, где будущий консервативный министр в молодости уплатил дань радикализму, изображена горестная судьба английских кустарей и ремесленников, доведенных до последней степени нищеты развитием техники и эксплуатацией капитала. Обнищавший ремесленник в следующих выражениях жалуется на свою судьбу:

«Двенадцать часов ежедневной работы по одному пенни за час, да и то, что будет получено за эту работу, пойдет на уплату старых долгов. Чем все это кончится? Не пришел ли уже полный конец нашему существованию?»

Он окидывает взором свою пустую комнату. Нет ни пищи, ни топлива, никакой утвари, и четыре человеческие существа, предоставленные его

народ рядом с французским рабочим народом был в то время самым передовым в Европе, всегда готовым следовать за возвышенными призывами лучших людей той эпохи и жертвовать собой для общего блага и не только ради интересов своего класса, но также ради интересов своих поработителей.

Но ничто так не характеризует несчастные жизненные условия рабочих той эпохи, как то обстоятельство, что значительная часть рабочих, в особенности в сельских местностях, находилась на положении официально признанных полуниничих, получавших согласно закону пособия от приходской благотворительности или целиком содержимых на ее счет.

Еще с начала XVII в. согласно закону, изданному при королеве Елизавете, приходы обязаны были содержать бедняков, находящихся в их пределах. С этой целью был установлен налог в пользу бедных, который взимался, главным образом, с недвижимой собственности. В 1832 г. на средства приходов содержалось более 1½ млн. бедняков (пауперов), что обходилось приходам около 7 млн. фунтов стерлингов. Содержавшиеся на средства приходов пауперы становились на-

попечением, лежат на своих жалких постелях, так как у них нет совершенно одежды.

«Я не могу даже, — продолжает он, — продать свой ткацкий станок на топливо, а ведь я золотом заплатил за него. И не пороки, не леность или неосторожность довели меня до такого положения. Я был рожден для работы и с охотой трудился. Я любил свой ткацкий станок, а станок любил меня. Он дал мне домик в родной деревне и не ревновал меня к садику, который я обрабатывал. У меня хватало времени для них обоих. Он дал мне в жены любимую девушку и собрал моих детей вокруг моего очага в мире и благосостоянии. Я был доволен и не домогался никакого другого жребия. Почему же я дошел теперь до такого состояния? Почему я и еще 600.000 таких же честных и верных и трудолюбивых подданных королевцы, которые мужественно боролись в течение целого ряда лет и с каждым годом опускались все ниже и ниже, должны теперь покинуть свои мирные и счастливые жилища и переселиться в тесные города, где мы принуждены ютиться в погребах и подобных им конурах, лишенных всех самых необходимых удобств, без возможности удовлетворять своим насущнейшим жизненным потребностям, не имея, наконец, даже одежды и пищи? Это происходит потому, что капиталист нашел раба, который заменяет ему работу и прилежание человека. Прежде человек был ремесленником, теперь он в лучшем случае является придатком машины, но даже и это занятие ускользает из его рук и делается достоянием женщин и детей. Капиталист благоденствует, он накапливает громадные богатства. Мы же падаем все ниже и ниже, спускаясь даже ниже уровня вьючных животных, так как о последних заботятся все же больше, чем о нас» (цит. по книге Г. Ностица — «Рабочий класс в Англии в XIX столетии»).

половину бесправными; они были ограничены в праве передвижения, родители лишались прав над детьми, о судьбе которых заботились приходские попечители о бедных. В чем заключалась эта забота, мы видели выше. Они сбывали их целыми партиями на фабрики, где больше половины их преждевременно погибало от истощения и переутомления; остальные наполняли кадры рабочего мира или попадали в подонки общества. Лицо, получавшее помощь от прихода, тем самым как бы заносило себя в список отверженных; но нужда была столь велика, что обращение к приходу стало обычным явлением.

Еще со старых времен некоторые приходы, вместо того, чтобы оказывать беднякам помощь деньгами, стали строить в своих пределах работные дома, которые являлись чем-то вроде тюрьмы, куда должен был вступить всякий, претендовавший на помощь от прихода. Обстановка этих полубогаделен, полутюрем и существовавший там режим были так ужасны, что впавшие в крайнюю нужду рабочие предпочитали совершить преступление и попасть лучше в тюрьму, чем в работные дома. Впрочем, работные дома были редкостью, так как большинство приходов не решалось их заводить и к тому же их устройство стоило значительных сумм; таким образом, до 30-х годов обычной формой помощи от приходов была помощь на дому.

Став у власти благодаря избирательной реформе 1832 г., либеральная буржуазия задалась, между прочим, целью урегулировать рабочий вопрос. Этот вопрос ее, конечно, сильно беспокоил. С одной стороны, фабричная промышленность развивалась непрерывно и требовала все большего увеличения рабочих рук; с другой стороны, фабриканты были заинтересованы в увеличении зависимости от них рабочих, в том, чтобы резервная армия безработных всегда была к их услугам, готовая работать за самую ничтожную плату при наиболее длинном рабочем дне. И вот лидеры буржуазии обратили внимание на вопрос о бедных: они открыли, что вся беда в денежной помощи, оказываемой приходами впадшим в нужду труженикам; это, по их мнению, удерживает множество рабочих рук в сельских местностях; рабочие излениваются, привыкая жить на счет благотворительности. Но отменить закон о бедных значило бы вызвать потрясение в стране; к тому же прибегнуть к подобной мере новоявленные опекуны народа стеснялись, отлично зная, что к власти они добрались благодаря борьбе и жертвам рабочего класса. Тогда

представители буржуазии решили прибегнуть к средству, которое, оставляя видимость помощи, в то же время способно отбить у большинства охоту к ней обращаться: они решили прекратить оказание помощи на дому деньгами и продуктами (оставляя ее только для дряхлых и больных) и во всех приходах устроить работные дома с тяжелым принудительным трудом, с суровой дисциплиной. Эта реформа получила силу закона в 1834 г. под именем «акта о бедных». Само собой понятно, что все условия пребывания в работных домах были ухудшены в сравнении с тем, что было раньше; призываемых кормили ровно настолько, чтобы они не умерли с голоду, и эти несчастные вечно страдали от недоедания. Карцер и лишение пищи были обычными дисциплинарными мерами. Труд был тяжелый и обыкновенно бессмысленный: более здоровые занимались разбиванием камней; хилые, женщины и дети — раздиргиванием старых корабельных канатов и т. п.

Новый закон вызвал взрыв негодования среди рабочих масс. Работные дома были прозваны «бастилиями» ⁴⁾ для бедняков. Рабочие в промышленных округах оказывали серьезное сопротивление комиссиям для сооружения «бастилий», а в некоторых местах разрушали строящиеся здания, так что нередко приходилось укрощать восставших посредством военной силы. Движение против «бастилий» приняло массовый характер и имело своих вождей и вдохновителей, которые призывали народ к сопротивлению, не останавливаясь перед кровавой борьбой, и увлекали его за собой зажигательными речами. «Если лорд Джон Россель хочет знать, что я думаю о новом законе, — говорил на митинге в Ньюкестле выдающийся агитатор той эпохи Стифенс, — то я ему без прикрас скажу, что я думаю, что это — закон дьяволов, и что против него следует бороться до смерти, хотя бы первый человек, который будет убит, был сам лорд Россель»... «Народ не потерпит этого, — говорил тот же юратор на другом митинге в Ньюкестле, — и я вам говорю: скорее чем допустить, чтобы муж и жена, отец и сын были разлучены и брошены в тюрьму и питались отбросами, чтобы жена и дочь

⁴⁾ Бастилией назывался существовавший в Париже до Великой революции 1789 г. укрепленный замок, куда заточали политических преступников и всех лиц, опасных для власти королей и аристократии. Когда началась Великая французская революция, восставший народ первым делом разрушил (14 июля 1789 г.) эту ненавистную тюрьму, олицетворявшую деспотический строй.

носили арестантское платье — скорее чем допустить это, пусть уж лучше Ньюкестль превратится в огненный костер, который потушит лишь одна кровь всех тех, которые под-держивали эту гнусную меру... Если комиссары принесут к вам свой несправедливый, свой неконституционный и незаконный кусок пергамента, и этот митинг решит, что это противно закону и присяге монарху, то пусть они хоть повесят бумажку на ружье или штык, — народ имеет право сопротивляться всеми законными средствами. А если и это не поможет, тогда знайте: законы конституции разрешают каждому взять свое ружье, свой тесак, свою саблю, свою пару пистолетов или свои вилы, а женщинам взять свои ножницы, а детям — свою карту булавок и свою коробку иголок, и тогда с факелом в одной руке и с оружием в другой можете предать смерти всех и каждого, кто пытается разлучить мужа и жену».

По этой речи легко судить о том возбуждении и негодовании, которые были вызваны в народных массах законом английской либеральной буржуазии о помощи бедным. Буржуазия на «законном» основании укрощала военной силой все взрывы народного негодования, но укротить их не могла, а только направила по другому руслу. Рабочие вновь убедились, что государственная власть находится в руках их врагов, от которых ждать улучшения своей участи нелепо. Необходимо самим овладеть этой властью, чтобы устроить свою судьбу по-человечески.

Чартистское
движение, его
сущность, разли-
чие направлений
(политическая и
социальная про-
грамма)

Если мы бросим беглый взгляд на двадца-
тилетие 1816—1836 гг., то увидим, что это
была эпоха непрерывных бедствий и волне-
ний в среде рабочего класса, эпоха непрерыв-
ных попыток рабочих теми или иными сред-
ствами улучшить свое положение. Вначале,
когда трудовые классы видели причину своих
бедствий в распространении машинного способа производства,
они обрушивались на машины, разбивали их, сжигали фаб-
рики; но это ничуть не улучшало, а, наоборот, даже отяго-
щало их положение. Одновременно с этим рабочие прибегают
к стачкам; это средство оказывается более действительным,
но все же оно не приносит длительных и стойких результа-
тов. Агитация радикалов указывает рабочим, как на глав-
ную причину их бедствий, на отсутствие политических прав;
рабочие, не щадя жизни, устремляются в борьбу за всеобщее
избирательное право и одновременно борются за свободу

союзов. Долгая напряженная борьба дала в результате кучую избирательную реформу 1832 г., принесшую большие выгоды буржуазии и ничего хорошего — рабочим. Разочарованные борьбой за политические права, рабочие ищут спасения в образовании профессиональных союзов и, увлеченные проповедью Оуэна, организуют грандиозный «Великий национальный профессиональный союз». Казалось, победа близка. Картины коммунистической жизни, рисуемые Оуэном и его учениками, так заманчивы; движение ширится и принимает грандиозные размеры; но вот правительство обрушивается на него с каторжными репрессиями, и все движение разлетается, как карточный домик.

Между тем бедствия рабочего класса растут вместе с расширением его кадров. У власти, благодаря избирательной реформе, рядом с крупными землевладельцами очутились капиталисты и их единомышленники, черствые и своекорыстные, защищаемые штыками своих войск и хитрыми доводами буржуазной лже-науки, стремящейся доказать, что строй, основанный на так называемой экономической свободе, т. е. на свободной беззастенчивой эксплуатации капиталистом рабочего, есть строй наилучший и наиболее выгодный не только для эксплуататоров-капиталистов, но и для эксплуатируемых рабочих. Возмущение рабочих возрастает вместе с их бедствиями, и у более передовых из них вновь оживает идея о политической борьбе. Если кучая реформа избирательного права приобщила к власти средний класс, то всеобщее избирательное право должно отдать власть в руки пролетариата, и тогда рабочие станут собственными хозяевами своей судьбы. Вопрос о борьбе за полную демократизацию государственного строя вновь овладевает умами и стремлениями широких кадров пролетариата. Начинается движение, известное в английской истории под названием чартизма.

Летом 1836 г. радикал Френсис Плэс и последователь Оуэна, бывший столяр, Ловетт основали политическое общество под названием «Лондонской ассоциации рабочих». Первоначальное ядро этого общества состояло из более интеллигентных рабочих, проникнутых учением Оуэна, и радикалов, привлеченных в общество Плэсом. Целью общества было «мирными средствами добиваться всеобщего политического и социального равенства». Под мирными средствами подразумевалась подача петиций в парламент, а более всего — пропаганда, ибо, как последователи Оуэна, осно-

ватели общества считали невежество главным препятствием к водворению строя справедливости и равенства.

Промышленный кризис 1837 г. с его бедствиями — безработицей и голодовкой — заставил «Ассоциацию» решиться на первый активный шаг — составить петицию в парламент; в этой петиции, которая, впрочем, не была подана, содержались шесть требований, ставшие программой последующего социально-политического движения, впервые тогда названные «народным чартером» ¹⁾, т. е. народной грамотой или хартией (хартия — по-английски «чартер»). Знаменитые шесть требований были таковы: 1) всеобщее избирательное право в палату общин для совершеннолетних мужчин; 2) ежегодные парламенты; 3) тайная подача голосов при выборах; 4) равные избирательные округа; 5) жалование депутатам; 6) отмена имущественного ценза для кандидатов в члены парламента²⁾.

1) Этот термин приписывается знаменитому в свое время агитатору за права ирландцев, депутату парламента О'Коннелю, который вместе с другими депутатами-радикалами участвовал в совещании, устроенном комитетом «Ассоциации» для обсуждения петиции и знаменитых шести требований. После долгих колебаний депутаты-радикалы подписались под документом, содержащим обещание поддержать в парламенте проект петиции, а затем и билль. Возвращая Ловетту подписанный документ, О'Коннель сказал: «Вот тебе твой чартер, Ловетт, агитируй за него и не довольствуйся ничем меньшим».

2) Английский парламент тогда, как и теперь, состоял из двух палат — верхней, или палаты лордов, и нижней, или палаты общин. Членами верхней палаты были представители крупной земельной аристократии — лорды, первоначально назначаемые королем, но передающие свои права своим наследникам; кроме них, здесь заседали по назначению и по праву своего звания представители высшего духовенства и пр. Нижняя палата (или палата общин) состояла из выборных депутатов. Парламент избирался на семь лет (чартисты требовали годичных парламентов); выборы происходили посредством открытой подачи голосов, вследствие чего люди зависимые принуждены были голосовать за тех, от которых они зависели (чартисты требовали закрытой подачи голосов). Неравномерность избирательных округов была одним из главных недостатков существовавшей избирательной системы; она вела к тому, что в одном случае один депутат приходился на несколько сотен избирателей, а в другом — на несколько тысяч; сельские округа были поставлены в условия гораздо более выгодные, чем промышленные; при таком положении вещей, даже в случае установления всеобщего избирательного права, число депутатов от рабочих было незначительно в сравнении с числом депутатов от землевладельцев. Депутаты не получали вознаграждения; таким образом, посвятить себя депутатской деятельности мог только состоятельный человек. Быть избранным в депутаты мог только тот, кто обладал недвижимым имуществом, приносящим ежегодно не менее 3 тыс. руб. дохода. Этот пункт давал доступ в парламент людям состоятельным.

Как раз к концу 1837 г. происходили новые выборы в палату общин. «Лондонская ассоциация» обратилась с воззванием к своим единомышленникам и сторонникам голосовать лишь за тех кандидатов, которые согласны поддерживать в парламенте билль под названием «народного чартера», содержащий вышеупомянутые шесть пунктов. Агитация эта имела громадный успех среди широких слоев рабочего класса и части радикалов, неудовлетворенных избирательной реформой 1832 г.; требования чартера стали передаваться из уст в уста. Одним из главных вождей нового движения О'Коннором был основан журнал, ставший главным периодическим органом чартистского движения — «Северная звезда» («Northern Star»); другой деятель — Аттвуд — на колоссальном митинге возле промышленного Глазго, где присутствовало до 200 тыс. человек с 200 знаменами и 40 оркестрами музыки, в своей обстоятельной и энергичной речи формулировал в основных чертах ту тактику, которая потом легла в основание движения, а именно: съезд делегатов (конвент), петиция в парламент и в случае неудовлетворения требований петиции «торжественная и священная всеобщая стачка» или «священная неделя» ¹⁾.

Начинается ряд грандиозных митингов и демонстраций — в Ньюкестле, где присутствуют 80 тыс. чел., в Бирмингеме, где упомянутый Аттвуд призывает 200 тыс. присутствующих пролетариев и прочих граждан к всеобщей забастовке, а О'Коннор произносит громовую речь с призывом к революции как к единственному средству сломить упорство правящих эксплуататоров. Вскоре недалеко от Лидса собирается митинг в 250 тыс. чел., где опять выступают те же ораторы и где О'Коннор вновь призывает к восстанию; одновременно с этим созывается ряд менее обширных митингов в других городах. Волнение охватывает всю страну. В конце 1838 г. на митинге близ Манчестера выслушивается и принимается составленная Аттвудом петиция в парламент — «национальная петиция» — и тут же подписывается присутствующими. Тут же выбираются первые делегаты в конвент, прозванный впоследствии «рабочим парламентом», причем присутствующие торжественно клянутся поддерживать и защищать это собрание своей жизнью и свободой. Так происходило развитие чартистского движения, захватывая все более

¹⁾ Эта тактика была отчасти заимствована из агитации оуэнистов, которую они в 1834 г. вели среди членов «Великого национального союза».

широкие массы и выдвигая новых активных деятелей и вождей.

Чтобы понять сущность и историю чартистского движения, нужно принять во внимание следующие обстоятельства.

В чартизме, вскоре после его возникновения, образовались два основных течения, которые значительно отличались друг от друга в вопросах тактики, т. е. в вопросе о средствах борьбы.

Одно течение, возглавляемое Ловеттом, рекомендовало «конституционные» средства, т. е. такие средства, которые не выходят из пределов того, что дозволено законом. Такими средствами, как мы уже указывали, являлись: пропаганда в газетах и журналах, агитация на митингах и подача в парламент петиций от широких народных масс; к насильственным мерам это течение, в особенности его вожди, относилось враждебно. Это течение, носившее название партии «моральной силы», объединяло, главным образом, рабочих из тех отраслей производства, которые еще носили полуремесленный характер, и где оплата труда была довольно высокая; сюда также примыкали самостоятельные ремесленники и радикалы из среды мелкой буржуазии и интеллигенции. Это течение имело своим центром Лондон, где фабричное производство было развито слабо и где среди радикалов и передовых рабочих теория господствовала над практикой¹⁾. Это

¹⁾ По поводу слабой отзывчивости Лондона на движения, имеющие общенародный характер, автор «Истории чартизма» Р. Гаммедж говорит: «Огромная разница между столицами Франции и Англии в их отношениях к народным движениям в пользу демократических учреждений могла бы служить достаточным предметом изучения для политического философа. Во Франции Париж всегда был великим агитационным центром, потому что вся остальная Франция поднималась только по его приказанию. Все происходившие во Франции революции подтверждают истину этого замечания. Лондон, напротив, если поднимается, то только под влиянием какого-нибудь внешнего толчка. Обыкновенно ему дают толчок провинции, и создать в нем глубокое и здоровое общественное мнение кажется почти невозможным. Достойно также замечания, что большинство лидеров народного движения в Лондоне были родом не из столицы, но переселились в нее из провинции. Лондонские жители редко интересуются политикой». К сказанному нужно прибавить, что различие между столицами Франции и Англии, изображенное Р. Гаммеджем, основывалось на том, что Париж был обширным промышленным центром Франции (хотя со значительным преобладанием полуремесленного производства) и сосредоточивал в себе наиболее сознательные кадры французского пролетариата, между тем как Лондон являлся, главным образом, торгово-финансовым центром Англии, а фабрично-заводская промышленность сосредоточена была преимущественно в северной части Великобританского острова.

течение, как уже указывалось, было проникнуто оуэнизмом, который, ставя себе широкие цели, стремился проводить их в жизнь малодейственными «мирными» средствами.

Рядом с этим течением мы видим не менее сильное течение, называвшее себя «партией физической силы» и требовавшее применения революционных средств. К этому течению примыкали рабочие чисто фабричных отраслей производства, плохо оплачиваемые и слабо организованные, главным образом, ткачи, прядильщики и рудокопы. Во главе этого течения стояли ирландцы: О'Кюннор и О'Брайен и ярый противник промышленной буржуазии священник Стифенс, который начинал и кончал свои речи призывом к революции. «Я стою за революцию опнем, — заявлял он, — за революцию кровью до ножа, до смерти... Если они (правители) добровольно не изменяют этого закона (т. е. закона о бедных), если они не уничтожат всего этого в корне, то они дождутся той революции, которой они так боятся... Мы разрушим эту крепость неправды, воздвигнутую ими для погребения всех божеских и человеческих законов... Мы превратим всю страну, с востока и запада, севера и юга, в один ужасающий костер, затушить который никто не будет в состоянии, мы уничтожим все фабрики бумагопрядильных тиранов и дома тех, кто создал их грабежом и убийством, разорив миллионы людей, созданных богом для равного счастья».

Были еще в чартистском движении и другие течения. Одно из них составляли бирмингемцы с Аттвудом во главе. Аттвуд, несмотря на свою революционную фразеологию, не был сторонником революционных мер, хотя стоял за всеобщую стачку, не давая себе отчета в том, что же должно последовать за этой стачкой и к чему она может привести. Сам Аттвуд был богатый банкир, депутат парламента, находившийся в оппозиции правительству, будучи недоволен его финансовой политикой, а главное ядро рабочих-бирмингемцев, примыкавших к движению, принадлежало к числу самостоятельных ремесленников или к категории искусных, хорошо оплачиваемых рабочих. Бирмингемцы подвергались критике с обеих сторон, но в особенности со стороны леветтистов, которые принимали их промкие фразы за чистую монету. Кроме того, под предводительством Гарнея образовалась левая группа, под именем «Демократической ассоциации», имевшая свой отдельный периодический орган «Лондонский демократ». Эта группа, действовавшая в нефабричном Лондоне (она откололась от умеренной «Ассоциации» леветтистов), опирав-

шаяся отчасти на обнищавших ткачей, но стремившаяся влиять главным образом на фабрично-заводской пролетариат, предостерегала чартистов от союза с «низкой, лицемерной и изменнической буржуазией», высмеивала тактику умеренных чартистов, их петиции и конвент и требовала одного — «подготовки к всеобщему вооруженному восстанию».

Политическая программа чартизма была ясно формулирована в вышеприведенных шести пунктах. Спрашивается какова была его социальная программа? На этот вопрос у чартистов не было единодушного ответа.

Безусловно, большинство лидеров как умеренного, так и крайнего течения видели в чартизме не только одну политическую сторону, но, прежде всего, вопрос «ножа и вилки», как характерно окрестил его один из них; они ясно понимали, что «одно изменение политических условий ни к чему не поведет, если социальные условия останутся те же» ¹⁾. Тем более так смотрела на движение рабочая масса; но, как мы сказали, одной определенной социально-экономической программы у чартистов не было. Дело в том, что большинство лидеров было уверено, что достаточно рабочим получить власть в свои руки, и тогда, само собой понятно, можно будет водворить строй всеобщего счастья. Но этот строй различные течения рисовали различно. Так, чартисты-оуэнисты рисовали себе будущий социальный строй в виде кооперативных общин, между тем как один из видных ораторов партии физической силы определял социальный смысл чартистского движения так: «Если бы кто-нибудь спросил меня, что значит всеобщая подача голосов, то я бы ответил ему: это значит, что у каждого рабочего будет на плечах хорошее платье и на голове хорошая шляпа, хороший кров для его семьи, хороший обед на столе, работа, от которой не будет страдать его здоровье, и такое вознаграждение за эту работу, которое обеспечит ему полный достаток и пользование всеми благами жизни, каких может желать благоразумный человек. Вот что значит всеобщая подача голосов». У О'Коннора весь пыл фразеологии был направлен против политического строя; его социальные идеалы отличались чрезвычайной умеренностью; он определенно заявлял себя

¹⁾ Фр. Энгельс в своей вышецитированной нами книге «Положение рабочего класса в Англии» (написанной в 1845 г., т. е. в эпоху чартизма) называет чартизм движением по существу социальным и говорит, что «шесть пунктов чартистской программы были для пролетариата лишь средством, а социальное благоденствие — целью».

противником коммунизма и социализма; его конечные идеалы в социальной области сводились к созданию крепкой крестьянской собственности, которой, как мы видели, в Англии в это время почти уже не существовало. Другой видный вождь чартистского революционного течения О'Брайен, находившийся одновременно под влиянием учения Бабефа и Оуэна, значительно отличался от О'Коннора по своим социальным воззрениям. Он считал собственность «легализованным грабежом» и видел в ней главный источник социальных бедствий; в своей положительной социальной программе он тоже, как многие из партии моральной силы, примыкал к Оуэну, мечтая в конечном счете об основании «индустриальных общин» путем обобществления земли и орудий производства, что, по его мнению, являлось единственной гарантией против «наемного рабства у демонов капитализма». Глава «Демократической ассоциации» юный Джулиан Гарней лучше других умел связать конечные цели освобождения пролетариата с его классовой политической борьбой. Его программой-максимум тоже было уничтожение неравенства и водворение всеобщего счастья, но в отличие от умеренных сторонников тактики «моральной силы», как уже было отмечено, он стремился к немедленному ее осуществлению путем захвата власти вооруженной силой. У него была и программа-минимум — 8-часовой рабочий день для взрослых, запрещение труда малолетних, полная свобода союзов и печати и пр.

В массе, среди рабочих, в особенности среди бывших кустарей, преобладала мечта о возвращении к земле, о той эпохе, когда земля еще не была разграблена крупными собственниками и каждый имел «свой земельный участок, свой овин, свою кладовую, свою сторожку и свое ружье»; о таком устройстве, при котором «никакой внешний враг и никакой внутренний тиран не осмелились бы вторгнуться в его жилище или посягать на его права свободного человека».

Все эти социальные стремления отражали на себе, с одной стороны, промежуточный характер той стадии, на которой находился капитализм в рассматриваемую эпоху, а с другой, — пестрый состав участвовавших в чартистском движении слоев рабочего класса. Ведь капитализм не был настолько развит, чтобы перед пролетариатом в более или менее ясном виде мог встать идеал грядущего социализма. Поэтому многие рабочие, среди которых еще сильны были элементы прежних самостоятельных ремесленников, кустарей и

крестьян, мечтали о возврате к земле или о такой комбинации земледелия с промышленным трудом, при которой рабочий был бы сам себе хозяином и не зависел от эксплуатации капитала; а это означает, что значительная часть пролетариев и многие из их вождей в эпоху чартизма видели спасение от бедствий капитализма в возврате к нежному улучшенным докапиталистическим формам.

Развитие чартистского движения до 1842 г. В начале 1839 г. в Лондоне собрался чартистский конвент. В глазах чартистов конвент был всенародным представительным собранием, которое призвано к тому, чтобы оспаривать власть у «парламента богатых и знатных» или по крайней мере производить давление на этот парламент путем тех или иных средств. Общее настроение выразила «Северная звезда», которая, приветствуя открытие конвента, заметила, что она согласна с одним из ораторов, заявившим, что дает королеве срок для введения всеобщего избирательного права один месяц и три дня. Но вскоре в конвенте начались несогласия, вытекавшие из различия представленных в нем течений, а также из того, что никто не знал определенно, в чем, в сущности, должны заключаться функции этого собрания. Умеренные стояли за то, что дело конвента — распространение и подача петиции в парламент; партия физической силы требовала, кроме того, обсуждения «дальнейших мер», причем и здесь не было полного единодушия, так как некоторые, находя «дальнейшие меры» необходимыми, считали их обсуждение преждевременным. Видя умеренность лондонцев и не находя поддержки в нефабричном лондонском населении, левые настояли на перенесении местопребывания конвента в Бирмингем; здесь сторонники «дальнейших мер» выдвигают очень мирные и мало действительные мероприятия, вроде истребования вкладов из банков, воздержания от употребления облагаемых акцизом напитков и, наконец, подготовку к всеобщей стачке. Но даже проект подобных «дальнейших мер» встречает возражение со стороны умеренных. Наоборот, Гарней и его единомышленники ¹⁾ критиковали эти меры

¹⁾ «Демократическая ассоциация» играла по отношению к конвенту роль якобинского клуба, а в самом конвенте Гарней с товарищами занимал место «горы» (Ф. Ротштейн). Как отмечает Гаммедж, Гарней и его единомышленники созывали большие народные собрания, чтобы толкать конвент влево и на этих собраниях выступали в красных фригийских колпаках, уснащая свои речи лозунгами Великой французской революции, вызывая своим образом действий осуждение со стороны умеренных слоев конвента.

с точки зрения их малозначительности и неосуществимости (у рабочих нет вкладов, воздержание неспособно дать реальных результатов). После долгих прений постановлено было передать этот вопрос на решение митингов, которые должны были собраться накануне обсуждения в парламенте поданной петиции.

После нескольких отсрочек митинги эти были организованы в конце июля и прошли с большим подъемом, что действовало поднятию духа у членов конвента. Но правительство не дремало. Оно решило провоцировать беспорядки в Бирмингеме, резиденции конвента, и хотя конвент, желая предупредить столкновение, постановил разойтись и собраться в Лондоне, отряд правительственных войск напал на толпу, собравшуюся на площади для заслушивания очередного доклада, устроил побоище и арестовал до 80 человек. Народ, выведенный из терпения, устроил беспорядки, во время которых город был подожжен с нескольких сторон и на главной улице были разгромлены магазины. Весть о случившемся быстро облетела всю страну.

Начались беспорядки и манифестации в большинстве промышленных городов, неизменно кончавшиеся стычками с войсками и полицией. Правительство решило прибегнуть к репрессиям. Были арестованы выдающиеся вожди движения, среди них О'Коннор и О'Брайен; Ловетт был арестован раньше в Бирмингеме; впрочем, они скоро были освобождены на поруки. Левые решительно агитировали за восстание. «Северная звезда» их поддерживала. Но конвент, раздираемый разногласиями, не пошел дальше протеста против беззаконий и насилий.

Почти одновременно с событиями в Бирмингеме (12 июля) рассматривалась в парламенте первая чартистская петиция, внесенная в палату Аттвудом и Фильденом и имевшая до 1¼ миллиона подписей. Английская буржуазия встретила громким смехом это выражение воли более миллиона английских рабочих. После очень короткого обсуждения петиция была провалена подавляющим большинством голосов. Конвент приступил к обсуждению вопроса о всеобщей стачке, но тут обнаружилось, что нельзя надеяться на успех этого мероприятия, и конвент, проведши еще два месяца в бесплодных прениях, постановил разойтись. Но правительство решило прибегнуть к репрессиям. Главные вожди движения — и между ними О'Коннор, О'Брайен, Винсент, Куллинз, Макдуаль и другие — были арестованы и должны были вскоре

предстать перед судом. Ранее арестованный Стифенс был приговорен к 1½ годам тюремного заключения. Попытка Фроста освободить из нью-портской тюрьмы Винсента вызвала нападение войск на отряд рабочих, шедших вместе с Фростом, причем 10 рабочих было убито, а 50 ранено. Попытка эта была раздута либералами в «восстание» и послужила поводом к дальнейшим повальным арестам и к жестокой судебной расправе. Было арестовано до 450 человек; главари движения были приговорены к 1½—2 годам тюрьмы, некоторые — к ссылке; многим пришлось бежать за границу.

Но движение не умерло; оставшиеся на свободе деятели вели подпольную агитацию. Через два года, когда арестованные вожди стали выходить из тюрем, движение возобновилось. Этому чрезвычайно содействовал кризис 1842 г., ввергший рабочих в бедственное состояние, в каком они уже давно не находились. Еще в июле 1840 г. была организована «Национальная чартистская ассоциация», теперь более пролетарская по своему составу, так как буржуазные элементы в виду вышеописанной попытки восстания и под влиянием репрессий в значительной степени отшатнулись от движения. Организация эта или, вернее, партия вскоре объединила до 400 местных секций, имея до 40 тыс. членов, вносящих членские взносы. Выход вождей из тюрьмы чествовали банкетом, манифестациями и грандиозными митингами. Так как наступивший период движения ознаменовался борьбой чартистов против либералов, сторонников свободной торговли, агитировавших за отмену так называемых хлебных законов, то необходимо сказать несколько слов об этой агитации, переплетающейся с дальнейшим ходом чартизма и вообще рабочего движения.

Агитация либеральной буржуазии против хлебных законов; влияние ее на чартистское движение

По окончании войны с Наполеоном в 1815 г. стоявшая у власти английская аристократия решила все тяжелые последствия войны взвалить на промышленную часть общества и в первую очередь, понятно, на трудовую часть населения. Неприятный для богатых землевладельцев подоходный налог, введенный во время войны как экстренная мера, был отменен; вместо этого были чрезвычайно усилены косвенные налоги на предметы первой необходимости, и таким образом тяжесть налогов перенесена на широкие народные массы. Эти налоги были тем тяжелее, что государственный долг, сделанный во время войны, был чудовищных по тому времени

размеров. В 1815 г. был издан так называемый хлебный закон. Согласно этому закону иностранный хлеб допускался к ввозу только тогда, когда цена хлеба в Англии достигала 4 фунтов стерлингов за четверть пшеницы, причем ввозной хлеб облагался пошлиной, делавшей его еще дороже; а так как хлеба английского производства никогда не было достаточно для покрытия всех нужд страны, то землевладельцы таким образом обеспечивали себе высокую цену на хлеб при всех обстоятельствах. Ясно, что этот закон имел в виду только одно — сделать весь народ данником богатых землевладельцев. Последние уверяли, что это сделано с целью поддержания отечественного земледелия.

Невыгоды хлебного закона особенно остро чувствовались фабрикантами, хотя ударяли и по рабочим. Дорогой хлеб заставлял фабрикантов повышать минимум заработной платы, так как фабрикант ведь не мог платить рабочему меньше того, что необходимо для поддержания его жизни.

В конце 30-х годов радикал Кобден основал «Лигу против хлебных законов». Он приобрел массу приверженцев среди фабрикантов и умел, пользуясь политическими и социальными условиями момента и удивительно ловко поставленной пропагандой, привлечь на свою сторону также часть рабочих. Чтобы придать своей агитации против хлебных законов надлежащую широту и важность, вожди Лиги связали этот вопрос с общим вопросом о свободе промышленности и торговли. Опираясь на учение экономистов Смита и Рикардо, они доказывали, что процветание Англии требует того, чтобы ее производству был открыт свободный доступ на иностранный рынок, а для этого необходимо предоставить иностранному сырью (следовательно, и хлебу) свободный беспошлинный доступ в Англию. В частности, они доказывали, что хлебный налог есть обременение промышленности в пользу землевладельцев, что этот налог ложится тяжелыми путами на промышленность и чрезвычайно тормозит ее развитие, а это грозит лишить Англию ее могущества и первенства на всемирном рынке. Рабочих сторонники Лиги уверяли, что все их бедствия проистекают от дороговизны хлеба, которая вредна сама по себе и, кроме того, способствует поднятию цен на предметы первой необходимости. Пользуясь железнодорожным сообщением, почтой, прессой и имея богатый фонд, Лига развила необычайную агитацию. Землевладельцы не оставались в долгу. Они в своих ответах на нападки лигистов в прессе и в парламенте раскрывали

картину тех бедствий, которым эти друзья свободы и поборники интересов рабочих подвергали рабочих на своих фабриках. Промышленники отвечали указаниями на бедствия сельскохозяйственных рабочих. Таким образом рабочие имели возможность убедиться, насколько хороши оба класса, под давлением которых стонали все трудовые элементы Англии. Чартистам эти взаимные обвинения давали обильную пищу для агитации и пропаганды.

Чартисты раскрывали перед рабочими всю ложь буржуазной агитации. «Они кричат об удешевлении хлеба для народа, — говорили чартисты, — между тем истинные их стремления заключаются в том, чтобы иметь возможность установить наиболее низкую заработную плату». Но острый кризис 1842 г. содействовал объединению лигистов с чартистами. Встречая противодействие со стороны правительства, лигисты левели; они готовы были даже поддержать революционные выступления рабочих; на совещании с чартистами, состоявшемся в Манчестере в 1842 г., решено было подать петицию в парламент с требованием отмены хлебных законов и принятия хартии. Но, вступая в соглашение с чартистами, сторонники Лиги и все либералы, исходившие из принципов «свободы» торговли и промышленности, были противниками всяких законодательных улучшений положения рабочих и, в частности, — закона о 10-часовом рабочем дне для несовершеннолетних рабочих и женщин, принятию которого парламентом считалось вероятным в ближайшем будущем.

Идеи «свободной» торговли (фриттредерство) постепенно все шире проникали в среду господствующих классов и постепенно стали библией всех образованных промышленников и интеллигенции, примыкавшей к промышленным кругам. Бодворение этой свободы обещало неисчислимы выгоды всем указанным элементам, и потому отмена хлебных законов стала вопросом времени и благоприятного стечения обстоятельств. Решительным толчком к отмене этих законов послужил голод в Ирландии в 1845 г. вследствие болезни картофеля, которым, главным образом, питались народные массы. Требование свободного ввоза иностранного хлеба стало лозунгом самых широких общественных слоев. Консервативное министерство, во главе с Пилем, поставлено было в необходимость провести эту реформу в 1846 г.

Теперь, после изложенного, вернемся назад и посмотрим, как развивалось чартистское движение с того момента, на котором мы выше остановились.

2 мая 1842 г. чартисты вновь подали в Упавод чартистского движения парламент петицию, под которой было до трех миллионов подписей, но и на этот раз палата не удостоила ее серьезным рассмотрением; петиция при насмешливых возгласах была отклонена подавляющим большинством голосов ¹⁾. Временно объединившиеся с чартистами либеральные фабриканты не только не высказались против всеобщей стачки, но, наоборот, ухватились за эту идею. Прекращение работ на фабриках в грандиозных размерах входило теперь в их тактику. Они этим хотели доказать правительству, что дороговизна хлеба делает невозможным дальнейшее ведение производства. Кроме того, они надеялись, что рабочие, рассеявшись по сельским округам, начнут агитацию против хлебных законов среди кустарей и сельских рабочих. Но чартисты считали всеобщую стачку несвоевременной и воздерживались от агитации в этом направлении. Тогда фабриканты, воспользовавшись заминкой в делах вследствие начавшегося кризиса, стали понижать заработную плату и, действительно, вызвали широкое стачечное движение. Случилось, однако, обратное тому, чего ожидали фабриканты. Повсеместные стачки послужили толчком к оживлению чартистского движения. Безработные на своих собраниях выдвигают на первый план вопрос о чартере, всюду вынося резолюции о том, что отсутствие всеобщего избирательного права является главной причиной всех бедствий рабочего класса. Вскоре движение охватывает обширную область вокруг Манчестера, перебрасывается в

¹⁾ Эта вторая петиция (в своей вступительной части) была не столь умеренна, как первая, которая была составлена под сильным влиянием радикалов, в которой проглядывало стремление защитить интересы не только рабочих, но и капиталистов (или, как говорилось в петиции, «чтобы капитал предпринимателя не был лишаем своей правомерной прибыли и у рабочего не было отнимаемо дольше справедливое вознаграждение за его труд»). Теперь, когда чартизм в значительной степени освободился от своих буржуазных попутчиков, его лидеры сумели более определенно выразить в петиции свои пролетарские воззрения.

«Сельские полиция и бастии для бедных (работные дома), — говорится в петиции, — были введены одновременно, откуда ваши петиционеры заключают, что оба учреждения имеют своим источником одну и ту же причину: возрастающее желание безответственного меньшинства угнетать и морить голодом преобладающее большинство». Далее петиционеры жалуются на сверхъестественный рабочий день, нечеловеческий труд и получаемое за них ничтожное вознаграждение. Они затем выражают недовольство, что машины, земля и средства сообщения составляют предмет монополий, чем довольно недвусмысленно указывается на их желание, чтобы эти предметы стали общественным достоянием.

Йоркшир, Стаффордшир и другие места; всюду выбираются стачечные комитеты, следящие за порядком и правильным ходом стачки. Казалось, мечты готовы претвориться в действительность. Но движение вновь кончается неудачно. Лондон и прилегающие южные земледельческие округа не поддерживали стачечников. В то же время буржуазия, видя, что пролетариат не желает служить в ее руках слепым орудием для достижения ею своих эгоистических целей, начинает вызывать к правительству об усмирении «бунтовщиков» и о поддержании «законности и порядка». Правительство вновь обрушивается на вождей движения и рядовых чартистов; многие были привлечены к судебной ответственности, другим пришлось спасаться за границу.

Видя непрерывные неудачи на политическом пути, О'Коннор решил перейти к социальному эксперименту. Выдвинув лозунг «земля и чартер», О'Коннор в 1845 г. выступил с планом образования земледельческих поселков на земле, приобретенной при помощи сложных банковских операций. Предложение сначала имело успех и привлекло множество народа, несмотря на предостережения О'Брайена против этой вредной и бесплодной затеи. Вскоре, однако, предприятие это обанкротилось, причем О'Коннор потерял на нем все свое состояние. Впрочем, 1847 г. принес ему некоторое утешение и минутное торжество чартизму — О'Коннора удалось провести депутатом в парламент. Но все движение в общем пошло на убыль.

Причиной упадка движения была не только неудача всеобщей стачки 1842 г. и многочисленные аресты среди вождей; этот упадок в значительной степени был вызван подъемом промышленности в 1843—1846 гг., а также мероприятиями правительства, проведенного в этот период несколько фабричных законов. Рабочие временно отходят от политической борьбы и вновь стремятся улучшить свое положение экономическими способами (основывая тред-юнионы, кооперативы и пр.). Движение вновь оживает сначала под влиянием кризиса 1847 г.¹⁾, а затем, благодаря вспыхнувшей во Франции (в 1848 г.) революции, которая вновь возбудила надежды чартистов на успех их дела. Они созвали еще раз конвент делегатов в Лондоне и подготовили третью грандиозную

¹⁾ Как легко заметить из вышеизложенного три момента подъема чартизма совпадают с кризисами и депрессиями в промышленности (1837 г., 1841/42 г., 1847 г.), а три периода упадка движения — с подъемами в промышленности.

петицию; на состоявшемся митинге они решили (10 апреля 1848 г.) колоссальной демонстрацией двинуться к парламенту и попытаться сломить упорство правящей кучки.

Правительство испугалось, объявило Лондон на осадном положении и обратилось с воззванием к буржуазии самой стать на защиту «собственности и порядка» от покушений «мятежников». И вот та самая буржуазия, которая недавно заигрывала с рабочими и толкала их на революционные выступления, теперь бросилась в объятия реакционного правительства и отозвалась на его клич, выставив из своих рядов 170 тыс. милиционеров-добровольцев. Сила и на этот раз оказалась на стороне правительства. Чартизм потерпел последнее поражение, от которого он уже не оправился. Правда, движение не исчезло окончательно, но дальнейшее его существование до конца 50-х годов можно назвать агонией. Наиболее выдающимся деятелем этого последнего периода был Эрнест Джонс, некоторое время находившийся в близких отношениях с Марксом.

Причины неудачи чартизма ясны из вышеизложенного. Они прежде всего заключались в отсутствии единства и однородности в его социальном составе и в вытекавшем отсюда отсутствии единства социальных стремлений и, что хуже всего, единства в вопросах тактики. Немаловажную роль в неудачах чартистского движения сыграло отсутствие надлежащей прочной организации. Чрезвычайно отрицательное влияние имело разъединение, существовавшее между чартизмом и тред-юнионизмом, т. е. разъединение между политической и экономической сторонами рабочего движения. Необходимо отметить тот замечательный факт, что вожди чартизма не извлекли надлежащих уроков из пережитых ими неудач. Сторонники мирных средств упорно оставались при своей бесполезной тактике подачи петиций; сторонники физической силы сделали очень мало, чтобы создать надлежащую организацию и тем заранее обрекали на поражение разрозненные боевые выступления рабочих... Немалое влияние на упадок чартизма, как было отмечено, имели уступки, сделанные правительством в виде фабричных законов, из которых особенно должен быть отмечен 10-часовой билль 1847 г.

Заслуга чартизма заключается в том, что это было первое массовое выступление пролетариата против буржуазии. При всех своих организационных недостатках и несмотря на значительную примесь буржуазных и мелкобуржуазных

элементов, чартизм был первой пролетарской партией и при том партией, которая ставила себе целью овладеть политической властью для водворения нового экономического строя, долженствующего освободить рабочий класс от ига капитализма. Заметим также, что в чартизме были зародыши интернационализма. Чартисты выступали с выражением сочувствия угнетенным национальностям (полякам, итальянцам, ирландцам). Деятели чартизма, сблизившись с находившимися в Лондоне эмигрантами различных наций, организовали международное общество «Братских демократов» с девизом «Все люди — братья!»

Чартизм был единственной попыткой политической и социальной революции со стороны рабочего класса в Англии. После него рабочее движение в Англии надолго вступает в полосу мирной борьбы профессиональных союзов, стоящих в стороне от политики. Эта полоса, столь характерная для английского рабочего движения, с незначительными отступлениями, тянется до 80-х годов XIX в., когда в нем вновь оживают социалистические идеи и сознание необходимости самостоятельной политической борьбы рабочего класса.

ПЕРИОД ЧИСТОГО ТРЕД-ЮНИОНИЗМА

Старый тред-юнионизм

Обстоятельства,
благоприятство-
вавшие возникно-
влению тред-
юнионизма

В период 50—70-х годов XIX в. промышленность и торговля достигают в Англии такого развития, что ни одно государство Европы не может с ней соперничать. Этому в значительной степени содействовали: новые усовершенствования техники и дальнейшее развитие крупной промышленности, завоевание обширных колониальных рынков и мест добывания сырья, увеличение и усовершенствование торгового флота, быстро и дешево развозившего товары по всему земному шару. Вот некоторые цифры, характеризующие экономическое развитие Англии в этот период. Добыча каменного угля составляла в 1855 году 61.454 тыс. *т*, в 1864 г. — 92.788 тыс. *т*, а в 1870 г. — 123.683 тыс. *т*. Выплавка чугуна, составлявшая в 1840 г. 1.390 тыс. *т*, поднялась в 1855 г. до 3.218 тыс. *т*, а в 1864 г. — до 4.768 тыс. *т* и в 1870 г. — до 6.059 тыс. *т*. Хлопка-сырца, которого за весь период 1831—1835 гг. было переработано 133.800 тыс. *кг*, за один 1860 год было переработано 518.400 тыс. *кг*. Вывоз, который в 1846 г. (начало периода свободы торговли) равнялся 59 млн. *ф. ст.*, в 1856 г. составлял 136 млн. *ф. ст.*, а в 1866 г. — 189 млн. *ф. ст.* Сумма ежегодного национального дохода и темп его возрастания выразились в следующих цифрах: в 1845 г. — 400 млн. *ф. ст.*, в 1865 г. — 600 млн. *ф. ст.*, в 1875 г. — 850 млн. *ф. ст.* Главная английская буржуазная газета «Таймс», обзвывая 1859 год, писала (в 1860 г.): «Позволительно усомниться, происходило ли когда-либо и где-либо в течение одного десятилетия большее накопление богатства, чем в истекшие десять лет».

Как видно из приведенных цифр, богатство страны, прежде всего, конечно, богатство буржуазии, непрерывно

увеличивалось; но вместе с тем увеличивались также и заработки рабочих. Застой и кризисы, которые раньше случались чуть ли не каждые пять лет, теперь стали гораздо реже, вследствие чего положение рабочих стало гораздо устойчивее и тверже. Рабочие реже страдали от массовой безработицы и массовых голодовок. Число бедных, содержимых на общественный счет, доходившее до полутора миллионов в 40-х годах, понизилось наполовину в 60-х годах.

Улучшение положения рабочих отразилось и на развитии профессиональных союзов. Они стали обширнее, членские взносы поступали аккуратнее, и союзы стали богаче. Стаечная борьба по временам утихала, вследствие чего профессиональные организации укреплялись, и у рабочего класса возрастала уверенность, что ему удастся поддержать и улучшить свое положение посредством профессионального объединения.

С другой стороны, неудачи недавно окончившегося чартистского движения были свежи еще у всех в памяти и отпугивали подавляющее большинство рабочих от политической борьбы. Более того, во многих профессиональных союзах требовалось уставом не затрагивать политических вопросов. Это тоже содействовало удержанию рабочего движения в рамках чисто профессиональных.

Немалую роль в этом отношении сыграл также характер политической жизни Англии. В английском парламенте издавна боролись две партии: тори — консерваторы и виги — либералы; первые защищали интересы крупных землевладельцев, вторые — интересы крупных промышленников. Желая привлечь на свою сторону избирателей из среды рабочих и ремесленников, каждая из этих партий, будучи у власти, делала уступки трудящимся классам. У рабочих таким образом составилось представление, что они могут обходиться без собственной политической партии, что им достаточно искусно нажимать на ту или другую партию, чтобы достичь тех или иных реформ в свою пользу, и что все свое внимание они должны сосредоточить на расширении и укреплении профессиональных союзов, которые с середины XIX в. начинают развиваться на новых основах.

Три ступени в развитии рабочих союзов Но раньше чем перейти к рассмотрению новых союзов и принципов, лежащих в их основе, бросим беглый взгляд назад.

Первые рабочие союзы, как мы говорили, возникают в конце XVIII и начале XIX вв. в производствах, которые носят

полуремесленный характер, или среди тех профессий, где от рабочего требуется значительная подготовка в виде нескольких лет ученичества (отсюда название «обученные» рабочие). Эти рабочие зарабатывают значительно больше, чем рабочие чисто фабричных производств, работают меньше, живут лучше; их организации устойчивы, несмотря на непрерывную борьбу, которую им приходится вести с хозяевами. Это своего рода «аристократы» труда; они цепко держатся за свою местную самостоятельность и неохотно сливаются с иногородними организациями, разве только в моменты борьбы с общим врагом. Стремления этих союзов очень скромны: увеличение заработной платы, ограничение доступа ученикам, чтобы уменьшить число конкурентов; они предпочитают мирные средства борьбы — обращение к суду, петиции в парламент, в крайнем случае прибегают к стачке.

Дело коренным образом меняется в эпоху оуэнизма и после нее до начала чартизма. Под влиянием агитации этого периода организуются не только рабочие полуремесленных производств, но и ткачи, прядильщики, рудокопы, организуются даже земледельческие рабочие. Для борьбы с общим врагом — капиталистическим строем — объединяются не только союзы одной и той же отрасли в различных местах страны, но все союзы сливаются в «национальные (общенародные) союзы» или «всеобщие союзы труда». Цели, которые они себе ставят, не узкие, маленькие цели повседневной борьбы, а великие цели уничтожения эксплуатации капитала, освобождения рабочего класса, водворения всеобщего счастья. Но уже с первых годов чартизма, когда внимание рабочих было отвлечено политической борьбой, прекращается стремление к образованию всеобщих союзов, а поражение чартизма приводит к унынию и разочарованию также в лагере тред-юнионистов.

Тогда-то, с середины XIX в., начинается третий период в жизни профессиональных союзов, являющийся как бы повторением первого. Восстанавливают и укрепляют свои организации прежде всего рабочие тех профессий, где требуется предварительная подготовка, так называемые «обученные» рабочие; они ставят себе ограниченные цели — борьбу за повседневные нужды — и стремятся достичь их только мирными средствами, по возможности даже избегая стачек. Но между этими союзами и союзами первого периода есть существенная разница. Местные организации одной и той же отрасли производства не остаются разъединенными друг

с другом, но образуют одну слитную «амальгамированную» организацию, охватывающую рабочих данной отрасли производства во всей стране. Местные ячейки остаются в известных пределах самостоятельными (автономными), но все в совокупности управляются одним выборным центральным комитетом или бюро, имеющим пребывание в крупном городе, где наиболее развито данное производство, или в столице—Лондоне. Делами бюро теперь заведуют не случайные добровольцы-рабочие, а нанимаемые на постоянную службу секретари, обыкновенно из наиболее интеллигентных членов пролетариата, всецело преданных интересам своего класса; вырабатывается целесообразная система регистрации, денежной отчетности и контроля. Членские взносы увеличиваются. Союзы накапливают большие средства, чтобы надлежащим образом поддерживать свои выступления, на которые они не решаются с такой быстротой, как прежде, но, раз решившись, стараются довести дело до конца.

**Возникновение
объединенных
союзов машино-
строителей
и плотников**

К числу первых тред-юнионов, возникших на новых началах, относится «объединенное (амальгамированное) общество машиностроителей». Оно образовалось из «дружественного общества механиков», возникшего еще в 1826 г. Это общество, объединявшее «аристократов» труда, держалось в стороне от политики и таким образом спасло себя от политических преследований; главной целью оно ставило взаимопомощь и посредством высокого обложения своих членов накопило значительные суммы (270 тыс. руб.). Благодаря агитации вождей ланкаширских союзов Ньютона и Аллана удалось объединить вокруг этого общества (в 1851 г.) 7 машиностроительных союзов с 11 тыс. членое, вносивших по 1 шиллингу (50 коп.) в неделю.

Вскоре новому союзу удалось испытать свои силы в борьбе с предпринимателями. Борьба началась из-за вопроса, который долго составлял предмет спора в этой отрасли труда, а именно из-за вопроса о сверхурочной работе и сдельной а именно — из-за вопроса о сверхурочной работе и сдельной высокомерным заявлением, что если на каком-нибудь заводе стачка откроется, то через неделю будут уволены все рабочие машиностроительной промышленности на всех заводах (лок-аут). Рабочие предлагали третейский суд, но предприниматели даже не удостоили их ответом. Рабочие забастовали. Исполняя свою угрозу, предприниматели через 10 дней закрыли все крупные заводы в Ланкашире и Лондоне.

Последовавшая трехмесячная борьба привлекла внимание широких кругов общества; во всех буржуазных газетах излагались подробности дела, обсуждались действия предпринимателей и тактика рабочих. Рабочие неожиданно нашли поддержку со стороны группы интеллигенции, известной под названием «христианских социалистов», пришедших на помощь союзу ввиду его миролюбивых, узко экономических целей. В кассу союза начали стекаться пожертвования: от сочувствующей публики — 40 тыс. руб., от других союзов — 50 тыс. руб., но все же в середине марта стало ясно, что дальше продолжать борьбу нет сил, и рабочим пришлось уступить и отказаться от своих требований.

Однако эта неудача не сломила союза. Славная и выдержанная борьба доставила ему известность. Число его членов увеличилось, он вновь окреп; и с 1852 до 1889 г. «объединенное общество машиностроителей» служило образцом для всех вновь возникших национальных союзов, а старые союзы постепенно усвоили себе основные черты его организации.

Союз машиностроителей, как явствовало из введения к его уставу, ставил своей целью отражение интересов специалистов машиностроения, прошедших законное число лет ученичества, от посягательства необученных рабочих. В этом отношении он напоминает союзы полуремесленных производств начала XIX в. и является противоположностью «всеобщим» союзам, объединявшим всех рабочих и всех представителей «производительных классов» без исключения. Это стремление объединять «аристократов» труда свойственно многим союзам, возникшим в эпоху 1852—1889 гг.; оно наложило особую печать на характер английского тред-юнионизма, сообщив профессиональным союзам те мелкобуржуазные черты, которые они проявляют до настоящего времени.

Объединяя только обученных рабочих, союз ставил себе следующие две цели: во-первых, выдачу пособий своим членам на случай болезни, несчастия, смерти, потери трудоспособности, т. е. цели страхования; во-вторых, защиту трудовых интересов своих членов при столкновениях с предпринимателями.

Чтобы достичь указанных целей, необходимы были значительные денежные суммы, а потому члены облагались довольно высоким денежным взносом. Накапливаемые из этих взносов суммы давали возможность не только выплачивать все виды пособий, но иметь еще довольно значительный остаточный капитал на тот случай, если бы пришлось

объявить стачку и оказывать поддержку стачечникам и безработным. Но подобные случаи мыслились как крайние; обычно руководители союза стремились к тому, чтобы, грозя предпринимателю стачкой, оканчивать столкновения компромиссом или соглашением.

Организация союза была основана на самостоятельности (автономности) его отделов, которые, однако, были обязаны строгой отчетностью перед центральным бюро. Выдача пособий поэтому зависела от правления отдела, но строго проверялась центральным бюро. Точно так же изменения в уставе могли быть приняты только после соответствующего рассмотрения предлагаемых изменений по отделам. Но по вопросу об объявлении стачки последнее слово принадлежало центральному бюро, и его решению обязаны были подчиняться отделы.

Немалую противоположность с предыдущим периодом представляла гласность, которую союзы старались внести в свои дела. Союзы предшествующих периодов обставляли свои действия таинственностью, прятали от публики все, что у них происходило, чем не только запугивали буржуазию, но и отпугивали своих братьев-рабочих. Союз машиностроителей, напротив, аккуратно доставлял в газеты месячные и годовые отчеты; его члены и руководители путем докладов и лекций старались знакомить публику с характером и целями своего союза.

Этот новый тип («новая модель»—new model) организации оказал большое влияние на все прочие союзы, из коих многие в продолжение ближайших десяти лет старались преобразовать свои организации по образцу «объединенного общества машиностроителей». Из возникших вслед за машиностроителями крупных обществ замечательно «Объединенное общество плотников» (1860 г.).

Толчком к его возникновению тоже послужило столкновение с предпринимателями, в данном случае из-за длины рабочего дня.

Дело в том, что строительная горячка, начавшаяся в конце 50-х годов (и продолжавшаяся в 60-х годах) вследствие быстрого прироста населения, повела к спекулятивному строительству, при котором предприниматели работали не на заказ, а для рынка. Сопряженные с этим конкуренция и риск вели к интенсификации труда (стремлению выжать из рабочих возможно больше), и если предприниматели в результате стачек соглашались на небольшое повышение заработной

платы, то они решительно противились требованию о сокращении рабочего дня. Между тем строители как раз выдвинули требование понижения рабочего дня с десяти до девяти часов. Переговоры с хозяевами вел объединенный комитет рабочих с Джорджем Поттером в качестве секретаря. Забастовка началась (в июле 1859 г.) прекращением работы только в одной фирме; но предприниматели ответили общим локаутом. Более полугода строители мужественно держались. Они апеллировали к общественному мнению. Был образован комитет из представителей различных профессий, знакомивший широкую публику с положением вещей. В одном из своих выступлений на митинге в Гайд-парке один из деятелей этого движения В. Кремер (будущий генеральный секретарь I Интернационала), критикуя буржуазную политическую экономию, осуждавшую стремления рабочих к улучшению своей участи, заявил: «Если политическая экономия против нас, то мы выступим против нее». Этим не отвергалась политическая экономия вообще, но выражался протест против политической экономии капиталистов во имя политической экономии рабочего класса.

Хозяева, объединенные в «Центральный союз хозяйственников», выдвинули требование «документа» (т. е. подписания рабочими документа о неучастии в профсоюзах) и запретили членам своей организации держать у себя на работе рабочих членов профсоюзов. Этим в сущности была объявлена война профдвижению. На борьбу строителей отозвался целый ряд тред-юнионов, приславших очень щедрые по тому времени пожертвования в стачечную кассу (были присланы также пожертвования из Германии). Амальгамированное общество машиностроителей внесло крупную сумму в размере более 3.000 ф. ст.

Борьба кончилась компромиссом: предприниматели отказались от требования «документа», а рабочие — от своего требования девятичасового рабочего дня. Но из этой борьбы строители вынесли наглядный урок, как важно иметь центральную организацию (до сих пор только небольшая часть их была объединена, и то — в маленьких организациях); денежная помощь «Амальгамированного союза машиностроителей» служила тому наглядным доказательством. В результате описанная стачка повела к образованию «Объединенного общества плотников» по новому образцу. Косвенным следствием этой стачки явилось образование «Лондонского совета тред-юнионов» (1861 г.),

возникшего из временного комитета, созданного для руководства стачкой. Совет поставил себе целью объединить и согласовать действия всех союзов и направить их на пользу всего рабочего класса. Не останавливаясь перед большой работой и расходами, совет издал адресную книгу тред-юнионов, составляющую интересный и полезный источник для ознакомления с профдвижением рассматриваемой эпохи.

Вторая крупная стачка строительных рабочих возникла весной 1861 г. Забастовщики решили использовать благоприятный момент — подготовительные работы к предстоящей всемирной выставке 1862 г., — чтобы заставить предпринимателей пойти на уступки их главному требованию — девятичасового рабочего дня. Вождем рабочих в этой борьбе выступил упомянутый выше Д. Поттер, а содействие рабочим в буржуазной печати оказывали радикалы-позитивисты Бисли, Гаррисон и др., протестуя против вмешательства правительства, пославшего на место рабочих на строительные предприятия военных саперов. С своей стороны, лондонский совет организовал ряд выступлений против использования саперов в качестве штрейкбрехеров. В результате строители добились частичной победы: был установлен рабочий день в 9½ часов. Косвенным результатом этой второй стачки было основание крупной рабочей газеты той эпохи «Улей» (Beehive) ¹⁾.

**Вонди рабочего
класса этой эпохи.
Хунта**

В описываемое нами время во главе тред-юнионистского движения стояли люди, которые много сделали для того, чтобы организовать это движение и отстоять его от натиска господствующих классов, но которые в то же время содействовали проникновению в тред-юнионизм и укреплению в нем соглашательской, антипролетарской политики. Нам необходимо поэтому сказать несколько слов об этих людях, об их деятельности и взглядах.

Первое место среди них принадлежит Вильяму Аллану и Роберту Апплгарзу.

Вильям Аллан был одним из основателей «Объединенного союза машиностроителей» и главным его деятелем;

¹⁾ О некоторых интересных моментах английского рабочего движения 60-х годов, т. е. кануна и периода I Интернационала (на которых мы, к сожалению, не можем здесь останавливаться) см. — кроме Вебба («История тред-юнионизма») и Кола («История рабочего движения в Англии») статью Д. Рязанова «Возникновение I Интернационала» в т. I «Архива Маркса и Энгельса».

будучи избран на пост генерального секретаря, он оставался на нем бессменно в продолжение 20 лет, до своей смерти. Его неутомимой деятельности союз обязан своей крепкой организацией, основательной системой финансового контроля и отчетности.

Роберт Ашплгарз, секретарь «Объединенного союза плотников», был человеком более широких взглядов; он был того мнения, что рабочий класс, кроме профессиональной борьбы, должен вести борьбу за политические и социальные реформы. Он был одним из видных деятелей «Международного товарищества рабочих» (Интернационала), ставившего себе целью борьбу с капитализмом при взаимном содействии рабочих всех стран. Необходимо, однако, отметить, что Ашплгарз был далек от социализма, держась тех умеренных воззрений, характерных для всех деятелей тред-юнионизма той эпохи, о коих (воззрениях) подробно будет сказано дальше.

Джордж Оджер был секретарем небольшого амальгамированного союза балшмачников и тоже видным деятелем Интернационала. Даниил Гайл был генеральным секретарем Национального союза железолитейщиков; Эдвин Кэульсон — генеральный секретарь Лондонского союза кирпичников. Все пятеро образовали так называемую «хунту», т. е. совет, стоявший во главе Лондонского совета тред-юнионов.¹⁾

Деятели эти замечательны тем, что все они вышли из рабочего класса и сами были первоначально простыми рабочими, а Оджер до конца жизни не оставлял своей профессии сапожника. В то время как в первый период рабочего движения вождями рабочих были люди из среды буржуазии, каковы: Р. Оуэн, Плэс, О'Коннор, О'Брайен и другие, пролетариат в описываемый нами период имел вождями людей из своей собственной среды.

Но, будучи выходцами из рабочего класса, вождями рабочих и даже видными деятелями Интернационала, эти люди неспособны были стать на прочную и правильную пролетарскую точку зрения в вопросе об основе и целях английского рабочего движения²⁾.

¹⁾ В примечании к указанной (в сноске) статье («Возникновение I Интернационала») автор ее, Д. Рязанов, в противовес Веббам, Колу, Ротштейну и др., говорит о «мнимой хунте» и об отсутствии полной солидарности во взглядах составлявшей ее пятерки. (См. сноску 36 к этой статье на стр. 127).

²⁾ Об отношении английского рабочего движения к Интернационалу см. отдел III гл. II «Междунар. тов. рабочих».

Они примыкали к Интернационалу, но в то же время в своей деятельности на поприще английского рабочего движения они исходили не из необходимости бороться с существующим строем и водворить на его место строй социалистический, а из взгляда, что положение рабочего класса в Англии можно улучшить в пределах существующего строя. Они поэтому требовали для пролетариата того, чем обладала уже буржуазия (т. е. избирательного права в палату, полной свободы союзов и пр.), и в своих взглядах на сущность экономического развития присоединялись к взглядам буржуазии.

Известно, что английская буржуазия стояла тогда (да и ныне продолжает стоять) на точке зрения «свободы» договора между рабочим и предпринимателем и «невмешательства» государства в отношения между трудом и капиталом (фрит-редерство или манчестерство). Названные вожди рабочего класса повторяли вслед за капиталистами, что они тоже стоят на точке зрения «свободы» и «невмешательства»; поэтому они требовали, чтобы рабочим было дозволено заключать договоры с предпринимателями, как они пожелают, в одиночку или сообща — союзами; чтобы им было дозволено оставлять работу в одиночку или сообща — в форме стачки, и заявляли, что государство не должно в это вмешиваться. Если предприниматели имеют право образовывать союзы и устраивать локауты, то пусть рабочим будет дозволено образовывать тред-юнионы и устраивать стачки.

Эта точка зрения не только неправильна по существу, но практически нецелесообразна. Успешная борьба рабочего класса за улучшение своего положения в пределах капиталистического строя (программа-минимум) возможна не при «свободе» договора и «невмешательстве» государства, а наоборот, при ограничении «свободы» капиталистов эксплуатировать рабочих и при вмешательстве государства в виде издания законов, ограничивающих свободу эксплуатации. Только при таких обстоятельствах возможно прочное фабричное законодательство с ответственностью предпринимателей за несчастные случаи, со страхованием рабочих и пр. В противном случае завоевания, достигнутые профессиональными союзами в периоды экономического подъема, будут потеряны в периоды промышленного застоя, когда гнетущая безработица и голодовки заставят рабочих согласиться на все условия предпринимателей.

К числу таковых, кроме радикалов и позитивистов (о которых говорится дальше), относятся так называемые христианские социалисты. Это была кучка филантропов (дословно: «человеколюбцев») и ученых, стремившихся отклонить рабочих от вступления на революционный путь, вырывая у правящей буржуазии некоторые уступки в их пользу, направляя рабочее движение в сторону борьбы мирными средствами.

Самыми выдающимися среди них были пастор Моррис, член парламента Юз, адвокаты Гуг и Ванситарт Ниль, общественный деятель Ледлоу. Они называли себя социалистами потому, что нападали на буржуазию за злоупотребление капиталистической собственностью и принципами свободы договора и невмешательства государства; они были сторонниками расширения фабричного законодательства, учреждения примирительных камер, третейских судов; «христианскими» они называли себя потому, что старались смятчить неподатливые сердца английских эксплуататоров проповедью христианской любви. Но на этом пути их успехи были ничтожны.

Гораздо важнее их деятельность в области организации производительных товариществ ¹⁾, с которыми Ледлоу познакомился в бытность свою в Париже в 1848 г. Возникновению этих товариществ христианские социалисты содействовали, ссужая ремесленников и рабочих деньгами. Производительные товарищества таким образом в значительной степени были обязаны своим существованием христианским социалистам. Точно так же, благодаря отчасти их агитации, были изданы (1852 и 1862 гг.) законы, защищающие уставы и собственность потребительных и производительных товариществ, что не мало содействовало упрочению кооперативного движения. В этом смысле христианские социалисты явились продолжателями дела оуэнистов. Точно так же христианские социалисты обращали внимание на просвещение рабочих масс в желательном им духе. С этой целью они, между прочим, основали народный университет (1854 г.). Само собой понятно, что их пропаганда была целиком осно-

¹⁾ Соединение трудящихся для самостоятельного (без хозяина) совместного производства каких-нибудь товаров за общий счет с разделением между участниками риска и прибыли предприятия.

вана на примиренчестве и таким образом содействовала отвлечению пролетариата от действительной борьбы с капитализмом. Христианские социалисты нашли себе многих подражателей среди лево настроенной интеллигенции, которая в 70-х и 80-х годах увлекалась устройством народных университетов¹⁾.

Продолжение борьбы за сво- боду союзов и стачек. Избират. реформа 1867 г. Отмена закон о господах и слуг ах	Христианские социалисты вмешивались в крупные стачки, стараясь склонить фабрикантов и рабочих к взаимным уступкам, но на этом поприще их успехи были ничтожны. Несмотря на то, что закон 1825 г. формально признал за рабочим право образовывать союзы, предприниматели не хотели мириться с фактом существования союзов, мешавших им эксплуатировать рабочих по своему усмотрению, а правительство неизменно приходило на помощь капиталистам, привлекая рабочих к ответственности на основании устарелых законов.
--	--

Первоначально промышленная буржуазия приветствовала союзы нового типа, чуждавшиеся политики; но вскоре она стала убеждаться, что и новые союзы не желают мириться с плохими условиями труда и даже готовы на борьбу за их улучшение. В особенности не по душе были предпринима-

¹⁾ Говоря о христианских социалистах, нужно сказать несколько слов об их предшественнике и единомышленнике Т. Карлейле. В своих сочинениях «Прошлое и настоящее», «Чартизм» и др. он бичевал дух эгоизма и любостязания, овладевших всем английским обществом, и развенчивал классическую политическую экономию, проповедывавшую эти стремления. Он призывал английских толстосумов и пропитанных жестокостью эксплуататоров вернуться к богу и его заповеди милосердия и любви. Рабочих он тоже старался направить на путь истины посредством религии. Это «миролюбивое» стремление к разрешению рабочего вопроса сделало Карлейля любимцем всех угнетателей без различия национальности, тем более что свою «мораль» он умел облекать в приятную форму, напоминавшую хорошую церковную проповедь. Английское правительство пожаловало ему самый почетный орден (Орден бани), Эдинбургский университет избрал его своим ректором. Буржуазия надеялась при посредстве красноречивых завываний Карлейля заставить радикалов и рабочих «сойти с революционного пути»; сам Карлейль имел в виду вытравить из сердец английских капиталистов стремление к барышу и заставить их ваяться вместо торговли богоугодными делами и, в первую очередь, разрешением рабочего вопроса. Само собой понятно, что успехи этой пропаганды равнялись нулю. Мы отмечаем проповедь Карлейля потому, что его красноречивыми пустыми и вредными писаниями увлекались также у нас народнически и филантропически настроенные круги интеллигенции. Христианские социалисты имели перед Карлейлем то преимущество, что, кроме слов, они также занимались делом.

телям союзы нового типа потому, что, обладая богатыми кассами, они обдуманно и осторожно вели борьбу. Против этих союзов объединившиеся предприниматели пускали в ход локаут. Особенно свирепствовали предприниматели во время кризиса 1866 г. Отчаявшиеся и изголодавшиеся массы отвечали на это поджогами фабрик, разрушением машин. В дом одного рабочего штрейкбрехера была брошена жестянка с порохом, производшая взрыв. Фабриканты подняли вопль против «заговорщиков и врагов общества». Трусливые обыватели взывали к помощи парламента. Газеты раздували опасность. В ответ на это правительство назначило следственную комиссию для расследования всех насильственных действий рабочих союзов за последние десять лет.

Деятели рабочих союзов решили должным образом встретить нападение своих исконных врагов. Немедленно была созвана конференция амальгамированных союзов, работавшая с 1867 до 1871 г. К делу были привлечены «христианские социалисты» и сторонники тред-юнионизма из числа позитивистов, каковы: профессор Бисли и Фредерик Гаррисон, депутаты Юз и Мунделла.

Благодаря кропотливой и умелой защите, им удалось выяснить перед комиссией всю вздорность обвинений. После этого Гаррисон составил законопроект о свободе союзов и стачек, значительно улучшавший закон 1825 г., а Юз и Мунделла внесли его в парламент. Но бывшее у власти либеральное министерство положило законопроект под сукно. В рабочем мире началась тревога. Во всех частях страны созывались митинги, раздавались угрозы по адресу либералов. Тогда либеральное министерство прибегло к следующей уловке. Оно приняло (1871 г.) закон о свободе союзов и стачек в той форме, как требовали рабочие ¹⁾, но прибавило к нему статью, предусматривающую суровое наказание за всякое насилие или угрозу, «имеющие целью оказать давление на предпринимателя или лиц, состоящих у него на службе». Эта статья таким образом узаконяла то беззаконие, которое чинилось над стачечниками в продолжение чуть ли не трех четвертей века. Как сурово применялась эта статья, можно судить на основании того факта, что в Уэльсе семь женщин

¹⁾ Согласно новому закону, профессиональные союзы получали права юридических лиц, благодаря чему имели возможность в лице своих представителей искать и отвечать на суде. Теперь союзы могли официально хранить свои фонды в банках и защищать их от покушений недобросовестных служащих.

были посажены в тюрьму за то, что сказали «ба!» при встрече с одним штрейкбрехером.

Буря негодования прокатилась по всему рабочему миру. Началась агитация против «каторжного» закона. Напрасно представители рабочих обивали министерские пороги. Знаменитый вождь либералов Гладстон ответил, что до тех пор, пока он у власти, нечего и думать о новом обсуждении закона.

Между тем наступили новые выборы в парламент, и вожди рабочего класса стали призывать рабочих к участию в выборах. Дело в том, что еще в 1867 г. была произведена новая реформа избирательного права, значительно расширившая избирательные права рабочих. Реформа избирательного права 1867 г., подобно реформе 1832 г., в значительной степени была проведена благодаря настойчивой борьбе рабочего класса, и потому об этой стороне рабочего движения следует сказать несколько слов.

Еще члены хунты организовали в 1862 г. «Политический союз», выдвигавший требование всеобщего избирательного права. Этот союз проявил слабую деятельность. В 1865 г. возникла Национальная лига борьбы за реформу (в которую влились ячейки вышеназванного союза). В то же время на севере Англии образовалась другая организация — «Союз борьбы за реформу». Лига была главным образом рабочей организацией, в Союзе задавали тон радикалы. В возникновении и организации Лиги борьбы за реформу выдающееся участие принимал генеральный совет Интернационала. В 1866 г. либералы под давлением агитации Лиги внесли в палату общин умеренный проект реформы избирательного права, но он был провален усилиями консерваторов, к которым примкнула часть либералов. Рабочие, как и в 1831 г., стали организовывать грандиозные митинги, из коих особенно замечателен митинг в Гайд-парке. Полиция закрыла парк, но толпа сломала ограду и овладела парком. Грандиозные митинги были устроены и в других частях Англии; всюду рабочие требовали всеобщего избирательного права. Реформа была проведена консервативным министерством, заменившим либеральное, вышедшее в отставку вследствие вышеуказанной неудачи при голосовании проекта реформы. Результатом реформы 1867 г. было получение избирательных прав значительной частью лучше оплачиваемых (обученных) рабочих (так как новый закон давал избирательные права в городах всем квартирантам, платившим за квартиру 100 руб. в год). Деятельное участие рабочих в выборах 1874 г. повело

к тому, что во многих избирательных округах либералы провалились. Рабочие предпочли консерваторов, обещавших отмену закона о «запугивании», либералам, щеголявшим громкими фразами о свободе и правах человека, а на самом деле порабоптавшим рабочих своими «каторжными» законами. Наконец, во время этих выборов впервые в палату общин прошли кандидаты, выставленные рабочими из их собственной среды, два руководителя Национального союза рудокопов — Александр Макдональд и Томас Берт, которые, впрочем, были избраны при поддержке либералов.

Новое консервативное министерство обнаружило было намерение увильнуть от исполнения своего обещания, но по настоянию рабочих-депутатов все же принуждено было отменить закон о «запугивании» (1875 г.).

Вместе с тем были отменены остатки закона о «господах и слугах». Этот закон очень характерен для страны, которая по какому-то недоразумению долгое время считалась в Европе страной, где «свято» уважают права человека. По этому закону, если предприниматель нарушал договор с рабочим хотя бы без всякого основания, то он приговаривался только к уплате следуемых денег, если же нарушал договор рабочий, не явившись, например, на работу или оставив ее, то он подлежал уголовному суду и трехмесячному тюремному заключению. При этом — что еще замечательнее — показания хозяина против рабочего, никем не подтвержденные, считались заслуживающими доверия; показания же рабочего против хозяина не считались заслуживающими доверия, так что рабочего часто приговаривали к наказанию только на основании показаний хозяина. Этот закон в широких размерах применялся в Англии до 1867 г., когда были отменены наиболее грубые его несправедливости, а в 1875 г. он вместе с законом о «запугивании» был отменен окончательно и заменен законом о «предпринимателях и рабочих». С этих пор наниматель и нанимаемый стали юридически равноправными сторонами рабочего договора.

Так после шестидесятилетней упорной борьбы английские рабочие, наконец, добились свободы союзов и стачек. Но, как мы увидим дальше, предприниматели еще не раз пытались — и не без успеха — вырвать у тред-юнионов плоды их побед.

Дальнейшее
развитие
тред-юнионов
Движение за де-
вятчасовой
рабочий день

Теперь, после того как мы выяснили основные черты периода чистого тред-юнионизма, остается сказать еще несколько слов о его дальнейшем развитии и достижениях.

В 60-х годах образуются еще две мощные организации нового типа — Федерация рудокопов и Федерация хлопчатобумажных рабочих. С образованием этих двух организаций центр тяжести тред-юнионизма постепенно переходит из Лондона в провинцию.

Организатором рудокопов был Александр Макдональд, сын рудокопа, сам с восьмилетнего возраста работавший в рудниках; впоследствии он самоучкой подготовился в университет, по окончании которого получил место учителя в рудокопном округе и занялся агитацией среди рудокопов. Он организовал рудокопов вокруг двух требований: 8-часового рабочего дня и ограничения детского труда. Но более практическое значение в деле организации рудокопов имело требование о правильном взвешивании. Дело в том, что заработок рудокопов определялся на основании веса добытого ими угля. Предприниматели обыкновенно обвешивали своих рабочих. Выставлено было требование, чтобы к весам был допущен представитель рабочих. После долгой борьбы это требование было удовлетворено. Каждый рудник должен был иметь своего представителя у весов, оплачиваемого за счет принудительного обложения всех рабочих. Необходимость таких сборов послужила очень сильным толчком для организации рудокопов, которые в 1870 г. имели уже до 200 тыс. организованных рабочих.

Если заработная плата рудокопов зависела от правильного взвешивания, то заработок хлопчатобумажников, работавших сдельно, зависел от правильности расчета по расценочной таблице, и необходимость иметь искусного оценщика, содержимого на общий счет, заставляла их повсеместно организоваться. Дальнейшим толчком для организации послужила борьба за «более короткий рабочий день». Хлопчатобумажники выставили требование девятичасового рабочего дня, и в 1875 г. им удалось добиться если не полного удовлетворения своего требования, то сведения рабочей недели к 56½ час.

Вообще начало 70-х годов ознаменовалось борьбой рабочих за сокращение рабочего дня; для этого была организована «Лига девятичасового рабочего дня».

Первые достигли своей цели машиностроители в 1871 г., после них часть судостроительных рабочих добились от предпринимателей еще большего сокращения рабочего дня — до 51 часа в неделю. Но строительные рабочие, несмотря на упорную стачку и перенесенные ими лишения, не добились ничего. Эта долгая и тяжелая борьба за «более короткий рабочий день», давшая сравнительно скромные и непрочные результаты, лишний раз убедила рабочих в необходимости настойчивой и хорошо организованной борьбы для достижения 8-часового рабочего дня законодательным путем.

В рассматриваемую нами эпоху вожди тред-юнионистов выдвигают новый принцип определения высоты заработной платы — на основании так называемой подвижной скалы (или табели). Принцип этот основан на правиле, согласно которому с улучшением дел на рынке и с увеличением, следовательно, прибыли капиталиста должна повышаться и заработная плата рабочих и, наоборот, с понижением прибыли капиталиста должна понижаться и зарплата рабочих. Представители рабочих следят за движением цен на рынке и на основании этого составляют «подвижную» скалу расценок.

Указанный взгляд находится в полном согласии с экономическими воззрениями вождей рабочего класса в данную эпоху. Как мы выше указывали, экономические взгляды вождей рабочего класса в ту эпоху совпадали со взглядами буржуазии. Согласно этим взглядам, между интересами капиталистов и рабочих существует согласованность (или, как иначе выражаются, «гармония интересов»), и с улучшением дел капиталистов улучшаются дела рабочих. Этот взгляд, неправильный в корне, в данном случае повел к очень вредным последствиям. Рабочие отказались от требования минимальной заработной платы, понижать которую нельзя, несмотря ни на какие ухудшения дел капиталистов, и в конце 70-х годов подвижная скала была введена в большинстве производств.

После издания закона 1871 г. о союзах тред-юнионам удается добиться от предпринимателей, чтобы все их спорные дела передавались на рассмотрение смешанных примирительных советов (иначе — камеры примирения) и третейских судов, в которых представители рабочих союзов участвуют на равных правах с представителями хозяев. Это можно рассматривать как победу рабочих, если вспомнить, как упорно отстаивали хозяева свое право разре-

шать все споры с рабочими на основании своего одностороннего усмотрения. Но, с другой стороны, введение третейского разбирательства содействовало дальнейшему укреплению в английском рабочем движении примиренческо-соглашательского направления в ущерб действительной пролетарской борьбе с капитализмом.

Говоря о дальнейшем развитии тред-юнионистского движения в 60—70-х годах, необходимо указать на образование в рассматриваемый период «Соединенного общества железнодорожных служащих» и «Национального союза сельскохозяйственных рабочих».

Железнодорожные служащие в то время принадлежали к числу наиболее эксплуатируемых рабочих. Страдая от слишком длинного рабочего дня и низкой заработной платы, они, кроме того, подвергались опасностям, сопряженным с их трудом. «Соединенное общество железнодорожных служащих» образовалось в 1872 г. Первым платным его секретарем был Фридерик Эванс, много потрудившийся в пользу организации общества. Союзу пришлось выдержать тяжелую борьбу с предпринимателями, которые при каждом удобном случае увольняли служащих, принадлежащих к союзу. Вот почему число членов общества долгое время было незначительно. В 1875 г. общество имело до 12 тыс. членов; в 1882 г. число членов упало до 6 тыс., в 1892 г. общество насчитывало уже до 50 тыс. членов — цифра, впрочем, тоже незначительная в сравнении с количеством служащих, занятых в этой отрасли.

Среди сельскохозяйственных рабочих, с момента пропаганды Оуэна в 1834 г. и после удара, нанесенного тогда союзу сельскохозяйственных рабочих дорчестерским приговором, организационная деятельность замерла. Под влиянием агитации выдающегося деятеля, сельскохозяйственного рабочего Иосифа Арча был основан «Национальный союз сельскохозяйственных рабочих», который после нескольких месяцев пропаганды его талантливого основателя насчитывал в своих рядах до 100 тыс. человек. Союз то расширял свою деятельность, то замирал, в зависимости от экономических условий и удачи борьбы. Так, вскоре после своего образования ему удалось достигнуть повышения заработной платы сельских рабочих на 1—2 шиллинга в неделю, а также добиться более короткого рабочего дня. Но в конце 70-х годов, благодаря депрессии в сельском

стал распадаться; он вновь окреп в 80-х годах, в 1894 г. совершенно распался.

Рассмотренная нами новая организация тред-юнионов, практика взаимопомощи и страхования, легшая в их основу, посреднические учреждения (между трудом и капиталом), возникшие в эту эпоху и базировавшиеся на теории гармонии интересов, — все это вызывало потребность в постоянном обслуживающем аппарате, в опытных секретарях, специалистах тарифных расценок и пр., с более или менее обширным аппаратом второстепенных и низших служащих. В результате этого выборные и бесплатные администраторы прежних тред-юнионов были заменены постоянными платными специалистами; последние, хотя и были большей частью выходцами из рабочей среды (члены тред-юнионов), но под влиянием указанных обстоятельств от нее оторвались и обособились. Так было положено начало профсоюзной бюрократии с ее особыми интересами и нравами, отделившейся от рабочей массы и поставившей последнюю в зависимость от себя, поскольку она ведала не только значительными материальными вопросами профсоюзной жизни, но почти целиком направляла вопросы рабочей политики.

**Конгрессы
тред-юнионов
и парламент-
ский комитет**

С 1868 г. представители различных тред-юнионов начинают собираться на ежегодные конгрессы. Во избежание споров и расколов на этих конгрессах в продолжение долгого времени обсуждаются такие вопросы, по которым среди членов конгресса не существует больших расхождений. Резолюции конгресса не были обязательны для объединяемых им тред-юнионов. Вот почему эти конгрессы до конца 80-х годов очень мало влияют на ход рабочего движения.

Конгрессы ежегодно с 1871 г. избирали парламентский комитет из 10 членов и секретаря. Обыкновенно избирались представители наиболее крупных союзов и из года в год одни и те же лица (как, например, Бродхерст, Бердетт, Прайор, Шиптон). Кроме подготовки созыва очередного конгресса и заведывания текущими делами в промежутках между конгрессами, целью — и в сущности главной — парламентского комитета было производить давление на палату общин и на правительство для проведения законов, полезных для рабочих. Тактика была та же, что и тактика «хунты», — униженное попрошайничество в коридорах палаты общин и обивание порогов в министерских передних. Программа парламентского комитета тоже не отличалась особен-

ной широтой; она, как объяснял Прайор, основывалась на том, «что должны быть отменены все специальные законы, направленные против рабочих, и что за ними должны быть признаны точь-в-точь те же права, как за всеми прочими общественными классами». Фактически это сводилось к жалким требованиям, не менее курьезным для той эпохи, чем для современной. Так, в этой программе имелось требование о демократизации государственного механизма. Но что оно представляло собой? Это требование, как нам известно, было основой чартистской программы, которая его выразила в ясной и определенной форме знаменитых шести пунктов. «Хунта» в период 60-х годов считала еще требование о всеобщем избирательном праве одним из пунктов своей программы, хотя, правда, никогда не выдвигала его вперед с достаточной энергией. Между тем парламентский комитет в период 1875—1885 гг. мыслил демократизацию государственного строя в виде совокупности мелких и даже ничтожных реформ в различных отраслях законодательного, судебного и административного механизма, каковы, например, улучшение суда присяжных, ускорение судопроизводства у мировых судей и т. п. Что касается реформы избирательного права, то в этом отношении парламентский комитет стоял даже позади либеральной партии, и требование о распространении избирательного права городов на сельские округа (графства) было внесено им в свою программу лишь после того, как оно было выдвинуто либеральной партией. Приходится отметить такой поразительный факт, что на тред-юнионистских конгрессах 1882 и 1883 гг. резолюция о внесении в программу парламентского комитета требования о всеобщем избирательном праве (конечно, только для мужчин) была отвергнута значительным большинством голосов. Так обстояло с политическими требованиями. Не лучше была социальная часть программы. Здесь среди главных требований фигурировали такие, как предоставление рабочему возможности стать домовладельцем, или требование об облегчении возможности устройства потребительских лавок и производительных товариществ. Заметим кстати, что превращение рабочего в домовладельца наносит удар даже той крохотной части боевой программы, которая имелась у тред-юнионов, ибо рабочий-домовладелец теряет склонность к передвижению и, следовательно, не пойдет даже на стачку, которая сопряжена с потерей службы и необходимостью искать работы в другом округе. Такова была программа-максимум; но на практике парламентский комитет готов был благодарить буржуазию за малейшую уступку.

ПЕРИОД НОВОГО ТРЕД-ЮНИОНИЗМА И ВОЗРОЖДЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРЕМЛЕНИЙ

Социалистическая пропаганда и организация необученных рабочих С 80-х годов минувшего века начинается новый период в истории английского рабочего движения, начало которого характеризуется развитием социалистической пропаганды и возникновением тред-юнионов среди «необученных» рабочих (чернорабочих).

Большое влияние на распространение социалистических взглядов среди передовых элементов английского пролетариата в начале 80-х годов имела книга «Прогресс и бедность» Генри Джорджа. Критикуя существующий строй, Генри Джордж находит, что причина всех бедствий, от которых страдает рабочий класс, заключается в том, что доступ к земле закрыт для народных масс. Возрастая вместе с экономическим развитием страны, рента обогащает земельных монополистов и в конечном итоге поглощает наибольшую долю рабочей платы и прибыли. Чтобы положить конец этому незаслуженному обогащению и грабежу народного достояния, нужно вернуть трудящимся их естественное право на землю. Этого можно достичь установлением такого налога на землю (единого налога), который поглощал бы всю ренту, что побудит владельцев земли передать ее в собственность государству, которое распределит ее между трудящимися. Последователи Генри Джорджа основали общество под названием «Лига восстановления прав на землю», пропагандировавшее национализацию земли. Учение Г. Джорджа не заключало в себе ничего социалистического, и проектируемая им реформа неспособна была избавить народ от системы наемного труда и эксплуатации, но его критика существующего строя послужила толчком для многих рабочих к даль-

нейшему углублению в существующие общественные отношения, что многих из них привело в лагерь социализма.

Но гораздо больше влияния на дальнейшее развитие рабочего движения имела социалистическая пропаганда последователей учения Маркса — Хайндмана, Бернса, Чемпиона, Г. Манна, Уильямса и других, образовавших вместе со своими единомышленниками Социал-демократическую федерацию (1884 г.)¹⁾.

В целом ряде лекций и брошюр, на уличных митингах и на собраниях рабочих вожди Социал-демократической федерации выясняли английским рабочим сущность капиталистического процесса производства, который был для них неясен, несмотря на то, что он в такой резкой и наглядной форме протекал перед их глазами. Они выясняли рабочим, почему современный строй ведет к росту крупной промышленности и сосредоточению (концентрации) богатств в немногих руках и вместе с тем к упадку и исчезновению мелких предприятий; отчего после периодов промышленного оживления наступают застои и кризисы и как происходит то, что изобилие товаров и продуктов становится причиной нищеты трудовых классов, все это производших. Они объясняли рабочим сущность классовой борьбы, протекающей через всю историю человечества, и призывали их к борьбе не только на экономической, но и на политической почве для овладения властью и водворения социалистического строя, где не будет частной собственности на орудия производства и землю и где не будет эксплуатации человека человеком.

Кризисы и застои в промышленности, начавшиеся с середины 80-х годов, подтверждали все высказываемое социалистами и благоприятствовали их пропаганде, поддерживая боевое настроение в голодавшей и отчаявшейся массе. «Во всех судостроительных портах, — говорится в годичном отчете строителей паровых котлов за 1886 г., — тысячи не имеющих занятий людей напрасно ищут честной работы. Страшно смотреть на лишения, переживаемые их женами и детьми. Болезни достигли странного распространения, а сотни исхудалых, голодных лиц рассказывают о таких страданиях и лишениях, что их не в состоянии прикрасить и скрыть никакой оптимизм... Но рабочий не слеп... Он не похож на того благочестивого пастуха, который благодарит про-

¹⁾ Социал-демократическая федерация была образована из Демократической федерации, основанной в 1881 г. Гайдманом, Квелчем и др. Программу С.-д. федерации, пересмотренную в 1903 г., см. Р. Энзор, Современный социализм, 2-е изд., Гранат, стр. 420.

видение, что оно не лишило его соли, чтобы посыпать картошку. Он видит мотовское расточение богатств, в которых он лишен доли. Он видит многочисленный, все растущий класс людей, живущих в унаследованном богатстве... Он не может не прийти к заключению, что что-то дурно в этом строе, приводящем к столь неравномерному распределению богатств, созданных его трудом».

С особенным увлечением слушали социалистов безработные, устраивавшие в Гайд-парке и Трафальгар-сквере в Лондоне грандиозные митинги безработных, наводившие ужас на буржуазию. Полиция запретила митинги под открытым небом и в особенности на центральных площадях. Тогда начались гигантские демонстрации безработных против посягательства на свободу слова и собраний, что повело к столкновениям с войсками и полицией и аресту социалистических вождей. Но это только увеличивало круг сторонников социализма среди рабочих.

Со своей критикой и нападками социалисты обратились также против тред-юнионов. Джон Бернс, член амальгамированного (объединенного) общества машиностроителей, упрекал тред-юнионы в том, что они взяли на себя обязанности, которые лежат на государстве (каковы все виды страхования), и не хотят делать того, что надлежит делать организациям рабочего класса — бороться с капиталистическим строем; он упрекал их за «аристократизм», за равнодушие и даже враждебное отношение к необученным рабочим. Товарищ Бернса Т. Манн называл политику тред-юнионов малодушной, окаменелой, потому что в ней нет жизни, наступательного движения на существующий строй, вследствие чего ее результаты всегда будут ничтожны.

Так, в конце 80-х годов возникает «ново-юнионистская» партия, привлекавшая на свою сторону не только необученных рабочих в Лондоне и других больших городах, но много молодых и энергичных рабочих из старых тред-юнионов.

Говоря о распространении социализма в ту эпоху, нужно упомянуть о фабианцах. Это было общество ученых и писателей, задавшихся целью распространять умеренные социалистические взгляды как среди рабочих, так и среди буржуазии и содействовать постепенному водворению социалистического строя путем мелких реформ. Общество это было основано в 1884 г. Томасом Давидсоном; оно назвало себя «фабианским» по имени римского полководца Фабия Медлителя, отличавшегося медленной, выжидательной так-

тикой. Особенное внимание фабианцы обращают на так называемый муниципальный¹⁾ социализм, стремясь добиться того, чтобы города и графства взяли в свои руки удовлетворение основных нужд населения (электричество, газ, водопроводы, трамваи, хлебопекарни). Во главе этого общества стояли видные в Англии писатели и экономисты — Бернард Шоу, Сидней и Беатриса Вебб, Грехем Уэльс и другие. Учреждение советов графства в 1888 г. и приходских советов в 1894 г. содействовало усилению муниципальной деятельности фабианцев²⁾. Из изложенного мы видим, что фабианцы не социалисты, а социальные реформаторы, стремящиеся путем социальных реформ содействовать смягчению классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Выдавая себя за социалистов, они дискредитируют социализм в глазах более сознательных рабочих. Однако теория фабианцев не оставалась без влияния на рабочую аристократию и через главарей тред-юнионов фабианство все же оказывало влияние на рабочее движение.

Совершенно иной была деятельность социал-демократов, стремившихся вовлечь в борьбу против капитала низы рабочего класса. Со своей проповедью они шли преимущественно к необученным рабочим — чернорабочим строительного дела, железнодорожникам, газовым рабочим и доковым носильщикам — и, как увидим далее, вызвали среди них сильное движение.

В 1889 г. Бернс и Манн организовали союз газовых рабочих, а вскоре газовые рабочие объявили стачку с требованием 8-часового рабочего дня и, к общему изумлению, ее выиграли. Успех газовых рабочих приободрил других рабочих из категории необученных и немало содействовал организации чернорабочей армии доковых рабочих, которые вскоре забастовали. Столкновения докеров с хозяевами начались с того, что союз рабочих чайных складов потребовал повышения заработной платы. Отказ повел к стачке всех доковых рабочих Лондона. Блестящее руководство стачечниками со стороны Бернса привлекало к доковым рабочим симпатии других союзов и широкой публики. Посыпалось множество пожертвований (около полумиллиона руб.). Даже австралийские союзы отзывались, прислав громадное пожертвование в 300 тыс. руб.

¹⁾ Относящийся к городскому и сельскому самоуправлению.

²⁾ Программу фабианского общества см. Энзор, указ. соч., стр. 428—437.

Результатом победы доковых рабочих было возникновение множества союзов среди необученных рабочих; в продолжение одного года, после победы докеров, ряды организованных рабочих увеличились на 200 тыс. человек. Целью новых тред-юнионов было не страхование рабочих и взаимопомощь, а стачечная борьба и борьба со всем капиталистическим строем; поэтому они не требовали от участников больших взносов, стремясь к развитию боевого духа среди рабочих.

Немаловажную роль в деле распространения социалистических взглядов среди старых тред-юнионистов сыграли две крупнейшие стачки конца XIX века — машиностроителей в 1897 г. и углекопов в 1898 г. Обе стачки организованы были социалистами, и выдвинутые ими требования были взяты из программы социалистов: в первой стачке — 8-часовой рабочий день, во второй — отмена подвижной скалпы заработной платы. Несмотря на то, что первая стачка продолжалась шесть месяцев, а вторая — пять (причем число участников в той и другой было по 100 тыс. человек), обе стачки были проиграны, ибо объединившиеся хозяева, обладая колоссальным капиталом, легко могли нести миллионные убытки, зная, что они их потом наверстают с лихвой.

И хотя стачки окончились неудачно, влияние социалистов на союзы не уменьшалось, а увеличилось.

С того момента как представители новых союзов — социалисты — появились на конгрессах тред-юнионов, в политике конгрессов замечается некоторый поворот, что отражается на их резолюциях, принимающих по временам социалистический характер.

Еще Ливерпульский конгресс 1890 г. высказался за законодательное введение 8-часового рабочего дня, а Норвичский конгресс 1894 г. принял резолюцию о национализации земли (уже раз принятую на конгрессе 1888 г.), а также орудий производства ¹⁾.

¹⁾ Проведение социалистических резолюций пришлось крайне не по вкусу старым тред-юнионистам, которые задались целью заградить доступ на конгресс «социалистическим авантюристам». С этой целью они провели на кардифском конгрессе 1895 г. резолюцию, согласно которой делегатом конгресса не может быть лицо, не работающее в момент избрания на каком-либо фабрично-заводском предприятии. Тогда же от права посылать делегатов на конгресс были исключены советы тред-юнионов (местные объединения тред-юнионов), среди деятелей коих было немало социалистов.

На Бирмингемском конгрессе 1897 г. была опять принята резолюция о национализации земли, рудников, железных дорог и проч. Там же было постановлено создать федерацию (объединение) всех союзов. На Манчестерском конгрессе 1899 г. эта резолюция была приведена в исполнение, и положено основание «Генеральной федерации тред-юнионов» для установления единства действий всех союзов, входящих в федерацию.

И все же приходится констатировать, что старая тактика умеренности и малых дел, слишком внедрившаяся в английское рабочее движение и крепко державшаяся в старых «аристократических» союзах, вновь ожила в конце XIX и в значительной степени наложила свою печать на неокрепший в этот период английский социализм.

Из социалистических организаций, возникших в Англии в последние десятилетия XIX в., самой крупной является Независимая рабочая партия (Independent Labour party — ILP). Она была основана в 1893 г., имея во главе сначала Кейр-Гарди, потом Блэкфорда, Макдональда и др. Партия эта — типично английское образование; она не имеет ни определенной теоретической основы, ни ясно выраженной программы. Она называет себя социалистической и является таковой постольку, поскольку ставит своей целью, как сказано в ее программе, пересмотренной в 1903 г., «промышленную республику, основанную на социализации земли и капитала». Но, ставя себе такую ясно выраженную цель, она одним из главных способов ее достижения считает (как сказано в той же программе) «воспитание общества (курсив наш) в принципах социализма», исходя таким образом — как и другие немарксистские социалистические направления и согласно традиции оуэнизма — из предположения, что путем пропаганды можно привлечь на сторону социализма господствующие классы¹⁾. Она не состоит из однородных элементов и принимает в свои ряды не только лиц, стоящих на социалистической платформе, но и тех, которые склонны признавать ту или иную часть ее программы; при этом она составляет свои кадры главным образом из среды тред-юнионов и кооперативов. Такая программа и отсутствие теоретического ее обоснования мешали созданию сплоченной, цельной партии с прочной организа-

¹⁾ Подробнее программу Независимой рабочей партии см. Энзор, указ. соч. стр. 426—428.

цией и крепкой дисциплиной и обрекали НРП на бессильное топтание на месте.

НРП в известной степени содействовала организации самостоятельного политического рабочего представительства в парламенте (о чем подробнее будет сказано дальше). Если мы примем в соображение, что до этого времени английские рабочие и их организации плелись в хвосте либеральной партии, а подчас поддерживали на выборах консерваторов, то должны будем признать, что возникновение такой организации могло и должно было явиться очень важным шагом в английском рабочем движении, к сожалению, реформистская НРП не сумела придать этому представительству ни пролетарского характера, ни самостоятельности. Органом НРП был еженедельник «Рабочий вождь» (Labour Leader). Независимая рабочая партия являлась до войны самой широкой организацией рабочих и деятелей рабочего движения, которые стояли принципиально (впрочем, больше на словах, чем на деле) на точке зрения самостоятельной политической борьбы рабочего класса и обнаруживали склонность выступать на защиту принципа обобществления орудий производства, хотя только на словах и со многими оговорками и колебаниями¹⁾.

На рубеже XIX и XX вв. английское рабочее движение обнаруживает реакционный поворот, главным образом под влиянием войны с бурами. Рабочие союзы стали на сторону империализма английских капиталистов против боровшихся за свободу буров. На Сванзийском конгрессе 1901 г. предложенная социалистами резолюция, осуждавшая южно-африканскую войну, была отвергнута представителями 724 тыс. рабочих против 333 тыс., а резолюция о национализации всех средств производства была отвергнута 685 тыс. голосов против 264 тыс.

Но разразившееся вскоре тафф-валевское дело разбудило рабочих; оно показало, чем грозит им политика братания с буржуазией. Дело это заключалось в следующем.

В 1900 г. союз железнодорожных служащих объявил стачку на железной дороге в долине р. Тафф (Taff-vale). Стачка кончилась неудачно. Но это не удовлетворило владельцев дороги; они привлекли к суду союз, обвиняя его по законам, считавшимся отмененными, а именно: о «пикетировании» или «застрачивании» (выставление постов для недо-

¹⁾ О дальнейшем развитии НРП, как и вообще английского социализма, см. дальше, стр. 153—162.

пущения штрейкбрехеров к работе), о «противообщественном заговоре»; кроме того, они искали с союза причиненные им убытки. В первой инстанции судья решил дело в пользу железной дороги; суд второй инстанции отменил это решение. Тогда железная дорога перенесла дело в последнюю инстанцию — в судебный департамент палаты лордов (верхней палаты, сплошь состоящей из богатейшей английской аристократии). Палата лордов вновь присудила дело в пользу железной дороги, постановив взыскать для нее с союза 23.000 фун. ст. (230 тыс. руб.) убытка. Это решение таким образом свело на-нет все завоевания рабочих в области свободы союзов и стачек. Теперь всякий предприниматель мог привлекать к судебной ответственности союзы за стачки и отнимать у них их сбережения. И действительно, до 1905 г. тред-юнионы по судебным приговорам уплатили больше 2 млн. руб.

Тафф-валевское дело обнаружило перед рабочими, во-первых, насколько английские правители и буржуазия далеки от признания за рабочими неотъемлемых прав; во-вторых, что прочное рабочее и социальное законодательство возможно только при существовании самостоятельной политической рабочей партии в парламенте и при демократизации английского государственного строя. Одним словом, английские рабочие под влиянием этого дела пришли к убеждению, что недостаточно заниматься одной экономической борьбой, нужно заниматься и борьбой политической.

Лондонский конгресс тред-юнионов (1902 г.), где собрались делегаты 1.700 тыс. организованных рабочих, единогласно протестовал против враждебных рабочим решений палаты лордов и разных судов и постановил требовать новых законов, которые самым определенным образом гарантировали бы права рабочих. На этом же конгрессе огромным большинством голосов была принята резолюция, порицавшая войну с бурами, которая была названа одной из самых несправедливых. Наконец, что важнее всего, единогласно было признано необходимым учредить самостоятельную рабочую партию в парламенте с целью освободиться от союза как с либералами, так и с консерваторами.

**Парламентская
Рабочая партия** Парламентскую Рабочую партию (Labour Party—LP) не следует смешивать с Независимой рабочей партией, сущность которой нами описана выше.

В 1899 г., под влиянием НРП союзом железнодорожных служащих была внесена на Плимутский конгресс принятая

последним резолюция о необходимости созыва специального съезда из представителей тред-юнионов, кооперативов и социалистических организаций для рассмотрения вопроса об увеличении числа рабочих депутатов в парламенте. Пользуясь этой резолюцией, Независимая рабочая партия настояла перед парламентским комитетом тред-юнионов об образовании предварительного комитета из представителей всех видов рабочих организаций. Комитет был образован. В него вошли от парламентского комитета Уудс, Стилмен, Белл и Сэрон, от Независимой рабочей партии — Кейр-Гарди и Макдональд, от фабианцев — Бернард Шоу и Пэз, от социал-демократической федерации — Квелч и Тэйлор. Комитет энергично взялся за дело, выработал устав новой организации и инструкцию съезду. Созванный вскоре (в 1900 г.) съезд, на котором присутствовало 129 представителей тред-юнионов и социалистических организаций, одобрил предложенный устав и выбрал Комитет рабочего представительства. Сначала успехи Комитета были незначительны; к нему примкнула только небольшая часть профсоюзов; число его членов (вместе с членами примкнувших к нему социалистических партий) равнялось 376 тыс. Но под влиянием тафф-валевского дела число это в 1902 г. увеличилось более чем вдвое, дойдя до 861 тыс. В том же 1902 г. необходимость отдельной рабочей партии в парламенте, как мы видели, была подтверждена резолюцией Лондонского конгресса тред-юнионов. В 1906 г. Комитет рабочего представительства был переименован в Рабочую партию.

Английская Рабочая партия организовалась на иных принципах, чем те, например, которые лежали в основе германской социал-демократической партии или социалистических партий других европейских стран. В своей программе она называла себя федерацией (объединением), в состав которой входят тред-юнионы, социалистические общества, местные рабочие союзы и могут входить кооперативы. Целью ее, как говорится в программе, является организовать и поддерживать в парламенте партию, имеющую своих собственных вождей и отдельную политику. Во главе партии был поставлен исполнительный комитет из 13 членов, из коих 9 представителей тред-юнионов, 3 — социалистических обществ, 1 — рабочих советов. Для организации выборов и выдачи содержания депутатам было постановлено взимать сбор с каждого члена по 8 коп. ежегодно.

На выборах 1906 г. Рабочая партия провела в парламент 29 депутатов; к ним в парламенте присоединились 22 рабо-

чих-радикала, так что получилась внушительная сила — свыше 50 человек. Среди этих депутатов было около 20 социалистов, остальные не-социалисты. Во главе партии стояли Кейр-Гарди (умер в 1915 г.) и Дж. Рамзей Макдональд.

Результаты образования самостоятельной рабочей партии сказались немедленно. В том же 1906 г. рабочие добились закона, который уничтожил знаменитое тафф-валевское судебное решение и восстановил право союзов и стачек в прежнем виде; интересно отметить, что прошедший законопроект был принят почти целиком в том виде, как его предложил член Рабочей партии Гедсон (отсюда его название — закон Гедсона). Это была победа небывалая в истории английского рабочего движения. Господствующие классы стали считаться с Рабочей партией как с крупной политической силой, и обе главные партии обнаружили не мало желания перетянуть ее на свою сторону. Но английская Рабочая партия не могла использовать свое благоприятное положение и до сих пор не заняла вполне независимой позиции. Это объясняется смешанным составом партии и крепко сидящими еще в тред-юнионах буржуазными пережитками, мешающими им встать на путь более или менее прямолинейной пролетарской политики, даже такой политики, которая проводилась германской социал-демократией (до войны) и хотя бы довоенной французской социалистической партией¹⁾.

Дело Осборна Видя в Рабочей партии развивающуюся враждебную силу, господствующие классы, с одной стороны, стремятся перетянуть ее на свою сторону, а с другой стороны, исподтишка делают попытки ее сломить. В этом отношении характерно дело Осборна.

В 1908 г. некто Осборн, член железнодорожного тред-юниона, подал в суд жалобу, в которой он требовал возвращения ему взносов, которые с него взимались союзом в пользу Рабочей партии, ввиду того, что тред-юнионы имеют экономические, а отнюдь не политические задачи, и ходатайствовал о воспреещении дальнейших сборов подобного рода как незаконных. Судья первой инстанции отказал в жалобе Осборну; но во второй инстанции и в палате лордов дело было решено в его пользу. Само собой понятно, что для Осборна в коп. в год не играли никакой роли; но процесс был затеян шайкой, организованной господствующими классами. Эта шайка приняла название «Лиги защиты тред-юнионов», желая этим

¹⁾ О дальнейшем развитии Рабочей партии см. дальше стр. 154—155.

сказать, что она защищает тред-юнионы от «вредной» политики Рабочей партии. Вслед за Осборном в каждом тред-юнионе нашлись рабочие, требовавшие возвращения им сборов и запрещения дальнейшего их взимания. Так был поставлен в опасность денежный фонд парламентской партии, и вместе с тем произведено покушение на рабочее представительство. Рабочие вознегодовали. Шеффилдский конгресс тред-юнионов (1910 г.) вынес резолюцию, в которой призывал союзы не считаться с решением по делу Осборна и собирать сборы, даже если бы это грозило тюрьмой. Желая дать некоторое удовлетворение рабочим, либеральное министерство приняло в 1911 г., под давлением Рабочей партии, закон о выдаче жалования членам палаты общин в размере 4 тыс. руб. в год. Установления жалования членам нижней палаты английская демократия добивалась со времени чартизма. Но установление жалования депутатам не избавляет партию от необходимости иметь значительные денежные средства, которые ей прежде всего нужны для ведения избирательных кампаний, на пропагандистские цели и на содержание своей организации.

Тафф-валевское дело и дело Осборна были для тред-юнионов наглядными уроками и не мало содействовали уразумению рабочими необходимости рядом с экономической борьбой борьбы политической.

История фабричного законодательства в Англии тесно связана с историей рабочего движения, так как на всех этапах своей борьбы рабочие выдвигали требования об издании государством тех или иных законов, ограничивающих «свободу» договора, т. е. свободу эксплуатации рабочего капиталистом. Отдельные моменты этой борьбы изложены нами в предыдущем. Здесь мы намерены в сжатой форме и хронологическом порядке перечислить главные фабричные законы, добытые (до войны) борьбой рабочих и защитниками их интересов ¹⁾. Этот краткий перечень еще раз покажет, с какой постепенностью и с каким трудом доставались рабочим их победы.

Фабричное и социальное законодательство до 1910 г.

¹⁾ Более подробно этот вопрос рассмотрен в книге В. Кувшинской — «История фабричного законодательства в Англии», изд. 1912 г. См. также К. Маркс, «Капитал», т. I, гл. VIII и XIII и Г. Ностиц, «Рабочий класс Англии», гл. VII, стр. 397—420. В нашем обзоре не даны те достижения, которые явились результатом самостоятельных соглашений тред-юнионов с предпринимателями.

Но раньше чем перейти к этому перечню, укажем на некоторые особенности этой борьбы. Само собой понятно, что английское правительство, стоя целиком на стороне фабрикантов, делало все возможное, чтобы препятствовать успешному прохождению в палатах и окончательному принятию фабричных биллей, вносившихся в парламент по инициативе или друзей рабочих, каковы Оуэн, Остлер, Фильден и другие, или по инициативе вождей тред-юнионов. Средства же эти сводились прежде всего к крайней медленности при рассмотрении этих биллей, созданию с этой целью анкетных комиссий, собиравших свои материалы годами. Если же обстоятельства требовали уступки рабочим, то законопроект предварительно «искажался» и «уродовался» (как выразился Оуэн по поводу законопроекта, внесенного им в 1815 г.). Так, например, если законопроект предлагал сокращение рабочего дня на полтора часа, то сокращение это устанавливалось в полчаса или три четверти часа; если возраст несовершеннолетних предлагалось установить в 18 лет, то таковой устанавливался в 14 или 16 лет. Но это было не самое худшее. Хуже было то, что в законопроект вносились какие-нибудь незаметные оговорки, которые сводили его значение к нулю. Так, например, действительное значение сокращения рабочего дня для малолетних аннулировалось допущением в «исключительных случаях» или в периоды сезонных и спешных работ сверхурочной работы или установлением смен, причем одних и тех же детей привлекали к работе в обеих сменах. К такому же аннулированию действительной силы закона приводило допущение удостоверения возраста детей врачом вместо осмотра; не говоря о том, что врачи в большинстве случаев свидетельствовали в пользу фабрикантов, сами родители — так велика была их нужда — прибегали к разным обманам, чтобы преувеличивать возраст детей; так, показывали врачу старших вместо младших, подкладывали в обувь ребенку вату, чтобы он казался выше ростом. Самое худшее было то, что гарантия выполнения закона была до смешного слаба; фабриканты за невыполнение закона подвергались штрафу в 5 или 10 и, наконец, 20 фунтов стерлингов, т. е. от 50 до 200 руб. Некоторые фабричные законы, как свидетельствуют современники, вследствие указанных причин, а также вследствие отсутствия надлежащего надзора за их выполнением, оставались более на бумаге и не входили в жизнь.

Но в то же время сама жизнь выдвигала некоторое противодействие против этих зол, причем помощь приходила с совершенно неожиданной стороны. Дело в том, что некоторые фабриканты, которые по тем или иным причинам принуждены были ввести у себя вновь изданные законы, объединялись, чтобы зорко следить за тем, чтобы их конкуренты тоже исполняли закон и таким образом не находились в более привилегированном сравнительно с ними положении. Общеполитическая конъюнктура, как мы указывали, действовала благоприятно для рабочих в том случае, когда борьба между двумя главными партиями — консерваторами и либералами — обострялась, и тогда рабочие поддержкой той или иной партии обеспечивали себе прохождение нужного им закона, который уже несколько раз до того был провален парламентом. Нужно к этому прибавить, что консервативная партия по отношению к рабочему законодательству была часто либеральнее общепризнанных «либералов» ¹⁾.

Но, как выше было сказано, принятие закона еще не означало, что он войдет в жизнь. Только с развитием института фабричных инспекторов дело в этом отношении было перенесено на более прочную почву. Институт этот впервые был введен в жизнь в 1833 г. С течением времени он не только привился, но окреп и превратился в жизнеспособное и полезное для рабочего класса учреждение. Среди фабричных инспекторов выдвинулись очень энергичные деятели, своими мероприятиями умевшие пресекать злоупотребления фабрикантов и обход ими законов. Отчеты фабричных инспекторов являются содержательными и красноречивыми документами, по которым можно проследить, как тяжело было положение рабочих и сколько нужно было прилагать энергии, чтобы заставить фабрикантов исполнять закон. За самими фабричными инспекторами следили тред-юнионы, которые или работали в контакте с ними или обличали их, в случае уклонения от добросовестного исполнения своих обязанностей.

¹⁾ Оуэн в своей автобиографии, излагая историю своего билля об улучшении положения детей на фабриках, говорит, что в интересах рабочих он готов предпочесть консерваторов либералам, ибо старая родовая аристократия, насколько он ее помнит во время своей молодости, во многих отношениях стояла выше «денеги делающей и денег ищущей аристократии нашего времени». К сказанному нужно прибавить, что проявляемое по временам земельной аристократией рабочелюбие являлось результатом ее борьбы с промышленной буржуазией.

Закон 1802 г. о здоровьи и нравственности учеников предписывал, чтобы рабочий день учеников не был длиннее 12 час.; ночная работа совершенно запрещалась, начиная с 1804 г.; фабриканты обязывались обучать детей грамоте, давать им ежегодно новую одежду, два раза в году белить фабрики известкой и хорошо их вентилировать. Закон этот, как правильно указывает Э. Доллеан в своей книге о Р. Оуэне, следует скорее считать не фабричным в собственном смысле, а придатком к закону о бедных, так как он говорит о детях бедняков, взятых в обучение от приходов.

Закон 1819 г. Оуэна назван законом Пилля, ибо последним был внесен в палату общин ¹⁾. Согласно этому закону, (который был искажением проекта, предложенного Оуэном), воспрещался прием в качестве рабочих на хлопчатобумажные фабрики детей до 9-летнего возраста; несовершеннолетние до 16 лет должны были работать не больше 12 час. в день, причем их рабочее время должно было начинаться и кончаться между 5 час. утра и 9 час. вечера. Вместе с тем разрешался в предприятиях, пользовавшихся водяной силой, для восстановления времени, потерянного вследствие недостатка воды, один час сверхурочной работы, что было лазейкой для злоупотреблений.

Закон 1831 г. Хобхауза устанавливал продолжительность работы для подростков до 18 лет в 69 час. в неделю (по 12 час. в течение 5 дней и 9 час. в субботу). Но, как и предыдущий закон, он распространялся только на хлопчатобумажную промышленность. Запрещалась ночная работа для несовершеннолетних от 9 до 21 года, хотя в виде исключения, как в предыдущем законе, допущена сверхурочная и ночная работа. По замечанию немецкого историка английского фабричного законодательства Пленера, это был, в сущности, первый фабричный закон, который применялся, по крайней мере, хоть отчасти, и служил исходным пунктом для дальнейшей апитации.

Закон 1833 г. Олторна запрещал ночную работу от 8 час. 30 мин. вечера до 5 час. 30 мин. утра для всех лиц, не достигших 18-летнего возраста, во всех фабричных предприятиях, где обрабатывались хлопок, шерсть, конопля и лен; согласно этому закону, дети от 9 до 13 лет работали 48 час. в неделю, а от 13 до 18 лет — 69 час. в неделю. Дети обязательно должны были посещать школу, по крайней мере,

¹⁾ Подробно об этом законе см. стр. 42—44. Законы получали названия по имени депутатов, их предложивших в палате общин.

в течение 2 час. ежедневно. Этим законом впервые устанавливался институт фабричных инспекторов в количестве 4 человек. Постановление о 8-часовом рабочем дне для недостижных 13 лет должно было быть введено в действие с 1836 г. И этот закон допускал бесчисленные злоупотребления, на которые власти смотрели сквозь пальцы. Известный либеральный деятель Брайт сказал в палате общин в 1844 г. по поводу этого закона: «Всякий человек, мало-мальски знакомый с фабричной промышленностью севера, знал во время издания этого закона, что провести его на практике было невозможно». Причины этого — устанавливаемые им смены, обманы фабрикантами инспекторов, установление возраста детей врачами по наружному виду, низкий размер штрафа за нарушение закона и проч.

Закон 1842 г. Эшли запрещал работу под землей мальчикам до 10 лет и женщинам всех возрастов. Между прочим, запрещалась расплата с рабочими в трактирах, в случае расплаты с рабочими в трактире, рабочие имели право требовать свою плату, как неполученную. Вначале закон этот слабо применялся. Фактически он стал применяться с тех пор, как возник и окреп союз углякопов, пригласивший к себе на службу для защиты своих интересов чартиста адвоката Робертса.

Закон 1844. Грэма ограничивал во всей текстильной промышленности работу женщин и подростков 12 час. и запрещал им ночную работу. Это был первый закон в пользу женщин. Рабочий день детей в возрасте от 8 до 13 лет был ограничен 6½ час., причем никто из детей, работавших до часа дня, не мог быть привлечен к работе в тот же день на этой же или на другой фабрике. Этот закон таким образом ухудшил положение детей, понизив их предельный возраст с 9 до 8 лет.

Десятичасовой билль 1847 г. ограничивал труд женщин и подростков 10 час. в день, или 68 час. в неделю (по субботам 8 час.) для всей текстильной промышленности. Но практическое осуществление этого закона повело за собой ограничение также 10 час. труда взрослых мужчин во всех предприятиях, где они работали совместно с женщинами и подростками¹⁾. Маркс назвал 10-часовой рабочий день не

¹⁾ Фабричное законодательство периода 1842—1847 гг. было в значительной степени вызвано стремлением господствующих классов смягчить озлобление рабочих в период чартизма и отколоть от чартистов часть их сторонников, склонных к компромиссам.

только крупным практическим успехом, но и победой принципа, а именно победой политической экономии пролетариата над политической экономией буржуазии.

В 60-х годах начинается распространение фабричного законодательства на некоторые другие отрасли труда, кроме текстильной, как, например, на красильни и белильни, пекарни, спичечное и гончарное производства, на предприятия по изготовлению обоев, пороха и некоторые иные. Однако общего закона для нетекстильной промышленности не существовало, и произвол предпринимателей был огромный. Закон 1867 г. о фабриках и мастерских распространил действие фабричного законодательства на промышленные заведения, расположенные вне центров. Законом 1871 г. мелкие мастерские поручены надзору фабричной инспекции.

Закон 1874 г. вносит небольшую поправку в закон 1847 г., а именно — в субботу работа подростков и женщин продолжается всего 6½ часов. Предельный возраст детей вновь поднимается до 9 лет, а через год устанавливается в 10 лет. Не оговорена допустимость сверхурочных работ, что равносильно было их запрещению. Закон распространялся только на текстильную промышленность.

Закон 1878 г. уничтожил неудачное деление на фабрики и мастерские по количеству занятых рабочих, заменив этот признак признаком употребления механической силы (пара, воды и проч.) для приведения в действие машин. Но домашняя мастерская продолжает оставаться миром отверженных.

Борьба с системой «выжимания пота», или «потогонной системой» (sweating system), как называлась система отдачи работ на дом или в домашние мастерские, и всякого рода сдельная работа, одним словом, все те виды найма труда, где эксплуатация его достигла невероятных размеров, — борьба с этой системой началась с 1890 г. Здесь констатирован был рабочий день в 18—19 часов. Законами 1891 и 1895 гг. все фабриканты и владельцы мастерских обязывались представлять списки всех работающих на дому и вообще вне мастерской фабричным инспекторам, а с 1901 г. и совету округа. Списки эти являлись средством привлечь к ответственности хозяев за антисанитарное состояние помещений, где происходила работа. Более реальные меры защиты труда в этой области достигнуты только с того момента, когда работники и работницы этой категории стали объединяться в тред-юнионы. С 1901 г. закон о расценочной таблице распространен и на работающих на дому.

Под влиянием закона 1893 г. о железнодорожных служащих внесено некоторое улучшение в их положение; стрелочникам был дан 8-часовой рабочий день, но еще в 1907 г. на железных дорогах рабочий день равнялся 12—15 часам, а в отдельных случаях — 18 часам.

Закон 1901 г. суммирует и объединяет все предшествующие достижения в области фабричного законодательства. Улучшения добавлены относительно детей. Не допускаются к работам на фабриках и в мастерских дети моложе 12 лет, на которых распространяется закон об обязательном обучении; подростки в возрасте от 12 до 14 лет работают не более 27½ часов в неделю. Для них запрещена ночная работа.

И все же приходится констатировать, что в начале XX века огромная масса рабочих, занятых в различных отраслях труда, находилась в Англии вне защиты фабричного законодательства. Защитой законодательства пользовались только те отрасли труда, которые, благодаря своим профессиональным объединениям, сумели добиться этой защиты и удержать ее — таковы, например, текстильная и угольная отрасли промышленности. Особенной эксплуатации подвергаются все категории рабочих, относящихся к потогонным отраслям.

Борьба за 8-часовой рабочий день началась в Англии ¹⁾ еще с 30-х и 40-х годов под влиянием оуэнизма и чартизма; но некоторые реальные результаты достигнуты лишь в начале XX века. Раньше всего был введен 8-часовой рабочий день в управлении почт и телеграфов (1895 г.); далее 8-часовой рабочий день стал вводиться в тех отраслях, где происходит непрерывная работа тремя сменами. В 1908 г. в копях и рудниках установлен 8½-часовой день (считая полчаса на спуск в шахты и поднятие из них). 9-часовой и 8-часовой рабочий день (по данным 1910 г.) введен во многих отраслях труда по частному соглашению между предпринимателями и тред-юнионами. Все беспристрастные специалисты отмечают, что укорочение рабочего дня не отразилось понижением на прибылях предпринимателей; во многих случаях, наоборот, отмечается повышение вследствие увеличения интенсивности и производительности труда.

Не теряя надежды перетянуть на свою сторону рабочих, английские политики и правители как из среды либералов, так и из числа консерваторов выдвинули в своих программах

¹⁾ Не имея возможности остановиться здесь на подробностях этой борьбы, отсылаем читателя к книге Вебба и Кокса «Восьмичасовой рабочий день». Имеется недавнее издание «Сотрудничества». Пгр. 1918 г.

ряд социальных и демократических реформ, правда, очень скромных. Из них некоторые осуществлены под давлением Рабочей партии и тред-юнионов.

В 1908 г. принят закон о государственных пенсиях для стариков обоого пола, достигших 70 лет (!) и имеющих менее чем 31 фунт 10 шиллингов (т. е. немногим больше 300 руб.) дохода в год. Максимальная пенсия равняется 10 руб. в месяц.

В том же году принят аграрный закон, в силу которого советы графств и приходов получили право выпускать займы для принудительного отчуждения частных земель, из которых должны быть образованы мелкие фермы, сдаваемые в аренду безземельным.

В 1909 г. законом о минимальной заработной плате признано за государством право регулировать заработную плату в наиболее эксплуатируемых отраслях труда, каковы: шитье одежды на магазины готовых вещей, изготовление картонных коробок, машинных кружев, сетей, цепочек. Закон этот важен в принципиальном отношении.

В 1912 г. в результате грандиозной забастовки рудокопов принят закон об установлении минимума заработной платы в каменноугольных копях через смешанные комитеты из предпринимателей и рабочих.

В том же году вошел в действие закон о страховании от безработицы; и в бюджете 1913/14 г. предусмотрено было на долю государства для целей страхования сколо 7 млн. руб. при 2.400.000 рабочих, подлежащих обязательному страхованию, что, конечно, является чрезвычайно мизерной суммой.

Говоря о реформах, следует упомянуть о реформе палаты лордов в 1911 г. Палата лордов (верхняя палата), состоящая из наследственных представителей английской аристократии, является самым реакционным учреждением во всем английском государственном механизме. Мы выше видели, как обыкновенно противилась палата лордов всяким реформам в пользу рабочих и как она своими решениями в качестве судебной инстанции стремилась сломить рабочие организации. До 1911 г. палата лордов могла ствергать всякий закон, принятый нижней палатой. В 1911 г. либералы, опираясь на Рабочую партию, приняли закон, в силу которого всякий билль (законопроект), будучи трижды принят нижней палатой в трех последовательных сессиях, не нуждается в одобрении палаты лордов, а все финансовые

законы совершенно не нуждаются в одобрении верхней палаты. Но это, конечно, только часть реформы, которую следовало провести; верхняя палата должна была быть уничтожена, как пережиток старины. Впрочем, английский государственный (как и социальный) строй нуждается не в реформе, а в революции.

Потребительная кооперация Скажем несколько слов о кооперативном движении, которое началось в Англии около 80 лет тому назад под влиянием учения Р. Оуэна. Сам Оуэн, как известно, не признавал кооперативного движения частью своего «великого плана» основания коммунистических общин; но оно возникло и развилось среди рабочего класса прежде всего в форме потребительной кооперации, потому что соответствовало жизненным нуждам этого класса.

При низкой заработной плате, которую получал рабочий, экономия, даваемая участием в потребительской лавке, имела для него известное значение, косвенно увеличивая его заработную плату иногда на 10 и более процентов.

Не меньше значения имеет лучшее качество товаров, доставляемых потребительными обществами. Известно, какого качества продукты приобретаются рабочими в фабричной лавочке, да еще в кредит. В Англии в этом отношении дело обстояло не лучше, чем в других странах. К тому же там долгое время существовала система расплаты продуктами (так называемая система «трук»). Потребительные общества, покупая товар оптом и из первых рук, могли давать рабочему продукты несравненно лучшего качества, чем он покупал у мелких торговцев. Впрочем, потребительные общества в Англии давно уже перешли к собственному производству и имеют крупнейшие фабрики, заводы, хлебопекарни, фермы, чайные плантации, пароходы. Это еще более удешевляет товары и увеличивает выгоды членов кооперативных обществ.

Наконец, согласно рочдельским принципам, кооперативы уделяют внимание целям образования и содействуют устройству народных университетов, школ для взрослых, библиотек и пр.

В последнее время все более усиливается связь между кооперацией и тред-юнионами. По мере того как государство берет на себя некоторые из обязанностей, до сих пор целиком лежавших на тред-юнионах (страхование от безработицы, на случай инвалидности, пенсии и пр.), в последних освобождаются значительные капиталы, которые они охотно вкладывают в кооперативные предприятия.

Приводим некоторые данные английской кооперативной статистики.

К 1913 г. в Англии было всех кооперативов 2.500 с числом членов свыше 2.750 тыс. Из них потребительных обществ свыше 2 тыс. с числом членов свыше 2.650 тыс., что означает 1.325 членов на одно общество в среднем с годовым оборотом больше миллиарда рублей и прибылью свыше 120 млн. руб. в год ¹⁾. В 1920 г. число членов в кооперативах было выше 4½ млн., из коих от 90 до 95 % рабочих и служащих; оборот превышал 4 млрд. руб. ²⁾.

Отличительные черты английского рабочего движения в XIX в. Все отличительные черты английского рабочего движения в XIX в. и первые годы XX в. могут быть сведены к одной основной — тред-юнионизму.

Тред-юнионизм означает прежде всего предпочтение экономического способа борьбы политическому. Основа его — профессиональный союз; цель — частичные и постепенные улучшения в положении рабочего класса; средства — объединение, самообложение, касса взаимопомощи и, наконец, стачка.

Тред-юнионизм, следовательно, есть борьба не с капиталистическим строем, а с капиталистами, с засильем капитала; он стремится не к тому, чтобы вообще сделать невозможной капиталистическую эксплуатацию, а к тому, чтобы ее ослабить, вернуть рабочим часть отнятого у него заработка; тред-юнионизм, следовательно, означает отсутствие стремления к социализму. Этим тред-юнионизм отличается от синдикализма, который тоже предпочитает экономическую борьбу политической, но стремится, борясь с капитализмом только на экономической почве, навсегда повергнуть его в прах, чтобы вместо него водворить социалистический строй.

Тред-юнионизм поэтому означает отсутствие революционизма. Он уклоняется от политической революции и не стремится к революции социальной; он желает бороться мирными, но верными, по его мнению, средствами, целесообразность которых уже испытана и неудача коих не грозит целостности профессиональных организаций и скорой возможности вновь

¹⁾ Интересно отметить, что в 1915 г. образовалась самостоятельная кооперативная партия, имевшая своего представителя в палате общин и 180 представителей в местных самоуправлениях. О вхождении многих кооперативных организаций целиком в Рабочую партию нами было сказано выше.

²⁾ Краткий, но содержательный очерк «Кооперативное движение в Великобритании» см. в ВСЭ, в ст. «Великобритания», т. IX, стр. 754—763.

качать ту же борьбу. Он не уклоняется для достижения своих целей от попрошайничества в коридорах парламента или в передней министра.

Тред-юнионизм есть заражение пролетарской организации буржуазной идеологией, как синдикализм есть заражение этой организации идеологией анархистской. Вот почему мы видим противоречивое явление: вожди тред-юнионизма — Апплгарз, Оджер и другие — одной ногой стоят в Интернационале, а другой — в коридорах палаты общин, ходатайствуя перед милостивыми представителями золотой мощны, чтобы на их клиентов-рабочих были распространены правовые блага, вытекающие из принципа «свободы договора» и «невмешательства государства».

Говоря об отличительных особенностях английского рабочего движения, необходимо обратить внимание на взаимоотношения между рабочей партией и профсоюзами. Это взаимоотношение противоположно тому, которое установилось в Германии (см. отдел III, гл. III). В то время как в Германии политическая партия с самого своего возникновения указывает путь профсоюзам и в дальнейшем в большей или меньшей степени держит их под своим влиянием, в Англии, как раз наоборот, — тред-юнионы влияют на направление рабочей партии, так как эта последняя создана преимущественно тред-юнионами и на них базируется. Само собой понятно, что путь к изживанию тред-юнионизма (экономизма) в значительной степени обусловлен изменением этого в корне неправильного отношения и подчинением тред-юнионов влиянию истинно-пролетарской политической рабочей партии ¹⁾.

Английский тред-юнионизм можно объяснить политическими и экономическими особенностями развития Англии.

Политическая свобода в Англии развивалась постепенно; она уже там имелась в зародыше, когда другие страны стояли под игом самодержавия. Когда английская крупная (или мелкая) буржуазия или пролетариат, нуждаясь в реформах для своего развития, производили натиск на политический строй, господствующий класс, находящийся у власти, не доводил дело до революции, делая во-время уступки. Революционная борьба между крупным капиталом и крупным землевладением также была избегнута тем, что партии, защищавшие их интересы (виги — либералы, и тори — консерваторы), чередовались у власти. А так как ни одна из них

¹⁾ О раздробленности английских профсоюзов, являющейся одной из особенностей английского профдвижения см. след. главу, стр. 138—140.

не могла править страной, не опираясь на широкие массы, то каждая из них делала уступки то мелкой буржуазии, то рабочим, то крестьянам-фермерам, чтобы при выборах иметь их голоса на своей стороне. Таким способом правящие классы предупреждали революционные вспышки; политический революционизм в Англии поэтому не имел надлежащей почвы и питательных соков.

Отсутствие социального революционизма в английском рабочем движении объясняется ее экономическим развитием. С начала XIX в. до последнего времени Англия по своей промышленности и торговле занимала первое место на всемирном рынке. До начала 80-х годов расцвет английской промышленности не только совершался безостановочно, но Англия себе не знала соперников в этой области. Это внушало веру в необычайные промышленные способности английской буржуазии, в правильность и полезность для Англии ее экономических воззрений, основой которых были свобода промышленности и труда и невмешательство государства. Этими воззрениями были заражены и вожди английского пролетариата, стремившихся не к тому, чтобы повергнуть эту буржуазию в прах, а к тому, чтобы урвать для рабочего класса часть золота, сыпавшегося в карманы английских промышленников.

IV

АНГЛИЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД 1910—1929 гг.

Краткий обзор
английского ра-
бочего движения
и английского
социализма в
XIX в.

Если мы бросим беглый взгляд на английское рабочее движение в XIX в., то увидим следующее.

Эпоха промышленного переворота и первые десятилетия, за ним следовавшие, являются периодом беспримерных в истории европейского рабочего движения бедствий английских трудовых классов. Поэтому первая половина XIX в., в особенности вторая четверть его, характеризуется революционностью стремлений английского рабочего класса, направленных против существующего политического и социального строя. Мы говорим о чартизме и обо всех проявлениях рабочего движения, ему предшествовавших и с ним связанных. В этом движении, в котором на первый план были выдвинуты политические требования, были, как мы указывали, очень глубокие тенденции социального характера, но они не были достаточно ясно выражены и не были сведены в определенную программу. С другой стороны, в рассматриваемый период в различные слои рабочего класса просачивается ясно выраженная социалистическая пропаганда Оуэна. Оуэнизм является единственной формой социализма в Англии в первой половине XIX в. и многие годы после этого. Но оуэнизм был лишен всякой революционной подкладки. Его миролюбивый характер и отказ от классовой борьбы способствовали его вырождению в мелкобуржуазный кооператизм, оторванный от конечных целей рабочего движения.

Несмотря, однако, на слабые стороны чартизма и оуэнизма, можно сказать, что в первую половину XIX в. англий-

ское рабочее движение было насыщено революционным духом и проникнуто социалистическими, хотя и неясно сознанными, тенденциями.

Дело резко меняется с середины XIX в. Период от 1850 до 1875 г. нужно считать самым блестящим в развитии английской промышленности. Избирательная реформа 1832 г. привела к победе крупной буржуазии над земельной аристократией, причем среди самих капиталистов, очутившихся у власти, произошло расщепление; на первый план выдвинулись промышленные капиталисты, которые повели борьбу с крупными землевладельцами и с той частью финансовой буржуазии, интересы которой были связаны с интересами крупного землевладения и аристократии. Борьба эта, как мы видели, велась под флагом свободы торговли (фритредерство или манчестерство). Освобождение торговли означало уничтожение хлебных пошлин, прибыльных для помещиков и убыточных для фабрикантов; свобода торговли означала, что Англия дает беспошлинный доступ в свою страну иностранным товарам, и продуктам, но требует также свободного доступа всюду для продуктов своей промышленности. Такой характер международных экономических отношений был в высшей степени выгоден для английской промышленной буржуазии, потому что техника и организация производства достигли в это время в Англии такой высоты, что с ней в этом отношении не могла конкурировать ни одна страна в мире. Согласно теории свободной торговли, Англия должна была стать «мастерской для всего мира», т. е. все страны должны были стать рынками для сбыта выработанных ею товаров и поставщиками для нее своего дешевого сырья. Эта программа стала выполняться с удивительным умением и энергией, подкрепленными силой английского оружия и дальновидностью ее дипломатии. Последовал период промышленного расцвета, хотя и прерываемый очередными кризисами, но самый выдающийся за все столетие.

Расцвет промышленности не мог не отразиться благоприятно на положении рабочих. Усовершенствование техники производства ведет к удешевлению жизненных продуктов, результатом чего является повышение реальной заработной платы; в то же время рабочий меньше страдает от безработицы и имеет возможность делать сбережения на случай наступления плохого времени. Взаимоотношения между фабрикантами и рабочими улучшаются. Фабриканты перестают

смотреть на рабочие союзы как на гнезда крамолы и разрушения; они охотнее исполняют фабричные законы, принуждая к этому своих товарищей, чтобы уравнивать условия конкуренции. Даже стачки не всегда встречают осуждение, в особенности со стороны крупных фабрикантов, которые в этом видят средство уничтожения слабых мелких конкурентов. Под влиянием всех этих обстоятельств классовая борьба притупляется, рабочее движение получает миролюбивый характер. Успехи английской промышленности приписываются умело проводимым на практике экономическим теориям и в особенности теории фритредерства, которая благодаря этому получает распространение и признание среди лучше оплачиваемых и нередко среди более образованных рабочих.

С начала 80-х годов монопольное положение Англии на всемирном рынке пошатнулось. Окончание междоусобной войны в Америке в 1866 г. и победа Германии над Францией в 1871 г. содействовали постепенному превращению этих стран в крупные капиталистические державы; к ним присоединилась Япония после произведенных в ней коренных реформ на европейский образец. Пошатнувшееся положение Англии на всемирном рынке нанесло удар господствовавшей до сих пор теории фритредерства и гармонии интересов рабочего и капиталиста. В капиталистическом мире выдвигаются новые воззрения о защите отечественной промышленности (протекционизм) и о завоевании и обеспечении для нее внешних рынков. На сцену выступает современный империализм.

Ухудшение в делах промышленности не могло не отразиться на положении рабочих и на их взаимоотношении с капиталистами; рабочие начинают терять веру в буржуазные экономические теории, в особенности в теорию гармонии интересов. Живым доказательством отсутствия этой гармонии является ряд начавшихся острых конфликтов между рабочими и работодателями. Одновременно с этим о своем существовании заявляют так называемые необученные рабочие, которые были пасынками в великой армии пролетариата, хотя составляли подавляющее ее большинство.

Все эти обстоятельства содействовали пробуждению социалистических стремлений и послужили благодарной почвой для социалистической пропаганды, которая, как мы видели, с 80-х годов вновь возрождается в Англии. Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что социализм этот долгое время имел очень ограниченный и поверхностный харак-

тер, что дает повод буржуазным историкам и политикам говорить об отсутствии социализма в Англии.

В Англии в начале XX в. еще не было, и по сию пору нет, единой сильной социалистической партии, как, например, в Германии до войны или даже во Франции, несмотря на то, что английский пролетариат первый в Европе организовался и выступил на политическую арену. Некоторые английские авторы насчитывают в английском социализме конца XIX в. больше шести направлений, причисляя к социалистическим направлениям такие, которые ничего общего с социализмом не имеют. В действительности в Англии в начале XX в. было три социалистических направления, объединенные тремя организациями — Социал-демократической федерацией, Фабианским обществом и Независимой рабочей партией. Так называемые христианские социалисты по сию пору под различными названиями объединяют социал-реформаторов различных мастей, сочувствующих рабочему классу; но сочувствие это, претворяясь в дело, часто приносит рабочему классу больше вреда, чем пользы. Если мы обратимся к существовавшим в рассматриваемый период трем организациям, то увидим следующее.

Социализм на основе учения Маркса не развился в сколько-нибудь мощную организацию. Основанная Хайндманом Социал-демократическая федерация никогда не имела больше 12 тыс. членов, что сравнительно с общим числом организованных английских рабочих следует считать ничтожной цифрой. Марксизм в различных формах получает более широкое распространение в Англии с начала второго десятилетия XX в., о чем подробнее будет сказано дальше; в частности, на основе учения Маркса возникает в Англии в 1920 г. коммунистическая партия.

Фабианское общество объединяет преимущественно интеллигенцию, сочувствующую социализму. Тем-то и замечательно английское рабочее движение и, в частности, английский социализм, что в то время как в Германии или во Франции социалистическая интеллигенция сливается с рабочими в единые организации, в Англии мы видим такое поразительное обособление. Это, конечно, не значит, что Фабианское общество не имеет в своей среде рабочих или, наоборот, что в других социалистических организациях нет интеллигентов, но мы говорим о преобладающей тенденции. Это обстоятельство давало повод некоторым английским историкам социализма утверждать, что подавляющее большинство английских социалистов принадлежит к средним

классам и что английский социализм не имеет классового характера. Но это неверно. Даже в конце XIX и начале XX в. Независимая рабочая партия объединяла гораздо больше социалистически настроенных рабочих, чем было членов в Фабрианском обществе, и имела более определенную социалистическую программу, чем это последнее; мы уже не говорим о том, кто более способен претворить социализм из слов в дело — социалистически настроенная английская интеллигенция или «консервативный» английский рабочий. Но в то же время нельзя не признать, что в рассматриваемый период социализм еще слишком неглубоко внедрился в английские рабочие массы. Ближайшую причину этого явления, в конце концов коренящегося в общих условиях английской экономической жизни, следует видеть в том, что английский рабочий класс всегда распадался на несколько слоев более обученных, менее обученных и необученных рабочих, из коих вышестоящие имели свои особые интересы, ревностно ими оберегаемые; на этом базировалась раздробленность английского тред-юнионизма. Раздробленность и обособленность профессиональных союзов до самого последнего времени мешали английским рабочим слиться в единый сплоченный класс, способный единым фронтом выступить против капитализма. Начиная со второго десятилетия XX в., в этом направлении в английском рабочем движении и в английском социализме происходят значительные изменения, о коих будет речь в дальнейшем.

Потеря Англией в начале 80-х годов своего господствующего положения на всемирном рынке повела, как мы видели, к полевению тред-юнионов и обусловила успех социалистической пропаганды в рассматриваемый период. В 90-х годах, однако, английская промышленность постепенно вновь овладевает частью потерянных позиций, крупная буржуазия вновь подчиняет своему влиянию широкие рабочие массы через прикармливаемую ею верхушку пролетариата («аристократию» труда). Умиротворению английского пролетариата в немалой степени содействовало продолжавшееся до конца XIX в. падение цен на предметы широкого потребления, вследствие чего реальная заработная плата постепенно повышалась, причем повышение это в более благоприятные периоды достигало 50 и более процентов.

С середины первого десятилетия XX в. в английском рабочем движении, как мы увидим из дальнейшего, вновь происходит сдвиг влево.

Стаачечный период
1906—1914 гг.,
его особенности
и значение для
дальнейшего раз-
вития рабочего
движения

Период 1906 — 1914 гг. можно назвать забастовочным периодом. Кроме множества мелких стачек, этот период представляет собой ряд грандиозных забастовок, ряд схваток пролетариата с капиталом. Причины забастовок разнообразны, а потому их трудно подвести под одну общую категорию. Однако можно сказать, что здесь действовали причины двух родов. С одной стороны, это были причины экономического характера — борьба за повышение заработной платы и укорочение рабочего дня. Начиная с конца XIX в., происходит вздорожание жизненных продуктов, вследствие чего реальная заработная плата постепенно начинает отставать от номинальной. Факт этот, на который исполком Рабочей партии обращал внимание IX конгресса партии в Портсмуте, вскоре был подтвержден официальной статистикой. Согласно данным этой статистики, в промежутке от 1900 до 1911 г. заработная плата в четырех главнейших отраслях производства (строительной, горной, машиностроительной и в земледелии) почти не изменилась (увеличение на 0,31%), между тем оптовые цены на жизненные продукты за этот период увеличились на 11½%, а розничные цены в Лондоне — на 9,3%. Вот почему стремление к повышению заработной платы было одной из главных причин забастовочного движения. Рядом с этим нужно поставить требования уменьшения рабочего дня. Несмотря на бесконечное множество фабричных законов, существовали отрасли труда, где эксплуатация носила еще характер старых времен середины XIX в., каковы, например, некоторые отрасли железнодорожной службы, многие виды домашней промышленности; но и те отрасли промышленности (как, например, горная), которым удалось добиться известного укорочения рабочего дня, все же, ввиду тяжелых условий труда, продолжают бороться за его уменьшение. К той же категории причин следует отнести стремление к расширению и упрочению прав профессиональных союзов, систематическое нарушение или непризнание которых, при поддержке судов и палаты лордов как высшей судебной инстанции стало обычной манерой борьбы капиталистов с рабочими.

С другой стороны, известную долю влияния на стачечное движение следует приписать социалистической и синдикалистской пропаганде, о которых речь будет дальше, и росту сознательности среди рабочих, росту недовольства существующей системой эксплуатации и экономического деспотизма вследствие чего мы среди причин забастовок видим такие,

как забастовки из сочувствия, забастовку по поводу несправедливости, причиненной одному служащему, забастовки вследствие найма лиц, не принадлежащих к профессиональному союзу и пр.

Перечислим наиболее выдающиеся забастовки этого периода.

В 1906 — 1907 гг. среди рудокопов Южного Уэльса началось движение против приема в горные предприятия лиц, не состоящих членами профессиональных союзов. Это движение привело к ряду забастовок. — 1907 год ознаменовался крупным конфликтом между железнодорожными служащими и владельцами железных дорог, причиной которого были вопросы увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня и признания железнодорожных профессиональных объединений. — В 1908 г. произошла семинедельная забастовка в хлопчатобумажной промышленности, где в продолжение долгого времени, благодаря соглашению, заключенному более десяти лет перед тем, не было крупных столкновений между рабочими и работодателями. — В 1909 г. механики Северовосточного берега без предварительного разрешения своего ооюза пришли в столкновение со своими предпринимателями. — В 1910 г. союз котельщиков, не считаясь с мнениями своих лидеров, объявил забастовку вследствие неудовлетворения справедливых требований небольшой группы своих товарищей. Несмотря на месяцы нужды и лишений и на уговоры своих главарей, они стойко продолжали начатую борьбу и выиграли забастовку. — 1911 год был одним из самых беспокойных в рабочем мире. В июне и июле бастовали моряки и докеры, и лондонская крупная торговля почти вся приостановилась. В августе вспыхнула железнодорожная забастовка, приведшая к прекращению железнодорожного движения в значительной части страны. — В 1912 г. произошла знаменитая стачка рудокопов по поводу объявления предпринимателями сокращения заработной платы, а в 1913 г. — самая выдающаяся по продолжительности дублинская забастовка вследствие стремления хозяев вмешаться в вопрос о том, к какому союзу должно отнести ту или другую категорию рабочих. — В 1914 г. произошло крупное столкновение в лондонской строительной промышленности. Предприниматели ответили рабочим локаутом за то, что профессиональный союз строительных рабочих отказался подписать документ, выражающий согласие рабочих, принадлежащих к союзу, на совместную работу с неорганизованными рабочими. Борьба, принявшая интенсивный характер, была прервана начавшейся европейской войной.

Чтобы дать более наглядное представление о размерах стачечной борьбы этого периода, приведем следующие цифры: в 1908 — 1909 гг. число участников стачек было 394.227, продолжительность стачек в рабочих днях — 13.193.063; в 1910 — 1911 гг. — 1.216.189 участников и 17.165.898 дней, и в одном только 1912 г. — 1.233.016 участников и 38.142.101 день.

Из перечисленных забастовок остановимся подробнее на железнодорожной забастовке 1911 г. и забастовке рудокопов 1912 г. Первую забастовку рассмотрим в связи с историей Объединенного союза железнодорожных служащих и забастовкой 1907 г.

Объединенный союз железнодорожных служащих, как выше было указано, был основан в 1872 г.¹⁾ В 1892 г. союз после многих лет организации и неудачных стачек еле насчитывал 50 тыс. членов. Пока союз держал себя по отношению к железнодорожным компаниям как полулегальное учреждение, не претендуя на «признание» со стороны последних, компании смотрели на его существование сквозь пальцы; но когда с 1896 г. союз стал требовать лучших условий труда для всех железнодорожных служащих, железнодорожные управления начали увольнять служащих, принадлежавших к тред-юнионам, а от вновь поступавших стали требовать подписки «документа» о непринадлежности к союзам. Это, однако, не сломило железнодорожников, которые продолжали организовываться по цехам и специальностям и, наконец, поставили свой Объединенный союз на такую же прочную почву, на какой стояли прочие союзы. Тафф-валевское дело хотя и обошлось союзу в полмиллиона рублей, но не затронуло его в основе, тем более, что последствия этого дела были уничтожены законом (Гедсона) 1906 г.

О этого момента союз вновь начинает свой нажим на железнодорожные компании, выдвигая требования об увеличении заработной платы и уменьшения рабочего дня. Произведенным союзом кропотливым статистическим исследованием было установлено, что 38% железнодорожных служащих получает 10 руб. и меньше в неделю, а 49,8% — от 10 до 15 руб. На возражение компании, что вознаграждение

¹⁾ Рядом с Объединенным (амальгамированным) союзом существовало еще несколько ж.-д. союзов, из коих наиболее крупными были «Всеобщий союз», основанный в 1889 г., «Союз объединенных сигнальщиков и стрелочников», основанный в 1880 г., «Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров», основанное в 1880 г. Кроме того, железнодорожные конторские служащие и телеграфисты были организованы в отдельные союзы.

ниже десяти рублей приходится на долю несовершеннолетних, союз вновь при помощи самой тщательной статистики установил, что более 100 тыс. взрослых служащих получают от 9 до 10 руб. в неделю. Ввиду отказа железнодорожных компаний вести по выдвинутым вопросам переговоры с представителями тред-юнионов, союз в 1907 г. (в ноябре месяце) большинством 80.026 голосовавших членов против 1.857 решил объявить национальную забастовку; но представитель правительства лидер либералов Ллойд-Джордж вмешался в это дело и заставил компанию принять к рассмотрению требования союза, а затем склонил обе стороны принять выработанную при его посредстве схему местных и центральных примирительных камер, составленных на паритетных началах, с «посторонним» председателем во главе и правом решать все вопросы касательно высоты вознаграждения и длины рабочего дня. Основание примирительных камер, несмотря на многие их недостатки, было крупной победой железнодорожных компаний. Дальнейшие факты подтвердили, что союз является выразителем стремлений и требований всех железнодорожных служащих. Когда были объявлены выборы в камеры, то, несмотря на все усилия компаний и на пущенные в ход уловки, на подавляющем большинстве линий были выбраны в качестве таковых члены тред-юнионов. Практика примирительных камер, однако, показала, что железнодорожные хозяева далеки от мысли об удовлетворении самых справедливых требований служащих. Чтобы тормозить деятельность камер, хозяева прибегали к разным видам обструкции и саботажа — задерживали присылку своих представителей, оттягивали исполнение решений после предварительной волокиты по инстанциям, подводили служащих под категории, не входящие в принятое решение, и пр.

В середине 1911 г. чаша терпения союза переполнилась. Вообще то лето было очень беспокойное в рабочем мире. В июне и в июле бастовали моряки и докеры, и лондонская крупная торговля почти вся приостановилась. Внезапно, даже без одобрения союза, вспыхнули железнодорожные забастовки в Манчестере, Ливерпуле и других крупных городах; отовсюду раздавались возгласы о неизбежности всеобщей железнодорожной забастовки. Повинуясь общему голосу железнодорожного служащего мира, союз поставил железнодорожным компаниям ультиматум: или вступить в переговоры с представителями его, или будет объявлена всеобщая железнодорожная забастовка. Срок дан

был суточный, и так как хозяева не дали никакого ответа, то 11 августа началась забастовка. Правительство, в лице премьера Асквита, сделало попытку вмешаться в дело, предложив выбрать комиссию для внесения улучшения в устройство примирительных камер, пригрозив, что в случае забастовки оно прибегнет к содействию войск, но это не испугало железнодорожников. Начавшаяся забастовка, хотя и не была всеобщей в полном смысле слова, но все же была настолько грандиозна, что грозила приостановкой всей торгово-промышленной жизни страны, так как бастовало свыше 200 тыс. человек. По настоянию члена правительства Черчилля войска были посланы в Манчестер, хотя, как оказалось, местные власти их не требовали, а сделано было это единственно по просьбе железнодорожных компаний. Но правительство все же решило выступить посредником между сторонами. Оно заставило компании прислать своих представителей в министерство торговли, куда одновременно были приглашены представители рабочих, в числе коих были депутаты парламента Гендерсон и Макдональд. Состоялось соглашение — первое в этом роде — между всеми железнодорожными компаниями и тред-юнионами. Стачка прекращалась на условиях: принятия обратно на службу всех бастовавших, немедленного рассмотрения примирительными камерами всех требований рабочих и самого скорого назначения правительственной комиссии для рассмотрения уставов и практики примирительных камер и для исправления всех их отрицательных сторон. В результате после нескольких новых стычек с хозяевами, потребовавших вмешательства даже палаты общин, последовало значительное исправление аппарата примирительных камер в смысле создания гарантий против обструкции и саботажа со стороны хозяев. Известным завоеванием в этой области было то, что представители рабочих в камерах получили право иметь секретарем члена тред-юниона; таким образом, в примирительные камеры был допущен оплачиваемый представитель тред-юниона; и если, таким образом, «официально» союз еще не был признан хозяевами, то фактическое признание он получил окончательно. Благодаря улучшению механизма примирительных камер, в ближайшие годы были достигнуты значительные улучшения в условиях труда железнодорожников. Еще более значительным результатом описанной борьбы железнодорожных союзов явилось слияние в 1913 г. трех организаций ж.-д. рабочих — Объединенного союза ж.-д. служащих, Всеобщего союза и Объединенного общества стрелочников и сигнальщиков в единый

Национальный союз железнодорожников, построенный на принципе, близком к производственному.

Забастовка, объявленная Федерацией рудокопов в 1912 г., была одной из самых грандиозных не только в Англии, но и в Европе. Забастовка началась по вопросу об установлении минимума заработной платы в шахтах.

Вследствие несправедливых расценок, вытекавших из того, что степень производительности сделных выработок зависела от особенностей тех или иных шахт (тонкий или толстый пласт, чистый или перемешанный с камнем уголь, обилие воды и пр.), в результате чего заработки отдельных рабочих были неодинаковы, — было выдвинуто требование об установлении общенационального дневного заработка рудокопов. Так как оно не было удовлетворено, то рабочие постановили бастовать. Вмешалось правительство, предлагая среднее решение; но вожди рабочих не соглашались, и забастовка началась. Она охватила около миллиона рабочих. Борьба была упорная и длительная. В дело вмешалось правительство, которое, как всегда в подобных случаях, уладило дело компромиссом, невыгодным для рабочих. Оно провело закон о минимуме дневной заработной платы, но не в общегосударственном масштабе, а по районам, причем этот минимум должен был вырабатываться комиссией из работодателей и рабочих под председательством «незайнтересованного» лица. Рабочие, хотя и были недовольны этим законом, в конце концов примирились с таким исходом дела.

Если мы присмотримся к стачечному движению приведенного периода, в особенности к стачкам 1911 — 1912 гг., то увидим следующее:

1. Стачки эти выходят за пределы частных местных столкновений рабочих с предпринимателями. Это — национальные восстания труда против капитала, столкновение двух вечно враждующих лагерей эксплуатируемых и эксплуататоров, борьба, которая может превратиться в пролог гражданской войны, в «последний и решительный бой». Вот почему государство так зорко следит за подобными столкновениями и вмешивается в критический момент, чтобы положить им конец компромиссом или оружием.

2. Эти грандиозные схватки имеют большое воспитательное значение, наглядно показывая рабочим, что при современных политических и экономических условиях забастовка только тогда может дать желанные результаты, когда она основана на согласованных действиях

всех рабочих сил данной отрасли промышленности во всей стране. Только такое одновременное и длительное прекращение работы в определенной важной отрасли национального хозяйства может заставить предпринимателей и стоящее за ними государство пойти на серьезные уступки.

3. Последствием такого понимания стачечной борьбы и условий успешности ее явилась перемена во взглядах многих передовых и развитых рабочих на вопрос об организации тред-юнионов, о взаимоотношениях между ними и о тактике борьбы. Эти наглядные уроки убеждают рабочих в крайнем вреде раздробленности и изолированности тред-юнионов и в необходимости перестроить свои профессиональные организации, отбросив мелкоцеховые тенденции и принципы и перейдя к организациям крупнопроизводственного характера.

4. Не приходится говорить, насколько такие грандиозные столкновения содействуют развитию самосознания рабочих, сознания собственной силы, развитию активности и дисциплины, взаимности и товарищеской преданности и, наконец, сознания необходимости подчинения частных мимолетных интересов маленькой ячейки широким, длительным и прочным интересам всего коллектива.

Стаечная борьба периода 1906 — 1914 гг. убедила рабочих во многом, в частности в том, что борьба на широкой производственной основе гораздо успешнее, чем на основе прежних узкоцеховых объединений и профессиональной раздробленности. Она, таким образом, подготовила более сознательных рабочих к восприятию пропаганды производственного юнионизма, исходившей от английских социалистов-марксистов, синдикалистов и отчасти от сторонников так называемого гильдейского социализма. Так как последние два направления, сравнительно недавно возникшие в Англии, имеют известное число приверженцев среди некоторых слоев рабочего класса, то необходимо подробнее остановиться на сущности проповедуемых ими учений.

Синдикализм
и гильдейский
социализм; их
теория и практика

То, что диктовалось жизнью, было подхвачено идеологией. Среди вождей тред-юнионов и среди деятелей рабочего движения, стоявших вне их, нашлись такие, которые выдвинули лозунг о новых методах борьбы с капиталом, о «действительном, неподдельном» социализме или, как они также выражались, о «введении научной классовой борьбы» против капитализма, вернее говоря, о введении этой

борьбы на началах научного социализма. Названные деятели стремились положить в основу этой борьбы учение Маркса и Энгельса, но при этом все же допустили значительные отступления от этого учения, оправдывая их особенными условиями английского тред-юнионизма и английской политической жизни. Новая пропаганда вылилась в форму синдикализма и гильдейского социализма. Остановимся сначала на первом учении.

Пропаганда синдикализма была начата еще Шотландской социалистической рабочей партией, которая входила в Социал-демократическую Федерацию, но в 1903 г. от нее откололась. Идеи синдикализма проникли в Шотландскую социалистическую партию из Америки, где в 1905 г. под влиянием этих идей и в противовес Американской Федерации труда образовалась синдикалистская партия под названием «Индустриальных рабочих мира» (Industrial Workers of the World — IWW). Шотландская социалистическая рабочая партия распространяла полусиндикалистские, полусоциалистические взгляды, заимствованные у ИРМ, в своем ежемесячнике «Socialist»). Учение это было систематически изложено в популярном сочинении, изданном в 1905 г. шотландским рабочим Джемсом Коноли, который, живя в Нью-Йорке, был членом союза ИРМ. Здесь автор, исходя из марксистского положения, что основой политической власти является экономическое могущество, доказывает, что политическое рабочее движение тогда только будет успешно, когда оно будет опираться на мощные профессиональные союзы, организованные по производственному принципу. Объединенные мощные профессиональные организации должны овладеть всеми средствами производства для того, чтобы водворить социализм и освободить производителей от гнета капиталистов и государства.

Указанные идеи полумарксистского, полусиндикалистского характера были усилены синдикалистскими теориями, проникшими из Франции. Проводником этих теорий явился один из старейших вождей английского рабочего движения Том Манн, который, еще живя в Австралии, проникся синдикалистскими воззрениями, а затем во время специально им предпринятой поездки в Париж познакомился с теорией и практикой французского синдикализма. После нескольких лет пропаганды в Англии, сплочения профессиональных союзов и перехода к синдикалистской политике Манн при участии Боумана в 1910—1911 гг. издавал ежемесячными выпусками пропагандистскую литературу под общим загла-

вием «Индустриальный синдикалист». Эта литературная агитация оказала сильное влияние на многие круги рабочих. В ноябре 1910 г. состоялась конференция синдикалистов в Манчестере, на которой присутствовало 200 представителей от 60 тыс. рабочих. Результатом этой конференции было создание «Лиги пропаганды индустриального синдикализма». С 1912—1914 гг. Лига издавала ежемесячник «Синдикалист». Кроме того, ею издавались особые профессиональные периодические издания, как, например, «Ближайшие шаги горняка», «Синдикалистский железнодорожник», «Рабочий транспорта» и пр.

Английский синдикализм, таким образом, воспринял основные идеи американского и французского синдикализма. Он кладет в основу своей пропаганды теорию классовой борьбы, а в основу тактики — так называемое прямое действие. Английский синдикализм в общем исходит из экономико-материалистического понимания сущности общественного строя и исторического процесса и в этом отношении приемыкает к учению Маркса ¹⁾. Согласно этому воззрению, все стороны современного общественного строя объединяются его экономической структурой, самой характерной чертой которой является непримиримое противоречие между трудом и капиталом. Государство, созданное капиталистическим строем, есть организация для выполнения воли капиталистов и для защиты их интересов; право, мораль, церковь — суть порождения данных экономических отношений и имеют специальной целью защиту и оправдание капиталистической прибыли и капиталистической эксплуатации. Подобные взгляды, повторяем, приближают синдикализм к марксизму. Синдикалистские особенности рассматриваемого учения ²⁾ заключаются в том, что в основу всей тактики оно кладет прямое действие, т. е. непосредственную борьбу с капиталом через сплоченные профессиональные союзы, считая профессиональные союзы, а не партию, центром рабочего движения. Оно не признает ни примирительных камер, ни других совместных с капиталистами комиссий. В этом отношении оно вполне сходно с французским синдикализмом, но отличается от последнего тем, что не отказывается совершенно от политической борьбы, отводя ей, впрочем, второстепенное положение. Нижняя палата, по мнению синдикалистов, — лучший в Англии клуб, который следует использовать, чтобы

¹⁾ Подробное учение Маркса см. отдел III, «Германия», гл. II.

²⁾ Подробное о синдикализме см. гл. II, б. «Франция», гл. II, б.

через головы депутатов вести широкую агитацию; но этой политической агитации они придают второстепенный характер; за спиной политической партии должны стоять мощные профессиональные союзы, способные диктовать свою волю капиталистам и их вожакам и взять на себя дело революционного перехода от капитализма к социализму.

Одновременно с синдикализмом в Англии получило распространение новое социалистическое учение под названием гильдейского социализма. Основателями этого учения являются несколько литераторов и деятелей рабочего движения — С. Г. Гобсон, А. Р. Оредж и Г. Д. Кола, группировавшиеся вокруг журнала «Новый век» (New Age). Наиболее полно это учение изложено в сочинениях Кола — «Мир труда» (The World of Labour), «Труд во время войны» (Labour in Wartime) и «Самоуправление в производстве» (Selfgovernment in Industry). В 1915 г. указанные литераторы и их приверженцы основали «Национальную гильдейскую лигу» (National Guildleague), главной целью которой была устная и печатная пропаганда гильдейского социализма.

Сами основатели этого учения отмечают его национальный и практический характер, выдвигая на первый план вопрос о практическом осуществлении социализма в данных социально-политических и культурно-исторических условиях английской жизни. Но, ставя себе такую практическую цель, они все-таки находят необходимым дать своей программе теоретическое обоснование ¹⁾. Подобно другим основателям новых направлений в социализме, они начинают с критики существующего, но направляют свою критику, прежде всего, не против существующего строя, а против всех прочих социалистических теорий и против практики всех других социалистических партий в рабочем движении. Они критикуют политическую деятельность английской Рабочей партии, указывая на ее ничтожные успехи или, вернее говоря, на полное отсутствие успехов в области защиты труда; они критикуют английский социализм, который, по их словам, даже не поставил серьезно на практике вопроса об уничтожении системы наемного труда; они критикуют марксизм, который в своих основах и деталях, в своей теории и практике исходит из материалистического взгляда на историю и сущность общества, уверяя, что только учение, проникнутое идеализмом,

¹⁾ В дальнейшем мы излагаем воззрения гильдейцев, как они выражены у Кола, у которого они разработаны наиболее полно и последовательно.

которое способно перевоспитать сознание, может создать истинно-успешное социалистическое движение; современный строй существует потому, что мы не прониклись сознанием необходимости его уничтожения, и первая задача гильдейского социализма — раскрыть глаза рабочих на то, что есть и что должно быть сделано. Социал-демократическое учение ошибочно потому, что оно придает слишком большое значение государству и стремится передать ему заведывание производством, что должно ввергнуть производителей в новую форму рабской зависимости от всерегулирующего бюрократического аппарата; синдикализм тоже страдает односторонностью, так как он разрешает вопрос о производстве, но оставляет нерешенным не менее важный вопрос о распределении.

В чем же заключаются особенности учения гильдейцев?

Анализируя сущность государства, Кол приходит к выводу, что, кроме своей функции защиты интересов господствующих классов, оно имеет еще функции защиты интересов всех граждан как потребителей. При водворении социалистического строя первая функция у государства отпадет, и у него останется функция обеспечения интересов всех граждан как потребителей. Государство, таким образом, будет политической и административной организацией граждан, как потребителей материальных и моральных благ. Но государство ни в коем случае не должно брать на себя заведывание производством. Эта функция будет принадлежать профсоюзам, превращенным в гильдии. Отличительная особенность гильдейских профсоюзов — это, во-первых, объединение всех работников как физического, так и умственного труда; как обученных, так и необученных, иначе говоря, рабочих в собственном смысле; руководителей — техников, инженеров, администраторов, и организаторов, и, наконец, ученых, работающих в данной отрасли; во-вторых, гильдии объединяют своих членов не по признаку цеховому, а по производственному. Слово «гильдия» заимствовано основателями нового направления из социально-экономического строя средневековья, когда в городах, живших обособленной жизнью, ремесла и торговля были организованы по гильдиям, из коих каждая являлась единицей, регулирующей производство или обмен в той или иной отрасли. В отличие от средневековых гильдий внутренний строй современных гильдий должен отличаться последовательно проведенной демократичностью, которой гильдейцы придают большое значение, видя в этом спасение от централизма и бюрократического рабства.

Будущий строй Кол рисует себе следующим образом. Средства производства национализуются государством и передаются гильдиями на определенных общесоциальных условиях. Гильдии производят, каждая в своей отрасли, все необходимые продукты и передают их государству для распределения между всеми гражданами как потребителями. Эти два союза — союз гильдий, с одной стороны, и государственный союз в новом его характере, с другой — являются главными учреждениями социалистического строя; первый союз защищает интересы граждан как производителей, второй — интересы граждан как потребителей. Высшим органом государственного союза является парламент — представительное учреждение всех граждан как потребителей; высшим органом союза гильдий является конгресс гильдий — представительное учреждение всех граждан как производителей. Для разрешения возможных конфликтов образуется объединенный комитет обоих представительных учреждений.

Что касается вопросов тактики, то они у гильдейцев, и в частности у Кола, недостаточно разработаны. Гильдейцы заявляют себя сторонниками классовой борьбы и клеймят презрением всех старающихся ее затупевать; они стремятся превратить социальный мир в социальную войну. Но как? Они отвергают прямое действие синдикалистов, т. е. всеобщую стачку, саботаж и пр. Органами, ведущими классовую борьбу, являются производственные союзы. До сих пор тред-юнионы ставили себе целью улучшение положения рабочих внутри современного капиталистического строя; отныне эти союзы, перестроившись в индустриальные союзы, должны поставить себе целью уничтожение системы наемного труда. Переустройство союзов на производственной базе они поэтому считают центральной проблемой всего рабочего движения.

Но, отвергая всеобщую стачку, Кол идеализирует значение обыкновенных стачек, возникающих на экономической основе, и стремится их превратить в военные стычки с капиталом. На помощь союзам в их стачечной борьбе должны явиться кооперативы. Обыкновенные методы поддержки стачечников посредством денежных фондов и сборов Кол считает недостаточными. Кооперативы должны стать интенданствами этой борьбы, запасая все средства и продукты, необходимые для поддержки стачечников и их семей.

Если мы присмотримся к изложенному учению, то увидим, что оно является объединением синдикалистских и социалистических элементов. Поскольку гильдейцы центр тяжести

своего учения переносят на профессиональные объединения, считая их цитаделью рабочего движения и веряя им в будущем все производство, они примыкают к синдикалистам; поскольку, с другой стороны, они не отказываются от использования государства как союза, имеющего хотя односторонний характер организации и защиты интересов граждан как потребителей, они примыкают к социалистам. В теоретическом отношении их учение не представляет никакого интереса и в сущности страдает отсутствием теории. Что касается их практических построений, не лишенных оригинальности, то они должны быть проверены на деле, а это является вопросом будущего. Громя капитализм на словах и выстраивая в боевую позу рабочих против капиталистов только на почве повседневных стачек, гильдейцы чрезвычайно суживают классовую борьбу, сводя ее почти к нулю. Наиболее здоровым ядром этого направления следует считать его стремление содействовать преобразованию английских тред-юнионов из замкнутых, раздробленных цеховых объединений, какими они были до самого недавнего времени, в широкие, мощные объединения на производственной базе, которую они обещают зарядить революционной энергией, в действительности у них самих отсутствующей.

Производственный юнионизм Отличительными особенностями английского тред-юнионизма до самого последнего времени следует считать раздробленность профессиональных объединений. В 1910 г. в Англии насчитывалось больше 1.200 тред-юнионов с числом членов $2\frac{1}{2}$ млн.; в среднем в это время на союз приходилось около 2.200 членов, между тем как в Германии в то же время на один союз приходилось до 50.000 членов; еще резче выступает эта раздробленность, если мы обратимся к числу союзов в различных отраслях промышленности: так, например, в горной промышленности в рассматриваемое время было 80 самостоятельных профессиональных объединений, в металлургии — 182, в текстильной промышленности — 274. Несмотря на значительные перемены, происшедшие с указанного момента в теории и практике английского тред-юнионизма под влиянием нижеуказанных экономических причин и пропаганды производственного юнионизма, раздробленность профессионального движения по сию пору остается фактом, с которым необходима неустанная борьба.

Причина раздробленности английского тред-юнионизма в том, что в Англии профессиональное движение, как и все

элементы общественной и политической жизни, складывалось исторически, в зависимости от временных и местных условий. Господство исторических пережитков во всех формах жизни и воспитываемое к ним особое уважение во всех классах общества привело к целому ряду вредных последствий и препятствовало революционизированию сознания трудящихся. Раздробленность профсоюзов влекла за собой партикуляризм, т. е. предпочтение частных интересов отдельных организаций общим интересам всего рабочего класса. Традиция (т. е. общепринятые воззрения, освященные временем и передаваемые из поколения в поколение), играя значительную роль во всех сторонах жизни, немало содействовала сохранению этой вредной раздробленности, несмотря на ее явно вредные последствия.

Среди причин профессионального характера, служивших препятствием к объединению рабочих одной и той же отрасли производства, на первое место следует поставить деление рабочих на обученных и необученных. Нами уже неоднократно указывалось, как велико было отрицательное значение этого фактора в деле профессионального объединения английских рабочих. С начала XIX в. долгое время обученные рабочие были единственными рабочими, имевшими профессиональные организации. Мало того: эти рабочие долго боролись против допущения в промышленные предприятия необученных рабочих, выдвигая требования ученичества стажа и пр. Объединение необученных рабочих началось в конце 80-х годов под влиянием социалистической пропаганды; но и после этого обе категории рабочих стояли особняком друг от друга. В среде обученных рабочих были свои деления и расслоения, в зависимости от степени «обученности»; точно так же среди необученных были разные категории, из коих некоторые занимали промежуточное положение между обученными и необученными. Очень много местных союзов и союзов наиболее квалифицированных рабочих, существовавших с давних времен и накопивших значительные фонды (основные и неприкосновенные капиталы), не желали сливаться с другими однородными союзами, дорожа выгодами своего положения; немало союзов боролись против объединительного принципа из-за своеобразного профессионального патриотизма, заставлявшего их дорожить существованием своей старой и самостоятельной организации, несмотря на очевидные выгоды сулимые объединением на широкой основе в форме производственных союзов.

Стачный период 1906—1914 гг., как уже было указано, дал рабочему классу много наглядных уроков полезности и необходимости объединения на широкой базе, и под влиянием этих уроков кое-что было сделано в указанном направлении; но самый чувствительный удар старым принципам был нанесен войной, приведшей к так называемому «разводнению труда» (*dilution of labour*). Мобилизация больших кадров рабочих и необходимость быстрого расширения производства для военных целей бросали множество необученных или малообученных рабочих в такие отрасли и цехи, куда до тех пор, по традиции, существовал доступ для одних только обученных и даже квалифицированных рабочих. Кроме того, места обученных и квалифицированных рабочих во многих отраслях заняли женщины, которые до сих пор считались способными только к «фабричному» труду, т. е. к труду, не требующему подготовки. Опыт показал, что от подобного замещения не произошло никакого ощутительного вреда для производства; рабочий класс имел возможность воочию убедиться, что выделение обученных рабочих в особую привилегированную категорию не всегда имеет оправдание, а связанное с этим обособление рабочих по организациям лишено всякого основания. В известной степени содействовала идее объединения обученных и необученных рабочих и вообще консолидации союзов пропаганда синдикалистов и гильдейских социалистов. Так создавались условия для возникновения течения, известного под названием производственного (или индустриального) юнионизма в противовес цеховому.

Различие между этими двумя принципами можно видеть на примере. Если плотники образуют один или несколько союзов в одном или разных районах или один общий союз во всей стране, то мы будем иметь цеховые объединения плотников — местные или национальные. Такие цеховые союзы объединяют рабочих одной профессии, работающих в различных предприятиях и в различных отраслях производства, хотя могут объединять работников этой профессии только в одном предприятии (если их достаточно для образования союза). Возьмем теперь целую отрасль производства, например, железнодорожную, горную. Союз железнодорожников охватывает всех служащих, входящих в состав этой отрасли промышленности, обнимает не только чисто железнодорожные цехи, но и все прочие, обслуживающие железнодорожное дело, всех столяров, маляров, стекольщиков, обойщиков и пр., состоящих на постоянной службе в железнодорожной про-

мышлениости. То же самое можно сказать относительно горного дела, где, кроме рудокопов, производственный союз включает всех кузнецов, плотников, слесарей и пр., работающих в этой отрасли; в то же время железнодорожники, работающие на подъездных путях, составляющих часть горного предприятия, будут относиться к производственному союзу рудокопов, а не к железнодорожному союзу.

Если мы бросим беглый взгляд на исторический ход экономической жизни, то увидим, что подобный переход к новым формам единения диктовался самим этим экономическим развитием.

Развитие различных видов и форм производства было подготовлено постепенно развивавшимся разделением труда. В то время как в период чисто ремесленного производства ремесленник производил целый продукт обыкновенно по заказу потребителя, с развитием разделения труда производство продукта распадается на целый ряд процессов; это привело к обособлению рабочих по профессиям, из коих одни требовали специальной выучки, другие могли исполняться необученными и чернорабочими. Результатом этого было объединение рабочих по профессиям, причем необученные рабочие оставались долгое время вне организаций. Само собой понятно, что такие организации могли преследовать только узкие цели взаимопомощи и защиты своих узко профессиональных интересов. И хотя с течением времени различные профессии были объединены крупным производством в пределах одного предприятия, привычка к профессионально-цеховому принципу объединения осталась. Между тем, техника производства шагнула дальше и содействовала образованию отраслей производства и промышленности, которые вследствие своей грандиозности объединяют в своих пределах целый ряд специальностей, часто совершенно несходных между собой и с первого взгляда не имеющих ничего общего с той отраслью, в которой они сосредоточены. Железнодорожные предприятия не заказывают своих столярных, кузнечных, малярных и прочих работ в частных мастерских, а объединяют в собственных мастерских все эти отрасли. То же самое можно сказать относительно горного дела, машиностроительных, оружейных заводов и многих других видов современной промышленности. Получается такое явление, что под одной и той же кровлей или в пределах одного и того же предприятия бок о бок работают рабочие, принадлежащие к десятку и более различных союзов. Ясно, что подобное положение вещей чрезвычай-

чайно неблагоприятно должно отражаться на стройности и целесообразности борьбы рабочего класса, ибо при современном состоянии производства лицом к лицу с капиталом стоит не отдельный цех и его объединение, а вся совокупность рабочих, входящих в данную отрасль производства, и только при согласованном действии всех рабочих данной отрасли возможна успешная борьба с мощными объединениями капиталистов.

С другой стороны, с течением времени меняются цели профессионального движения. То, что было целью профессиональных союзов на заре развития рабочего движения — взаимопомощь и борьба за частичные улучшения в положении рабочих, становится слишком мизерной задачей в наше время, когда развитие капитализма, с одной стороны, и рост силы рабочего класса — с другой, готовят их для последней схватки. Это в особенности относится к профессиональному движению в Англии, где в области политической борьбы рабочий класс, в силу тех или иных исторических условий, значительно отстал от стран, менее развитых в промышленном отношении. Существовавшая до сих пор практика тред-юнионов, характеризующаяся мелкими целями и партикуляризмом, теперь теряет всякий смысл при наличии крупных отраслей производства, охватывающих широкие кадры рабочих разных категорий — обученных и необученных взрослых мужчин, женщин и подростков. Сама практика борьбы, как мы видим, заставляет рабочих убеждаться в громадных преимуществах объединения на производственной основе. Наконец, новые требования и задачи, выдвинутые перед рабочим движением довоенным стачечным периодом и экономическими особенностями, созданными войной, — требования национализации и контроля над производством — сделались возможными и могут быть осуществлены на базе производственного, а не цехового объединения.

Результаты пропаганды производственного юнионизма в Англии нельзя, однако, считать достаточно значительными, хотя и конгрессы тред-юнионов 1919 и 1920 гг. приняли резолюции о реорганизации профдвижения по производственному принципу. В 1915 г. произошло образование Тройственного союза, грандиозного объединения, в состав которого вошли федерация углекопов (возникшая еще в 1888 г.), Великобританский национальный союз железнодорожников (основанный в 1913 г.) и Национальная федерация транспортных рабочих, объединяющая моряков, водников, гужевиков и других

(основанная в 1911 г.). Но ни одно из этих трех крупных объединений не может быть названо производственным объединением в полном смысле этого слова, так как рядом с ними существуют еще местные объединения, не вошедшие в федерацию, а также ряд цеховых объединений более квалифицированных рабочих, относящихся к этим отраслям. Тройственный союз был основан для согласования действий всех федераций, входящих в его состав, и для взаимной их поддержки в борьбе с капиталом. Общее количество рабочих, объединяемых Тройственным союзом, равнялось в 1921 г. 2 млн. человек с лишним; из них федерация углекопов объединяла 1.200 тыс. человек, союз железнодорожников — 500 тыс. и федерация транспортников — 350 тыс. Кроме указанных федераций, в результате нового движения возникли также федерация строительных рабочих, федерация печатников и родственных профессий, союз машиностроительных рабочих и др. В общем и целом движение все же привело к укрупнению тред-юнионов. Так, в 1925 г. 16 наиболее крупных федераций и союзов объединяли 2.887.565 человек из общего числа организованных, равнявшегося около 5½ млн. чел.

Рабочий класс и его вожди во время войны. Отношение рабочих масс к русской революции

Английская Рабочая партия примкнула ко II Интернационалу в 1903 г. Как на международных, так и на своих конгрессах она в лице своих делегатов всегда и категорически высказывалась против войны; она «категорически» протестовала (на Бирмингемском конгрессе 1912 г.) против английской политики захватов, обострения международных конфликтов и посягательства на права слабых национальностей. Такой же взгляд высказала партия в лице своих лидеров Кэйр-Гарди и Артура Гендерсона при возникновении империалистической войны летом 1914 г., призывая в выпущенном манифесте народ и правительство к сохранению нейтралитета.

4 августа английское правительство объявило войну Германии, ссылаясь на обязанности Великобритании, вытекающие из договора с Францией. Исполнительный комитет Рабочей партии в резкой резолюции высказался против образа действий английского правительства; но в заседании 6 августа, после долгих дебатов, решено было воздержаться от выступления в палате при обсуждении вопроса о военных кредитах. За этим первым отступлением Рабочей партии от противовоенной политики последовали другие подобные шаги, и вскоре большинство вождей примкнуло к девизу правитель-

ства «война до победного конца», а в конце мая 1915 г., после разгрома русской армии в Галиции, Рабочая партия приняла предложение либерального правительства Асквита делегировать своих представителей в коалиционное министерство, куда были посланы Артур Гендерсон, рудокоп Уильям Брейс и печатник Джордж Робертс. Таким образом, вожди профессиональных союзов и Рабочей партии, как и в других воевавших между собой странах, поглотили свои принципы и нанесли тяжелый удар международному социалистическому рабочему движению.

Первоначально широкие массы рабочих тоже были охвачены военным угаром; но вскоре общий ход вещей заставил их одуматься. Отмена конституционных гарантий, закон «о защите державы» 1915 г., постановление о максимуме выработки, временное лишение тред-юнионов всех прав, которых они добились в вопросах размера заработной платы и продолжительности рабочего дня, приостановка действия некоторых фабричных законов относительно сверхурочных работ и применения труда детей и женщин, — все это сразу ввергло рабочий класс в бесправие и отдало на жестокую эксплуатацию капиталистов и государства. Рабочие лишены были права бастовать в тех отраслях промышленности, в которых работа была приравнена к военной службе, рабочие в случае забастовок и протестов подлежали мобилизации. Но, несмотря на все запрещения и угрозы, в рабочем мире вскоре начинается движение против военного рабства.

В то время как патриоты из буржуазного лагеря требовали от рабочих, чтобы они для спасения отечества работали круглые сутки с женами и детьми, не бастовали, т. е. не требовали увеличения заработной платы, несмотря на непрерывное увеличение дороговизны жизни, — в это время буржуазные дельцы наживали десятки миллионов на бесстыдной эксплуатации рабочих и эксплуатации общественного бедствия. Это зрелище колоссальных барышей и бешеной спекуляции на жизненных продуктах, с одной стороны, постепенное ухудшение жизненных условий рабочего класса и непрерывные жертвы Молоху войны — с другой, рассеяли в известной степени патриотический дурман. И вот, несмотря на все запугивания правительства и уговоры вождей, с 1916 г. начинается эра забастовок, съездов, конференций; выдвигается новый лозунг — контроль рабочих над производством и над доходами капиталистов и одновременно контроль над государственным снабжением.

Прежде всего протестовали широкие рабочие массы па-
р. Кляйде (г. Глазго и его окрестности) в феврале 1915 г.,
а затем в Южном Уэльсе. Здесь впервые произошли образо-
вания комитетов заводских старост (shop stewards) из ста-
течных комитетов; этот шаг вперед пришелся по вкусу рабо-
чим массам и нашел подражание во многих других местах,
что дало толчок широкому стачечному движению в 1917 г.,
которое развивалось против воли лидеров профессиональных
союзов, под руководством комитетов фабрично-заводских ста-
рост. Когда для улажения брожения в Глазго прибыл министр
Ллой-Джордж, то рабочие ему ответили, что они согласны
примириться временно с известными ухудшениями в своем
положении при следующих условиях: во-первых, прибыль,
получаемая от производства, не должна идти всецело в пользу
одного класса, и все слои рабочих должны в ней участвовать,
во-вторых, рабочие организации должны участвовать в кон-
троле над промышленностью. Еще ранее этого требование
контроля над производством было выдвинуто на конгрессе
профессиональных союзов в 1915 г. в г. Бристоле; в принят-
ой резолюции было подчеркнуто, что национализация обще-
полезных предприятий только тогда может улучшить поло-
жение рабочих, когда одновременно с этим будет установлен
рабочий контроль над этими предприятиями. В 1917 г. союз
железнодорожников выдвинул требование национализации
железных дорог и установления совместного управления ими
комиссией из представителей государства и рабочих.

Подобное же требование в 1918 г. было выдвинуто на кон-
ференции федерации горнорабочих относительно горного дела.

Рядом с этим мы наблюдаем в тех же широких массах
движение, носящее чисто политический характер и свидетель-
ствующее о симпатии этих масс к русской революции и ее
победам.

В 1917 г. по инициативе Британской социалистической
партии была созвана социалистическая конференция в Лидсе,
принявшая резолюцию о заключении мира без аннексий и
контрибуций. Британская социалистическая партия горячо
приветствовала победу Октябрьской революции как начало
новой эры в жизни мирового пролетариата.

В 1919 г. празднование 1 мая носило такой массовый ха-
рактер, какого оно не носило никогда в Англии: в грандиоз-
ной манифестации в Гайд-Парке (в Лондоне) участвовало
не менее 100 тыс. человек.

Против английской интервенции (военного вмешательства) в русскую гражданскую войну были организованы комитеты противодействия под названием «Руки прочь от России». Эти комитеты сыграли немалую роль в деле прекращения интервенции, так как английское правительство убедилось, что ее продолжение будет содействовать усилению революционного настроения в среде английского пролетариата.

Чтобы разрядить напряженную атмосферу, в которой таились серьезные угрозы существующему строю, правительство прибегло к старому испытанному средству уступок. В декабре 1916 г. было основано министерство труда, во главе которого был поставлен рабочий Джон Ходж; в 1917 г. был принят проект о минимуме заработной платы для сельскохозяйственных рабочих, что вместе с улучшением их материального положения послужило толчком к развитию среди них профессиональных объединений, было издано несколько законов, улучшающих условия труда женщин и подростков; в феврале 1918 г. введено всеобщее избирательное право для мужчин, и предоставлены избирательные права женщинам старше 30 лет. Впрочем, даруя избирательные права женщинам, правительство имело заднюю мысль увеличить число умеренных элементов среди избирателей.

Вместе с тем правительство пустило в ход все средства, содействующие укреплению принципа классового сотрудничества, установившегося во время войны. Комиссией под председательством радикала Уитли были созданы «Смешанные промышленные советы» (на паритетных началах), явившиеся новой формой примирительных органов, существовавших еще раньше. В период 1919—1924 гг. промсоветы были введены во многих производствах; их целью было содействие мирному разрешению конфликтов по вопросам условий труда, заключению колдоговоров, проще говоря, смягчению классовой борьбы и восстановлению капитализма после потрясений, пережитых им во время войны. Успеху уитлиевских советов и подобных им органов содействовали вожди тред-юнионов, которые всемерно стремятся к классовому миру и удерживают массы даже тогда, когда последние готовы к решительным выступлениям. Приходится подчеркнуть, что в течение войны и после нее выяснилось разъединение между вождями и рабочими массами, которые, несмотря на неизжитый еще консерватизм, неоднократно доказывали, что они готовы идти гораздо далее, чем того хотят их боящиеся решительных действий руководители.

Революционно-забастовочное движение среди углекопов в период 1919—21 гг. и измена вождей Тройственного союза

Доказательством этого разъединения между вождями и массами может служить история Тройственного союза. Об образовании этого союза нами упомянуто выше. Во время войны он естественно замер, как и все рабочее объединение. Но весь рабочий класс, в особенности его революционная часть, с нетерпением ожидали наступления момента, когда Тройственный союз покажет свою мощь английским капиталистам и всему капиталистическому миру. Во время войны правительство, будучи заинтересовано в максимальной добыче каменного угля, взяло шахты в свое ведение, как бы временно-национализировало угольное дело, обеспечив, конечно, шахтовладельцам определенный доход. Впервые тариф и условия труда были установлены в национальном масштабе; само собой, понятно, что это содействовало взаимной связи и единению между углекопами.

В январе 1919 г. федерация рудокопов, пользуясь благоприятным для себя сочетанием обстоятельств, выдвинула требование о повышении ставок на 30%. Делегатское собрание рудокопов, подтвердив это требование, выдвинуло ряд добавочных требований, а именно: 1) полное обеспечение демобилизованных и безработных рудокопов; 2) 6-часовой рабочий день; 3) национализация всех рудников и шахт с установлением всюду рабочего контроля и 4) удержание, помимо добавочных 30%, военной премии в три шиллинга в день. В это время железнодорожники и рабочие транспорта тоже выдвинули ряд требований об улучшении их положения. Кроме того, всем Тройственным союзом было предъявлено требование отозвания английских войск из России, освобождение из тюрем и концентрационных лагерей всех отказавшихся вступить в армию (так называемых «противников по совести»).

В марте 1919 г. казалось, что мечта революционной части рабочих об одновременном выступлении всего Тройственного союза осуществится; но вожди Тройственного союза решили воздержаться от объявления всеобщей забастовки, что, конечно, уже было первым неблагоприятным шагом для дальнейшего движения. Итак, рудокопы были предоставлены самим себе; они были достаточно сильны, чтобы действовать самостоятельно.

Правительство в ответ на требования рудокопов предложило образовать следственную комиссию. Конференция рудокопов передала вопрос на всеобщее голосование (референ-

дум), в результате которого предложение правительства было отвергнуто, и за забастовку высказались 615.164 человека против 105.082. Рабочие знали по горькому опыту, что значат правительственные комиссии, которые имеют единственной целью затянуть дело, дать успокоиться волнению, а потом каким-нибудь жалким компромиссом, а то и без компромисса, его затушить. Правда, в рассматриваемый момент правительство, имея все основания предполагать, что рабочие не согласятся на обыкновенную комиссию, выдвинуло предложение об образовании какой-то особой комиссии — следственной комиссии с участием представителей от рабочих и с очень широкими полномочиями. Конференция рудокопов долго отказывалась и от подобной комиссии, с одной стороны, потому, что момент был благоприятный для забастовки, а с другой — потому, что чувствовала своим здоровым инстинктом, что и в данном случае, как во многих других подобных рабочих будут обмануты; но вожди союза, после долгих увещаний, заставили, наконец, рудокопов согласиться на предложение правительства. Председателем этой комиссии, в которую со стороны рудокопов и со стороны шахтовладельцев вошло по 6 человек, был назначен судья Санки, почему комиссия эта известна под названием угольной комиссии Санки. Что же дала эта комиссия? После долгих совещаний, обсуждений и прений представителям рабочих ни в чем не удалось убедить капиталистов, которые остались при своих взглядах. Впрочем, председатель комиссии судья Санки в известной степени принял сторону рабочих, заявив в своем докладе правительству, что «с очевидностью доказано, что существующая в настоящее время в угольной промышленности система собственников и наемных рабочих должна быть отвергнута и заменена другой системой — национализацией или соединением метода национализации с участием представительства рабочих». Некоторые английские социалистические писатели называли доклад председателя комиссии «моральной победой» рабочих; но эта моральная победа не дала никаких реальных последствий. Вмешательство правительства, как и всегда, привело к компромиссу, а именно — к повышению заработной платы на два шиллинга в день вместо трех и установлению 7-часового рабочего дня вместо 6-часового, причем другие вышеуказанные, более важные, требования оставлены без удовлетворения.

Как выше было сказано, во время войны угольная промышленность была взята правительством под свой контроль.

Заработная плата регулировалась комиссией из представителей правительства и рабочих. Когда повышалась цена на жизненные продукты, рабочие обращались к правительству с просьбой о повышении ставок; если комиссия удовлетворяла просьбу рабочих, правительство повышало цены на уголь; при этом в пользу правительства в 1920 г. все еще оставалось около 60 млн. фунтов стерлингов прибыли. В конце 1920 г. углекопы выступили с требованием разделения этой прибыли между рабочими, потребителями и правительством; фактически требование углекопов заключалось в том, чтобы правительство повысило им ставки и вместе с тем не повышало, а даже понизило цены на уголь на внутреннем рынке, так как от дороговизны угля страдали более всего широкие кадры рабочих. Премьер-министр Ллойд-Джордж согласился вступить в обсуждение вопроса о повышении заработной платы, но наотрез отказался обсуждать вопрос о понижении цен на уголь, желая, таким образом, отколоть интересы всех рабочих как потребителей угля от интересов углекопов, как производителей его. Углекопы в массе готовы были бастовать, но исполнительный комитет федерации убедил их воздержаться от забастовки и вступить в переговоры с правительством. Как и всегда, дело окончилось компромиссом, с которым рабочие, чувствуя, что экономические и политические условия еще выгодны для борьбы, не хотели мириться, но который был принят по настоянию заправил федерации. Более важным достижением было то, что шахтовладельцы по настоянию правительства согласились на образование национальной комиссии для выработки ставок для всей угольной промышленности в целом. Требование установления минимума в национальном масштабе, как известно, было одним из главных требований Национального союза углекопов еще с забастовки 1907 г.

С конца 1920 г. экономическое положение Европы, и в частности Англии, значительно ухудшилось. В стране начался промышленный кризис. Безработица увеличивалась с дня на день. В начале 1921 г. число безработных определялось цифрой в 1½—2 млн. человек. Во время войны и в первое время после ее окончания Франция питалась, главным образом, английским углем. По Версальскому договору Франция должна была получать от Германии в виде репарации периодические доставки значительных количеств угля. После угрозы занять Рурскую область вследствие задержки уплаты по репарациям началась более аккуратная доставка угля,

вследствие чего Франция не только перестала ввозить английский уголь, но получила возможность вывозить уголь в другие страны. Благодаря отсутствию экспорта, в Англии накопились большие запасы угля. Цены на уголь чрезвычайно упали.

Срок контроля государства над угольной промышленностью должен был окончиться 30 августа. Собственники, готовясь вступить в самостоятельное управление своими шахтами, заранее вели переговоры с федерацией рудокопов; они решили воспользоваться благоприятным моментом и заявили представителям рабочих о значительном сокращении заработной платы и о возвращении к старой системе коллективных договоров по угольным районам. Углекопы возражали против понижения заработной платы и стояли за сохранение национальных тарифов, за создание для этой цели нового национального тарифного комитета; кроме того, они требовали создания национального фонда прибыли, из которого должны были оказываться субсидии рудникам со слабой выработкой для предотвращения понижения там заработной платы рабочих ⁴⁾).

В то время как велись эти переговоры между шахтовладельцами и федерацией, правительство вдруг объявило о снятии своего контроля с шахт с 1 апреля, т. е. на 5 месяцев раньше предполагавшегося срока, мотивируя это отсутствием у него средств для субсидирования угольной промышленности; но в действительности правительство хотело притти на помощь шахтовладельцам и расстроить ряды углекопов. Шахтовладельцы, отстаивая свои предложения о районных тарифных комитетах и о понижении заработной платы, предложили углекопам свою тарифную скалу. Углекопы ответили решительным отказом принять это предложение, и 1 апреля 1921 г. начался самый выдающийся по численности локаут во всемирной истории рабочего движения — локаут 1.200 тыс. рабочих.

Само собой понятно, что в подобном положении углекопы имели право ожидать помощи от своих товарищей по Тройственному союзу — от Национального союза железнодорожников и Федерации транспортных рабочих. Вожди этих объ-

⁴⁾ Сопrotивляясь требованию рабочих о договоре в национальном масштабе и о создании фонда прибыли, шахтовладельцы (а вместе с ними и правительство) имели в виду не только понижение минимума заработной платы, но также раздробление сил федерации, создание таких условий, при которых каждое районное объединение и даже отдельные союзы будут заботиться только о своих интересах.

елиний не обнаруживали особенной склонности вмешиваться в конфликт; однако под давлением широких рабочих масс, требовавших решительных действий, вожди Тройственного союза принуждены были назначить всеобщую стачку всего союза на 12 апреля. Это постановление Тройственного союза вызвало панику среди правительства и промышленной буржуазии. Правительство стало готовиться к бою. Были организованы мощные буржуазные отряды добровольцев под названием «Отрядов защиты»; огромные парки в Лондоне и других крупных городах были превращены в гаражи для автомобилей и грузовиков на случай забастовки на транспорте. Казалось, что надвигается революция.

Но главные вожди союза — Томас, Ходжес, Уильямс и другие — сами испугались своей репутации и возможности гражданской войны, результатом которой могла быть революция. Они стали искать поводов и путей для соглашений и компромиссов. Начались непрерывные совещания с правительством и работодателями, в результате которых предполагавшаяся на 12 апреля забастовка была отсрочена на 15 апреля. Это был первый удар, нанесенный делу. Но все же рабочие не пали духом. С нетерпением они ожидали 15 апреля, готовые к самым тяжелым жертвам, лишь бы без боя не дать восторжествовать угольным баронам. Но 14 апреля вечером главный лидер федерации углекопов Ходжес на неофициальном совещании с членами парламента заявил, что углекопы согласились бы рассмотреть предложение о временном соглашении, отложив пока рассмотрение главных спорных пунктов. Это предложение, сделанное Ходжесом самовольно, якобы от имени федерации, послужило для вождей других частей Тройственного союза предлогом, чтобы сорвать желательную всеобщую забастовку. Когда на следующий день все газеты заговорили о предложении мистера Ходжеса, благодаря которому кризис можно считать миновавшим, вожди железнодорожников и транспортников, которые еще менее заправили федерации углекопов желати забастовки, присоединились к точке зрения Ходжеса; они заявили далее, что противоречие в решении федерации и отдельных вождей вносит дезорганизацию и делает невозможным присоединение железнодорожников и транспортников к стачке. Таким образом, углекопы были оставлены одни. И все же они решили бастовать против воли своих вождей и вождей всего Тройственного союза. Забастовка продолжалась 13 недель. Вся английская промышленность была парализована. Работода-

тели принуждены были вступить в переговоры. Дело кончилось, как всегда, компромиссом. Шахтовладельцы настояли на том, чтобы были основаны «Окружные тарифные палаты», хотя формально угольщикам и удалось отстоять свое требование создания «Национальной тарифной палаты», но лишенной надлежащего влияния и имеющей второстепенное значение. Сокращение заработной платы было проведено в размерах, значительно меньших, чем предполагали шахтовладельцы; рабочим удалось добиться ограничения прибыли шахтовладельцев 17% всей выплачиваемой заработной платы: в пользу рабочих должна также быть отчислена часть сверхприбыли, остающаяся после вычета издержек производства, заработной платы и прибыли шахтовладельцев.

День 15 апреля 1921 г., в который угольщики, благодаря измене лидеров союзов транспортников и железнодорожников, были предоставлены самим себе и вследствие этого обречены были на поражение, получил в истории английского рабочего движения название «Черной пятницы».

История стачки 1921 г. доказала всю призрачность Тройственного союза, на который возлагали столько надежд все передовые рабочие Англии в деле сокрушения английского капитализма; она показала далее, насколько далеки современные вожди профессиональных союзов от стремления дать капиталу «последний решительный бой». Но это не могло поразить тех, кто знаком с историей английского тред-юнизма.

Организация помощи безработным

Английское правительство продолжало свою политику маленьких уступок рабочему классу, путем которых оно постоянно предупреждало крупные события. И после европейской войны английское правительство в этом отношении оказалось дальновиднее и проникательнее французского правительства, которое, упоенное своими победами, все свое внимание сосредоточило на том, чтобы возможно больше унижить и обобрать Германию.

О некоторых мероприятиях этого рода мы сказали выше (см. стр. 146). Скажем несколько слов о мероприятиях английского правительства в пользу безработных.

Согласно законам о страховании от безработицы, изданным в 1911 г. и дополненным законами 1918, 1920, 1921 и 1926 гг., установлено принудительное страхование от безработицы для рабочих всех важнейших отраслей производства, за исключением сельскохозяйственных рабочих и прислуги.

Страховой фонд составляется из взносов, делаемых государством, предпринимателями и рабочими. Для того, чтобы получить пособие, необходимо сделать не меньше 12 взносов и быть безработным в продолжение определенного срока. Пособие составляло 15 шиллингов в неделю для мужчин и 12 шиллингов для женщин. Согласно закону 1926 г. размер пособий увеличен на 18 шиллингов для мужчин, на 15 — для женщин; подросткам выдается от 6 шилл. до 7 шилл. 6 пенсов. Максимальный срок получения пособия—41 неделя. В особенно острых случаях безработицы срок этот может быть продлен специальным постановлением парламента. Кроме того, тем безработным, которые получают пособия от своих тред-юнионов, правительство дает добавку в размере 75 % пособия, получаемого от тред-юнионов.

Законы о безработице обнимают не всех безработных. В 1926 г. около 50 % безработных не получали пособия, одни потому, что не были застрахованы, другие — потому, что их безработица превысила установленные 41 неделю. Забота о безработных, не получающих страхового пособия, ложится на местные попечительства о бедных.

В 1921 г. страховыми кассами было выплачено пособий в размере 58.600 тыс. фунтов стерлингов.

Безработица, ставшая хронической ¹⁾, заставила рабочих образовать постоянную организацию безработных. Успеху этой организации особенно содействовала пропаганда коммунистов. В апреле 1921 г. состоялась общebritанская конференция безработных, избравшая постоянный национальный исполнительный комитет.

Если в конце XIX века английские буржуазные писатели могли говорить об отсутствии социализма в Англии, а сами социалисты должны были признавать слабое влияние своей пропаганды на рабочий класс, то за последние два десятилетия положение вещей значительно изменилось. Социализм в Англии за этот период стал очень влиятельным фактором рабочего движения, хотя он лишен того единства и той революционности, которые одни способны его сделать грозной силой в борьбе с капитализмом.

В настоящем параграфе мы коснемся Британской социалистической партии, Социалистической партии Шотландии,

¹⁾ Число безработных было: в октябре 1919 г. — 564.136, в октябре 1920 г. — 337.334, в январе 1921 г. — 997.296, в октябре 1921 г. — 1.554.973, в январе 1923 г. — 1.542.000, в декабре 1923 г. — 1.137.100.

Коммунистической партии и скажем несколько слов о Независимой рабочей партии после войны и о реформе Рабочей партии. Начнем с последней.

Решение по делу Осборна (см. параграф указанного названия), грозившее денежным фондам и сборам партии, поставило ее в затруднительное положение. Как известно из вышеизложенного, Рабочая партия объединяла не отдельных лиц, а организации (тред-юнионы, социалистические организации, кооперативы), которые, вступая в партию, обязывались делать определенные денежные взносы¹⁾. Решение по делу Осборна сделало подобные взносы незаконными. Правда, это решение было аннулировано, но все же исполкомом партии был выдвинут вопрос об установлении непосредственного личного членства. Во время войны вопрос этот отошел на задний план и снова выдвинулся по окончании ее, теперь уже в связи с новыми обстоятельствами. Дело в том, что до сих пор доступ в партию для нерабочих был не совсем свободен, ибо, как только что было указано, партия была объединением рабочих организаций по преимуществу; между тем, за последнее время много интеллигентов стало искать доступа в Рабочую партию, как мужчин, так и женщин, не удовлетворенных программой и деятельностью прочих политических партий. Часть партийных деятелей указывала на нежелательность разводнения партии нерабочим элементом, но большинство лидеров с этим не согласилось, указывая, что партия чувствует нужду в интеллигентских силах и что доступ этих элементов будет очень полезен в виду ожидавшегося принятия парламентом билля о всеобщем избирательном праве.

В результате в устав партии был внесен пункт, устанавливавший рядом с прежним порядком приема в партию целых организаций — тред-юнионов и социалистических организаций — также прием отдельных лиц, признающих программу и устав партии. Это дало доступ в партию мелкобуржуазным элементам, усилившим ее правое крыло.

Во-вторых, программа Рабочей партии с самого ее основания носила очень неопределенный характер и ничего общего не имела с социализмом. Партия ставила своей целью «выбор в парламент кандидатов, выдвигаемых прежде всего

¹⁾ 10 шиллингов в год с каждой полной или неполной тысячи членов согласно п. VI Устава Комитета рабочего представительства (пересмотренного в 1903 г.). Подробнее старый устав Комитета рабочего представительства — см. Р. Энзор, «Современный социализм», стр. 438—441.

организациями, ею объединяемыми... для образования в парламенте особой группы с собственной политикой по вопросам труда». Такая программа ничем не отличала Рабочую партию от либеральной, в хвосте которой она большей частью плелась. 26 февраля 1918 г. Рабочая партия приняла новый устав. Согласно этому уставу, партия ставит своей целью политическое, социальное и экономическое освобождение народа путем соборствления средств производства и, таким образом (по крайней мере на словах), становится на социалистическую платформу. Что касается ее состава, то она, с одной стороны, объединяет попрежнему тред-юнионы, кооперативы и социалистические организации, а с другой стороны, дает доступ в свои ряды отдельным лицам, признающим программу и устав партии.

Результаты парламентских выборов в 1918 г. не были для Рабочей партии столь блестящими, как можно было ожидать по тому факту, что они производились на основе всеобщего избирательного права. Из приблизительного числа 10,8 млн. голосов Рабочая партия получила 2.245 тыс. голосов. Она провела всего 57 кандидатов, а при перевыборах 1919 и 1920 гг. она получила еще 6 мест.

Во время войны РСФСР с Польшей в 1920 г. Рабочая партия выступила с мощной агитацией против помощи Польше. Но начавшееся среди рабочих движение под лозунгом «руки прочь от России!» приняло такой размах, что испугавшиеся оппортунистические лидеры поспешили его затормозить.

Независимая рабочая партия (лидеры — Макдональд, Сноуден и другие) с начала войны выступила (правда, только на словах) против мобилизации и вербовки в армию; но несмотря на эту безвредную в конце концов для торжества отечественного оружия позицию, партия потерпела от патриотического утара масс на выборах поражение. Вышеуказанные ее лидеры были забаллотированы.

Под влиянием пропаганды более левых и революционно настроенных членов Независимая рабочая партия по окончании войны вышла из рядов II Интернационала и даже сделала попытку войти в III Интернационал.

С этой целью в Москву была послана специальная делегация, которая, после частных переговоров с представителями Коминтерна, представила в его Исполком записку с 12 вопросами. Из этих вопросов видно, что Независимая рабочая партия готова была примкнуть к Коммунистическому интерна-

ционалу, если бы ее освободили от обязанности пропагандировать установление диктатуры пролетариата и коммунизма революционным путем и если вообще диктатура пролетариата будет вычеркнута из программы Коминтерна.

Само собой понятно, что делегация независимцев получила ответы, неспособные удовлетворить эту по существу реформистскую, совершенно антиреволюционную и только на словах социалистическую партию. Косвенным результатом записки английской делегации явилась выработка принятых на II конгрессе Коминтерна 21 условия для вхождения в III Интернационал.

Обсудив эти условия, совершенно для нее неприемлемые, на своей конференции в 1921 г., НРП приняла следующую резолюцию: «Обсудив ответ Исполкома Коминтерна на вопросы НРП, конференция заявляет, что 21 условие, выдвигаемые Москвой, не могут быть приняты. Конференция также отвергает мысль о том, что Англия должна следовать русским «способам и будет бороться с тактикой, рассчитанной на создание в Англии такого же положения вещей, «какое существует сейчас в России».

Однако за принятие 21 условия высказалось около пятой части делегатов конференции, которые были представителями более левых элементов НРП, вскоре присоединившихся к образованной в 1920 г. Коммунистической партии.

Выйдя из состава II Интернационала и не примкнув к III Интернационалу, НРП вошла в Венский 2½ Интернационал, образованный, главным образом, при ее содействии. Судьба этого межеумочного Интернационала известна: он просуществовал недолго, и его члены вернулись в лоно II Интернационала.

Британская социалистическая партия (BSP). В первое десятилетие XX в. начинается брожение среди различных слоев рабочего класса, примыкающих к социалистическим организациям. Это брожение было вызвано недовольством указанных слоев неуспешной пропагандой социалистических организаций, умеренностью и непоследовательностью парламентской Рабочей партии и стоящей за ее спиной Независимой рабочей партии. Сначала от Социал-демократической федерации откололись шотландские отделения, за ними последовали в 1905 г. некоторые лондонские отделения; те и другие образовали отдельные организации. В то же время некоторые организации откололись от Независимой

рабочей партии и вместе с Социал-демократической федерацией, преобразовавшейся в 1908 г. в с.-д. партию, решили основать единую социалистическую партию; в результате этого на конференции в Манчестере в 1911 г. была организована Британская социалистическая партия с не вполне выдержанным социал-демократическим направлением.

Во время войны в партии, сначала отравленной патристическим дурманом, постепенно образовались две группы. Одна, под руководством Хайндмэна, Ирвинга, Торна и Бакса, осталась на платформе социал-патриотизма; другая, под руководством Фейрчайльда, Маклина, Уотса, Инкпина, начала обнаруживать антимилитаристические взгляды, основываясь на положении, что война является неизбежным следствием современного развития капитализма и, в особенности, борьбы за внешние рынки, и что в ее возникновении одинаково виновны все правительства участвующих в ней стран. По настоянию этой группы, вопреки противодействию Хайндмэна и его сторонников, решено было послать представителя на Циммервальдскую социалистическую конференцию, состоявшуюся в 1915 г., хотя это постановление оказалось невозможным осуществить вследствие невыдачи правительством паспорта делегату. После конференции референдум среди отделений одобрил образ действий партии, присоединившейся к первой циммервальдской программе.

На конгрессе в Сальфорде весной 1916 г. раскол между правой и левой частью Британской социалистической партии принял столь определенный характер, что Хайндмэн и его сторонники вышли из партии, основав отдельную Национал-социалистическую партию (в 1921 г. принявшую старое название С.-д. федерации). Места старых вождей заняли более молодые, как, например, Инкпин, Ротштейн, Эскью, которые с определенно левым направлением выступили на страницах журнала «The Call» («Клич»).

С момента русской Октябрьской революции БСП целиком стала на сторону большевиков и советской власти. Это направление было подтверждено на конгрессе партии в 1918 г., на котором было прочтено приветствие полпреда РСФСР Литвинова, и в 1919 г. на Шеффилдской конференции, заявившей, что мир находится накануне социальной революции, которая всюду водворит власть советов и уничтожит старый капиталистический строй. Партия после предварительного референдума по отделениям решила выйти из

II Интернационала и примкнуть к III Коммунистическому интернационалу.

И все же нужно отметить тот поразительный факт, что партия, отражающая симпатии широких слоев рабочего класса, во время парламентских выборов в конце 1918 г., т. е. после установления всеобщего избирательного права, из 25 кандидатов не в состоянии была провести в парламент ни одного, между тем как небольшая Национал-социалистическая партия провела трех своих представителей — Ирвинга, Горна и Джонса. Так сильно было патриотическое настроение среди рабочих после окончательной победы английского оружия.

Социалистическая рабочая партия (Шотландии) (SLP) образовалась из шотландских отделений, отколовшихся в 1903 г. от с.-д. федерации. Лидерами ее были Мак-Манус, Мерфи, В. Пауль. До 1911 г. СРПШ целиком находилась под влиянием учения американской партии «Индустриальных рабочих мира» и занималась, главным образом, пропагандой этого учения. Накануне войны партия постепенно втягивается в стачечное движение и принимает активное участие в жизни профессиональных союзов. Война, которая квалифицировалась партией с марксистской точки зрения, как результат экономического соперничества, встретила среди ее членов поголовное осуждение. Во время войны революционные стремления членов партии нашли проявление в образовании фабрично-заводских комитетов, а также в возбуждении стачек (стачка на Клайде и др.), во время которых фабрично-заводские комитеты держали себя непримиримо по отношению к правительству и его предложениям. На выборах 1918 г. партия успеха не имела по тем же причинам, по которым ее не имела БСП. Партия всецело была на стороне советской власти с момента ее возникновения.

**Образование
Коммунистической партии.
Комитеты заводских старост**

В середине 1920 г. Социалистическая рабочая партия (Шотландии), Британская социалистическая партия и часть левого крыла Независимой рабочей партии объединились в Коммунистическую партию, причем несогласные элементы этих партий от них отделились. Периодическим органом партии стал «Коммунист» («Kommunist»). Вскоре образовалось еще несколько коммунистических организаций под разными названиями.

В начале 1921 г. состоялось так называемое Лидское соглашение, на котором произошло объединение этих организаций

в единую Коммунистическую партию Великобритании ¹⁾. В начале 1921 г. в рядах компартии числилось до 5.000 членов в 150 секциях, во главе которых стояли особые руководители, находившиеся под контролем Национального организационного секретариата. Все эти секции объединяют городских рабочих, но партией также обращено внимание на сельское население, среди которого ведется усиленная пропаганда. Особое внимание обращено на тред-юнионы; во всех более или менее значительных тред-юнионах партия имеет свои ячейки; пропаганда имела целью создание британской секции Профинтерна. Значительное развитие получила партийная печать. Еженедельник «Коммунист», преобразованный в 1923 г. в «Уоркерс Уикли», имел тираж в 50 тыс.; ежемесячник «Коммунист Ревью» — 6 тыс. Партия выпустила много брошюр относительно Советской России; между прочим, переведены некоторые работы Ленина, Троцкого, Каменева, Радека.

Коммунистическая партия стремилась к вхождению в ряды Рабочей партии, которая этому всемерно противилась. В этом стремлении коммунисты руководились, с одной стороны, агитационными целями, так как требование компартии о принятии ее в состав Рабочей партии приводило в рабочих кругах к обсуждению защищаемых коммунистами принципов; с другой стороны, указанные стремления имели целью образование единого рабочего фронта и разоблачение лидеров Рабочей партии изнутри. Рабочая партия упорно отклоняла требование коммунистов, боясь, в случае объединения, их влияния на рабочие массы.

В своем стремлении связаться с рабочими массами компартия обратила особенное внимание на комитеты рабочих и заводских старост.

Еще накануне войны для установления связи между рабочими массами и центральными организациями тред-юнионов на заводах была установлена система заводских старост. Первоначально их функции сводились к учету рабочих и наблюдению за правильным поступлением членских взносов в профсоюзы. Эти функции приводили старост к учету организованных и неорганизованных рабочих и пропаганде среди последних.

¹⁾ Даты образования английской компартии таковы: учредительный съезд — август 1920 г., объединительный съезд — январь 1921 г., манчестерский съезд по выработке программы — апрель 1922 г., реорганизационный съезд (Лондон—Баттерси) — октябрь 1922 г.

Когда началась война, представители тред-юнионов вступили в соглашение с правительством о гражданском мире, по которому тред-юнионы отказывались впредь до окончания войны от стачечной борьбы. В силу этого руководители тред-юнионов при возникавших между рабочими и предпринимателями недоразумениях не только отказывались от руководства стачками, но стремились отклонить от них также и рабочих. Тогда-то руководителями всех столкновений с предпринимателями стали заводские старосты. Так было в стачке на Клайде в 1915 г. Комитет старост, стоявший во главе этой стачки, стал постоянной организацией, и во всей стране в подражание ему стали возникать подобные же организации. В передовых слоях рабочих стали поговаривать об образовании постоянной центральной организации заводских старост, охватывающей всю страну; но мысль эта получила осуществление только в 1917 г., года ряд стачек охватил Шеффельд, Баррау, Глазго, Лондон и другие города, и когда, наконец, разразилась стачка портовых рабочих, имевшая целью установление рабочего контроля над транспортом. Тогда был организован Национальный административный комитет.

После этого во время всех крупных стачек возникали организации по принципу и типу заводских старост, так было во время стачки в Бельфасте, Лимерике, во время забастовок железнодорожников и углекопов. Сначала среди руководителей организаций заводских старост преобладали синдикалистские идеи, но постепенно, по мере расширения организаций, число социалистов стало в них увеличиваться, и, наконец, эти организации вошли в близкое соприкосновение с компартией.

Важным моментом закрепления связей между организациями старост и компартией явилось соглашение в Лидсе, по которому была установлена постоянная связь между Национальным административным комитетом (НАС) и компартией.

23 февраля 1921 г. состоялось объединенное совещание обеих организаций, на котором выяснилась необходимость тесного между ними сотрудничества в деле организации профдвижения на началах производственного юнионизма для действительной борьбы с капиталистическим строем. При этом было признано необходимым, чтобы руководство этим делом было передано в руки партийных работников, чтобы партия приложила все старания к проведению на ответственные посты в тред-юнионах коммунистов, которые следили бы за тем,

чтобы производственное движение в целом протекало в полном подчинении принципам, намеченным партией.

Активная деятельность, проявленная компартией в период и после забастовки горняков 1921 г. и во время локаута машиностроительных рабочих в 1922 г., привела к репрессиям против нее. В помещении ЦК компартии был произведен обыск; генеральный секретарь компартии Инкпин был арестован за распространение тезисов II конгресса. Эти и другие преследования со стороны правительства и капиталистов привели к временному уменьшению числа членов партии.

В 1921 и 1922 гг. партия переживала кризис, из которого стала постепенно выходить в 1923 г., укрепляя свои ряды и занимая все более правильные коммунистические позиции. Под давлением деятелей компартии Генсовет принял резолюцию о поддержании горняков в конце июля 1925 г. («Красная пятница» — см. об этом дальше, стр. 175); точно так же и левые резолюции конгресса тред-юнионов в Скарборо приняты в значительной степени под влиянием компартии.

Чтобы парализовать это растущее влияние, правительство арестовало 12 лидеров компартии, предало их суду по обвинению в призыве к восстанию, что выразилось в распространении коммунистических изданий.

Во всеобщей забастовке (в мае 1926 г.) и последовавшей за ней забастовке углекопов компартия играла руководящую роль, вследствие чего число коммунистов, попавших в тюрьму, составило значительную часть арестованных руководителей движения. Начиная с этого времени значение компартии всегда было выше ее численного состава.

Манчестерская конференция 1925 г. приняла резолюцию о большевизации компартии, единодушно осудив ошибки троцкистов. IX съезд единогласно стал на сторону ВКП(б) по вопросу об оппозиции. По поводу поднятого в 1927 г. в рядах партии вопроса об отношении к Рабочей партии IX пленум Коминтерна — ввиду превращения Рабочей партии в обыкновенную с.-д. партию — рекомендовал английской компартии отказ от сопровождаемой критикой поддержки Рабочей партии с заменой лозунга «рабочее правительство» лозунгом «революционное рабочее правительство».

Компартия и профдвижение. Движение левых меньшинств С самого начала своего возникновения английская компартия ставит себе задачей пропаганду и организацию революционного профдвижения в среде английских тред-юнионов. Особенное внимание она поэтому обращает на поддержку и развитие в профсоюзах движения революционных меньшинств.

На I конгрессе Профинтерна в июле 1921 г. Англия была представлена 15 делегатами, из коих 7 с решающим и 8 с совещательным голосом, а уже в октябре того же года на конференции английских секций Профинтерна в Лондоне присутствовало 650 делегатов от 300 групп различных союзов. Особенный успех пропаганда компартии имела среди горнорабочих и транспортников. Среди первых число сторонников Профинтерна доходило в начале 1923 г. до 350 тыс. В общем, к концу 1923 г. число сторонников Профинтерна считалось выше одной пятой всего числа организованных английских рабочих.

В середине 1923 г. местные конференции сторонников Профинтерна, происходившие в ряде промышленных центров, выносят постановления о созыве конференции левого меньшинства профсоюзов.

На конференции левого меньшинства в Лондоне в августе 1924 г. были представлены все важнейшие отрасли английской промышленности; наибольшее число делегатов прислали рудокопы и машиностроители; большинство делегатов были рабочие от станка. В главных своих постановлениях, а именно: о безработице, фабзавкомах, о единстве профдвижения в национальном и международном масштабе, конференция стала на одинаковую позицию с Профинтерном, наглядно доказывая влияние коммунистической пропаганды в тред-юнионах.

На конференции левого меньшинства, состоявшейся в начале 1925 г. в Лондоне, принимали участие 590 делегатов от 600 тыс. рабочих. В своих речах ораторы подчеркивали значение левого-меньшинства для революционизирования профдвижения и призывали его к более активным действиям для завоевания профсоюзов изнутри.

Говоря о силах, на которые опирается левое профдвижение в Англии, нужно принять во внимание движение безработных. Выше (см. стр. 152-153) мы уже сказали несколько слов об организации безработных для защиты своих прав (местные комитеты и Национальный совет), находившийся под влиянием коммунистов. На общенациональной конференции безработных в ноябре 1921 г., где собралось 140 делегатов от 90 комитетов, большинство имели коммунисты, и вынесена была резолюция в том смысле, что уничтожение безработицы возможно вместе с уничтожением капитализма. В конце 1922 г. Национальный комитет безработных организовал поход «голодных делегатов» в Лондон. Демонстрация

эта была своего рода «прямым действием» с целью принудить правительство удовлетворить выдвинутые безработными требования. Группы безработных по составленному заранее плану шли со знаменами и плакатами из разных концов Англии через города и села, устраивая по дороге митинги и вынося резолюции с требованием «обеспеченного труда или содержания на счет государства». Этот поход, как и следовало ожидать, успеха не имел, но он лишней раз доказал безработным, что от современного государства они не могут ожидать никакого улучшения своего положения,—и не только в том случае, когда у власти находятся консерваторы или либералы, но также и тогда, когда власть находится в руках таких «социалистов» и вождей тред-юнионизма, как Макдональд, Сноуден, Кланс и им подобные.

Значительную опору левое меньшинство профдвижения находит в профсоветах, значение которых станет яснее из сопоставления их с другой формой объединения тред-юнионов — конгресса тред-юнионов.

**Рабочее правитель-
ство Мак-
дональда (1924 г.)
и его истинное
лицо**

В конце января 1924 г. в жизни английской Рабочей партии совершилось событие, повидимому, очень важное. Лидеры Рабочей партии очутились у власти; совершилась «мирная революция», по выражению одного из этих лидеров (Томаса).

Если мы присмотримся поближе к указанному факту, то увидим, что «мирная» революция, доставившая власть Макдональду, Сноудену и им подобным, не привела ни к каким изменениям в капиталистическом строе и что политика «социалистов» из Рабочей партии, очутившихся у власти, ничего общего не имеет с социализмом и с истинными нуждами и интересами рабочего класса.

Обстоятельства, вследствие которых лидеры Рабочей партии очутились у власти, таковы.

В конце 1923 г. консервативное министерство Бонар-Лоу вынуждено было выйти в отставку по сравнительно второстепенному вопросу о таможенных пошлинах. Происходившие в начале декабря того же года новые выборы в парламент дали следующие результаты: консерваторы потеряли свое прежнее абсолютное большинство, получив 254 мандата (вместо прежних 33), а Рабочая партия получила 192 (вместо прежних 142); либералы — 150 мест. Таким образом, ни одна партия не получила абсолютного большинства и не могла са-

мостоятельно, без поддержки другой партии, образовать министерство.

Около месяца шли переговоры между партиями о различных комбинациях. Консерваторы надеялись на поддержку либералов; но либералы, учитывая настроение широких масс избирателей, не решались ни на поддержку консерваторов, ни на союз с ними, что грозило бы им потерей самостоятельности; они, наоборот, решили сговориться с членами Рабочей партии. Предложение их было принято последними; оно заключалось в том, что Рабочая партия должна была отказаться от проведения таких пунктов своей программы, которые расходятся с программой либералов; в частности, она должна была отказаться от главного проекта, выдвинутого ею в избирательную кампанию, — от налога на капитал. Взамен этого она получила обещание поддержки в парламенте со стороны либералов. Рабочая партия согласилась на эти «уступки», и таким образом Макдональд со своими коллегами очутился 22 января 1924 г. у власти, образовав правительство, названное «рабчим».

Уже из сказанного видно, какова могла быть роль макдональдовского правительства. Она сводилась к тому, чтобы проводить программу буржуазии под флагом «рабочей» политики с риском потерять власть при первой попытке обмануть доверие своих «хозяев». Впрочем Макдональд, как видно из его правительственной деятельности, не задавался такими целями и не сделал ни малейшей попытки проведения хотя бы небольшой части программы. НРП, ставленником коей он был. В сущности, как это обнаружилось за все время его пребывания у власти, Макдональд являлся в основных чертах продолжателем политики либеральной партии, которая в Англии ничем принципиально не отличается от политики консервативной партии: та же поддержка Версальского договора и его последствия, та же империалистическая колониальная политика, то же продолжение вооружений как залог грядущих войн; почти та же политика в деле помощи безработным. Только в области жилищного вопроса правительству Макдональда обнаружило более радикальное направление, приняв десятилетнюю программу строительства домов для рабочих с постройкой 200 тыс. квартир в год, причем квартиры должны сдаваться рабочим, получающим средний заработок и имеющим возможность платить за квартиру около 15 рублей в месяц. Этоубогое мероприятие должно было доказывать заботы макдональдовского правительства об интересах английского пролетариата.

Правда, правительство Макдональда признало Советскую Россию и подписало предварительный англо-советский договор; но то и другое совершенно им далеко не по доброй воле, а главным образом под давлением широких рабочих масс. С другой стороны, оба эти шага совершены рабочим правительством с одобрения определенной части либералов, учитывавших коммерческие выгоды, которые должна была дать реализация договора.

Давая возможность Макдональду и его коллегам пробраться к власти, представители английского крупного капитала считались с тем обстоятельством, что лидеры НРП и профсоюзов, которые всегда являлись буфером между трудом и капиталом, с тем большим успехом будут исполнять эту роль в качестве «министров его величества короля английского». И в этом отношении правительство Макдональда вполне оправдало доверие и надежды английских капиталистов, что выяснилось на целом ряде крупных стачек, имевших место во время непродолжительного пребывания Макдональда у власти, таковы: забастовка железнодорожных машинистов, крупная забастовка докеров, забастовка служащих лондонских трамваев, углекопов и пр., окончившиеся выгодными для предпринимателей компромиссами, благодаря вмешательству соответствующих представителей правительства. Улаживая стачечные конфликты к выгоде капиталистов, товарищи Макдональда не стеснялись угрожать непокорным стачечникам вмешательством войск и возобновлением работ при помощи штрейкбрехеров, и если правительству не приходилось прибегать к таким мерам, то это объясняется тем, что лидеры тред-юнионов в каждом отдельном случае употребляли все свое влияние для улажения конфликта в желательную для правительства сторону.

В оправдание своей нерешительной, половинчатой и анти-социалистической политики английские «социалисты», очутившись у власти, указывали на то, что подобный образ действий является выражением настроения широких рабочих масс. Эти массы, по их словам, еще не доросли до понимания задач социализма и даже не дали Рабочей партии большинства мест в парламенте, предпочитая во многих случаях отдавать свои голоса представителям буржуазных партий.

Не говоря о том, что подобные обстоятельства не могут быть оправданием образа действий социалистов, принявших власть, — разве не Макдональд и его сподвижники в продолжение десятилетий развращали и развращают политически

широкие английские рабочие массы, пропитывая их примиренческим ядом, стремясь отклонить их от всяких проявлений активности и революционности в борьбе с капиталом? Если мы проследим борьбу английского рабочего класса за последние десятилетия, то увидим, что всегда и неизменно стремления к решительным действиям против гнета капитала исходили от широких рабочих масс, готовых для этого на всевозможные жертвы, между тем как лидеры НРП и их единомышленники — вожди профсоюзов — всегда и неизменно стремились такие выступления парализовать и ликвидировать путем компромиссов и соглашений.

Еще за некоторое время до прихода к власти Рабочей партии один из ее вождей, министр финансов в кабинете Макдональда, Филипп Сноуден, написал в одной консервативной газете ряд статей, в которых он подготовлял общественное мнение к этому событию, уверяя английских фабрикантов и помещиков, что рабочее правительство будет стоять «выше» классовых интересов и свои реформы будет вводить с надлежащей медленностью и обдуманностью, ни в коем случае не беря примера с русских большевиков.

Пребывание у власти Макдональда с коллегами ¹⁾ показало, что программа и тактика этого правительства гораздо более убоги, чем писания Филиппа Сноудена, и что английскому рабочему классу не приходится ожидать никаких существенных улучшений своей участи от людей, называющих себя социалистами, считающих социализм совместимым с монархией и видящих опору социализма в религии.

Политика Макдональда является для английского пролетариата лучшим наглядным уроком. Она показала ему, не только то, что он может ожидать от Рабочей партии и ее вождей, но и то, что действительное рабочее правительство он может получить не путем парламентских комбинаций и еще менее путем сговора с либералами, но лишь путем завоевания власти в результате победоносной революции.

¹⁾ После десятимесячного пребывания у власти правительство Макдональда принуждено было уйти, получив выражение недоверия со стороны консерваторов и либералов за прекращение судебного преследования члена ЦК компартии редактора «Уоркерс Уикли» Кемпбелла (что оно принуждено было сделать, вследствие отсутствия улик и считаясь с настроением передовой части рабочего класса). Своим глупым и трусливым поведением по делу относительно подложного письма Зиновьева Макдональд значительно содействовал поражению Рабочей партии на новых выборах и торжеству консерваторов.

О конгрессе тред-юнионов и парламентском комитете нами, хотя и в кратких чертах, сказано выше (см. стр. 97—98).

Первый конгресс тред-юнионов происходил в 1868 г., и с этого времени конгрессы происходят регулярно ежегодно, но значение этих конгрессов для английского рабочего движения очень невелико. Конгресс является чисто внешним парадным собранием делегатов тред-юнионов; это скорее праздничный смотр сил, а отнюдь не «Парламент труда», как он себя называет в уставе 1872 г. Дело в том, что решения и резолюции конгресса не обладают обязательной силой ни для представляемых им профсоюзов, ни для его исполнительного органа, а отсюда уже вытекают многие из остальных отрицательных сторон этого чисто английского учреждения, не имеющего себе подобных в профдвижении других стран, где конгрессы являются верховными руководящими органами, издающими постановления, обязательные для всех объединяемых ими организаций и деятелей.

Кроме того, конгресс ревниво отмеживается от всех политических партий и течений, а потому общее руководящее направление дается на конгрессе не той или иной партией, а сильнейшими по численности союзами, каковы, например, угольщики, текстильщики, транспортники, которые спорят между собой о влиянии и не желают, чтобы один союз навязывал другому свою волю; отсюда отчасти боязнь централизации и слабость конгрессов.

Исполнительным органом этих бессильных конгрессов до 1919 г. являлся парламентский комитет. Как можно видеть из вышеописанной его сущности, парламентский комитет с самого момента его возникновения являлся столь же бессильным и мало полезным органом, как и конгресс. Это чувствовалось многими тред-юнионами, которые, впрочем, ничего не предпринимали для изменения такого положения вещей, пока сам парламентский комитет не внес на рассмотрение специального конгресса тред-юнионов в декабре 1919 г. доклад, констатирующий, что «давно уже признается необходимость создания более дееспособного аппарата по координации рабочих выступлений как для всего движения в целом, так и особенно для выступлений экономического характера». Согласно этому докладу в 1921 г. постановлением кардиффского конгресса парламентский комитет был заменен Генеральным советом конгресса. Но от перемены названия

исполнительного органа не изменилась его сущность, и в его действиях сказалась та же немощность, которой поражены все вершущие органы английского профдвижения, вследствие страха, питаемого большинством крупных тред-юнионов к централизации и обязательному повиновению руководству «извне».

В противоположность этим бессильным попыткам вождей тред-юнионизма создать объединительный центр профдвижения приходится отметить успехи, достигнутые в этой области местными советами тред-юнионов.

Советы являются местными объединениями профсоюзов (какими в Германии являются картели). Возникновение их относится к периоду 1858—1867 г. Причиной их возникновения была, прежде всего, необходимость взаимной поддержки профсоюзов на случай стачек, и возникали они часто из стачечных комитетов, в состав которых входили представители других сочувствующих профсоюзов. Советы возникали также для взаимной поддержки против административных вторжений в права профсоюзов и для защиты этих прав перед парламентскими комиссиями. Около 1860 г. имелись уже постоянные советы в Глазго, Шеффилде, Ливерпуле, Эдинбурге, а в 1861 г. возник (из стачечного комитета) Лондонский совет, во главе которого вскоре стала знаменитая хунта (см. стр. 86—88). Дальнейшим этапом развития советов тред-юнионов является образование областных федераций советов тред-юнионов. С течением времени функции советов расширяются. Кроме посредничества в промышленных конфликтах, советы с успехом проводят защиту прав тред-юнионов в сношениях с органами местного самоуправления, руководят избирательной борьбой в эти органы и принимают активное участие в избирательной кампании в парламент, занимаются культурно-просветительной деятельностью, содействуют распространению профдвижения в сельских местностях. Несмотря на перечисленные функции, значение советов до самого недавнего времени было сравнительно невелико, ввиду отсутствия финансовых средств, отсутствия представительства в Генеральном совете конгресса, а также большой самостоятельности, которой пользуются отдельные объединяемые ими тред-юнионы.

После войны советы стали принимать активное участие в работе местных организаций Рабочей партии. Во время русско-польского конфликта в 1920 г. советы сыграли исключительно важную роль в деле организации «советов действия».

Вообще после войны в советах стало проявляться левое направление в противовес крайнему оппортунизму конгресса и профсоюзной бюрократии.

Ввиду этого английские сторонники Профинтерна решили в 1921 г. использовать советы тред-юнионов как базу для левого профдвижения. Под их влиянием в 1922 г. создана первая конференция советов и образована Национальная федерация советов. На II конференции в Бирмингеме в 1923 г. председателем был избран член ЦК компартии Гарри Поллит.

На этой конференции среди пунктов программы Национальной федерации указаны: реорганизация профдвижения на основе производственного юнионизма, поддержка требований безработных и допущение представителей их комитетов в профсоюзы, примирение всех недоразумений между местными профобъединениями и руководство профдвижением в целом, и не только профдвижением, но и политическим и кооперативным движением рабочего класса. В резолюции, принятой на бирмингемской конференции, между прочим, говорится: так как рабочие, с одной стороны, являются производителями и, как таковые, членами профсоюзов, а с другой стороны — потребителями и, как таковые, — членами кооперативных организаций, и, наконец, как правомочные граждане голосуют на выборах и, следовательно, заинтересованы в политических вопросах, — поэтому задача советов профсоюзов оказывать содействие каждой форме деятельности рабочих и отзываться на все вопросы их жизни.

Таким образом, в английском профдвижении, в противовес центру, организованному сверху, низовым течением выдвинулся другой центр, более активный и левый, так как он ближе к массам и руководится их стремлениями и настроями.

Само собой понятно, что между этими двумя центрами неизбежны трения и столкновения, и обеими сторонами чувствуется необходимость в согласовании своих действий путем образования общего объединения. На состоявшейся 26—27 февраля 1925 г. в Лондоне конференции советов тред-юнионов решено создать объединенный совещательный комитет из представителей советов и Генерального совета конгресса. Из избранных в этот комитет самое большое число голосов получил коммунист Том Манн. На той же конференции советов, как и на состоявшейся после нее конференции левого меньшинства тред-юнионов, принята резолюция о необходимости

скорейшего образования Англо-русского комитета единства. Конференция горячо приветствовала налаживающееся дело объединения всемирного профдвижения.

Гульский кон-
гресс и сближе-
ние между проф-
движением Ан-
глии и СССР

1—6 сентября 1924 г. происходил очеред-
ной конгресс тред-юнионов в Гулле, в кото-
ром участвовали делегаты профсоюзов СССР.
Впервые в истории английского рабочего дви-
жения на конгрессе прозвучала русская речь.

Целью делегации было укрепление друже-
ственных отношений между русским и английским профдви-
жением, чтобы положить начало всемирному объединению
профдвижения ¹⁾.

Шаг этот был следствием тех взаимоотношений, которые
установились между русским и английским рабочим клас-
сом, начиная с первых лет революции.

Первые проявления симпатий английского рабочего клас-
са к Октябрьской революции заключались в образовании,
при содействии Британской социалистической партии, коми-
тета противодействия интервенции под названием. «Руки
прочь от России». Значение этой агитации для прекращения
интервенции и всяких авантур подобного рода на счет англий-
ской казны было немаловажно. Вскоре (а именно — в мае
1920 г.) английский рабочий класс для обследования истин-
ного положения вещей в Советской России посылает туда
делегацию из представителей тред-юнионов, Рабочей партии
и Независимой рабочей партии. Несмотря на то, что в составе
делегации было очень много явных врагов коммунизма, де-
легация в своем докладе вынуждена была констатировать,
что все отрицательные стороны жизни в Советской России
являются следствием интервенции, блокады и поддержки
капиталистическими странами контр-революции. Все выше-

¹⁾ Амстердамский интернационал, возникший в 1919 г., объединил
первоначально профсоюзы почти всех стран (за исключением СССР) в еди-
ное международное объединение во главе с реформистскими и оппорту-
нистическими деятелями (Жуо, Удерест, Мертенс и другие), отказавши-
мися от революционного социализма и не признающими классовой борь-
бы и диктатуры пролетариата. В середине 1920 г. образовался Красный
интернационал профсоюзов (Профинтерн), объединивший мировое проф-
движение, стоящее на коммунистической точке зрения или примыкающее
к ней (I конгресс его состоялся летом 1921 г.). Профинтерн числит (1925 г.),
в своих рядах около 12 млн. рабочих, Амстердамский интернационал —
около 15 млн. Кроме этого, в конце 1922 г. возник анархо-синдикалистский
(Берлинский) интернационал; число объединяемых им профсоюзов и чле-
нов ничтожно.

указанное не могло не отразиться на отношении к Советской России со стороны английского правительства; скрепя сердце оно должно было отказаться от всяких мыслей о дальнейших военных вмешательствах и перейти на путь «мирных» отношений.

С первого взгляда может показаться странным, каким образом в среде оппортунистических и узко экономических тред-юнионов могли возникнуть симпатии к пролетарской революции и наметиться столь живое стремление к объединению с профсоюзами, стоящими на платформе резко выраженной классовой борьбы.

Это объясняется целым рядом причин.

— Прежде всего немаловажную роль здесь сыграло наметившаяся среди английского пролетариата недовольство оппортунистической политикой своих вождей, результатом чего явились поиски новых линий и методов борьбы. Английские рабочие, которые и раньше симпатизировали русской пролетарской революции, видя в ней грандиозный опыт водворения нового социального строя в противовес капитализму, под игом которого стонут рабочие всего мира, были чрезвычайно заинтересованы, чтобы этому опыту, стоившему столько революционной энергии и жертв, дана была возможность развития без насильственного перерыва.

Сближению между английским рабочим классом и Советской Россией, кроме того содействовали еще причины экономические. Отметим среди них безработицу, от которой столько лет после войны страдает английский рабочий класс.

Размеры безработицы отмечены нами выше. Одной из главных ее причин являются сокращение рынков вывоза (в особенности колониальных) и потеря русского рынка. В то время как буржуазия стремится наверстать эту потерю нажимом на зарплату для увеличения конкурентоспособности Англии, рабочий класс выдвигает категорическое требование сближения с Советской Россией, заключения с ней договора и предоставления ей займа. Агитация за экономическое сближение с Советской Россией являлась для более передовых деятелей английского рабочего движения как бы предварительным шагом к установлению дружеских отношений между профсоюзами обеих стран. Немалую роль в деле сближения с русским профдвижением и в стремлении к всемирному объединению профдвижения сыграло отмеченное нами выше движение левых меньшинств, которое ориентируется на ре-

волюционную классовую политику, олицетворяемую для них победоносной русской революцией.

Результатом отмеченных стремлений к сближению явилось установление тесных связей летом 1924 г. между Генеральным советом конгресса и представителями российских профсоюзов, участвовавших в советской делегации по ведению переговоров о заключении англо-советского договора. Беседы с указанными членами делегации и ознакомление английских тред-юнионистских деятелей с позицией советских союзов привели к тому, что Генеральный совет сделал официальное приглашение ВЦСПС прислать братскую делегацию на предстоящий 1—6 сентября очередной ежегодный конгресс тред-юнионов в Гулле.

Чтобы использовать создавшееся положение для непосредственного общения с рабочими массами Англии в целях издания единого фронта снизу, ВЦСПС послал в Гуль делегацию в составе председателя ВЦОПС Томского, тт. Лепсе (от металлистов), Амосова (от железнодорожников) и Горбачева (от горняков).

Делегация была встречена на конференции с бурным энтузиазмом, чего не могли не отметить и буржуазные газеты. Вообще вся работа Гульского конгресса протекала под определенным левым уклоном, начиная с речи председателя Перселя и кончая принятыми резолюциями.

Конгресс принял внесенную Генеральным советом «Хартию промышленных рабочих», где сведен воедино целый ряд требований, которые до сих пор в английском рабочем движении выдвигались разрозненно. Среди этих требований на первом плане стоит национализация земли, копей и земельных недр, а также железных дорог. По предложению Великобритании федерации горнорабочих конгресс принял резолюцию о необходимости в ближайшее время перестроить все профдвижение на производственной основе. В случае угрозы войны постановлено поручить Генеральному совету созвать экстренный конгресс тред-юнионов с целью оказать войне решительное сопротивление. Конгресс также принял резолюцию, требующую обследования положения рабочих в Индии специальной комиссией из представителей профсоюзов.

Немалое принципиальное значение имеет предоставление конгрессом Генеральному совету права руководить стачечным движением. Согласно этому пункту, Генеральный совет может принимать активное участие во всех промышленных конфликтах и, если найдет нужным, призывать весь рабочий

класс на помощь борющимся. Это постановление тоже указывало на назревшие в английском рабочем движении левые стремления.

Но в то же время приходится указать на проявление конгрессом старых консервативных традиций. Сюда нужно отнести, например, отказ Национальному комитету безработных и Национальному комитету советов тред-юнионов в присоединении их к конгрессу. Это тем несправедливее по отношению к советам тред-юнионов, что это они в середине минувшего века были инициаторами объединения профдвижения и по их инициативе произошел (в 1868 г.) созыв первого конгресса. Тот же оппортунизм проявился в восхвалении «рабочего» правительства Макдональда и в половинчатом осуждении плана Дауэса. Но в общем и целом нельзя не отметить в работах и резолюциях Гульского конгресса известного поворота влево.

Что касается русского вопроса и единства профдвижения, то конгресс принял следующие резолюции. Во-первых, внеочередную резолюцию по вопросу о ратификации договора, подписанного правительством Макдональда, против чего вся буржуазная пресса начала усиленную агитацию. Резолюция гласит: «Настоящий конгресс от имени 4½ млн. английских рабочих, организованных в профсоюзы, сердечно поздравляет правительство с подписанием договора от 8 августа 1924 г. Конгресс полагает, что ратификация и применение договора имеет из ряда вон выходящее значение с точки зрения установления мира во всем мире и с точки зрения восстановления хозяйства. Конгресс поручает Генеральному совету связаться с Исполнительным комитетом Рабочей партии на предмет совместных выступлений для борьбы с кампанией, ведущейся в печати и извращающей смысл договоров...» — Второе постановление относится к выступлению тов. Томского, речь которого, длившаяся (вместе с переводом) больше часа, была заслушана конгрессом с большим вниманием. Постановление подчеркивает необходимость принять все меры к объединению союзов всех стран мира в единый интернационал профсоюзов.

Ответом на участие нашей делегации в Гульском конгрессе явилось прибытие в Москву около двух месяцев спустя делегации английских тред-юнионов в составе виц-председателя Генсовета Альберта Перселя, секретаря Генсовета Фреда Бромлея и представителей отдельных пред-юнионов — Бен-Тиллета (секретаря союза транспортников), Джона Бром-

лея (секретаря союза машинистов и кочегаров), Герберта Смита (от Федерации горнорабочих), Джона Тернера (от торговых служащих), Джона Финдлея (от союза литейщиков).

Доклад, сделанный Генеральному совету делегацией, бывшей в СССР больше месяца и исследовавшей его жизнь с самых различных сторон, был в общем благоприятен для дальнейшего закрепления установившихся между союзами обеих стран связей.

Между английской делегацией и президиумом ВЦСПС было заключено предварительное соглашение об образовании Англо-русского комитета единства, которое было ратифицировано Генсоветом и подтверждено конгрессом тред-юнионов, состоявшимся в Скарборо в сентябре 1925 г.

На этом конгрессе была принята резолюция, гласившая: конгресс одобряет усилия, приложенные Генеральным советом для достижения международного единства и настойчиво предлагает новому Генеральному совету сделать все от него зависящее для достижения единства всего международного профдвижения путем создания всеобъемлющей международной федерации профсоюзов».

Образовавшийся комитет единства в короткий срок успел привлечь к себе симпатии широких пролетарских масс разных странах (Германии, Франции, Польше, Бельгии, Норвегии, Чехо-Словакии и др.) возникли организации и группы единства для поддержки Англо-русского комитета.

Однако эта массовость движения английского пролетариата за единство с профсоюзами СССР так напугала оппортунистических лидеров английского профдвижения, что они уже вскоре после образования Англо-русского комитета стали всячески тормозить и саботировать работу его, пока, наконец, не добились того, что эдинбургский конгресс тред-юнионов (1927 г.) одобрил предложение Генсовета о ликвидации Англо-русского комитета.

Всегообщая забастовка и забастовка горняков 1926 г.

В продолжение двух лет после войны, как уже было отмечено выше, английская угольная промышленность была в благоприятном положении вследствие общего недостатка угля (и отсутствия его запасов) во всех промышленных странах; но с 1920 г. в английской угольной промышленности начинается все усиливающийся кризис, ставший хроническим.

Причины этого следующие. Во-первых, уменьшение спроса на уголь вследствие перехода во многих странах к другим

источникам энергии (белый уголь, нефтяное отопление). Вторая причина заключается в особенностях английской угольной промышленности, которая чрезвычайно разбросана (по различным районам) и очень раздроблена, составляя собственность 1.500 владельцев-предпринимателей. Последнее обстоятельство препятствует применению в ней усовершенствованных технических средств и ведет к чрезвычайному удорожанию административного аппарата; кроме того, английская угольная промышленность выплачивает громадную ренту собственникам земли, на которой находятся шахты. Все это сильно удорожает стоимость английского угля.

Под влиянием кризиса с 1920 г. начинаются столкновения между угледокопами и шахтовладельцами, стремящимися переложить неблагоприятные последствия кризиса на плечи рабочих. Наиболее острым моментом этой борьбы в прошлом был локаут 1 апреля 1921 г. (см. стр. 150 и далее).

В период 1922—1923 гг. произошло временное улучшение в английской углепромышленности вследствие забастовки американских угледокопов, а затем событий, связанных с занятием Рура (немецкого угольного района) французами. Но с 1924 г. положение снова стало ухудшаться, и шахтовладельцы при заключении колдоговоров в 1925 г. вновь выдвинули свои требования об уменьшении зарплаты и увеличении рабочего дня.

Угледокопы отвергли предложение шахтовладельцев. Им в данном случае пришел на помощь Генсовет тред-юнионов, действовавший в значительной степени под влиянием коммунистов. Благодаря этому удалось достичь, что накануне предполагавшегося локаута было подписано соглашение между горняками с одной стороны и железнодорожниками и транспортниками — с другой, в котором последние обязывались поддержать угледокопов, прекратив перевозку угля. Это единодушие явилось неожиданным ударом для правительства, не верившего на основании прецедента 1921 г. в возможность подобного соглашения. Оно принуждено было пойти на уступку, предложив шахтовладельцам субсидию из государственного казначейства, чтобы удержать заработную плату на прежней высоте.

Пятница 31 июля 1925 г., когда рабочие, благодаря своему единодушию, одержали верх над хозяевами и правительством, получила название «красной пятницы» в противоположность «черной пятнице» 1921 г., когда горняки были преданы лидерами Тройственного союза. Но победа эта была только от-

срочкой столкновения, так как субсидия была установлена, как временная мера, до апреля 1926 г. В этот период правительство решило заняться изысканием мер для улучшения положения угольной промышленности, для чего была назначена правительственная комиссия (так называемая «королевская комиссия») из чиновников во главе с Гербертом Самюэлем (комиссия Самюэля). Выводы, к которым пришла эта комиссия, заключаются в следующем. Находя положение угольной промышленности тяжелым, она призывает заинтересованные в ней стороны к жертвам, но отвергает субсидирование, вредное для государственного бюджета, и национализацию, затрагивающую основы буржуазного общества. Она предлагает рабочим сделать следующую уступку: или уменьшение зарплаты на 10%, или увеличение рабочего дня.

Еще до опубликования доклада королевской комиссии начались переговоры между горняками и шахтовладельцами. Последние заявили, что если правительство не продолжит им субсидии, они будут считать договор с рабочими расторгнутым и возобновят его только при условии уменьшения зарплаты и увеличения рабочего дня; они также заявили, что не пойдут на соглашения в национальном масштабе и будут настаивать на порайонных договорах. На эту делегатская конференция горнорабочих ответила резолюцией, в которой предлагала районам твердо отстаивать прежнюю заработную плату, семичасовой рабочий день и договор в национальном масштабе.

В дело вмешалось правительство, которое сразу стало на сторону шахтовладельцев, предлагая рабочим неприемлемый для них компромисс. 30 апреля шахтовладельцы объявили локаут. Накануне собралась конференция исполкомов всех союзов, созванная Генеральным советом тред-юнионов; 3.653.529 голосами против 49.911 она постановила уполномочить Генеральный совет объявить всеобщую забастовку, которая началась 3 мая. Одна за другой стали останавливаться основные отрасли промышленности, призванные к этому Генсоветом, завязывалась грандиозная борьба, всемирно-историческое значение которой не подлежало сомнению. Правительство мобилизовало фашистов и штрейкбрехеров, стало арестовывать коммунистов и провоцировать рабочих.

Уже с самого начала забастовки не только такие завязые соглашатели, как Томас и Макдональд, но и более «левые» члены Генсовета испугались возможных результатов начавшейся борьбы. Они в один голос стали заявлять, что

стачка имеет не политическое, а экономическое значение, что речь идет о борьбе не за новый строй, а за «кусочек хлеба». Когда правительство в лице какого-то судьи объявило всеобщую стачку «незаконной», вожди уже открыто стали осуждать стачку, грозившую, по их мнению, целостности профсоюзов и их капиталов. Они стали звать к компромиссу и примирению. Короче говоря, вожди испугались возможности гражданской войны и всеми имеющимися в их распоряжении способами постарались ликвидировать забастовку. 12 мая Генсовет постановил заявить правительству о прекращении всеобщей забастовки на основе предложения комиссии Самюэля. Но Исполком федерации горнорабочих с секретарем федерации Куком во главе отказался присоединиться к этому предательскому шагу. Как и в 1921 г., углекопы решили самостоятельно продолжать забастовку. Около семи месяцев длилась героическая борьба горняков при горячем товарищеском сочувствии и поддержке — материальной и моральной — со стороны советских профсоюзов и Профинтерна, при полном равнодушии со стороны Амстердамского интернационала и враждебном отношении так называемых «вождей» — разных Томасов и Макдональдов, не перестававших увещевать рабочих сдаться на милость правительства и предпринимателей. Но и на этот раз шахтовладельцы оказались сильнее горняков, и последним, несмотря на все принесенные жертвы, пришлось пойти на уступки, к великой радости английской буржуазии и всех врагов рабочего класса.

Преданные своими вождями, углекопы вынуждены были согласиться не только на понижение заработной платы и удлинение рабочего дня, но и на заключение договоров по районам вместо общенационального договора; при этом порайонные договоры заключены на разные сроки; последний пункт имеет целью сделать невозможным единовременное выступление всех углекопов, так как нарушение договора может повести к большим убыткам для профсоюзных касс. Но правящая клика не удовлетворилась этой победой. Она внесла в парламент закон, чрезвычайно урезающий завоеванные на протяжении столетия права профсоюзов. Согласно новому закону запрещаются всеобщие забастовки и забастовки солидарности; право пикетирования сведено почти на-нет; сильно стеснено право профсоюзов оказывать денежную поддержку Рабочей партии. Таким образом, английские рабочие в отношении условий своей борьбы вновь отбрасываются на многие деся-

тилетия назад. Указанное покушение на завоевания английских рабочих, как мы знаем из вышеизложенной истории рабочего движения, является не единичным в своем роде и повторяется реакционной кликой при всяком удобном случае. Наступила, наконец, пора, чтобы английский рабочий класс сделал навсегда невозможным повторение подобных экспериментов.

Конгресс тред-юнионов в Сванси (1928 г.) и конференция движения меньшинства в Шордиче (1928 г.)

Измена вождей, предавших всеобщую забастовку 1926 г., и неудача забастовки горняков нанесли тяжелый удар английскому рабочему движению. Уничтожение свободы стачек и грубая урезка прав профсоюзов, удлинение рабочего дня, понижение зарплаты, увеличение безработицы, падение численного состава профсоюзов, опустошение профсоюзных касс, разочарование и чувство беспомощности, — вот плоды этой измены. Наступившая давно невиданная реакция дала возможность Макдональду, Томасу, Клайнсу и другим осуществить дальнейшие пункты своей программы, сущность которой заключается в сотрудничестве с приобретшим временную устойчивость капиталом и в дальнейшем подавлении рабочего движения.

Это с особенной резкостью проявилось на последнем конгрессе тред-юнионов в Сванси (сентябрь 1928 г.), прошедшем под лозунгом мира в промышленности и капиталистической рационализации. Целый ряд главарей профсоюзов высказался за рационализацию, несмотря на то, что она при современных обстоятельствах означает закрытие множества нерентабельных предприятий и, следовательно, резкое увеличение безработицы и снижение зарплаты. «Знаменитый» Ситрин приветствовал рационализацию, называя ее новой «промышленной революцией», игнорируя бедствия, которые эта революция несет с собой для рабочих. Тот же Ситрин от имени Генсовета сделал доклад о переговорах с союзом промышленников, возглавляемых лордом Мельчетом ¹⁾. Главари конгресса в самых несдержанных выражениях клеймили коммунистов и революционеров, которые в отчете Генсовета, изданном до конгресса, именовались «разрушителями, сторонниками и деятелями политики

¹⁾ Лорд Мельчет, он же сэр Монд — глава химического треста; по его инициативе ведутся переговоры между промышленниками и профсоюзами об установлении «мира в промышленности» для беспрепятственного осуществления капиталистической рационализации; от имени этого сэра направление это получило название **мондизма**.

бесплодной, заранее обреченной на провал, ведущей к кровопролитию и нищете». Интересно отметить, что конгресс расширил полномочия Генсовета, предоставив ему право исключения из конгресса неудобных ему тред-юнионов и отступив, таким образом, от принципа, которого он крепко держался, когда расширение полномочий Генсовета предлагалось левыми или коммунистами для более успешной борьбы с капиталом.

Только со стороны представителей движения меньшинства, руководимого коммунистами, зарвавшиеся вожди получили отпор. Декларация этого революционного меньшинства (представленного на конгрессе всего 12 делегатами) настолько хорошо характеризует работу конгресса, отмечая при этом требования, выдвигаемые революционным крылом рабочего класса, что мы приводим ее полностью:

«Конгресс тред-юнионов в Сванси 3.075 тыс. голосами против 566 тыс. санкционировал вреднейший принцип классового сотрудничества с Мондом и его союзниками. Этот принцип ведет к дальнейшему наступлению на жизненный уровень рабочих в форме снижения зарплаты, увеличения рабочего дня, уничтожения установленных прав и цеховых обычаев, расширения производства при увеличении безработицы и, наконец, новых войн между соперничающими капиталистическими государствами.

Конгресс принял это решение после 5-часовой дискуссии, в которой главными ораторами выступали председатели и генеральные секретари отдельных профсоюзов.

2.877 тыс. голосов против 439 тыс. конгресс отвергнул принцип международного профессионального единства—единственное действенное орудие в повседневной борьбе рабочих против капитализма. Конгресс принял эту резолюцию после 25-минутного обсуждения.

Революционные делегаты на конгрессе в Сванси обращают внимание английских рабочих на эти два факта, налагающих на руководителей, ответственных за эту победу буржуазии, несмываемое пятно, как самых опасных врагов рабочего класса всего мира.

По всему свету капиталистические правительства организуют пропаганду в пользу промышленного мира и готовятся к войне против Советской России. Решения в Сванси являются продолжением политики этих правительств.

Основная задача британского капитализма — найти новые рынки для своих главных отраслей промышленности.

Для этого ему необходимо провести рационализацию. Но это может быть с успехом выполнено, если только он встретит поддержку со стороны нынешнего руководства конгрессом. Не может быть никакой эффективной рационализации для облегчения задач капитализма, если она не связана с ухудшением положения рабочих. Большинство делегатов, не получив на это разрешения и не посоветовавшись с рядовыми членами своих союзов, утвердили политику, которая представляет собой величайшую победу, когда-либо одержанную капиталистами над рабочим классом.

Она представляет собой кульминационный пункт той политики, которая выразилась в поражении всеобщей забастовки, преданной Генсоветом, в разрыве с СССР и в законе о профсоюзах, этом гнусном мероприятии, которое парализует рабочее движение и уничтожает права, завоеванные борьбой целого ряда поколений.

Ныне профессиональное движение высказалось за промышленный мир, за мондизм, за сотрудничество с «прогрессивными» капиталистами, имена которых вызывают негодование в занятых на их фабриках рабочих вследствие господствующего на этих фабриках режима жестокой эксплуатации и тирании.

Конгресс в Сванси, заключивший мир с поклонником фашистов Мондом, объявил войну революционным рабочим, потому что только они борются за преобразование тред-юнионов в настоящую боевую силу против наступления буржуазии. Съезд санкционировал политику, являющуюся продолжением тех процессов, которые имеют место внутри английской Рабочей партии и которые ведут прямо к коалиции с либералами.

Наше движение находится на распутье. Мы призываем рабочих на фабриках и в тред-юнионах отвергнуть решения, принятые в Сванси, и под знаменем «движения меньшинства» вести общими силами борьбу против дальнейшего снижения зарплаты, за сокращение рабочего дня, за более действительную охрану всех рабочих, ныне вынужденных работать на основах системы премий и сдельщины, одновременно бороться за полное уничтожение этих систем, за создание фабзавкомов; за единый профсоюз в каждом производстве; за расширение прав профсоюзов, за единый интернационал профсоюзов; за отказ от мира в промышленности и классового сотрудничества и прежде всего за устранение нынешнего руководства и за избрание новых вождей, которые обя-

жуются бороться против капитализма и его союзников, в настоящее время руководящих профдвижением».

Такова красноречивая и содержательная резолюция, прочитанная на конгрессе представителями революционного крыла рабочего класса.

Здесь же скажем несколько слов о конференции движения меньшинства, состоявшегося в конце августа 1928 г. в Шордиче, на которую прибыло 844 делегата от 439 организаций (много групп не могли прислать делегатов за отсутствием средств).

На конференции был принят ряд резолюций:

о профсоюзной демократии, где, между прочим, указывалось на необходимость противодействовать стремлениям профсоюзных лидеров подчинить интересы рабочего класса организованному капиталу;

о стачечной стратегии, где обращалось внимание на важность подготовки стачек через создание организаций по мастерским;

о военной опасности, где, между прочим, указывалось на попытки Великобритании натравить на СССР окраинные государства и где английские рабочие призывались к объединению на классовой платформе для борьбы против военной опасности;

по колониальному вопросу, где указывалось на необходимость поддержания тесной связи с колониальными рабочими.

Центром работы конференции было обсуждение вопроса о рационализации. По этому вопросу издан был меморандум, имеющий в основе богатый фактический материал. Рассматривая одну отрасль промышленности за другой, меморандум показывает, как основные противоречия капиталистической рационализации с особенной резкостью выступают в Англии, взваливая на плечи рабочего класса новые тяготы, ибо большинство рационализированных производств лишены возможности найти новые рынки; в результате — вытеснение десятков тысяч рабочих в ряды безработных, уменьшение зарплаты, увеличение цен для повышения прибылей. Вместе с тем рационализация ведет к усилению вывоза капиталов, обострению международной конкуренции, т.е. к усилению основных элементов империализма, вплоть до подготовки новых войн. Делегаты текстильщиков, горнорабочих, металлистов, машиностроителей, железнодорожников, химиков и многих других профсоюзов набросали яркую картину

ухудшения положения рабочих, явившегося результатом рационализации.

На конференции были выработаны основные тезисы вышеприведенной резолюции, внесенные от имени революционного крыла рабочего класса на конгрессе в Сванси.

На последних страницах нашего очерка **Образование второго кабинета Р. Макдональда и его первые шаги** истории английского рабочего движения нам вторично приходится отметить приход к власти Рабочей партии в лице г-на Макдональда и его единомышленников. Хотя после нынешних выборов лэйбористы (деятели Рабочей партии — по-английски «лэйбор-парти») входят в Вестминстерский дворец в сильно увеличенном составе сравнительно с 1923 годом (в 1923 г. — 192 депутата, теперь — 288), но в смысле прочности второй макдональдовский кабинет остается в положении, сходном с тем, какое было в 1924 г.; и теперь он не имеет самостоятельного большинства и может функционировать только при поддержке либералов или консерваторов. Разница в сравнении с прошлым лишь в том, что теперь лэйбористские лидеры еще менее социалистичны и более приемлемы для английской буржуазии, дав ей в этом промежутке времени новые и еще более убедительные доказательства своего умения предавать интересы рабочего класса, начиная с их предательского поведения во всеобщей забастовке и кончая рвением, обнаруживаемым ими в деле пропаганды принципов «мира в промышленности». Недаром большинство газет авансом выражает доверие кабинету Макдональда; некоторые из них, сравнивая предвыборные программы лэйбористов и либералов, не находят между ними никакой принципиальной разницы, а знаменитый лорд Мельчет заявил, что он не видит никакой разницы между консерваторами, либералами и Рабочей партией.

Посмотрим, каковы те реформы, которые можно ожидать от кабинета Макдональда. Среди всех обязательств, взятых на себя лэйбористскими лидерами во время выборной кампании, наиболее важными для рабочего класса являются следующие: отмена профсоюзного закона, принятого консерваторами, радикальные мероприятия в борьбе с безработицей, восстановление 7-часового рабочего дня для шахтеров, национализация угольных копей и немедленное возобновление сношений с СССР.

Посмотрим, могут ли осуществить и осуществят ли лэйбористы первый из вышеуказанных пунктов. Начать с того,

что в своих предвыборных выступлениях Макдональд и его коллеги высказывались по этому вопросу очень двусмысленно, говоря об отмене не всего акта, а наиболее оскорбительных его статей. Отмена этого акта, вероятнее всего, нежелательна для них самих не только потому, что они являются решительными противниками всеобщей забастовки, но еще и потому, что политика мира в промышленности, составляющая теперь основу их программы, предполагает наличие этого закона и может быть сорвана при попытке его аннулировать, так как капиталисты могут в этом не без основания узреть измену этой политике.

Что касается восстановления 7-часового рабочего дня для шахтеров, который районные горняцкие организации намерены потребовать на предстоящей конференции горняков, то лейбористы едва ли захотят затронуть его в ближайшее (а может быть, и в более отдаленное) время ввиду того неблагоприятного экономического положения, в котором уже давно находится английская угольная промышленность. Средняя месячная добыча угля (по данным «Журнала совета промышленности») в миллионах тонн составляла: в 1913 г. — 23,9; в 1924 г. — 20,9; в 1928 г. — 19,8; и такое прогрессивное падение добычи угля происходит, несмотря на ряд экономических и технических мероприятий по поднятию и улучшению этой столь важной для Англии отрасли промышленности. Последний год для горной промышленности был особенно неблагоприятен, и даже наиболее богатые компании имели «разорительные» дивиденды. При таких обстоятельствах восстановление 7-часового рабочего дня может послужить для предпринимателей удобным предлогом для понижения заработной платы, а это, в свою очередь, должно будет повести к таким конфликтам, поддержка которых отнюдь не входит в программу сторонников «мира в промышленности». Отметим кстати, что и сейчас около половины (а в 1928 г. — около $\frac{2}{3}$) потерянных в промышленных конфликтах рабочих дней приходится на угольную промышленность. Как видно из газетных сообщений, чиновники из федерации горняков, и в первую голову недавно еще «левый» Кук, призывают горняков быть терпеливыми и не требовать от правительства чуда, а председатель федерации Герберт Смит выражает уверенность, что горняки в своих требованиях будут считаться с тем, что у рабочего правительства есть свои затруднения, вследствие которых оно должно действовать постепенно. Коротче говоря, профбюрократы уже выступают на помощь лей-

бористам в откладывании в долгий ящик исполнения самых справедливых и по существу очень умеренных требований рабочих, советуя им пока питаться надеждами на лучшее будущее.

Само собой понятно, что если вопрос о восстановлении 7-часового рабочего дня для шахтеров, по мнению профсоюзных чиновников, должен быть отложен надолго вследствие отмеченного положения угольной промышленности, то еще менее надежды на то, чтобы лейбористы в ближайшее время выдвинули вопрос о ее национализации. Это дело даже лидерами так называемого левого крыла Рабочей партии теперь не считается спешным.

Способность лейбористов к выполнению взятых ими на себя обязательств, видна из того, как они спешат с выполнением обещания о «незамедлительном восстановлении отношений с СССР без всяких предварительных условий и требований». Как видно из образа действия Макдональда и его министра иностранных дел Гендерсона и судя по сообщениям газет (конец июня 1929 г.), пункты о незамедлительности и «без предварительных условий» выбрасываются за борт. Орган Рабочей партии «Дэйли Геральд» вещает, что первые шаги к возобновлению отношений с СССР будут предприняты, «как только это окажется возможным». Орган компартии «Воркерс Лайф» поясняет, что Макдональд действует по указке вашингтонского правительства, которому обещанный рабочим избирателям метод возобновления отношения с СССР не по душе. Следовательно, и с этим пунктом макдональдской программы обстоит неблагоприятно. Остается вопрос о борьбе с безработицей. Для этого дела, как сообщают газеты, «образована комиссия», которая займется изучением этого «вопроса». Значит, и здесь дело откладывается в более или менее отдаленное будущее; а между тем незамедлительное и без невыполнимых условий возобновление отношений с СССР было бы очень плодотворным шагом в деле лечения этой тяжелой хронической болезни английского экономического организма.

Мы, однако, уверены, что, как и в 1924 г., рабочие заставят Макдональда и его коллег выполнить свое обещание о возобновлении отношений с СССР. Пусть лидеры Рабочей партии окончательно продались своим капиталистам, но английские рабочие не потеряли своего революционного пролетарского чутья, заставляющего их питать горячие симпатии к стране, с которой связаны их интересы сегодняшнего дня и интересы светлого будущего — мы уверены — очень близкого.

О Т Д Е Л В Т О Р О Й

Ф Р А Н Ц И Я

I

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ И ВОССТАНИЙ

Экономическое и
политическое со-
стояние Франции
накануне Великой
революции

Большая французская революция, которую ее деятели считали началом новой эры всеобщего человеческого счастья, в действительности стремилась создать наиболее благоприятные условия для свободного и всестороннего развития промышленности и в результате привела к господству класса капиталистов и предпринимателей.

Препятствием для указанного развития и господства был феодально-цеховой строй, возглавляемый самодержавием французских королей, иначе говоря, этим препятствием прежде всего были общественно-политические условия той эпохи.

Еще в период XVII — XVIII вв. широко развитое во Франции ремесленное и кустарное производство, вместе с расширением рынка сбыта, теряет в значительной степени свою самостоятельность и попадает под власть торгового капитала. Последний захватил в свои руки не только торговлю, в узком смысле, т. е. не только посредничество по продаже готовых продуктов потребителю, но и в значительной мере поработил мелкую промышленность и в этом черпал много сил для своего дальнейшего развития и укрепления в промышленной области. Это порабощение выражалось, главным образом, в формах скупщичества и домашней системы индустрий.

В середине XVIII в. указанные формы промышленности, являющиеся промежуточными между мелкоремесленными и крупнокапиталистическими, были значительно развиты во Франции; в особенности домашняя система была развита в шелкоткацкой и ленточной промышленности, в производстве

сукон и полотен и в производстве предметов туалета и роскоши.

Большого развития достигла в конце XVIII в. во Франции торговля с заграницей. В течение этого века торговые обороты Франции почти удесятились, дойдя до 750 млн. франков против 80 млн. в конце XVII в. Торговля велась преимущественно с колониями ¹⁾, но также со всеми другими странами Европы.

Главными предметами вывоза были предметы роскоши, вина, ткани. Портовые города, как Бордо, Марсель, Нант, процветали. Город Бордо славился своими стекольными и сахарными заводами, Марсель — мыловаренными и кожевенными заводами, ситценабивными мануфактурами. Марсель вел торговлю со всеми городами, прилежавшими к Средиземному морю, и в особенности с Востоком; незадолго до революции число кораблей, выходивших из марсельской гавани, равнялось около 1.500 в год.

Другой вид капитала, достигший в рассматриваемую эпоху значительного развития, был ростовщическо-банковский капитал. Рядом со скупкой товаров для вывоза и эксплуатацией домашней промышленности буржуазия имела широкое поле для обогащения в кредитовании государства, откупах и монополиях. Вечно расстроенное состояние государственных финансов давало возможность банкирам наживаться на государственных займах; французские банкиры кредитовали не только свои правительства, но и чужие. Налоги брались на откуп отдельными крупными капиталистами или компаниями; на откупах наживались баснословные барыши.

Одновременно с этим расцветом торгового капитала мы видим немалое развитие чисто промышленного капитализма, выражавшееся в существовании мануфактур — суконных, шер-

¹⁾ После открытия Америки и морского пути в Индию все европейские государства, прилежавшие к Атлантическому океану (сначала Испания, Португалия, Голландия, потом Англия и Франция), устремились на захват колоний в Америке, Азии и Африке. Из колоний вывозились местные растительные продукты, промышленное сырье, драгоценные металлы и камни; в обмен на это ввозились самые дешевые и наименее доброкачественные продукты европейского производства, часто силой навязываемые туземцам; в громадном количестве ввозились спирт и другие алкогольные напитки. Колониальная торговля, на которой наживались баснословные капиталы, была в сущности ограблением туземцев: она чрезвычайно содействовала первоначальному накоплению капиталов в Европе. Франция в начале XVIII в. владела большими колониями в Америке (Канада) и в Азии (Индия), но принуждена была после неудачных войн уступить главную часть их Англии.

стояных, хлопчатобумажных, — а также металлургических, сахарных, стекольных, гончарных и фарфоровых заводов. Правда, большинство из этих мануфактур были раздаточными конторами, эксплуатирующими окрестных кустарей, а заводы были большей частью небольших размеров и работали устарелыми способами (французская техника была значительно более отсталая, чем английская); но в общей совокупности все эти производства, разбросанные в различных частях Франции, были зачатками подлинного крупнокапиталистического производства.

Промышленность и торговля, таким образом, достигли во Франции накануне революции значительной высоты. Для своего дальнейшего развития они нуждались прежде всего в освобождении от тех многочисленных пут, которыми их связывали цеховые порядки и административно-политический строй.

Особенно стеснительны для промышленности были цеховая система и правительственная опека. Все промышленники и ремесленники были объединены в корпорации или цехи. Все ремесленники, принадлежавшие к одному и тому же цеху, делились на мастеров, подмастерьев и учеников. При этом был точно установлен срок пребывания в учениках и подмастерьях и условия получения звания мастера. Правительство издавало подробные правила, как производить продукты, как торговать ими, входя во все мелочи, устанавливая длину и ширину выработываемых тканей, способы их приготовления и окраски, добротность и проч. Переход из одного цеха в другой был запрещен.

Эта система удовлетворяла своему назначению, пока промышленность работала на ограниченный местный рынок. Но по мере расширения сбыта не только на всю страну, но и на страны всего мира, по мере дальнейших завоеваний торгового капитала, подчинившего себе ремесло посредством скупки и домашней системы, пределы цеха становятся слишком узкими для расширяющейся промышленности; сами цехи начинают вырождаться в замкнутые корпорации, где заправилы стремятся занять привилегированное положение.

Переполнение многих ремесленных отраслей заставляло членов цеха создавать преграды для поступления новичков (удлинение срока ученичества, увеличение пребывания для получения звания мастера, передача цехового членства по наследству). Ограничения создали почву для злоупотреблений; звание цехового мастера можно было приобретать за

деньги, минуя всякие преграды, между тем как для бедного ремесленника эти преграды сделались еще более непреодолимыми. Таким образом, подмастерье, который в цветущую пору цеховой промышленности был равен по своему положению мастеру, так как имел возможность раньше или позже стать самостоятельным хозяином, теперь начинает постепенно спускаться в ряды пролетариата. По мнению некоторых писателей, в одном Париже перед революцией было до 60 тыс. неприписанных в цехи ремесленников, находившихся в вечном страхе быть арестованными и даже сосланными и вследствие своего бесправного положения работавших за ничтожное вознаграждение.

Как мы уже упоминали, развитие промышленности совершилось путем обхода многочисленных цеховых правил и регламентов, стремившихся удержать старые формы мелкоременного хозяйства. Но как ни была распатана цеховая система, ее пережитки были еще очень крепки, являясь серьезным препятствием для дальнейшего прогресса промышленности, вследствие чего ее существование вызывало сильный ропот среди промышленников и экономистов, защищавших их интересы.

Для торговли очень тягостны были пошлины, которые приходилось уплачивать при перевозке товаров из одной провинции в другую, так как провинции, представлявшие собой как бы различные части страны, были отделены друг от друга таможенными преградами. Существование таких преград препятствовало образованию единого внутреннего рынка, что чрезвычайно затрудняло дальнейшее развитие промышленности. Среди средних и мелких торговцев сильный ропот возбуждали монополии, отдававшие откупщикам исключительное право торговли определенными продуктами или исключительное право торговли в определенных местностях, что сильно тормозило свободу конкуренции и индивидуальную предприимчивость.

Теперь посмотрим, каков был политический строй того времени и каково было экономическое состояние других общественных слоев.

До революции Франция была страной неограниченного самодержавия. На подвластную им страну короли смотрели, как на свою собственность, а на своих подданных — как на стадо, которое они призваны пасти, извлекая из этого возможно больше прибыли. Но не все подданные самодержавного короля составляли однородную массу. Покровительствуя разви-

тию промышленности и торговли, французские (как и другие) короли того времени, опирались однако прежде всего, на дворянство, составлявшее высшее сословие «благородных». Этому сословию принадлежали громадные земельные владения; оно держало под феодальным гнетом почти все крестьянство. Дворяне были освобождены от налогов и податей; им были предоставлены высшие должности, в особенности военные, и большие преимущества перед другими частями населения на всех служебных поприщах; наиболее знатных из дворян короли приближали ко двору, осыпая их титулами, денежными наградами и другими милостями.

Рядом с дворянством стояло высшее духовенство, называвшееся даже первым сословием, в то время как дворянство считалось вторым. К своему материальному могуществу высшее духовенство присоединяло могущество своего громадного влияния на массы посредством суеверий и обманов.

Выделенные из всей нации и возвышавшиеся над ней, высшее дворянство и духовенство смотрели на все остальное население как на «каналью» (сволочь) и соответствующим образом третируют его.

Это остальное население, т.е. 95 % всего населения (почти вся нация), называлось третьим сословием. Оно само распадалось на целый ряд подразделений. К нему принадлежали, с одной стороны, верхушки буржуазии (крупные предприниматели, торговцы, финансисты), а с другой стороны, — нищее крестьянство Франции; сюда принадлежала почти вся интеллигенция, весь ученый и литературный мир, представители которого накануне революции пользовались громадным влиянием на всю нацию.

Но третье сословие, заключавшее в своих рядах действительный цвет нации, в политическом отношении было бесправно. Оно было отстранено от власти, которой именем короля распоряжались представители высших сословий и королевские чиновники. Буржуазия не могла мириться с такими порядками, при которых управление вело к разорению страны и направлялось во вред ее торгово-промышленному развитию; оно не хотело мириться с произволом чиновников, высокомерием и угнетением со стороны дворянства и духовенства и еще задолго до революции в лице своих идеологов (политических писателей, философов, экономистов) критиковало этот строй, требуя его изменений в свою пользу.

Но если высшая часть третьего сословия страдала главным образом от политического бесправия, то низшая и бо-

лес обширная его часть — крестьянство — страдала не только от бесправия, но и от чрезвычайной экономической эксплуатации. Подлинного крепостного права в то время во Франции уже не существовало (за малым исключением), и крестьянин, следовательно, был лично свободен; но так как обрабатываемый участок считался составной частью сеньории (поместья), то крестьянин был обложен целым рядом платежей и повинностей (феодалных повинностей) в пользу помещика.

Наследственный владелец — крестьянин, работавший на участке, перешедшем к нему от прадедов и считавший себя собственником этого участка, не был собственником в современном смысле, так как он платил за принадлежавшую ему землю, сеньеру чинш деньгами или натурой (часть урожая). Очень тягостно было принадлежавшее помещику право охоты на крестьянских землях, что причиняло большие убытки посевам. Особую категорию повинностей составляли баналитеты, в силу которых крестьяне, за известное вознаграждение в пользу помещика, обязаны были молоть зерно на господской мельнице, печь хлеб в господской печи и проч. Существовало еще много других повинностей, из которых одни были личные, другие — денежные, третьи носили моральный характер и были унизительны для крестьянина.

Кроме повинностей в пользу сеньера, крестьянин должен был платить десятину в пользу церкви. Из прямых государственных налогов самыми тяжелыми были налог с земли (талия), подушная подать (капитация); из косвенных налогов особенно ненавистен был налог на соль (гabelle), из натуральных повинностей особенно тяжела была дорожная.

Все эти поборы и налоги держали французского крестьянина на границе нищеты. К этому присоединялись бедствия от неурожая. Голодовки были частым явлением. Бывали годы, когда крестьяне гибли от голода тысячами. Нищенство и бродяжничество были развиты в чрезвычайных размерах. По подсчету, сделанному незадолго до революции, число нищих равнялось 1.200.000.

Существовавшие аграрные отношения служили сильным препятствием для сельскохозяйственного прогресса. У крестьян не было побудительных причин перейти к улучшенным формам земледелия, так как могущие произойти от этого выгоды пошли бы в пользу сеньера и государства. С другой стороны, собственники крупных имений предпочитали дорого стоящему прогрессу выжимание соков из крестьянина, кото-

рый тем легче отдавал себя в кабалу, что земельная теснота в деревне была громадна и во многих местах крестьянин был готов отдать себя под любую эксплуатацию, лишь бы получить лишний клочек земли в аренду.

Описанные поборы, эксплуатация и бесправие вызывали ненависть и возмущение среди крестьянства, нередко выливавшиеся в форму беспорядков. Особенно велика была ненависть крестьян к помещикам, и они с восторгом принялись жечь дворянские усадьбы и замки, лишь только первые раскаты революционной грозы донеслись до деревни.

Скажем в заключение несколько слов о пролетариате или, вернее, о полупролетариате той эпохи, потому что пролетариата в современном смысле слова тогда еще не существовало. Те, кого тогда причисляли к пролетариям или к беднейшему классу, были кустари или пролетаризированные ремесленники, работавшие на скупщика, ремесленники-одиночки, работавшие без подмастерьев, и отчасти чернорабочие. В лионской шелковой промышленности таких полупролетариев насчитывалось до 30 тыс. С другой стороны, сюда относились рабочие мануфактур и заводов, а также портовые рабочие, составлявшие заметную величину в таких городах, как Марсель, Бордо, Нант. В Марселе, например, число рабочих, работавших в городских предприятиях и порту, доходило до 80.000. Множество полупролетарского элемента было сосредоточено в парижских предместьях, где сосредоточилось большинство промышленных заведений. В немалой степени кадры парижского полупролетариата увеличивали сезонные (в особенности строительные) рабочие. Весь этот пролетариат страдал и от слишком длинном рабочем дне, и от недостаточной заработной платы, и, наконец, от безработицы (число безработных во Франции за год до революции определялось в 200 тыс.), и боролся за улучшение своего положения, устраивая стачки и тайные союзы. Но весь этот пролетариат, который вместе с пролетаризованными подмастерьями представлял внушительную силу, не составлял, как мы уже отметили, единого класса в современном смысле слова. Его члены примыкали по своей психологии и стремлениям к мелкой буржуазии, так как им не был прегражден путь при благоприятных обстоятельствах стать самостоятельными мастерами и хозяевами. Эта неопределенность французского и, в частности, парижского пролетариата в классовом и идеологическом отношениях наложила свою печать на Французскую революцию. Несмотря на то, что революция черпала свои главные боевые силы из его

кадров, она не в состоянии была переступить свою роковую мелкобуржуазную грань.

**Начало револю-
ции. Роль народ-
ных масс в ре-
волюции**

Во второй половине XVIII в. финансовое состояние государства, вследствие хищнического хозяйничания королевских чиновников и дворянской верхушки, стало катастрофическим. Для поправки финансов королевское правительство выдвинуло проекты, затрагивавшие интересы дворянства и духовенства. Недовольные этими проектами высшие сословия и защищавшее их интересы высшее бюрократическое учреждение (парижский «парламент»), а также созванное собрание нотаблей обратились к королю с требованием созыва Генеральных штатов — старинного сословного собрания, не созывавшегося уже более 170 лет; они надеялись, что Генеральные штаты, где оба высших сословия имели перевес над третьим, станут на защиту и их интересов. Крупная промышленная буржуазия, интеллигенция и широкие народные массы в Париже и провинции поддержали это требование, видя в нем оппозиционное выступление против ненавистного королевского правительства.

Когда 5 мая Генеральные штаты собрались, они, по инициативе третьего сословия и вопреки сопротивлению обоих высших сословий и королевского правительства, объявили себя Национальным (Учредительным) собранием и приступили к преобразованию политического и общественного строя Франции.

Вступившее в борьбу с королевским правительством, Национальное собрание легко было бы разогнано, если бы на защиту его не встали широкие народные массы, с восторгом приветствовавшие все его революционные шаги и зорко следившие за всеми мероприятиями короля и придворной клики. В начале июля среди народа стали циркулировать слухи, что король собирается разогнать Национальное собрание и что в крепости Бастилии делаются военные приготовления на случай народного восстания. Под влиянием этих слухов парижские народные массы, главным образом ремесленники и рабочие, разгромив арсенал и захватив оттуда оружие, напали на Бастилию, бывшую политической тюрьмой и как бы олицетворением королевского деспотизма, и после короткого сражения с защищавшим ее небольшим гарнизоном завладели ею и разрушили ее до основания (14 июля 1789 г.).

Весть о взятии Бастилии вызвала широкое революционное движение в провинции; старые административные учрежде-

нии подвергались уничтожению; народные массы завладели городскими самоуправлениями (коммунами), превратив их в центры революции на местах. Еще грознее было движение, прокатившееся по деревне. Начались разгромы и поджоги помещичьих усадеб и замков, изгнание помещиков, уничтожение феодальных документов.

Под влиянием этих событий и в надежде смягчить аграрные беспорядки представители дворянства выступили в Национальном собрании с заявлениями об отказе от своих привилегий и с предложением об освобождении крестьян от феодальных повинностей, впрочем не безвозмездно, а за выкуп, по «справедливой оценке». Это выступление (знаменитое заседание ночью 4 августа), прославленное буржуазными историками как самоотверженный шаг дворянства, в действительности было ловким маневром, имевшим целью спасти для дворян все то, что можно было спасти из революционного пожара.

Придворная клика, увидев, что революция грозит уничтожением всего существующего строя, решила выступить в его защиту. Глухие слухи о готовящемся перевороте начинают волновать парижский народ, и без того озлобленный вследствие непрерывно усиливающейся продовольственной нужды. 5 октября большие толпы парижан (главным образом женщин) направляются в Версаль (местопребывание короля) и, ворвавшись во дворец, забирают с собой королевскую семью и отвозят ее в Париж, чтобы иметь поближе к себе двор для наблюдения за его замыслами. Менее сознательная часть этих демонстрантов надеялась, что с возвращением короля в Париж улучшится продовольственное дело (в дореволюционной Франции существовали казенные, или «королевские», хлебные магазины). Революционные выступления народа были не по душе буржуазии, заседавшей в Национальном собрании, хотя она не отказывалась использовать плоды этих выступлений для укрепления своей власти, — и она издает декрет против незаконных сборищ, грозя за это тюрьмой и даже смертной казнью (за участие в вооруженных сборищах). Еще более предательски по отношению к демократии повело себя Учредительное собрание после попытки короля (в июне 1791 г.) бежать из Парижа. Когда парижские массы собрались на Марсовом поле, чтобы протестовать против того, что король не был лишен трона за этот явно изменнический шаг, заправила Учредительного собрания двинули против толпы национальную гвардию и артиллерию. Произошло

столкновение, в результате которого на Марсовом поле осталось множество убитых и раненых демонстрантов.

Вместе с развитием революции стали возникать партийные группировки. Обособляясь с течением времени, они привели к образованию партий, из коих особенно замечательны партии жирондистов и монтаньяров, уже наметившиеся в Законодательном собрании и резко обособившиеся в Национальном конвенте. Жирондисты были представителями либеральной торгово-промышленной буржуазии; они были названы так по департаменту Жиронды, откуда были делегированы наиболее видные из их депутатов. Монтаньяры, или Гора (названные так потому, что занимали в зале заседаний верхние скамьи), были защитниками интересов мелкой буржуазии, городской и сельской и сторонниками энергичной борьбы с контрреволюцией.

Для обсуждения политических событий и для влияния на политику Учредительного собрания были образованы клубы; из них особенно знаменит **якобинский клуб** (названный так по монастырю св. Якова, где он помещался). Сначала он имел разнородный политический состав, но с течением времени умеренные элементы принуждены были уйти, и он стал опорой мелкобуржуазной демократии. Влиятельным деятелем якобинского клуба был **Максимилиан Робеспьер**. Он очень скоро понял классовый характер революции, вскрыл противоположности интересов, существующие между различными частями третьего сословия, и сумел противопоставить интересам богатых интересы широких народных масс, главным образом крепких слоев мелкой буржуазии. Еще последовательнее в своих выступлениях был **Марат**, защищавший интересы городской бедноты и призывавший к беспощадной борьбе с контрреволюционерами, а также со спекулянтами и дельцами, спешившими обогатиться за счет народных бедствий. Ни Робеспьер, ни Марат не были социалистами, они оба оставались на базе частной собственности. Это соответствовало классовому состоянию той эпохи, когда пролетариата в современном смысле этого слова не было и когда кадры бедняков и безработных состояли, главным образом из обедневших крестьян, ремесленников и ремесленных подмастерьев. Интересы последних, как уже сказано, особенно защищал Марат, требуя для них государственной поддержки, чтобы дать им возможность стать мастерами; а для избавления пролетариев разных категорий от безработицы он придумывал различные проекты общественных работ. Марат был

любимцем парижской бедноты, для которой он издавал газету «Друг народа».

**Преобразование
буржуазией соци-
ально-политиче-
ского строя в
своих интересах**

Когда представители французской буржуазии, благодаря усилиям трудового народа, захватили в 1789 г. власть, они в пышных и торжественных выражениях заявили, что берут на себя защиту дела всего народа, в своих требованиях и заявлениях они выступали от имени всего третьего сословия и сумели увлечь его за собой. Но лишь только они перешли от слов к делу, эгоистический и классовый характер их стремлений с нескрываемой ясностью проявился в их политике и законодательном творчестве. Вследствие этого уже с самого начала революции наметились трещины в третьем сословии, считавшемся до сих пор единым, выявились противоречия классовых интересов, началась борьба. Революционная волна стала вздыматься все выше. Сама революция распалась на несколько периодов, из коих каждый последующий развивался на более демократической базе, пока ожесточенная борьба различных общественных групп внутри самой демократии не привела вновь к переходу власти в руки крупной буржуазии.

Законодательствуя в Учредительном собрании в продолжение более двух лет, буржуазия провела ряд реформ, уничтоживших остатки прежнего феодально-цехового строя и создавших основы буржуазно-либерального правопорядка. Она уничтожила феодальную собственность, цехи, регламентацию промышленности, внутренние заставы и таможи, превратив Францию в единый внутренний рынок, отменила все привилегии и объявила равенство всех граждан перед законом; она уничтожила церковную десятину и конфисковала церковные земли, которые вместе с конфискованными впоследствии у бежавших дворян-помещиков землями были объявлены национальными имуществами ¹⁾. Духовенство было лишено права ведения записей рождения и смерти, религии был нанесен удар установлением гражданского брака в мерии. Королевское самодержавие было ограничено участием представителей народа в издании законов и управлении страной. Администрация была преобразована на новых началах; уничтожены наследственные должности, старый чиновничий суд заменен выборным; страна разделена вместо

¹⁾ Нуждаясь в деньгах, правительства революции распродали эти земли, из коих часть перешла к более состоятельным крестьянам, часть — к буржуазии.

прежних областей с местными правами и обычаями на 83 приблизительно равных по величине и одинаково управляемых департамента; установлено на прочных основах местное самоуправление и проч.

Но, производя все эти чрезвычайно важные преобразования, долженствовавшие уничтожить государство привилегированные (т. е. порядки феодально-цехового периода) и водворить новый строй свободы, равенства и братства, буржуазия фактически создала новые привилегии для себя.

Классовые тенденции буржуазии особенно рельефно выразились в избирательном законе, принятом Учредительным собранием. Согласно этому закону, право участия в выборах в Законодательное собрание получали только лица, уплачивавшие прямой налог в размере трехдневной рабочей платы; для выборщиков (выборы были двухстепенные) ценз был выше этого более чем втрое, а именно—уплата прямого налога в размере десятидневной заработной платы; наконец, в депутаты могло быть избранное лицо, уплатившее прямой налог в размере серебряной марки (больше 50 франков) и, кроме того, владевшее недвижимостью.

К этим ограничениям было прибавлено требование проживания не менее одного года в одной и той же общине. Этим избирательным законом французская нация была разделена на две части: «активных» граждан, пользовавшихся избирательным правом, и «пассивных», лишенных этого права. В число «пассивных» таким образом попали именно трудовые и демократические элементы, которые были наиболее активны в деле борьбы со старым строем. Это «пассивные» разрушали Бастилию и устилали своими трупами путь, по которому прошла к власти буржуазия, присвоившая себе название «активной» только потому, что собиралась пожать плоды усилий и жертв трудового народа. Согласно дальнейшим законам Учредительного собрания, только «активные» граждане получили доступ в органы местного самоуправления; точно так же в национальную гвардию, призванную защищать революционные завоевания, были допущены только «активные», и то преимущественно те, которые могли приобрести на свой счет необходимое обмундирование.

Так осуществила буржуазия на практике идею народного верховенства (суверенитета) и равенство всех граждан перед законом.

Не менее эгоистично по отношению к широким народным массам повела себя буржуазия в аграрном вопросе, к разрешению которого она приступила весной 1790 г. Она не удо-

сужилась бы приняться за его разрешение, если бы крестьянство не напомнило о себе в конце зимы 1789—1790 гг. беспорядками и бунтами, принявшими грозный характер. Крупная буржуазия, сама владевшая значительными землями и опасавшаяся нарушения «священного» принципа собственности, обставила выкуп крестьянами феодальных прав чрезвычайно тяжелыми условиями. В основу объявленного выкупа была положена крючкотворная теория, согласно которой все повинности делились на реальные и личные; первые подлежали выкупу, вторые уничтожались безвозмездно. К числу личных была отнесена ничтожная часть повинностей и притом—в большинстве случаев—менее ценных; и сверх того на крестьян была возложена обязанность доказать, что данная повинность относится к личным; но крестьяне в большинстве случаев лишены были возможности доказать это, так как у них не было нужных документов. Что касается самой выкупной операции, то она была обставлена очень трудными для крестьян условиями: все повинности должны были выкупаться разом; выкупная сумма равнялась стоимости повинностей, увеличенной в 20—25 раз. В заключение крестьяне обязывались до проведения в жизнь указанного аграрного закона платить все налоги и выполнять все повинности по-прежнему. Законодательное собрание внесло в описанный закон некоторые поправки в пользу крестьян; только в эпоху якобинской диктатуры (см. дальше) феодальные повинности были отменены окончательно и безвозмездно и таким образом окончательно была уничтожена экономическая основа, на которой держалось феодальное государство.

Дальнейшее развитие революции.
Революция 10 августа 1792 г. и 2 июня 1793 г.

Создав таким образом новый строй привилегий для себя, буржуазия сочла революцию законченной, закрыла Учредительное собрание и созвала Законодательное собрание. Но остальные общественные слои, входившие в состав так называемого третьего сословия — городская мелкая буржуазия с пролетариатом и крестьянством—не могли считать революцию законченной, во-первых, потому, что их нужды и интересы только в незначительной степени были удовлетворены законодательством Учредительного собрания, и, во-вторых, потому, что во главе власти продолжал оставаться король с придворной кликой, а это,—как они справедливо считали,—являлось очень существенной угрозой завоеваниям революции. Вот почему движение революционной демократии не только не приостановилось (как того желала крупная буржуазия), но даже усилилось.

Неудачи на фронте ¹⁾ вызывают среди широких народных масс (в особенности в Париже) подозрение в измене короля и придворной партии. Отказ короля в утверждении декрета о неприсягнувших священниках ²⁾ и эмигрантах, а в особенности декрета об устройстве возле Парижа лагеря из добровольцев для охраны столицы превращает это подозрение в уверенность. К указанным причинам народного недовольства присоединились бедствия экономического кризиса, нараставшего постепенно и в 1792 г. принявшего острый характер. Сокращение производства предметов роскоши вызывает сильную безработицу в Париже и других крупных городах; спекуляция колониальными товарами увеличивает цены на кофе и сахар; падение курса бумажных денег больше чем на 40% увеличивает дороговизну предметов первой необходимости. Все это обостряет озлобление народа и толкает его на выступления, с одной стороны, против изменника-короля, а с другой — против крупной буржуазии, перестроившей государство в свою пользу и не заботившейся об устранении бедствий, от которых страдал народ.

При таких обстоятельствах произошла революция 10 августа 1792 г. Рабочие парижских предместий, руководимые деятелями парижских секций и подкрепленные добровольческими батальонами (федератами), двинулись к королевскому дворцу Тюильри, где король находился под защитой преданных ему наемных швейцарских войск. Произошло сражение, в котором с обеих сторон пало несколько тысяч человек. Нападавшие овладели дворцом. Король бежал в Законодательное собрание. Последнее, убедившись в победе народа и зная настроение его вождей, нашло себя вынужденным декретировать отрешение (хотя и «временное») короля от власти и сделать постановление о созыве Национального конвента для выработки новой конституции. Вместе с тем Законодательное

¹⁾ Собравшиеся за границей французские эмигранты-дворяне, бежавшие от революции, стали хлопотать перед иностранными дворами (в особенности австрийским) о военном вмешательстве во французские дела для прекращения революции. Это дало повод выступить с требованием войны представителям французской буржуазии, давно лелеявшим мысль о присоединении к Франции немецких областей по Рейну и принадлежавших Австрии промышленных областей в Бельгии. Войны желал также и король с придворной кликой, надеясь, что неминуемое поражение Франции положит конец революции. Война была объявлена 20 апреля 1792 г. После ряда неудач перевес перешел на сторону Франции, которая постепенно захватила ряд областей в Германии, Австрии, Италии.

²⁾ Декрет этот грозил репрессиями священникам, отказавшимся присягнуть конституции.

собрание отменило деление граждан на «активных» и «пассивных», т.е. установило всеобщее избирательное право. Все это создало предпосылки для перехода власти в руки демократии.

21 сентября 1792 г. собралось новое Учредительное собрание — Национальный конвент. Избрание его на основе всеобщего избирательного права и при повышенной революционности масс привело к значительному (сравнительно с Законодательным собранием) увеличению его состава. Здесь жирондисты заняли правые скамьи. Левую часть Конвента составляли монтаньяры. Центр составляли беспартийные, или «болото», голосовавшие вначале с жирондистами, а потом, когда монтаньяры стали одерживать верх, перешедшие на их сторону.

Вскоре в Конвенте начинается борьба между монтаньярами и жирондистами. Сначала борьба велась вокруг вопросов о Коммуне и о суде над королем. В революционной Коммуне (парижской городской думе) сосредоточились наиболее революционные силы, руководившие парижскими народными массами. Жирондисты требовали уничтожения двоевластия и анархии, созданных Коммуной. Монтаньяры, в значительной степени опиравшиеся на Коммуну, противились этому. Что касается суда над королем, то жирондисты, хотя и выставляли себя республиканцами, все же хотели спасти жизнь королю¹⁾; их двойственная политика привела к тому, что народ стал смотреть на них как на сторонников и защитников изменника-короля.

Другой вопрос, в котором жирондисты обнаружили себя как противники народных интересов и защитники интересов крупной буржуазии, был вопрос о максимуме и свободе торговли.

Под влиянием промышленного кризиса и начавшегося голода городские массы более крупных городов выдвинули требование об установлении твердых цен на хлеб (максимума). Жирондисты как сторонники свободной торговли решительно высказывались против удовлетворения этого требования, которое, по их уверению, должно было привести к гибели торгово-промышленной жизни Франции. Позиция якобинцев с Робеспьером во главе была двойственная. Ведь якобинцы были защитниками интересов более зажиточной части мелкой буржуазии, менее страдавшей от дороговизны, и, в частности, мелких лавочников, для которых максимум был

¹⁾ Король (Людовик XVI) был казнен 21 января 1793 г.

нежелателен. Поэтому монтаньяры, хотя и много говорили о необходимости помочь голодающему народу, но от установления максимума сначала уклонялись. Но народные массы, руководимые так называемыми «бешеными», устраивали внушительные демонстрации, требуя установления максимума и удаления из Конвента защитников интересов крупной буржуазии — жирондистов. Под влиянием натиска масс монтаньяры проводят в Конвенте декрет о максимуме, а 2 июня, опять-таки по требованию восставшего парижского народа, руководимого деятелями парижских секций, жирондистские депутаты были удалены из Конвента. Этот переворот, известный под названием революции 31 мая—2 июня, передал власть целиком в руки монтаньяров. Началась диктатура мелкой буржуазии.

После изгнания из Конвента жирондистов началось контрреволюционное движение. Оно сосредоточивалось отчасти на юге, где под влиянием агитации жирондистов и монархистов начались восстания в ряде торгово-промышленных центров (Бордо, Тулузе, Марселе, Лионе и проч.), а отчасти на северо-западе (зандойское восстание), где еще ранее под предводительством дворян и священников в защиту монархии и религии восстали невежественные и суеверные крестьянские массы.

Большее половины департаментов было об'ято восстанием. Это, тяжелое для правящей партии состояние осложнялось все более и более обострившимся продовольственным кризисом и катастрофическим состоянием государственных финансов. Перед стоявшей у власти демократией в резкой форме встал вопрос о спасении революции. Этого удалось достичь посредством установления диктатуры. Главные политические учреждения, на которые она опиралась, были: Комитет общественного спасения, Комитет общественной безопасности и Революционный трибунал. Комитет общественного спасения, во главе которого стоял Робеспьер, состоял из 9 членов, назначаемых Конвентом. Он ведал всеми отраслями внутренней и внешней политики, давая Конвенту еженедельно отчет о своих действиях. Фактически его полномочия были неограничены, так как он в Конвенте постоянно имел на своей стороне большинство. Назначением Комитета общественной безопасности была борьба с контрреволюцией. Революционный трибунал, состоявший из 12 членов, назначаемых Конвентом, ведал всеми контрреволюционными преступлениями; его приговоры не подлежали апелляции; род нака-

здания до смертной казни включительно избирался самими судьями. Все эти учреждения были основаны еще при жирондистах, но теперь они как орудие революционного управления и подавления контрреволюции целиком перешли в руки монтаньяров. В провинции эти учреждения получали содействие со стороны народных обществ, революционных городских дум (коммун) и революционных комитетов, избираемых местным населением при каждой коммуне. Для проведения политики и мероприятий центральной власти на местах в провинцию посылались комиссары, снабженные неограниченными полномочиями.

Контрреволюционное движение, поднятое жирондистами и монархистами, вызвало ряд суровых ответных мероприятий со стороны якобинской диктатуры. Началось беспощадное преследование «подозрительных» и истребление (казни) контрреволюционеров, всех заподозренных в сочувствии роялистам и внешним врагам или соучастии в их контрреволюционных замыслах. Был издан ряд суровых декретов против эмигрантов, неприсяжных священников, спекулянтов и проч. Свобода печати для всех неякобинских изданий была уничтожена. Без установления этого режима, получившего название террора, и его энергичного применения якобинская республика неминуемо погибла бы от внутренних и внешних врагов. Наоборот, при содействии всей совокупности террористических мер монтаньярам вскоре удастся сломить контрреволюцию по всей стране и смирить (хотя и не окончательно) вандейцев.

Но якобинская диктатура продержалась недолго. Причины ее гибели были двух родов. С одной стороны, якобинцы как партия мелкой буржуазии и сторонники частной собственности неспособны были удовлетворить все слои трудового населения. Якобинцы не обнаружили должного внимания к интересам пролетариата и даже приняли ряд мер, вредных для его интересов. Введя таксу на все продукты, они установили также таксу на рабочие руки.

Правда, такса на рабочие руки была повышена пропорционально даже немного больше, чем такса на предметы первой необходимости; но в том-то и дело, что рабочие, как и все граждане, должны были приобретать главные продукты, вследствие их исчезновения с рынка, по спекулятивным ценам, которые были в 6—8 раз выше максимума.

Якобинцы продолжали требовать строгого исполнения принятого Национальным собранием закона о запрещении

стачек (о котором будет сказано дальше) и юсобым декретом подтвердили запрещение всяких сборищ и коллективных жалоб, отрезывая таким образом рабочим путь к коллективным выступлениям в защиту своих трудовых интересов.

Точно так же якобинцы не сумели защитить интересы сельской бедноты. Сельские пролетарии мечтали о разделе между ними конфискованных (национальных) имуществ или по крайней мере о приобретении небольших земельных участков на льготных условиях. Правда, якобинцы установили льготные условия для приобретения небольших земельных участков отцами семейств, не имевшими никакой недвижимости, но, в виду нужды государства в деньгах, в то же время поощряли продажу конфискованных земель большими участками перекупщиков и спекулянтам.

Не сумев надлежащим образом удовлетворить интересы городской и сельской бедноты, якобинцы в лице состоятельных крестьян тоже не приобрели себе друзей, так как крестьяне, владевшие достаточными земельными участками, были крайне недовольны максимумом и реквизициями. К тому же приобретшие землю крестьяне стали сторонниками «порядка» и начали враждебно относиться к революции, в которой видели угрозу своему благосостоянию.

Потеряв, таким образом, опору в значительных и наиболее революционных слоях населения, якобинцы в то же время были ослаблены борьбой в собственных рядах (казни гебертистов, шометтистов, дантонистов). Результатом всех указанных причин было падение Робеспьера (9 термидора, т. е. 27 июля 1794 г.) и его казнь, после чего власть перешла к представителям крупной буржуазии в Конвенте, так называемым «умеренным». Последние (получившие название термидорианцев) хотя и объявили своей задачей борьбу с роялистами справа и «террористами» слева, фактически, однако, направили все репрессии против якобинцев и демократически настроенных республиканцев. Изданная через некоторое время после термидоровского переворота конституция (III года), поставившая во главе правления так называемую директорию, окончательно устранила от власти демократию. Восстания и вспышки рабочих беспощадно подавлялись; умеренным элементам и даже роялистам делались всякие побряжки. Но правление директории не было прочным; попытки свергнуть ее делались слева и справа. Этим воспользовался генерал Бонапарт, чтобы захватить власть (1799 г.). В этом деле ему оказала поддержку богатая буржуазия, недовольная существующим положением и искав-

шая сильной, руки, способной вывести ее из положения неуверенности в завтрашнем дне.

Захватив власть, генерал Бонапарт вскоре объявил себя императором под именем Наполеона I. Наступил период, известный в истории под названием Первой Империи.

Значение Великой французской революции заключалось в следующем. Она уничтожила распавшийся развитием промышленности феодально-цеховой строй, заменив его строем либерально-буржуазным, и этим создала благоприятные условия для развития крупнокапиталистической промышленности. Освободив крестьянскую собственность от феодальных повинностей и оказав содействие переходу значительной части конфискованных земель в руки более состоятельной части крестьянства, она расширила и укрепила класс мелких собственников-крестьян. Заметим тут же, что этот класс в дальнейшей истории Франции и, в частности, в отношении к ее рабочему движению, сыграл реакционную роль как класс враждебный социализму и склонный поддерживать реакцию во избежание мнимых токушений на его собственность со стороны социалистов. Великая французская революция в значительной степени содействовала разрушению пережитков феодализма в Западной Европе. В этом отношении громадную роль сыграли войны периода революции, а затем войны, которые вел Наполеон. С целью привлечь на свою сторону население покоренных стран, деятели революции, а потом Наполеон, содействовали уничтожению или ослаблению в этих странах феодально-цеховых порядков и водворению буржуазных учреждений.

**Отношение
буржуазии и
пролетариату
в эпоху Вели-
кой французской
революции**

Чтобы уяснить некоторые стороны французского рабочего движения XIX в., познакомимся ближе с отношениями, возникшими между буржуазией и рабочим классом в эпоху Великой французской революции. Получив власть при содействии трудового народа, французская буржуазия, не хуже английской буржуазии после промышленного переворота, сумела себя окопать против рабочих и поработить последних всякими хитросплетениями, вытекавшими из толкования принципа свободы, основанной на «естественном праве собственности», защищая при этом свои теоретические построения всей силой находившихся в ее распоряжении «законных» средств.

Как видно из вышеизложенного, среди причин, вызвавших Великую французскую революцию, первое место занимали социальные и политические условия, препятствовавшие развитию буржуазного строя, который большинству политических писателей и экономистов той эпохи казался самым совершенным строем, единственным строем, при котором могут быть наилучшим образом удовлетворены интересы отдельной личности и интересы всего общества и, в конечном итоге, всего человечества.

Подавляющее большинство политических писателей, своей пропагандой содействовавших подготовке Великой французской революции, неизменно повторяли одну мысль, что самый лучший способ водворить всеобщее благополучие, это — освободить промышленность и ремесла, науки и искусства и, прежде всего, конечно, самого человека — от всех средневековых пут в виде цехов, гильдий, привилегий, от всех форм надзора правительственных и местных властей и предоставить человеку полную свободу деятельности, выбора профессии, передвижения, свободу верований и мысли. При таких условиях, — уверяли указанные политические писатели, — индивид направит свои силы и способности на деятельность, наиболее полезную для себя и для общества. На возражения немногочисленных противников, что из такой свободы и, в частности, из промышленной свободы возникнет вредная конкуренция, указанные писатели отвечали, что именно конкуренция будет тем двигателем, который заставит отдельную личность напрячь свои силы и способности с наибольшей пользой для себя и своих сограждан, заставит людей изыскать лучшие способы удовлетворять личные и общественные потребности, выдвинет вперед способных и талантливых, будет содействовать изобретениям и открытиям, результатом чего будет всестороннее и наиболее дешевое удовлетворение всех индивидуальных и общественных потребностей.

Но лишь только представители буржуазии захватили власть в свои руки, они стали давать свободе несколько иное толкование; они стали толковать это завоевание в том смысле, в каком оно казалось им полезным для дальнейшего развития и укрепления мощи буржуазии, т. е. как свободу развития промышленности, свободу договора предпринимателя с рабочими и в последнем счете — как свободу эксплуатации рабочего.

Воспреки всем громким и красивым словам, с которыми Национальное (Учредительное) собрание начало свою де-

тельность по преобразованию государства, оно, как выше было указано, в первую очередь поспешило лишить пролетариев политических прав, установив ценз, согласно которому неимущие граждане лишались избирательных прав, т. е. доступа к власти.

После тяжелого для рабочего класса периода 1788—1789 гг. наступило некоторое облегчение, благодаря урожаям 1790 и 1791 гг. и улучшению дел в области торговли и промышленности; последнее обстоятельство было вызвано оживлением заграничного спроса под влиянием сравнительного успокоения, наступившего в ходе революции, а также усилением строительных работ в городах, и в особенности в Париже. В связи с улучшением дел в торговле и промышленности, начинается (или, вернее, усиливается) стачечное движение. Рабочие выдвигали требование повышения заработной платы, ссылаясь на увеличение барышей предпринимателей, но последние отвечали отказом. Первые большие стачки начались среди плотников и типографов; обе эти категории рабочих находились в рассматриваемый период в выгодных условиях для предъявления вышеуказанного требования, так как на тех и других был усиленный спрос (вследствие усиления строительных работ и непрерывного расширения периодической печати). Кроме того, в обеих этих профессиях существовало подобие профессиональных организаций, имевших основной целью взаимопомощь и благотворительность, но фактически не остававшихся без влияния на руководство стачкой. Вслед за указанными категориями рабочих забастовали столяры, каменщики, кузнецы, сапожники и другие. По некоторым данным, число бастовавших доходило до 80 тыс. человек. Парижский муниципалитет, вследствие ходатайства хозяев, обратился к рабочим с воззванием, в котором приглашал их вернуться в мастерские. Воззвание защищало свободу договора, т. е. свободу каждого рабочего отдельно сговариваться с хозяином о высоте заработной платы. «Все граждане равны в правах, — говорилось в воззвании, — но они не равны и никогда не будут равны по способностям, талантам и средствам: природа не пожелала этого. Следовательно, им нельзя обольщать себя надеждой на равные для всех заработки». Такими рассуждениями — обычными для этой эпохи ремесленного и полуремесленного производства — буржуазные главы муниципалитета стремились разъединить интересы рабочих. Так как рабочие не вняли воззванию муниципалитета и стачка разрасталась, то

муниципалитет вновь обратился к рабочим, угрожая упорствующим арестом и судом. И, действительно, вскоре начались аресты среди стачечников, которыми, по словам современника, стали наполняться тюрьмы. В то же время предприниматели обратились в Учредительное собрание, прося его о принятии мер против «рабочей тирании», в особенности против рабочих организаций, которые «насиленно» заставляют рабочих требовать, а хозяев принимать известные условия вознаграждения труда. Рабочие различных профессий, со своей стороны, обратились в Учредительное собрание с объяснительными записками, в которых отвергали возводимые на них хозяевами обвинения и просили его вникнуть в их тяжелое положение, установив просимый ими минимум заработной платы и издав декрет об уменьшении рабочего дня (который в некоторых производствах доходил до 14—15 час.).

Национальное собрание целиком встало на защиту интересов хозяев и поручило своему депутату — члену «комитета конституции» Ле-Шанелье — выработать общий законопроект о союзах и стачках. Ни в одном вопросе Учредительное собрание и его агенты не проявили такой поспешности, как в деле с выработкой и принятием этого законопроекта, который был изготовлен в несколько дней и, представленный на рассмотрение собрания 14 июня, был принят в тот же день, а 17 июня подписан королем и вошел в силу. Закон оказался тщательно разработанным. Запрещая всякие профессиональные объединения, как «покушения на конституцию, свободу и декларацию прав», закон грозил высокими карами не только зачинщикам, но и рядовым участникам стачки, и в особенности тем, которые будут покушаться на «свободу труда» путем угроз и насилий; борющихся таких рабочих приравнивались к мятежу, и по отношению к ним властям давалось право немедленно провозгласить военное положение и пустить в ход оружие. Заметим, что под игом этого закона французские рабочие оставались в продолжение почти 75 лет, так как он был отменен лишь (и то не целиком) в 1864 г.

Мотивировка нового закона была такова. Союзы запрещались на том основании, что в государстве не может быть никаких интересов, кроме интересов отдельных личностей или интересов всего государства, между тем как образование союзов есть стремление к восстановлению прежних, стоявших между личностью и государством корпораций, вред которых явно доказан, и которые вследствие этого уничтожены революцией; стачки были названы преступными покушениями

«прервать свободное течение промышленности и помешать свободному приложению труда». Через два года революционный Конвент подтвердил запрещение союзов и стачек под страхом суровых кар.

Но если в эпоху революции буржуазия своим законодательством, направленным против рабочего класса, стремилась обеспечить себе свободу эксплуатации, то наступившая реакция, а затем реставрация, стремились, кроме того, обезвредить рабочих как революционную силу. В особенности в этом отношении усердствовало законодательство Наполеона, который старался угодить промышленной буржуазии и вместе с тем обезопасить себя от новых революционных взрывов; в этом отношении он встретил всемерную поддержку со стороны буржуазии, которая, наконец, почувствовала себя в безопасности под защитой императорской власти.

Уже в период консульства, т. е. в первые годы господства Наполеона, рабочие были отданы под двойной надзор полиции и хозяина посредством указа о рабочих книжках: каждый рабочий получал такую книжку и обязан был при перемещении места жительства или должности отдавать ее для прописки в полицию, а при поступлении на должность — вручать хозяину; рабочий, не имевший книжки, считался бродягой и подлежал шестимесячному заключению в тюрьме. Чтобы еще более «обезвредить» рабочих и подчинить их буржуазии, учреждены были советы присяжных экспертов для разрешения споров между хозяевами и рабочими, причем в этих советах заседали представители хозяев, и не было представителей рабочих. Наконец, специальным указом были учреждены особые монопольные конторы для найма рабочих; при помощи этих контор, являвшихся помощниками хозяев в эксплуатации рабочих, последние надолго попали в кабалу. Борьба против контор в продолжение целого века занимала не последнее место во французском рабочем движении.

Все указы и постановления, ограничивавшие права рабочих в отношении союзов и стачек и подчинявшие их власти хозяев и надзору полиции, были внесены при Наполеоне в Уголовный и Гражданский кодексы, причем суровые кары были установлены для их нарушителей. Так, руководители стачек подвергались тюремному заключению на срок от двух до пяти лет, рядовые участники стачек — заключению от одного до трех и более месяцев, между тем как хозяева, виновные в понижении заработной платы или в прекращении

по предварительному уговору работ (локаут), подвергались тюремному заключению от шести дней до одного месяца и штрафу от 200 до 3.000 франков, и то только тогда, когда будет доказано, что хозяева для этого прибегли к противозаконным злостным способам. Но самым вопиющим было то бесстыдство, с которым было поправлено недавно провозглашенное равенство перед законом. Так, в Гражданское уложение была внесена статья, гласившая, что хозяину следует верить на слово в его показаниях относительно размера условленной заработной платы, выдачи рабочему жалованья за истекший срок, а также относительно денег, выданных вперед ¹⁾.

«Плебеи крупных городов, — говорит по поводу рассмотренного нами вопроса Поль Луи в своей «Истории социализма во Франции», — рабочий класс ничего почти не выиграл от революции 1789 г. Рабочее население парижских предместий, за которым шли провинциальные рабочие, сыграло большую роль в событиях террористического периода. Но чего оно этим достигло?.. Из трех классов нации, которые могли заявлять притязание на известную выгоду, городские рабочие не получили ничего... Буржуазия всячески старалась устранить рабочих от участия в политической жизни; можно даже сказать, что она управляла против рабочего класса... Она не замедлила посредством ненавистных косвенных налогов возложить все бремя податной системы на плечи городской демократии. Более того: конституция 1791 г. лишила прав действительных победителей Бастилии».

Из сделанного нами очерка Великой французской революции явствует, что значительные слои трудового народа — в особенности пролетариат и беднейшая часть городской мелкой буржуазии — не могли быть удовлетворены ее преобразованиями. Особенно положение указанных общественных слоев ухудшилось в период Директории, когда был отменен максимум, а обеспечение ассигнаций получило катастрофический характер благодаря разрешению к обращению металлических денег; под влиянием указанных причин дороговизна продуктов увеличивалась со дня на день. К этому присоединилась безработица, усилившаяся благодаря тому, что рынок стал наводняться иностранными товарами.

¹⁾ Эта знаменитая 1781 статья Гражданского уложения по своему содержанию похожа на еще более крепостнический английский закон «о господах и слугах» (см. стр. 93); оба они были отменены приблизительно в одно и то же время, в конце 60-х годов.

Выразителем крайнего недовольства широких слоев трудового народа явился Бабеф, в 1795—1796 гг. выступивший с пропагандой коммунизма, который он и его единомышленники намеревались осуществить революционным путем, организовав для этого заговор, получивший название «Заговор равных».

Графх Бабеф (1760—1797 гг.) был выходцем из мелкобуржуазной среды, с ранней молодости терпел нужду и сочувствовал страданиям народа. С самого начала революции Бабеф принимал в ней активное участие, работая в провинции по ликвидации феодальных повинностей, защищая при этом интересы крестьянства против феодалов и ведя на собраниях и в печати пропаганду идей уравнительного распределения земель. Наглядный урок революции убедил его, что политического равенства еще недостаточно для обеспечения общего блага, что для этого нужно действительное равенство — экономическое, и он стал проповедывать «аграрный закон», т. е. равное и бесплатное распределение земель между гражданами, ее обрабатывающими.

После падения Робеспьера он стал издавать «Журнал свободы печати», где высказывался против деяний «тирана» (Робеспьера) и за установление политической свободы, но, заметив оборот, который приняло господство термидорианцев, изменил свой взгляд на сущность правления Робеспьера и начал наравне со всеми сторонниками демократии агитировать против новой и действительной тирании, за что в феврале 1795 г. вместе со многими из них был заключен в тюрьму. Здесь он сошелся с революционерами Жерменом, Лепеллетье, Антонелем, Буонаротти, Фине и др. Все они одинаково ненавидели Директорию. Продолжительные беседы о способах водворения общего блага привели их к выводу, что главным препятствием для этого служит частная собственность, и у них явилась мысль бороться за водворение действительного экономического равенства вместо равенства фиктивного, бумажного. Таким образом, уже в тюрьме было положено начало союзу лиц, который вскоре превратился в «Заговор равных».

По выходе из тюрьмы Бабеф с его единомышленниками образовали для пропаганды своих идей общество «Пантеон». Одновременно с этим Бабеф вел агитацию в основанной им газете «Народный трибун», нападал на правительство и разъяснял сочувствующим идеи и цели «Пантеона», повторяя, что революция не доведена до конца, раз народ потом и кровью добывает средства, которые кучка богачей у него

отнимает. Революция, несмотря на борьбу и жертвы, не сделала самого главного: она не водворила общего блага. Бабеф поэтому требовал завершения революции.

Правительство, видя, что «Пантеон» завоевывает симпатии широких общественных слоев, закрыло это общество. Тогда Бабеф и его единомышленники образовали тайную организацию, которую они называли «Тайной директорией общественного спасения». Основные принципы учения Бабефа изложены в листке «Содержание доктрины Бабефа», выпущенном этой организацией.

Вот наиболее важные пункты доктрины:

«Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться. Никто не может уклониться от труда, не совершая тем самым преступления».

«Труд и потребление должны быть общими для всех».

«Никто не может присвоить земельную или промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления».

«Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье».

«В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных».

С целью планомерного ведения агитации и подготовки восстания Париж был разделен на 12 районов, из которых каждый находился в ведении определенного агента «Тайной директории». Под влиянием энергичной пропаганды бабувизм сделал значительные успехи. По приблизительному подсчету, у бабувистов было в Париже и провинции до 17 тыс. приверженцев. Опасаясь, что заговор, лежавший в основе этого движения, принявшего столь широкие размеры, легко мог быть раскрыт, «Тайная директория» считала необходимым поскорее перейти к его осуществлению, с каковой целью был выработан «Акт восстания», обнародование которого должно было служить сигналом к новой революции. Но кроме этих мер, относящихся к самому восстанию, бабувисты разработали мероприятия, которые должны были быть введены на случай успеха восстания и которые фактически сводились к установлению диктатуры трудящихся.

После победы восстания коммунизм, являвшийся главной целью заговора, должен был быть водворен не сразу. Устанавливается переходный период от эпохи неравенства к строю равенства. Внутри государства организуется крупная национальная коммунистическая община, упрочению и развитию

которой государство всемерно содействует. В распоряжение этой общины предполагалось передать оставшиеся непроданными до 9 термидора национальные земли, земли врагов революции и земли общинные и пустующие. Первыми членами этой общины будет, главным образом, беднота, которую не может пугать отказ от собственности. Когда община разрастется, все граждане, в нее не вошедшие, будут переведены на положение иностранцев, т. е. на положение бесправных. Это мероприятие плюс отмена права наследования, по мнению бабувистов, должно будет привести к переходу на сторону коммунизма всех остальных граждан.

Таким образом, мы видим, что план восстания, как и дальнейшие мероприятия, был очень подробно разработан заговорщиками, которые со дня на день собирались выступить открыто. Их выступление, однако, было предупреждено провокатором, сообщившим о заговоре правительству, которое в мае 1796 г. захватило как главарей его, так и подготовленные ими документы. На суде Бабеф и его товарищи держали себя с удивительным мужеством. Бабувисты были обвинены за покушение на конституцию и собственность. Бабеф и Дарте были приговорены (в мае 1797 г.) к смертной казни, а остальные подсудимые, и в том числе Буонаротти, — к ссылке.

Заговор Бабефа был первой в истории коммунизма попыткой осуществить его революционным путем, причем эта попытка опиралась на пропаганду среди широких слоев народа и среди военных. Другой вопрос, возможно ли было бы — даже при успехе восстания — водворение коммунизма в стране, где промышленный капитализм и пролетариат были еще очень слабо развиты и где 85% населения составляли крестьяне, мелкие собственники. На этот вопрос нужно ответить отрицательно.

Но дело Бабефа и его сторонников не погибло бесплодно. Член «Общества равных» и один из видных его деятелей — Буонаротти — в написанной им книге передал памяти потомства историю заговора, идеи, стремления и планы бабувистов. Следующие поколения революционных социалистов восприняли их критику Французской революции и воодушевлялись их лозунгами.

Наполеон I. Реставрация Бурбонов. Революция 1830 г.

Выше мы указывали, при каких обстоятельствах генерал Бонапарт захватил власть, объявив себя через несколько лет после этого императором под именем Наполеона I. Став во главе государства, Наполеон произвел ряд реформ, которые с одной стороны, укрепили его власть, а с другой — упро-

чили буржуазный правопорядок и подавили все революционные элементы (мелкую буржуазию и пролетариат). В то же время он с большим успехом продолжал начатые революцией войны с Англией, Пруссией, Австрией и их союзниками. После многочисленных побед и завоевания чужих земель он стал терпеть поражения и, наконец, в 1814 г. был побежден и низложен, и во Франции вновь была восстановлена королевская власть (реставрация Бурбонов).

Правда, король не мог уже вернуться к старым порядкам; но все же духовенство и дворянство вновь получили громадное значение, рядом с богатейшей частью буржуазии. Депутаты в законодательную палату выбирались только из этой незначительной кучки граждан. Вся остальная часть народа — крестьяне, рабочие, мелкая и средняя буржуазия — была лишена избирательных прав.

Такой порядок вещей вызвал крайнее недовольство среди зажиточной буржуазии, интеллигенции, ремесленников и городских рабочих (крестьяне надолго были удовлетворены тем, что были освобождены от феодальных повинностей и получили значительную часть помещичьих земель). Вот почему в 1830 г. опять произошла революция. В уличных боях (на баррикадах) сражались преимущественно студенты и рабочие. Король Карл X бежал из Франции. Либеральная буржуазия воспользовалась тем, что республиканцы, руководившие борьбой на баррикадах, не были организованы, захватила власть и посадила на престол своего ставленника Луи-Филиппа. Дворяне-землевладельцы вновь были оттеснены от управления страной, и власть окончательно перешла в руки буржуазии. Рабочие и на этот раз ничего не получили от революции, для торжества которой проливали свою кровь.

Великая французская революция освободила французскую промышленность от прежних стеснений, в которых она находилась благодаря опутывавшим ее пережиткам цехового строя и той всесторонней опеке, в которой ее держало самодержавное дореволюционное правительство, а революция 1830 г. окончательно отдала в руки капиталистов политическую власть. Освобожденная от пут промышленность стала быстро развиваться. Этому содействовало применение машин, заимствованных из Англии, и другие технические усовершенствования в производстве, из коих некоторые были произведены во Франции. Так, в 1801 г. Жаккардом был изобретен ткацкий станок, получивший широкое

Развитие промышленности и возникновение пролетариата

применение в шелкоткацком производстве. В 1810 г. Жирар изобрел льнопрядильную машину. Рядом с этим необходимо отметить открытия в области химии, например, белиение хлором, изобретенное Бертоле, новые методы окраски, примененные в текстильной промышленности, в особенности в ситцевом деле.

Как быстро происходило развитие промышленности можно видеть из следующих цифр: в 1789 г. во Франции было произведено 61 тыс. *т* чугуна, а в 1811 г. — 90 тыс. *т*, в 1820 г. — 110 тыс. *т*, в 1830 г. — 207 тыс. каменного угля; в 1789 г. было добыто 250 тыс. *т*., в 1812 г. — 609 тыс. *т*., в 1828 г. — 1.744 тыс. *т*, в 1847 г. — 5.153 тыс. *т*. Потребление хлопка, составляющее в 1832 г. 32 млн. *кг*, в 1847 г. доходит до 65 млн. *кг*. Число веретен с 1834 до 1844 г. увеличилось с 2½ млн. до 3½ млн. Важным показателем развития промышленности служит увеличение числа паровых машин. В эпоху Наполеона паровых машин во Франции насчитывалось не более полутора десятков, в 1830 г. их было 625, а в 1847 г. — 4.853. Обороты внешней торговли, сильно подорванной наполеоновскими войнами, достигли в 1830 г. почти миллиарда франков, а в 1846 г. — 2.437 млн. франков.

Правда, промышленность во Франции не развивалась с такой быстротой, как в Англии, а главное, она не приобрела здесь того крупнофабричного характера, как там. Но все же это развитие повело к образованию пролетариата, т. е. класса рабочих, сосредоточенных в крупных городах, лишенных орудий производства и живущих продажей своего труда. И, как в Англии, положение городских рабочих после революций 1789 и 1830 гг. вместе с развитием крупной промышленности стало хуже в сравнении с той эпохой, когда промышленность носила чисто ремесленный характер. Восстановление монархии Бурбонов в 1815 г. (реставрация) повело к быстрому увеличению государственного бюджета до 1.095 млн. франков в 1830 г., причем одна уплата процентов по государственному долгу достигала 300 млн. франков; главная тяжесть налогов падала на народ, и в особенности на рабочих, ибо при неподвижности прямых налогов, почти не изменившихся в своей величине в продолжение 30 лет (в 1800 г. — 264 млн., в 1830 г. — 270 млн.), косвенные налоги возрастали с необычайной быстротой, увеличившись за период 1800—1825 гг. почти в четыре раза. Введение машин привело к таким же последствиям, как и в Англии, т. е. к уменьшению спроса на рабочие руки. Голодовки и безработица становятся обычным явлением в жизни рабочего

класса. Поэтому и во Франции рабочие начинают упорную героическую борьбу с капиталом за улучшение своего положения, за уничтожение существующего буржуазного строя и водворение социализма. Но французское рабочее движение, как мы это увидим дальше, по своему характеру значительно отличается от английского ¹⁾.

Первые рабочие организации и первое восстание рабочих (Лионское восстание 1831 г.) Чем сильнее были притеснения буржуазной власти и чем жесточе были преследования закона, тем настоятельнее чувствовали рабочие необходимость в объединении для защиты своих интересов. Не имея возможности объединяться на законном основании, они принуждены были образовать тайные общества. В этом отношении, как мы видим, французское рабочее движение шло по тому же пути, как и английское и все рабочее движение Европы.

Еще в дореволюционную эпоху среди французских ремесленников и рабочих существовал старинный обычай странствовать из города в город для дальнейшего усовершенствования в своем ремесле; с течением времени и с увеличением конкуренции к этой цели прибавилась другая — поиски более выгодной и лучше оплачиваемой работы. Нужда во временном пристанище в продолжение пешей дороги, а иногда в денежной помощи и поддержке на случай болезни заставляла рабочих образовывать товарищеские объединения в различных городах. Каждый отдел союза имел в своем городе дом или вступал в договорные отношения с содержанием харчевни или постоялого двора; там странствующий рабочий находил приют и питание во время дороги или временное пребывание до тех пор, пока союз не помогал ему получить работу. Этот обычай товарищеского объединения и взаимопомощи получил название *компаньонаж*, а сами члены этих союзов назывались *компаньонами* (т. е. товарищами). Эта форма объединения уже в XVI и XVII вв. приобрела прочный характер. Союзы были силой, с которой считались хозяева. В случае столкновения с хозяевами союзы объявляли стачку, и все члены союза должны были отказаться от работы в предприятиях, объявленных под бойкотом; а так как союзы имели развет-

¹⁾ И во Франции (как в Англии) гнев бедствующих рабочих обращается против машин. Фактов разбивания машин, нападения на фабрики или беспорядков, связанных с введением машин в новых отраслях производства, полицией той эпохи с 1817 г. отмечается много. (См. книгу Е. Тарле, Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства (1815—1831). Гиз, 1928 г., стр. 66—78).

вления во всех провинциальных центрах, то угроза стачкой была очень действительным средством в борьбе рабочих с хозяевами. Сохранились предания и записи о целом ряде стачек, устроенных компаньонами в XVI и XVII вв. в Париже, Лионе, Руане и других центрах.

Компаньонаж, конечно, подвергался преследованиям со стороны королевского правительства и городских властей, издававших против него множество постановлений и указов, привлекая участников стачек к ответственности и часто закрывая и уничтожая союзы. Но это не могло сломить стремления рабочих к объединению, вызываемому потребностью в защите и борьбе.

После революции, с развитием крупной промышленности, компаньонаж начинает заменяться обществами взаимопомощи, главная цель которых была помогать своим членам в случае болезни, поддерживать стариков и неспособных к труду. Такие общества в первые два десятилетия XIX в. встречаются среди гренобльских перчаточников, парижских башмачников, чесальщиков пеньки, кожевников, ткачей сукна, слесарей. В 1823 г. таких обществ в одном Париже насчитывалось до 160, из коих 132 с 11.143 членами состояли из рабочих, принадлежавших к одной и той же профессии, т. е. были профессиональными союзами.

С течением времени эти общества преобразовываются. К целям взаимопомощи присоединяются такие цели, как оказание поддержки безработным и стачечникам, возникают так называемые стачечные кассы и общества сопротивления, которые задаются целью вести наступательную борьбу против капитала.

Революция 1830 г. обманула ожидания рабочего класса, пролившего кровь на баррикадах. Положение рабочих не только не улучшилось, но еще ухудшилось, благодаря кризису и застою в промышленности. Тысячи рабочих были выброшены на улицу. «Безработные, — говорит Луи Блан, — толпами слонялись по городским площадям, покрытые лохмотьями, проклиная машины, отнимающие у них работу». В промышленных центрах возникали рабочие бунты, восстания. Озлобленные рабочие разбивали машины, поджигали фабрики, считая их причиной своих бедствий.

Особенно замечательно восстание ткачей в Лионе в 1831 г. В этом крупном промышленном центре было очень развито шелковое производство, в котором в те времена было занято до 40 тыс. рабочих. Это производство приносило громадные прибыли фабрикантам. Но после промышленного

кризиса, вызванного революцией 1830 г., фабриканты сильно сократили производство и понизили заработную плату своих рабочих в несколько раз. Дело дошло до того, что 16-часовой рабочий день стал оплачиваться одним франком (38 коп.) и менее.

Во главе рабочих стала «временная комиссия мастеров и рабочих»; она добилась от городской думы и префекта (градоначальника) образования особого совета из равного числа представителей от рабочих и фабрикантов для выработки минимальной таксы заработной платы. Но большинство фабрикантов не захотело подчиниться решению особого совета и пожаловалось правительству на префекта, поддерживавшего требования рабочих. Правительство вняло жалобе и сделало выговор префекту, который поспешил заявить, что принятый комиссией тариф не имеет обязательной силы. Рабочие возмутились: 30 тыс. ткачей стройными рядами двинулись с городских окраин, неся знамена, на которых было написано: «Жить, работая или умереть, сражаясь».

Против рабочих была выдвинута национальная гвардия, а также правительственные войска. Рабочим удалось захватить часть пушек. Правительственные войска сражались вяло; из национальной гвардии только буржуазные легионы выступили против рабочих; рабочие вышли победителями из трехдневного кровавого боя и, завладев городской думой, оставались хозяевами города в продолжение десяти дней. Напрасно члены тайных республиканских обществ старались придать движению политический характер и агитировали за переизбрание хотя бы городской думы. Вожаки рабочих не только не вняли агитации, но оставались все время на страже собственности и порядка, заявляя себя верноподданными короля. Причина такого образа действия рабочих лежала не только в их недостаточной сознательности, но также в следующем. Лионская шелковая промышленность в те времена не была фабричной в современном смысле слова; там еще было сильно влияние торгового капитала и пережитков мелкого ремесла (домашняя система). Во главе этой промышленности стояли крупные купцы-предприниматели (*maîtres-marchands*), раздававшие для выработки шелк хозяйчикам-мастерам, носившим громкое название мастеров-фабрикантов (*ouvriers-fabricants*): последние, имея по несколько станков (от 2 до 8), работали вместе с 3—5 подмастерьями («компаньонами») каждый; таких хозяйчиков-мастеров насчитывалось в рас-

смаатриваемый момент до 9 тыс. Таким образом сами «хозяева» находились под эксплуатацией денежного капитала (а также и посредников), а потому отождествляли свои интересы с интересами рабочих; с другой стороны, рабочие могли мечтать, при благоприятном обороте обстоятельств, стать хозяйчиками. Поэтому среди рабочих преобладали мелкобуржуазные взгляды, и выразителями этих взглядов являлись хозяйчики. Эти хозяйчики и явились руководителями в описанной борьбе, наивно полагая (точно так же, как и их рабочие), что можно бороться с засилием капитала, оставляя нетронутым его основу — собственность — и его защитника — буржуазно-политический строй.

Между тем правительство решило, что в Лионе рабочие объявили республику, и послало для подавления восстания многотысячное отборное войско. Велико было удивление предводителей этого войска, когда они не встретили ожидаемого сопротивления, а представители рабочих заявили, что они борются не против правительства, а против фабрикантов. Требования рабочих, конечно, не были удовлетворены. Им, впрочем, была оказана та милость, что с главарями восстания обошлись сравнительно мягко, а некоторым категориям нуждающихся была оказана помощь из средств благотворительных учреждений. После «ликвидации» восстания законодательная палата, сплошь состоявшая из представителей буржуазии, поднесла королю хвалебный адрес за то, что он стал на защиту священного права собственности, которое «было поколеблено в самой своей основе, и свободы промышленности, которой грозило уничтожение».

Лионское восстание было первое восстание рабочих в защиту своих собственных интересов, интересов труда против капитала. Хотя лионские ткачи после неравной борьбы потерпели поражение, но урок восстания не прошел бесплодно для рабочего класса; он поселил в его передовых кадрах веру в силы пролетариата, который, объединяясь и организуясь, способен в конце концов победить.

Сен-Симон и
Фурье

Буржуазные экономисты считали бедствия рабочего класса нормальным следствием экономического прогресса, а правительства имели для укрощения рабочих восстаний выдрессированную полицию и войска. Но среди ученых и интеллигенции нашлись деятели, которые, сочувствуя страданиям пролетариата, задались целью исцелить язвы существующего строя и указать обществу верный и безболезненный путь его переустройства,

одинаково полезного для всех его членов. К числу их принадлежали так называемые «великие утолисты» — англичанин Оуэн (о котором см. в отделе «Англия», гл. 1) и французы Сен-Симон и Фурье.

Сен-Симон (1760—1825) в своих сочинениях («Индустриальная система», «Катехизис промышленников» и др.) в противоположность философам XVIII в. исходит не из анализа свойств человеческой природы, а из истории развития человеческого общества и находит, что в историческом процессе одна общественная форма сменяется другой (древнее общество, основанное на рабстве, сменяется средневековым феодализмом, который в свою очередь уступает место современному промышленному строю), ведя человечество к лучшему будущему, к так называемому золотому веку. До Французской революции во главе общества стояли: военная аристократия, охранявшая его безопасность, и духовенство, направлявшее его умственную и нравственную жизнь. Такой порядок вещей был полезен для этого исторического периода, когда промышленность была слабо развита, общество нуждалось в защите от частых неприятельских нападений, наука была в зародыше и подавляющая часть населения крайне невежественна и груба. Но по мере развития промышленности и науки этот строй (господство феодальной аристократии и военных) оказался в противоречии с общественными интересами. Великая французская революция призвана была разрушить этот строй и поставить во главе общества промышленников (вместо феодалов) и ученых (вместо священников), но революция не довела своего дела до конца.

Главным фактором исторического процесса Сен-Симон считает человеческий разум, который в своем развитии проходит три стадии: теологическую (объяснение всех явлений вмешательством божества), предположительную, или метафизическую (объяснение посредством отвлеченных понятий), и, наконец, достоверную, или научно-позитивную. В зависимости от этого развития изменяются и особенности общественного строя (переход умственно-нравственного и материального господства от одних общественных слоев к другим). Но в то же время при рассмотрении истории Франции он устанавливает, что двигателями ее прогресса были экономические причины и само историческое развитие совершалось под влиянием классовой борьбы. На том месте, где находится нынешняя Франция, в древности жили галлы, вследствие чего эта часть Европы тогда называлась Галлией.

В V в. Галлия была завоевана франками, народом, пришедшим из-за Рейна. Сначала победители-франки были не только господствующим классом, но управляли всей хозяйственной жизнью страны, а галлы составляли земледельческий класс, класс покоренный и эксплуатируемый. В период крестовых походов (XI—XII вв.) господствующий класс разорился и принужден был продавать земли и вольности городским ремесленникам и всем имевшим сбережения, в результате чего образовались зачатки промышленного класса. Последний в XV в. достиг такого развития, что помог королям в их борьбе с феодалами, в результате чего он получил новые права и вольности и сильно улучшил свою материальную базу. Дворяне были устранены от управления промышленным трудом, но все еще оставались в правительстве. Французская революция призвана была устранить это противоречие, удалив дворянство от управления и всякого влияния в общественной жизни, и создать условия для водворения нового научно-индустриального общества. Но это не произошло потому, — как объясняет Сен-Симон, — что революция была совершена не теми классами, которые должны были ее совершить, а другим, «промежуточным» классом: вместо промышленников и ученых во главе революции стали юристы (легисты), давшие ей направление в соответствии с доктринами метафизиков.

В своем первом сочинении «Письма женеvского обитателя» Сен-Симон делит человечество на три класса: интеллигенцию (ученых, артистов и пр.), класс собственников и класс трудящихся, не владеющих собственностью, — этим в значительной степени приближаясь к правильному взгляду на вещи. Но в других сочинениях у него выступает «промышленный класс», которому он (в «Новом христианстве») дает определение, обнимающее всех членов общества, причастных к промышленности, начиная от банкира и крупного фабриканта и кончая мелким крестьянином и наемным рабочим. Такое определение, затушевывавшее противоречие интересов предпринимателей и рабочих, толкало Сен-Симона на построения, при которых, желая увеличения благосостояния пролетариата, он фактически отдавал его на произвол буржуазии.

Исходя из изложенных воззрений и считая французскую революцию, как уже было указано, незаконченной, Сен-Симон зовет промышленников и ученых к завершению революции, которое произойдет вместе с водворением промышленной системы. Цель «промышленной системы» и правительства,

которое станет во главе его, самое широкое развитие промышленности, наук и искусств. Это развитие, как он неоднократно повторяет, должно содействовать улучшению положения самого многочисленного и самого бедного класса в физическом, материальном и моральном отношениях. Это требование, чтобы новый строй был направлен на улучшение положения самого бедного и многочисленного класса, давало повод причислить Сен-Симона к социалистам.

На вопрос, как водворить этот новый строй, Сен-Симон отвечает: путем проповеди богатым и сильным христианской морали, формулированной им в последнем его сочинении «Новое христианство». Эта проповедь смягчит их сердца и заставит их трудиться в пользу меньшего брата. Сен-Симон, следовательно, был противником классовой борьбы, хотя факт классовой борьбы, как одной из главных пружин исторического процесса, как мы видели, он выяснил и обосновал при рассмотрении истории человечества и, в особенности, истории Франции.

Что касается сущности будущего общественного строя (названного им «промышленной системой»), который он хочет организовать на благо всех и, главным образом, «самого обширного и бедного класса», — то и здесь он впадает в противоречие и не дает ничего цельного и законченного. Ставя во главе общества крупных промышленников, ученых, техников и художников для урегулирования промышленности из центра, на пользу всего общества и, главным образом, для улучшения положения самого многочисленного и бедного класса, — он оставляет нетронутыми частную собственность и прибыль на капитал; мало того, основы власти он сосредоточивает в руках крупных промышленников, совершенно наивно полагая, что они, как «естественные представители рабочих», с особым усердием займутся улучшением их участи.

Гораздо определеннее и яснее защищали интересы трудового народа ученики Сен-Симона, так называемые сен-симонисты (Базар, Анфантен, Родриг). Еще Сен-Симон выдвинул взгляд, что характер собственности может быть изменен для пользы общества; сен-симонисты пошли дальше и выдвинули требование уничтожения наследства, которое большей частью отдает орудия производства в руки людей, пользующихся ими для эксплуатации тружеников. Они требовали, чтобы орудия производства были изъяты государством для передачи

В пользование тем членам общества, которым они действительно служат только для работы. Они с горечью критиковали современный строй конкуренции и взаимной вражды и выдвинули вместо этого принцип ассоциации и взаимной братской любви. Доказывая, как несправедливо происходит при современном строе распределение производимых продуктов и естественных благ, они выдвинули формулу: каждому по его способностям, каждой способности по ее делам, опасаясь, что, при полном равенстве вознаграждения в ассоциации, у более способных и даровитых не будет побуждения к квалифицированному труду, что может нанести тяжелый удар его производительности.

Организация, которую образовали сен-симонисты, получила название «семейства», а члены организации — «братьев и сестер о Сен-Симоне»; руководители ее назывались «верховными отцами». Это нечто вроде религиозного братства. Братья и сестры собирались для слушания проповедей своих вожakov. Некоторые из них разъезжали по провинции для пропаганды. Среди последователей Сен-Симона сначала преобладали интеллигенты. Но одновременно с проповедью и беседами шла практическая работа по созданию потребительных обществ и производительных товариществ среди пролетариата. Было организовано до четырех тысяч рабочих. Хотя большинство из этих организаций оказались непрочными, ибо держались до тех пор, пока их поддерживали своими средствами основатели, но все же пропаганда сен-симонистов оставила глубокий след в рабочем движении Франции первой половины XIX в.

Гораздо более оригинальными, хотя менее научными, являются теория и система другого видного французского утописта — Шарля Фурье (1772—1837). Очень много места отводит он в своих произведениях («Теория четырех движений», «Теория всемирного единства» и др.) критике существующего строя «цивилизации», проявляя при этом большую наблюдательность и глубину анализа. С едким остроумием высмеивает он современную торговлю—это «искусство обмана», экономистов—этих фарисеев науки, взявших на себя неблагодарный труд оправдывать обманы и эксплуатацию торговли и свободной конкуренции, философов и моралистов (слова эти он употребляет как бранные), стремящихся извратить естественные отношения, вложенные в нас самим богом. С удивительной для своего времени глубиной он вскрывает всю малопродуктивность и убыточность современной си-

стемы труда и промышленности. Беспощадно клеймит он брак в строе цивилизации, этот замаскированный разврат и торговлю женским телом, а также воспитание детей, поставленное так нелепо, что оно дает результаты, прямо противоположные тем, которые желают получить лица, им руководящие. То и другое он иллюстрирует множеством примеров, взятых из уродливой действительности.

Фурье подробно останавливается на анализе понятий свободы и равенства в строе цивилизации, на этих подарках, которые Французская революция дала современному человечеству, и разоблачает политическое лицемерие, заключающееся в гарантировании подавляющему большинству граждан прав на бумаге. При первом желании воспользоваться этими правами пролетарий и малосостоятельный человек убеждаются, что эти громкие фразы о «неотъемлемых правах человека» и гражданина», о равенстве перед законом и в особенности о «незыблемой» и «свято охраняемой» свободе — сплошной обман, ловушка и провокация, ибо, — как правильно говорит Фурье, — подчиненный, пожелавший использовать предоставленную ему в конституции свободу мнения и высказавший политические мнения, противоречащие взглядам его шефа, будет уволен со службы и лишен заработка. Фурье, таким образом, ясно понял классовый характер буржуазного государства, обеспечивающего права только богатым и прислушивающегося только к их голосу. Если бы составители конституции, — полагает Фурье, — действительно заботились о народном благе, они вместо мнимых политических прав постарались бы обеспечить народу право на труд. Фурье считает издевательством над рабочими, что вместо труда, который они вынуждены выпрашивать, чтобы заработать кусок хлеба, им предлагают удовлетвориться чтением конституции и отрадной мыслью, что они — граждане великой свободной страны. В противовес политической свободе современного буржуазного государства. Фурье выдвигает понятие социальной свободы; последняя заключается в экономической обеспеченности и отсутствии забот, создаваемом уверенностью в заработке и возможностью полного удовлетворения своих потребностей, чего лишены не только обыкновенные рабочие, но подавляющее число людей в так называемом строе цивилизации.

Фурье создает собственную социальную теорию. Отдельные его выводы и замечания очень глубоки и внезапно бросают яркий свет на истинную сущность социальных явлений. Сра-

влияя социальную эволюцию с жизнью человека и деля ее на четыре стадии—детство, юность, возмужалость, старость,—Фурье находит, что мы живем теперь в конце первой стадии (детства). Сама эта стадия разделяется на три фазы, а каждая из них—на периоды. Очень характерно, что отличие фаз устанавливается по их отношению к индустрии: первая фаза—без индустрии, вторая—с индустрией раздробленной, отталкивающей, третья—с индустрией общественной, притягательной. Мы живем в третьем периоде второй фазы—в периоде цивилизации с крупной, но раздробленной индустрией. Ближайший период—период гарнизизма или полуассоциации—будет переходным к гармонии или сложной ассоциации. Переход к строю ассоциации, таким образом, является необходимым следствием исторической эволюции общества, изображение которой принадлежит к лучшим страницам сочинений Фурье.

Итак, единственный выход из тупика цивилизации, выход, диктуемый предначертаниями самого божества, это—ассоциация, к созданию которой стремится Фурье. Но как создать ее, где найти тот связывающий элемент, который превратит современную раздробленность в общность? Фурье находит его, анализируя всемирное движение, законы которого открыты Ньютоном.

Исходя из того положения, что закон (Ньютона) о тяготении, существующий в природе, должен быть распространен и на общество, он заявляет, что таким взаимопритяжением, связывающим отдельные части общества, должны явиться человеческие страсти и инстинкты. В современном строе страсти и инстинкты считаются порочными и безнравственными. Но это потому, что в современном обществе все естественное, все хорошее считается плохим и, наоборот, все противоестественное, все античеловеческое и идущее вразрез с велениями наших чувств и сердца, считается хорошим. В современном обществе, где все основано на вражде, конкуренции, взаимоистреблении, где счастье одного основано на несчастье другого, страсти и инстинкты приводят к бедственным последствиям. Но совершенно иную роль они будут играть при таком строе, когда общество будет состоять из небольших ассоциаций от 1.600 до 2.000 человек. Там страсти и, в особенности, страсти к интриге (соперничеству, соревнованию), разнообразию (порханью) и страсть энтузиазма будут играть благотворную роль элементов, связующих ассоциацию и стимулирующих все проявления ее жизни. Этою ассоциацию

Фурье называет фалангой¹⁾. Громадное здание, в котором помещается фаланга и где с особой тщательностью предусмотрено расположение комнат для жилья, мастерских, служб, зал для развлечений, коридоров, галерей и пр., называется у него фаланстером. Фаланга распадается на меньшие организации — серии и группы. Деление на серии и группы связано с организацией труда в фаланге. Фурье — противник всякого принуждения, а потому стремится создать такой порядок, при котором труд был бы, в противоположность современному строю, добровольен и притягателен. Основой притягательности труда является разнообразие и приятная обстановка. Поэтому, во-первых, никакое занятие не должно продолжаться непрерывно более 1½—2 часов, и, во-вторых, должна быть создана возможность перехода от одного занятия к другому. Этому удовлетворяют группы и серии. Принимая во внимание, что Фурье отводит главное место сельскохозяйственному труду на лоне природы и почетное место культивированию овощей, фруктов и цветов, мы видим, что труд в его фаланге, действительно разнообразен, легок и приятен, а потому привлекателен. Отдельные фаланстеры в случае надобности будут входить в общение между собой и управлять той частью страны, где они будут находиться, причем это управление будет носить экономический, а не политический характер; таким образом, государственная власть станет излишней и будет уничтожена, а вместе с государственной властью исчезнет всякое принуждение.

Фурье не был социалистом в полном смысле слова. Он не отнимал капитала у капиталистов и приглашал их в качестве сотрудников в свои фаланстеры, деля производимые там продукты пропорционально «капиталу, труду и таланту». Он, таким образом, не боролся с капиталом, а только делал его менее вредным, уменьшая эксплуатацию. Но он устранял наемный труд; капиталисты у него не были организаторами производства, а были или участниками его или получали дивидент на вложенный в производство капитал; такая выплата дивиденда капиталистам, ничуть, по мнению Фурье, не могла повторить рядовым членам фаланги, вследствие чрезвычайной производительности труда. Нужно еще отме-

¹⁾ Это слово заимствовано им из древне-греческой истории. Фалангами македонский царь Филипп называл отряды, имевшие клиновидную форму, благодаря чему они легко врезывались в ряды противника и расстраивали их. Своей фаланге Фурье давал название, вклиниваясь в капиталистический строй, в конце концов его разрушить.

тить, что Фурье также ставил себе целью, чтобы каждый работник имел всегда работу и обеспеченный прожиточный минимум, он, следовательно, был близок к социализму. Фурье стремился привлечь в свои фаланстеры представителей всех классов, доказывая, какие выгоды ждут всех при новом устройстве. Он обращался к богачам и королям с просьбой дать средства для устройства первого фаланстера, уверяя, что счастливая жизнь его членов при новом порядке послужит примером и вызовет многочисленные подражания. Но никто не откликнулся на призывы Фурье (не считая одного опыта основания фаланги, оказавшегося неудачным), и он умер в нищете, не дождавшись осуществления своих планов.

Значение Сен-Симона для рабочего движения заключается в следующем. Сен-Симон обратил внимание на важность изучения исторического развития общества для понимания его будущих судеб; он же указал, что в основе современного общественного развития лежит борьба классов; в этих двух пунктах своего учения он является предшественником научного социализма. Сен-симонисты, как мы указывали, стали на защиту рабочих против капиталистов, требуя коренной реформы собственности и уничтожения наследства.

Значение Фурье и сен-симонистов для рабочего движения Франции (и других стран Европы) заключается в том, что они, вместе с Р. Оуэном в Англии, впервые разоблачили основные недостатки капиталистического строя, проповедуя замену его строем ассоциации. Их горячая проповедь улучшения положения трудящихся нашла сочувственный отклик среди студентов, ремесленников и рабочих.

Июльская монархия, Тайные общества. Покушения на короля. Преследование рабочих организаций. Огюст Бланш.

Лионское восстание ткачей в 1831 г. явилось эпохой в истории французского революционного и в особенности рабочего движения. Буржуазия убедилась, что рабочий класс способен проливать кровь не только под ее предводительством и во имя ее господства, но способен также к самостоятельной борьбе в защиту собственных интересов. Не менее силь-

ное впечатление лионское восстание произвело на республиканскую партию, незначительную в момент революции 1830 г., но все более и более увеличивавшуюся в царствование Луи-Филиппа. Этот король, занявший престол благодаря революции и обещавший править согласно воле народа и на благо народа, был, как все короли, далек от мысли выполнить то, что торжественно обещал. В действительности, как и следо-

вало ожидать, он оказался защитником интересов крупной буржуазии. Особенной силой в период июльской монархии пользовались финансисты и биржевики. Лозунгом этого царствования было: «Обогащайтесь, господа!» (*Enrichissez-vous, messieurs!*). А так как обогащаться можно было только путем эксплуатации рабочих и разорения мелкой буржуазии, не выдерживавшей конкуренции крупного капитала, то вполне понятно, что период (1830 — 1848 гг.) царствования короля крупной буржуазии и короля-мещанина, как он был назван современниками, был периодом постепенного возрастания недовольства рабочего класса и мелкобуржуазных элементов. Таким образом, эти два класса явились как бы естественными союзниками, объединенными чувством ненависти к монархии богачей и эксплуататоров. Сближению передовых представителей этих классов не мало содействовало распространение идей фурьеризма и сен-симонизма, которые вносили в республиканские стремления мелкой буржуазии социалистические тенденции, увлекавшие рабочих. В то же время и среди крупной промышленной буржуазии было много недовольных, вследствие особого покровительства, оказываемого правительством банковским воротилам и биржевикам, в чем промышленная буржуазия видела вред для правильного развития промышленности. Была недовольна и интеллигенция, политический удельный вес которой в июльскую монархию был ничтожен.

Лионское восстание, во время которого рабочие в продолжение нескольких дней оставались хозяевами города, возродило и укрепило таившуюся среди республиканцев еще со времени Великой французской революции мысль о захвате власти. Неудачу лионского восстания вожди республиканцев приписывали недостаточной организованности и планомерности действий восставших. Они полагали, что подобное восстание должно быть подготовлено тайной организацией, которая предварительно организует своих членов, снабдив их оружием, разработает детальный и строго обдуманый план действий и, воспользовавшись подходящим благоприятным моментом, поднимет знамя восстания. Правда, тайные общества, задавшиеся революционными целями, существовали еще при реставрации, но зрелище захвата власти, хотя и в одном городе, усилило надежду революционеров на достижение того же в государственном масштабе. Вот почему образование тайных обществ с целью свержения правительства и захвата политической власти теперь приобретает особенное значение и становится главным предметом деятельности рево-

люционных в рассматриваемую эпоху. Как мы увидим дальше, тайным обществам, несмотря на всю проявленную их членами энергию и беззаветную храбрость, не удавалось достичь поставленных себе целей, и опыт их выступлений показал, что для борьбы с господствующим классом и защищающим его правительством необходима более широкая база, чем несколько десятков или сотен человек, объединенных в тайную организацию; но, несмотря на эти отрицательные стороны, тайные общества играли громадную роль во французской политической жизни до 70-х годов минувшего столетия и оказывали немалое влияние на развитие революционной активности в среде французского пролетариата и борющихся с ними рядом, а часто руководивших им, лучших представителей интеллигенции. Тайные общества воспитывали борцов, закаляли мужество своих членов, выдвигали застрельщиков в дни революционных переломов, а в промежутках между ними беспокоили правительство, нанося ему нередко чувствительные удары, давая толчки никогда не угасавшему оппозиционному настроению, таившемуся в недрах всех слоев народа, угнетаемого крупной буржуазией и остатками феодализма. Они, наконец, хранили революционные традиции, тот неугасимый огонь святой ненависти к существующему строю насилия и эксплуатации, который так долго и так ярко горел в сердцах лучших сынов парижского пролетариата, и вспышки которого многократно озаряли весь мир.

Из революционных обществ периода июльской монархии особенно заслуживают быть отмеченными следующие:

«Общество друзей народа» и «Общество прав человека» были оба политического характера и ставили своей целью водворение республики. Первое общество существовало открыто и первоначально не подвергалось преследованиям; оно было закрыто в 1832 г. по приговору суда. Второе общество, более радикальное, выросло на развалинах первого. Чтобы обойти закон, запрещавший объединения, превышающие 20 человек, оно было организовано по секциям или ложа с двадцатью членами в каждой; секции объединялись в серии. В одном Париже насчитывалось до 162 секций. Уже названия секций показывают на направление этого общества. Тут были секции Робеспьера, Марата, Сен-Жюста, Бабефа, «Войны замкам», «Уравнения всех» и пр. В «Обществе прав человека» не было единомыслия по вопросам программы. При обсуждении последней наметились два направления: одно — чисто политическое, стремившееся к водворению демократической республики, другое, обнимавшее

меньшинство, выдвигало также требование социальной реформы и стремилось к социальному перевороту. Что же касается способов борьбы, то члены обоих направлений стояли на точке зрения революционного захвата власти и диктатуры от имени народа. В Лионе эмисары общества основали аналогичную организацию из более активных рабочих, участвовавших в восстании 1831 г.

При активном участии членов этих обществ произошло два крупных восстания.

На похоронах популярного ген. Ламарка в начале июня 1832 г. вожди «Общества друзей народа», при содействии революционных эмигрантов (главным образом, польских и итальянских), заняв возвышение, где стоял гроб, предложили собравшемуся народу объявить республику. Начатое таким образом восстание охватило в одну ночь рабочие кварталы Парижа. Восстание было настолько серьезно, что правительство принуждено было выслать против повстанцев 25.000 регулярных солдат и значительные кадры национальной гвардии. Восставшие были окружены; решительное сражение произошло при монастыре Сен-Мерри, где восстание было подавлено.

Другое восстание, в котором «Общество прав человека» принимало деятельное участие, связано со вторым восстанием в Лионе в 1834 г. Поводом к этому восстанию послужило издание реакционного закона о союзах и обществах. Рост рабочего движения, частые стачки, восстания тайных обществ испугали правительство Луи-Филиппа и оно издало ряд законов, направленных против свободы союзов и печати и отягчающих наказания за политические преступления. Согласно закону 1834 г. о союзах, для устройства союзов требовалось разрешение правительства и в том случае, когда число членов не превышало 20. До тех пор разрешение требовалось только тогда, когда число членов превышало 20 человек. Вместе с тем усиливалось наказание за участие в неразрешенном союзе.

В связи с изданием этого закона произошло восстание (второе) в Лионе в 1834 г., когда правительство после одной стачки на шелковых фабриках закрыло общество мютуэлистов, не подходившее под новый закон, и арестовало его руководителей, привлекая их к ответственности за участие в противозаконном обществе и организацию стачки. Лионский пролетариат ответил вооруженным восстанием. Борьба длилась 5 дней (с 9 по 13 апреля) с необычайным оже-

сточением как со стороны восставших, так и со стороны войск; было много жертв не только среди инсургентов, но и среди мирных жителей, так как солдаты, врываясь в дома, откуда стреляли, убивали всех без разбора. По сделанным подсчетам жертвами этого боя пало больше 1.000 человек. Когда весть об этом втором лионском восстании достигла Парижа, то и там восстали рабочие в количестве около 4 тыс. человек. Но восстание было ослаблено тем, что правительство накануне арестовало до 150 членов «Общества прав человека». Восстание и здесь кончилось неудачей. Кроме Парижа, лионское восстание 1834 г. привело к вспышкам и попыткам восстания в ряде промышленных центров (Гренобле, Сент-Этьенне, Марселе, Клермоне и др.).

Когда после восстания 1834 г. «Общество прав человека» было разгромлено, главные деятели его — Бланки и Барбес — основали новое революционное общество. Сначала это было «Общество семейств». Правительству удалось напасть на следы этого общества благодаря неконспиративности некоторых членов, замысливших нападение на королевский дворец. Пользуясь найденной нитью, полиция захватила несколько тайных складов пороха и снарядов. Бланки и Барбес и с ними свыше 40 членов общества предстали перед судом и были присуждены к году и двум тюремного заключения.

Выйдя из тюрьмы, Бланки и Барбес организовали «Общество времен года», привлекая в его состав много рабочих. Название свое это общество получило от своей организации. Основная ячейка, состоявшая из шести членов и одного главы, называлась «неделей»; «недели» объединились в «месяцы», «месяцы» — во «времена года» (saison) и «годы». Конспирация и самая строгая централизация были главными основаниями этого объединения, ставившего себе целью, кроме водворения республики, коммунизм в духе Бабефа. В одном из манифестов этого общества говорилось: «Мы все желаем социальной и радикальной революции. Народ и полезный работник, производящие все, имеют и исключительное право на это все. Учреждение республики есть не только цель, сколько средство, при помощи которого имущества неработающих должны перейти к рабочим, не владеющим ничем». В газете «Свободный человек» говорилось: «Мы требуем той или почти той же общности имущества, какую проповедывал Бабеф, и так же, как и он, мы не перестанем работать над пропагандой наших идей, хотя для

достижения нашей цели мы должны были бы пасть жертвами деспотизма. Мы выполним нашу обязанность, разрушивши до основания существующее общественное здание для того, чтобы построить новое на новых основаниях... Война на смерть против всех вас, пользующихся наглою праздностью... Земля должна принадлежать всем; те, которые не владеют ничем, обворованы теми, которые владеют всем...» «Смерть аристократам, финансистам, банкирам, поставщикам, монополистам, спекулянтам, крупным землевладельцам, жиреющим на счет народа!»

Это общество сделало попытку в 1839 г. устроить вооруженное восстание (нападением на городскую ратушу) для свержения буржуазии и установления диктатуры от имени народа; но восстание кончилось неудачей, так как восставшие не сумели увлечь за собой широкие массы, которые хотя и сочувствовали целям восстания, но не были достаточно организованы, чтобы надлежащим образом поддерживать восставших.

Ненависть к реакционному правлению Луи-Филиппа, не сдержавшего своих либеральных обещаний и обманувшего народ, выразилась также в ряде покушений (числом девять) на жизнь его и членов его семьи. Эти покушения были совершены большей частью по личной инициативе покушавшихся и в большинстве случаев представителями трудящихся масс; так, среди покушавшихся мы видим переплетчика, кожевника, механика, полотера, шлифовщика.

Одним из главных вождей тайных обществ, как указано выше, был Огюст Бланки (1805—1881). О его деятельности и революционной теории необходимо сказать несколько слов, так как помимо того, что он был одним из наиболее выдающихся вождей французского революционно-социалистического движения всей середины XIX в., он своей тактикой, прозванной бланкизмом, дал название целому направлению в этом движении. Бланки отдался революционной деятельности с юных лет; еще будучи студентом, он сблизился с членами тайного общества карбонариев; в июльской революции он дрался на баррикадах. Его активная деятельность по организации тайных обществ и руководству ими указана выше. Огюст Бланки, по удачному выражению Б. Горева («От Томаса Мора до Ленина»), «был всю свою жизнь ярким олицетворением неукротимого духа пролетарской борьбы», инициатором и вождем многих восстаний, активным участником всех революций XIX в. Дважды он был при-

говорен к смертной казни, которая была ему заменяема пожизненным заключением, и в общей сложности просидел в тюрьме целых 37 лет.

В начале 30-х годов его взгляды носили мелкобуржуазный республиканский характер. В 1833 г. он познакомился с Буонаротти, единомышленником Бабефа, участником «Заговора равных», автором книги «Графх Бабеф и заговор равных». Это знакомство содействовало развитию в нем взглядов революционного коммунизма. Бланки полагал, что достаточно путем удачного восстания, организованного небольшой тайной организацией, захватить власть, чтобы, опираясь на нее, произвести социальный переворот. Он не считался с экономическим процессом, значение которого для подготовки и осуществления социального переворота было разъяснено Марксом и Энгельсом; поэтому он недостаточно уяснил себе роль пролетарских масс в революционном перевороте, предпочитая действовать при посредстве кучки заговорщиков, полагая, что при удаче восстания массы сами к нему присоединятся. В этом была слабая сторона его теории, причина многих ошибок. Но с другой стороны, бланкизм как проявление революционной активности был животворной струей во французском рабочем движении, и исчезновение этой революционной активности к концу XIX в. очень вредно отразилось на французском социализме, в котором взяли верх оппортунистические течения.

Необходимо, однако, отметить, что уже во время революции 1848 г. и при подведении ее итогов Бланки выдвинул ту мысль, что для торжества социальной революции необходимо создание массовой революционной организации, и что диктатура, созданная после захвата власти, должна опираться на революционную рабочую армию. В дальнейшей своей деятельности, резко критикуя мирный экономизм прудонистов (о Прудоне см. след. параграф), он указывает, что только политическая борьба и захват власти приведут рабочий класс к социализму. Однако в историю социализма, — как выше указано, — Бланки вошел как самый яркий представитель (и даже основатель) заговорщической тактики.

На восстания, стачки, покушения правительство, как было сказано, ответило целым рядом законов, ограничивающих свободу печати, союзов и собраний и увеличивающих наказание за нарушение этих законов.

Со времени издания этих законов преследование рабочих и их друзей из буржуазных классов сильно увеличивается.

Так, с 1835 до 1847 г., по официальным данным, было более 1.250 судебных процессов за нарушение этих законов, число подсудимых доходило до 7 тыс. Но, несмотря на все преследования, число рабочих обществ увеличивалось.

После подавления восстания 1839 г. деятельность тайных обществ на время прекращения. Наступает период политического затишья; но это было затишье лишь на поверхности. Социально-политическое движение, которое в начале июльской монархии было сосредоточено в тайных обществах, теперь принимает другой характер. Оно выражается в мирной книжной пропаганде социализма. Среди рабочих получают широкое распространение учения Луи Блана, а позже — Прудона.

Луи Блан.
Прудон

Луи Блан (1811—1882) был не только теоретиком и пропагандистом социализма, но одним из деятелей революции 1848 г., хотя влияние его на французское рабочее движение не было продолжительным и ограничивалось периодом указанной революции и эпохой, ей предшествовавшей.

В своей критике капиталистического строя Луи Блан много заимствовал у Фурье (и отчасти у сен-симонистов), а в своих положительных построениях — у Сен-Симона и его учеников.

В своем знаменитом небольшом сочинении «Организация труда» («Organisation du travail») Луи Блан критикует основной принцип капиталистической промышленности и торговли — принцип конкуренции. К чему привела столь хвалимая экономистами свободная конкуренция? К тому, что средняя промышленность пожрала мелкую; но средняя промышленность в свою очередь уничтожается крупной. Это далеко не идеальный строй, каким его изображают его сторонники, а простое взаимоистребление, которое приведет к тому, что большая часть буржуазного класса очутится в вассальном подчинении у кучки могущественных финансистов. Еще хуже положение трудовых масс. Непрерывная конкуренция среди них ведет к систематическому понижению заработной платы, к голодовкам и в конечном итоге к гибели множества рабочих. Конкуренция таким образом является также средством взаимоистребления рабочих. Изображенное состояние общества неминуемо ведет к гражданской войне, результатом которой, по мнению Луи Блана, может явиться гибель культуры. Немалым бедствием современного строя является безработица; современный строй ли-

шает человека возможности осуществить самое драгоценное из принадлежащих ему прав — право на труд.

Выход из изображенного положения Луи Блан видит в уничтожении существующей ныне производственной анархии и в планомерной организации труда на принципе ассоциации. В этом отношении рабочим должно притти на помощь государство, поддерживая ассоциации рабочих даровым или дешевым кредитом и организуя во всех производственных отраслях общественные мастерские (национальные мастерские), где всякий желающий получит работу. Когда таким образом значительная часть рабочих и мелких производителей будет организована государством, начнется борьба между «социализированной» и вольной промышленностью. Борьба эта будет невыгодна для капиталистов, так как на стороне социализированной промышленности будет государство. Промышленникам и торговцам поневоле придется пойти на капитуляцию. Так совершится мирный социальный переворот.

Отводя такую большую роль государству как организатору производства и, следовательно, как пособнику перехода от капитализма к социализму, Луи Блан понимает, что для этого государство должно очутиться в руках правительства, способного и склонного взять на себя эту задачу; но он глубоко ошибался, думая, что такое правительство может возникнуть в результате преобразования государства в демократическом духе (всеобщее голосование), вследствие чего власть перейдет в руки «лучших людей нации, ставших выше классовых интересов».

Подводя итоги идеям Луи Блана, мы видим, что он был сторонником социализма, т. е. обобществления орудий производства и уничтожения эксплуатации рабочих предпринимателями; но, с другой стороны, как и его предшественники (фурьеристы и сен-симонисты), он остался утопистом, полагая, что социализм может возникнуть не из борьбы пролетариата, а мирным путем, при содействии буржуазного государства.

Луи Блан, следовательно, подобно другим социалистам его эпохи, совершенно не понимал роли рабочего класса в грядущем социальном перевороте; более того, он боялся вмешательства рабочих в борьбу за социализм, полагая, что рабочий класс нуждается в опеке и руководстве. Право на труд, национальные мастерские, уничтожение эксплуатации со стороны

хозяев — все это звучало, как слова спасения, в эпоху безработицы и нищеты, какой являлась июльская монархия.

Совершенно иных взглядов придерживался Пьер-Жозеф Прудон (1809—1865), доказывавший, что интересы буржуазии и пролетариата прямо противоположны и что поэтому о союзе между ними не может быть никакой речи. Точно так же он призывал пролетариат не возлагать никаких надежд на правительство, а стремиться к освобождению собственными силами.

Источником всех бедствий он считал частную собственность, называя ее (в своем знаменитом сочинении «Что такое собственность?») кражей. Владея собственностью, капиталисты отнимают у рабочих значительную долю их заработка, оставляя им часть, необходимую для того, чтобы не умереть с голода. Дело в том, что рабочие производят значительно больше того, что они получают от предпринимателей в виде вознаграждения за свой труд. Сколько бы рабочих ни произвел, он получает не больше того, что ему необходимо, чтобы не умереть с голоду и поддержать в таком же состоянии свою семью. Предприниматели, собирая произведенные рабочими излишки, накапливают новые капиталы, при помощи которых расширяют свою эксплуатацию труда. Рабочие, таким образом, сами куят свои цепи, сами создают орудия для дальнейшей своей эксплуатации. Частная собственность, следовательно, есть неправомерное и незаметное для рабочих присвоение капиталистами части продуктов, произведенных трудами рабочих, т. е. кража. Впрочем, Прудон осуждал не все виды собственности, а только крупную собственность, к уничтожению которой следует стремиться; мелкую собственность, служащую производителю для приложения его труда, он не осуждал.

Чтобы обезвредить собственность, необходимо, по его мнению, уничтожить деньги и процент, а для этого он советовал изменить систему обмена и кредита следующим образом. Он предлагал устроить обменный Народный банк, куда каждый мелкий производитель будет приносить произведенный им продукт, в обмен на который он получит нужный ему продукт равной стоимости¹⁾. При достаточном числе клиентов участники этого банка сумеют обходиться без денег, обменивая непосредственно продукт на продукт. Тот же банк будет давать своим членам беспроцентные ссуды,

¹⁾ Идея эта, как можно видеть из предыдущего, заимствована у Роберта Оуэна (см. стр. 50—51).

борясь, таким образом, с эксплуатацией, вытекающей из взимания процентов.

Взаимопомощь — вот принцип, при посредстве которого Прудон надеялся победить все препятствия к водворению социалистического строя, взаимопомощь, а не государственная помощь и принуждение. Вот почему он нападал на Фурье, Сен-Симона, Оуэна и Луи Блана, которые выдвигали лозунг: все для народа, но без помощи народа. Система Прудона вошла в историю под названием **м ю т ю э л и з м а** (по-французски — взаимность).

При преобразовании социального строя Прудон не только не возлагал никаких надежд на государственную власть, но считал вообще государственную власть излишней. Мало того, Он относился враждебно к государству как к силе, самостоятельно эксплуатирующей пролетариат посредством налогов и повинностей и способствующей этой эксплуатации; но он не призывал к борьбе с государством силой; он был вообще против революционных способов борьбы, полагая, что рекомендуемый им строй можно водворить мирным путем посредством обменного банка и производительных товариществ. Он представлял себе будущий социальный строй как совокупность производительных товариществ, вступающих друг с другом в свободный договор для взаимного обеспечения своих интересов.

Из сказанного видно, что Прудон был защитником интересов мелких производителей, поэтому его называют идеологом мелкой буржуазии; его также называют родоначальником анархизма, потому что он отрицал государственную власть, стремясь разоблачить весь вред, приносимый ею трудовому народу, и доказывая возможность существования общества без государства. Он считал возможным существование общества без государственной власти в форме основанного на договоре объединения трудящихся, которые сами будут управлять страной, подчиняясь не правительственным законам, а законам социально-экономической жизни.

Учения Фурье, Луи Блана, Прудона имели громадное влияние на студентов и рабочих, **Идейное движение среди рабочих.** "которые в многочисленных кружках горячо обсуждали взгляды своих учителей и способы водворения социалистического строя. Бюше. Кабе.

Отчасти под влиянием этих учений, отчасти самостоятельным путем среди рабочих развивалось широкое идейное движение; пробуждавшаяся рабочая мысль искала путей

для улучшения положения пролетариата. В этом отношении первое место, конечно, занимали парижские затем лионские рабочие; но и в других центрах, как Бордо, Нант и пр., рабочая мысль не дремала.

В Лионе в начале 30-х годов возникла небольшая рабочая газета «Рабочее эхо», сотрудники которой находились под влиянием фурьеризма. Другая газета «Предшественник» накануне второго лионского восстания призывала к сопротивлению «убийственному для свободы закону 1834 г.». Газета «Собиратель колосьев», в противовес вожакам первого лионского восстания, стоявшим на чисто экономической почве и заявлявшим свою лояльность правительству Луи Филиппа, уже вскоре после этого резко нападает на правительство и восхваляет республику «как единственный режим, способный удовлетворить интересы народа».

Многочисленные брошюры, посвященные рабочему вопросу и писавшиеся часто самими рабочими, стали появляться в Париже уже с первых годов июльской монархии. В этот же период появились, газеты, сотрудниками которых были рабочие. Таковы еженедельные газеты «Народ» и «Газета рабочих» и ежедневная газета «Ремесленник».

В начале 40-х годов, когда под влиянием неудачи восстания 1839 г., организованного «Обществом времен года», в кругах демократической интеллигенции и примыкавших к ним рабочих началось разочарование в революционных методах борьбы, на короткое время восторжествовало чисто экономическое рабочее движение; возникла напумевшая одно время газета «Мастерская», призывавшая рабочих к самостоятельной борьбе без участия интеллигенции, иначе говоря, без участия социалистов и коммунистов. «Мастерская» уверяла рабочих, что облегчение своей участи они найдут в производительных товариществах и подобных организациях. В этом же направлении агитировал ежемесячный сборник «Народный улей». Другие авторы-рабочие, как, например, наборщик Бойе, отдавая (в выпущенной им брошюре) должную дань «писателям, подвергшим строгой критике современные порядки и такому же порицанию пороки нашего времени», — призывал пролетариев самим взяться за перо, чтобы поведать миру свои нужды.

Проповедником производительной ассоциации был Бюше, врач по профессии, видный последователь Сен-Симона, с 1830 г. порвавший с его школой, один из учредителей «Общества друзей народа». До 1838 г. он издавал журнал «Европеец». В своих писаниях он стремился примирить идеи якови-

низма с католицизмом, утверждая, что требования братства и равенства, защищавшиеся якобинцами, были не чем иным, как осуществлением на практике идей, провозглашенных христианством. В качестве практической программы он выдвигал рабочие производительные товарищества и не мало содействовал их основанию. Как проповедник христианского социализма и производительной кооперации он имел последователей не только во Франции, но и в других странах Европы, в особенности в Англии. Бюше основал вышеупомянутую газету «Мастерская» («Atelier»).

Несмотря на проповедь независимого (от вмешательства революционной интеллигенции) и чисто экономического рабочего движения, политические настроения среди рабочих,— как мы увидим дальше,— преобладали и принимали часто направление чисто революционное. Таковы были стремления рабочих всех тайных кружков, находившихся под влиянием бланкистов; таково было также направление общества «Рабочих, стремящихся к равенству», которое для достижения его считало необходимым «сильную народную диктатуру».

Говоря о рабочем движении 40-х годов и социалистах-писателях, которыми увлекались французские рабочие, нужно сказать несколько слов о Кабе, который не только выступил с проповедью коммунизма, но пытался его осуществить на практике путем основания коммунистических общин.

Этьен Кабе (1788—1856) был современником Фурье и Сен-Симона, Луи Блана и Прудона. Имея крайне левые убеждения, он проявил их в революцию 1830 г., а затем в качестве депутата, каковым он был избран в 1831 г.

Этьен Кабе выступил с пропагандой коммунизма в начале 40-х годов. Наиболее он известен по своему фантастическому роману «Путешествие в Икарию», где он в увлекательной форме рисует картину счастливой жизни в коммунистической стране Икарии. Роман этот выдержал много изданий и пользовался большой популярностью среди французских рабочих. Полагают, что накануне февральской революции (1848 г.) Кабе имел около 300—400 тыс. сочувствующих во Франции. Сначала Кабе был сторонником одной только пропаганды коммунистических идей, которые, как он был уверен, скоро проникнут в народные массы. Когда народ пропагандой будет подготовлен к коммунизму, можно будет приступить к практической части программы. Но, поддаваясь настоянию своих друзей и единомышленников и сам подхваченный общественным подъемом, господствовавшим во второй половине 40-х годов, он решил произвести опыт основания коммунисти-

ческой колонии и за три недели до февральской революции отплыл в Америку с партией приверженцев. Коммунистическая община была образована в Техасе, но, как и все подобные предприятия, основанные в пределах капиталистического строя, она перенесла много внутренних раздоров, и хотя после нескольких превращений просуществовала довольно долго, но ничего не дала для практического разрешения вопроса о водворении коммунизма.

Положительная сторона учения Кабе сравнительно с другими утопистами (Оуэном, Сен-Симоном, Фурье) заключается в том, что он не возлагал никаких надежд на высшие классы или благодетелей и осуществления коммунизма ожидал от самих рабочих, чем вызвал сочувствие к своему коммунизму со стороны Маркса и Энгельса. Но в то же время, как и прочие утописты, он был сторонником мирного, переволлюционного способа водворения коммунизма.

Рядом с социально-политической пропагандой и в значительной степени под ее влиянием в период июльской монархии наблюдается сильное движение в пользу образования профсоюзов (так называемых обществ сопротивления), которым на каждом шагу приходилось бороться с преследованиями правительства. В 1833 г. парижские печатники решили организовать общество сопротивления, но инициативная группа была арестована. Они организовались после того, как изменили свой устав в направлении, требуемом полицией. В 1833 г. парижские медно-литейщики и формовщики организуются в союз под названием «Вспомогательная биржа обеспечения». Среди целей взаимопомощи общество это ставило помощь безработным, давая по 2 франка пособия в день своим членам, потерявшим работу вследствие защиты профессиональных интересов. Администрация потребовала, чтобы этот пункт был выброшен из устава. В 1832 г. в Сент-Этьене образовался союз рабочих железнодорожного производства для борьбы за определенный уровень заработной платы. В 1840 г. происходит объединение каменщиков для борьбы с подрядчиками и системой поурочной платы. В 1843 г. печатники заключили с предпринимателями коллективный договор, который впоследствии послужил образцом для других профессий и увлек их в сторону мирного разрешения конфликтов с предпринимателями. Движение в пользу образования союзов рядом со стачечным движением усиливается накануне революции 1848 г.

Единственный выход из тяжелого положения многие рабочие видят в организации профессиональных союзов и горячо

приглашают своих товарищей к объединению. Некоторые деятели другого направления настойчиво призывают всех рабочих устраивать производительные товарищества, которые по их мнению, должны были освободить рабочий класс от ига капиталистов.

Таким образом, в рабочей среде широко было разлито недовольство не только политическим строем июльской монархии, но и буржуазно-капиталистической эксплуатацией; и хотя среди проповедников социализма, как мы видели, преобладали сторонники мирного разрешения рабочего вопроса, рабочие, как мы увидим дальше, показали себя сторонниками революционных средств борьбы.

Революция 1848 г.
(февральская революция) Рабочее движение и недовольство среди мелкой и средней буржуазии и интеллигенции привели к падению трона Луи-Филиппа. Разразившаяся революция была неожиданностью для короля и его министров, для депутатов палаты и широкой публики, полагавших, что все обстоит благополучно.

Обстоятельства, заставившие вылиться наружу недовольство широких масс, были экономического свойства, а именно неурожай 1846—1847 гг. и промышленный кризис 1847 г. То и другое в большей или меньшей степени охватило главные страны Западной Европы.

Февральская революция началась с движения средней буржуазии в пользу расширения избирательного права. Известно, что после революции 1830 г. воцарившийся Луи-Филипп несколько расширил избирательное право, но все же оставил ценз в 200 франков, отдав, таким образом, политическую власть в руки крупной буржуазии. Представители средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, ремесленников и рабочих не были допущены к участию в государственном управлении.

Еще в конце 1847 г. начались митинги и банкеты, на которых ораторы требовали избирательной реформы; правительство ответило, что оно никакой реформы не даст и будет разгонять силой всякие собрания и демонстрации. 22 февраля предполагался банкет, но вместо него была устроена уличная демонстрация громадной толпой студентов и рабочих. Из толпы раздавались возгласы: «Долой Гизо (глава правительства)! Да здравствует реформа!» Против демонстрантов были посланы войска. Тогда рабочие стали воздвигать в своих кварталах баррикады, и, вместо требования избирательной реформы, на улицах стали раздаваться возгласы: «Да здравствует республика!» Борьба продолжалась три дня. Нацио-

нальная гвардия, состоявшая из буржуазных элементов и считавшаяся до сих пор опорой трона, отказалась стрелять в народ, имея в своей среде немало сторонников избирательной реформы. Линейные войска сражались вяло, или отказывались обращать оружие против рабочих; командный состав растерялся, видя, что национальная гвардия сочувствует революционерам. Восставшие двинулись к королевскому дворцу. Король отрекся от престола в пользу своего внука. Он и его первый министр Гизо переодетые бежали из Парижа. Собравшиеся в палате депутаты хотели было провозгласить королем малолетнего принца (внука Луи-Филиппа), но ворвавшаяся толпа потребовала свержения монархии и установления республики. Сторонники монархии принуждены были уступить. Был составлен список членов временного правительства.

Между тем более левые деятели собрались в захваченной еще с утра ратуше. Узнав о принятом в палате составе временного правительства, они потребовали присоединения к числу его членов мелкобуржуазного деятеля демократа Флокона и социалистов Луи Блана и Альбера (рабочего-механика). Таким образом, временное правительство оказалось коалиционным, будучи составлено из представителей умеренной буржуазии, желавших конституционной монархии (каковы Дюпон, Ламартин и др.), демократов (Флокон, Ледрю-Роллен), требовавших установления демократической республики, и социалистов (Луи Блан, Альбер) стремящихся (более, впрочем, на словах) к коренному преобразованию существовавшего общественного строя и замены его социализмом.

Уже по вопросу о форме государственного строя в среде правительства начались недоразумения. Избранные во временное правительство представители оппозиционной буржуазии, хотя и называли себя республиканцами, но в действительности боялись республики, за которой им мерещилась власть народа и угроза собственности. Они предложили вопрос о новой форме правления оставить открытым до решения его Национальным (Учредительным) собранием, надеясь, что, быть может, этот вопрос будет решен в пользу конституционной монархии. И только под влиянием настоятельных требований левых своих сочленов, поддержанных широкими рабочими массами (депутация с Раснейлем во главе) провозглашена была республика, и то в условной форме («Временное правительство хочет республики, но утвержденной народом, мнение которого будет немедленно опрошено»).

Временное правительство не забывало, что февральская революция была совершена главным образом рабочими, ко-

торые ждали от революции не только доступа к политическим правам, но и социальных реформ, т. е. улучшения экономического положения рабочего класса. Но оно боялось слова «социализм» не менее, чем вся французская буржуазия, и потому старалось отделаться от рабочих, еще не сложивших оружие, словами или пустыми обещаниями.

Вечером 25 февраля, когда еще не успели затихнуть споры о форме правления, большая толпа рабочих подошла к ратуше. Никому неизвестный до тех пор рабочий Марш проник в комнату, где заседало временное правительство, и потребовал от имени народа немедленного признания «права на труд». Член временного правительства, защитник интересов буржуазии, Ламартин пытался пустить в ход свое красноречие, доказывая невозможность решения такого сложного вопроса без предварительного всестороннего обсуждения. Но левые члены правительства (Луи-Блан, Флокон, Ледрю-Роллен) тут же набросали проект декрета, гласивший, что «временное правительство республики обязывается обеспечить существование рабочих трудом и доставлять работу всем гражданам». 27 февраля в осуществление этого постановления появился декрет об организации «национальных мастерских».

28 февраля к ратуше двинулась новая рабочая демонстрация, имея множество знамен, на которых были надписи: «Организация труда», «Учреждение министерства прогресса». В ответ на это требование правительство учредило «Правительственную комиссию по делам рабочих», председателем коей был назначен Луи Блан, а помощником рабочий Альбер; комиссия эта получила название Люксембургской комиссии, так как заседала в Люксембургском дворце. Цель этой комиссии, по словам ее председателя Луи Блана, должна была заключаться в «добросовестном изучении всех вопросов относительно улучшения судьбы рабочих и в составлении различных проектов законов, которые после одобрения временного правительства должны быть представлены на разрешение Учредительному собранию». Учреждая эту комиссию, правительство в сущности сделало очень ловкий шаг, удалив самых левых своих членов (Луи Блана и Альбера) от участия в текущих государственных делах. Оно заранее решил быть воздержанным в выполнении решений этой комиссии. Впрочем, требования самих рабочих первоначально были очень невелики и были удовлетворены правительством (установление 10-часового рабочего дня и учреждение справочных контор при мериях для приискания работы). Но зато, к досаде правительства, заседания Люксембургской комиссии, происхо-

дившие с участием значительного числа рабочих, превращались в место пропаганды социализма, быстро проникавшего в широкие массы.

В то же время правительство, во исполнение требования рабочих, выдвинутого 25 февраля, открыло в Париже и его окрестностях на государственный счет национальные мастерские, чтобы предоставить работу всем безработным, число которых увеличивалось со дня на день. Устраивая эти мастерские, временное правительство, а в особенности его более правые члены, имели целью показать пролетариату на опыте всю непрактичность учения Луи Блана о «праве на труд», т. е. об обязанности государства доставлять работу всякому нуждающемуся в ней и дискредитировать его идею общественных мастерских и, таким образом, уронить в глазах масс луйблановский социализм; кроме того, правительство таким образом думало привлечь на свою сторону и держать в повиновении большую рабочую армию, «преторианскую армию», как выражался один из членов временного правительства, Ламартин, которую оно могло бы распорядиться по своему усмотрению. Безработные охотно пошли в национальные мастерские, где к июню их набралось более 100.000 человек; они получали по два франка (75 коп., а затем по 1½ фр. за рабочий день и по одному франку за нерабочий день. Правительство для них никаких работ не имело, да и не хотело давать им серьезной полезной работы, а заставляло их копать землю, рыть канавы и т. п.

Финансы нового правительства, унаследованные им от июльской монархии, были в плачевном состоянии и, кроме того, ухудшены событиями революции. Вместо того чтобы ввести подоходный налог, что было бы не по вкусу крупной и средней буржуазии, временное правительство увеличило на 45% существующие прямые налоги. Противники республики теперь могли разъяснить крестьянам, что временное правительство их грабит посредством новых налогов, которые ему понадобились для покрытия расходов по дорогостоящим социалистическим затеям (под которыми подразумевались «национальные мастерские»). Крестьяне, услышавшие, что увеличение налогов явилось результатом каких-то социалистических нововведений, прониклись недоверием к республике и таящемуся в ней социализму, к которому они и без того были враждебны по своей классовой природе.

Это не могло не отразиться на выборах в Учредительное собрание, в которое попало множество

монархистов и попов, прошедших в сельских округах; социалистов прошла небольшая группа. Собравшись в Париже, Учредительное собрание провозгласило республику и вместо временного правительства выбрало исполнительную комиссию из пяти лиц, в число которых не попал ни один социалист. Самое левое место в ней занимал демократ Ледрю-Роллен.

Видя реакционную политику Учредительного собрания, сторонники демократии и социализма устроили 15 мая манифестацию¹⁾, причем была даже сделана попытка свергнуть власть Учредительного собрания и организовать новое временное правительство из крайних левых, но эта попытка оказалась неудачной вследствие недостаточной подготовленности инсургентов. Руководители движения и видные революционеры, между ними Бланки, Барбес, Собрин и др. были арестованы.

Правительство Учредительного собрания увидело, что ему не миновать серьезного столкновения с рабочими, и стало к этому готовиться. Учредительное собрание с первых дней своего существования стало во враждебное отношение с парижскими рабочими, на которых посыпались обвинения в анархии, лени и всяческих преступлениях. Оно решило покончить с «нелепой затеей» временного правительства — национальными мастерскими. Это казалось заправилам Учредительного собрания лучшим способом спровоцировать рабочих, чтобы единовременным усилием положить конец угрозе «порядку и собственности». Под разными предлогами правительство Учредительного собрания стало высылать из Парижа безработных, закрывать отделения мастерских, арестовывать недовольных и агитаторов; наконец в июне был издан декрет, согласно которому из списков рабочих национальных мастерских исключались, во-первых, все холостые рабочие, которым предлагалось записаться на военную службу, и, во-вторых, все рабочие, прибывшие в Париж из

¹⁾ Намерение свергнуть временное правительство левая часть революционеров с Бланки во главе тайла с самого начала революции и собиралась это намерение осуществить во время грандиозных демонстраций 17 марта и 16 апреля. Но в первую демонстрацию правительство взял под свою защиту Луи Блан, сумевший своими речами успокоить рабочих и склонить их на сторону правительства. А демонстрация 16 апреля потерпела поражение потому, что представитель мелкой буржуазии во временном представительстве Ледрю-Роллен, исполнявший обязанности министра внутренних дел, вызвал национальную гвардию, которая разогнала демонстрантов.

Других мест; остальных предполагалось отправить на земляные работы, оплачиваемые сдельно.

Тогда-то чаша терпения рабочих переполнилась, и они подняли восстание, известное в истории под названием июньского восстания, против Учредительного собрания и его реакционного правительства. 23 июня в разных местах Парижа в рабочих кварталах одна за другой стали строиться баррикады. Правительство приняло выжидательное положение, так как по плану, заранее выработанному военным министром генералом Кавеньяком, следовало избегать мелких баррикадных стычек и действовать против восставших большими отрядами. На стороне правительства, кроме регулярных войск и национальной гвардии, было множество добровольцев из состоятельных частей буржуазии. Таким образом, июньский бой в полном смысле слова можно было назвать боем между буржуазией и пролетариатом. Бой продолжался больше трех дней. У рабочих не было никакого определенного плана действия и никакого общего предводителя. То и другое явилось результатом отсутствия у рабочих собственной политической организации. Ожесточение, с которым сражались рабочие, поколебало уверенность правительства в победе, в результате чего 25 июня появилась прокламация Кавеньяка и председателя Учредительного собрания, убеждавшая восставших сложить оружие и обещавшая им прощение. Эта прокламация побудила рабочих вступить в переговоры с правительством, но последнее отказалось от каких бы то ни было уступок. Рабочие решили продолжать борьбу и были побеждены.

Правительство жестоко расправлялось с восставшими (июньская резня). До 2 — 3 тысяч человек было расстреляно, от 12 до 14 тысяч участников восстания было сослано без суда во французские колонии; вожди и более видные деятели были подвергнуты смертной казни. Луи Блан принужден был бежать за границу; социалистическая партия была почти уничтожена во Франции. Завоевания революции в области рабочего законодательства и политических свобод были в значительной степени потеряны. Так, декрет 2 марта 1848 г. ограничил рабочий день 10 часами, а по закону 9 сентября 1848 г. рабочий день вновь был удлинен до 12 часов. По закону 22 июня 1848 г. администрация получила право закрывать всякие собрания и общества, угрожающие общественной безопасности, чем не замедлила воспользоваться в широких размерах.

После расправы с рабочими Учредительное собрание приступило к выработке конституции, а затем к выбору президента на основе всеобщего избирательного права. Кандидатами были выставлены: от буржуазии — «июньский мясник» Кавеньяк, от мелкобуржуазной демократии — Ледрю-Роллен; среди прочих кандидатов был до этого времени мало известный Луи Наполеон, племянник знаменитого Наполеона I. Тем не менее этот малоизвестный кандидат был избран подавляющим большинством голосов. За него голосовали самые различные общественные слои. Крестьяне голосовали за него потому, что им было известно имя его дяди, Наполеона I, который некогда прославил Францию своими военными подвигами и после революции содействовал упрочению порядка и собственности. Они поэтому считали его способным положить конец ненавистной им «Республике богатых». Часть пролетариата голосовала за него потому, что он был противником ненавистного им Кавеньяка; монархисты голосовали за него, надеясь при его помощи восстановить монархию.

**Государственный
переворот Луи
Бонапарта. Эко-
номическое раз-
витие Франции в
период Второй
империи**

Будучи избран в президенты, Луи Бонапарт задумал произвести государственный переворот, чтобы стать императором (наподобие своего дяди Наполеона I) и начал постепенно к этому готовиться.

В ночь на 2 декабря 1851 г. были арестованы главные вожди партий законодательного собрания, а зал заседаний был занят войсками. Париж и его окрестности были объявлены на осадном положении. В особой прокламации президент объявил о роспуске палаты и о назначении новых выборов. Несмотря на ненависть рабочих к правившей в законодательном собрании буржуазно-поповской клике, устроившей июньскую резню, рабочие в некоторых местах Парижа стали воздвигать баррикады; но устроители переворота были хорошо подготовлены, а число рабочих, поднявшихся в защиту «попранной конституции» было невелико, а потому движение было легко подавлено. Против обыкновения, началось движение в провинции, подготовлявшееся в продолжение трех лет республиканцами; кадры восставших составляли мелкая буржуазия, члены тайных обществ, а в некоторых местах крестьяне. Президент и его правительство поспешили изобразить восстание как новую жакерию (крестьянское восстание), поддержанную коммунистическим заговором, чем привели в трепет собственников всех категорий. Более половины Франции было объявлено на осадном положении. Было арестовано свыше 26 тыс.

чел., из коих около 10 тыс. было сослано в Алжир и Кайенну, около 3 тыс. чел. заключено в тюрьмы; 80 бывших депутатов изгнаны из пределов Франции; множество других деятелей, боясь преследований, поспешили скрыться за границу. Была состряпана новая конституция, согласно которой вся власть в теории была сосредоточена в народе, а в действительности находилась целиком в руках президента. Год спустя назначенный сенат провозгласил Луи-Бонапарта императором под именем Наполеона III.

Вскоре после подавления революции 1848 г. во Франции, как и во всей Западной Европе, начинается подъем в области промышленности. Буржуазия, оправившись от пережитых страхов, с усиленным рвением бросается в грядущее и спекуляции. Наполеон III, идя по следам своего дяди Наполеона I, прилагал все усилия к поддержке промышленности, чтобы упрочить наступившее успокоение и отвлечь внимание буржуазии и широких народных масс от социально-политических вопросов.

О степени развития промышленности и других сторон экономической жизни в период Второй империи (первой империей была названа империя, установленная Наполеоном I), можно судить по следующим цифрам.

Число паровых двигателей, равнявшееся в 1847 г. 4.850, поднялось в 1862 г. до 15 тыс., а в 1870 г.—до 20 тыс. В 1869 г. каменного угля было добыто 13 млн. тонн (против 5.153 тыс. тонн в 1847 г.), произведено было железа (со сталью) 1.010 тыс. тонн (против 600 тыс. тонн в 1847 г.), чугуна—1.178 тыс. тонн (против 450 тыс. тонн в 1850 г.). Одновременно с этим происходит концентрация промышленности, в главных отраслях, в частности, в области металлургии; питаемые каменным углем доменные печи, в некоторых предприятиях, вместо выплавки чугуна на одну печь в 3.000—5.000 кг, теперь дают 50.000 кг в день.

Не менее значителен был прогресс в текстильной промышленности. В 1847 г. годовое потребление хлопка равнялось приблизительно 65 млн. кг, а в 1869 г. оно составляло около 120 млн. кг. Число станков в лионской промышленности с 1847 до 1865 г. удвоилось. Очень важной отраслью промышленности, получившей широкое развитие, было железнодорожное дело. Особенный размах (гораздо более широкий, чем в период июльской монархии) получает банковское дело, а вместе с ним спекуляции и биржевой ажиотаж. Париж становится центральным рынком для размещения иностранных займов (государственных и железнодорожных).

После переворота Наполеон III, относясь подозрительно к рабочим союзам, в которых ему еще чудился дух социализма, начал их преследовать. Много союзов было закрыто. Овобода союзов и собраний законом 25 марта 1852 г. была уничтожена.

В то же время июньское кровопускание, а затем репрессии и преследования в период и после государственного переворота, произведенного Наполеоном, лишили рабочих и республиканцев вождей и руководителей, и рабочее движение во Франции замерло.

Но, подавляя репрессиями рабочее движение, Наполеон в то же время стремился перетянуть рабочих на свою сторону различными милостями; через своих агентов он старается внушить рабочим, что улучшения своего положения они могут достигнуть в единении с императорской властью. Этот хитро задуманный план начинает осуществляться целым рядом мероприятий якобы в пользу рабочих. Ввиду тяжелых квартирных условий рабочего класса и для разрежения рабочих кварталов, этих очагов революции и сопротивления правительству, было ассигновано 10 млн. франков на улучшение рабочих жилищ, и даже задумано было устройство отдельных рабочих городков. При императорском кабинете разрабатывается план общественных работ как средство против безработицы и как способ привлечь рабочий класс на сторону империи. Этот план впоследствии привел к переустройству Парижа под руководством префекта Гаусмана; действительная цель этого переустройства заключалась в том, чтобы с одной стороны, придать блеск этому городу, привлекавшему путешественников, богатых жуиров и авантюристов всего мира, а с другой стороны — выровнять и расширить улицы, прилегавшие к рабочим кварталам, и таким образом сделать невозможным баррикадный бой, который столько раз решал политические судьбы Франции. Одновременно с запрещением рабочих союзов был издан декрет об «одобренных» обществах, которые могли учреждаться мером (городской голова, старшина) и священником, с согласия префекта после предварительного одобрения муниципального совета. На субсидирование этих официальных обществ тоже была отпущена значительная сумма. Рабочим были сделаны некоторые уступки. Так, в советы присяжных экспертов (третейские суды), учрежденные еще в эпоху Наполеона I, были допущены представители рабочих, но с такими предосторожностями, что эти представители едва ли могли считаться выразителями воли

и желаний рабочего класса; к тому же председатели и служащие этих учреждений назначались администрацией, взгляды которой они проводили; но, сделав эту мнимую уступку, правительство увеличило надзор за рабочими, усилив обязательность рабочих книжек; был также усилен политический надзор за рабочими; каждый пролетарий, заподозренный в принадлежности к тайному обществу, находился под угрозой обысков, ареста; ему с трудом удавалось найти работу.

Как и при Луи-Филиппе, лозунгом империи было: «Обогащайтесь!» Во внутренней жизни страны, одновременно с подавлением всех видов оппозиции, главное внимание, как уже было указано, обращено было на развитие промышленности и в то же время внешнего блеска столицы и больших городов, чтобы доказать, что «империя — это общее благополучие».

По данным официальной анкеты, предпринятой в 1860 г., одна только парижская промышленность насчитывала 101.170 хозяев с 416.811 рабочими и с суммой ежегодных оборотов в 3.369 млн. франков; если присоединить к этим данным всех железнодорожных и городских рабочих, то окажется, что промышленное население Парижа составляло $\frac{2}{3}$ всего населения этого города. Согласно указанной анкете, заведений с числом рабочих больше 10 было 7.492, с числом рабочих от 2 до 10 — 31.480; 62.199 мастерских имели по одному рабочему или работали без помощи таковых. Продолжительность рабочего дня, по данным этой анкеты, в 7 тыс. заведений была ниже 12 часов, а в 37 тыс. заведений — выше 12 часов. Таким образом, мы видим, что и в 60-х годах (и даже позже) в Париже преобладало мелкобуржуазное производство. Этим мелкобуржуазным характером производства объясняется, почему среди парижского пролетариата столь большим успехом пользовалось описанное выше учение Прудона.

В то время как благосостояние буржуазии непрерывно возрастало, материальное положение рабочих ухудшалось. Даже по данным официальной статистики можно было установить, что номинальная заработная плата значительно отставала от ее реального значения; вздорожание жизненных средств значительно опережало повышение заработной платы. По данным, представленным типографскими рабочими для доклада на Лондонской выставке 1862 г., за период 1850—1862 гг. цены на квартиры и предметы потребления увеличились на 50%, между тем как заработная плата типографских рабочих увеличилась всего на 9—10%; перчаточ-

ники заявляли, что их заработная плата, равнявшаяся 4 франкам в день в 1840 г., упала до $3\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{4}$ франка в день в 1862 г. Аналогичные цифры указываются и другими профессиями. Даже консервативные писатели, начавшие свои исследования положения рабочих с целью доказать благодеяния, принесенные им империей, принуждены были прийти к самым грустным выводам. Умеренный писатель Вильоме в своем экономическом трактате, изданном в 1858 г., констатирует, что во Франции считается до 3 млн. нищих и до 6 млн. лиц, часто нуждающихся в самом необходимом.

Несмотря на все ухищрения и заигрывания правительства, рабочее движение возрождается; ухудшение материального положения рабочих толкает их на более активную борьбу с эксплуататорами и угнетателями и заставляет их прибегнуть к старым, хотя и запрещенным, методам защиты своих интересов. Рабочие организуют тайные общества сопротивления и устраивают стачки. О силе профессионального и стачечного движения можно судить по преследованиям правительства. Так, с 1853 по 1862 г. было привлечено к ответственности 3.909 рабочих, участвовавших в 749 союзах. Точно так же о количестве стачек можно судить по процессам, возбужденным против их вожakov, если принять во внимание, что в большинстве случаев власти старались уладить дело без возбуждения процесса. В 1853 г. было 109 процессов, в 1855 г. — 168, в начале 60-х годов число процессов уменьшилось, составляя от 30 до 70 в год; в общем за период 1852—1864 гг. было возбуждено около 900 преследований против зачинщиков стачек.

В рассматриваемый период среди рабочих, обессиленных преследованиями и лишенных вождей, наблюдается сильное стремление к самообразованию; свои досуги передовые слои рабочего класса, в особенности парижские рабочие, посвящают изучению старых социалистических писателей, в особенности Сен-Симона и Фурье; в то же время продолжается пропаганда Прудона, который в период империи выпустил несколько новых сочинений. Влияние Прудона на рабочее движение эпохи империи, как мы увидим дальше, было громадно. Увлечение ассоциациями, в особенности производительными товариществами, было значительно в этот период, когда часть рабочих, как всегда бывает после поражения революции, с разочарованием относилась к политической борьбе. Это увлечение производительными товариществами поддерживалось проповедью Прудона и его последователей.

В 1859 г. Наполеон, стремившийся к примирению с либералами, обнародовал политическую амнистию, вернувшую из ссылки многих деятелей 1848 г. В числе вернувшихся был Бланки, который, со вступлением на французскую почву, возобновил свою агитацию против режима империи и за водворение коммунизма.

Благодаря этой агитации, число тайных бланкистских кружков, преимущественно среди студентов и рабочих, стало быстро увеличиваться. Но вскоре Бланки был арестован. Однако и в тюрьме он продолжал свою пропаганду среди заключенных рабочих, борясь с их прудонистскими предрассудками, и многих из них привлек на свою сторону. По выходе из тюрьмы Бланки эмигрировал в Брюссель (Бельгия), откуда продолжал свою агитацию с удвоенной силой.

Борьба между прудонистами и бланкистами разделяла рабочих на два лагеря. Прудонисты не понимали значения политической борьбы для рабочих; в их глазах агитация бланкистов казалась стремлением буржуазной интеллигенции к овладению властью путем усилий пролетариата. Бланкисты в свою очередь пренебрежительно относились ко всем видам экономической борьбы и называли главарей прудонизма чуть ли не агентами наполеоновской полиции.

В 1862 г. в Лондоне была устроена всемирная выставка; Наполеон, искавший популярности у рабочих для борьбы с республиканской партией, предложил рабочим избрать делегатов для посылки на выставку с целью ознакомления с английской промышленной техникой, с отнесением расходов по этой поездке на государственный счет. Рабочие избрали 200 делегатов, которые несколькими партиями были отправлены в Лондон. Здесь у них были встречи с представителями английских рабочих, которые познакомили их с английским рабочим движением того времени, сосредоточившимся в тред-юнионах.

Вернувшись на родину, делегаты сделали доклады в рабочих союзах о своей поездке. Во многих докладах красной нитью проходит та мысль, что высокая заработная плата английских рабочих есть результат борьбы рабочих с хозяевами посредством профессиональных союзов, а потому французские рабочие должны и у себя добиваться свободы союзов и собраний. Впрочем, были делегаты (и их было немало), которые считали главным средством освобождения рабочего класса производительные това-

рищества и возлагали свои надежды на помощь государства.

Третьи, наконец, считали необходимым самостоятельную политическую борьбу рабочего класса. Во время выборов в палату, в 1863 г., рабочие подавали голос за буржуазных республиканцев; но были и такие вожди рабочих, которые стояли за выставление собственных рабочих кандидатур. Во время дополнительных выборов группа рабочих разных профессий в числе шестидесяти выпустила в этом духе воззвание (м а н и ф е с т ш е с т и д е с я т и). В ответ на это в другой газете был напечатан «манифест восьмидесяти», высказывавшийся против самостоятельных рабочих кандидатур. Оба эти манифеста были предметом горячих обсуждений в рабочих кружках; в конце концов противники рабочих кандидатур и сторонники голосования за левых депутатов из буржуазии взяли верх, что указывало на еще недостаточную классовую сознательность большинства французских рабочих того времени. Под влиянием этих споров Прудон выпустил свое предсмертное сочинение «О политической правоспособности рабочих классов», в котором он призывал французский пролетариат сознать себя как класс и в своей борьбе за освобождение действовать самостоятельно, не прибегая к союзам с другими классами и к помощи правительства.

Усиление рабочего движения выразилось в усилении агитации в пользу образования синдикатов (профессиональных союзов) и борьбы за полную свободу союзов. В виду все усиливавшейся оппозиции среди буржуазии, правительство особенно было заинтересовано в том, чтобы не оттолкнуть от себя рабочих; считаясь поэтому с указанной агитацией, правительство издает закон 25 мая 1864 г., о б л е г ч а ю щ и й образование синдикатов и признающий принципиально право стачек, но грозящий тюрьмой и штрафом тем, кто при помощи насилия, обмана или угроз «пытается остановить свободное течение труда с целью поднять или понизить заработную плату».

Всемирная парижская выставка 1867 г. дала повод правительству Наполеона III созвать представителей рабочих для обсуждения своего положения; Луи-Наполеон еще не терял надежды подчинить рабочее движение своему влиянию. 114 парижских профессий избрали 315 делегатов, которые образовали «Комиссию труда». Эта комиссия, хотя и находившаяся под правительственным влиянием, признала необходи-

мым среди прочих реформ установление полной свободы союзов и собраний, о чем представила доклад министру. У Луи-Наполеона, положение которого в Европе и внутри страны с середины 60-х годов сильно пошатнулось, нехватило смелости пойти против требований рабочих, и он сделал уступку, объявив 30 марта 1868 г., что «администрация не будет преследовать организацию синдикальных палат (профессиональных союзов), откуда они не будут покушаться на свободу торговли или задаваться политическими целями»; синдикальные палаты должны представлять администрации свои уставы с фамилиями и адресами своих членов. В июне того же 1868 г. был издан закон о собраниях, по которому публичные собрания могли открываться без предварительного разрешения администрации, по просьбе, подписанной семью лицами, и с запрещением обсуждения вопросов политического и религиозного характера.

Благодаря новому закону начинается быстрое развитие профессиональных союзов. Движение до того разрастается, что в марте 1869 г. возникает идея об образовании общей федеральной палаты, объединяющей всех организованных парижских рабочих. Это тогда же и было осуществлено.

История I Интернационала с более или менее полным обзором его деятельности и значения дана нами в отделе «Германия», после изложения теории Карла Маркса, так как для понимания различных направлений в Интернационале необходимо предварительно ознакомиться с этой теорией. Но честь основания I Интернационала в значительной степени принадлежит французским рабочим; поэтому необходимо здесь сказать несколько слов о французской секции Интернационала и о ее деятелях.

Прочные связи с английским рабочим классом у французских рабочих возникли в 1862 г., во время посещения французскими делегатами Лондонской выставки. Как мы увидим дальше, среди инициаторов международного рабочего объединения на митинге в Сен-Мартенском холле был французский рабочий Толен, по специальности бронзовщик. Все свободное время Толен посвящал самообразованию и политической деятельности. Он изучал экономистов и социалистов, начиная с Адама Смита и Сен-Симона, был также знаком с воззрениями Карла Маркса, но примкнул всецело к идеям Прудона. Когда в 1862 г. на страницах газет был поднят во-

прос о посылке делегатов от французских рабочих на Лондонскую выставку, Толен выступил с горячей статьей о самостоятельности рабочего класса. Вместе со своими единомышленниками, Фрибуром и Лимузенем, Толен при организации Интернационала был назначен корреспондентом для Франции.

Так как указанные деятели как прудонисты с первых шагов заявили себя в Интернационале сторонниками только экономической борьбы (впрочем, Толен был сторонником самостоятельных рабочих кандидатур и одним из инициаторов манифеста шестидесяти)¹⁾, то правительство вначале смотрело сквозь пальцы на развитие французской ветви Интернационала; более того, оно надеялось использовать это движение для борьбы со своими более страшными врагами — республиканцами и бланкистами. По возвращении из Лондона, Толен и его товарищи приступили к организации отделений Интернационала во Франции совершенно открыто. Радикалы и примыкавшие к ним рабочие сначала отнеслись с подозрением к этой открытой пропаганде, чуть ли не поощряемой правительством и исходявшей от Толена и его единомышленников, получивших название «гравильеров» (потому что первое бюро было ими открыто на улице Гравилье). В особенности на «гравильеров» нападали бланкисты-революционеры, которые не без основания считали их миролюбивую и угодную правительству политику очень вредной для рабочего класса. Чтобы снять с себя подозрение, Толен созвал собрание из всех известных в то время радикалов и деятелей рабочего движения, в результате чего была образована комиссия из 17 членов-сотрудников, в состав которой вошли известные впоследствии деятели, как, например, Варлен, Малон, Шемале. Новый комитет развил интенсивную агитацию, приведшую к открытию 14 провинциальных бюро Интернационала. Деятельность Толена, как мы видим, не могла быть полезной для развития во французском рабочем движении духа классовой борьбы. Это отрицательное влияние встретило отпор в пропаганде бланкистов и в критике, которой прудонизм подвергался на конгрессах Интернационала. О роли французских делегатов на этих конгрессах и о направлении, которое они на них поддерживали и защищали, рассказано в параграфе «I Интернационал» (в отд. «Германия»).

Вера в миролюбие Интернационала была так велика у французского правительства, что в 1866 г. на процессе блан-

¹⁾ См. предыдущий параграф.

кистов прокурор противопоставлял миролюбивые стремления членов Интернационала насильственным и революционным целям подсудимых бланкистов.

После Лозаннского конгресса отношение французского правительства к Интернационалу изменилось, во-первых, потому, что конгресс стал на путь признания политической борьбы, во-вторых, потому, что делегаты конгресса, в числе которых были и французы, вступили в переговоры с заседавшей в Женеве «Лигой мира и свободы», основное ядро которой составляли республиканцы и, следовательно, враги наполеоновской империи. Одним из представителей Лиги от имени последней было предложено следующее соглашение, которое было принято: рабочие помогут буржуазии снова завоевать политическую свободу, взамен чего буржуазия окажет содействие экономическому освобождению пролетариата. Через несколько недель парижская группа Интернационала приняла участие в манифестации на могиле венецианского революционера Манина, а затем в манифестации протеста против занятия Рима французскими войсками, присланными Наполеоном III папе против итальянских патриотов.

Правительство, видя, что интернационалисты пошли по следам бланкистов, решило их припугнуть. Толан, Шемале, Перралшон и другие были привлечены к ответственности. К ним, впрочем, отнеслись легко и приговорили к штрафу в 100 франков каждого. Во время следствия по делу Толана и других был организован новый комитет, во главе которого стали Варлен и другие деятели левого направления. Так как в это время происходила стачка строительных рабочих в Женеве, то комитет открыл подписку в пользу стачечников, которая дала около 10 тыс. франков. Правительство привлекло к ответственности Варлена и других, которые были присуждены к тюремному заключению. Преследования правительства имели свою хорошую сторону. На конгрессе в Брюсселе докладчик Генерального совета, рассказывая о гонениях, которым стала подвергаться французская федерация Интернационала, признал их полезными в том отношении, что они «раз навсегда положили конец развращающему кокетничанию империи с рабочим классом».

Более левое направление, начавшееся во французской части Интернационала, привело к приобретению ею значительного числа сторонников в рабочих массах, среди которых во второй половине 60-х годов оживает стремление к борьбе с империей.

В конце 1867 г. французский отдел Интернационала был закрыт правительством, и Интернационал во Франции перешел на нелегальное положение. Привлеченные к суду члены его (Варлен, Малон, Лимузен) в блестящих речах развивают программу и цели Интернационала, чем привлекают новых сторонников среди широких слоев рабочего класса ¹⁾).

Под влиянием Интернационала и его приверженцев во Франции в последние годы империи образуется множество рабочих союзов, и развивается значительное стачечное движение.

Из стачек наиболее значительны следующие: стачка бронзовщиков, объединенных с 1864 г. в общество взаимопомощи; стачка была направлена в защиту права быть членами союза и на увеличение заработной платы. Благодаря денежной и моральной помощи Интернационала удалось заставить хозяев уступить. Точно так же была выиграна при содействии Интернационала стачка полировщиков мрамора в 1868 г. в Париже. В 1867 г. забастовало 25 тыс. рабочих ткацко-прядельной промышленности в Рубе. Стачка, вследствие упорства хозяев, перешла в возмущение. Несколько фабрик было разрушено и сожжено, машины испорчены и поломаны. Стачка была подавлена вооруженной силой. В 1869 г. началась забастовка в каменноугольных копях рек Лауры и Обен. Вмешательство полиции и войск повело к кровавым столкновениям, с множеством убитых и раненых со стороны рабочих. Стачка в Крезе (в начале 1870 г.) повела к массе арестов и строгих судебных приговоров.

Видя рост оппозиционного и революционного настроения среди части буржуазии и рабочих, Наполеон решил поправить дело военной авантюрой, начав войну с Германией; он надеялся, что победа вернет ему популярность и укрепит его трон.

Замыслы Наполеона встретили сочувствие в значительной части крупной буржуазии, так как для своего дальнейшего промышленного развития Франция нуждалась в каменном угле, находившемся в германских рейнских провинциях, прилежавших к Франции. Кроме того, начавшееся объединение Германии было не по душе французской буржуазии, ко-

¹⁾ Об отношении французских членов Интернационала к Коммуне и об их образе действий внутри ее, см. следующий параграф «Восстание Коммуны».

торую путал призрак выставившего на их глазах мощного соперника.

Война была объявлена 19 июня, но вместо ожидавшихся побед последовал ряд неслыханных поражений; через каких-нибудь шесть недель после начала войны главная часть французской армии с императором во главе принуждена была сдаться в плен при Седане.

Когда весть об этом 4 сентября достигла Парижа, народ востал, объявил империю свергнутой и провозгласил республику. Было образовано временное правительство — «правительство национальной обороны», в состав которого вошли главным образом парижские депутаты, из коих большинство были умеренные республиканцы, враждебно настроенные к социалистам; последние не имели в нем своих представителей. Для защиты Парижа и революции по обычаю была организована национальная гвардия, численность коей с течением времени достигла 300 тыс. человек; так как она была организована из всех здоровых граждан, способных носить оружие, то в ней большинство принадлежало трудовым элементам — ремесленникам и пролетариату. Таким образом создана была сила, которая могла противостоять реакционным попыткам «правительства национальной обороны».

Между тем, немцы подошли к Парижу и окружили его со всех сторон. Парижский пролетариат решил защищать столицу; временное правительство находило защиту Парижа невозможной. К тому же оно боялось революционного населения Парижа более, чем пруссаков, помня о июньском восстании 1848 г. и опасаясь, не без оснований, повторения того же самого в более грандиозном масштабе, а потому спешило покончить с войной и водворить «порядок»; но, считаясь с настроением парижского населения, правительство, скрепя сердце, решилось, как оно заявило в своей прокламации, на героическую защиту города, или, — как выразился военный губернатор Парижа (он же военный министр) генерал Тропю, — на «героическую глупость». В действительности же временное правительство было далеко от искреннего намерения осуществить надлежащим образом свое обещание, ибо для тех, которые способны были заглядывать вперед, было ясно, что «победа Парижа над прусским завоевателем была бы победой французского рабочего, над французским капиталом и его государством» (Маркс).

Еще в день низвержения империи и сконструирования временного правительства к последнему явилась депутация

от парижской секции Интернационала и от федерации синдикатов (центральное бюро профсоюзов) и от имени рабочего населения Парижа заявила ряд требований, удовлетворение коих она ставила необходимым условием доверия рабочих к правительству; главными из этих требований были: передача управления Парижем в руки самого населения, организующего из своей среды национальную гвардию, полная свобода печати, амнистия за политические преступления и отмена бюджета культов. Правительство ответило на это заявление уклончиво. Тогда вожди рабочих решили основать собственную организацию, которая, с одной стороны, могла бы наблюдать за действиями правительства, а с другой — всегда находилась бы в контакте с населением и могла бы проводить среди него свои взгляды. В двадцати округах, на которые разделялся Париж, было выбрано по 4 представителя, а всего 80 человек, образовавшие Центральный комитет 20 округов ¹⁾, который через наблюдательные комитеты отдельных округов вступал в связь с клубами и организациями кварталов и улиц. Так как Центральный комитет имел местопребывание на улице Кордери, где помещалась парижская секция Интернационала и Федерация синдикатов, то все три организации, всегда действовавшие единодушно, прозваны были сокращенно Кордери.

Когда немцы стали окружать кольцом Париж, Центральный комитет обратился к правительству с предложением принять ряд мер касательно урегулирования продовольственного вопроса. Предложение Комитета заключалось в требовании немедленно взять на учет и экспроприировать все съестные припасы и предметы первой необходимости, с тем чтобы экспроприированные собственники получили соответствующее вознаграждение по окончании войны. Взятые на учет продукты Центральный комитет предлагал распределять по карточной системе. Правительство только потом, и то отчасти, выполнило это требование (издав в конце сентября распоряжение о реквизиции имеющихся в пределах города запасов зерна и муки), вследствие чего много припасов было припрятано. Результатом этого была голодовка беднейшей части населения во время осады Парижа. Для широких слоев населения конина превратилась в лакомство; поедали кошек и собак; вместо хлеба женщины, после долгого стояния в очередях на холоде и

¹⁾ Этот Центральный комитет 20 округов не нужно смешивать с Центральным комитетом национальной гвардии, возникшим впоследствии незадолго до окончательного разрыва парижского революционного населения с правительством Национального собрания.

Дожде, получали отвратительные черные лепешки. В это время богатая и даже средняя буржуазия жила в достатке, не чувствуя особенных перемен к худшему в своем столе; открыто и весело шла ресторанная жизнь. Такие явления, наблюдаемые ежедневно пролетариатом, не могли не вызвать возмущения в его среде. Кроме того, передовые слои населения и стоявшие во главе их организации улицы Кордери со дня на день убеждались, что правительство неумело и неохотно выполняет свои обязанности по обороне Парижа. Вообще вся стратегия генерала Трошю, взявшего на себя осуществление «геройской глупости», как он выразился, т. е. обороны Парижа, показывала, что правительство это делало насильно, по принуждению, между тем, все вылазки и прочие военные операции стоили не мало жертв населению.

31 октября разнеслась весть о том, что генерал Базен, запертый в Метце, сдался с 160-тысячной армией немцам. До сих пор правительство подбадривало население надеждой на то, что Базен прорвется и явится на помощь осажденному Парижу ¹⁾. В то же время население узнало о захвате немцами еще одного важного стратегического пункта и о том, что временное правительство намеревается заключить перемирие, на чем настаивает один из его членов Тьер, вернувшийся с объезда им европейских дворов и имевший свидание с главой германского правительства Бисмарком.

Пораженная всеми этими известиями толпа ворвалась в ратушу (городскую думу), где заседало временное правительство, с возгласами: «Долой Трошю! Долой перемирие!» Слышались такие возгласы: «Да здравствует коммуна!». Правительство было арестовано. Ворвавшиеся стали составлять описки членов нового правительства. Но между различными течениями не было согласия, так как само нападение было неорганизовано. Благодаря этому, сторонникам старого правительства удалось, успокоив толпу обещаниями, которые, конечно, не были сдержаны, освободить правительство и удалить революционеров из ратуши. На следующий день главные участники демонстрации были арестованы. Правительство в воззвании уверяло, что это нападение — гнусная затея бонапартистов, намекая на участвовавших в нападении членов Интернационала, которых бланкисты и радикалы когда-то

¹⁾ Базен, преданный Наполеону генерал, будучи заперт немцами в Метце, вел переговоры с немецким главным командованием о том, чтобы его освободили для вдовления на французский престол свергнутой династии Наполеона.

клеямили бонапартистами за первоначально снисходительное отношение правительства Наполеона к членам французской секции Интернационала. Многие поверили объяснению правительства.

Второе подобное нападение произошло около трех месяцев спустя, а именно 22 января 1871 г., после затеянной генералом Трошю обширной операции против осаждавших немцев, которая, как всегда, кончилась неудачей, вследствие данного Трошю в самый разгар военных действий приказа отступить. Народ в этом увидел явную измену. Демократический «Республиканский союз» опубликовал воззвание к парижанам с предложением избрать 200 граждан, которые взяли бы на себя управление Парижем и его оборону. Временное правительство, видя серьезный характер движения, поспешило расстроить замыслы «Республиканского союза», издав приказ об отставке ген. Трошю и назначении на его место ген. Винуа. Это успокоило более доверчивую часть населения. Только небольшая толпа двинулась к ратуше и была встречена залпами солдат, потеряв до 30 человек убитыми и ранеными.

28 января часть парижских фортов была сдана, и с немцами заключено было перемирие для организации выборов в Национальное собрание, которое должно было подписать условия мира. Выборы состоялись 8 февраля. В Париже выборы были благоприятны для революционеров, хотя ни одна партия не выдвинула определенной и ясной программы. Парижское население голосовало за людей, известных своим революционным прошлым или своей активной деятельностью в среде рабочего класса; прошли члены Интернационала Малон и Толен, будущие деятели коммуны: Мильер, Делеклюз, Феликс Пиа, люди с громкими именами, как Луи Блан, Виктор Гюго, Гарibaldi. Но выборы в провинции дали ошеломляющие по своей неожиданности результаты. В восточных департаментах, занятых немцами, и в некоторых местах на юго-востоке прошли умеренные республиканцы, но в остальной Франции прошли монархисты при поддержке духовенства и крестьян; последние, жаждая скорейшего окончания войны, голосовали против республиканцев, которых они считали сторонниками продолжения войны, «войны до крайности»¹⁾, и против социалистов, затевавших, как их уверяли поты и помещики, всеобщий раздел имуществ. Таким образом, в На-

¹⁾ Выражение одного из членов временного правительства Гамбетты, расходившегося с другими членами правительства в том, что действительно стремился организовать борьбу с немцами.

циональном собрании в значительном большинстве оказались монархисты (около 450 человек), из которых одни были сторонниками Бурбонов (т. е. династии, свергнутой еще в 1830 г.), другие — сторонниками орлеанов (т. е. династии Луи-Филиппа, свергнутого в 1848 г.), третьи — бонапартистами, но все одинаково были враждебны республике, а тем более социализму. Революционный Париж презрительно назвал это собрание «собранием деревенщины» и насторожился, ожидая самых подлых провокационных выходов с его стороны.

Национальное собрание приняло мирные условия, тяжелые для интересов и позорные для самолюбия французов. По этому миру французы принуждены были уступить немцам целую область — Эльзас-Лотарингию — и обязались выплатить контрибуцию в 5 млрд. франков (около 2 млрд. золотых руб.). Кроме того, немцы получали право занять своими войсками западные парижские укрепления и некоторые департаменты (губернии) впредь до выполнения французами условий мирного договора. Национальное собрание уклонилось от установления определенной формы правления, так как большинство депутатов ненавидело само слово «республика» и лелеяло мысль о восстановлении монархии. Оно выбрало главой правительства Тьера, двуличного и жестокого государственного деятеля, который в собрании умел угождать и правым и левым и казался наиболее подходящим в данный критический момент для роли главы правительства. Собрание, вначале заседавшее в провинциальном городе Бордо, на значительном расстоянии от Парижа, не желая быть в близком сопрокосновении с парижской демократией, избрало своим местопребыванием Версаль, что вызвало крайнее недовольство парижского населения.

Национальное собрание с самого начала повело себя очень вызывающе по отношению к парижскому населению. Во время осады Парижа была приостановлена уплата денег за наем квартир и всяких помещений, а также по торговым векселям. На просьбу о продлении этой отсрочки ввиду того, что дела еще не оживились, правительство Национального собрания ответило отказом, и в четыре дня было заявлено 150 тыс. вексельных протестов. Это возманило против правительства мелкую буржуазию. Далее, большинство парижских рабочих, не находя работы, жило исключительно на те 1½ франка, которые оно получало в качестве национальных гвардейцев; собрание отменило это жалованье, оставив его только для бедняков, которые должны были доставлять о своей бедности особое удостоверение. Это постановление силь-

но задело рабочую часть Парижа. Еще ранее этого, передавая немцам, согласно мирному договору, парижские укрепления, правительство не сочло нужным оговорить, что среди имеющихся орудий 400 принадлежат национальной гвардии, которая, согласно договору, имела право оставить себе свое оружие. Пушки наверно были бы забраны немцами, если бы национальная гвардия, во-время извещенная, не успела их заблаговременно вывезти в безопасное место. Парижский пролетариат не без основания увидел в этом неудавшийся подвох со стороны правительства.

Парижское трудовое население в лице национальной гвардии, не доверявшее Национальному собранию еще с момента его возникновения, решило создать организацию, которая впредь гарантировала бы его от предательства и антинародной политики этого собрания и его правительства; в феврале 200 батальонов национальной гвардии сорганизовались в республиканскую федерацию, ставившую себе целью защиту республики против посягательств Национального собрания. Во главе этой организации стал Центральный комитет; только немногие, в большинстве буржуазные батальоны, не присоединились к этой организации.

Буржуазия видела, что рабочее население Парижа что-то затевает, и осаждала Тьера просьбами принять экстренные меры к подавлению готовящегося мятежа. Намерение арестовать Центральный комитет Тьер должен был оставить, так как знал, что за спиной Комитета стоит почти весь трудовой Париж с национальной гвардией. Тогда он решил сначала обезоружить национальную гвардию, захватив у нее пушки. Это решено было сделать в ночь с 17 на 18 марта. Правительство послало значительную часть имевшегося в его распоряжении войска для приведения этого плана в исполнение. Национальная гвардия чуть не была захвачена врасплох. Но в дело вмешались женщины, еще с рассвета стоявшие в очередях. Поднятая ими тревога привлекла внимание национальных гвардейцев, которые со всех сторон бросились на защиту своего достоинства. Солдаты в большинстве случаев уступали, и пушки легко удалось отбить. При этом толпой было захвачено два генерала — один из них командовавший солдатами, нелюбимый ими за свою жестокость, Леконт, а другой — бывший начальник национальной гвардии (по назначению), переодетый в штатское платье, Клеман Тома, известный как один из участников расстрела рабочих в июньские дни 1848 г. Сами солдаты при содействии толпы аресто-

вали названных генералов, несмотря на сопротивление бывшей при этом части национальной гвардии; в тот же день арестованные были расстреляны, как полагают, самими солдатами, без ведома Центрального комитета, который никогда не дал бы согласия на это бесцельное убийство. Национальное собрание и затем все последующие правительства и буржуазные писатели не могли простить расстрел генералов Коммуне, которая в тот момент еще не существовала, и долго и жестоко мстили невинным за это убийство.

После описанного неудачного покушения глава правительства Тьер (вопреки советам некоторых министров) решил оставить Париж и перебраться в Версаль, чтобы оттуда подготовить нападение на возмущившуюся столицу. С этого момента во Франции образовалось два политических центра—Версаль и Париж: на одной стороне правительство Национального собрания с Тьером во главе, опиравшееся главным образом на крупную буржуазию и малосознательное консервативное крестьянство и стремившееся водворить «порядок» ценой всевозможных уступок реакции; а на другой стороне—революционная часть французского народа в лице парижского пролетариата и сочувствующего ему пролетариата крупных провинциальных городов, еще не потерявшая надежды выступить в защиту попранной немцами страны и стремившаяся водворить социальный строй, обеспечивающий интересы трудящихся масс всей Франции.

21 марта «Официальный журнал» разъяснял буржуазии сущность происходивших событий: «Разве буржуазия не понимает, — писала газета, — что наступил черед освобождения пролетариата? Пролетариат, правам которого постоянно угрожали и законные стремления которого встречались полнейшим пренебрежением, который увидел гибель своего отечества и разрушение всех своих надежд, понял, что он имеет право, что он обязан взять его судьбы в свои руки и упрочить победу с помощью захвата власти». В этих немногих словах, как будто чувствовалась правильная оценка событий, в чем Центральный комитет не всегда был на должной высоте.

После бегства Тьера и всего правительства единственным организованным народным центром в Париже стал Центральный комитет национальной гвардии. Если бы он осознал себя как революционную организацию, действующую от имени парижского населения, какой он действительно был, и актив-

но повел бы борьбу против версальцев, события могли бы принять совершенно иной характер.

Но Центральный комитет не обнаружил достаточно энергии и последовательности, как власть, занявшая место бежавшего правительства. Он заявил в обращении к гражданам, что выполнив возложенную на него миссию, он намерен вернуть свои полномочия избирателям и призвал их готовиться к выборам в Коммуну. Вместе с тем, желая придать своим действиям вид «законности», он вступил в переговоры с мерами (председателями участковых дум) и депутатами, выбранными от Парижа в Национальное собрание, которые после бегства Тьера считали себя законными преемниками власти. В глазах многих членов Центрального комитета официальное участие меров могло придать «законный» характер всему движению 18 марта и во всяком случае должно было привлечь к урнам не только рабочих, но и остальную часть парижского населения, включая буржуазию; а это по их мнению было очень желательно, так как тогда Коммуна явилась бы истинно демократическим учреждением, вышедшим из всеобщих выборов.

Правда, в то же время Центральный комитет решил действовать самостоятельно и назначил выборы на 22 марта, но вследствие встретившихся препятствий они в этот день не состоялись и были перенесены на 26 марта, о чем парижское население было извещено Центральным комитетом в следующих выражениях: «Парижские депутаты, меры и их выборные помощники и члены Центрального комитета национальной гвардии, убежденные, что единственное средство избежать гражданской войны и кровопролития и в то же время укрепить республику состоит в немедленных выборах, созывают всех граждан на избирательные собрания на завтра в воскресенье» (26 марта). Так удалось создать ту видимость «законной» преемственности, к которой так близоручко стремились многие члены Центрального комитета.

Как и во время выборов в Национальное собрание, руководители движения не выдвинули определенных программ; не было также организованной предвыборной агитации. Только прудонисты выдвинули нечто вроде программы, главным требованием которой было преобразование государства в союз автономных коммун, связанных между собой договорными отношениями; тут же указывались требования избираемости и сменяемости всех общественных и государственных властей, светского и профессионального образова-

ния; экономическая часть программы в прудоновском духе — организация мелких производителей путем предоставления им необходимых орудий, кредита и лучших способов сбыта. Центральный комитет ограничился расплывчатым воззванием, в котором рекомендовал пролетариату выбор людей из собственной среды — людей, как говорилось в воззвании, «живущих вапшей жизнью и болеющих вапшими горестями», памятуя, что «слишком редко случается, чтобы человек, владеющий большим имуществом, смотрел на рабочего, как на брата».

26 марта произошли выборы в Парижский городской совет (Коммуну). Надлежало избрать 90 человек; всего было выбрано 85 человек. Большинство избранных были сторонниками Центрального комитета, избранные меры и их ставленники и единомышленники (прямые или замаскированные сторонники Версаля) постепенно ушли. Кроме того, еще несколько человек выбыло (двое были убиты, двое — устранены); вследствие этого надлежало избрать дополнительно еще около 30 человек, что и было сделано на дополнительных выборах ¹⁾, 16 апреля, на которых было избрано 22 человека (из коих трое отказались от своих полномочий). Рабочих (вернее говоря, ремесленников) среди избранных было всего 32,5%, большинство составляли лица свободных профессий и служащие (около 54%).

Так возникло учреждение, получившее в истории название «П а р и ж с к о й к о м м у н ы»; а все движение от 18 марта до его окончательного подавления версальцами 28 мая, весь этот героический революционный период получил название «восстания парижской коммуны».

У Коммуны не было ясной и определенной программы. Преобладающей, хотя и не всеми разделяемой, целью (согласно программе прудонистов) было перестроить Францию, положив в основу нового строя свободные, самоуправляющиеся общины (коммуны), объединенные между собой на федеративных началах; преобразование экономических отношений должно было повести к уничтожению имущественного

¹⁾ Вопрос об утверждении лиц, избранных на дополнительных выборах, служил предметом горячих споров в Коммуне. Дело в том, что избранные не получили требуемого законом числа голосов (так как в урнах явилось недостаточное число избирателей), и сторонники всеобщей подачи голосов видели в утверждении подобных выборов нарушение главных принципов демократии, соблюдение коих они считали крайне важным, хотя всеми обстоятельствами борьбы диктовалась необходимость революционной диктатуры, что сознавалось большинством.

неравенства и классовых противоречий. Париж первый должен был произвести эти реформы и своим примером увлечь за собой остальную Францию. Если, однако, Парижской коммуне не удалось осуществить поставленные себе цели, то это объясняется целым рядом причин.

Главной причиной было отсутствие единства взглядов в самой Коммуне. Среди членов совета были бланкисты, социально-политические воззрения коих описаны нами выше (см. стр. 232—233), были также якобинцы, т.-е. сторонники политики крайних левых в период Великой французской революции, которые решительными действиями и террором стремились сломить сопротивление контрреволюционных элементов. Якобинцы и бланкисты составляли большинство и всегда голосовали вместе, хотя бланкисты, по крайней мере в теории, были социалистами, а якобинцы были не более как революционные радикалы. Видное место занимали прудонисты, которые вошли в Коммуну с определенной, хотя расплывчатой программой в духе своего учителя. Якобинско-бланкистское большинство ставило на первое место вопросы политической борьбы, не имея ясного представления об экономических задачах Коммуны; прудонисты, называвшие себя социалистами, выдвигали на первый план экономические вопросы, забывая о политических мероприятиях, необходимых для того, чтобы обеспечить существование Коммуны. Были, наконец, в Коммуне и чистые республиканцы, желавшие от Коммуны только водворения республиканского строя, который по их мнению неспособно было установить Учредительное собрание.

Вследствие указанного разношерстного состава Коммуны не могло быть и речи об единстве программы, тем более, что у отдельных групп тоже не было ясно выраженных программ. Но еще хуже для восставших была их шатающаяся, неустойчивая тактика, все время колебавшаяся между революционностью и законностью. Характеризуя разные направления в Коммуне, известный историк Коммуны Лиссагаре говорит: «В этом Совете, находившемся вне закона, были люди, совершенно помешанные на законности». Хотя характеристика Лиссагаре относится только к части Совета, но в сущности таков был почти весь состав Совета, в особенности, когда дело шло о мероприятиях, от которых зависела судьба Коммуны и в последнем итоге судьба всей Франции. Для характеристики образа действия Коммуны и ее деятелей достаточно указать на следующее: она стремилась щадить и

даже защищать право собственности с явным вредом для своей самообороны; она обнаруживала нерешительность, когда дело шло об ограничении свободы слова, давая, в особенности вначале, газетам из лагеря противника возможность клеветать на Коммуну, выставляя в извращенном виде ее планы и мероприятия, дискредитировать ее деятелей в глазах сочувствующих и питать злорадство и черные замыслы ее врагов. Крайне нуждаясь в денежных средствах, Совет Коммуны не тронул французского банка, в котором находились громадные суммы; такое преклонение революционеров и социалистов перед собственностью и законностью было высмеяно впоследствии даже буржуазными деятелями и писателями.

Скажем отдельно несколько слов об отношении французских интернационалистов к Коммуне и об их действиях внутри ее.

Парижская секция Интернационала с самого начала колебалась, какое занять положение по отношению к Центральному комитету; она боялась ввязаться в борьбу, затеянную Центральным комитетом, и тем взять ответственность, которая будет взыскана на нее реакцией в случае неудачи движения. Манифест, выпущенный парижской секцией Интернационала накануне выборов в Коммуну, отличается большой умеренностью; в нем, с одной стороны, выдвигаются чисто буржуазные требования, вроде свободы союзов, собраний и печати, введения дарового светского образования для всех без исключения, передачи полицейских обязанностей в руки общинных властей, а с другой — требования прудонистского характера, вроде «организации кредита, обмена и ассоциаций в целях обеспечения работнику права на полный продукт его труда». Манифест боится гражданской войны. «Отсутствие солидарности интересов, — говорится в нем, — вызвало общую разруху и породило гражданскую войну». Он видит в Коммуне средство для мирного разрешения социального вопроса. «Только от торжества свободы, равенства и солидарности можно ожидать упрочения порядка на новых основаниях и новой организации труда, которая является первым условием этого порядка».

В самой Коммуне только немногие интернационалисты принадлежали к большинству. Большая часть интернационалистов — прудонисты составляли ядро меньшинства. В противовес якобинцам и баякистам прудонисты занимали очень умеренное положение, обращая больше внимания на экономическую и социальную сторону ее деятельности и пре-

доставляя якобинцам и бланкистам организацию дела обороны.

Интернационалисты-прудонисты резко расходились с якобинско-бланкистским большинством по вопросу о применении террора и репрессий по отношению к явным врагам революции; они же являлись защитниками принципов демократии и нападали на большинство в случае их нарушения. Когда 1 мая, по предложению якобинца Мито, был организован Комитет общественного спасения, прудонисты решительно протестовали против «возврата к прошлому», усматривая в этом забвение принципов социальных реформ, из которых возникла революция 18 марта.

Подобная позиция членов Интернационала вне и внутри Коммуны, само собой понятно, не могла содействовать успеху ее дела.

В конечном счете причины неудачи восстания нужно искать в экономических условиях французской действительности, в тех условиях, которые наложили свою печать на все французское рабочее движение в его положительных и отрицательных проявлениях. Как мы видели из данных, приведенных нами при обзоре французской промышленности в эпоху империи, французская промышленность в это время — да и еще долго впоследствии, — несмотря на ее широкое развитие, сохранила мелкобуржуазный характер. Ремесло преобладало над крупной промышленностью, и число мастеров с одним-двумя подмастерьями или совершенно без подмастерьев было преобладающим. Эти ремесленники, хотя и жестоко эксплуатировались капиталистами, которые снабжали их сырьем и приобретали у них готовый продукт или платили им за работу сдельно, все же находились в более выгодных жизненных условиях, чем типичный фабрично-заводский пролетариат. Будучи крайне враждебно настроены против крупного капитала и государства, его поддерживающего и защищающего, они в то же время чрезвычайно дорожили своей самостоятельностью мелких производителей и владельцев мелких мастерских; они таким образом путались в противоречии, из которого наиболее передовые из них надеялись выйти при помощи рецептов своего учителя Прудона. Слова «законность», «семья», «собственность» не потеряли в их глазах своего обаяния и, наоборот, были тем притягательнее, чем сильнее были удары, наносимые этим основам буржуазного существования неумолимым ходом капиталистического развития и беспощадной капиталистической

эксплуатацией. И вот, волею событий передовые слои этого класса очутились на аванпостах классовой борьбы лицом к лицу с хитрым, ловким, изощренным в таких делах и крайне жестоким противником, которого можно было сломить столь же беспощадным и решительным наступлением, порвав решительно со всеми буржуазными пережитками, действуя без колебаний и без оглядок; но на это не были способны по своей половинчатой природе мелкобуржуазные деятели, коих было не мало среди коммунаров. С другой стороны, не следует забывать того чрезвычайно важного обстоятельства, что 70 % населения Франции в то время составляли крестьяне, жаждавшие мира после шелепой войны и страшившиеся слова «социализм», который они считали покушением на свою экономическую самостоятельность. Между тем сыновья этих крестьян, одетые в военные мундиры, решили исход этого великого столкновения.

По всем указанным причинам деятельность вождей Коммуны не могла быть особенно плодотворной, тем более, что вскоре всю энергию пришлось обратить на борьбу с версальским правительством, которое, получив подкрепление в лице войск, вернувшихся из плена, решительно взялось за подавление восстания. И в этой области, т. е. в области военной борьбы, положение Коммуны было тяжелое, ибо, имея оружие и бойцов, она не имела надлежащих военных руководителей.

При всем том Советом был проведен и намечен ряд мероприятий, которые, будучи важны сами по себе, указывают на направление и характер деятельности Коммуны, как опыта диктатуры пролетариата.

Коммуна внесла новые принципы в организацию власти и управления. Во-первых, в противоположность шаблонному парламентаризму, с его разделением властей, она образовала 10 комиссий для различных отраслей управления, руководство коими было сосредоточено в Исполнительной комиссии, состоявшей из семи человек; во-вторых, в организацию административного штата был внесен новый принцип, заключавшийся в том, что все должностные лица подлежат избранию и переизбранию в определенные сроки (или до срока по требованию определенного числа граждан), причем максимальный оклад жалованья не должен был превышать 6.000 франков в год (2.400 руб. по довоенному курсу); при этом значительно было повышено жалованье низшим служащим, которое во Франции всегда было до мизер-

ности низко. «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятий должностных лиц, сведение их жалования к обычной заработной плате рабочего — эти простые и само собой понятные демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму» (Ленин).

Интересно при этом отметить, что во главе многих ведомств и учреждений были поставлены простые рабочие, которые, по свидетельству жившего в то время в Париже известного русского революционера (написавшего о Коммуне очень ценную работу) П. Лаврова, исполняли свои обязанности не хуже, если не лучше, бывалых чиновников. «Практическая сообразительность, энергия и действительное желание принести пользу обществу, — как говорит Лавров, — легко победили здесь все препятствия». Рабочий-резчик Тейс стоял во главе почтового ведомства, рабочие — ювелир Франкель и красильщик Малон — руководили комиссией труда, переплетчик Варлен — финансами, столяр Пейди восстановил национальную типографию; рабочий Камеллина¹⁾ заведывал монетным двором.

К декретам, характеризующим переход к новой форме правления, следует отнести декрет об уничтожении армии и об отделении церкви от государства. Согласно последнему декрету, прекращались всякие ассигновки на религиозные цели, и объявлялись национальной собственностью все имущества, принадлежавшие религиозным обществам и союзам.

«Коммуна, уничтожив две самые крупные статьи расхода — армию и чиновничество, — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство» (Маркс).

Если при своем возникновении Коммуна еще не знавала себя органом диктатуры парижских трудовых масс, считая себя внеклассовой властью, то в ходе гражданской войны она принуждена была изменить свою точку зрения. Это в известной степени выразилось в создании упомянутого выше Комитета общественного спасения, который должен был заменить собой руководящий орган Коммуны — Исполнительную комиссию. В состав его вошли якобинцы и бланкисты. Комитет вскоре сконцентрировал в своих руках всю государственную власть. Прудонистско-социалистическое

¹⁾ Один из немногих, оставшихся до сих пор (1924 г.) в живых ветеранов Коммуны, член французской компартии.

меньшинство протестовало против создания органа, «узурпировавшего народный суверенитет» и противоречившего, по их мнению, политическому идеалу масс. Меньшинство, таким образом, как уже было отмечено, обнаружило полное непонимание сущности происходившей борьбы, настаивая на сохранении принципов демократии и единения классов.

Не желая нарушать принцип свободы печати, Коммуна, как выше было отмечено, вначале терпела контрреволюционные газеты, распространявшие ложь и клевету о ее действиях и намерениях. Однако в апреле и мае она увидела себя вынужденной перейти на путь активной борьбы с контрреволюционной прессой, закрыв ряд газет и запретив дальнейший их выход. Коммуна, хотя и постепенно и после колебаний, вступила на путь красного террора. 5 апреля был издан декрет о заложниках, принятый ввиду того, что версальское правительство открыто попирало законы войны и все принципы гуманности, расстреливая беспощадно захваченных в плен коммунаров. Согласно декрету, все лица, уличенные в сообщничестве с версальским правительством, объявлялись заложниками парижского народа и подлежали расстрелу в числе трех за одного расстрелянного военнопленного коммунара.

Было принято несколько мероприятий, относящихся к области социального обеспечения.

Издан был декрет об обеспечении жертв борьбы с версальцами, об установлении пенсий для раненых и для жен и малолетних детей убитых, — безразлично «законных» или «незаконных». Это уничтожение различия «законной» или «незаконной» жены еще долго после подавления Коммуны вызывало возмущение благочестивых буржуазных журналистов. Даже среди членов Коммуны — прудонистов, которые были сторонниками мелкобуржуазного строя, основанного на сохранении мелкобуржуазной семьи, не все голосовали за декрет.

Была установлена отсрочка платежей для квартиронанимателей, распространенная одинаково на лиц состоятельных и несостоятельных. Были реквизированы пустующие квартиры лиц, бежавших из Парижа, для вселения в них нуждающихся из числа беднейших слоев населения. Точно так же была декретирована отсрочка уплаты по долговым обязательствам. К указанной категории мероприятий следует отнести постановление, запрещавшее продавать предметы, заложенные в ломбарде и разрешавшее

безвозмездную выдачу из ломбарда предметов одежды, домашней утвари, белья, постельных принадлежностей и орудий труда, если эти вещи были заложены до 25 апреля и не превышали по своей стоимости 20 франков (около 8 руб.); на основании этого постановления подлежало возврату до 2 миллионов разных вещей.

Была организована комиссия труда и обмена.

Комиссия ставила своей целью изучение всех реформ, которые необходимо ввести как в положение общественных служащих, так и в отношения между рабочими и хозяевами; она, далее, должна была заняться вопросом о преобразовании налоговой системы, организовать статистику труда и проч. По предложению этой комиссии были изданы декреты, запрещавшие ночную работу в пекарнях, а также всякие штрафы и тому подобные вычеты из заработной платы рабочих. Точно так же по рекомендации этой комиссии при сдаче казенных подрядов стали отдавать предпочтение рабочим кооперативам. Более важным является декрет о промышленных заведениях, брошенных хозяевами, скрывшимися из Парижа, изданный по докладу той же комиссии. Согласно этому декрету, подобные промышленные заведения временно передаются во владение производительных товариществ, созданных из рабочих, в них работающих. В случае возвращения хозяев третейский суд определяет окончательные условия перехода этих заведений в собственность указанных объединений и сумму вознаграждения, которую эти объединения обязаны будут выплатить прежним хозяевам. Таковы были немногочисленные мероприятия Коммуны в области охраны труда и социально-экономического законодательства.

Комиссия, образованная под председательством Вальяна, занялась выработкой системы образования, по которой приобретение научных знаний находилось бы в сочетании с физическим трудом. К этому делу им было привлечено несколько ученых, согласившихся оказать комиссии свое содействие, между коими находился знаменитый географ Элизе Реклю. Так как учительский персонал, унаследованный от империи, состоял из членов духовенства или лиц с консервативными контрреволюционными воззрениями, то Коммуне пришлось заняться радикальной чисткой органов просвещения, подготовкой новых кадров учителей и пр.

Говоря о делах Коммуны, нельзя не упомянуть о разрушении Вандомской колонны, представлявшей

собой огромный столб, наверху которого находилась бронзовая статуя Наполеона I. Это постановление мотивировалось тем, что колонна «является памятником варварства, символом грубой силы и ложной славы, укреплением военщины, постоянным оскорблением победителями побежденных, вечным покушением на один из трех великих принципов французской революции — на братство народов». Само собой понятно, что это деяние Коммуны всем буржуазным миром было названо неслыханным варварством. В статье, появившейся на следующий день в правительственной газете, описывалось разрушение колонны и подробно излагались мотивы этой меры. В заключение статья предлагала переименовать Вандомскую площадь в Интернациональную.

**Падение Коммуны.
Месть буржуазии.
Взгляды Маркса
и Ленина на
Коммуну**

Нельзя сказать, чтобы Парижская коммуна не нашла себе никакого отклика во всей Франции. Ряд более или менее крупных провинциальных городов присоединился к Парижу, несмотря на ничтожные шансы успеха их восстаний. Первым поднялся Лион, после чего последовали восстания в Крезе, Сент-Этьене, Тулузе, Марселе, Нарбоне. В некоторых из этих пунктов, как, например, в Нарбоне и Марселе, дело приняло очень серьезный оборот, и при благоприятных обстоятельствах происходившие там восстания могли послужить прочной опорой для Парижа; в частности, в Марселе дело дошло до вооруженного сопротивления и до битвы. Но между этими городами и Парижем не удалось установить никакого сообщения.

В апреле все эти провинциальные движения в пользу Парижа были окончательно ликвидированы, и Париж был предоставлен своей судьбе.

С возвращением из немецкого плена части французских войск Тьер в начале мая энергично повел наступление на Париж. Мы не станем останавливаться на деталях этой борьбы между Коммуной и версальскими войсками, отметим только, что военная сторона в Коммуне была с самого начала поставлена очень слабо. Плохо была организована армия, чрезвычайно слаба была дисциплина, большой вред приносила выборность командного состава. Чрезвычайную дезорганизацию вносило двоевластие, вытекавшее из того, что Центральный комитет национальной гвардии не ограничивался своими функциями и активно вмешивался в военные распоряжения Коммуны.

21 мая версальские войска проникли в Париж, и на его улицах завязалась лютая борьба, длившаяся целую неделю (так называемая «майская кровавая неделя»), так как борцы Коммуны решили лучше погибнуть, чем сдаться. И в ходе этой борьбы подтвердилась чрезвычайная жестокость версальцев: пленных после пыток и издевательств расстреливали; сгоняли толпами из домов и расстреливали без разбора всех, казавшихся подозрительными, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. Бой на улицах продолжался целую неделю. Отрезанные от всего мира, окруженные многочисленными войсками, коммунары были побеждены.

Расправа правительства Тьера с коммунарами предстает собой ряд жестоких убийств, не имеющих себе ничего равного в новейшей истории человечества. Жертвам этой беспримерной по жестокости бойни, устроенной буржуазией и защитниками ее интересов, были 25 тыс. расстрелянных при взятии в плен, во время недельного боя, при арестах, после него без суда, а затем по постановлению суда, не считая 3—4 тыс. погибших на баррикадах; 35 тыс. человек умерли от ран и болезней. 13.700 человек были приговорены к каторге и ссылке; кроме того, 70 тыс. женщин, детей и стариков лишились своих кормильцев. Доносы встречали такое поощрение и получили такое распространение, что за пятилетие после подавления Коммуны было зарегистрировано 399.323 официальных доноса, по которым было произведено до 50 тыс. арестов. Военные суды продолжали действовать до 1876 г.; 5 лет спустя после восстания Коммуны было произнесено 52 смертных приговора.

Так отомстила французская буржуазия пролетариату за его попытку установить новый порядок справедливости и братства.

В разгар борьбы Коммуны Маркс писал Кугельману: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила, благодаря Парижской коммуне, в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван». В знаменитом адресе Генерального совета Интернационала, написанном по его поручению Марксом, говорится: «Различные толкования значения Коммуны, разнообразные интересы, которые она выражала, доказывают, что она была весьма растяжимой государственной формой, между тем как все прежние формы правительства были по существу своему

формами угнетения. Тайна ее заключается в том, что она по существу своему была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда».

«Коммуна, — говорится в другом месте, — должна была служить рычагом для разрушения основ буржуазного хозяйства, на которое опирается классовое господство».

«Париж рабочих с его Коммуной, — писал Маркс, — всегда будет чествуем как славный предвестник нового мира. Мученики его воздвигли памятник в великом сердце рабочего. Палачей его уже теперь история пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого не в силах будут все молитвы попов».

Подобно Марксу, и Ленин придавал большое значение Парижской коммуне, считая ее первой попыткой пролетариата создать собственный государственный строй, переходный от капитализма к социализму. Указывая в апреле 1917 г. русскому революционному пролетариату его задачи в переживаемой революции, Ленин выставил требование государства-коммуны, т. е. государства, прообраз которого дан Парижской коммуной.

«Парламентская буржуазная республика, — говорит он, — стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь масс, их непосредственное участие в демократическом строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное — советы рабочих и солдатских депутатов. Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, при которой может произойти экономическое освобождение труда».

«Коммуна, — пишет Ленин, — первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и «открытая, наконец», политическая форма, которой можно и должно заменить разбитое».

II

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И СИНДИКАЛИЗМ

а) Социалистические партии

**Рабочее движение
после разгрома
Коммуны** После разгрома Коммуны во Франции началась необузданная реакция, которая не могла не отразиться на рабочем движении. Был издан специальный закон против секций Интернационала. Все собрания и союзы строго запрещались. Впрочем, союзов почти не существовало, и не было рабочих, которые взялись бы за их восстановление. Лучшие члены рабочего класса погибли или были в изгнании.

Только робко и постепенно рабочее движение начало оправляться от пережитой неудачи. В 1872 г. возобновляют свои профессиональные союзы мраморщики, литографы, бронзовщики, ювелиры; в 1873 г. возникают союзы механиков, сапожников, ткачей.

Росту профессионального движения особенно содействовала посылка делегатов на всемирные выставки в Вену в 1873 г. и в Филадельфию в 1876 г. Так как делегаты выбирались профессиональными союзами, то многие профессии поспешили основать такие союзы. Впрочем, возвращавшиеся с выставок делегаты в своих докладах попрежнему продолжали отстаивать необходимость образования производительных товариществ, в которых видели радикальное средство освобождения рабочего класса от ига капитала; за борьбу посредством профессиональных союзов (синдикатов) высказывались немногие из них. Однако профессиональное движение продолжает развиваться.

В 1876 г. в Париже собрался конгресс профессиональных союзов и кооперативов, на котором при-

существовало до 360 делегатов-рабочих, представителей 92 рабочих обществ. Резолюции конгресса были очень умеренные, чем возбудили негодование изгнанников Коммуны, живших в Лондоне, и относились, главным образом, к области фабричного законодательства и кооперации; социалистические идеи конгресс считал «буржуазной утопией». В 1878 г. происходил конгресс в Лионе; резолюции его были столь же умеренны, как резолюции Парижского конгресса. Но здесь впервые раздался голос социалистов, призывавших к образованию самостоятельной «рабочей» политической партии.

Важным шагом также следует считать решение Лионского конгресса организовать международный рабочий конгресс в 1878 г. в Париже по случаю Парижской всемирной выставки. Но привести это решение в исполнение не удалось, так как французское правительство не только не дало требуемого разрешения, но даже арестовало организаторов конгресса.

**Образование
социалистической
рабочей партии**

Франция — родина социализма. Здесь социалистическая пропаганда началась чуть ли не с 20-х годов минувшего века. Если, не смотря на это, социалистическая рабочая партия образовалась только в 80-х годах, и то после настоящих усилий вождей рабочего движения, то это объясняется следующими причинами. Как мы выше указывали, французская промышленность, несмотря на свое широкое развитие, не приняла такого крупнокапиталистического направления, как в Англии, а носила во многих областях мелкоремесленный характер.

Мелкие ремесленники как часть мелкой буржуазии или склонны плестись вместе с ней в хвосте у крупной буржуазии, или как класс, не имеющий будущего, склонны к анархизму и отрицанию всякой политики. Поэтому французское рабочее движение долгое время находилось под влиянием идей Прудона, отрицавшего значение политической борьбы для освобождения рабочего класса от ига капитала и видевшего главное средство для этого в образовании производительных товариществ и обменных банков.

С 1873 г. социалистическая мысль в Париже мало-помалу пробуждается. Организуются тайные кружки студентов и рабочих для изучения социализма. Один из таких кружков, в который входили будущие деятели социалистических партий во Франции, начинает издавать газету «Право человека».

Оживают также прудоновские идеи, пропагандируемые «Бюллетенями социального движения», издаваемыми типографским рабочим Лимузеном.

В 1877 г. в Париж вернулся видный впоследствии деятель рабочего движения Жюль Гед, основавший газету «Равенство», вокруг которой сгруппировались сторонники коллективизма, находившиеся под сильным влиянием учения К. Маркса и немецких социалистов, которые уже в период 1863—1869 гг. основали довольно сильную политическую рабочую партию (с двумя ветвями — лассальянской и айзенахской). В 1878 г. в Париже стала издаваться социалистическая газета «Пролетарий», вокруг которой группировались преимущественно социалисты-рабочие, не принадлежавшие к определенному направлению. Издавалась еще и третья социалистическая газета — «Записки пролетариата».

Влияние социалистов привело к тому, что на Марсельский конгресс в 1879 г. были допущены, кроме рабочих, и интеллигенты, представители различных социалистических кружков, и в противовес умеренным резолюциям предыдущих конгрессов были приняты чисто социалистические резолюции, гласившие, что конечная цель рабочего движения — обобществление земли и орудий производства; что полное освобождение рабочего класса возможно лишь при помощи социальной революции, которую совершит сам пролетариат, для чего рабочий класс должен организоваться в самостоятельную политическую партию. Таким образом, на Марсельском конгрессе впервые было принято постановление об образовании социалистической рабочей партии.

После Марсельского конгресса организаторы новой партии — Гед, Лафарг и Ломбар — приступили к выработке программы партии, которая, кроме теоретической части, содержала программу-минимум (т. е. программу политических и экономических требований, осуществимых в капиталистическом строе при господстве буржуазии), которая была отредактирована творцами научного социализма — Марксом и Энгельсом. Эта программа, требовавшая установления неограниченной политической свободы, дальнейшей и окончательной демократизации государственного строя и налоговой системы, улучшения условий труда (8-часовой рабочий день, страхование рабочих и пр.), а также много других реформ в пользу рабочего класса, была принята на Гаврском партийном конгрессе в 1880 г.

Не успела партия сорганизоваться, как **Раскол в партии.** В ней обозначились два течения, поведшие к расколу. Поводом послужила неудача на парламентских выборах 1881 г. Поль Брусс, Жоффрен и Малон увидели причину этого в единообразии и крайностях программы. Они настаивали на том, что каждый избирательный округ может видоизменять программу, приспособляя ее к местным условиям; это требование им удалось провести на Реймском конгрессе в 1881 г. и подтвердить на Сент-Этьенском конгрессе в 1882 г. Сторонники Гада покинули конгресс и собрались на самостоятельный конгресс в Руан. Таким образом, единая рабочая партия распалась на две фракции: гедистскую, или рабочую партию (социал-демократическую), и бруссистскую, которую гедисты называли «поссибилистской» (от французского слова «possible» — возможный, так как они выдвигали в своей программе практически осуществимые реформы), что означает партию постепенцев и приспособляющихся. Позднее, в 1890 г., от бруссистов откололись аллеманисты, руководимые своим вождем Аллеманом. Кроме этих трех организаций, во Франции издавна существовала социалистическая группа бланкистов, по имени их вождя Бланки ¹⁾; наконец, все те социалисты, которые в своих воззрениях расходились со всеми вышеуказанными направлениями, образовали «Федерацию независимых».

Каковы же различия между всеми этими социалистическими партиями или фракциями?

Гедисты, или социал-демократы, являясь последователями Карла Маркса, стояли на точке зрения исторического материализма, объясняющего историческое развитие общества из его экономической структуры и считающего социализм неизбежным результатом развития капитализма²⁾. Это развитие должно завершиться победой пролетариата над капиталистами, экспроприацией экспроприаторов. Но предварительным условием этой экспроприации является овладение политической властью — диктатура пролетариата. Получив в свои руки политическую власть, пролетариат произведет социальный переворот, к которому общество по своему экономическому развитию уже будет подготовлено.

¹⁾ Среди бланкистов тоже произошел раскол, отделившаяся от них часть образовала Коммунистический революционный союз.

²⁾ Подробнее теорию К. Маркса см. отдел III, Германия, ч. II.

Таким образом, гедисты, как и все социал-демократы, отводили политической борьбе первое место; профессиональное и кооперативное движение призваны, по их мнению, играть подсобную роль, помогая улучшению материального положения рабочего класса и укрепляя его организационно в переходную эпоху борьбы за лучшее будущее. С организационной стороны в основу партии был положен централизм. Во главе ее был поставлен Национальный или Центральный комитет, которому подчинены все местные комитеты; все отношения между членами партии и ее органами были построены на строгой дисциплине.

Вопросы организации и программы были разработаны гедистами на их конгрессах в 90-х годах. Так в 1890 г. на конгрессе в Лилле партия приняла только что отмеченные нами основы своей организации; на этом же конгрессе было принято постановление всемерно содействовать участию французского пролетариата в праздновании 1 мая ¹⁾. На следующем конгрессе в 1891 г. была принята муниципальная программа, а на конгрессах 1892 и 1894 гг. (в Марселе и Нанте)—аграрная программа; в последней партия заявляет, что она стремится лишь к социализации крупной земельной собственности, а отнюдь не мелкой крестьянской (чем буржуазия и духовенство всегда пугали темную крестьянскую массу). Ставя на первый план защиту интересов сельского пролетариата, рабочая партия, как заявляла программа, берет под свою защиту также мелких землевладельцев и мелких арендаторов, эксплуатируемых крупным землевладением, банками и государством; при этом программа выдвигает для всех категорий эксплуатируемого сельского населения соответствующие требования (о недостатках аграрной программы см. стр. 283). Для характеристики гедистской рабочей партии нужно сказать несколько слов об ее отношении к парламентаризму.

В первые годы после своего возникновения рабочая партия выступала вполне в духе революционного марксизма, твердо защищая положение, что социальный переворот возможен только в форме революции (а не путем мирного реформирования капиталистического строя). На парламентскую борьбу гедисты смотрели, как на средство организации и просвещения масс в социалистическом духе. Первые депутаты

¹⁾ Отметим, кстати, что предложение сделать 1 мая праздником всемирного пролетариата было внесено на I конгрессе (1889 г.) II Интернационала гедистами.

«Рабочей партии», проникшие в парламент, пользовались парламентской трибуной единственно как средством социалистической пропаганды и агитации. Точно так же в избирательной кампании рабочая партия придерживалась тактики «класс против класса». Но с середины 90-х годов вместе с избирательными успехами у Гедда и его единомышленников начинается проскальзывать переоценка парламентаризма и значения избирательного бюллетеня. Так, в одной из своих речей в 1896 г. Гедд, между прочим, сказал: «Наша армия с каждым днем растет; развитие демократического режима ее само собой увеличивает; и так как вы дали ей в руки оружие всеобщего избирательного права и не в силах уже больше его отнять... то силою одного только этого законного оружия, фатальным образом в ее руках очутится власть, — и это произойдет скоро». Таких высказываний мы у Гедда встречаем несколько в эту эпоху.

Однако в дальнейших своих выступлениях Гедд много раз повторяет, что он не отрицал и не отрицает необходимости насильственной революции. Так, на конгрессе в Нанси (1907 г.) он заявил, что никогда не хотел внушить рабочему классу, будто он в состоянии добиться своего освобождения посредством избирательного бюллетеня, а на конгрессе в Сент-Этьене (1909 г.) он сказал, что верит и всегда верил, что социальный переворот должен совершиться насильственным, а не мирным путем, и что этому нас учат окружающая действительность и уроки истории.

Но, несмотря на свои заявления о верности революционному марксизму, и на свою во многих отношениях, действительно революционную тактику (антиминистериализм, антисоциалшательство в избирательных кампаниях и парламентских комбинациях и выступлениях, борьбу с алархизмом и пр.), геддистская партия уже вскоре после своего возникновения начинает в большей или меньшей степени проникаться реформизмом.

Главным вопросом, в котором уже с 90-х годов проявилась невыдержанность марксистской точки зрения у Гедда, приведшая его к явной измене рабочему классу, был вопрос о войне (о чем подробнее будет сказано дальше). Не вполне правильным вначале, а потом уже вполне ошибочным был взгляд Гедда и геддистов на значение всеобщей стачки в деле борьбы рабочего класса. (О взгляде Гедда на всеобщую стачку см. стр. 293—294). Нужно отметить вообще пренебрежительное

отношение гедистов и к обыкновенным ютячкам, которые они считали делом профсоюзов, а не партии. И в аграрной программе гедисты не сумели стать на правильную марксистскую точку зрения, формулируя ее так, как будто крестьянин навсегда должен был остаться собственником своего мелкого земельного участка, стремясь, таким образом, по выражению Энгельса, «обеспечить крестьянину не его свободу, а особенную форму его рабства»; а беря под защиту арендаторов, даже пользующихся наемным трудом, она сходит с классовой точки зрения. Такие формулировки не без основания давали повод предполагать в этой программе стремление к привлечению голосов мелкобуржуазных избирателей. При всем том и, несмотря на отмеченные и другие ошибки, гедизм имеет несомненные заслуги, так как он был единственным социалистическим течением во Франции, перенесшим на ее почву, зараженную прудонизмом, бакунизмом и бланкизмом, учение Маркса, неустанно пропагандировавшим его (в особенности Лафарг), по временам высоко и мужественно держа его знамя.

Бруссисты, или POSSИБИЛИСТЫ, хотя и признавали коллективизм и материализм Маркса, но в значительной степени являлись также сторонниками идей Прудона. Поэтому их партийные отношения построены были на принципе децентрализации и федерализма. В своей программе они выдвинули требование автономии общин. В противоположность гедистам, стремившимся завладеть центральной государственной властью, они поставили своим лозунгом «завоевание городских самоуправлений», для того чтобы провести реформы, которые, с одной стороны (как они полагали), будут постепенным шагом в деле обобществления производства, а с другой — будут способствовать поднятию материального и нравственного уровня рабочего класса. Они стремились к практическому осуществлению «возможных» реформ в противоположность гедистам и доходили до того (как это уже отчасти отмечено выше), что допускали возможность отдельных программ для каждой местности и группы. «Поссибилисты, — говорит Брусс, — материалисты и практики, готовые пользоваться всеми орудиями борьбы, находящимися в их распоряжении, силой или избирательным правом, смотря по необходимости. Они добиваются для рабочих реальных результатов — политических или экономических». В другом месте Брусс писал: «Конечную цель нужно разбить на несколько этапов, и таким путем сделать, наконец, возможным выполнение некоторых из наших требований» (яркое выражение оппорту-

низма). Название их партии было «Федерация рабочих социалистов Франции». Газетой бруссистов был «Пролетарий».

А л л е м а н и с т ы, отделившиеся от бруссистов на конгрессе в Шательро в 1890 г., упрекали последних в том, что они, подобно гедистам, слишком гонятся за избирательными успехами, забывая о пропаганде и агитации среди рабочих и о борьбе на экономической почве. Они не отказывались от парламентской борьбы, но смотрели на нее как на средство пропаганды, а не изменения существующего строя. Отколовшись от бруссистов, они главное внимание стали обращать на организацию синдикатов, рассматривая их как ячейки будущего социалистического строя, проповедуя идею всеобщей стачки как средства свержения капитализма (синдикалистский уклон). Толкуя по-своему тезис I Интернационала, что освобождение рабочего класса есть дело рук самого рабочего класса, они ограничивали доступ в свою партию для не-рабочих. Они были сторонниками активной пропаганды антимилитаризма и антипатриотизма. Аллеманисты были, таким образом, своеобразными анархистами, не отказывавшимися от политической деятельности. Они назвали себя «Рабочей социал-революционной партией». Их газетой была «Рабочая партия», выходившая с 1888 до 1896 г.

Б л а н к и с т ы, т. е. последователи знаменитого заговорщика и революционера Бланки, охарактеризованы нами выше (см. стр. 232). Это была партия социалистов-революционеров (или, вернее, заговорщиков) в собственном смысле этого слова, оторванных от широких рабочих масс. С течением времени заговорщический элемент из этой партии (во главе которой стал Вальян) исчез, и члены ее стали стремиться к организации наиболее активных и воинственных элементов среди рабочих, чем была подготовлена почва для сближения между бланкистами и гедистами.

Все социалистические элементы, не входившие в указанные фракции, образовали «ф е д е р а ц и ю н е з а в и с ы м ы х» с Жоресом во главе; стоя на идеалистической точке зрения, Жорес, с одной стороны, проповедывал сотрудничество с буржуазией и уступчивость для проведения реформ, полезных рабочему классу, или, как он выражался, для «инфильтрации социализма в капитализм», а с другой стороны, относился с симпатией к революционному синдикализму с его левой фразеологией. С течением времени Жорес левел, приближаясь по временам к революционно-пролетарской точке зрения.

Дальнейшее развитие социалистических партий. Попытки объединения „Мильерановский наус“. Образование „Социалистической партии Франции“ и „Французской социалистической партии“

Вожди французского социализма отлично понимали, что раздробленность его и внутренние распри служат причиной его слабости, задерживают его успехи в борьбе с буржуазией и тормозят развитие рабочего движения. Много усилий поэтому было потрачено на то, чтобы слить все фракции французского социализма в одну могучую партию, но эти усилия не приводили к длительным результатам.

В начале 90-х годов эти враждовавшие группы, вредившие друг другу на выборах, объединились в «революционную лигу для достижения социальной республики», что отразилось благоприятно на выборах 1893 г., давших социалистам 43 места в палате. Но это объединение вскоре распалось. В 1898 г. в связи с делом Дрейфуса (еврея-офицера, ложно обвиненного в измене) стали распространяться тревожные слухи о готовящемся монархическом заговоре против республики ¹⁾. Обострение политической борьбы, вызванное в стране этим делом, заставило социалистов различных направлений поднять вопрос об общей программе поведения в переживаемый критический момент. Было созвано собрание всех социалистических организаций для согласования своих действий. Собравшиеся выбрали наблюдательный комитет. Среди избранных были: Гед, Вальян, Брусс, Жорес, Бриан, Мильеран, Вивиани. Через некоторое время часть делегатов высказалась за выбор постоянного состава комитета, который должен содействовать сближению партий, и в декабре того же года был выбран «Комитет сближения», который, после вступления в него также представителей независимых, был назван «Комитетом соглашения». Основными принципами, на которых сходились все объединяющиеся партии, были: замена капиталистической собственности — общественной, завоевание политической власти и международный союз трудящихся.

¹⁾ В деле Дрейфуса гедисты проявили негибкость своей тактики. Они заняли позицию «нейтралитета», заявив, что это дело — внутренняя грязь буржуазных партий, до которой дела нет пролетариату. Это был неправильный образ действий, так как тут дело шло о борьбе с реакционной опасностью, с реакционной военщиной, клерикализмом и другими реакционными силами, стремившимися нанести удар республиканскому строю. Долгом с.-д. рабочей партии было использовать конфликт между буржуазными партиями в интересах пропаганды среди пролетариата и укрепления своих позиций. Реформисты с Жоресом во главе заняли более правильное положение, выступив на борьбу с реакцией и антисемитизмом. Впоследствии Гед отказался от своей «нейтральной» позиции.

Объединение начало было налаживаться, но в это время случилось событие, взбудоражившее весь социалистический мир и расстроившее успешно подвигавшееся объединение социалистических партий. В кабинет министров, возглавляемый умеренным радикалом Вальдеком-Руссо (1899 г.) и прозванный «министерством республиканского объединения» (указание на объединение республиканцев против антидрейфусистов и монархистов), на пост министра торговли был приглашен социалист Мильеран, согласившийся вступить в буржуазный кабинет.

Образ действий Мильерана взволновал весь социалистический мир. Вскоре все французские социалисты разделились на два лагеря: «министералистов» (или «министерских» социалистов) и антиминистералистов или «революционеров», противников каких-либо компромиссов с буржуазией; на социалистических собраниях и в газетах стал обсуждаться вопрос, допустимо ли вообще участие во власти членов социалистической партии при существующем социальном и политическом строе. Более правые социалисты, склонные к компромиссам, находили, что присутствие социалиста в министерстве очень полезно, так как облегчает проведение реформ, полезных для рабочего класса; кроме того, — утверждали они, — проникновение социалистов в министерство есть шаг к достижению главного стремления социализма — овладению политической властью. Главным защитником этого взгляда был Жорес. Противники этого взгляда, наоборот, находили, что такой образ действий был бы губителен для всей будущности социализма. Подобное сотрудничество с буржуазией, отрицая классовую борьбу, поведет к искажению социализма, к покорению его правящими классами; участвуя во всех противпролетарских действиях буржуазного министерства, министр-социалист будет покрывать их своим именем, что произведет смуту в умах, поведет к недоверию и разочарованию в социализме; это будет не завоеванием власти, а наоборот, пленением у власти стремящейся сделать социализм ручным и податливым. Этот взгляд с особенной силой отстаивал Гед ¹⁾.

Вопрос перешел на рассмотрение социалистических конгрессов. Конгресс объединенных социалистических групп, состоявшийся в 1899 г. (в Париже), вынес половинчатую ре-

¹⁾ Что не помешало ему вступить министром в буржуазный кабинет «национальной обороны» в начале войны 1914 г.

золюцию (или, вернее, две резолюции); с одной стороны, он признал недопустимым участие социалиста в буржуазном министерстве, но в то же время он постановил, что при особых обстоятельствах партия в каждом данном случае имеет право рассмотреть этот вопрос и решить его сообразно с обстоятельствами. Вопрос о министериализме рассматривался на Парижском международном конгрессе (в сентябре 1900 г.). Здесь опять была принята половинчатая резолюция, предложенная одним из вождей немецкой социал-демократии Каутским. В этой резолюции говорится, что «вступление социалиста в буржуазное правительство дает возможность надеяться на благоприятные для борющегося пролетариата результаты, лишь в том случае, если социалистическая партия подавляющим большинством одобрит подобный шаг и если социалистический министр останется уполномоченным своей партией. Наоборот, в случае, если министр становится независимым от этой партии или представляет лишь ее фракцию, его участие в буржуазном министерстве угрожает ослабить социализм, вместо того чтобы его усилить, и может ему воспрепятствовать в завоевании политической власти, вместо того чтобы это завоевание облегчить. На Парижском конгрессе «социалистического объединения» того же 1900 г. делегаты рабочей партии, оставшись в меньшинстве по тому же вопросу, коллективно ушли из зала заседания, отказавшись от дальнейшего участия в конгрессе. Рабочая партия заявила, что готова к объединению со всеми социалистическими организациями, отвергающими всякие компромиссы. На Лионском конгрессе 1901 г., предложенная антимиинистериалистами резолюция, согласно которой партия слагает с себя ответственность за Мильерана, принявшего портфель министра торговли без ее согласия, была отвергнута подавляющим большинством, вследствие чего антимиинистериалисты заявили, что считают дальнейшее сотрудничество со сторонниками министериализма невозможным. Гедисты вместе с бланкистами (социал-революционной партией и коммунистическим союзом) и некоторыми другими социалистическими группами образовали «Социалистическую партию Франции» (Parti socialiste de France); устав партии был принят на конференции в Иври в том же 1901 г.; их противники (бруссисты, независимые и др.) объединились на конгрессе в Туре (1902 г.), во «Французскую социалистическую партию» (Parti socialiste français).

**Характеристика
обеих частей рас-
коловшейся пар-
тии и объединение
их в 1905 г.**

Социалистическая партия Франции, кладя в основу своей программы и тактики учение Маркса, в своей декларации, между прочим, заявляла, что, помогаясь всяких реформ, способных улучшить условия борьбы рабочего класса, партия «никоим образом не может своим участием в центральной власти, вотированием бюджета, союзами с буржуазными партиями создавать какое бы то ни было средство, могущее продолжить господство враждебного класса». Централизм в партии был несколько ослаблен. Самые мелкие партийные объединения составляли группы, которые, объединяясь, составляли секции, последние образовывали федерации. Органами управления были Центральный совет и Исполнительный комитет; руководящим органом — ежегодный конгресс. В 1904 г. в партию входили 46 федераций, объединившие 800 групп с 17.697 членами. На парламентских выборах 1902 г. партия собрала 400 тыс. голосов и провела 12 депутатов. Партия выпускала 20 журналов (еженедельных, двухнедельных и месячных) и ежедневную газету «Право народа» («Droit du peuple»).

Французская социалистическая партия, более оппортунистическая, в своей декларации отвергала формулу «все или ничего», считая целесообразным использование «летального давления на правительство для проведения полезных реформ». В управлении партией особенную роль играла парламентская группа. Партия имела 1.000 ячеек с 10 тыс. членов. На парламентских выборах 1902 г. она собрала приблизительно столько же голосов, сколько и СПФ, но провела, благодаря различным коалициям с буржуазными партиями, 32 депутатов. Партия издавала 22 журнала и ежедневную газету «Человечество» («Humanité»).

В середине 1904 г. состоялся международный социалистический конгресс в Амстердаме (Голландия), где вновь обсуждался вопрос о «министериализме», причем конгресс подтвердил резолюцию предшествующего международного конгресса 1900 г. и усилил ее в смысле осуждения участия социалистов в буржуазном министерстве, а также всех видов реформизма и оппортунизма. На том же конгрессе было сделано предложение приложить все старания для объединения социалистических сил в интересах международного пролетариата. К резолюции примкнули: Вальян от имени социалистической партии Франции и Жорес от имени французской социалистической партии, обещавшие содействовать проведению этой резолюции на практике.

Амстердамский конгресс послужил побудительным толчком к объединению обеих французских социалистических партий, которые решили созвать в самое ближайшее время объединенный конгресс. Конгресс этот состоялся в Париже в 1905 г. На этом конгрессе была принята общая декларация, содержащая следующие основные положения: во-первых, было постановлено, что объединенная социалистическая партия должна руководиться в своей деятельности принципами, установленными международными конгрессами, в частности Амстердамским конгрессом 1904 г.; во-вторых, об основных задачах партии было сказано следующее:

«Социалистическая партия является классовой партией, имеющей целью социализацию средств производства и обмена, т. е. преобразование капиталистического общества в общество коллективистическое, и считающей средством для этого экономическую и политическую организацию пролетариата. По своей цели, своему идеалу и употребляемым ею средствам социалистическая партия, добиваясь проведения неотложных реформ, которых требует рабочий класс, — не является, однако, партией реформ, а боевой, классовой и революционной партией». В-третьих, было указано, что социалистические депутаты должны образовать в парламенте единую фракцию. Эта фракция должна в парламенте неизменно отказывать правительству во всех средствах, обеспечивающих господство буржуазии и сохранение ею власти, а следовательно должна отказываться от вотиrowания военных кредитов, кредитов на завоевание колоний, секретных фондов и всего бюджета в целом. В-четвертых, устанавливалось, что каждый депутат, как и все члены партии, находится под контролем своей федерации, а вся фракция в целом — под контролем центрального органа партии, причем в спорных вопросах окончательное решение выносится конгрессом как высшей инстанцией. В-пятых, предоставляя полную свободу дискуссий в печати по всем вопросам программы и тактики, партия требует, чтобы в своих действиях социалисты в точности придерживались постановлений конгресса, согласно толкованию центрального органа партии».

Согласно уставу, объединенная партия названа Социалистической партией, французской секцией рабочего Интернационала.

Новая партия объединила 67 федераций, насчитывающих 34.688 членов, платящих членские взносы. Объединенная социалистическая пресса имела 40 органов печати. Партия приняла следующую организацию. Основной

ячейкой является секция, куда входят все члены партии, живущие в данной коммуне (Париж и другие крупные города делятся на несколько секций). Совокупность секций целого департамента образует федерацию. Национальный совет партии избирается на ежегодно созываемом конгрессе (как конгресс, так и Совет выбираются по пропорциональной системе). Кроме Совета, избирается административная комиссия. В Национальный совет входят делегаты от парламентской социалистической фракции. Уставом приняты меры превращения парламентской социалистической фракции в однородное целое и подчинения партийной дисциплине как отдельных социалистических депутатов, так и всей парламентской фракции. Точно так же была поставлена под контроль партии партийная печать.

Вскоре после объединения небольшая группа, состоящая из 13 социалистических депутатов (Девиль, Зеваас, Оганьер, Бриан и др.), вместе с единомышленниками, найдя направление объединенной партии слишком прямолинейным, откололись от нее и стали называться «независимыми социалистами».

Несмотря на объединение и принципиально выраженную революционность, партия все же не стала вполне единой и не приобрела больше революционности, чем было до сих пор у ее составных частей. Впрочем, выигрыш объединения сказывался — по крайней мере первоначально — в выпрямлении партийной линии парламентской фракции, о чем несколько слов будет сказано дальше. Но раньше, чем рассмотреть деятельность партии, начиная с объединительного конгресса до кризиса 1914 г., мы должны обратиться к другому вопросу — к вопросу об отношениях между партией и профессиональными союзами, или синдикатами, и в особенности к вопросу о направлении французского профессионального движения, или о синдикализме.

б) Синдикализм и социализм (до войны)

Одной из главных особенностей французского рабочего движения является разрыв между социалистической рабочей партией и профессиональным движением рабочего класса, т.е. между политической и экономической сторонами рабочего движения.

В то время, как в Германии социал-демократическая партия подчинила рабочее профессиональное движение своему влиянию, а в Англии рабочая партия вышла из недр тред-

Партия и синдикаты до начала 90-х годов:

юнионов, — во Франции между политическим и профессиональным движением рабочего класса не могло установиться прочного единения, и профессиональное движение, под названием синдикального движения, или синдикализма, образовало там самостоятельную ветвь рабочего движения.

Как мы выше видели, стремление образовывать профессиональные союзы началось среди французских ремесленников и рабочих еще в 30-х годах минувшего века, но более плодотворным это стремление должно было становиться по мере развития крупной промышленности, т. е. со второй половины минувшего века. Развитие профессиональных союзов задерживалось благодаря ограничениям и преследованиям, которым они подвергались в эпоху июльской монархии и Второй империи. В 1884 г. был издан закон о синдикатах (закон Вальдека-Руссо)¹⁾. Хотя закон 1884 г. подтверждал лишь то, чем фактически рабочие уже пользовались, но все же облегчил образование союзов, более упрочив их легальную почву.

После издания закона 1884 г. начинается быстрое развитие синдикатов (профсоюзов), которыми вскоре покрывается вся территория промышленной Франции. Представители синдикатов начинают собираться на конгрессы. В 1886 г. на конгрессе в Лионе принята резолюция, гласившая, что синдикаты должны стремиться не только к частным улучшениям в положении рабочего класса, но и к достижению социалистического строя. Вместе с тем постановлено было образовать национальное объединение синдикатов под названием **ф е д е р а ц и и с и н д и к а т о в**.

Гедисты, имевшие много своих членов в синдикатах, старались провести большинство своих делегатов на следующий конгресс в Монлюсоне, где им удалось изменить устав федерации в смысле согласования принципов и действий социалистической партии и федерации синдикатов.

На следующем конгрессе в Бордо (1888 г.) сторонникам независимости синдикатов от партии удалось провести резолюцию о всеобщей стачке, согласно которой «всеобщий одно-

¹⁾ Хотя уголовная ответственность за стачку была отменена, но это не помешало министру торговли и промышленности одновременно с этим разослать префектам (губернаторам) циркуляр, предписывающий им принять к сведению, что «попрежнему должен быть привлекаем к судебной ответственности всякий, кто при помощи насилия, угроз или обмана вызовет или будет поддерживать прекращение труда с целью повысить или понизить заработную плату».

Свобода союзов расширена законом 1901 г., направленным против религиозных обществ.

временный отказ всех рабочих от работы может привести рабочий класс к освобождению от тига капитализма.

Идея всеобщей стачки как единственного (или главного) средства свержения капиталистического строя шла вразрез с тактикой марксистов; усвоение ее синдикатами указывало на возникновение самостоятельной тактики рабочих синдикатов. Гедисты на своем партийном конгрессе в г. Лилле (1890 г.) подвергли обсуждению вопрос о всеобщей стачке и приняли резолюцию, предложенную дочерью Карла Маркса, Элеонорой Маркс-Эвелинг; резолюция эта, не отрицая значения всеобщей стачки как орудия борьбы рабочего класса, указывала, что «это средство борьбы предполагает и требует для достижения своей цели такого социалистического духа и такой организации, каких не достиг еще пролетариат», и что поэтому говорить о всеобщей стачке преждевременно. На состоявшемся через несколько дней конгрессе федерации синдикатов в Кале гедистам удалось провести свою резолюцию, как и некоторые другие постановления своего партийного съезда.

Отношение социал-демократии к вопросу о всеобщей стачке

Ввиду того значения, которое вопрос о всеобщей стачке приобрел в борьбе, возникшей между гедистами и выступившими на широкую общественную арену синдикалистами, — рассмотрим, хотя бы бегло, каково было отношение к этому вопросу со стороны международной социал-демократии.

Вопрос об отношении с.-д. к всеобщей стачке имеет свою историю.

Еще со времени распада I Интернационала с.-д. относились отрицательно к анархистскому взгляду на всеобщую стачку; она с течением времени получила у с.-д. признание как одно из средств политической борьбы. На Парижском (1889 г.) и Брюссельском (1891 г.) конгрессах II Интернационала идея всеобщей стачки, выдвинутая анархистами и анархистствующими, встретила резко отрицательное отношение.

Некоторый поворот во взглядах с.-д. на всеобщую стачку произошел под влиянием бельгийской практики. В 1891 г. в Бельгии произошла большая стачка (100 тыс. чел.), под влиянием которой палата поспешила принять решение о пересмотре вопроса об избирательном праве, а в 1893 г. всеобщая стачка (250 тыс. чел.), состоявшаяся на основании решения партийного съезда и заставившая правительство декретировать всеобщее (хотя и фальсифицированное плю-

ральным вотумом) избирательное право. Под влиянием этой победы на Цюрихском конгрессе (1893 г.) II Интернационала комиссией был одобрен проект резолюции, в которой, хотя и указывается на трудность успеха всеобщей стачки и на то, что в лучшем случае могут быть проведены всеобщие стачки лишь в отдельных отраслях промышленности и др., вместе с тем признается, что массовые стачки при известных условиях могут послужить весьма ценным оружием не только в экономической, но и политической борьбе; дальше прибавлялось, что такие стачки могут быть успешны лишь при высокоразвитой профессиональной и политической организации рабочих.

С момента удачной бельгийской стачки начинается движение в пользу всеобщей стачки как орудия политической борьбы в Австрии и отчасти в Германии как среди рабочих, так и в с.-д. печати (статьи Бернштейна, Каутского, Парвуса и др.). В период 1902—1904 гг. происходит ряд всеобщих и массовых политических забастовок в Бельгии, Швеции, Голландии, Италии, Франции. Эти обстоятельства заставляют вновь поднять в с.-д. литературе обсуждение вопроса о всеобщей стачке (Р. Люксембург, Каутский, Гильфердинг) и поставить вопрос о ней на международном Амстердамском конгрессе 1904 г. Резолюция отвергла всеобщую стачку, но признавала массовые стачки в отдельных отраслях производства, имеющих особенно важное значение в хозяйственной жизни; при этом указывалось, что условием их успеха является хорошая организация рабочего класса. Резолюция резко осуждала «анархистскую пропаганду всеобщей стачки, отвлекающую рабочих от повседневной профессиональной, политической и кооперативной жизни».

Громадное впечатление на с.-д. мир произвела русская всеобщая забастовка в революцию 1905 г. (под влиянием которой австрийские рабочие только угрозой всеобщей забастовкой добились введения всеобщего избирательного права в начале 1907 г.). Анализируя эту забастовку и забастовки периода революции 1905 г., Ленин дополнил идею всеобщей стачки идеей революционного восстания, в которое она перерастает. «В 1905 г. вполне сложившейся формой движения является политическая стачка, переходящая на наших глазах в восстание», — писал Ленин 4 октября 1905 г. Дальше всех в отрицании значения всеобщей стачки шел Гед, который на Лилльском конгрессе 1904 г. заявил, что социализм и всеобщая стачка несовместимы и что разговоры о всеобщей стачке приносят социализму больше вреда, чем мини-

стерилизм. Он допускал (как, впрочем, и некоторые другие вожди II Интернационала и отчасти в согласии с одним из пунктов амстердамской резолюции) — и то в крайнем случае — массовую забастовку как оборонительное оружие на тот случай, если бы правительство сделало покушение на существующие у рабочих права.

О взглядах других вождей II Интернационала и о резолюциях конгрессов с.-д. партий различных стран, и в частности о проектировании всеобщей стачки в качестве средства борьбы с войной, — скажем в своем месте. Здесь добавим, что Коммунистический интернационал, основываясь на большевистском опыте, отводит всеобщей стачке почетное место в арсенале пролетарской стратегии; в программе Коминтерна к массовым выступлениям причислена «генеральная стачка совместно с вооруженным восстанием против государственной власти буржуазии».

Как мы видели из вышеизложенного, на конгрессе федерации синдикатов в Кале гедистам удалось провести резолюцию о всеобщей стачке в духе своего учения, и таким образом к началу 90-х годов политическое и профессиональное движение рабочего класса начало сливаться в одно целое. Этому слиянию помешали руководители бирж труда.

Потребность в учреждениях, которые регулировали бы спрос и предложение рабочего труда, все сильнее ощущалась по мере развития промышленности. Еще со времени Наполеона существовали конторы найма, чрезвычайно эксплуатировавшие рабочих¹⁾. В 80-х годах для борьбы с этими конторами при участии профсоюзов стали образовываться биржи труда. Первая такая биржа была основана в Париже в 1887 г.

После этого биржи стали возникать во всех крупных, а потом и мелких городах. Постепенно биржи к своей основной цели — регулирования спроса и предложения труда — стали присоединять взаимопомощь, потом пропаганду идей рабочего движения, затем организацию производительных и потребительных товариществ, а также синдикатов; наконец, они стали объединять для совместной борьбы синдикаты одного и того же города и района. С развитием бирж труда возникла идея образования федерации бирж труда.

¹⁾ О борьбе с конторами найма см. дальше (стр. 299—300).

что и было осуществлено на Сент-Этьенском конгрессе в 1892 г.

Так образовались две центральные профессиональные организации французских рабочих: федерация синдикатов, находившаяся в союзе с социалистической партией, и федерация бирж, стремившаяся к самостоятельности.

Видя опасность, грозившую рабочему движению от возрождения идеи самостоятельного профессионального движения, гедисты решили на Марсельском конгрессе федерации синдикатов в 1892 г. покончить с вопросом о всеобщей стачке, отвлекаящим рабочих от политической борьбы и извращавшим тактику рабочего движения. Но вопреки агитации гедистов, выставивших на этом конгрессе свои лучшие силы, резолюция о всеобщей стачке была принята.

Здесь с защитой всеобщей стачки выступил молодой адвокат Бриан, впоследствии ставший министром буржуазного правительства и ренегатом, который сам стал преследовать в качестве министра обыкновенные рабочие стачки.

Между тем федерация бирж, считая необходимым более тесное объединение синдикатов, постановила созвать в середине 1893 г. съезд синдикатов всей Франции без различия их политических направлений. Этому воспротивилась федерация синдикатов, находившаяся под влиянием гедистов, агитация которых против этого съезда была вначале успешна. Но закрытие правительством парижской биржи, резко протестовавшей против избития первомайских демонстрантов, всколыхнуло все профсоюзы и послужило на пользу проекта всеобщего конгресса синдикатов, собравшегося 12 июля 1893 г. в Париже. Здесь был выдвинут вопрос об общей почве для объединения всех синдикатов и о форме этого объединения, причем наметилось, что этой общей почвой могут явиться только экономические, а не политические вопросы, и что все синдикаты должны слиться в национальную федерацию, которая вместе с федерацией бирж должна образовать всеобщую организацию синдикатов.

Следующий конгресс федерации бирж и отдельных синдикатов состоялся в Нанте (сентябрь 1894 г.). За несколько дней до этого конгресса гедисты собрались в том же городе на партийный съезд и приняли резолюцию, отрицательно относящуюся ко всеобщей стачке, а также постановили протестовать против вмешательства федерации бирж в дела федерации синдикатов. После своего съезда гедисты в большом числе явились на конгрессе федерации. Первым в по-

рядке дня на конгрессе был вопрос о всеобщей стачке. Разгорелись горячие прения. Гедисты защищали точку зрения политической борьбы и завоевания власти, но представители бирж выдвинули на первый план борьбу чисто экономическую, отодвигая на второй план борьбу политическую. Здесь уже в общих чертах намечилось то течение, которое впоследствии получило название синдикализма. Главным орудием борьбы с капитализмом на экономической почве, по мнению синдикалистов, должна явиться всеобщая стачка. Ее, между прочим, горячо защищал тот же Бриан. Гедисты называли всеобщую стачку «провокацией революции, которая, вследствие своей преждевременности, обречена на неудачу»

Несмотря на горячую защиту гедистами своей точки зрения, принцип всеобщей стачки был одобрен значительным большинством голосов. Тогда гедисты решили уйти с конгресса и обратились ко всем членам федерации синдикатов с предложением последовать их примеру, на что откликнулись немногие.

С этого момента расхождение между социалистами и синдикалистами стало углубляться и привело к окончательному обособлению синдикального движения.

После Нантского конгресса центр тяжести синдикального движения переходит к федерации бирж труда, благодаря чему последняя начинает быстро расширяться и крепнуть. Гедисты, которые все еще оставались влиятельными в федерации синдикатов, созвали конгресс федерации (синдикатов) в г. Труа (1895 г.). Конгресс принял резолюцию, отвергающую союз между федерацией синдикатов и федерацией бирж, и единогласно высказался против идеи всеобщей стачки. Тогда синдикаты, не примыкавшие к федерации — «независимые» синдикаты, — созвали конгресс в Лиможе (1895 г.), который принял резолюцию об объединении синдикатов на экономической почве и об образовании единой организации синдикатов. Эта организация, названная Всеобщей конфедерацией труда, отныне должна объединить на экономической почве, вне всяких партий, синдикаты всей Франции и ее колоний. Статья устава, постановляющая, что все объединения, входящие в состав Всеобщей конфедерации труда, должны находиться вне всяких политических партий, была принята 124 голосами против 14.

Так образовались две центральных синдикалистских организации — Всеобщая конфедерация труда и федерация

бирж, из коих первая еще долго находилась в стадии развития и расширения, уступая первенство в смысле влияния на широкие рабочие массы федерации бирж.

Происходивший в 1896 г. в Лондоне Международный социалистический конгресс еще более усилил рознь между французскими социалистами и синдикалистами. Явившиеся на конгресс французские социалисты потребовали, чтобы на конгресс не были допущены представители синдикатов, не признающих политической борьбы; постановлением конгресса синдикалисты были допущены в виде особой фракции, но все же в речи германского делегата Либкнехта и в своей резолюции конгресс заявил, что впредь на международные конгрессы будут допускаться представители тех союзов, которые считают политическую и, в частности, парламентскую деятельность одним из необходимейших средств для уничтожения капиталистического строя. После Лондонского международного конгресса значительная часть синдикалистов, не желая быть под опекой «научных социалистов», окончательно отделилась от партии.

Дальнейшее развитие синдикального движения и объединение Федерации бирж с Всеобщей конфедерацией труда

В продолжение нескольких лет после Лондонского международного конгресса федерация бирж и Всеобщая конфедерация труда заняты организацией рабочих и расширением своих баз, а на конгрессах — разработкой основных вопросов своего учения и своей тактики.

На конгрессе федерации бирж в Париже (осенью 1900 г.) гедисты попытались вновь выдвинуть вопрос об объединении (был выдвинут вопрос об участии федерации бирж в социалистическом комитете объединения). Им возражал секретарь федеративного комитета Пеллутье. Конгресс принял отрицательную для гедистов резолюцию. «Принимая во внимание, — говорится в резолюции, — что вступление федерации бирж труда в область политики послужит предметом разлада и отвлечет синдикальные организации от их главной цели, которую они должны преследовать — освобождения рабочих собственными усилиями, — конгресс постановляет, что ни в коем случае федерация бирж труда не должна вступать в какую бы то ни было политическую группу».

Образ действий министерства Вальдека-Руссо (в состав которого вошел «социалист» Мильеран), выразившийся в провокации рабочих устройством желтых синдикатов и избиении стачечников в Шалони и на острове Мартинике (где

было убито 17 человек), дал повод некоторым делегатам подвергнуть резкой критике капиталистический строй и защищающее его правительство. Но, вместо того чтобы сделать отсюда вывод о политической борьбе с этим строем (парламентской и революционной) для захвата власти, указанные делегаты, и с ними вместе и конгресс, высказались против участия в какой бы то ни было политической деятельности при существующем капиталистическом строе. На следующем конгрессе были приняты резолюции о пропаганде среди солдат, о борьбе за повышение заработной платы и укорочение рабочего дня, о борьбе с безработицей и пр.

Одновременно с конгрессом федерации бирж труда происходили конгрессы Всеобщей конфедерации труда, где разбирались аналогичные вопросы и принимались аналогичные резолюции. Деятельность обеих центральных организаций была, таким образом, почти однородна. Само собой понятно, что между ними должны были возникнуть трения и даже раздоры. Необходимость в объединении этих организаций чувствовалась все сильнее.

На конгрессе федерации бирж в г. Алжире (1902 г.), где присутствовали представители 64 бирж, главным вопросом был вопрос об объединении, ибо союз капиталистов, — как сказал один оратор, — уже давно существует, и рабочие должны противопоставить ему единую, крепко спаянную классовую организацию. Был выработан проект объединения с Всеобщей конфедерацией труда для представления его на конгресс последней, который вкоре должен был собраться в г. Монпелье. На этом конгрессе и произошло давно желаемое объединение федерации бирж и всех прочих синдикатов под общей фирмой Всеобщей конфедерации труда. Статья 1-я принятого устава гласит, что «Всеобщая конфедерация труда имеет целью объединение пролетариев для защиты их духовных и материальных, экономических и профессиональных интересов: она объединяет вне всяких политических партий всех рабочих, сознающих необходимость борьбы за уничтожение системы наемного труда и капитала». Далее устав постановляет, что Конфедерация делится на две автономные секции: секцию промышленных и ремесленных федераций и секцию бирж. Постоянным органом Конфедерации является еженедельная газета «Голос народа» («La Voix du Peuple»), в которой могут участвовать только рабочие, члены Конфедерации.

В заключении указывается, что ВКТ основана на принципе федерализма и свободы, и что она предоставляет полную автономию организациям, подчиняющимся настоящему уставу.

Уставом принята следующая организация Всеобщей конфедерации труда. ВКТ состоит из двух самоуправляющихся секций: I секция — секция промышленных и ремесленных федераций — имеет целью организацию синдикатов и федераций синдикатов по отраслям промышленности, поддержку сношений между федерациями и принятие необходимых мер для поддержки синдикальных выступлений на почве экономической борьбы. II секция — секция бирж труда — имеет целью поддержку сношений между всеми биржами, создание новых бирж или союзов синдикатов в городах и областях. Она помогает бесплатному приисканию мест для безработных, собирает статистические сведения о состоянии производства, о стачках, заработной плате (по департаментам) и о ценах на продукты. Каждая из двух секций вполне автономна и получает часть доходов объединяемых ею организаций.

Верховным органом Конфедерации является конгресс, в котором принимают участие только входящие в Конфедерацию организации. Он собирается каждые два года. Исполнительным органом конгресса является Конфедеральный комитет, состоящий из делегатов обеих секций. Кроме указанных органов, ВКТ выбирает три постоянных комиссии: комиссию печати, комиссию стачек и всеобщей стачки и контрольную комиссию.

«Прямое действие» в борьбе с конторами найма. Конгрессы в Бурже и Амьене. Амьенская резолюция

Период 1902—1906 гг. является периодом борьбы синдикатов за улучшение условий труда и применение принципа «прямого действия» в виде стачек и других выступлений рабочих в защиту выставленных требований.

Сильное движение среди синдицированных рабочих вызвала борьба против частных контор для найма рабочих и служащих, которые впервые были основаны за сто лет перед тем, еще при Наполеоне I, и являлись источником эксплуатации рабочих. Со времени своего возникновения биржи труда доставляли места рабочим бесплатно. Но конторы все же продолжали существовать, привлекая новичков и неопытных; с другой стороны, их существование поддерживалось тем, что предприниматели принципиально предпочитали обращаться к частным конторам,

и рабочие по необходимости принуждены были прибегать к их услугам, как бы дорого им это ни обходилось. К указанному нужно прибавить, что частные конторы являлись поставщиками из провинции более дешевых рабочих рук и таким образом создавали конкуренцию среди рабочих.

Борьба против контор велась издавна. После стачки парижских парикмахеров в 1888 г., вызванной злоупотреблениями со стороны контор, и образования среди рабочих лиги для уничтожения контор в 1891 г., в палату в том же году для успокоения рабочих был внесен проект уничтожения контор; но внесенный законопроект не получил дальнейшего движения, так как цель его внесения, т. е. успокоение рабочих, была достигнута. Движение против контор возобновилось в 1903 г.; в указанном году в Лионе Конфедерацией был организован ряд митингов и собраний. Правительство решило подавить движение силой и, разогнав одно такое собрание, происходившее на бирже, арестовало до 150 рабочих. В Париже многие конторы подверглись разгрому со стороны рабочих. Считаясь с этим движением, палата в спешном порядке приняла проект о закрытии контор; но сенат, на рассмотрение которого перешел законопроект, медлил его утверждением; тогда рабочие устроили манифестацию перед сенатом, причем произошло столкновение с полицией, и было арестовано до 100 рабочих. Сенат поспешил рассмотрением законопроекта, причем настолько изменил его содержание, что он потерял свое значение. Но Конфедерация продолжала свою агитацию, а биржи производили давление на городские советы, и в результате большинство контор было закрыто; спрос и предложение труда целиком перешли в ведение бирж.

О стачках этого периода, устроенных при поддержке Конфедерации, точно так же и о всеобщей первомайской стачке в пользу 8-часового рабочего дня, устроенной в 1906 г., будет рассказано дальше.

На конгрессе Конфедерации в Бурже (1904 г.) во время прений обозначились два течения в синдикализме — реформистское и революционное; за реформизм высказалось 369 делегатов, за революционизм — 825; но среди рабочих, входящих в состав синдикатов, реформистов было значительно больше, и делегаты, примыкавшие к этому направлению, для правильного проявления действительных взглядов рабочих масс требовали введения пропорционального представительства от синдикатов на конгрессах; однако конгресс отверг

это предложение. Буржеский конгресс постановил также начать борьбу прямым действием за 8-часовой рабочий день.

С момента объединительного конгресса (в Монпелье) в 1902 г. до 1906 г. число синдикатов, объединенных Конфедерацией, увеличилось более чем в два раза; секция бирж тоже значительно расширилась, увеличившись за этот короткий период на 25 бирж. Ввиду растущего влияния синдикализма в рабочем мире, социалистическая партия вновь делает усилие овладеть синдикализмом на Амьенском конгрессе Конфедерации (осенью 1906 г.). Здесь прежде всего обсуждался вопрос о дальнейшей борьбе за 8-часовой рабочий день, причем при ведении пропаганды всеобщей стачки конгресс рекомендовал следующий «военный» план: 1) всеобщую стачку каждой отдельной корпорации; эти стачки уподобляются гарнизонным маневрам; 2) всеобщее прекращение труда всюду в назначенный день; это будут «наши большие маневры». 3) полную и всеобщую остановку труда, ставящую пролетариат в открытую войну с капиталистическим обществом, т. е. всеобщую стачку, которая должна кончиться социальным переворотом.

Только к концу своих заседаний — и после многочисленных возражений со стороны ярых синдикалистов — конгресс перешел к рассмотрению вопроса об отношении между Конфедерацией и партией. Со стороны партии с докладом выступил делегат прядильно-ткацкой федерации Ренар; со стороны революционных синдикалистов, непримиримых противников политической борьбы, выступили Мергейм, Лятапи, Гриффюэль; против объединения с партией высказались также реформисты в лице Кофера. В конце концов резолюция против объединения была принята подавляющим большинством голосов.

Резолюция, принятая на Амьенском конгрессе, разъясняет сущность, цели и тактику синдикализма и сохраняет для синдикалистского движения свое значение по сию пору, а потому приводим ее полностью.

«Амьенский конгресс Конфедерации подтверждает § 2 конституции Всеобщей конфедерации труда:

Всеобщая конфедерация труда объединяет, вне зависимости от какого-либо политического направления, всех трудящихся, являющихся сознательными сторонниками борьбы за уничтожение строя наемного труда.

Конгресс считает, что эта декларация является признанием классовой борьбы, которая в экономической области

противопоставляет восставших рабочих всем формам эксплуатации и притеснения как морального, так и материального, к коим прибегает класс капиталистов в своей борьбе против пролетариата.

Конгресс раскрывает в следующих пунктах конкретное значение этого теоретического положения.

В своих повседневных требованиях синдикализм преследует задачу согласования всех сил пролетариата, увеличения его благосостояния путем осуществления непосредственных улучшений условий его жизни и труда, выражающихся в сокращении рабочих часов, увеличении заработной платы и т. д.

Но эта деятельность является только одной стороной синдикализма; синдикализм подготавливает вместе с тем полное освобождение, которое может быть достигнуто только путем экспроприации капиталистов; он отстаивает всеобщую забастовку как средство борьбы и считает, что синдикату, являющемуся в настоящий момент объединением для самозащиты, в будущем суждена роль объединения рабочих для производства и распределения и основной ячейки социального переустройства.

Конгресс заявляет, что эта двойственная работа — работа повседневная и работа во имя будущего — вытекает из системы наемного труда, которая давит на рабочий класс и побуждает всех трудящихся, каковы бы ни были их философские и политические стремления, входить в основной орган рабочего класса, каким является синдикат.

Следствием из этих положений является то, что по отношению к отдельным лицам конгресс подтверждает полную свободу для каждого члена синдиката участвовать вне своей профессиональной организации в тех органах борьбы, которые отвечают его философскому и политическому мировоззрению, ограничиваясь вместе с тем только требованием не вносить в синдикат тех теорий, которые он исповедует вне своей профессиональной организации.

По отношению же к организациям конгресс постановляет: для того чтобы синдикализм достиг максимальных результатов, необходимо, чтобы экономическая деятельность синдикатов была непосредственно направлена против буржуазного строя, а потому конфедеральные организации в качестве профессиональных объединений должны выступать вне всякой связи с различными партиями и сектами, которым открыта свободная возможность бороться за перерождение общества вне Конфедерации и на ряду с таковой».

Период 1905—1910 гг., т. е. период Амьенского конгресса и следующих за ним нескольких лет, является эпохой высшего расцвета синдикализма во Франции. В это время влияние его становится столь значительным, что служащие и чиновники некоторых ведомств, а затем учителя казенных и частных учебных заведений начинают образовывать синдикаты, чтобы присоединиться к Всеобщей конфедерации труда.

Чинoвничий и учительский синдикализм встретил сильное противодействие со стороны правительства, хотя в тот момент во главе его стояли бывший крайний радикал, ярый сторонник политической свободы Клемансо и бывший социалист Бриан, который на Марсельском и Нантском конгрессах защищал идею всеобщей стачки против гедистов. Когда в марте 1907 г. «Центральный комитет для защиты синдикалистского права государственных рабочих и служащих» обратился к председателю совета министров Клемансо с «открытым письмом», требуя для государственных и муниципальных служащих права полной свободы коалиции наравне со всеми гражданами и права присоединиться к Всеобщей конфедерации труда, то этот «борец» за свободу, совершенно изменивший свои взгляды с того момента, как очутился на министерском посту, ответил отрицанием за чиновниками права стачек и права присоединения к «антигосударственной» организации. Несмотря на противодействие и угрозы правительства, в конце 1909 г. образовалась Общая федерация чиновников, в состав которой вошел ряд отдельных федераций служащих в различных ведомствах. Даже полицейские Парижа образовали свои профессиональные организации.

Движение среди чиновников чрезвычайно подбодрило революционно настроенных синдикалистов. Им казалось, что государственный аппарат целиком переходит на их сторону, благодаря чему план всеобщей стачки получает неожиданное и чрезвычайно важное подкрепление. Но вызванные этим настроением стачка почтовых служащих в 1909 г. и стачка железнодорожников в 1910 г.¹⁾, а затем в том же 1910 г. всеобщая стачка самой революционной синдикальной организации — Федерации строительных рабочих — кончились неудачей. С этого времени начинается кризис синдикализма, продолжавшийся до самой войны и заверченный ею.

¹⁾ Об этой стачке подробное см. ниже (стр. 308).

Хотя синдикалисты уверяли других и были уверены сами, что за ними идут массы, но фактически дело обстояло совсем не так. Пока синдикализм делал кажущиеся успехи, число синдицированных рабочих увеличивалось, росло число синдикатов, примыкающих к Конфедерации; но лишь только началась полоса неудач, последовало отпадение от Конфедерации многих приверженцев.

Цифры показывают, что синдикальное движение во Франции являлось чем-то грандиозным более в воображении его вождей, чем в действительности.

Общее число синдикатов и синдицированных рабочих было: в 1890 г. — синдикатов 1.006, членов в них — 139.692; в 1895 г. — синдикатов 1.926, членов — 402.125; в 1900 г. — синдикатов 2.685, членов — 491.647; в 1903 г. — синдикатов 3.879, членов — 643.757; в 1906 г. — синдикатов 4.875, членов — 836.134; в 1911 г. — синдикатов 5.325, членов — 1.029.238.

Из этого общего числа синдицированных рабочих к Всеобщей конфедерации труда, по ее вычислениям, примыкало в 1911 г. около 600 тысяч, а в действительности меньше, а именно — около 500 тысяч, а из общего числа 5.325 синдикатов к ней примыкало 2.837, т. е. немногим больше половины. Если принять во внимание, что общее число наемных рабочих (за исключением сельскохозяйственных) во Франции к концу первого десятилетия XX в. определялось приблизительно в 6½ млн., то число синдицированных рабочих составляло в 1911 г. около 1/6 части рабочих, а принадлежавших к Всеобщей конфедерации труда — около 1/16 части.

Что касается «революционизма» синдицированных рабочих, то об этом необходимо сказать несколько слов. Как известно, в синдикальном движении все время боролись два направления — реформистское и революционное, причем на конгрессах представители последнего направления всегда имели значительное большинство. В действительности же среди синдицированных рабочих преобладало реформистское направление. Причина кажущейся революционности заключалась в следующем. Как известно из предыдущего, согласно уставу, все организации имели на конгрессах одинаковое число представителей, независимо от количества входивших в них членов. Вследствие этого, перевес был на стороне мелких ремесленных синдикатов (портных, сапожников, щеточников, столяров и пр.), которые в прежние времена находились под влиянием анархических идей прудонизма и бакунизма и по традиции сохранили анархо-революционную окраску, между

тем как самые крупные федерации — горнорабочих, текстильщиков, железнодорожников, книгопечатников и др., — объединявшие гораздо более половины примыкавших к Конфедерации синдицированных рабочих, часто в очень резкой форме высказывались против революционно-синдикалистской пропаганды. К тому нужно еще прибавить, что главным центром революционного синдикализма являлся Париж, между тем как реформизм черпал своих сторонников в провинции. Доказательством внутренней слабости синдикализма во Франции служила также слабая распространенность главных органов печати объединенного синдикализма. Так, центральный орган ВКТ — еженедельник «Голос народа» расходился всего в количестве 6 тыс. экземпляров. Основанная в 1910 г. синдикально-революционная газета «Синдикалистская борьба» (Bataille Syndicaliste) расходилась в количестве 25—30 тыс. экземпляров.

Основные принципы синдикализма

Основные принципы синдикализма, насколько они выразились в резолюциях синдикальных конгрессов и в сочинениях сторонников этого направления, вкратце сводятся к следующему.

Всеобщая конфедерация труда объединяет все входящие в нее синдикальные организации, отмежевываясь от всяких социалистических и политических партий, исключительно для борьбы на экономической почве.

Всеобщая конфедерация образует партию трудового народа, которая ставит себе целью защиту классовых интересов рабочих для достижения как немедленных улучшений (сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. д.), так и полного уничтожения современной системы наемного труда.

Для осуществления этой цели синдикализм выработал свою собственную тактику и свой особый метод борьбы — прямое действие.

Прямое действие, — как говорят синдикалисты, — есть непосредственная борьба рабочих с буржуазией без передачи дела своего освобождения в руки каких бы то ни было посредников. Поэтому синдикалисты являются решительными противниками политической борьбы, и в частности парламентаризма. Так как парламент — это основное орудие буржуазного государства, служащее ему для обмана и угнетения рабочих, то последние, — говорят синдикалисты, — должны отказываться не только от непосредственного участия в нем, но и от участия в избирательной борьбе. Все

законы, издаваемые парламентом, даже те, которые имеют якобы целью улучшить положение рабочих, в действительности стремятся еще более сковать их своей регламентацией или просто закабалить их. Они поэтому отрицают всякие формы посредничества, которые под видом обязательных третейских судов и регламентации стачек в действительности стремятся отнять инициативу у рабочих, вводя в скрытой форме парламентские способы борьбы.

Главные виды прямого действия суть: стачка, бойкот, лебел¹⁾, саботаж и все виды захватных действий, например, проведение захватным путем 8-часового рабочего дня. Но на первом плане стоит стачка, и именно всеобщая стачка.

Стачка как орудие борьбы рабочего класса существует издавна, но в новейшее время изменяется ее характер, усложняются ее цели. Теперь стачки являются не только орудием борьбы за улучшение материального положения рабочего, но имеют громадное воспитательное значение. Прежде рабочие смотрели на стачку как на неизбежное зло и решались бастовать только в крайних случаях; в настоящее время рабочие пользуются стачкой как атакой на крепость капитализма и потому не боятся вызвать стачку и стремятся поддерживать всякую стачку; отсюда очень распространенные среди синдикалистов «*с т а ч к и с о л и д а р н о с т и*», когда рабочие одной отрасли труда объявляют стачку для поддержки бастующих товарищей из другой отрасли труда. Все более учащаяся и приучая рабочих к единству действия, частные стачки закончатся общим нападением на современный капиталистический строй — всеобщей стачкой, которая приведет к уничтожению буржуазного государства и капиталистического строя.

Для водворения нового строя не будет надобности в создании новых органов и учреждений. Органами производства и управления в будущем обществе будут те же органы, которые до того служили для борьбы рабочего класса — синдикаты, биржи труда, федерации и конфедерация. Новое общество будет организовано без центральной политической власти, на основе равноправного объединения синдикатов-общин.

В синдикализме, как уже неоднократно указывалось, различают два направления: революционное, принципы которого только что нами изложены, и реформист-

¹⁾ Наклейки на товар для обозначения предприятий, соблюдающих требования профсоюзов.

ское, более мирное, целью которого его сторонники считают частные реформы и частичные улучшения в положении рабочего класса, как-то: укорочение рабочего дня, страхование от безработицы, на случай болезни и пр. Они — сторонники богатых профессиональных касс, способных выдержать серьезные экономические столкновения с предпринимателями, при чем они высказываются против необдуманно затеваемых стачек. Они нередко выступают против синдикалистской антипатриотической пропаганды. Своих целей реформисты стремятся достичь мирными средствами и не прочь от так называемого посредничества (третейских судов, примирительных камер); они только, подобно революционным синдикалистам, отказываются от политической деятельности. Реформизм очень сходен с английским тред-юнионизмом.

В синдикализме можно заметить черты различных направлений: марксизма, прудонизма, бакунистского анархизма. Из учения Маркса синдикалисты заимствовали теорию классовой борьбы; у Прудона — недоверие, доходящее до отвращения, к политической деятельности, а также федеральный строй своей организации; у бакунистов — тактику «прямого действия».

Правы ли синдикалисты в своих воззрениях и в своей тактике, — об этом скажем дальше, при рассмотрении отличительных особенностей французского рабочего движения.

Относясь к стачке не только как к средству борьбы за частичные улучшения в положении рабочих, но и как к средству воспитательному, ведущему к конечному торжеству рабочего дела, — Всеобщая конфедерация поддерживает и поощряет стачечное движение.

Стачечное движение и рабочее законодательство до войны

Успехи ее агитации на этом поприще не подлежат сомнению. По ежегодному количеству стачек Франция до мировой войны занимала одно из первых мест среди других промышленных стран света, хотя число рабочих в ней меньше, нежели в Англии, Германии или Соединенных Штатах.

По официальным сведениям, во Франции в 1900 г. было 902 стачки, в коих участвовало 222.714 рабочих; из них 205 окончились успешно, 360 дали частичный успех, 337 кончились поражением. В 1904 г. было 1.026 стачек, в коих участвовало 271.097 рабочих; кончились удачно 297, с частичным успехом — 394, неудачно — 335. В 1906 г. — 1.307 стачек, в коих участвовало 438.466 рабочих. Кончились удачно 817, а неудачно — 490.

Очень много стачек сопровождалось усмирением стачечников посланными для этого войсками. Таковы стачки, бывшие в тот период, когда министром торговли был «социалист» Мильеран (1899—1901 гг.), или грандиозная забастовка рудокопов в 1902 г.; стачка ткачей в Северном департаменте, забастовка рабочих крупных виноградников на юге в 1904 г., стачки трамвайных служащих, марсельских портовых рабочих, стачка (в 1905 г.) арсенальных рабочих во всех крупных портах Франции. Не стеснялись пускать в ход кровавые расправы и арестовывать стачечников министры Клемансо — бывший иacobинец и радикал — и Бриан — бывший социалист и синдикалист. Так, во время стачки рабочих, занятых добыванием песка в окрестностях Парижа, в 1908 г. было убито войсками несколько стачечников, было арестовано несколько вождей Всеобщей конфедерации, и была попытка (неудавшаяся) всеобщей стачки по призыву Всеобщей конфедерации. В бытность министром внутренних дел того же Клемансо вспыхнула грандиозная стачка рудокопов по поводу понижения заработной платы и гибели около тысячи рабочих во время катастрофы в шахтах района Курьера по вине владельцев, не принимавших мер для ограждения безопасности жизни рудокопов. Несмотря на то, что стачка протекала без эксцессов со стороны рабочих, министр-радикал не постеснялся послать для «усмирения» их 25 тыс. солдат. Осенью 1910 г. разразилась грандиозная забастовка железнодорожников; прежде чем приступить к забастовке, национальный синдикат железнодорожников долго вел переговоры с представителями железнодорожных компаний и самим премьер-министром Брианом, добиваясь, чтобы он повлиял на владельцев железных дорог. Но министр старался, по возможности, оказать давление не на железнодорожные компании, а на рабочих; видя это, компании не обнаруживали никакого желания уступать. Когда вспыхнула забастовка, министр объявил железные дороги на военном положении и приказал арестовать вожakov движения. Когда к стачечникам присоединились рабочие-электрики, их заменили солдатами. Скоро к забастовке присоединились еще строительные рабочие и др., но благодаря репрессиям правительства (массовые аресты рабочих) забастовщики принуждены были уступить.

Несколько слов нужно сказать отдельно о синдикально-стаечном движении в пользу 8-часового рабочего дня и, в частности, о первомайской забастовке 1906 года.

Еще на конгрессе в Бурже (1904 г.) Конфедерация постановила начать «прямую» борьбу за 8-часовой рабочий день, заявив, что «время прошений» (т. е. обращений к парламенту) кончилось и что наступило время действий. Была образована особая комиссия для ведения пропаганды за 8-часовой рабочий день, причем все старания комиссии были направлены на то, чтобы рассеять господствующий среди рабочих предубеждение, будто за укорочением рабочего дня должно последовать уменьшение заработной платы. Были организованы многочисленные митинги и собрания, изданы брошюры и листовки, в которых рядом с призывом к борьбе за 8-часовой рабочий день разъяснялось, что это завоевание будет только шагом к дальнейшей более высокой цели — уничтожению строя наемного труда. Одновременно с требованием 8-часового рабочего дня выдвигалось требование еженедельного отдыха, которого были лишены многие профессии, как, например, булочники, парикмахеры, служащие кафе и ресторанов и т. п.

Предварительные выступления были назначены на 1 мая 1905 г. Призывая всех без исключения рабочих к первомайской манифестации, Конфедерация называла ее «прологом» к всеобщей борьбе за завоевание 8-часового рабочего дня». Эта генеральная проба сил должна была подготовить рабочих к 1 мая 1906 г.

1 мая 1905 г. во многих городах Франции произошли внушительные демонстрации; в некоторых местах были столкновения с полицией и войсками; в Лиможе было убито двое и ранено много демонстрантов.

В начале апреля 1906 г. в Париже собралась конференция всех национальных федераций синдикатов для выработки общего плана действий к 1 мая. Здесь после горячих прений решено было призвать рабочих всех предприятий составить списки требований, касающихся сокращения рабочего дня и других условий труда, для предъявления их хозяевам, дав последним срок для их удовлетворения не позже 1 мая. Вместе с тем рабочие всей Франции призывались ко всеобщей первомайской забастовке, которая должна явиться «манифестацией мощи организованного пролетариата» и которая поможет рабочим «единодушным натиском вырвать у хозяев свою долю благосостояния и свободы».

Между тем в марте 1906 г. во главе правительства стал вышеупомянутый радикал Клемансо, который пригласил в свое министерство двух «социалистов» — Бриана и Вивиани.

В первый месяц пребывания у власти нового министерства случилась вышеупомянутая катастрофа в шахтах каменно-угольного района Курьера, где под землей от страшного взрыва погибло 1.200 рабочих; последовавшая стачка 80 тыс. рабочих-углекопов показала, что радикалы и бывшие социалисты, войдя членами в буржуазное министерство, становятся такими же прислужниками капитала, как обыкновенные министры из рядов буржуазии. По просьбе владельцев копей правительство прислало в район стачки множество солдат и жандармов. Два видных синдикальных деятеля — секретарь синдиката углекопов Брутчу и член конфедерального комитета Монатт — были арестованы. В результате стачки рабочие добились некоторых, хотя незначительных, улучшений условий труда. Зная о готовящейся первомайской забастовке, правительство прибегло к провокации; оно распространило гнусную клевету, будто Конфедерация в союзе с реакционерами составила против республики заговор, который она намерена осуществить 1 мая. Полиция арестовала секретаря Конфедерации Гриффюэля, члена конфедерального комитета Монатта и казначея Леви, произвела множество обысков у других видных синдикалистов и в синдикальных учреждениях, но никаких материалов для подтверждения своей клеветы, конечно, не нашла.

Накануне 1 мая 1906 г. парижская буржуазия была охвачена паникой. Газеты пугали правительство и население приближением «социальной революции». Богатые люди уезжали из Парижа, увозя драгоценности; средняя публика заготовляла провизию в ожидании волнений, а может быть, и сражений между рабочими и правительством. Происходившие 1 мая забастовки не соответствовали этим грозным ожиданиям, хотя все же были внушительны в общей совокупности, охватив все промышленные районы Франции. Бастовал почти весь организованный пролетариат, но до всеобщей забастовки было очень далеко. Бастуя, рабочие в подавляющем большинстве случаев не выставляли требования 8-часового рабочего дня: одни не могли долго бастовать потому, что в их отрасли производства царил мертвый сезон; другие не требовали 8-часового рабочего дня потому, что ожидали отказа от его введения «по техническим условиям»; третьи руководились аналогичными или иными причинами. Вот почему в подавляющем большинстве случаев выставлялись требования, на удовлетворение которых можно было рассчитывать, каковы требования уменьшения рабочего дня, увеличение заработной платы и установления еженедельного отдыха и пр.

Нужно заметить, что забастовочное движение началось еще до мая и продолжалось некоторое время спустя ¹⁾. В апреле в Париже забастовали печатники, затем ювелиры, в мае — металлисты, литографы, механики, каменщики и др. Точно так же было значительное стачечное движение в таких крупных городах, как Лион, Монпелье, Марсель. Эти стачки в соединении с первомайской принесли некоторым категориям рабочих улучшения условий труда. Во-первых, 13 июля того же 1906 г. был издан закон о еженедельном отдыхе. Во-вторых, ряд профессий добился 9-часового рабочего дня вместо 10-часового, как, например, печатники, портные, штукатуры, землекопы и др., а в некоторых местах в ремесленных производствах был введен 8-часовой рабочий день; некоторые профессии добились введения «английской недели», т. е. прекращения работы с полудня субботы до утра понедельника. Но все это были частичные и сравнительно незначительные успехи, которые ничего общего не имели с той грандиозной целью, которую себе ставила Конфедерация, призывая всю рабочую Францию к первомайской забастовке. Однако и эти частичные успехи подбодрили рабочих и послужили к поднятию престижа Конфедерации в глазах рабочих.

Переходя к состоянию фабричного законодательства во Франции, нужно отметить, что в этом отношении Франция в конце XIX в. чрезвычайно отставала не только от Англии, но и от Германии. Сказанное относится как к продолжительности рабочего дня и другим условиям труда, так в особенности к вопросам страхования. Так, например, в то время, как в Германии обязательное страхование от несчастных случаев существовало с 1884 г., во Франции оно введено только с 1898 г. Затем, если в Англии государство медлило с введением различных форм страхования, то эти обязанности брали на себя тред-юнионы, обладавшие богатыми кассами; во Франции, как мы знаем, синдикаты в отношении денежных фондов стояли не только ниже Англии, но и Германии.

Перечислим главные реформы в области рабочего законодательства, начиная с 1892 г.

В 1892 г. был издан закон о защите труда детей и женщин; продолжительность рабочего дня по этому закону определялась: для детей менее 16 лет от роду — 10 час., для подростков от 16 до 18 лет — 11 час., для женщин старше

¹⁾ Единственное настроение французских рабочих в 1905—1906 гг. объясняется влиянием русской революции этого периода.

18 лет — в 11 час. В том же году был издан закон о примирительных камерах для решения споров между рабочими и предпринимателями.

В 1894 г. введено принудительное страхование рабочих в рудниках; в 1898 г.—закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, если несчастие произошло не по вине самого рабочего. Закон 1899 г. регулирует труд рабочих, нанимаемых предпринимателями, работающими на государство; законом устанавливается минимум заработной платы, еженедельный отдых и т. п. Борьба за 8-часовой рабочий день издавна велась социалистическими и профессиональными союзами. Эта борьба привела к тому, что законом 1900 г. длина рабочего дня была установлена в 11 час. с тем, чтобы в 1902 г. быть доведенной до 10½, а в 1904 г. — до 10 час. (вспомним, что в Англии закон о 10-часовом рабочем дне в хлопчатобумажной промышленности введен в 1847 г.). В то же время для некоторых категорий рабочих, работающих в предприятиях, подведомственных государству или местным самоуправлениям (в почтово-телеграфном и телефонном ведомстве, на фабриках, изготовляющих марки, на городских электрических заводах), длина рабочего дня установлена в 8 час. В 1906 г. установлен еженедельный отдых в производствах, в которых его до того времени не было. В 1911 г., наконец, после долгих мытарств, принят закон о рабочих и крестьянских пенсиях. Закон этот обеспечивает стариков, начиная с 65 лет, ежегодный заработок которых не превышает 300 франков. Средства для этого страхования состояются из взносов рабочих и хозяев одинаковой величины и из доплат государства. Французские рабочие, недовольные этим законом, называли его «законом для покойников».

Заметим в заключение, что все реформы в пользу рабочего класса всегда задерживались и урезывались верхней палатой французского парламента — сенатом, состоявшим, главным образом, из представителей французской крупной буржуазии.

С момента объединения на конгрессе в Париже в 1905 г. до войны единство социалистической партии не нарушалось. Но с внутренней стороны партия не стала единой. В ней боролись направления, из которых она сложилась. Главными из них были гедизм и жоресизм. Гедизм, заявляя о своей верности марксистским принципам, допускал в тактической области много отступлений

Французская социалистическая партия с момента объединения до начала войны

и ошибок, из коих большинство отмечено выше, а остальные будут указаны в дальнейшем. Что касается Жореса, то хотя он сравнительно с периодом до объединения в известной степени полевел, но в общем и целом он оставался в теоретической области на идеалистической почве, а на практике склонялся к реформизму и оппортунизму. По мере расширения рядов партии и увеличения ее избирательных успехов, жоресизм брал верх над гедизмом, и сущностью этого направления часто и в значительной степени окрашивалась вся партийная деятельность. Кроме этих двух направлений, нужно отметить одно крайне левое — эрвеизм, а другое — крайне правое, поппулизм с Бруссом во главе. Эрве (издававший «Социальную войну») сочувствовал синдикализму, пропагандировал всеобщую стачку и антипатриотизм (о чем подробнее см. дальше). Среди поппулистов, кроме Брусса, особенно выделялся Бретон, требовавший полного отказа от теории революции, требовавший блок с радикалами, вопиования бюджета и пр.

Партийную линию объединенной социалистической партии можно проследить по решениям и дебатам ее конгрессов. Из вопросов, обсуждавшихся на них, особенно важны: об избирательной тактике, о всеобщей стачке и профсоюзах, об аграрной программе, и, в особенности, о милитаризме и войне.

На первом после объединения конгрессе в Шалоне (1905 г.) главным вопросом был вопрос о выборах и перебаллотировках, причем конгресс предоставил усмотрению местных организаций «принимать ту или иную позицию по отношению к перебаллотировкам в интересах пролетариата и социальной республики». Этим нарушалась принципиальная позиция партии и создавалась возможность блока с радикалами.

На Лиможском конгрессе (ноябрь 1906 г.) обсуждался вопрос об отношении между партией и синдикатами. Большинство получила резолюция Жореса, предлагавшая признать независимость синдикатов, находя, что «такое согласование политической и экономической деятельности пролетариата, при отсутствии подчинения и вызванного им недоверия между этими двумя организациями, поведет к их сотрудничеству». Резолюция, предложенная Гедом и отвергнутая конгрессом, сводилась в общем к требованию подчинения профсоюзов партии. Таким образом, резолюция закрепляла один из важнейших недугов, обессиливавших французское рабочее движение — разъединение профсоюзного и политического движения — и являлась выражением неумения партии вос-

становить единство. Здесь также обсуждался вопрос о милитаризме и войне; большинство получила резолюция, гласившая, что нация и рабочий класс, на независимость которого покушается иностранное правительство, «обязаны защищать свою независимость и самоопределение против этого покушения». В то же время резолюция подчеркивала, что «антимилитаристская и исключительно оборонительная политика партии предписывает стремиться к разоружению буржуазии и вооружению рабочего класса путем всенародного вооружения».

В случае угрозы конфликта пролетариат призывался к принятию мер предупреждения его путем объединенного выступления рабочих всех стран посредством парламентских действий, массовых манифестаций до всеобщей забастовки и восстания включительно. Таким образом, резолюция, с одной стороны, призывала к забастовке и восстанию, а с другой — признавала «оборонительные» войны и необходимость рабочего класса, в случае нападения, защищать независимость своей нации. Нужно вместе с тем отметить получившую значительное меньшинство резолюцию федерации севера, призывавшую к завладению политической властью, не дожидаясь войны.

На конгрессе в Нанси (1907 г.), кроме вторичного голосования и принятия лиможской резолюции об отношении между партией и синдикатами, было выражено отрицательное отношение партии к колониальной политике правительства, «являющейся непосредственным результатом капиталистического строя».

В Тулузе (1908 г.) конгресс посвятил все свои заседания дебатам по докладу Жореса об общей деятельности партии. Резолюция обосновывает обе стороны деятельности социалистической партии — реформистскую и революционную — и точно характеризует ориентацию партии. Резолюция эта заслуживает особенного внимания в виду широкого обоснования целей и тактики партии ¹⁾.

На Сент-Этьенском конгрессе (1909 г.) в порядке дня стояли вопросы выборной кампании и аграрный. По первому вопросу отвергнуто предложение радикалов и радикал-социалистов о соглашениях по поводу перебаллотировок и попрежнему постановлено предоставить решение вопросов перебаллотировки усмотрению местных организаций.

На этом конгрессе рассматривался также аграрный вопрос. Еще на Лиможском конгрессе (1906 г.) была избрана анкетная

¹⁾ Текст резолюции у П. Луи, История социалистической партии во Франции, изд. «Красная новь», 1923 г., стр. 44—45.

комиссия для исследования аграрного вопроса. Конгресс, рассмотрев часть материалов этой комиссии, признал их недостаточными для окончательного решения вопроса. Развернувшиеся дебаты, в которых участвовало до 26 ораторов, не были закончены. В общем и целом предлагавшиеся мероприятия были сходны с мероприятиями аграрной программы, принятой на Марсельском конгрессе 1892 г. Продолжение дискуссии было отложено до следующего конгресса. Была избрана особая комиссия, которой было поручено подготовить к этому конгрессу декларацию по аграрному вопросу, рассмотрение которого в дальнейшем откладывалось от одного конгресса к другому.

На конгрессе в Ниме (1910 г.) обсуждался законопроект правительства о страховании рабочих (см. предыдущий параграф). Мнения делегатов разделились: одна часть с Вальяном (бланкистом) во главе высказывалась за законопроект, надеясь, что давлением социалистической фракции в палате его удастся впоследствии улучшить; другая часть называла его буржуазной спекуляцией, новым налогом на рабочих, неспособным принести ему никакой пользы. Всеобщая конфедерация труда еще ранее этого высказывалась решительно против законопроекта. Победили, однако, сторонники голосования за законопроект—Вальян, Жорес, Самбо и др.

П а р и ж с к и й к о н г р е с с (1910 г.), происходивший накануне международного Копенгагенского конгресса (см. § II Интернационал, отдел Германия, гл. III), рассматривал вопрос о войне и мире. Единогласно принята резолюция, предложенная Вальяном: «Если при наличии угрозы конфликта между двумя или несколькими государствами наблюдается колебание в принятии определенного решения со стороны их национальных партий, секретарь международного социалистического бюро может по требованию пролетариата, по меньшей мере одной страны, созвать в срочном порядке международное социалистическое бюро, междупарламентскую социалистическую комиссию, которые должны немедленно собраться либо в Брюсселе, либо в каком-либо ином месте, которое окажется наиболее подходящим по обстоятельствам».

В то же время была принята значительным большинством добавочная резолюция, гласившая, что международное рабочее движение должно оказать воздействие на правительства в смысле широкого применения третейских судов; должно стремиться к распространению такого образования, которое воспитало бы поколения, свободные от милитаристических и шовинистических предрассудков; должно приложить все уси-

лия к тому, чтобы осуществить одновременное разоружение нации. Резолюция эта, как мы видим, носит явно оппортунистический характер, поскольку она предполагает возможным достижение всего перечисленного в рамках капиталистического общества.

Большую дискуссию вызвал также вопрос о кооперации. Часть ораторов приписывала ей известное значение в социалистическом движении, другая не признавала за ней никакой ценности в этом отношении. Первый тезис получил 202 голоса, второй — 142.

На Сен-Кентенском конгрессе (1911 г.) обсуждались вопросы о национализации железных дорог и о муниципальной политике (т. е. о политике по отношению к городским и сельским самоуправлениям). По второму пункту конгресс нашел, что деятельность в муниципальной области может усилить боеспособность трудящихся; муниципальные работы и предприятия должны быть переданы рабочим, организованные в синдикаты и кооперативы, причем муниципальные предприятия должны прежде всего иметь в виду интересы рабочего населения. Рассмотрение аграрного вопроса было отложено до следующего конгресса.

Брестский конгресс (1913 г.) был посвящен проекту правительства о трехлетней военной службе. В резолюции заявлялось, что «единственным средством обеспечения национальной защиты является учреждение милиции путем всеобщего вооружения» и что «тяготы, вызванные вооруженным миром, опасные для народа и убийственные для экономической и общественной жизни народов, не могут уменьшиться, пока международные разногласия, устранение которых возможно лишь с устранением капиталистического строя, не будут разрешаться путем развитой и упроченной системы третейского суда».

«Считая, — говорится далее очень наивно в резолюции, — что две великих нации, как германская и французская, могут одновременно приступить к разоружению в результате лояльно и публично выраженного согласия... конгресс поручает парламентской социалистической группе... вести в парламенте и стране энергичнейшую и решительнейшую кампанию в пользу франко-германского соглашения, международных третейских судов» и пр.

На Амьенском конгрессе (январь 1914 г.) рассмотрение аграрного вопроса было вновь отложено. Все внимание конгресса было посвящено выборной тактике, причем

конгресс высказался против восстановления блока. Отмечая опасность закона о трехлетней военной службе, резолюция призывает к всемерному содействию франко-германскому сближению. При перебаллотировках на ближайших выборах постановлено оказывать содействие кандидатам других партий в зависимости от их оппозиции к закону о трехлетней военной службе, к шовинизму и к коалиции клерикалов и военщины.

Последним конгрессом до войны был Парижский конгресс (июль 1914 г.). Он происходил в тревожной атмосфере назревавшего конфликта. Само собой понятно, что все внимание конгресса было сосредоточено на вопросе о том, какое противодействие может оказать пролетариат надвигающейся катастрофе. О принятой резолюции нами будет сказано дальше.

Мы изложили конгрессовую деятельность партии, внешнюю, так сказать, праздничную сторону ее жизни. Какова же была внутренняя, будничная сторона этой жизни в рассматриваемый период? На этот вопрос, к сожалению, приходится дать ответ, неблагоприятный для партии. Обратимся к цифрам. — Когда обе партии объединились в 1905 г., совокупное число членов объединенной партии равнялось 34.688. О этого момента партия по своему численному составу прогрессировала следующим образом: в 1906 г. — 40.000 членов, в 1907 г. — 42.462, в 1908 г. — 48.237, в 1909 г. — 51.692, в 1910 г. — 53.928, в 1911 г. — 63.358, в 1912 г. — 63.657, в 1913 г. — 68.903, в 1914 г. — 72.765 членов.

Беря число членов партии в 1912 г., т. е. 63.657, и исходя из предположения, что все члены партии принадлежат к рабочему классу, мы найдем, что число членов социалистической партии составляло 1 % всего рабочего населения Франции (не считая с.-х. рабочих), а в отношении числа синдицированных — 6,5 % — цифра очень мизерная, если принять во внимание славную столетнюю историю рабочего класса во Франции, историю, насыщенную самоотвержением, героизмом и стремлением к борьбе.

Имея такое небольшое количество постоянных членов, партия в то же время делала сравнительно большие успехи на парламентских выборах. В самом деле, в 1902 г. обе части тогда еще необъединенной партии провели в палату 44 депутата, за которых в общей сложности было подано 805.000 голосов; в 1906 г. объединенная партия провела 52 депутата, собрав 877.999 голосов; в 1910 г. — 76 и 1.106.047; в 1914 г. —

102 и 1.385.382. К успехам на парламентских выборах нужно прибавить еще более значительные успехи на муниципальных выборах: в мае 1912 г. социалистам удалось провести из своей среды 5.530 муниципальных советников и завоевать 282 коммуны.

Чем объяснить это с первого взгляда совершенно непонятное явление, что партия на выборах собирает число голосов, почти в 20 раз превышающее число ее постоянных членов? Очевидно, она к себе временно привлекает элементы, ничего общего с социализмом не имеющие, причем такой маневр не может обойтись для социалистической партии без отступлений от своей программы для защиты интересов общественных групп, несущих к урнам избирательные бюллетени в пользу социалистических кандидатов. Такими общественными группами, которых социалистическая партия, путем разных комбинаций и сделок с социалистической совестью, привлекает на свою сторону, являются те низшие слои среднего класса (промежуточные между буржуазией и пролетариатом), которые верят оппозиционности социалистической партии, между тем как в представителей прочих партий они давно изверились, но которые в то же время требуют от социалистических депутатов, чтобы они защищали их мелкобуржуазные интересы. Эти промежуточные классовые прослойки представляют особенно значительную величину в такой сравнительно мелкобуржуазной стране, как Франция. К этой категории избирателей принадлежат ремесленники, владельцы небольших мастерских, мелкие чиновники, средние и мелкие крестьяне, арендаторы и т. п. Достаточно указать на то, что социалистическая партия, для привлечения на свою сторону держателей всяких трактиров, харчевен и прочих мелких питейных заведений, которых во Франции насчитывается до полумиллиона, уклоняется от выступлений против алкоголизма, когда вопрос этот выдвигается в палате.

Интересы избирательной кампании, как указано, являются главными интересами социалистической партии в промежутках между конгрессами и на самих конгрессах, на которых, как мы видели, вопросу о выборах с принципиальной и практической стороны отводится большое место. Вопрос о перебаллотировках при нынешней системе выборов является вопросом величайшей важности для результатов выборов, и он волнует вождей социалистической партии в не меньшей, если не в большей степени, чем вопрос об отношениях между партией и профсоюзами. Таким образом, выборная политика и

выборные кампании — парламентские и муниципальные, — вот важнейшие стороны деятельности партии в промежутках между конгрессами. Все это можно было бы оправдать, если бы социалистическая фракция развивала в парламенте деятельность, соответствующую конечным целям социализма, если бы путем прямолинейной агитации и пропаганды социалистическая фракция разоблачала сущность современного строя, призывая через головы депутатов рабочий класс к его свержению. Но в действительности образ действий социалистической фракции в парламенте далеко не соответствовал даже требованиям, выдвигавшимся резолюциями социалистических конгрессов.

Нельзя в то же время отрицать существования во французском рабочем движении того недуга, который особенно силен в Англии и Германии, а именно оппортунистического давления на партию со стороны рабочей аристократии, ряды которой стали увеличиваться и положение улучшаться вместе с развитием промышленности и усилением правительственной политики колониальных грабежей и империализма. Это обстоятельство рядом со всем вышеизложенным не могло не влиять в смысле усиления оппортунизма и реформизма в рядах объединенной социалистической партии Франции.

Французские рабочие неоднократно имели случаи убедиться в том, что республиканская армия существует не только для того, чтобы завоевывать буржуазии новые территории для эксплуатации и в качестве рынков (захваты чужих земель и колоний) во всех частях света, но также для того, чтобы укрощать рабочих, когда они делают попытку бороться с чрезмерной эксплуатацией этой буржуазии. Солдаты посылаются на помощь буржуазии не только в качестве военной силы, но и в качестве штрейкбрехеров; и рабочие с горечью убеждаются, что их братья, пройдя через развращающую школу казарм, становятся врагами своего собственного класса. Лишенные собственности пролетарии являются стражами собственности и отечества их эксплуататоров и угнетателей. Вот явные абсурды, к которым приводит нас самый беглый взгляд на современный милитаризм и патриотизм. Отсюда проповедь антимилитаризма и антипатриотизма, начавшаяся среди синдицированных рабочих, в особенности после образования Всеобщей конференции труда, т. е. с момента укрепления синдикального движения. Синдикалисты проповедают

вали уничтожение армии даже без замены ее народной милицией. Резолюции, гласившие, что «так как у рабочих нет отечества, они должны ответить на объявление войны всеобщей революционной стачкой», были обычными на конгрессах синдикалистов. И на социалистических конгрессах синдикалистское левое крыло неизменно предлагало резолюции в указанном духе. В синдикальных журналах и газетах синдикалистские организаторы и агитаторы призывались к поддержанию связей между солдатами и теми синдикатами, к которым они принадлежали до поступления на службу, к основанию среди солдат «касс непокорных», «касс солдатской копейки» и т. п. для проведения антимилиитаристских и антипатриотических идей.

Особенно прославился проповедью антипатриотизма Эрве; одна из его книжек называется «Их отечество», т. е. отечество богатых. По мнению Эрве, завоевание Франции немцами ничуть не изменило бы положения рабочего класса, который эксплуатировался бы немцами не в большей степени, чем французами-соотечественниками. Все их (т. е. богатых) отечества одинаково хороши.

«Кто бы ни напал на страну, в которой мы живем, лучше уж начать восстание, чем идти на войну».

Эрве создал целое направление антипатриотизма во Франции, известное под названием «эрвеизма», и имел много последователей среди синдикалистов и анархистов. Сам Эрве отказался от своих взглядов, когда вспыхнула мировая война (и отчасти еще за некоторого время до этого) и превратился в не менее рьяного патриота, чем большинство из его прежних последователей.

Что касается социалистов, то, как мы видели из предыдущего и как более подробно указано дальше, они в вопросах войны и патриотизма были сторонниками «вынужденной оборонительной войны». Жюрес, который среди широкой французской публики считался «антипатриотом» и «врагом отечества», за что поплатился жизнью, на самом деле отнюдь не был сторонником идей синдикалистов; он был противником войны, усиления вооружения, продления срока военной службы, существования постоянной армии; он много работал в смысле предупреждения европейской войны, проповедывал необходимость деятельных международных выступлений против войны, но вместе с тем он не мало писал и говорил о том, как, в случае «нападения» на Францию, организовать все, что необходимо для победы. Таким образом, Жюрес при-

держивался скользкой и неправильной теории войн оборонительных и наступательных. На такой же приблизительно точке зрения стоял Гед.

Гед и его последователи тоже высказывались против войн, затеваемых для защиты интересов капиталистов, и военных приготовлений, служащих для них источником наживы, но в то же время они защищали идею отечества и необходимость обороны его в случае «нападения» неприятеля: для защиты отечества гедисты по-прежнему считали необходимым существование вооруженной силы, но только не в форме постоянной армии, а народной милиции. Вместе с тем на конгрессе в Нанси (1907 г.) Поль Лафарг заявил, что пролетариат в случае войны встанет на защиту страны, но поставит условием, чтобы общественное богатство, которое он будет отстаивать, стало собственностью общества; а Гед выразил ту же мысль в 1913 г. несколько иначе: «Рабочий класс отстоит свою страну, чтобы затем, пользуясь полученной материальной силой, уже не вернуться к своему прежнему подчиненному положению».

Как выше было указано, за две недели до начала войны в Париже собрался очередной партийный конгресс. Висевшая в воздухе угроза войны заставила все внимание конгресса направить на этот вопрос. Жорес вместе с Вальяном поддерживали против Гедидею всеобщей забастовки в случае объявления войны, в особенности в производствах, изготовляющих средства войны — орудия, снаряды и т. п. (так называемую поправку Вальяна и Кейр-Гарди). Гед защищал оборонческую позицию. После долгих дебатов решено было принять резолюцию Копенгагенского международного конгресса с указанной поправкой Вальяна.

В копенгагенской резолюции было указано, что современные войны, будучи порождением капиталистического строя, исчезнут вместе с исчезновением этого строя; что рабочие должны быть посвящены в истинные причины войны; что социалистические парламентские фракции должны отказываться в вотировании военных кредитов и что должно быть выставлено требование обязательного третейского суда, всеобщего разоружения, отмены тайной дипломатии и опубликования международных договоров.

К сказанному парижская резолюция присоединяла следующую поправку: «Из средств, способных предупредить и предотвратить войну и заставить правительства прибегнуть к третейскому суду, конгресс считает наиболее действительным

организованную одновременно в заинтересованных государствах всеобщую забастовку, а также агитацию и народные выступления в активнейших формах».

После этой поправки следовали слова резолюции Штутгартского международного конгресса (1907 г.), гласящие, что, если войне, тем не менее, не удастся помешать, задача рабочего класса — использовать события в целях ускорения свержения капитализма.

Таковы были резолюции и лозунги социалистов и синдикалистов. Однако, когда грянула война, синдикалисты, вопреки своим теориям, вступили в ряды защитников отечества против германцев. Социалисты Жюль Гед, Самба и Альбер Тома вошли в коалиционное или «национальное министерство обороны».

III

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ДО ВОЙНЫ

Революционизм,
раздробленность,
слабая организо-
ванность.
Синдикализм

Попытаемся вкратце перечислить и объяснить характерные особенности французского рабочего движения до войны (и главным образом в минувшем веке).

Самой характерной особенностью французского рабочего движения в прошлом является его революционизм; в особенности заговорщический революционизм. Весь период от 1830 до 1871 г. есть смена революций, заговоров, восстаний, в которых рабочий класс и его организации играли первую роль. Но даже во второй сравнительно мирный период рабочего движения — от 1871 г. до нашего времени — этот «революционизм» хотя и в иной форме из него не исчезает окончательно; он продолжает таиться в профессиональном движении, которое, в противоположность английскому и германскому профессиональному движению, независимо от политического рабочего движения и отмежевываясь от него, рвется в бой (или показывает вид, что рвется в бой) с капитализмом и, не будучи пока в состоянии дать ему генеральное сражение, расточает свою энергию в многочисленных стачках.

Вторая отличительная особенность французского рабочего движения — преобладавшее в нем толго и не исчезающее до сих пор господство утопических и мелкобуржуазных доктрин, чего мы в такой степени не наблюдаем в рабочем движении других стран. Не говоря о влиянии в свое время сансимонизма, фурберизма и кабетизма, французское рабочее движение до сих пор не освободилось от пережитков прудонизма и бакунизма, не мало его обессиливающих.

Следующая отличительная особенность французского рабочего движения — раздробленность (фракционизм), существование многих направлений и теорий, враждующих друг с другом. Вместе с тем бросается в глаза роль, которую в нем играют отдельные личности — теоретики, идеологи, вожди. В первом периоде рабочего движения (до 1871 г.) мы наблюдаем громадное значение отдельных ученых и писателей (теоретиков и идеологов): Сен-Симона, Фурье, Прудона, Луи Блана, Кабе, Бюше и пр. Во втором периоде мы сталкиваемся с ролью вождей в социалистическом движении, при чем мы видим, что даже направления называются по имени этих лиц: прудонизм, бакунизм, бланкизм, гедизм, бруссизм, жоресизм, эрвеизм и т. д.

Немаловажной отрицательной стороной французского рабочего движения является его слабая организованность, что следует приписать анархическим тенденциям, всегда в нем таившемся. В первую половину XIX в. мы видим господство тайных кружков и отсутствие цельной организованной партии; профессиональное движение значительно слабее английского и крайне слабо организовано в сравнении с ним. В конце XIX и начале XX в. социалистическая партия никогда не объединяла больше 1% всего рабочего класса, профессиональные союзы в самом расцвете объединяли до войны всего около 6% всех рабочих.

Наконец, самой важной особенностью французского рабочего движения последних десятилетий является разрыв между двумя его элементами — политическим и экономическим, раскол между политической рабочей партией и профессиональной организацией, вступившей на путь синдикализма.

Причины этих особенностей

Все указанные черты французского рабочего движения должны быть, прежде всего, объяснены экономическими и политическими особенностями жизни Франции.

Хотя крупная промышленность во Франции неуклонно развивалась с середины минувшего века, но все же в отношении этого развития Франция значительно отстала от Германии, Англии, Соединенных Штатов. Достаточно указать на такие цифры. В 1911 г. во Франции вырабатывалось 6,8 пуд. чугуна и 5,7 пуд. стали на душу населения; в Германии в том же году — 14,2 пуд. чугуна и 14 пуд. стали на душу населения. Точно так же в отношении концентрации производства Франция сильно отстала от указанных стран. По имеющимся

статистическим данным, число промышленных предприятий, принадлежащих к мелким (т. е. имеющим от 1 до 10 рабочих), в последние десятилетия XIX в. составляло во Франции 90 % общего числа промышленных предприятий. Причина этого явления в том, что большая часть специально французских видов промышленности все еще носит полуремесленный характер — характер мелкого производства; это относится, прежде всего, к так называемой художественной промышленности, шелковому производству, бесчисленным промышленным заведениям Парижа, производящим предметы роскоши. Мелкоремесленный характер французской промышленности был преобладающим в середине XIX в., и мелкая промышленная буржуазия — преобладающим городским классом, из которого черпался тогда авангард рабочего движения. И если теперь этот класс постепенно сходит со сцены, уступая место подлинному пролетариату, то все же его политическая и социальная роль во Франции далеко еще не сыграна. Кю всему сказанному нужно прибавить, что во Франции больше половины населения (в середине XIX в. — 70 %, а в начале XX в. — около 50 %) составляло мелкое крестьянство, цепко держащееся за свою собственность. Ясно, что мелкая буржуазия должна была накладывать свою печать на социальную и политическую жизнь Франции.

Мелкая буржуазия по своей социально-экономической природе занимает среднее неустойчивое положение между двумя крайностями современного капиталистического общества — крупной буржуазией и пролетариатом; вследствие этого мелкая буржуазия имеет двойственные, подчас совершенно противоположные социально-политические стремления. Поскольку она бессознательна и невежественна, она плетется в хвосте крупной буржуазии и крупного землевладения, стремясь защитить существующий порядок, при котором отдельным ее представителям удастся взобраться на верх общественной лестницы. Другая часть ее (меньшая), проникшись самосознанием, пониманием всех отрицательных сторон существующего строя, начинает питать страстную ненависть к крупному капиталу и политическим учреждениям, его поддерживающим. Но вожди этого общественного слоя, стоя в стороне от подлинного пролетариата и не понимая вполне социально-политического значения этого класса, стремились помимо его прямого участия, при посредстве тайной заговорщической организации водворить новый строй, часто не имея ясного и законченного представления об этом строе, мысля

его по рецепту какого-нибудь идеолога-утописта или представляя его в форме демократической республики, долженствующей установить экономическое равенство. Отсюда множественность планов, множество вождей, раздробленность движения; отсюда стремление небольших заговорщических групп поднять восстание, произвести переворот, посредством искусного нападения, организованного в тайнах общества, что мы наблюдаем до 70-х годов минувшего века. В заключение нужно заметить, что, как показывает европейский опыт, в странах, где преобладающей частью населения является мелкоземельное крестьянство (каковы Франция, Италия, Испания, Ирландия), находит себе последователей не только заговорщический революционизм, но и анархизм. Крестьянство, для которого политический горизонт замкнут его мелкой самоуправляющейся общиной; в лучшем случае относится очень недоверчиво к центральному правительству, которое, заседаая где-то там, далеко; и не принося крестьянину никакой пользы, тем не менее ухитряется присваивать значительную часть его дохода в виде налогов и забирать его самых здоровых сыновей на военную службу.

После всего вышесказанного не приходится удивляться, почему в мелкой буржуазии и, в частности, в крестьянстве рядом с крайним консерватизмом, уживаются крайний радикализм и анархизм.

Внедрению указанных черт во французское рабочее движение не мало содействовала идеология. Политические и социалистические учения не являлись результатом соприкосновения их творцов с широкими народными — в особенности рабочими — массами. Эти учения создавались или в типичном кабинете или являлись переработкой идей Великой французской революции, имевших большое влияние на умы передовых людей Франции в продолжение первых трех четвертей XIX в., или, наконец, возникали в результате неглубокой критики капиталистического строя. Становясь достоянием сочувствующей народным бедствиям интеллигенции или передовых слоев рабочего класса, эти идеи и учения содействовали развитию заговорщического утопизма, якобинизма и, наконец, анархизма в самых различных формах.

Все это питало раздробленность рабочего движения и отчасти его неорганизованность, ибо с точки зрения якобинцев, а тем более бланкистов (заговорщиков) и анархистов (преимущественно бакунистов), для успеха революционного восстания нет надобности в широких массовых организациях,

а достаточны небольшие тайные организации, к основанию которых каждое направление стремилось.

О влиянии прудоновского учения на создание некоторых из указанных черт французского рабочего движения будет сказано дальше.

Рассмотрение политической истории Франции и ее современного государственного строя поможет нам понять, почему ее рабочее движение имеет черты, которые мы выше отметили.

Рядом с самым революционным пролетариатом, мелкой буржуазией и интеллигенцией, населявшими революционнейший в мире город Париж и другие промышленные центры страны, во Франции с середины XIX в. колоссальную политическую роль играли две реакционные силы: отсталое и невежественное крестьянство и прислужница господствующих классов — католическая церковь. Вот почему все самые блестящие революционные завоевания городского пролетариата, городской мелкой буржуазии и интеллигенции часто погибали благодаря поддержке крестьянством таких реакционных общественных групп, как дворянство и духовенство.

Современная французская республика, учрежденная после подавления коммуны, явилась результатом компромисса между демократическими и реакционными элементами страны, а потому она очень далека от демократического идеала. Здесь не место перечислять все ее отрицательные стороны; укажем на реакционный сенат (верхняя палата) и государственный совет, армию, централизованную бюрократию, административную юстицию, ограниченное самоуправление. Понятно, почему при таких условиях и при наличии реакционных сил, прямо или косвенно защищающих интересы крупной буржуазии, рабочее и социальное законодательство Франции туго подвигается вперед, и крестьяне-солдаты стреляют в своих братьев, защищая неприкосновенность крупного капитала.

Социалистическим партиям поэтому пришлось потратить не мало энергии на борьбу с пережитками самодержавной эпохи, загрязняющими французскую политическую почву, на борьбу с консервативно-реакционными силами. Но вступив на путь повседневной парламентской деятельности, социалистические партии (а потом объединенная социалистическая партия), как видно из всего вышеизложенного, не сумели удержаться в надлежащих рамках. Увлечение парламентаризмом и переоценка опасности, угрожающей республике от реакционных сил (а отсюда защита республики путем объединения с буржуазной «демократией») привели к забвению основ про-

граммы и тактики революционного социализма. В немалой степени усилению оппортунизма во французской социалистической партии содействовали успехи ревизионистской пропаганды, начавшейся в 90-х годах в Германии и в большей или меньшей степени оказавшей разлагающее влияние на все европейские социалистические партии. О других причинах, содействовавших усилению оппортунизма в социалистической партии Франции, сказано выше. В результате эта партия в лице своей парламентской фракции превратилась в левую оппозиционную партию в обыкновенном смысле этого слова, со всеми отрицательными ее сторонами.

Не понимая причин всех этих явлений, превратив их толкуя, синдикалисты реагируют на них тем, что отказываются от политической борьбы. Но, отворачиваясь, от политической борьбы, они оставляют в руках буржуазии весь аппарат угнетения рабочих и подавления всяких вспышек, направленных против капитализма; между тем как соблюдая действительные интересы рабочего класса, они должны были стремиться к использованию этого аппарата, чтобы направить политическую и социальную жизнь страны в сторону уничтожения строя наемного труда.

Но для этого, прежде всего, необходима совместная и согласованная деятельность основных элементов рабочего движения, необходимо, прежде всего, отрешение от анархических элементов синдикализма.

Истинная сущность синдикализма

Выше уже было указано, что синдикализм составляет смесь различных теорий — прудонизма, марксизма, анархизма.

Идеолог мелкой буржуазии Прудон имел в середине XIX в. громадное влияние на французское рабочее движение, поскольку в нем тогда преобладали мелкобуржуазные элементы и задавали тон часто подмастерья и мастера мелкоремесленных производств (вспомним роль прудонистов в Интернационале, в Парижской коммуне, в производительных и профессиональных союзах). Это влияние не исчезло и по сию пору. От Прудона французское профессиональное движение первого периода заимствовало отрицательное отношение к государству и политике и стремление объединяться на федеративных началах и, таким образом, вступало на путь анархизма.

В конце 70-х годов во Франции началась пропаганда марксизма Гедом, Лафаргом, Ломбаром, действовавшими под непосредственным руководством Маркса и Энгельса. Их проповедь имела громадный успех, им удалось внедрить дух со-

циализма во французское профессиональное движение и именно марксистского социализма. От них французское профессиональное движение заимствовало основные элементы своего учения — теорию классовой борьбы и руководящий принцип своей тактики, гласящий, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

Но в 90-х годах во Франции возродился анархизм, который исчез было вместе со своим родоначальником Бакуниным (в свою очередь заимствовавшим многое у Прудона). Отрицая всякую власть, организацию и подчинение, анархисты призывали к «пропаганде действием», что в конце концов сводилось к политическим убийствам и устройству взрывов посредством бомб. Так как этот образ действий ничего не дал, кроме жестоких преследований со стороны правительства, анархисты перешли к мирной пропаганде, обратив внимание на синдикаты, где, с одной стороны, силен был еще мелкобуржуазный дух, а с другой — еще более усилилось разочарование в политике. Последнему особенно содействовали отмеченные выше обстоятельства: во-первых, оппортунизм, внедрившийся в социалистическую партию, т. е. то обстоятельство, что эта партия, как было указано, постепенно теряла свой революционно-социалистический облик, постепенно превращаясь в обыкновенную оппозиционную партию парламента; во-вторых, крайне консервативная и антипротетарская политика заправил современной французской республики, независимо от их партийных кличек и вопреки многообещающим программам. Благодаря этому разочарованию в политике, синдикаты подпали под сильное влияние анархистов, коих теория «прямого действия» в виде всеобщей стачки сулила быстрое и верное водворение социализма путем «непосредственной» передачи дела управления производством в руки синдикатов и минуя все политические стадии переходного периода. Так произошел раскол между синдикалистами и социалистами.

Но многочисленные попытки устроить всеобщую стачку, которая привела бы к ниспровержению капиталистического строя, оказались неудачными. Буржуазия попрежнему господствует во французском парламенте и направляет политику страны в желательную для нее сторону. Европейская война, в которую французские синдикалисты были вовлечены против всех своих антимилитаристических и антипатриотических теорий и стремлений, ясно показывает, что пролетариат и впредь будет безвольной игрушкой в руках этой буржуазии, пока он не встанет на правильный путь борьбы.

При всем том приходится констатировать, что синдикализм внес и некоторые положительные элементы в теорию и практику рабочего движения. Эти элементы сводятся к следующему. Во-первых, проповедь всеобщей стачки имела ту положительную сторону, что заставила социалистические партии всех стран обратить должное внимание на всеобщую стачку как на средство пролетарской борьбы, в результате чего политические массовые и всеобщие стачки заняли почетное место в арсенале пролетарской стратегии. Положительным элементом синдикалистской пропаганды следует считать заключающуюся в ней критику парламентаризма, не лишенную остроты, а подчас и глубины, и связанную с ней реакцию против парламентских методов «борьбы», столь увлекавших реформистские элементы социалистических партий. Немалая заслуга синдикализма заключается в том, что он в резкой форме выдвинул пропаганду антимилитаризма и антипатриотизма, в то время когда социалистические партии в этом отношении занимали колеблющуюся и двусмысленную позицию.

IV

ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ НЕЕ

Французская социалистическая партия и Всеобщая конфедерация труда во время войны

Лишь только грянула война, французские синдикалисты и социалисты, забыв о своих принципах, резолюциях и заявлениях, превратились в патриотов, некоторые даже в ультрапатриотов. Как и в Германии, вожди французской рабочей партии нашли, что их правительство является не нападающей, а обороняющейся стороной, а оборона требует забвения классовых противоречий для защиты общего отечества. В день объявления войны председатель совета министров, бывший социалист Вивьени, призвал редакторов всех газет, прося их—и социалистов главным образом—забыть все взаимные счеты и распри и, помня, что они французы прежде всего, взять на себя духовную мобилизацию Франции. 4 августа в заседании палаты все депутаты, включая социалистов, голосовали за военные кредиты и выразили полное доверие правительству. Когда через несколько дней после начала войны по инициативе патриотов и при содействии правительства был создан «Национальный комитет помощи», то социалисты послали туда своих представителей Дюбрейля и Самба, а Конфедерация—Жуо и Бледа, которые заседали рядом с реакционными депутатами и представителями духовенства.

В самом начале войны президент республики предложил социалистам принять участие в правительстве и делегировать своих представителей в качестве министров, но социалисты отказались. Вскоре, однако, они изменили свое решение. Ссылаясь на тяжелое положение, в котором очутилась Франция, и на слухи о готовящемся якобы монархическом перевороте, социалистическая партия, «для защиты отечества»,

решила послать своих представителей в «правительство национальной обороны»; в министерство вступили Гед и Самба. С своей стороны Всеобщая конфедерация труда, ввиду якобы угрозы монархического переворота, создала «Комитет действия», составленный из представителей ВКТ, партии и кооперативов. Группируясь вокруг генерального секретаря Конфедерации Леона Жуо, получившего официальный титул «комиссара нации», прежние революционные синдикалисты теперь предоставляют себя всецело в распоряжение правительства для пропаганды защиты отечества и «гражданского мира». Само собой понятно, что правительство пользуется их услугами в самых широких размерах. В то же время синдикалисты, оставшиеся верными своим прежним идеалам, в роде Пьера Монатта, подвергаются преследованиям; одной из мер репрессии, как и в Германии, являлась отправка на фронт на передовые позиции.

Рабочее движение с самого начала войны замерло. Во-первых, оно было обескровлено вследствие отправки на фронт подавляющей части организованных рабочих. Во все отрасли производства хлынули женщины, даже в такие, которые до сих пор казались недоступными для их труда. Все приобретения фабричного законодательства, казалось, были в один миг потеряны: рабочий день значительно был удлинен; в большинстве производств введена сверхурочная работа или работа двумя сменами; труд женщин применялся самым широким образом; область труда несовершеннолетних расширена, в производство допущены дети. Помимо этого, фактически некому было наблюдать за исполнением фабричных законов, так как большинство фабричных инспекторов было мобилизовано.

Только постепенно патристический угар, охвативший рабочие массы, начинает рассеиваться, и рабочее движение начинает оживать. С одной стороны, рабочие, подталкиваемые все возрастающей дороговизной и зрелищем невероятных барышей капиталистов, начинают выступать против чрезмерной эксплуатации зарвавшихся предпринимателей и государства; начинается стачечное движение, которое можно считать значительным в виду условий военного времени. С другой стороны, среди рабочих и тех немногих вождей, которые остались верны социалистическим и синдикалистским идеалам, начинается движение против обанкротившейся социалистической партии и против изменившей всем своим прежним лозунгам Конфедерации. В результате этого, после длительного процесса внутреннего брожения и горячих столкновений, рабочее

движение раскалывается: из прежней социалистической партии выделяется коммунистическая партия, из прежней Всеобщей конфедерации труда выделяется Унитарная конфедерация труда.

Распадение французской социалистической партии в 1920 г. на две части — коммунистическое большинство и реформистское меньшинство

Сначала раскол произошел в социалистической партии; он подготовлялся еще со времени русской Октябрьской революции, но проявился на конгрессе партии в Туре (в 1920 г.), когда за присоединение к Коминтерну высказалось большинство делегатов. Меньшинство откололось. Вновь, как до 1905 г., образовались две партии. В отличие от социалистической партии, которая осталась при названии «Французская секция Рабочего интернационала», коммунистическая партия назвала себя «Французской секцией Коммунистического интернационала».

Слабые стороны молодой коммунистической партии и первоначально обнаружились в следующем:

После раскола подавляющее большинство социалистических депутатов в палате и руководящих деятелей перешло к реформистам, что не могло не отразиться отрицательно на организационной стороне дела. К коммунистам примкнули всего 15 депутатов из 80; но и эти депутаты не проводили в палате достаточно последовательной коммунистической политики, недостаточно противопоставляя рабочий класс и коммунистическую партию всей остальной Франции, представляемой в парламенте национальным блоком. Партия, далее, унаследовав свою структуру от прежней социалистической партии, не позаботилась об образовании в предприятиях и учреждениях ячеек, живущих производственной жизнью, дабы глубже внедриться в рабочую среду и крепче с ней связаться. Элементами партии являлись секции и районы, которые в общем жили слабой политической жизнью, как и ранее, когда они объединялись социалистической партией. К сказанному прибавим, что в коммунистической партии, как и в социалистической, интеллигенция продолжала играть руководящую, а рабочие подчиненную роль. Но самым большим злом являлось унаследованное от довоенного времени отношение между партией и профсоюзами, которые продолжали оставаться на анархо-синдикалистской точке зрения. Вспомним, что еще на Лиможском конгрессе 1906 г. социалистическая партия не только примирилась со своим поражением на Амьенском конгрессе Конфедерации, но закрепила и как бы одобрила это пора-

жение, признав независимость профессионального движения от партии и выразив только надежду на сотрудничество. Этим как бы было признано, что социалистическая партия является парламентской партией по преимуществу, а Конфедерация — истинной рабочей партией. Этот предрассудок перешел и к коммунистической партии, которая долго не осмеливалась выступить с надлежащей точкой зрения на вопрос об отношениях между партией и синдикатами. На Сен-Этьенском конгрессе Унитарной конфедерации труда этот взгляд был поколеблен; но еще накануне этого конгресса бывший вождь коммунистической партии Фроссар заявлял, что партия в вопросе об отношении между ней и Конфедерацией продолжает оставаться на точке зрения Лиможской резолюции. Благодаря этому и всем указанным обстоятельствам Французская коммунистическая партия в продолжение 1921—24 гг. переживает ряд кризисов, ведущих к ее оздоровлению¹⁾.

Отпадение от партии значительного числа членов в продолжение первого года после ее возникновения на Турском конгрессе и успех социалистов на муниципальных выборах 1922 г. обнаружили кризис, который, по словам некоторых, объясняется тем, что «раскол в Туре лишил партию большинства из ее депутатов, ее пропагандистов и ее администраторов» и, кроме того, еще следующими причинами: недостаточной идейной однородностью партии, недостаточной последовательностью и гибкостью ее тактики, недостаточно умелым руководством центрального комитета, который в моменты колебаний в партии занимал выжидательную позицию, что еще более увеличивало колебания и путаницу.

Несмотря на переживаемый ряд кризисов, французская коммунистическая партия стала наилучше организованной и наиболее многочисленной партией во Франции, имеющей наибольшее влияние на рабочие массы; доказательством этого служит то обстоятельство, что центральный орган партии «Человечество» (Humanité) начал расходиться в очень большом количестве, дойдя до 200 тыс. экземпляров, являясь одной из самых распространенных коммунистических газет в мире. Кроме этого, партия имеет еще шесть ежедневных газет и около 40 еженедельников, выходящих в провинции

¹⁾ После Сент-Этьенского конгресса анархо-синдикалисты в союзе с Фабром, а затем с Фроссаром, исключенными из партии, начали агитацию против укрепления коммунизма в синдикатах, но вскоре потерпели поражение (см. дальше параграф «Конгресс УВКТ в Бурже»).

(о дальнейшем развитии компартии см. дальше в параграфе о конгрессах в Бурже и Лионе).

Социалистическая партия образовалась из меньшинства, отколовшегося на Турском конгрессе. К ней принадлежат, с одной стороны, реформисты вроде Реноделя, Брака, Самба, Бонкура, а с другой — умеренные социалисты вроде Лонге, Поля Фора, Пресмана и др. При расколе большинство депутатов (55 чел.) отошли к социалистической партии. Это сильно укрепило положение социалистической партии, несмотря на то, что ее армия постоянных членов оказалась очень тощей, не более 40 тыс. чел., ибо депутаты по традиции имеют большое влияние на избирателей. А какое это имеет значение, показали муниципальные выборы 1922 г., когда социалисты получили довольно большое количество голосов также и в промышленных департаментах, т. е. среди рабочих.

Мы видели выше, какое поразительное превращение произошло с Всеобщей конфедерацией труда с момента объявления войны. В течение целого десятилетия до войны Конфедерация выступала яростной противницей милитаризма, шовинизма и даже самой идеи отечества. Войну она безоговорочно грозила встретить всеобщей стачкой. Всю свою пропаганду она вела с такой страстностью и прямолинейностью, что нельзя было ожидать ничего другого, как столь же страстного и прямолинейного стремления осуществить свои лозунги на практике. Правда, тот, кто знаком с французским рабочим классом, с тающимися в нем многочисленными пережитками мелкобуржуазной психологии, мог усомниться, пойдет ли рабочий класс за этими призывами, когда враг — и именно Германия — проникнет на французскую территорию, но никто не ожидал того крутого поворота, который совершили вожди революционного синдикализма с первых дней военных действий.

Протест против патриотической партии ВКТ и забвения ею всех классовых интересов пролетариата начался еще в первое полугодие войны. Первым протестовал член Национального исполнительного комитета ВКТ Пьер Монатт, написавший заявление «Почему я вышел из конфедерального бюро». Поводом к его разрыву с ВКТ послужил отказ последней принять участие в международной конференции имевшей целью ликвидацию войны. За Монаттом последо-

вали другие вожди ВКТ, как Мергейм, секретарь федерации металлистов, Бурдерон, секретарь федерации бочаров.

По настоянию Мергейма и Бурдерона в августе 1915 г. была созвана конференция профсоюзов, на которой присутствовало 172 делегата от 118 организаций; на этой конференции меньшинству удалось провести резолюцию о верности Интернационалу. Мергейм и Бурдерон принимали участие в Циммервальдской конференции, где они вместе с германскими делегатами опубликовали декларацию против войны. Они же при участии некоторых единомышленников из профсоюзов и социалистического лагеря основали «Комитет для восстановления международных сношений», из которых вскоре выделяется «Комитет защиты синдикализма» для борьбы против синдикалистов-патриотов и для организации революционных элементов в синдикализме.

Животворным толчком для французского рабочего движения периода войны послужила весть о русской революции. Начался ряд митингов и стачек, одновременно происходили частичные бунты на фронте. На борьбу, начавшуюся между коалиционным министерством Керенского и большевиками, левые элементы профсоюзов и социалистической партии ответили резолюциями сочувствия большевикам. Французское правительство реагировало на образ действия левого крыла рабочего движения закрытием газет и арестом революционеров.

В декабре 1917 г. состоялась конференция синдикатов в Клермон-Ферране, где под влиянием левых была принята резолюция, осудившая приемы тайной дипломатии, соглашения, принятые за спиной нации, и требовавшая, чтобы правительство открыто заявило об условиях, на которых мог бы быть заключен всеобщий и справедливый мир. После этого происходит новый подъем рабочего движения: всеобщая забастовка в Лионе в январе 1918 г., крупная забастовка в Сент-Этьене в июле того же года.

В связи со стремлением левых элементов заставить Конфедеральное бюро созвать конгресс ВКТ (о чем было принято постановление на Клермон-ферранской конференции) была организована самостоятельная фракция левого меньшинства. Под влиянием ее агитации происходит ряд съездов различных профсоюзных федераций, как то: железнодорожников, металлистов, строителей и др., число членов которых чрезвычайно к этому времени возросло. Созванный весной 1918 г. съезд железнодорожников, вождем которых был Монмуссо

(впоследствии генеральный секретарь УКТ), сторонник позиции левых циммервальдцев, — высказывается за продолжение прямой классовой борьбы. В это же время происходил съезд федерации металлистов, на котором оппозиция выступила с порицанием вождя союза Мергейма за его недостаточно отрицательное отношение к лидерам ВКТ, продавшимся буржуазии. На съезде федерации строителей сторонники оппозиции собрали 46 голосов (против 50 голосов сторонников войны), коими выразили порицание своим вождям за забвение принципов интернационализма и грубое отступление от революционно-классовой точки зрения.

16 июля 1918 г. в Париже — под влиянием агитации оппозиционного меньшинства — собрался первый с момента возникновения войны конгресс ВКТ, на котором было представлено больше 1.200 синдикатов. Здесь выявились три группировки: реформистское большинство и две фракции меньшинства — умеренно оппозиционное, под руководством Мергейма, Бурдерона и Дюмулена, и крайне левое революционное под предводительством Монмуссо. Умеренно-оппозиционное меньшинство сошлось с реформистами на оппортунистической резолюции о «справедливом мире», и только около 250 синдикатов голосовало за левую резолюцию Монмуссо.

Как отмечено было выше, в последние годы войны, а потом с ее окончанием, численный состав ВКТ стал расти с необычайной быстротой; в середине 1919 г. число членов ВКТ дошло до 1½ млн., в первые месяцы 1920 г. — до 2 млн. (согласно данным ВКТ даже до 2.200—2.500 тыс.). При виде все возрастающей силы профсоюзов и революционного настроения рабочей массы, буржуазия пошла на некоторые далеко не соответствующие моменту уступки.

В этот период Конфедерации удалось добиться от парламента законодательного установления 8-часового рабочего дня. Конечно, буржуазия, в лице парламента, провела эту меру скрепя сердце, не без задней мысли, что при благоприятной перемене обстоятельств удастся эту уступку обезвредить или даже ликвидировать. Но в тот момент, когда этот закон был издан, политический барометр грозил социальной бурей. Это был момент, когда симпатии среди рабочих к советской власти достигли высшей точки и когда Жуо мог искренно заверить французскую буржуазию, что дарование 8-часового рабочего дня будет лучшим средством успокоения широких рабочих масс.

Был заключен ряд коллективных договоров; наиболее сильным федерациям — металлистов, горняков, печатников — удалось провести коллективные договоры в национальном масштабе. Принцип коллективных договоров был признан Законом 25 марта 1919 г. Законом 11 июля 1919 г. расширены были права профсоюзов (отмена ограничений для женщин и несовершеннолетних, упрочение прав профсоюзов как юридических лиц и пр.).

Празднование 1 мая 1919 г. получило грандиозный характер, превратившись действительно во всеобщую стачку, чего до сих пор не было во Франции. Хотя Париж наводнен был войсками, но во время стычек между отдельными отрядами и демонстрантами солдаты обнаруживали пассивность, свидетельствовавшую об их нежелании вступать в бой с рабочими. Этот момент, к сожалению, не был использован авторитетными руководителями профсоюзов. Не говоря о том, что между ними не было единомыслия, — реформистские лидеры решительно уклонялись от всяких действий, способных вызвать гражданскую войну.

Разногласие среди деятелей синдикатов с особенной силой обнаружилось на Лионском конгрессе ВКТ, состоявшемся в сентябре 1919 г. Резолюция реформистского большинства, совершенно нестати ссылаясь на Амьенскую хартию, ближайшей задачей ставила преобразование экономической жизни в направлении национализации важнейших отраслей народного хозяйства и ловко обходила вопрос о захвате власти. Меньшинство с самого начала отмечало расхождение, заключавшееся в отказе от идеи революции со стороны бывших революционных синдикалистов. В резолюции меньшинства, тоже ссылавшейся на Амьенскую хартию, отвергалось стремление к классовому сотрудничеству, ближайшей задачей признавалась организация революционной всеобщей стачки, и приветствовалась русская революция, положившая начало водворению всемирной советской республики. При голосовании резолюции большинства о создании экономического совета труда при ВКТ и о национализации важнейших отраслей народного хозяйства, от меньшинства, имевшего около одной трети голосовавших, откололась значительная часть. Жуо и его единомышленники ликовали, считая себя вождями сильной и послушной им рабочей армии.

Но мощь Конфедерации была чисто показной, и это обнаружилось после неудавшейся всеобщей первомайской стачки 1920 г.

Стачка началась прежде всего на железных дорогах. «Федерация железнодорожников» чрезвычайно окрепла в военное и послевоенное время. Незадолго до войны в 1913 г. она насчитывала в своих рядах всего 23 тыс. членов, а в 1920 — около 235 тыс. Со времени окончания войны среди железнодорожников стало обнаруживаться недовольство условиями труда, низкой заработной платой и пренебрежительным отношением железнодорожных заправил, не признававших федерации железнодорожников и своими действиями и распоряжениями провоцировавших железнодорожных служащих и рабочих. Было несколько частичных стачек; наконец, брожение и недовольство вылились в форму всеобщей первомайской стачки.

В феврале 1920 г. железнодорожное начальство отказалось предоставить отпуск железнодорожному служащему, которому от профессионального союза дано было ответственное поручение (поездка на съезд, в качестве делегатов). Последний вынужден был уехать самовольно, за что был уволен со службы. Железнодорожники ответили на это целым рядом стачек. Когда движение, носившее стихийный характер, приняло серьезные размеры, главы синдикатов вступили в переговоры с железнодорожными компаниями для улажения конфликта. Но железнодорожные компании, подписав соглашение, вскоре опять стали игнорировать права синдикатов. Тогда железнодорожники увидели, что нужно принять более серьезные меры, чтобы заставить владельцев железных дорог признать минимальные права своих служащих. Была созвана конференция, на которой была принята резолюция со следующими требованиями: национализация железных дорог, немедленное принятие на службу всех уволенных рабочих, прекращение судебного преследования стачечников, признание прав профессиональных союзов и профессионального движения. В случае непринятия этих требований должна была последовать всеобщая стачка, назначенная на 1 мая.

Всеобщая конфедерация труда обещала железнодорожникам свою поддержку; но, вынеся постановление о всемерной поддержке железнодорожников, ВКТ, подобно исполкому тройственного союза в Англии во время забастовки углекопов в 1921 г., не приняла энергичных мер подготовки к этой стачке по той причине, что обещание поддержки было дано вождями ВКТ неискренне, ибо они боялись этой стачки и не хотели ее. Вот почему рабочая Франция оказалась совершенно неподготовленной к стачке, которая потому и должна была потерпеть поражение. Согласно намеченному плану, забастов-

ку должны были начать железнодорожники, за которыми должны были последовать углекопы, за ними — транспортники и т. д. Этот «стратегический» план предусматривал ряд забастовок, которые своим последовательным натиском на капиталистический строй должны были привести его к разрушению. Такой план, конечно, требовал соответствующей разработки и подготовки; но оказалось, что даже железнодорожники не были достаточно подготовлены, а в других отраслях производства рабочим даже не разъяснили сущности готовящегося сражения между трудом и капиталом. Первомайская стачка, благодаря всему этому, к великой радости всего капиталистического мира, потерпела крах. Она была начата в нескольких местах; но стачечники, не получив поддержки, принуждены были вскоре сдаться. Тогда железнодорожные компании, готовившиеся к обороне, перешли в наступление; ряд железнодорожных профессиональных союзов был уничтожен; до 25 тыс. служащих из числа наиболее активных и революционных было уволено; руководители стачки были арестованы, и им было предъявлено обвинение в призыве к свержению существующего социального строя. Рабочая масса более чем когда либо после поражений стала покидать синдикаты. Это бегство из организаций, не имевшее себе подобного с момента разгрома Коммуны, получило дальнейший толчок в неудачных стачках 1921 г. и в распрях, начавшихся в Конфедерации между реформистами и революционерами. Всеобщая конфедерация труда, которая вышла из войны с 2 млн. членов, вновь осталась при цифре членов в 600—700 тыс.

Раскол во французском профессиональном движении. Образование Унитарной конфедерации труда

Выше было упомянуто об образовании левыми синдикалистами «Комитета защиты синдикализма». Вскоре после своего возникновения комитет стал организовывать по синдикатам и производствам «комитеты революционных синдикалистов», которые должны были организовать по синдикатам и производствам «комитеты революционных синдикатов», которые должны были объединять всех членов профсоюзов — анархистов, синдикалистов и коммунистов, не одобрявших политику вождей ВКТ. Таким образом началась борьба внутри синдикатов.

Поражение первомайской забастовки чрезвычайно обострило эту борьбу. Реформисты вваливали вину за ее неудачу на революционных синдикалистов, уверяя, что первомайская забастовка была затеяна «по приказу из Москвы»; они исключили революционных синдикалистов из состава Националь-

ного исполнительного комитета «Федерации железнодорожников» и избрали новый исполнительный комитет из одних реформистов. Это было сигналом для дальнейшего обострения борьбы внутри синдикатов. Началось изгнание революционных синдикалистов из профсоюзов. В разгаре этой внутренней борьбы происходил конгресс ВКТ в Орлеане (1920 г.), на котором революционеры потерпели поражение, получив 658 голосов против 1.785, полученных реформистами. После этого в синдикалистском движении начинает подготавливаться раскол. В продолжение 1920 г. этот раскол еще сдерживался пропагандой Пьера Монатта, редактировавшего главный орган революционного синдикализма—еженедельник «Рабочая жизнь» (La Vie Quvière). Между тем исполком ВКТ продолжал исключать из союза федерации, примыкавшие к комитетам революционных синдикалистов, мотивируя это тем, что такие организации, благодаря собственной системе членских взносов, вносят раскол в единство рабочего движения. Особенно энергично повели дело исключения национальные федерации сельскохозяйственных рабочих и конторских служащих. Тогда революционеры поднимали агитацию среди всех синдцированных рабочих, обвиняя ВКТ в стремлении нанести удар единству рабочего движения. Эта агитация, подкрепленная целым рядом фактов, усилила влияние революционеров. Обеспокоенные этим реформисты ускорили созыв своего очередного конгресса, собравшегося в Лилле в июле 1921 г. Результаты этого конгресса были ударом для реформистов, так как по важнейшим вопросам революционеры собрали 1.348 голосов против 1.556 голосов реформистов. Результаты голосования показали, что революционные синдикалисты сделали за последние годы огромные успехи. Это не могло не испугать реформистов, которые носились с мыслью положить конец «двойственности» организаций посредством исключения революционных ячеек или целых синдикатов. На конгрессе в Лилле реформисты имели наглость обвинять революционеров в стремлении расколоть единство рабочего движения, и так как очевидно было, что массы — за единство, то реформисты принуждены были заявить о своем неизменном стремлении к единству. Конгресс, однако, не создал никакого поворота в прежней практике. Национальный совет ВКТ попрежнему одобрительно относился к исключению революционеров. Тогда представители левых федераций и департаментских союзов собрали в декабре 1921 г. конгресс единства. На этом конгрессе была сделана попытка на известных условиях

договориться с ВКГ о сохранении единства профессионального движения, но это не удалось. Тогда революционные синдикаты и федерации образовали отдельную центральную организацию под названием Унитарная конфедерация труда. Монатт высказался против раскола и за сохранение единства и ушел из «Рабочей жизни», во главе которой стал Монмуссо.

С момента декабрьского конгресса 1921 г. до Сент-этьенского конгресса 1922 г. продолжался раскол французского профессионального движения, который выражался в образовании параллельных организаций реформистов и революционеров. Раскол, как и можно было предвидеть, нанес тяжелый удар профессиональному движению, которое вместо употребления своих сил для реальных достижений, ожидаемых массами от своих профсоюзов, тратило всю свою эйергию на внутреннюю борьбу; в то же время ряд союзов, как, например, союз чиновников, желая во что бы то ни стало сохранить свое единство, заявлял о своем нейтрализме и нежелании примкнуть ни к одной из борющихся в Конфедерации сторон; наконец, некоторые окружные объединения сохраняли в своем составе правые и левые синдикаты и не желали входить в национальные федерации из стремления сохранить единство. В результате оставшиеся в организациях около 600 тыс. рабочих разделились на две части: немного больше половины, около 350 тыс., примкнули к УКТ и около 250 тыс. — к ВКГ.

С момента возникновения УКТ (переименованной в УВКГ) в конце 1921 и начале 1922 гг. внутри ее обозначились четыре течения, которые, впрочем, уже имелись в вышеуказанных «Комитетах революционных синдикалистов», действовавших внутри единой ВКГ. Указанные течения образовали анархисты, анархо-синдикалисты, синдикалисты-коммунисты и чистые коммунисты. Борьбой этих четырех течений заполнен весь период до Сент-этьенского конгресса, на котором она проявилась с особой резкостью.

Утверждения чистых анархистов сводятся к следующему. Государство во всех его видах, формах и действиях является орудием угнетения масс в руках тех, которые стоят у власти, а потому партии как находящиеся у власти, так и стремящиеся к ней — как бы они себя ни называли, — имеют одну цель — угнетение масс. В этом смысле коммунистическая партия однородна со всеми самыми правыми буржуазными и реакционными партиями. Вследствие сказанного анархисты

являются, во-первых, противниками всех форм государства и власти и, в частности, противниками диктатуры пролетариата; во-вторых, они сторонники абсолютной автономии и независимости профсоюзов и, следовательно, противники всякой связи между Профинтерном и Коминтерном. Нужно, наконец, заметить, что в организационном отношении анархисты—противники массовых организаций, «обезличивающих индивида», между тем как отдельной личности и ее инициативе они придают большое значение; они считают, что достаточно 2—3 тысяч активных личностей, чтобы начать переворот и увлечь за собой массы.

Анархисты-синдикалисты в общем сходны с чистыми анархистами, с той разницей, что в основу движения они кладут не отдельную инициативную личность, а организованную массу; они полагают, что синдикаты сделают социальный переворот и организуют производство вне всякой зависимости от политических партий, стремящихся к власти для власти; они являются самыми горячими сторонниками теории самодовления синдикатов, выражаемой ими словами «синдикализм достаточен для всего» (*le syndicalisme suffit à tout*).

Синдикалисты-коммунисты лишены того отрицательного отношения к государству, которым проникнуты предыдущие две группы; они относятся к нему двойственно, отчасти не признавая, отчасти признавая, а потому стоят за диктатуру пролетариата, но прибавляют: «через профсоюзы». В то же время они, подобно обоим предшествующим группам, против объединения Профинтерна с Коминтерном, против взаимного представительства обоих исполкомов.

Наконец, коммунисты являлись безоговорочными сторонникам присоединения к Профинтерну, но все же подчеркивали автономность и независимость профессионального движения внутри своей страны.

На учредительном конгрессе УВКГ, собравшемся в Сент-Этьене в 1922 г., эти различные направления обнаружались с особенной яркостью. В центре всех дебатов стоял вопрос о социальной революции или, вернее, о том, кто делает революцию — партия или синдикаты; русская революция подвергалась ожесточенной критике со стороны анархистов и анархо-синдикалистов; спорным практическим вопросом, который следовало решить, был вопрос о присоединении к Профинтерну. После семи дней дебатов принята была резолюция, которая заявляла о присоединении УВКГ к Профинтерну при условии признания с его стороны полной неза-

висимости и автономии французского профессионального движения; в этой же резолюции конгресс поручил своим делегатам на ближайшем конгрессе Профинтерна поднять вопрос об отмене взаимного представительства между Профинтерном и Коминтерном. Эта резолюция получила 749 голосов против 490 голосов анархистов и анархо-синдикалистов. Огорченные таким исходом голосования, анархисты и анархо-синдикалисты организовали «Комитет синдикалистской защиты» для борьбы с засильем «политиков».

10 января 1923 г. Исполнительное бюро Профинтерна было извещено о том, что УВКТ санкционировала соглашение, подписанное ее делегатами на II конгрессе Профинтерна и определившее вступление УВКТ в его ряды.

В середине ноября 1923 г. происходил конгресс Унитарной конфедерации труда в Бурже. Как и на предыдущем конгрессе в Сент-Этьене, здесь было коммунистическое большинство и анархическое меньшинство. Прения вращались главным образом вокруг взаимоотношений различных направлений в синдикализме; вновь анархисты разных оттенков возражали против вмешательства политических организаций в профдвижение, высказываясь в лице более умеренных за временные соглашения с политическими партиями для определенных целей, но против подчинения синдикатов партиям.

Представитель железнодорожников Семар в своей речи указал, что меньшинство, постоянно претендующее на автономию синдикального движения, на самом деле примыкает к анархическому или какому-либо иному, но все же политическому учению. Критикуя эту непоследовательность анархизма, оратор подчеркивал необходимость пролетарской диктатуры во избежание фашистской. Подчеркнув далее необходимость единства профдвижения, Семар заявил, что УВКТ всегда готова созвать общий конгресс с представителями всех не входящих в нее организаций и подчиниться решениям, которые будут приняты на таком конгрессе.

С горячим одобрением было встречено послание Профинтерна, и очень холодно была выслушана речь анархиста Бенара. Лидер фракции чистых синдикалистов Лартиг¹⁾ категорически заявил, что при всем своем расхождении с большинством его фракция во всяком случае останется в рядах

¹⁾ Лартиг — вождь федерации почтовиков; его единомышленница Мария Гюйо — лидер федерации просвещения.

УВКГ и Профинтерна. За резолюцию Сема, допускающую свободную деятельность синдикальных комиссий компартии в профсоюзах, подано было 987 голосов, между тем как за резолюцию оппозиции было подано всего 147 голосов. Таким образом, кампания анархо-синдикалистов против компартии и в значительной степени против Профинтерна потерпела крушение.

В образуемых при коммунистической партии синдикальных комиссиях оппозиция усматривала попытку подчинения профдвижения компартии и пророчила гибель французскому рабочему движению. В действительности же объединение профсоюзов с политической партией пролетариата залечивает рану, нанесенную французскому рабочему движению 30 лет тому назад, и открывает ему новую славную эру борьбы для победы.

20—25 января 1924 г. происходил конгресс французской компартии в Лионе. На конгрессе участвовало 148 делегатов от 84 организаций. В воззвании к международному пролетариату французская компартия подчеркнула, что 1924 г. ознаменуется созданием рабоче-крестьянского блока, который нужно оценивать как первый этап по пути к образованию рабоче-крестьянского правительства. Единогласно было принято выдвинутое ЦК партии положение, что очередной задачей партии в связи с неизбежным крахом политики французской буржуазии является создание рабочего блока в противовес лево-буржуазному блоку. То же самое подчеркивалось в прочитанном Селье послании Коминтерна, где, кроме того, указывалось, что партия должна усилить организационную и пропагандистскую деятельность в промышленных предприятиях и стремиться к наиболее тесному единению с УВКГ. При критике политической линии партии особенно подчеркивалось, что партия должна стать ближе к массам, должны быть образованы ячейки на заводах, должна быть увеличена вербовка рабочих от станка, нужно обращать больше внимания на вопросы, непосредственно интересующие рабочих, и стремиться выдвигать конкретные практические цели. В дискуссии о профдвижении Монатг указал, что профдвижение во Франции насчитывает всего 800 тыс. профессионально организованных рабочих, и что, следовательно, до 80% французских рабочих до сих пор остаются неорганизованными. Принятая резолюция гласит, что компартия, отнюдь не нарушая автономии профсоюзов, должна усилить в них революционную деятельность; единогласно принята также резолюция о работе коммунистов в кооперации.

Происходившие весной 1924 г. парламентские выборы дали компартии 900 тыс. голосов и 25 депутатов (вместо прежних 11). Следует отметить, что один только Париж с предместьями дал компартии 15 мест в парламенте.

Борьба за един-
ство профдви-
жения.
Съезды ВКТ и
УВКТ в Париже
в 1925 г.

Раскол профдвижения, вызванный вышеописанными действиями ВКТ, оказался целиком на-руку французской буржуазии, которая, по мере укрепления ее экономических и политических позиций, начинает наступление на восьмичасовой рабочий день и на минимальную зарплату. Против такого положения вещей Профинтерн выдвинул лозунг единого фронта, для осуществления которого непременным условием являлось восстановление прежнего единства профдвижения. Но лидеры реформистской конфедерации всемерно этому противились, боясь, не без основания, что восстановление единства приведет к потере их влияния на французский пролетариат. Формально их возражения против предложений УВКТ сводятся к следующему: Всеобщая конфедерация труда — это старый дом, и все, кто ушел из него, могут в него вернуться; члены унитарных союзов должны, следовательно, влиться в соответствующие реформистские союзы. Другие условия объединения для них неприемлемы, так как это привело бы к подчинению французского профдвижения указам из Москвы, привело бы к засилью компартии, между тем как они попрежнему хотят оставаться вне связи с политическими партиями, следуя свято заветам Амьенской хартии.

Каковы принципы Амьенской хартии, это мы видели из вышеизложенного. Продолжает ли ВКТ и после войны оставаться на почве этой хартии, в основе которой лежит принцип классовой борьбы? Это лишний раз показал Жуо в своей статье, написанной им по поводу 30-й годовщины ВКТ (1895—1925). В этой статье Жуо, между прочим, пишет, что опыт научил лидеров (бывшей революционной, а ныне реформистской) конфедерации двум вещам: во-первых, что рабочие интересы нельзя отделить от общих интересов и, во-вторых, что освобождение, к которому стремится рабочий класс... «не может явиться результатом чудесных социальных катастроф». Переводя это заявление на обыкновенный социалистический язык, нужно установить, что Жуо и его единомышленники — не впервые, впрочем, после войны — отказываются от классовой борьбы и водворения социализма революционным путем. Таким образом, мы видим, что вожди

ВКТ давно поправили ту самую хартию, за которую они цепляются для защиты от происходящих якобы попопозновений на их синдикалистские принципы. Не выдерживает никакой критики и ссылка реформистов на угрожающую им опасность подпасть под влияние политической партии, так как они фактически находятся в единении с левым блоком, опирающимся, как известно, на социалистическую партию и реформистскую Конфедерацию.

Вследствие указанных обстоятельств все старания УВКТ добиться единства оказались тщетными, как и попытка, сделанная осенью 1925 г., когда в Париже одновременно заседали съезды УВКТ и ВКТ. Совпадение этих двух съездов (в отношении времени и места) было преднамеренно подготовлено унитариями, чтобы иметь возможность столкнуться с ВКТ, и если бы эти усилия увенчались успехом, то созвать немедленно общий конгресс единства. Во всяком случае унитарии делали все, что было в их силах, чтобы показать рабочим, входящим в ВКТ, что с их (унитариев) стороны никаких препятствий к осуществлению единства нет, что эти препятствия создаются злой волей реформистских вождей, из-под влияния которых французский пролетариат должен уйти, если хочет поставить на правильную почву свою классовую борьбу.

Вопрос о единстве был поставлен унитариями на их съезде на первом месте. Целью унитариев было добиться от ВКТ согласия на совместное заседание обоих съездов или создание паритетной комиссии для обсуждения вопроса о единстве. С таким предложением была послана делегация к реформистам. Последние дали уклончивый ответ. Вожди ВКТ, в сущности, хотели замолчать вопрос о единстве, но на съезде нашлось значительное большинство, потребовавшее его обсуждения. Несмотря на резкие выступления против единства со стороны Жуо и других лидеров, на реформистском съезде нашлось 118 профсоюзов, которые выступали в пользу единства. В своей речи Жуо откровенно отрекался от своих прежних «заблуждений», рассказывался в том, что в 1920 г. участвовал в революционной всеобщей забастовке, высмеивал иллюзии классовой борьбы и веру в чудеса социальной революции, призывая не к революции, а к борьбе за социальные реформы, защищал Лигу наций, превозносил учреждения вроде Высшего экономического совета, где представители пролетариата, заседавая вместе с представителями хозяев, будут безболезненно водворять всеобщее счастье. По вопросу о единстве он еще

раз повторил, что предложение УКТ представляет собой маневр коммунистов, действующих по указке из Москвы, что ни о какой объединительной конференции не может быть речи, что ВКТ — открытый дом, в который приглашаются вступить все желающие рабочие, и пр., и пр.

Речи и резолюции о Сирии и Марокко тоже в достаточной степени выявили политическую линию лидеров ВКТ. В то время как Унитарная всеобщая конфедерация категорически высказывалась против войны, требуя немедленного заключения мира с риффами и очищения французскими войсками Сирии и Марокко, — Жуо и К° выдвинули ту точку зрения, что Франция в этой войне «защищается», и потому призывали съезд к доверию правительству, «поставленному в необходимость» воевать для ограждения важнейших интересов французского народа.

На съезде Унитарной всеобщей конфедерации выступил генеральный секретарь Профинтерна т. Лозовский, пробравшийся во Францию, несмотря на все запреты французского правительства. В своей речи тов. Лозовский, при полном одобрении съезда, защищал требование созыва общего конгресса или образования паритетной комиссии для создания новой единой Конфедерации. «Мы предлагаем, — говорил тов. Лозовский, — созыв съезда на основе пропорционального представительства... Я спрашиваю: что неприемлемо в таком предложении?.. Ведь поскольку съезд будет создан на основе пропорционального представительства, каждая организация будет иметь соответствующее своим силам влияние... Почему же реформисты так решительно выступают против всех предложений о единстве? Потому что они боятся, что единая организация будет помехой практикуемому ими классовому сотрудничеству, что в единой организации нельзя будет заниматься министерализмом, что единая организация будет против социального мира; они знают, что когда рабочий класс будет хорошо организован, он фатально пойдет по пути классовой борьбы, а не по пути классового сотрудничества».

Ввиду отклонения съездом ВКТ предложения УВКТ, по окончании обоих съездов (по инициативе УВКТ) состоялась конференция единства, в которой рядом с представителями УВКТ приняли участие 50 делегатов реформистских союзов, сторонников единства, несколько делегатов от автономных союзов и от «смешанных комитетов единства».

В результате прений конференция приняла резолюцию, в которой, между прочим, говорилось:

«Участники и делегаты различных организаций—унитарных, реформистских и автономных, — собравшись на конференцию для обмена мыслями по важному вопросу о единстве, постановляют, что ввиду острого кризиса, который переживает Франция и который создает все возрастающую угрозу для рабочего класса, необходимо всячески усилить работу среди пролетарских масс для осуществления единства. Это единство может быть создано постольку, поскольку профессиональное движение сохранит свою автономию и дух классовой борьбы. Осуществление единства возможно только путем одновременного слияния всех параллельных организаций, причем слияние это должно происходить под контролем смешанных комитетов единства...»

* * *

К изложенному необходимо прибавить, что, несмотря на дальнейшую уступчивость, проявленную УВКТ в вопросе о единстве, достичь его не удалось до настоящего времени (октябрь 1927 г.), так как при всякой дальнейшей уступке УВКТ лидеры ВКТ стремятся создать новые преграды, выдвигая новые, неприемлемые условия или превратно толкуя прежние условия, чтобы сорвать налаживающееся, но крайне нежелательное им, единство.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ГЕРМАНИЯ

МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ ПЕРИОД ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Политический и
экономический
строй Германии
в первой полови-
не XIX в.

В первой половине XIX в. Германия представляла собой ряд мелких, почти самостоятельных государств, числом около 38. Правда, эти государства считались объединенными, и во главе их стояли общие власти — император и союзный сейм; но значение этих властей было настолько ничтожно, что в действительности германские государства им не подчинялись и не признавали себя от них зависимыми.

Все эти маленькие государства, из коих иные были меньше какого-нибудь уезда нашей губернии, управлялись самодержавной властью разных королей, герцогов, князей и пр.; народ не допускался к участию в государственных делах, которыми всецело ведали правительственные чиновники.

Самыми крупными из германских государств были Австрия и Пруссия; оба спорили за первенство в германском союзе. В первой половине XIX в. это первенство было на стороне Австрии.

Политической отсталости соответствовала отсталость экономическая. В описываемое нами время, когда фабрично-заводская промышленность в Англии развивалась гигантскими шагами и во Франции тоже делала значительные успехи, Германия в промышленном отношении была страной мелкого ремесла в полном смысле этого слова, и таковой она оставалась почти до самой середины XIX в. Насколько мелки были ремесленные мастерские, можно видеть из того обстоятельства, что еще в середине XIX в. в Пруссии на каждые 100 мастеров приходилось по 83 подмастерья, а в начале 60-х годов — по 104 подмастерья, т. е. на каждого мастера приблизительно по

одному подмастерью. При таком положении вещей каждый подмастерье мог надеяться со временем стать самостоятельным мастером-хозяином, а потому противоположность классовых интересов между хозяевами и рабочими в ремесленных предприятиях была очень слабо выражена.

Впрочем, и в те времена в Германии уже имелись зачатки капиталистической промышленности, в Силезии и Саксонии— на востоке и в Рейнско-Вестфальской провинции — на западе. Силезия издавна славилась полотняным производством. Производство это носило кустарный характер, силезские ткачи были крепостными крестьянами и за соответствующий оброк помещику покупали свое право заниматься ткачеством. С течением времени капиталисты стали здесь устраивать мануфактуры, а потом фабрики; и ткачи долгое время подвергались двойной эксплуатации — со стороны помещиков и со стороны капиталистов. В Саксонии было развито горное дело, отчасти также суконное и хлопчатобумажное производство. Но истинно промышленным уголком Германии можно было назвать Рейнско-Вестфальскую провинцию на юго-западе. Здесь уже довольно рано возникли хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые фабричные производства, чугунолитейные, машиностроительные и оружейные предприятия и заводы, а вместе с ними и фабричный пролетариат, страдавший от крайней эксплуатации предпринимателей, не знающих удержу на первых ступенях развития капитализма. Раннее промышленное развитие сделало этот уголок Германии наиболее передовым и в политическом отношении: здесь либеральные и революционные идеи уже рано находят себе приверженцев и защитников; отсюда вышло не мало борцов за свободу и рабочее дело.

Подавляющее большинство населения составляли крестьяне, которые в начале XIX в. находились в крепостной зависимости от помещиков. Несчастливая война с французским императором Наполеоном I заставила прусского короля и бюрократию обратить внимание на положение народа. Сначала, пока Пруссия была стороной побежденной, ее правители были настроены более либерально и в затеваемых ими реформах—впрочем, больше на словах, чем на деле,—пытались соблюсти интересы крестьянской массы. Но лишь только Наполеон был разбит и низложен (в 1814 г.), отношение к крестьянам изменилось к худшему, и в конечном итоге освобождение (впрочем, только частичное) крестьян в Пруссии было произведено таким образом, что большинство крестьянских зе-

мель стало переходить к помещикам, а обезземеленные крестьяне превратились отчасти в сельских рабочих, отчасти принуждены были устремиться в города в поисках работы, что впоследствии сыграло немаловажную роль в деле развития промышленности, которой деревня непрерывно посылала большие кадры дешевых рабочих рук.

Слабое развитие промышленности вело к тому, что буржуазия была немногочисленна, недостаточно богата и не имела таких стремлений к власти, как буржуазия Англии или Франции. Либерализм и конституционализм, т. е. стремления освободиться от самодержавия королей и герцогов, поддерживались главным образом студенческим движением в южных и западных государствах и недовольством, которое сеяли своими произведениями и пропагандой отдельные кружки писателей и передовой интеллигенции. Буржуазия была более заинтересована в том, чтобы поднять промышленное развитие Германии, сильно страдавшее от ее раздробленности, от того, что все маленькие государства, ее составлявшие, были отделены друг от друга таможенными, причем чуть ли не каждое из этих маленьких государств имело свои весы и меру, свою монету и почтовый тариф. Это необычайно препятствовало торговым и промышленным сношениям между отдельными частями страны, не давало возможности создать единый внутренний рынок для германской промышленности. Что касается внешнего (мирового) рынка, то он еще менее был доступен для германских товаров. Более того, английские и французские товары, производимые в громадном количестве машинным способом, вытесняли германские товары даже в самой Германии, убивая таким образом в зародыше ее промышленность. Вот почему главные стремления германской буржуазии были направлены, во-первых, на уничтожение таможенных и иных преград между отдельными германскими государствами и на создание между ними таможенного союза, что в значительной степени было достигнуто в 1834 г., и, во-вторых, на то, чтобы защитить Германию от наплыва иностранных товаров и таким образом дать возможность развиваться отечественной промышленности. Этого можно было достичь при помощи так называемых покровительственных пошлин, т. е. таких высоких пошлин на дешевые английские и французские товары, чтобы они не могли конкурировать с более дорогими и худшими по качеству отечественными товарами. Главным выразителем такого взгляда на развитие отечественной промышленности в Германии явился вюртемберг-

ский проф. Фридрих Лист, обосновавший и защищавший теорию покровительства национальной промышленности, которого поэтому следует считать главным защитником в экономической науке интересов германской буржуазии той эпохи.

Таким образом, германская буржуазия первой половины XIX в., в противовес английской и отчасти французской выступила не под флагом свободы торговли и свободы от правительственной оценки, а, наоборот, вследствие своей слабости и маловлиятельности она призывала к ограничению свободы торговли, умоляла о правительственной опеке в виде покровительственных пошлин. Само собой понятно, что от подобной буржуазии нельзя было ждать широкого политического размаха и способности бороться с самодержавием за политическую свободу.

Что касается землевладельцев, в частности — прусских землевладельцев-дворян, получивших название прусских юнкеров, то они были всецело заинтересованы в сохранении старых порядков, при которых они держали крестьянство в полукрепостном состоянии и поставляли государству из своих рядов высших бюрократических и военных чинов. Они, следовательно, были реакционерами, каковыми остаются по сию пору. Наконец, крестьяне, забитые нуждой и зависимые от дворян-помещиков, являлись малосознательной и бездеятельной в политическом отношении массой.

Самыми передовыми общественными элементами того времени, как мы увидим, было рабочее население промышленных провинций и ремесленные подмастерья, которые, по мере развития промышленности, все более и более сталкивались в ряды пролетариата.

Тайные заграничные общества и ремесленный социализм

Еще со старых времен среди германских ремесленников существовал обычай, по которому подмастерья для усовершенствования в своей профессии должны были странствовать в продолжение нескольких лет из одного города в другой, работая и обучаясь у тамошних мастеров. Нередко подмастерья для этой цели направлялись в ближайшие чужие страны — Швейцарию, Францию, а иногда и в Англию. Многие оставались на чужбине навсегда, другие же возвращались на родину, принося с собой новые политические и социальные воззрения, с которыми познакомились в

передовых европейских странах, и распространяя их среди товарищей.

С развитием промышленности, под влиянием конкуренции, германские ремесленники стали перебиваться в соседние страны и даже в Америку уже не для усовершенствования в своей профессии, а в поисках работы и заработка. Некоторым приходилось бежать за границу, спасаясь от преследований реакционных немецких правительств. Во Франции, Швейцарии и Англии кочующие ремесленники приходили в соприкосновение с политическими эмигрантами и революционерами, главным образом итальянцами, поляками, немцами.

Главным центром европейского революционного движения был тогда Париж, и здесь в 1834 г. возникла первая тайная организация немецких эмигрантов — Союз изгнанных. Во главе этого союза стояли два бывших германских приват-доцента (младших университетских профессора) Яков Венедей и Теодор Шустер. Первый был более умеренных взглядов; Теодор Шустер высказывал более крайние воззрения.

Главное ядро союза составляли несколько сот ремесленных подмастерьев, не только живших постоянно в Париже, но и странствовавших, которые рано или поздно должны были вернуться в Германию; на распропагандирование этих последних было обращено особое внимание, так как они должны были, вернувшись на родину, создать ячейки союза, что и удалось вскоре достичь в целом ряде крупных городов (Берлине, Лейпциге, Франкфурте, Бремене, Мюнхене).

Союз был организован наподобие французских тайных обществ на основе строжайшей конспирации (тайны) и безусловного повиновения стоявшему во главе тайному комитету. Подобно французскому «Обществу прав человека», он ставил себе прежде всего республиканско-демократические цели, т. е. прежде всего цели водворения политической свободы в Германии. Но вожди союза, сами смутно разбиравшиеся в экономических и социальных вопросах, полагали, что политическая свобода принесет с собой и равенство имущественное, чего можно будет достичь посредством соответствующей системы налогов и государственной поддержки нуждающихся. Таковы были взгляды тех членов союза, которые примыкали к Венедею. Теодор Шустер был не согласен с этими взглядами. На примере Северо-Американских Соединенных Штатов он ясно видел, что политической свободы и республиканского строя еще недостаточно для уничтожения имущественного не-

равенства; что в основе этого неравенства лежит господство капитала, которому достаются плоды чужих трудов; что не стоит свергать королевское ярмо, чтобы жить в послушании у фабрикантов и лавочников. А потому, — учил он, — нужно себе ставить целью свержение вместе с монархией всех привилегий господствующих классов, самой же главной привилегией является богатство. «Пусть топор революции свалит этого врага; тогда трон, родовое дворянство и владычество торгашей свалятся вместе с ним, как стена — вместе со своим фундаментом. Если же оставить его нетронутым, то все остальное опять поднимется на его плечах».

В 1835 г. Венедей был выслан из Франции буржуазным правительством Луи-Филиппа, а немецкие ремесленники получили от германского союзного сейма приказ покинуть Париж. Этот разгром, а также внутренние раздоры вскоре должны были привести и привели к расколу и распаду союза.

Выступившие из «Союза изгнанных» наиболее левые члены, под предводительством Шустера, в 1836 г. основали «Союз справедливых».

В этом союзе не только среди рядовых членов, но и в правлении преобладали ремесленники. В числе членов правления были замечательны сапожник Генрих Бауэр, часовщик Молль и шортовой Вильгельм Вейтлинг. Союз ставил себе коммунистические цели, т. е. стремился водворить такой строй, при котором орудия производства и все богатства принадлежали бы всем сообща, все равно и сообща трудились бы, равно и сообща пользовались бы продуктами труда. Союз примыкал к французскому «Обществу времен года» и поддерживал с ним постоянную связь. Деятельность «Союза справедливых», как и прочих союзов немецкой эмиграции, заключалась в основании столовых, обществ для чтения, самообразования, чтения, где более энергичные члены занимались пропагандой идей союза.

В 1839 г. союз подвергся разгрому, так как принял участие в неудачном восстании французского «Общества времен года». Одни его члены были арестованы, другие принуждены были бежать. Часть членов переехала в Лондон, куда было перенесено правление союза. Здесь в 1847 г. при содействии Маркса и Энгельса был образован «Союз коммунистов», в который вошла часть членов бывшего «Союза справедливых». Вейтлинг перекочевал в Швейцарию и решил здесь обосноваться. Сначала ему пришлось выдержать много столкнове-

ний с остатками буржуазно-демократического общества «Молодой Германии», твердо державшегося своей программы и враждебно относившегося к пропаганде коммунизма. Но затем при содействии очень энергичного и талантливого организатора, кожевника Симона Шмидта, он возродил «Союз справедливых», сделав его тайным обществом. Он надеялся таким образом обойти преследования швейцарского правительства и, во-вторых, сосредоточить наиболее преданных и энергичных членов в ряд тесных кружков, из которых они могли бы руководить общественными столовыми, обществами для самообразования, чтения, гимнастики и пр.

Вильгельм Вейтлинг и его учение

Вильгельм Вейтлинг родился в 1808 г. Внебрачный ребенок, он вырос среди тяжелой нужды и лишений. Обучившись портняжному мастерству, он странствовал сначала по Германии, а затем в середине 30-х годов прибыл в Париж, где с некоторыми перерывами прожил до 1840 г. Здесь он основательно познакомился с учениями французских утопистов (Сен-Симона, Фурье), но не примкнул всецело к их воззрениям; заимствовав то, что было более передового в их взглядах, он отверг все то, что ему казалось отсталым и несбыточным, и основал собственную систему. Но в то же время он в своих воззрениях не примкнул и к пролетариату, а занял среднее положение между утопизмом и пролетарским социализмом. Это вполне соответствовало тому классовому положению, в котором находился он и его приверженцы. Ведь он был ремесленный подмастерье, правда, спускавшийся к пролетариату, но все же занимавший среднее положение между мелким буржуа и пролетарием.

Свои взгляды он изложил в нескольких книжках, из коих наиболее замечательны: «Человечество как оно есть и каким должно быть» (изд. в 1838 г.), «Гарантии гармонии и свободы» (изд. в 1842 г.) и др.

Не обладая таким глубоким пониманием исторического развития общества, как О.-Симон, он все же понимал и верил, что общество развивается по тем же неизменным правилам (законам), как и природа. В основу этого развития он (подобно Фурье) клал человеческие страсти и соответствующие им способности. Он делил их на три разряда: страсти приобретения, наслаждения, знания. Для правильного развития общества необходимо равновесие между страстями его индивидов (членов) и способностями их удовлетворить. Причина всех общественных бед—в насильственном разрушении этого равнове-

сия, в подавлении страстей одной части общества к выгоде другой части, результатом чего является торжество чувственных наслаждений над умственными, господство одной части общества над другой при помощи чиновников, законов и наказаний, вырождение знаний в суеверие, обман и ложь для поддержки любостяжания и погони за наслаждениями.

Вейтлинг отлично понимал, насколько обманчивы надежды утопистов на помощь королей и миллионеров для осуществления их планов, и энергично заявлял, что рабочий класс никогда не будет освобожден, если не освободит себя сам. Он высмеивал Фурье, который хотел допустить в своих фаланстерах, наряду с вознаграждением труда, вознаграждение капитала, в надежде таким путем привлечь денежных людей. По мнению Вейтлинга, ассоциации должны состоять только из тружеников-пролетариев.

Интересно отметить, что, говоря о революционной роли пролетариата, Вейтлинг большое значение придавал люмпен-пролетариям и даже разбойникам, которые должны способствовать тому, чтобы довести современное буржуазное общество до крайней степени потрясения и разрушения (взгляд, впоследствии усвоенный Бакуниным).

Вейтлинг стремился восстановить естественное равновесие между страстями и способностями, что возможно, если обеспечить страсти знания, — другими словами, науке, — управление страстями приобретения и наслаждения, т. е. производством и потреблением. Он не желал для своего идеального общества ни правительства, ни законов. «Совершенное общество, — говорил он, — не знает никакого правительства, а только управление, никаких законов, а только обязанности, никаких наказаний, а только лекарства», а потому в своем сочинении он посвящает особую главу философии медицины.

Утопический характер его учения проявляется со всей силой, когда он набрасывает фантастический план будущего коммунистического общества, во главе которого он ставит трио или «совет трех», состоящий из величайших философов, гениев в медицине, физике и механике, возвращая, таким образом, способности знания подобающее ей место. Впрочем, он предупреждает читателя, что не следует придавать особого значения наперед начертанным планам социального строя, ибо нет ничего совершенного под луной, и нельзя придумать строя, годного для всех времен и при всех обстоятельствах.

Сочинения Вейтлинга пользовались в свое время значительной и заслуженной славой. Фридрих Энгельс называет

Вейтлинга единственным немецким социалистом, действительно кое-что сделавшим для своей эпохи.

Сочинения Вейтлинга усердно читались и распространялись его последователями. Бедные немецкие ремесленники, еле зарабатывавшие свои скудные средства для существования на чужбине, печатали их на свой счет. Несмотря на зоркость пограничных властей и преследования полиции, они распространяли их в Германии, Австрии, Франции.

В 1843 г. Вейтлинг написал «Евангелие бедных грешников», где он подбором изречений из библии доказывает, что самые крайние взгляды демократов и коммунистов находятся в полном согласии с учением Христа.

Но не успел он издать свое сочинение, как швейцарское духовенство подняло тревогу и только за распространение краткого содержания своего «Евангелия» он был привлечен к ответственности за богохульство и осужден на 10 месяцев тюрьмы. После освобождения из тюрьмы, он был выдан Германии и оттуда вскоре принужден был уехать и направился в Лондон.

Развитие промышленности и голодные бунты

В то время как вожди немецкого ремесленного пролетариата сеяли семена социализма среди своих соотечественников, живших временно по ту сторону немецкой границы, в Германии мало-помалу внедрялся капитализм, правда, очень медленно и нерешительно, но все же делая постепенно свое дело.

Таможенный союз, объединивший мелкие германские государства, создал широкий свободный рынок для сбыта товаров, производимых в более промышленных местностях страны; значительное содействие промышленному развитию оказало также начавшееся железнодорожное строительство. Стали устраиваться фабрики и заводы, города ширились, становились населеннее и богаче. Ремесленное производство стало падать, уступая место фабрике, а ремесленники, впадая в нищету, наполняли кадры пролетариата или эмигрировали (переселялись) за границу. В 1846 г. в Пруссии было уже около 78 тыс. промышленных предприятий с 551.244 рабочими; это были большей частью мелкие фабрички, так как в среднем на одну фабрику приходилось около 7 рабочих. Но все же это были уже начатки капитализма со всеми его бедствиями.

Но если положение фабричных рабочих было очень скверно, то еще хуже было положение кустарей, прядильщи-

ков и ткачей в Силезии. Этим ручным работникам приходилось выдерживать конкуренцию с английскими ткачами, работавшими посредством усовершенствованных машин, а потому их заработки были крайне ничтожны, и тысячи силезских ткачей умирали от голодного тифа. Когда же немецкие предприниматели построили бумагопрядильные и ткацкие фабрики с новейшими машинами, масса рабочих осталась без работы и была выброшена на улицу.

Как и всюду, в Европе рабочее движение началось походом против ненавистных машин. Это были голодные бунты, вспыхивавшие без определенного плана, без надежды на победу, под влиянием голода и отчаяния.

Самое большое из этих голодных восстаний произошло в 1844 г. в Силезии и известно под названием восстания силезских ткачей (недалеко от города Бреславля). Доведенные до отчаяния голодной платой, которую фабриканты немилосердно продолжали понижать, ткачи обрушились на своих мучителей, стали громить фабрики, разбивать машины, разрушать дома фабрикантов, уничтожать их имущество. Высланные на помощь фабрикантам правительственные войска расстреляли многих рабочих, многие впоследствии были преданы суду и понесли тяжелые кары ¹⁾).

Вслед за этим восстанием беспорядки происходят в разных местах Германии: в Саксонии — среди железнодорожных рабочих, в Магдебурге — среди рабочих на сахарных заводах, в Берлине происходит стачка в ситценабивной промышленности. В 1846 г. происходят беспорядки среди железнодорожных рабочих в Бранденбурге и Эльбине из-за несправедливых вычетов и низкой заработной платы. Такие же беспорядки происходят во многих других местах.

Во второй половине 40-х годов стали происходить частые волнения в разных местах Германии, вызванные вздорожанием жизни (между тем как заработная плата оставалась очень низкой), а потом кризисом 1847 г. охватившим все главные страны Европы. Одно из таких волнений, известное под названием картофельной войны, происходило в Берлине в 1847 г. Все это движение среди трудящихся указывало на крайнее их недовольство существующим строем, на стремление к его изменению и на близость революции.

¹⁾ Поэт Гейне воспел ткачей в трогательных и гневных стихах. Впоследствии известный немецкий писатель Гауптман изобразил это восстание в драме «Ткачи».

**Революция
1848 г. и рабо-
чее движение
этого периода**

Революция 1848 г., начавшаяся в феврале в Париже свержением короля Луи-Филиппа, прокатилась грозой по всей Европе. В Германии она началась в марте месяце, почему революция здесь получила название мартовской.

Сначала, как и во Франции, буржуазия соединилась с пролетариатом для общей борьбы с самодержавием. Под дружным натиском народа все германские властители всюду уступали, назначали либеральные министерства, созывали выборные законодательные палаты. В Пруссии было созвано Национальное собрание, которое после долгих прений выработало сравнительно либеральную конституцию, с ответственностью министров, свободой печати, собраний и союзов. Но вскоре буржуазия, напуганная «красным призраком» социальной революции, отказалась от союза с пролетариатом и бросилась в объятия реакции, и королю не трудно было отнять у своих подданных почти все, что он вынужден был дать в марте 1848 г. Прежняя либеральная конституция была изуродована, избирательное право в палату было предоставлено преимущественно состоятельным классам населения; свобода слова и собраний была задушена, и вместо конституции была оставлена ее тень, точь-в-точь, как впоследствии царь Николай устроил с конституцией, которую он вынужден был дать России после революции 1905 г. Начавшаяся реакция длилась до конца 50-х годов.

Недостаточное развитие капитализма проявилось в том, что рабочие и подмастерья в своей борьбе (в революции 1848 г.), не всегда умели противопоставить свои интересы интересам хозяев и предпринимателей. Здесь поэтому проявилось то стремление к примиренчеству, которое мы так часто встречаем при неразвитых формах капитализма. Это особенно резко выражено в резолюции, принятой на одном из общих собраний берлинских граждан, где, между прочим, говорится: «Мы желаем мира между всеми классами, дабы пали отделяющие их друг от друга преграды». В своей «Истории рабочего движения в Берлине» Э. Бернштейн приводит несколько таких примеров проявления классового миролюбия, являющегося характерной чертой мартовской революции в Германии.

Но рядом с этим с самого начала революции наблюдается и обратное явление, а именно: организация наиболее сознательной части пролетариата для образования собственной партии и для осуществления своей собственной программы.

Здесь сразу сказалось, что заграничные тайные общества и заграничная пропаганда не прошли бесследно для организации германских рабочих и развития их самосознания. Первые общества для самообразования, чтения, гимнастики были основаны прибывшими из Франции и Швейцарии странствовавшими ремесленниками в 1844 г. в Берлине, в 1845 г. в Гамбурге, а затем во многих других городах. Здесь рядом с преподаванием физики, химии, иностранных языков распространялись идеи политического и социального освобождения.

Одним из главных руководителей германского рабочего движения в революцию 1848 г. был эмигрант, член «Союза коммунистов», типографский рабочий **С т е ф а н Б о р н**, много заимствовавший у Луи Блана и находившийся под влиянием его идей о праве на труд и организации труда. Под его председательством был организован в Берлине рабочий клуб, откуда началась организация и вылилась в форму **р а б о ч и х к о м и т е т о в**, составленных из делегатов различных рабочих ферейнов. Эти комитеты, возникшие во многих провинциальных городах, объединялись центральным берлинским комитетом. Печатным органом центрального комитета являлась газета «Народ». Выработанный центральным комитетом устав призывал рабочий класс «взять свое дело в свои собственные руки», а газета «Народ» обнаружила достаточно ясное понимание социального антагонизма, существующего между рабочим классом и классом капиталистов, но в то же время намечала умеренную тактическую линию для поведения пролетариата в рассматриваемый политический момент.

Борн ставил себе задачей, «с одной стороны, поддерживать буржуазию в ее борьбе против аристократии, против средневековья, против властей милостью божьей, а с другой стороны, — притти на помощь мелкому промышленнику и рабочему против силы капитала и свободной конкуренции и всегда быть в первых рядах там, где надо будет завоевывать народу то или иное политическое право, дабы он получил средства возможно скорее достигнуть социальной свободы и независимого существования» В третьем своем номере газета приветствовала появление «Новой рейнской газеты» за решительное направление, ручательством которого служат имена «наших друзей» — Маркса, Энгельса и Вольфа. «В политическом отношении, — читаем мы у Меринга, — «Народ» поддерживал левую берлинского Национального собрания: он смело выступал в защиту парижских июльских борцов, восхвалял английский чартизм и вообще старался поддерживать тесное

духовное общение с революционными рабочими партиями европейского Запада».

По предложению центрального комитета решено было созвать «Всеобщий рабочий конгресс» в Берлине, причем в воззвании, обращенном по этому поводу ко всем рабочим, подчеркивалось, что до сих пор на всех рабочих и демократических съездах социальный вопрос обсуждался слишком бегло или совсем не обсуждался. «Мы считаем поэтому безусловно необходимым, — говорится в воззвании, — чтобы по возможности упорядоченное представительство от трудящихся классов Германии само взялось за решение касающихся их вопросов и пришло между собой к соглашению относительно тех существенных мер, при помощи которых можно рассчитывать освободить рабочий люд от оков капитала, личной зависимости и материальной нужды».

Состоявшийся 27 августа всеобщий рабочий конгресс привел к образованию широкой организации рабочих под названием «Немецкого братства рабочих» с разветвлениями во всех значительных городах Германии. В его программе чисто рабочие требования выдвинуты гораздо определеннее, чем в уставе рабочих комитетов, хотя и здесь они переплетались с требованиями чисто мелкобуржуазными. Здесь мы находим следующие основные пункты: во-первых, взаимопомощь в случае болезни, неспособности к труду и старости; во-вторых, основание товариществ производительных, кредитных, потребительных, для покупки сырья, лавок для продажи товаров, лавок для непосредственного обмена товарами; в-третьих, защиту профессиональных интересов, а именно: нормировку рабочего времени (требование 10-часового рабочего дня) и заработной платы, биржи труда, выдачу дорожных денег странствующим подмастерьям.

При осуществлении своей программы «Братство» возлагало большие надежды на помощь государства, но не получило ее. Деятельность его оказалась не очень обширной: был устроен ряд обществ самообразования, касс взаимопомощи и несколько производительных товариществ. В Берлине было учреждено «Общество охранения здоровья». Через полтора года после своего основания «Братство» насчитывало до 250 отделений с несколькими десятками тысяч членов.

В юго-западной части Германии рабочие вместе с радикальными элементами мелкой буржуазии образовали демократические союзы, составлявшие левое крыло политического дви-

жения в эпоху революции 1848 г. Большую роль в движении пролетариата играли члены «Союза коммунистов».

Но рядом с этим полупролетарским течением мы встречаем среди ремесленников того времени чисто реакционные стремления, а именно: стремления вернуться назад — к цеховому устройству, «чтобы спасти рабочих от ужасной язвы пролетариата», — как выражаются бременские столяры в своем обращении к парламентской комиссии. Лейпцигские ремесленники желают возвращения цеховых порядков, чтобы спасти, — как они пишут в своем письме ко всем цеховым товарищам, — рабочих «от кабалы евреев, способствующих созданию пролетариата, который затем возбуждается еврейскими ораторами и писателями против существующего строя». Ремесленные мастера, собравшись на съезд во Франкфурте, не хотели допустить в качестве равноправных членов подмастерьев. Тогда подмастерья создали свой собственный съезд. И хотя этот съезд говорил об «организации труда», отвергал опеку мастеров, рабочие книжки и обязательное странствование, но все же, — как выражается Ф. Меринг, — и съезд подмастерьев «коснел в грубых предрассудках цехового ремесла».

Начавшаяся вскоре реакция новела к упадку скромного рабочего движения рассматриваемого периода и распаду «Немецкого братства рабочих», которое являлось самой солидной его организацией. Сначала, еще до конца 1848 г. была ограничена свобода союзов и собраний. Затем в 1850 г. было запрещено политическим обществам вступать в сношения между собой. С того же года германские государства одно за другим стали закрывать отделения «Немецкого братства рабочих», и хотя некоторые из этих отделений обнаружили склонность выбросить из своей программы все, что носит политическую или «коммунистическую» окраску, но все же не избежали общей участи.

Рассматривая характер рабочего движения периода мартовской революции, мы видим в нем в общем перевес мелкобуржуазных стремлений над пролетарскими, что вполне соответствовало экономическому состоянию Германии в ту эпоху.

Политическая реакция, наступившая после мартовской революции, и промышленная отсталость Германии благоприятствовали развитию мелкобуржуазной пропаганды. И действительно, мы видим, что в период 50-х и начала 60-х годов в Германии руководителями рабочего движения являются мел-

Шульце-Делич,
его учение и дея-
тельность

кобуржуазные деятели, стремящиеся спасти ремесло от натиска капитала. Среди этих деятелей первое место принадлежит Шульце-Деличу (1808 — 1883 гг.), одному из видных деятелей либерально-буржуазной партии той эпохи — партии прогрессистов, о которой речь будет дальше.

Свои взгляды на экономическое развитие Германии и средства улучшить положение трудовых классов он высказал в целом ряде брошюр. В одной из них — «Трудящиеся классы и ассоциации в Германии», относящейся к 1853 г., — он писал: «Фабрика вытесняет ремесло... и делает невозможной всякую конкуренцию с ней. Овладевая одной за другой новыми и новыми отраслями труда, как мы это видим ежедневно, фабрика в недалеком будущем не оставит ни одного уголка, где могло бы найти себе приют ремесло. И если уже теперь многие, прежде самостоятельные, мастера ищут работы на фабриках, нельзя не опасаться, что постепенно вся масса ремесленников спустится до роли простых наемных рабочих крупных предприятий и пополнит ряды злополучного пролетариата».

Уже из этих немногих слов видно, в чем будут заключаться социальные стремления Шульце-Делича: они будут направлены на то, чтобы, подобно бременским столярам, о которых речь была выше, постараться спасти ремесленников и всех рабочих «от язвы пролетариата». Но в отличие от простодушных столяров, Шульце понимает, что невозможно вернуться к прежнему цеховому устройству, запрещавшему предприятия с числом рабочих выше 3—4. Такой возврат к прошлому означал бы экономическую гибель Германии. Шульце признает неизбежность развития крупнокапиталистических предприятий, но ищет средства смягчить вредные последствия этого развития. Это средство он находит в товариществах.

Шульце делит товарищества на два разряда. Одни из них играют подготовительную роль. Таковы товарищества кредитные, для покупки сырья, лавки для совместной продажи товаров; они дают возможность накопить денежные средства, необходимые для перехода к товариществам высшего разряда — производительным. Эти товарищества, — говорит Шульце, — дадут возможность своим членам создавать крупные предприятия со всеми выгодами новых приемов хозяйства и, таким образом, заполнить пропасть, которая теперь отделяет рабочих и мелких мастеров от класса крупных предпринимателей. Мало того: производительные товарищества не только превратят своих членов в самостоятельных участников

общего крупного предприятия, — они повысят уровень заработной платы рабочих, работающих на обыкновенных предпринимателей. В самом деле, — уверяет Шульце-Делич — капиталист принужден будет уплачивать рабочим ту плату, которую они могли бы получить, основав производительное товарищество, так как в противном случае рабочие бросят работу по найму и организуют собственное товарищеское предприятие.

Итак, Шульце не задается целью вытеснить капиталистические предприятия и таким образом побороть капитализм; он только намерен обезвредить капитализм и надеется это сделать посредством производительных товариществ.

Учение Шульце не приходится опровергать, так как оно опровергнуто самой жизнью. По имеющимся данным, производительных товариществ в Германии в 1865 г. было 26, в 1890 г. — 150, в 1906 г. — 230, в 1910 г. — 250. Цифры эти настолько ничтожны рядом с сотнями тысяч частных предприятий, что об обезвреживании капитализма производительными товариществами не может быть и речи. Да и сами производительные товарищества являются в известной степени капиталистическими предприятиями, так как, упрочиваясь, прекращают прием новых членов и пользуются наемным трудом.

Гораздо жизненнее оказались так называемые подготовительные товарищества — сырьевые, потребительные, а в особенности кредитные, потому что они давали дешевый кредит самостоятельным и начинающим ремесленникам, избавляя их от эксплуатации ростовщиков и оказывая им поддержку, без которой иные мелкие предприятия осуждены были бы на гибель. Но развитие кредитных товариществ еще меньше можно назвать разрешением рабочего вопроса и избавлением от «язвы пролетариата». Единственная заслуга Шульце заключается в том, что он призывал трудящиеся классы к самопомощи и советовал в экономической борьбе не возлагать надежд на помощь государства. Но и во взгляде на государство ошибка Шульце, а может быть и его недобросовестность, заключалась в том, что он убеждал рабочих, что им вообще не нужно иметь никаких дел с государством, т. е. что рабочие не должны заниматься политикой, не должны стремиться к овладению государственной властью. Таким образом, он отдавал рабочих всецело во власть буржуазных политиков, т. е. во власть прогрессистской партии.

Шульце-Делич выступил со своей пропагандой на грани двух периодов германского рабочего движения — мелкобуржуазного и пролетарского, — стремясь, как мы отметили, повернуть рабочее движение назад. Его теория и деятельность подверглись резкой и заслуженной критике со стороны Лас-саля, одного из виднейших вождей нового периода германского рабочего движения, учение и деятельность которого подробно будут изложены дальше.

II

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

**Промышленное
развитие Герма-
нии в период
1850—1870 гг.
Партия прогрес-
систов и рабочие**

1850—1870 гг. представляют собой период, когда Германия из страны мелкоремесленной, какой она, главным образом, была до революции 1848 г., превращается — по крайней мере в своей основе — в страну крупнокапиталистическую. Если в начале этого периода Германия по своему промышленному развитию стояла далеко позади Франции, то в этот период она ее догоняет, с тем, чтобы вскоре ее перепнуть. Главными причинами, содействовавшими этому экономическому расцвету, были: завершение и укрепление таможенного союза, проведение сравнительно густой сети железных дорог, организация и развитие кредита, а затем в немалой степени также и политические условия реакции, когда буржуазия, сначала напуганная революционными событиями, а потом успокоенная водворенным «порядком» и удовлетворенная купой конституцией, обратилась к спекуляции и стяжанию, всемерно поощряемым сверху. К сказанному нужно прибавить избыток рабочих рук, большие естественные богатства страны и прилив золота в Европу, начавшийся вместе с открытием калифорнийских и австралийских залежей и в немалой степени распространившийся и на Германию.

Начавшаяся в 1818 г. и завершенная в 50-х годах организация таможенного союза, охватившего постепенно большинство германских государств, положила основу для превращения Германии в единый внутренний рынок. Образованию такого рынка в не меньшей степени содействовало развитие железнодорожного строительства, которое в рассматриваемый период не только идет здесь таким ускоренным темпом, как и в других промышленных странах, но носит сильно выраженный торговый характер.

Не менее велики были успехи Германии в области тяжелой индустрии. Добыча каменного угля на территории таможенного союза составляла в 1853 г. 7,8 млн. т, в 1860 г.—10 млн. т, в 1865 г.—21 млн. т, в 1870 г.—30 млн. т. В каменноугольных копях работало 109 тыс. рабочих. Около девяти десятых указанной добычи приходится на Пруссию, где в копях работало около 93 тыс. чел. На душу населения потребление каменного (и бурого) угля составляло в 1850 г. 191 кг, а в 1870 г. — 717 кг. Выплавка чугуна в 1860 г. составляла в Германии 450 тыс. т; в 1870 г. она более чем утроилась, составив 1.391 тыс. т и превывсив французскую выплавку того же года. К концу рассматриваемого нами периода рельсы и подвижной состав стали целиком изготавливаться на германских заводах.

Прогресс хлопчатобумажной промышленности иллюстрируется следующими сравнительными данными: в 1860 г. из всего ввезенного в Европу хлопка на долю Германии приходилось 9,5 %, Франции — 14,6 %, Англии — 61,1 %, остальных стран — 14,8 %; в 1868 г. на долю Германии и Франции—по 13,4 %, на долю Англии—58,3 %, на остальные страны—13,3 %. Потребление на душу (хлопка-сырца) составляло в Германии в 1850 г. 0,85 кг, в 1870 г. — 2,84 кг.

50-е и 60-е годы являются периодом размножения акционерных обществ, роста и расцвета кредитных учреждений, в особенности банков, для финансирования промышленности по образцу парижского «Движимого кредита». Число акционерных обществ, в 1850 г. равнявшееся двум десяткам, в рассматриваемый период возрастает до 300 с капиталом около 3 млрд. Из крупных банков, возникших в этот период, замечательны «Банк для торговли и промышленности» в Дармштадте, «Соединенный» и «Северо-германский» банки в Гамбурге, «Берлинская торговая палата» и пр. «Вообще все современное банковое дело, — говорит Зомбарт, — было создано в Германии именно в это богатое событиями шестое десятилетие прошлого века; вместе с ним был создан также фундамент для высококапиталистической организации всего народного хозяйства».

Само собой понятно, что быстрый рост промышленности ведет к столь же быстрому образованию кадров фабрично-заводского пролетариата. Правда, еще в 1863 г. число ремесленников (около 2 млн.) превышало число фабричных рабочих (около 1½ млн.); но сами эти цифры в сравнении с данными прошлого периода указывают на быстрое разложение ремесла, дни которого были сочтены, несмотря на покровительственные

мероприятия. Вследствие того ремесленные подмастерья, которым все труднее становилось стать самостоятельными мастерами, чувствовали себя ближе к пролетариату и примыкали к нему в своих методах борьбы, расширяя этим его кадры.

Вместе с развитием крупной промышленности возрастало политическое значение буржуазии и ее стремление к власти. В 1858 г. прусские либералы основали **Н а ц и о н а л ь н ы й** союз, ставивший себе целью объединение Германии; союз этот способствовал образованию партии прогрессистов (в 1861 г.), начавшей борьбу с прусским самодержавием за восстановление политической свободы и парламентского строя. Прогрессисты, имея большинство в нижней палате, отказывали королю в деньгах на расширение армии, не одобряя внешней политики прусского правительства. Но король Вильгельм I назначил министром представителя крупных землевладельцев-дворян Бисмарка, который и без разрешения палаты и несмотря на ее протесты взимал налоги и расширял армию. Это столкновение между представителями народа и королевским произволом еще более увеличило значение прогрессистов в стране.

Если в революции 1848 г. буржуазия, из страха перед пролетариатом, вступила в единство с короной, то теперь, выступив против короля и его министров, она нуждалась в помощи недавно отвергнутого ею союзника. Перед Национальным союзом и партией прогрессистов стояла двойная задача — привлечь на свою сторону рабочих и вместе с тем их обезвредить. С этой целью они стали содействовать образованию рабочих обществ самообразования, где они занимались пропагандой своих либерально-демократических идей. В экономической области прогрессисты как представители интересов капитала, стремившегося беспрепятственно эксплуатировать незащищенных рабочих, стояли на точке зрения невмешательства государства в отношения между трудом и капиталом. А чтобы отвлечь рабочих и ремесленников на безвредный для капиталистов путь борьбы за улучшение их положения, они содействовали образованию среди них потребительных, кредитных и производительных товариществ в духе Шульце-Делича, убеждая рабочих, что между трудом и капиталом существует гармония (согласованность) интересов и что рабочие должны стремиться не к отдаленным несбыточным целям, а к ближайшим практическим. Ремесленники и рабочие, таким образом, в большинстве примыкали к прогрессистам, поддерживали их на выборах и разделяли их рабочую программу.

Но, распространяя образование и либерально-демократические идеи среди трудовых классов, прогрессисты содействовали развитию самостоятельного рабочего движения, которое раньше или позже должно было обратиться против них.

В 1862 г. буржуазный Национальный союз послал на свой счет двенадцать рабочих на лондонскую всемирную выставку. По их возвращении берлинские рабочие собрались, чтобы выслушать отчет делегатов об этой поездке. На этом собрании возникла мысль созвать общегерманский рабочий съезд. Ряд рабочих собраний, состоявшихся в различных частях Берлина, отнесся сочувственно к этой идее. Съезд решено было созвать в Лейпциге. В программе этого съезда значилось: свободное занятие всякими промыслами, свободное передвижение по всей Германии, свобода союзов, устройство инвалидов касс, сообщения делегатов, вернувшихся с выставки.

В то же время мысль о рабочем съезде возникла самостоятельно среди лейпцигских рабочих, для чего был образован комитет. После переговоров между берлинскими и лейпцигскими рабочими решено было поручить созыв съезда лейпцигскому комитету, который и обратился ко всем немецким рабочим с воззванием, приглашая их посылать делегатов на предполагаемый съезд. При этом он советовал во всех городах выбирать из среды рабочих местные комитеты, которые занялись бы устройством лекций для ознакомления рабочих с задачами съезда и сбором денег среди рабочих для оплаты предстоящих делегатам расходов. Одновременно с этим центральный комитет распространил программную книжку демократа Росмеслера, примыкавшего к прогрессистам, где рабочие, хотя и призывались к самостоятельности, но задачи съезда были освещены не с пролетарской, а с буржуазно-демократической точки зрения, и где между мастером и подмастерьем не проводилось никакой разницы.

Обращение Лейпцигского центрального комитета вызвало громадное оживление среди рабочих всей Германии. На рабочих собраниях для выбора местных комитетов обсуждались самые важные вопросы того момента: кого считать рабочим, должны ли рабочие вести самостоятельную политику, нужно ли им всеобщее избирательное право. В большинстве случаев проходили резолюции, благоприятные прогрессистам, ибо они были главными вожаками и ораторами на всех собраниях. Но были случаи, как, например, в Гамбурге, когда выдвигалась чисто пролетарская точка зрения.

Между тем среди рабочих назревало недовольство прогрессистами и недоверие к ним. Наиболее левые из кружков самообразования обратились к прогрессистской партии с двумя требованиями: 1) чтобы она выступила в защиту всеобщего избирательного права; 2) чтобы рабочим был облегчен доступ в Национальный союз в качестве членов посредством льготы в уплате членских взносов. Прогрессистская партия отклонила оба эти требования. Нужно, впрочем, заметить, что к всеобщему избирательному праву относились тогда отрицательно не только правоверные прогрессисты, вроде Шульце, но и полусоциалисты, вроде А. Ланге и Родбертуса. Пугало противников всеобщего избирательного права то, что при малосознательности рабочих всеобщее избирательное право может превратиться в орудие порабощения против свободы. При таких обстоятельствах. Лейпцигский центральный комитет, не зная, как высказаться во втором своем воззвании по поводу самых жгучих вопросов, решил обратиться за советом к Лассалю. О «Программой работников» его члены были уже знакомы. После свидания с Лассалем члены центрального комитета вынесли решение, что необходимо отложить съезд для более тщательной подготовки к нему рабочих; вместе с тем центральный комитет обратился к Лассалю с просьбой высказать свой взгляд относительно рабочего движения, его целей и средств, а в особенности о значении производительных и иных товариществ для совершенно неимущего класса работников. На это Лассаль ответил брошюрой «Гласный ответ Лейпцигскому центральному комитету» (1 марта 1863 г.).

Фердинанд Лассаль, его учение и деятельность

Фердинанд Лассаль (1825 — 1864 гг.) был выдающимся оратором и прирожденным политическим вождем. В революции 1848 г. он принимал горячее участие; вместе с К. Марксом и Ф. Энгельсом он стоял на левом фланге демократической партии; сотрудничал в «Новой Рейнской газете», был привлечен к ответственности за участие в вооруженном сопротивлении взиманию налогов. Оправданный по этому делу присяжными заседателями, он был привлечен к ответственности за сопротивление властям и отбыл шестимесячное тюремное заключение. После этого он еще не раз привлекался к суду за свои противоправительственные выступления. Самые важные его сочинения представляют собой агитационные или защитительные (на суде) речи, где он в блестящей и вместе с тем популярной форме ставит и разрешает самые острые животрепещущие вопросы исторического момента. С начала 60-х годов Лассаль занялся агитационной и организа-

ционной деятельностью среди рабочих. В августе 1864 г. он был убит на дуэли.

Свои взгляды на развитие общества и рабочее движение он изложил в нескольких сочинениях, из коих наиболее замечательны: «Система приобретенных прав» (1861 г.), «О сущности конституции» (1862 г.), «Программа работников» (1862 г.), «Гласный ответ Лейпцигскому центральному комитету» (1863 г.), «Господин Бастиа—Шульце-Делич» (1864 г.) и др.

В своих исторических воззрениях Лассаль в значительной степени находился под влиянием Маркса, но в то же время не освободился от идеалистических формул левого гегельянства; в своих воззрениях на социализм и коммунизм он колеблется между Марксом и Луи Бланом, идея которого (Луи Блана) о производительных товариществах, основанных рабочими при посредстве государственного кредита, сыграла в программе Лассалья такую значительную роль. Вследствие указанной двойственности в его миросозерцании, у него много ошибочного во взглядах на такие важные вопросы, как сущность государства, национальный вопрос, вопросы общественного развития и пр. Несмотря на это, его краткие сочинения и речи представляли в свое время прекрасный агитационный материал, где в блестящей форме популяризовалась идея борьбы рабочего класса за свое освобождение.

В своей речи «О сущности конституции» Лассаль выясняет перед своими слушателями, на чем зиждутся так называемые политические конституции, от чего зависит их прочность и чем вызываются изменения в них. Он устанавливает, что конституция есть выраженное в законе фактическое соотношение сил, существующее в данной стране. От этого фактического соотношения сил зависят не только основные законы (т. е. писанная конституция), но и все обыкновенные законы, характер учреждений, отношения между классами, система налогов, степень принадлежащих народу политических прав и пр.

Составными элементами этого фактического соотношения сил, образующего конституцию, являются: в монархии — король, который повелевает войсками и пушками; дворянство, на которое опирается король; крупные торговцы и промышленники, являющиеся владельцами фабрик, заводов, торговых предприятий и руководящие всей торгово-промышленной жизнью страны; банкиры и биржевики, вращающиеся всеми денежными средствами и кредитом, — и только на последнем плане находится действительный народ, так как его фактическая сила слишком ничтожна (т. е. была слишком ничтожна в те времена в Пруссии и в большинстве европейских стран).

Беря в качестве примера тогдашнюю прусскую конституцию, Лассаль показывает, как в ней выражено это фактическое соотношение сил. Конечно, там не написано, что фабрикант Борзиг и банкир Мендельсон являются частью конституции или что у небольшой кучки крупных землевладельцев столько же власти, сколько у всей прочей части населения, т. е. у всей буржуазии, рабочих и крестьян, взятых вместе, и даже более того; а сделано это вот как: установлено законом, что ландтаг (прусская государственная дума) состоит из двух палат—палаты депутатов и палаты господ; все избиратели в нижнюю палату разделяются на три класса по размеру платимых налогов, которые определяются величиной их имущества; все три класса, уплачивая по равной сумме налогов, имеют право на выбор по равному числу представителей в палату депутатов. Согласно этому закону, все избиратели разделяются на следующие три класса: первый класс образуют 153.808 избирателей очень богатых, второй класс—409.945 избирателей средней состоятельности и третий класс—2.691.950 избирателей наименее состоятельных, т. е. принадлежащих к трудовому населению. Из этих цифр видно, что по прусской конституции один богатый гражданин имеет столько же власти, сколько семнадцать небогатых. Конечно, конституция так не выражается, но таков язык цифр, таково фактическое соотношение сил. Кроме палаты депутатов, существует палата господ, и в ней заседают назначенные представители «древнего и упроченного землевладения», т. е. представители крупного дворянского землевладения, и без их согласия постановления палаты депутатов не имеют никакой силы; таким образом, горсточка дворян-землевладельцев обладает властью, превышающей единогласную волю всей нации и всех классов; вот что значит фактическое соотношение сил или действительная конституция.

Обозревая историческое развитие государственного строя Пруссии, Лассаль далее устанавливает, как под влиянием развития хозяйственной жизни писанная конституция приходит в столкновение с фактическим соотношением сил, которое с течением времени изменяется. Тогда должно наступить или добровольное изменение писанной конституции, или насильственное ее изменение в виде революции. Так было 18 марта 1848 г. Но революция 1848 г. оказалась неуспешной, потому что не довершила изменения фактического соотношения сил. Чтобы победа 18 марта оказалась действительной, необходимо было воспользоваться моментом ее для преобразования силы армии так, чтобы она не могла более служить

королю средством против нации. Лассаль призывает своих слушателей запомнить, что вопросы конституции, т. е. той или иной формы государственного строя, не суть вопросы права, а вопросы силы.

«Программа работников, или об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» ¹⁾ представляет собой доклад, прочитанный Лассалем 12 апреля 1862 г. на собрании ремесленников в Ораниенбургском предместьи Берлина, в так называемом квартале машиностроительных рабочих.

Обозревая историю человечества, Лассаль находит, что каждой исторической эпохе соответствует господство определенно-го принципа, что в свою очередь вытекает из хозяйственных отношений; так, господствующим принципом средних веков являлась идея дворянства, или землепользования. Период этот окончился Великой французской революцией, которая признала руководящим принципом новой эпохи крупную собственность, или капитал.

24 февраля 1848 г. возшла заря нового исторического периода, когда с введением всеобщего избирательного права был провозглашен принцип 4-го сословия (1-м сословием считалось духовенство, 2-м — дворянство, 3-м — буржуазия), и этот принцип, это сословие (т. е. пролетариат) желает сделать принципом всего человечества.

Но здесь обнаруживается громадное отличие в принципе 4-го сословия от всех предшествовавших. В то время как последние опирались на различные привилегии: дворянство — на землевладение, буржуазия — на крупный капитал, — 4-е сословие общества, сословие обездоленных, не выставляет и не может выставить никаких исключительных прав или фактического господства, которое оно могло бы или желало превратить в новую привилегию и провести через все общественное устройство, а потому 4-е сословие тождественно со всем человеческим родом; его дело есть действительно дело всего человечества, его свобода есть свобода всех без исключений, его господство есть господство всех; таким образом, интерес

¹⁾ Лассаль часто употребляет выражение «рабочее сословие» вместо «рабочий класс». Это указывает на то, что Лассаль смешивал рабочего-пролетария с ремесленником, что, впрочем, соответствовало экономическому состоянию Германии той эпохи, когда действительный пролетариат находился в периоде зарождения, и вместо него на авансцене истории часто фигурировали ремесленные подмастерья и даже самостоятельные ремесленники, в большинстве случаев, правда, не пользовавшиеся наемным трудом или работавшие с помощью одного подмастерья или ученика.

рабочего совпадает с жизненным принципом нравственного развития, ибо осуществление этого интереса означает осуществление счастья всего человечества. Поэтому рабочий, стремящийся к осуществлению принципа своего класса, стремится к выполнению высочайшей нравственной мысли. Пусть же рабочие проникнутся величием этой цели, — говорится в заключении, — чтобы с тем большей страстью к ней стремиться.

Теперь вернемся к сношениям Лассалья с Лейпцигским центральным комитетом. Как выше было указано, представители этого комитета просили его высказаться в письменной форме относительно рабочего движения, его целей и средств, на что Лассаль ответил брошюрой «Гласный ответ Лейпцигскому центральному комитету».

Свой «Ответ» Лассаль начинает призывом к рабочим образовать самостоятельную политическую рабочую партию в противовес прогрессистам. Только имея собственную политическую партию, рабочие сумеют бороться за свои насущные интересы. Товарищества, предлагаемые Шульце-Деличем, его кредитные, сырьевые, потребительные ассоциации являются лишь мерами, способными улучшить положение отдельных рабочих, но не могущими коренным образом изменить положение всего рабочего класса. Достичь этого изменения возможно лишь с устранением закона заработной платы, господствующего ныне под влиянием спроса и предложения.

Этот железный закон заработной платы гласит: средний размер заработной платы всегда сводится к тем минимальным средствам, которые необходимы у данного народа для поддержки жизни рабочего и воспитания следующего поколения рабочих.

Это пункт, около которого, подобно маятнику, постоянно колеблется заработная плата, не падая значительно ниже его, но и не поднимаясь значительно выше. Она не в состоянии подняться надолго выше этого среднего уровня, потому что тогда благодаря улучшению в положении рабочих увеличивается число браков в рабочей среде, рабочие быстрее размножаются, а с увеличением числа рабочих возрастает предложение рабочих рук на рынке, что снова заставляет заработную плату упасть даже ниже прежней нормы. Но заработная плата не может надолго опуститься значительно ниже среднего уровня, потому что недостаток средств вызывает в рабочем классе переселения в чужие страны, воздержание от браков и размножения, и в конечном счете число рабочих рук уменьшается, уменьшается их предложение на рынке, что повышает зара-

ботную плату, приводя ее к прежнему уровню. Результатом всего этого является то, что рабочие вечно находятся на низах общества и лишены участия в неизменно возрастающей производительности труда, в успехах цивилизации и культуры.

Из этого бедственного положения рабочие могли бы выйти, если бы стали собственными предпринимателями, т. е. овладели бы всеми орудиями производства и избавились бы от гнета предпринимателей. Для достижения этого Лассаль, в качестве переходной меры, рекомендовал устройство производительных товариществ, возникновению которых должно помочь государство, открывая рабочим соответствующий кредит. Рабочие, следовательно, должны заставить государство служить своим интересам. Они сумеют этого достичь, если будут обладать всеобщим избирательным правом; а чтобы добиться его, они должны образовать рабочий союз, который занялся бы прежде всего пропагандой этого требования, осуществление которого принесет им победу. «Раз 96% населения поймет, что всеобщее голосование есть вопрос желудка, и начнет отстаивать свое право на голосование со всей страстью голода, никакая сила в мире не устоит против них».

Обсудив ответ Лассалья, Лейпцигский центральный комитет большинством голосов решил отказаться от немедленного устройства съезда и выказался за основание большого рабочего союза с программой, развитой Лассалем. Это решение было поддержано лейпцигским рабочим собранием. Тогда со стороны прогрессистов началась травля Лассалья, и рабочие собрания многих городов, в том числе Берлина, высказались против Лассалья. Лассаль принял вызов и с немногими приверженцами начал поход против прогрессистов. 17 мая в Франкфурте собрался съезд рабочих, на котором выступил Лассаль, но противники не дали ему договорить речи, которую аудитория слушала с захватывающим вниманием. После этого он выступил на собрании рабочих в Майнце и других городах.

23 мая 1863 г. в Лейпциге был основан Всеобщий германский рабочий союз, представителем которого был избран Лассаль. Со свойственной ему энергией он отдался агитации за расширение союза. Но действительность обманула его надежды. Лассаль мечтал о партии в 100 тыс. членов, между тем как через три месяца после основания союз имел всего около 900 членов, главным образом, в тех частях Германии, где капиталистические отношения были более всего развиты, а именно на Рейне и в Саксонии, а через год, перед самой смертью Лассалья, в союзе было всего 4.610 чел.

Лассаль жаждал практических результатов для своего дела и, желая ослабить своих главных противников — прогрессистов, вступил в переговоры с главой прусского самодержавного правительства Бисмарком, убеждая его дать населению всеобщее избирательное право и оказать государственную помощь производительным товариществам. Бисмарк, который тоже искал средства ослабить прогрессистов и отнять у них большинство в палате, ухватился за идею всеобщего избирательного права, которое, по его мнению, должно было дать победу правительству в виду того, что германский народ, как был уверен Бисмарк, предан монархии. Эта идея была им осуществлена уже после смерти Лассалья в 1867 г., когда немецкий народ получил всеобщее избирательное право в северо-германский рейхстаг (созванный после объединения Северной Германии под главенством Пруссии). Действительность оправдала расчеты обеих сторон. Сначала всеобщее избирательное право усилило консервативную партию, но вскоре помогло образованию сильной социал-демократической рабочей партии ¹⁾.

Весной 1864 г. Лассаль предпринял поездку по главным городам Германии с агитационными целями. Всюду рабочие встречали его восторженно, его дело, казалось, только теперь начинало расцветать. Но благодаря столкновениям на почве личной жизни, Лассалю пришлось драться на дуэли, на которой он погиб 31 августа 1864 г.

В учении Лассалья, как уже отмечено, было много идеалистического и мелкобуржуазного. Эти элементы можно открыть во всех сторонах его учения и программы, в его взглядах на государство и право, на национальный вопрос, революцию, классовую борьбу и пр.

Так, в вышеизложенной «Программе работников» и в своей защитительной речи на суде, изданной им под заглавием «Наука и работники», Лассаль, в согласии с Гегелем, считает целью государства «воспитание и развитие человека к свободе» и уверяет, что эта нравственная идея государства осуществляется и в современном государстве (т. е. в прусском полусамодержавном государстве) даже помимо воли самого государства и его руководителей. В согласии с этими мелкобуржуазными воззрениями на государство, Лассаль ничего не говорит о диктатуре пролетариата в переходный период к социализму, ни об

¹⁾ Образ действия Лассалья, вступившего на скользкий путь сношений с главой правительства, представителем реакции, был недостоин социалиста и способен был толкнуть Лассалья на еще более предосудительные шаги, если бы он, оставшись в живых, продолжал действовать в том же направлении.

отмирании государства после уничтожения классового общества. Говоря о государстве будущего, он ставит его в зависимость от всеобщего избирательного права, которое он считает завершением грядущего рабочего государства. «Я звал вас к государству будущего, — говорит он в «Воззвании к берлинским работникам», — в котором будет господствовать всеобщее избирательное право, стало быть, государство, которое будет представлять высшее развитие свободы и состоять под державой всего народа».

И в национальном вопросе Лассаль не только не имел выдержанной социалистической точки зрения, но часто сворачивал на путь подлинного национализма и шовинизма. Не говоря о его чисто-гегелевском определении нации и приписывании каждой из них определенного исторического назначения, не говоря о том, что при изложении своих воззрений на сущность нации он забывал анализировать ее с классовой точки зрения, — Лассаль занимал очень шаткую позицию в вопросе о самоопределении наций и в одних своих высказываниях признавал право на самоопределение за всеми народами, а в других признавал право на национальность только за большими культурными нациями, т. е. становился на точку зрения, которая способна была привести к оправданию колониальных грабежей и захватнической политики «больших культурных наций». Вот почему Маркс в самых резких выражениях упрекал Лассалья и его последователей в национализме, шовинизме и измене интернациональным задачам рабочего класса.

Добавим в заключение, что учение Лассалья о производительных товариществах с государственным кредитом (за которое лассальянцы цеплялись еще долго после смерти Лассалья) — это совершенно утопическое учение — было опровергнуто самой жизнью, а железный закон заработной платы — теорией Маркса.

Несмотря на все недостатки теории и программы Лассалья (которых мы здесь коснулись вскользь и не полно), заслуги его перед германским рабочим движением несомненны. Не говоря о второстепенных сторонах его агитации, а именно, что оказал большое влияние на укрепление идеи о необходимости государственного вмешательства в отношение между трудом и капиталом и содействовал получению рабочими всеобщего избирательного права, Лассаль — что важнее всего — внедрил в сознание рабочих идею о необходимости самостоятельной политической партии и своими мощными усилиями содействовал ее образованию. Лассалья поэтому

следует считать одним из родоначальников германской социал-демократической рабочей партии.

После смерти Лассалья его дело не только **Лассальянцы и** не приостановилось, но продолжало успешно **Эйзенахцы** развиваться, несмотря на распри внутри союза, на вражду различных течений в рабочем движении и яростные нападки прогрессистов. Сначала председателем союза, согласно завещанию Лассалья, был избран Беккер, а затем Швейцер, который в понимании исторических и экономических вопросов отчасти ушел дальше Лассалья, примкнув к учению Маркса, отчасти продолжал оставаться на точке зрения основателя Германского рабочего союза. Число членов союза неизменно возрастало. Союз имел свой печатный орган — «Социал-демократ» — и время от времени устраивал съезды для обсуждения программных и тактических вопросов.

Но рядом с лассалевским рабочим союзом и из того же источника, т. е. из образовательных рабочих фрейеров, созданных прогрессистами, стало возникать новое рабочее движение, вождями которого были ветеран революции 1848 г. член Интернационала Вильгельм Либкнехт и рабочий токарь, впоследствии самый выдающийся вождь партии, Август Бебель. Движение это сначала носило буржуазно-демократический характер, но вскоре приняло чисто-пролетарский. Основным пунктом, отделявшим возникавшую ячейку новой рабочей партии от Всеобщего германского рабочего союза, был вопрос национальный.

Что объединение Германии необходимо для ее дальнейшего прогресса и в частности для успешного развития рабочего движения — это, за немногими исключениями, понимали все политические деятели и представители всех партий той эпохи. Еще с 40-х годов, как мы видели выше, прогрессивные ремесленники и рабочие среди своих требований выдвигали такие, как свободу передвижения по всей Германии, свободу промысла и пр., что достигнимо было при политическом объединении всех мелких государств. Но по вопросу о формах и способах этого объединения не было единодушия не только среди буржуазных партий, но и среди рабочего класса.

Среди нескольких направлений по вопросу об объединении Германии следует различать великогерманское и малогерманское. Первое стояло за объединение всей Германии вместе с Австрией, второе — за объединение без Австрии, причем часть буржуазии желала этого объединения под гегемонией (главенством) Пруссии. Немецкая народная партия, к которой примыкала ячейка вновь возникавшей рабочей партии (приняв-

шей название саксонской народной партии), объединила своих приверженцев на иной точке зрения. Она требовала, чтобы объединителями Германии явились не крупные военные государства, вроде Пруссии или Австрии, которые подчинят всю страну силе своего меча, но чтобы мелкие и средние германские государства образовали союз (конфедерацию), который явится зародышем немецкого единения и свободы.

Вождь лассальянцев Швейцер стоял на практической точке зрения. Он исследовал исторически, какие факторы (действующие начала) вообще способны к деятельному выступлению в вопросе об объединении Германии. Таких факторов он находил только два: прусские штыки и немецкие пролетарские кулаки; иначе говоря, он был того мнения, что либо революция снизу должна объединить весь немецкий народ, водворив на место множества самодержавных деспотий одну демократическую республику, либо Пруссия как самая сильная из всех немецких государств слопаёт всю остальную Германию, над чем работал с большим успехом Бисмарк. Стоя на такой точке зрения, Швейцер, в ожидании революции снизу, на которую, впрочем, надежды было мало, относился одобрительно к объединительным стремлениям Бисмарка и свой взгляд высказывал в «Социал-демократе». Такой образ мыслей и действия навлек на Швейцера гнев и порицания как со стороны несогласных с ним деятелей рабочего движения, так и со стороны некоторых буржуазных политиков. Его обвиняли в пруссофильстве (любви к Пруссии), предательстве, пресмыкательстве перед Бисмарком, в подкупе. Его политика была публично осуждена Марксом и Энгельсом.

Вскоре разразилась война между Пруссией и Австрией, которая предопределила решение вопроса об объединении Германии в пользу малогерманской точки зрения и с Пруссией во главе. Накануне этой войны (1866 г.) среди вождей рабочего класса как бы установилось единомыслие. Все желали войны, хотя не решались это высказать с одинаковой откровенностью, надеясь, что война поведет к революции. Но когда быстрыми ударами прусская армия разбила австрийские военные силы и войска немецких государств средней величины, в решительную минуту ставших на сторону Австрии, а революции не произошло, — перед немецким рабочим классом встал вопрос, как отнестись к победе Пруссии и всем вытекавшим отсюда последствиям. «Неодинаковое решение этого вопроса, — говорит Ф. Меринг, — внесло на много лет раздор в немецкий рабочий класс, который заплатил таким образом последнюю дань жалкой раздробленности Германии».

Всеобщий германский рабочий союз решил, что нужно примириться с новым порядком, т. е. с объединением Германии без Австрии под главенством Пруссии, так как это является прогрессом в сравнении с прежней раздробленностью, и что никоим образом не следует стремиться повернуть события назад. Эту мысль Швейцер развивал на страницах «Социал-демократа». Но саксонские рабочие, руководимые Либкнехтом, Бебелем, Росмеслером, сошлись на другой программе, которая была обсуждена и принята 19 августа 1866 г. на «собрании саксонской демократии» в Хемнице. Это собрание решило участвовать в выборах в созываемый Бисмарком северо-германский парламент, но лишь для того, чтобы вести там непримиримую борьбу с положением вещей, созданным войной, поддерживать демократические объединительные стремления и добиваться созыва учредительного собрания с представителями от всех немецких государств, в том числе от немецких областей Австрии. Прочие пункты хемницкой программы¹⁾ сводились к полной демократизации государственного строя и перечислению минимальных требований рабочего класса, среди которых фигурирует свобода передвижения, свобода промысла, поддержка кооперативного дела, в особенности производительных товариществ — «чтобы сгладился антагонизм (борьба) между капиталом и трудом». Образовавшаяся в Хемнице новая партия назвала себя саксонской народной партией, рассматривая себя как ветвь немецкой народной партии.

Такое искусственное единение между буржуазными и пролетарскими элементами не могло быть прочным. В 1868 г. в Нюрнберге на V съезде рабочих образовательных фереинов (кружков), главное ядро которых составляли саксонские фереины, была принята новая программа союза фереинов. В эту новую программу были внесены главные принципы, принятые Интернационалом. Хотя немецкая народная партия, желая сохранить за собой рабочие образовательные фереины, заявила на своем съезде, что она примыкает к программе, принятой Нюрнбергским съездом, но образовавшуюся трещину нельзя было уже замазать, и наметившийся раскол привел в конце концов к выделению пролетарских элементов в самостоятельную партию.

Так в недрах немецкого рабочего класса рядом с Всеобщим германским рабочим союзом зародилась новая рабочая партия; обе партии, как мы дальше увидим, в общем сходные по своим целям, отличались по некоторым вопросам организации и так-

¹⁾ Подробную хемницкую программу см. Ф. Маринг, История германской социал-демократии, т. IV.

тики. Тем не менее эти две партии непрерывно враждовали между собой вплоть до своего объединения (в 1875 г. на съезде в Готе). Эти распри, сильно тормозившие правильное развитие рабочего движения и радовавшие врагов рабочего класса как среди буржуазии, так и среди правящих классов, подчас принимали формы взаимных перебранок и резких столкновений. Особенно доставалось Швейцеру за его политику по отношению к Пруссии и Бисмарку. Считая эти распри очень вредными для успешного развития рабочего движения, лейпцигские рабочие вынесли решение, чтобы Либкнехт и Швейцер объяснились в публичном собрании относительно своих взаимных обвинений. Швейцер принял это предложение. Бебель и Либкнехт получили приглашение явиться на общее собрание Всеобщего германского рабочего союза и там обосновать свои обвинения. Собрание происходило в Эльберфельд-Бармене. Происшедшее здесь объяснение привело как будто к внешнему миру, решено было прекратить взаимные нападки, но это продолжалось недолго.

17 июля 1869 г. рабочие союзы, примыкавшие к течению, во главе которого стояли Либкнехт и Бебель, решили созвать общенемецкий социал-демократический рабочий конгресс, который должен был состояться в начале августа в Эйзенахе. Швейцер решил послать на этот конгресс также представителей Всеобщего германского рабочего союза. После первого бурного заседания, на котором выяснилась невозможность совместной работы, каждое из двух направлений устроило в Эйзенахе свой особый конгресс. Происшедший здесь окончательный раскол еще резче закрепил разделение рабочей партии на две части: лассальянскую и эйзенахскую, принявшую учение Маркса.

Эйзенахцы основали социал-демократическую рабочую партию по плану, подготовленному Бебелем. Программа новой партии была соединением нюрнбергской с хемницкой. Из рассмотрения этой программы видно, что на практике различие между эйзенахцами и лассальянцами сводилось главным образом к более демократической организации эйзенахцев, в сравнении с централизованной организацией лассальянцев, и к тому, что эйзенахцы рекомендовали своим сторонникам вступить также членами в Интернационал, вследствие чего эйзенахцев отчасти считали интернациональной партией, а лассальянцев — национальной партией. Наконец, как мы увидим дальше, известное расхождение между ними существовало по вопросам экономической борьбы, и в частности профдвижения.

Ввиду указанных здесь и выше различий между обеими партиями, между ними еще сильнее возгорелась ожесточенная вражда, причем дело доходило до того, что лассальянцы на выборах в рейхстаг предпочитали голосовать за либерала против эйзенахца, утверждая, что эйзенахцы — враги рабочего класса. Но вскоре общие преследования, которым они подвергались со стороны правительства, заставили их объединиться.

После победы над Австрией и образования Северо-германского союза, Бисмарк праздновал победу над прогрессистами. Звон победного оружия и увеличение мощи объединявшейся Германии привлекли на сторону Бисмарка благодарную нацию. Противники его, прогрессисты, ранее торжествовавшие на всех выборах, после победной войны потерпели поражение. Занявшие их место национал-либералы одобрили политику Бисмарка и простили ему все прошлые грехи против народного представительства. Но еще колоссальнее стала популярность Бисмарка и его сила после разгрома Пруссией Франции в 1870 — 1871 гг., аннексирования Эльзас-Лотарингии и получения контрибуции в пять миллиардов золотом. Блестящая победа над Францией повела к тому, что южно-германские государства, оставшиеся еще вне Союза, немедленно в него вступили. Прусский король, избранный после победы над Австрией (1866 г.) президентом Союза, теперь был провозглашен императором; объединенная Германия превратилась в империю. Полученная от Франции контрибуция оказала чрезвычайное содействие быстрому экономическому росту Германии, которая с этого времени становится одной из наиболее сильных в политическом и экономическом отношении держав в Европе.

Покончив с прогрессистами, Бисмарк решил взяться за социалистов. В 1873 г. он внес в рейхстаг (общегерманскую палату) два законопроекта об ограничении свободы стачек и печати, но рейхстаг их отверг. Тогда он обратился за помощью к подчиненным ему чиновникам. Прокурор Тесендорф закрыл лассалевский «Рабочий союз», распустил большинство профессиональных союзов, привлек к суду несколько десятков лассальянцев и эйзенахцев, запретил рабочие собрания, — все это на основании закона 1854 г., запрещавшего политическим обществам вступать в сношения между собой. Но результаты, достигнутые этими преследованиями, были как раз обратные. На конгрессе в Кюбурге (1874 г.) большинство ораторов высказалось в том смысле, что в виду полицейских преследований обе с.-д. фракции должны прекратить свои раздоры и слиться воедино. Это и было осуществлено на конгрессе в Готе (1875 г.). Объединение было тем легче, что силы обеих фракций были почти равные; на выборах в рейхстаг 1874 г. лас-

сальянцы получили 180 тыс. голосов, эйзенахцы — 171 тыс. Слияние произошло под названием «Социалистической рабочей партии Германии», причем в программу были включены, между прочим, и железный закон заработной платы и производительные товарищества с государственным кредитом.

Преследования социалистов продолжались, и с.-д. на следующем конгрессе в Готе (1877 г.) принуждены были отказаться от партийной организации. После покушений Геделя и Нобилинга на жизнь Вильгельма I преследования начались с новой силой не только со стороны правительства, но и со стороны предпринимателей, из коих многие заявляли, что не будут давать работы рабочим с.-д. Наконец, в 1878 г. рейхстаг, по предложению Бисмарка, принял так называемый закон о социалистах. По этому закону, всякие социалистические организации были объявлены противозаконными, и полиция получила право запрещать социалистические издания и распускать социалистические собрания. При этом закон был изложен в таких выражениях, что давал возможность самых широких злоупотреблений.

**С.-д. партия при
законе о социа-
листах**

После издания закона о социалистах начался разгром с.-д. партии. Из числа 47 партийных газет уцелели лишь 2; закрыто было большинство профессиональных союзов и 14 газет, издаваемых союзами; затем были запрещены почти все рабочие организации, клубы самообразования и общества развлечений. За десять лет существования закона было выслано из различных городов Германии около 900 человек, заподозренных в принадлежности к партии; членам партии пришлось высидеть в общей сложности до 1.000 лет в тюрьме. С.-д. перешли на нелегальное (подпольное) положение. Связь между товарищами поддерживалась сбором денег в пользу административно высылаемых, распространением нелегальной литературы, пропагандой в близком кругу товарищей по работе и по развлечениям, тайными съездами за границей.

Что силы с.-д., несмотря ни на какие преследования, не убывали, а, наоборот, возрастали, — видно из успехов с.-д. на выборах в рейхстаг. В 1884 г. с.-д. получили на выборах больше полумиллиона голосов (и 24 депутата), в 1887 г. — три четверти миллиона голосов, в 1890 г. — полтора миллиона голосов (и 35 депутатов).

Во время пребывания в подполье партии не только приходилось обороняться от натисков извне, она переживала также кризис от борьбы течений внутри ее. С одной стороны, это были правые, стремившиеся вытравить из партии рево-

люционный дух и установить контакт между нею и радикально-демократическими буржуазными слоями. С другой стороны, выступали левые под руководством переплетчика Иоганна Моста. После издания закона против социалистов, Мост эмигрировал в Лондон, где стал издавать газету «Свобода». Мост требовал от партии перехода на революционный путь, рекомендуя создание централизованной тайной организации (наподобие французских тайных обществ), чтобы в подходящий момент свергнуть строй, где возможны такие явления, как закон против социалистов. Мост очень быстро перешел на анархистские позиции. Виденский съезд партии (1880 г.) осудил «вспышконопусательство» и исключил Моста из партии. К концу 80-х годов зарождается новая оппозиционная группа «молодых» (Кампфмейер, Эрнст и др.), выступившая с критикой партийной тактики и справедливо осуждавшая проявление оппортунизма в ней. Эта группа требовала отказа от практической парламентской работы, поскольку она не содействует подготовке революционного восстания. К сожалению, и она, подобно Мосту, скатилась к анархизму (и синдикализму) и в 1891 г. оставила ряды партии.

После смерти Вильгельма I, в 1888 г., на престол вступил его сын, Вильгельм II. В 1890 г. он дал отставку Бисмарку и, видя бесполезность закона о социалистах и желая склонить рабочих на свою сторону, он в том же году велел своему министру Каприви внести в рейхстаг предложение об отмене закона о социалистах.

После отмены закона о социалистах перед партией встал вопрос о создании новой организации и о выработке новой программы. Этот вопрос был разрешен на партийных съездах в Галле (1890 г.) и Эрфурте (1891 г.). К программе, принятой на Эрфуртском съезде, К. Каутским, по поручению партии, был составлен комментарий (теоретическое объяснение), основанный на учении К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁾.

Карл Маркс родился в 1818 г., в г. Трире (в Рейнской провинции). Он был сыном адвоката. В университете Маркс изучил юридические науки и философию. От своего намерения, по окончании университета, сделаться профессором он должен был отказаться ввиду реакции, господствовавшей тогда в немецких университетах. Отказавшись также от до-

¹⁾ Так как учение Маркса и Энгельса составляет нечто единое, то мы не будем останавливаться на Энгельсе отдельно, тем более, что размеры книги нам этого не позволяют.

ходной карьеры адвоката, к которой он был подготовлен университетским образованием, он избрал крайне шаткое в смысле заработка занятие — журналистику. Впервые он стал писать в буржуазно-демократической «Рейнской газете». Когда же эта газета была запрещена, Маркс, женившийся в это время на своей подруге детства Женни фон-Вестфален, уехал в Париж, где вместе с Арнольдом Руге стал издавать журнал под названием «Немецко-французские ежегодники». В Париже Маркс основательно познакомился с учениями социалистов; здесь же завязалась его дружба с Фридрихом Энгельсом, с которым он с тех пор работал вместе до самой своей смерти. Когда он стал сотрудничать в газете «Вперед», издававшейся в Париже немецкими эмигрантами, и едко пробиравшей прусское правительство, то, по настоянию последнего, вместе с другими сотрудниками газеты, был выслан из Франции, и в начале 1845 г. переселился в Брюссель. В 1847 г. он, по предложению союза коммунистов, в создании которого он принимал деятельное участие, вместе с Фридрихом Энгельсом составил «Манифест коммунистической партии», в котором с удивительной ясностью и краткостью изложены основные положения марксистского взгляда на историю развития общества, судьбы пролетариата и сущность социализма. Когда во Франции началась революция 1848 г. он, по просьбе, одного из членов временного правительства, прибыл в Париж. Когда революция вспыхнула в Германии, он переехал в Кельн, где редактировал «Новую рейнскую газету», принимая в то же время деятельное участие в революции. С наступлением реакции газета была запрещена, и Маркс выслан. Он направился в Париж, но был оттуда снова выслан и поселился в Лондоне, где оставался до своей смерти (в 1883 г.).

Свои взгляды Маркс изложил в целом ряде сочинений и журнальных статей. Из его сочинений наиболее замечательны:

«Святое семейство», или «Критика критической критики» (1845 г.), написанное против Вруно Бауера и социалистов, не признававших классовой борьбы и утверждавших, что социализм будет водворен усилиями критически мыслящих личностей.

«Нищета философии» (1847 г.), написанная против «Философии нищеты» Прудона.

«Коммунистический манифест» (изд. в начале 1848 г.), написанный совместно с Энгельсом.

«К критике политической экономии» (1859 г.), в «Предисловии» к которой развивается материалистический взгляд на историю.

«Капитал» (критика политической экономии), 3 тома. Первый том появился в 1867 г.; остальные два, проредактированные по рукописи и наброскам Ф. Энгельсом, — после смерти Маркса; четвертым томом называют работу Маркса, изданную под названием «Теории прибавочной ценности», проредактированную по рукописи К. Каутским.

Исторические работы: «18-е брюмера Луи Бонапарт», «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 гг.», «Гражданская война во Франции» и др.

На учении Маркса было основано социал-демократическое, а ныне коммунистическое рабочее движение не только Германии, но и большинства других стран, а потому с этим учением нам следует познакомиться подробнее, чем с учениями других теоретиков и вождей социализма. При рассмотрении учения Маркса нужно отдельно остановиться на его философско-исторических и социально-экономических воззрениях.

Философско-историческое мировоззрение Маркса сложилось под влиянием французских материалистов, философии Гегеля и Фейербаха.

Германский философ Гегель (1770—1831 гг.) был идеалистом, т. е. стоял на той точке зрения, что все нас окружающее является отображением духовного невидимого мира (материалисты как раз, наоборот, считают, что так называемый духовный мир является отображением материальных фактов и отношений). В частности, история отдельных народов и всего человечества, согласно учению Гегеля, есть процесс развития «всемирного духа», или всемирного разума, а потому все фазы этого развития разумны, они именно таковы, какими должны быть. Поэтому люди не должны возмущаться протекающими перед их глазами политическими и экономическими явлениями, как бы они ни были несправедливы на их взгляд, — ведь этими явлениями руководит высший разум — «разум всемирного духа»; людям остается только изучать эти явления, стараться проникнуть в их смысл. Таким образом, учение Гегеля было консервативно и одобряло даже реакционное прусское государство 20-х гг., которое своим существованием, согласно его философии, доказывало, что оно разумно.

Но в философии Гегеля была и другая сторона. Он учил, что в истории нет застоя, и мировой разум непрерывно идет вперед. С этой точки зрения всякая форма государственной и экономической жизни является переходной исторической формой, которая в своем развитии должна смениться другой, новой. Это была прогрессивная сторона учения Гегеля. Вот почему последователи Гегеля делились на правых и левых. Правые признавали только первую часть его учения — что все

существующее разумно; левые видели центр тяжести его учения в изменчивости форм общественной жизни, что оправдывало революционность тех, которые не хотели мириться с отживающей эпохой и смотрели на нее как на пережитую ступень истории.

Непрерывное историческое развитие, согласно учению Гегеля, совершается путем противоречий (диалектическое развитие). Это значит, что каждая фаза исторического развития носит в себе, подобно зародышу, свою противоположность. Эта ее противоположность, развиваясь постепенно, отрицает фазу, в недрах которой она созрела, и ведет к ее гибели. Так, прилагая диалектический метод к изучению капиталистического строя, Маркс находит следующее. В недрах современного капиталистического строя созревают элементы, которые на известной ступени развития этого строя обуславливают его гибель. Рассматривая подробнее буржуазное общество, мы видим, что все явления здесь развиваются путем противоречий. Например, основа буржуазного строя — собственность — развивается таким образом, что масса мелких собственников лишается собственности, которая сосредоточивается в немногих руках; иначе говоря, строй, основанный на собственности, в своем развитии приводит к отрицанию собственности. Или другой пример. Развитие капитализма, его расцвет означает все большее и большее увеличение кадров пролетариата, так как промежуточные общественные группы — мелкие ремесленники, кулаки-крестьяне и др., — не будучи в состоянии конкурировать с машинным производством, сталкиваются в ряды пролетариата и, принося с собой дешевые рабочие руки, тем более способствуют дальнейшему развитию и расцвету капитализма; следовательно, чем шире развивается капитализм, тем шире развиваются ряды пролетариата, самого опасного врага капитализма, который нанесет ему смертельный удар. Таким образом, в самом капитализме заключается его противоположность, которая выявляется тем резче, чем пышнее совершается расцвет капитализма.

Маркс заимствовал у Гегеля его диалектический метод, применив его как к объяснению процессов природы, так и процессов, происходящих в человеческом обществе. Но Гегель, как мы выше отметили, был идеалистом; Маркс же наполнил гегелевскую диалектику материалистическим содержанием, поставив, по его выражению, на ноги стоявшую головой вниз гегелевскую философию и создав таким образом теорию диалектического материализма, ставшую могучим орудием в борьбе пролетариата с буржуазией. В то же время Маркс применил диалектику Гегеля к объяснению исторического процесса, пе-

ренесли центр тяжести исторического развития от мирового духа в область человеческого общества, положив в основу этого развития, вместо начала духовного и разумного, начало материальное и стихийное. Таким образом, — как учит Маркс (и Энгельс), — и в этом сила и оригинальность излагаемого учения, — основой исторического процесса является экономическая жизнь общества и в последнем счете развитие производительных сил. Таким образом, не мировым разумом, как думали гегельянцы, определяется ход исторической жизни данного общества, его государственный и политический строй, его философия, нравственность, литература, и не человеческим разумом, как думали мелкобуржуазные социалисты, а материальными экономическими отношениями, или, выражая ту же мысль сжато, не мышление определяет бытие, а бытие определяет мышление. Историческое учение Маркса получило название экономического или — что вернее — исторического материализма. Обоснование его мы находим в различных его сочинениях.

«В общественном производстве своей жизни, — говорит Маркс в одном из самых замечательных своих сочинений — «К критике политической экономии», в «Предисловии», — люди вступают в определенные необходимые, от их воли независящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще...» «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Но по мере развития общества преобразовываются его производительные силы; так, например, в период феодально-цехового строя начинается развитие капитализма в форме капиталистической домашней промышленности и мануфактуры, а вместе с изобретением машин — также в виде фабрик и заводов. Между тем, производственные отношения (т.е. основы собственности и все отсюда вытекающее) остаются прежними, точно так же остается неизменной надстройка. Эта неподвижность производственных отношений является сильным тормозом для дальнейшего развития производительных сил, что вызывает возмущение и протесты со сто-

роны буржуазии, выступающей в качестве передового революционного класса; это противоречие внутри общества, эта борьба нового со старым должна быть разрешена мирным или насильственным путем.

«На известной ступени своего развития, — продолжает Марк в выпецитированном отрывке, — материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или — что является только юридическим выражением того же самого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил они превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социального переворота. С изменением экономической основы происходит — медленнее или быстрее — переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный — с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются между собой на почве его».

Еще в «Нищете философии» Маркс выразил то же самое короче и в образной форме. «Общественные отношения, — говорит здесь Маркс, — тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, способы обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе; паровая мельница — промышленно-капиталистическое общество».

В «Коммунистическом манифесте» Маркс (и Энгельс) при помощи того же метода — метода исторического материализма — рассматривают возникновение буржуазного общества из феодального и развитие внутри буржуазного общества противоречий, долженствующих привести к его гибели. Дав изумительную по глубине и яркости характеристику возникновения буржуазии и преобразования ею всего мира — материального и морального — по своему образу и подобию, Маркс продолжает: «Средства производства и сообщения, которые послужили основанием для развития буржуазии, как мы видели, зародились еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения условия, среди которых совершалось

производство и обмен в феодальном обществе — феодальная организация земледелия и промышленности — словом, феодальные имущественные отношения оказались несоответствующими вызванному к жизни производительным силам. Они мешали производству, а не способствовали ему. Они превратились в столь же многочисленные оковы. Они должны были быть разорваны и были разорваны.

«Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии».

«На наших глазах совершается подобное же движение. Буржуазные условия производства и сообщения, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами».

Таким образом, мы видим, что сущностью и основой исторического развития, его фундаментом является развитие экономических форм, все остальные стороны общественной жизни — надстройка над этим фундаментом. Если вы хотите открыть последние пружины, приводящие в движение человеческую историю, — изучайте прежде всего экономическое и хозяйственное развитие общества.

В таком случае спросят: к чему сводится роль людей в обществе — не к роли ли манекенов, приводимых в движение материальным историческим процессом? На это Маркс (в «18-е брюмера») отвечает: «Люди сами делают свою историю, но они делают ее не произвольно, не при свободно избранных, а при непосредственно данных, унаследованных условиях». И именно изучение этих условий дает возможность правильно среди них действовать. Этим дается ответ о свободе или несвободе человеческой воли, или, как иначе выражаются, — о свободе и необходимости, а также о роли личности в истории.

Объясняя эту роль, которую играет воля отдельной личности, Энгельс в своем «Письме от 21 сентября 1890 г.» пишет: «История делается таким образом, что конечный результат получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное коли-

чество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограмов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое бессознательно и невольно. Ведь то, что хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и конечный результат есть нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из этого обстоятельства, — что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет строение их тела и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства; что эти воли достигают не того, что они хотят, но сливаются в нечто общее, в один общий результат, — из этого не следует заключать, что эти воли равняются нулю. Наоборот, каждая воля вносит свою долю в общий результат и потому включена в него».

Но прочитав эти слова, кто-нибудь, быть может, возразит: раз человек, стремясь к чему-нибудь, не достигает того, к чему он стремится, — значит невозможна никакая целесообразная общественная деятельность, значит человек слеп и необходимо должен подчиняться внешним силам? «Нет, — отвечает на это Энгельс в «Анти-Дюринге». — «Необходимость слепа лишь постольку, поскольку она не понятна. Не в воображаемой независимости от законов природы состоит свобода, но в познании этих законов и созданной этим возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это относится столько же к законам внешней природы, как и к тем, которые управляют физическим и духовным бытием самого человека, — к законам, которые мы можем разделять разве только мысленно, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность человека решать вопросы со знанием дела. Чем, следовательно, свободнее решение человека по отношению к известному вопросу, тем с большей необходимостью будет определено содержание этого решения; тогда как неуверенность, покоящаяся на незнании и, повидимому, произвольно выбирающая между многими различными и взаимно противоречащими возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свое подчинение той действительности, над которой она должна была бы господствовать. Свобода, следовательно, заключается в господстве над самим собой

и над внешней природой, основанном на понимании естественной необходимости».

Свобода, следовательно, есть сознанная необходимость. Осознав окружающее, поняв сущность исторического процесса и его направление, человек может плодотворно приложить свои индивидуальные силы для содействия скорейшему развитию объективных исторических возможностей, между тем как без понимания этого самые героические жертвы не дадут желаемых результатов и даже, наоборот, явятся тормозом для дальнейшего развития, т. е. принесут зло вместо желаемого добра. Этим даны также границы роли личности в истории, которых не может переступить самый выдающийся по своим индивидуальным силам человек. Петр Великий и Наполеон не повернули колеса истории, но, с одной стороны, пожалели то, что было подготовлено предыдущим ходом истории, а с другой,— поняв, куда она движется, своим могучим вмешательством содействовали ускорению этого движения.

Изучая экономическое развитие, мы убеждаемся, что оно служит основой для разделения человеческого общества на классы, из коих одни являются господствующими и эксплуатирующими, другие — подчиненными и эксплуатируемыми. Эксплуатируемые питают вражду и ненависть к эксплуататорам и ведут с ними борьбу явную или скрытую. Вот почему,— как говорит «Коммунистический манифест»,—«вся история общества была до сих пор историей борьбы классов». Вот почему при изучении политической истории какой-нибудь эпохи следует иметь в виду классовые противоречия, возникающие на данном хозяйственно-экономическом фундаменте. Эти классовые противоречия помогут нам понять многое из политических явлений, которые кажутся необъяснимыми и случайными¹⁾.

Учение о классовой борьбе является одной из самых глубоких и плодотворных страниц в теории Маркса. Сам Маркс не приписывал себе открытия существования классовой борьбы,— он только развил существующие на этот вопрос взгляды в законченное учение и приложил его для выяснения теории и практики борьбы пролетариата за свое

¹⁾ С точки зрения изложенной нами теории исторического материализма рассмотрены у Маркса: революции 1848 г. во Франции («Классовая борьба во Франции 1848—1850 гг.»), государственный переворот, произведенный во Франции Луи-Бонапартом («18-е брюмера Луи-Бонапарта»), восстание Парижской коммуны («Гражданская война во Франции»).

освобождение. В письме к своему другу Вейдемейеру он писал: «Что касается меня, то не следует мне ставить в заслугу открытие существования классов в современном обществе или их взаимной борьбы. Буржуазные историки задолго до меня изображали историческое развитие борьбы классов. Новым в моей теории было доказательство того, во-первых, что существование классов связано с определенным историческим процессом развития производства, и, во-вторых, что классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, а сама эта диктатура представляет лишь переход к уничтожению всех классов и к бесклассовому обществу».

Но для уяснения учения Маркса о классовой борьбе и роли пролетариата в социальном перевороте необходимо предварительно познакомиться с его экономическим учением.

Экономическое учение Карла Маркса, развитое им в сочинении «К критике политической экономии», в «Капитале», а также в других сочинениях («Наемный труд и капитал», «Нищета философии», «Коммунистический манифест», «Заработная плата, цена и прибыль»), представляет собой удивительно глубокое и мастерское освещение сущности современного капиталистического способа производства и обмена.

В основе экономического учения Маркса лежит теория трудовой стоимости и теория прибавочной стоимости.

Первый том своего знаменитого «Капитала» Маркс начинает следующими словами: «Богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров».

Эти товары, как мы знаем из обыденной жизни, обмениваются между собой в определенной пропорции. Так, например, за 20 аршин холста можно получить пару сапог или пуд сахару (фактически их не обменивают, а продают за деньги, но по существу дело от этого не меняется). Почему товары эти обмениваются друг на друга и в указанных пропорциях — вот важный вопрос, который ставит и разрешает Маркс. Он пытается найти то общее, благодаря чему эти предметы обмениваются. Это, конечно, не их потребительное значение, потому что как предметы потребления эти товары различны и не имеют между собой ничего общего. Но кроме потребительного своего значения, эти товары имеют и другое свойство, а именно то, что они все являются продуктами человеческого труда. Таким образом, всякий

товар есть овеществленный труд. Но ведь различные виды труда различны и несходны; как же их можно обобщить? Такими представляются различные виды труда с внешней стороны; в действительности все виды труда представляют собой определенную затрату человеческого мозга, нервов, мускулов и пр., обнимаемую общим пониманием работы. Следовательно, все виды труда можно свести к одному общему среднему труду.

Чем же определяется размер меновой стоимости товара, или, иначе, та пропорция, в которой один товар обменивается на другой? Очевидно, — количеством вложенного в него труда; однако, не всякий труд годится в качестве такого мерила; например, если некоторые ткачи будут делать холст посредством вышедших из употребления инструментов, между тем как подавляющее большинство ткачей будет изготовлять такой же холст усовершенствованными инструментами, то каждый ткач, работающий усовершенствованными инструментами, за то же количество времени изготовит в два или три раза больше холста, чем ткачи первой категории, и этим последним придется продать свой холст значительно дешевле действительно вложенного в них труда. Маркс поэтому устанавливает понятие общественно-необходимого среднего труда, сводящегося к тому количеству рабочего времени, которое необходимо затратить, чтобы произвести данный товар при тех условиях производства, которые являются господствующими в данный момент. Например, если 20 аршин холста по своей стоимости равняются паре сапог, то это значит, что для производства 20 аршин холста необходимо затратить столько же рабочего времени (работая при тех условиях производства, которые являются господствующими в данный момент), сколько для производства пары сапог. Вот в самых общих чертах основной принцип теории трудовой стоимости Маркса.

Уяснив, что такое трудовая стоимость, Маркс показывает, что при капиталистическом способе производства капиталист присваивает себе безвозмездно часть продуктов, производимых рабочими, т. е. получает при эксплуатации рабочего прибавочную стоимость против суммы, которую он дает рабочему в виде заработной платы. Дело в том, что рабочая сила рабочего есть такой же товар, как и все прочие товары, и продается на рынке, куда рабочий является для найма. Капиталист покупает рабочую силу рабочего как и всякий другой товар, т. е. согласно рабочему времени,

которое необходимо для того, чтобы восстановить рабочую силу, а это равняется сумме средств, необходимых для поддержания и постоянного обновления рабочей силы рабочего. Но для восстановления рабочей силы требуются продукты труда значительно меньшего времени, чем в действительности работает рабочий у капиталиста. Например, если рабочий работает в день 12 часов, то он отрабатывает получаемую плату в продолжение 6 часов; продукты же остальных шести часов труда капиталист у него присваивает безвозмездно, в виде прибавочной стоимости.

В образовании прибавочной стоимости, а не в железном законе заработной платы Лассалья Маркс видит причину угнетения рабочего при современном капиталистическом способе производства. Нормой или величиной прибавочной стоимости определяется и размер заработной платы. Эта норма может быть больше или меньше и зависит от целого ряда обстоятельств — например, применения женского и детского труда, величины резервной рабочей армии, того сопротивления, которое рабочий класс оказывает эксплуатации. В итоге общие колебания заработной платы регулируются резервной рабочей армией. Дело в том, что число рабочих, имеющих работу, неодинаково во всякое время и под влиянием спроса на рабочие руки может становиться то больше, то меньше. Спрос же на рабочие руки может повыситься в зависимости от усиления спроса на мировом рынке на какой-нибудь товар или упасть вследствие застоя в делах или введения усовершенствованной машины в крупную отрасль производства. Благодаря таким колебаниям всегда существуют значительные кадры рабочих, не имеющих работы и жаждущих ее получить; эти кадры образуют резервную армию труда, в отличие от действующей армии, имеющей в данный момент работу. В зависимости от того, насколько капиталисту удастся черпать из этой резервной армии, колеблется в ту или другую сторону заработная плата.

Эта эксплуатация рабочих исчезнет вместе с уничтожением капиталистического строя, т. е. строя, при котором орудия производства отделены от рабочего и принадлежат собственнику-капиталисту, который благодаря этому имеет возможность присваивать себе часть произведенных рабочим продуктов. Этот строй будет заменен социалистическим строем, при котором будет уничтожена частная собствен-

ность на орудия производства, которые будут обобществлены, т. е. взяты в ведение и распоряжение всего общества.

Необходимость социалистического строя для Маркса вытекает не из соображений правды и справедливости (как у мелкобуржуазных социалистов); этот строй, согласно его учению, не будет водворен по плану какого-нибудь мыслителя-утописта (вроде Фурье) и не путем проповеди и убеждений (как действовал Оуэн). Социалистический строй является необходимым результатом развития буржуазного общества, в недрах которого подготавливаются его предпосылки.

Где же те данные, которые нас убеждают, что современное буржуазное общество путем постепенного развития ведет к своей собственной гибели?

В этом нас убеждает все растущая концентрация капитала, необеспеченность существования рабочего класса, промышленные кризисы.

Концентрация (сосредоточение) капитала. Вследствие технического и коммерческого превосходства крупного производства над мелким и средним (благодаря применению усовершенствованных машин, детальному разделению труда, оптовой закупке сырья, лучшему знанию рынка и пр.), крупные производства постепенно вытесняют мелкие и средние, поглощая их и таким образом все более и более расширяясь. С течением времени, следовательно, мелкие и средние производства исчезнут, останутся только крупные производства, сосредоточенные в руках немногих капиталистов. Общество, таким образом, разделяется на два неравных лагеря: с одной стороны, небольшая кучка магнатов капитала, а с другой — почти вся нация, лишенная капитала, пролетаризованная.

«Рядом с борьбой из-за конкуренции между ремеслом и крупной капиталистической промышленностью, — говорится в комментарии к «Эрфуртской программе» — свирепствует борьба между более крупными и мелкими капиталистическими предприятиями. Каждое мгновение приносит новое изобретение, новое открытие, применение которых значительно повышает производительность труда. Каждый такой шаг более или менее обесценивает прежнюю организацию производства, вносит необходимость нововведений, часто даже расширения производства. Кто не обладает необходимым для этого капиталом, делается рано или поздно неспособным к конкуренции и разоряется или оказывается

вынужденным перенести свой капитал в такую отрасль промышленности, в которой для более мелкого предприятия еще есть возможность конкуренции. Таким образом, конкуренция внутри крупной промышленности вызывает переполнение в сфере мелкой промышленности, где мелкое производство является еще до известной степени жизнеспособным. Все крупнее, все обширнее становятся предприятия крупной промышленности. Из больших предприятий, насчитывающих сотни рабочих, образуются гигантские предприятия с тысячами рабочих. Все быстрее и быстрее исчезают более мелкие предприятия: промышленное развитие с известного момента вместо увеличения ведет к непрерывному уменьшению числа предприятий капиталистической крупной промышленности».

«Но этого еще не достаточно. Экономическое развитие ведет также к тому, что капиталистические предприятия все более сосредоточиваются в одних руках, переходя в собственность отдельного капиталиста или товарищества капиталистов, которое в хозяйственном отношении также представляет лишь одно лицо (юридическое лицо)».

Это достигается образованием акционерных компаний, в которых господствует один крупный капиталист; или тем, что группа капиталистов, владеющих однородными предприятиями, во избежание конкуренции между собой и для монопольного господства на рынке, образуют тресты, синдикаты, картели. Такие объединения образуются прежде всего в области угольной и железной промышленности, от которых зависят все прочие отрасли производства. Наконец, происходит объединение в грандиозные предприятия целого ряда производственных предприятий, служащих подсобными для главного основного предприятия. Так, многие железнодорожные компании владеют всевозможными мастерскими, угольными копями, нефтяными, чугунолитейными заводами и пр.; наоборот, крупные угольные предприятия имеют свои собственные железнодорожные подъездные пути и пр.

«Если мы все это сопоставим, — продолжает комментарий к «Эрфуртской программе», — увеличение размеров предприятий, усиливающаяся концентрация мелких предприятий в одних руках, — тогда станет ясным, что тенденция капиталистического способа производства клонится к соединению средств производства, уже ставших монополией класса капиталистов, все в меньшем и меньшем числе рук. Это развитие в конце концов ведет к тому, что все средства про-

изводства нации или даже всего мирового хозяйства сделаются частной собственностью отдельной личности или акционерного общества, которые и будут распоряжаться по произволу... Но если в действительности такое положение и не будет осуществлено вполне, то мы подвигаемся к нему навстречу быстро — быстрее, чем кажется большинству»...

Необеспеченность существования. Как выше было указано, условия современного производства создают промышленную резервную армию рабочих, из которой капиталист черпает, сколько ему нужно, рабочих сил, чтобы бороться с действующей рабочей армией. С другой стороны, непредвиденные колебания рынка, технические усовершенствования и пр., да и сама борьба пролетариата, — все это создает условия, при которых рабочий, сегодня имеющий работу, не знает, будет ли он ее иметь завтра.

«Чрезмерная работа одних, — говорится в комментарии к «Эрфуртской программе», — вызывает безработицу других, а эта безработица служит средством для поддержания и увеличения чрезмерной работы первых... Но что означает безработица для рабочих? Не только нужду и бедствия для тех, у кого нет работы, не только порабощение и эксплуатацию для трудящихся, — она означает также необеспеченность существования для всего рабочего класса»...

Как ни тяжело было положение трудящихся в прежние времена, оно давало им одно: обеспеченность существования. «Средства для поддержания жизни рабов и крепостных были обеспечены по крайней мере до тех пор, пока был обеспечен существование их господина... При господстве мелкого производства доход рабочего от его собственного хозяйства был тем выше, чем прилежнее был рабочий... Но в настоящее время как обладание собственностью, так и обладание рабочей силой несколько не защищает от нужды и бедствия. Как перед мелким крестьянином и ремесленником всегда стоит призрак банкротства, так перед рабочим стоит призрак безработицы. Из всех зол современного способа производства эта постоянная необеспеченность существования является самым мучительным, но в то же время она все глубже возмущает людей, заставляя жаждать другого общественного строя, который сделает существование труженика обеспеченным».

Кризисы. «Как ни велика общая необеспеченность положения при обыкновенном ходе дел, — говорится в «Эр-

фуртской программе», — она чрезвычайно повышается при кризисах, неизбежно вызываемых время от времени товарным производством, достигшим известной степени развития... Крупные современные кризисы, потрясающие всемирный рынок, являются следствием перепроизводства, которое в свою очередь вытекает из неизбежного при товарном производстве отсутствия планомерности».

Невозможность сразу обозреть всемирный рынок и знать, что где требуется, с одной стороны, вечная погоня за наживой и конкуренция между предпринимателями — с другой, приводят к тому, что во многих отраслях промышленности время от времени накапливаются массы продуктов, не нашедших себе сбыта. В результате — промышленный кризис, ведущий к банкротству и гибели многих предприятий, к длительной безработице, нужде и голоду в среде рабочих. А между тем товаров на складах промышленников и торговцев избыток. Рабочие, таким образом, голодают оттого, что произвели слишком много.

«Вот уже несколько десятилетий, — говорится в «Коммунистическом манифесте», — история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений — этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Во время кризисов постоянно уничтожается значительная часть не только готовых уже продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил. Во время кризисов появляется эпидемия, которая во все предшествовавшие эпохи показала бы нелепостью, — эпидемия излишнего производства. Общество вдруг возвращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишили его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются — и почему? Потому что общество слишком цивилизовано, потому что оно имеет слишком много жизненных средств, потому что торговля и промышленность его развиты слишком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже развитию буржуазной цивилизации и буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений; они встре-

чают в них препятствия, а когда им удается одолеть эти последние, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким образом буржуазия устраняет кризис? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны, посредством завоевания новых и более широкой эксплуатации старых рынков. Следовательно, не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им.

Так время от времени сотрясается капиталистическое общество в судорогах собственных противоречий; кризисы становятся все более грозными и частыми, пока они не превратятся во всемирный кризис.

«Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов-магнатов, которые узурпируют и монополизировать все выгоды этого преобразовательного процесса (т. е. совокупного процесса капиталистического развития),— читаем мы у Маркса в I томе «Капитала»,— увеличивается масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации; но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивление постоянно возрастающего рабочего класса вышколенного, объединенного и организованного механизмом самого капиталистического способа производства. Монополия капитала превращается в путы для дальнейшего развития того способа производства, который развился вместе с нею и под ее господством. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимыми со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются».

Классовая борьба пролетариата. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс посвящают ряд страниц изображению постепенного развития пролетариата и его борьбы с буржуазией. Сначала эта борьба, разрозненная и нецелесообразная, направлена не столько против буржуазных условий производства, сколько против орудий производства (разбивание машин, поджигание фабрик), в которых они ошибочно видят своих поработителей. Массовые же движения рабочих в этот период опять-таки направлены не на достижение их собственных классовых целей, которых рабочие еще не сознают в должной мере,

Вследствие чего буржуазия пользуется революционным настроением рабочих для борьбы с остатками феодального строя: господством дворянства и абсолютной монархией. На этой ступени, следовательно, рабочие борются не со своими собственными врагами, а с врагами своих врагов. Но с развитием промышленности кадры пролетариата расширяются, положение его ухудшается; рабочие начинают сознавать общность своих интересов и приобретают правильное понимание, кто их непосредственный враг. Благодаря улучшению средств сообщения рабочие различных местностей сближаются, они сплываются, объединяются в ассоциации; и таким образом создаются условия для превращения разрозненной борьбы рабочих в национальную классовую борьбу. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая; рабочие поэтому стремятся к образованию собственной политической партии и достигают этого после ряда неудачных опытов и внутренних столкновений. В деле развития их способностей к политической борьбе к ним приходит на помощь сама буржуазия, которая для борьбы с пережитками феодализма принуждена обращаться к помощи пролетариата. Она сама передает, следовательно, пролетариату элементы своего собственного образования, т. е. вручает ему оружие против себя самой — оружие, при помощи которого пролетариат завладеет политической властью.

Но «все предшествующие пролетариату классы, — говорится в «Коммунистическом манифесте», — достигая господства, старались упрочить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочивать, — они должны, напротив, разрушать все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения».

Все возникавшие до сих пор движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не

уничтожая в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество.

«Таким образом, очерчивая самые общие фазы развития пролетариата, мы проследили более или менее скрытую гражданскую войну, происходящую в недрах современного общества вплоть до того пункта, когда эта война превращается в открытую революцию, и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству»...

Так, с развитием крупной промышленности вырывается из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны.

Когда пролетариат овладеет политической властью, — будет установлена диктатура пролетариата.

«Мы уже видели выше, — говорится по этому поводу в «Коммунистическом манифесте», — что первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии. Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и, по возможности, скорее увеличить массу производительных сил.

Конечно, сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства; следовательно, путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны как средство для преобразования всего способа производства».

«Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах. Однако в наиболее цивилизованных странах почти повсюду могли бы быть приняты следующие общие меры: 1) экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов; 2) высокий прогрессивно-подоходный налог; 3) уничтожение права наследства; 4) конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков; 5) централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией; 6) централизация

транспорта в руках государства; 7) увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану; 8) одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий. в особенности для земледелия; 9) соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней; 10) общественное и даровое воспитание всех детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Когда в процессе развития будут уничтожены различия классов, и все производство сосредоточится в руках ассоциированных индивидов, общественная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса. Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется как класс, путем революции становится господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последним он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство».

«Место старого буржуазного общества, с его классами и антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех».

Происходящая между буржуазией и пролетариатом классовая борьба есть прежде всего, как указано выше, борьба политическая, потому что даже экономическая борьба между рабочими и капиталистами (за повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня и прочие улучшения условий труда) вызывает вмешательство государственной власти, т. е. переносит вопрос из области экономики в область политики.

Поэтому, — как говорит Эрфуртская программа, — рабочие должны организоваться в классовую политическую партию, выставляющую ряд требований политического и социального характера, достижимых в пределах капиталистического строя. Среди этих минимальных требований пахотятся: всеобщее избирательное право, полная демократизация государственного строя, 8-часовой рабочий день, уничтожение постоянной армии и замена ее народной милицией и пр. Совокупность этих требований образует про-

г р а м м у - м и н и м у м. Конечная цель партии, ее программа-максимум — водворение социалистического строя. Рабочая партия, выставившая эти требования, и получила в Германии название с.-д. рабочей партии.

Но поскольку все страны в своей хозяйственной жизни тесно связаны друг с другом, классовая борьба пролетариата одной страны тесно связана с классовой борьбой пролетариата во всех прочих странах; а потому успешная борьба за социализм возможна, когда пролетариат всех стран объединится в своей борьбе против всемирного капитала.

Вот почему Маркс и Энгельс заканчивают «Коммунистический манифест», изданный еще в 1848 г., лозунгом, всю силу и значение которого мы особенно глубоко чувствуем в переживаемый момент: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Учение Маркса и Энгельса, указавшее, как и куда идет общественное развитие, установившее, что необходимым результатом этого развития должен явиться социализм, легло в основу программы и тактики германской с.-д. партии. Восприняв окончательно это учение на съезде в Эрфурте, где были вытеснены остатки учения Лассалья (железный закон заработной платы, производительные ассоциации с государственным кредитом), германская социал-демократия с того времени на своих съездах, в печати и деятельности стала разрешать все возникавшие вопросы согласно сущности этого учения (выпрощен, не без существенных отступлений, на которые будет указано в своем месте).

Все, что нами цитировано выше из «Эрфуртской программы», взято из комментария к этой программе, написанного одним из видных лидеров германской социал-демократии К. Каутским¹⁾. Но и сама программа представляет значительный интерес для всякого, изучающего историю рабочего движения и социализма. Она послужила образцом для многих программ, принятых социалистическими партиями после 1891 г. По содержанию своему — это программа-минимум, т. е. программа тех требований, которые партия стремится осуществить в рамках капитализма, чтобы прорезвить и организовать рабочий класс для овладения политической властью и установления диктатуры пролетариата.

¹⁾ Необходимо, однако, отметить, что в комментарии к «Эрфуртской программе» уже проглядывает оппортунистическая половинчатость, проявившаяся в германской с.-д. партии (в особенности поскольку речь идет о парламентаризме и характере пролетарской революции).

Основные требования программы следующие:

«1. Всеобщее, равное, прямое избирательное право с тайной подачей голосов для всех граждан империи старше 20-летнего возраста, без различия пола, для всех выборов и голосований. Пропорциональная избирательная система, а до ее введения — законодательное перераспределение избирательных округов после каждой народной переписи. Двухгодичные сроки законодательных полномочий.

2. Прямое законодательство народа при помощи инициативы и референдума. Самоопределение и самоуправление народа в империи, государстве, провинции и коммуне. Избрание властей народом, их уголовная и гражданская ответственность. Ежегодное вотирование налогов.

3. Подготовка к всеобщему вооружению. Народная милиция вместо постоянных армий. Решение вопроса о войне и мире народным представительством. Улажение всех международных споров посредством третейского суда.

4. Отмена законов, ограничивающих или подавляющих свободное выражение мнения и право союзов и собраний.

5. Отмена всех законов, ставящих женщину ниже мужчины в публично- и гражданско-правовом отношении.

6. Провозглашение религии частным делом. Отмена всех расходов из общественных средств на церковные и религиозные цели. Церковные и религиозные общины должны быть рассматриваемы как частные союзы, которые устраивают свои дела вполне самостоятельно.

7. Светский характер школы. Обязательное посещение общественных народных училищ.

8. Безвозмездность правосудия и юридической помощи. Отправление правосудия судьями, избранными народом. Апелляция в уголовных делах. Вознаграждение невинно привлеченных к суду, арестованных и осужденных. Уничтожение смертной казни.

9. Даровая врачебная помощь, включая сюда помощь при родах, и лекарствах. Бесплатное погребение.

10. Прогрессивный налог на доход и на имущество для покрытия всех общественных расходов... Прогрессивный налог на наследство... Отмена всех косвенных налогов.

В интересах защиты рабочего класса, — говорится далее в программе, — социал-демократическая партия Германии выставляет следующие ближайшие требования:

1. Действительное национальное и международное законодательство об охране труда на следующих основаниях: —

а) установление нормального рабочего дня, не превышающего 8 часов;

б) воспрещение промыслового труда детей моложе 14 лет;

с) воспрещение ночного труда, за исключением тех отраслей промышленности, которые, по своей природе, по техническим причинам или по соображениям общественного блага, требуют ночных работ;

д) непрерывный отдых, по меньшей мере в 36 часов, один раз в неделю для каждого рабочего;

е) воспрещение truck-system, т. е. выдачи заработной платы вместо денег товарами.

2. Надзор за всеми промышленными заведениями, расследование и урегулирование условий труда в городе и деревне имперским рабочим бюро, окружными рабочими бюро и рабочими камерами. Строгая промышленная гигиена.

3. Уравнивание сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги в правах с промышленными рабочими; отмена устава о домашней челяди.

4. Обеспечение свободы коалиций.

5. Переход всего страхования рабочих к империи, с преобладающим участием рабочих в управлении».

Международное товарищество рабочих, или I Интернационал

После изложенного вернемся назад, чтобы остановиться на рассмотрении международной рабочей организации, возникшей в 60-х годах и известной под названием I Интернационала.

Хотя возникновение и деятельность этой организации относятся к совокупному мировому рабочему движению, но особенно деятельное участие в нем принимали лидеры рабочего движения рассматриваемых в этой книге стран, и особенно велико в нем было влияние учения Маркса, вследствие чего мы помещаем этот параграф после изложения указанного учения.

Цель рабочего движения — осуществление социализма — не может быть достигнута без предварительного объединения рабочих всех стран в одну мощную армию пролетариата, ибо против всемирного рабочего движения стоит всемирная буржуазия, и если бы в одной стране пролетариату удалось свергнув господство буржуазии, произвести социальную революцию, то буржуазные правительства всех прочих стран напрягли бы все силы, чтобы потушить начавшийся пожар, грозящий охватить весь мир; они ополчились бы на это дело,

как на свое кровное дело ¹⁾), ибо капиталисты всех стран для сохранения своего господства должны оказывать друг другу взаимную поддержку в такой же степени, как рабочие, для того чтобы свергнуть его.

Но, кроме этой конечной цели, объединяющей рабочее движение всех стран, у рабочих различных стран уже в середине XIX в. были ближайшие более или менее нажные интересы, которые требовали согласованности действий. Сюда относятся такие явления, как борьба с ввозом швейцарских товаров из других стран во время стачек, что особенно чувствительно было для английского рабочего движения, или предоставление одинаковых условий труда и работы переселенцам из чужих стран, что особенно важно было для немецких, итальянских и польских рабочих, которые в большом количестве эмигрировали, главным образом, в Швейцарию, Францию и Англию вследствие экономических и политических причин. Не менее важную роль играли причины морального свойства. Рабочие, как наиболее униженные и подавленные, сочувствовали униженным и подавленным всех стран; они сочувствовали страданиям не только своих братьев-рабочих, но целых угнетаемых народов, а рассматриваемая эпоха, как известно, была эпохой борьбы итальянцев, поляков, потом балканских народов за освобождение из-под ига их угнетавших империалистских государств. Немаловажной причиной наконец, заставлявшей рабочих объединиться для солидарного образа действия, были европейские войны, т. е. взаимное истребление рабоче-крестьянских масс различных стран во имя экономических и политических интересов капиталистов и их правительств.

Условием, благоприятствовавшим объединению пролетариев всех стран, была политическая эмиграция, более всего сосредоточившаяся в Лондоне. В эмигрантских кружках сходились пролетарии и сторонники пролетариев всевозможных стран: Италии, Германии, Франции, России, Польши и др.; среди эмигрантов было не мало активных политических деятелей и членов тайных обществ; вследствие самого факта невольного удаления с родины, эмигранты чувствовали себя товарищами и братьями, объединенными общими интересами и общими страданиями. В эмигрантских кружках обсуждались вопросы всемирной революции, пути к ее осуществлению, средства борьбы с правительствами, способы улучшения

1) Мы не только были и являемся свидетелями осуществления этой истины, но пережили и переживаем ее непосредственно на себе.

положения рабочего класса. Все это наталкивало на мысль о необходимости объединения рабочих всех стран.

Таким объединением, хотя и в очень небольших размерах, был «Союз коммунистов», по поручению которого Маркс и Энгельс написали знаменитый «Манифест», заканчивающийся властным и мощным призывом — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Говоря об объединениях, которые в известной степени можно считать предшественниками Интернационала, следует указать на союз «Братских демократов» и «Международный комитет». Первый союз был образован в Лондоне при участии немецкого эмигранта Шаппера и представителей левого крыла чартизма, как Гарней, в 1844 г.; он объединял эмигрантов различных национальностей, живших в Лондоне, и ставил своей целью объединение демократов всех стран под лозунгом «Все люди — братья!» Союз этот просуществовал до 1853 г. «Международный комитет» возник в Лондоне же в 1855 г. Этот комитет, само название которого указывало на его интернационализм, имел организацию, которая впоследствии была повторена Интернационалом, и первый его митинг был устроен в Мартинсхилле, где немного менее десяти лет спустя состоялся митинг, положивший начало Интернационалу. «Международный комитет» по мысли его основателей должен был явиться демократическим союзом народов против угнетающих человечество реакционных правительств.

Таким образом, мы видим, что уже с 40-х годов идея международного объединения угнетаемых против угнетателей пользовалась большой популярностью среди всеевропейской эмиграции, сосредоточивавшейся в этот период в Лондоне; но только в начале 60-х годов удалось осуществить идею, выдвинутую в «Коммунистическом манифесте» — международное объединение пролетариата. Почва для такого объединения была подготовлена экономическими и политическими событиями: экономическим кризисом конца 50-х годов, к которому вскоре присоединился очень тягостным для Англии «хлопковый голод», вызванный американской междоусобной войной 1861 — 65 гг. и, наконец, польским восстанием 1863 г.

Первый шаг к сближению был сделан на лондонской выставке 1862 г. Как выше указывалось, французский император Луи-Наполеон, искавший популярности у рабочих для борьбы с республиканской партией, старался делать им всевозможные мелкие уступки, совместимые с его самодержавной властью. Когда в Лондоне открылась всемирная выставка,

французским рабочим было сделано со стороны правительства предложение избрать делегатов для посылки их на выставку с отнесением расходов по этой поездке на государственный счет. 5 августа 1862 г. делегаты французских рабочих прибыли в Лондон. Хотя торжественная встреча прибывших (банкет) была устроена при участии буржуазных общественных деятелей и действительные вожди английских рабочих не выступали на этом банкете, однако французские рабочие во время пребывания в Лондоне познакомились не только с техническими усовершенствованиями английской промышленности, но также с английскими тред-юнионами, с их теорией и практикой; на происходивших рабочих собраниях говорилось о необходимости установления единения между рабочими всех стран в виду общности интересов их жизни и борьбы.

С этого момента связь, установившаяся между рабочими обеих стран, не прерывается.

В 1863 г., вследствие происходившей в Соединенных Штатах гражданской войны, в Англии и Франции, а также в других странах начался хлопковый голод, в хлопчатобумажной промышленности наступила страшная безработица, послужившая наглядным доказательством экономической связи, существующей между различными странами мира. В том же году произошло восстание поляков в польских областях, находившихся под властью России. Английские и французские рабочие начали агитацию за вмешательство Англии и Франции в пользу поляков. Хотя эта агитация, как и следовало ожидать, не дала положительных результатов, но она послужила дальнейшим поводом для обмена мнений между представителями рабочих обеих стран по вопросу об установлении более тесных связей как между ними, так и между рабочими всего мира. 22 июля 1863 г. в Лондоне был устроен большой митинг, на котором присутствовали представители французских рабочих, а затем состоялось собрание, устроенное лондонским советом тред-юнионов, где центральным пунктом обсуждения был польский вопрос. Позже был составлен и отправлен адрес «К рабочим Франции от рабочих Англии».

Когда же в сентябре 1864 г. французские делегаты вновь прибыли в Лондон с ответным адресом, то на этот раз вопрос о всемирном объединении рабочих из области пожеланий перешел в область действительности. 28 сентября 1864 г. по указанному вопросу был организован большой митинг в Сент-Мартинсхолле (т. е. в зале св. Мартина) под председа-

ством друга рабочих, радикала профессора Бисли. От рассмотрения позорной политики царизма и связанной с ней политики других европейских правительств перешли к вопросу об объединении рабочих для борьбы с внутренним и внешним деспотизмом и эксплуатацией. После горячих речей французских и английских делегатов решено было организовать международный союз рабочих, и был выбран комитет в составе 21 человека для выработки устава. В комитет в большинстве вошли английские представители, затем французы и итальянцы и в качестве представителей от Германии — Маркс и Эккартс.

Карл Маркс, долгое время стоявший в стороне от эмитрантских кружков с их утопическими затеями и занимавшийся теоретической работой в тиши кабинета, теперь рьяно принялся за практическую политическую работу, почувствовав, что перед ним крупнейшее пролетарское дело в общемировом масштабе. По поручению комитета он выработал «вступительный» (учредительный) адрес и временные статуты Интернационального товарищества рабочих, или — как оно сокращенно было названо — Интернационала.

Выработка адреса представляла большие трудности и требовала большого искусства, ибо Интернационалу предстояло объединить все существующие течения в рабочем движении, т. е. сторонников Прудона и Бюше во Франции, приверженцев тред-юнионизма в Англии, лассальянцев — в Германии, маццинистов — в Италии.

И Маркс преодолел эти трудности с удивительной ловкостью.

Маркс начинает адрес с обзора фактов, относящихся к жизни рабочего класса последних двух десятилетий, и рисует печальную судьбу рабочего класса в самой передовой и богатой промышленной стране Англии и в других странах Европы, говорит о колоссальных материальных богатствах, собранных капиталистами и об угнетении и нищете рабочего класса. В политической жизни он отмечает разгул реакции, подавление рабочих организаций и ослабление революционной энергии пролетариата, цвет которого в Англии изо дня в день подкупается разжиревшим капиталом. Из изложенного Маркс делает вывод, что успех и процветание капитализма отнюдь не способны улучшить материальное положение рабочего класса. На этом печальном фоне Маркс, однако, отмечает утешительные явления: английский закон о десятичасовом рабочем дне и успешные попытки кооперативного

движения. «Закон о десятичасовом рабочем дне, — говорит Маркс, — является не только огромной практической, но и принципиальной победой; впервые при ясном свете политическая экономия буржуазии была побеждена политической экономией рабочего класса». Эта победа на факте доказала пользу вмешательства государства в отношения между предпринимателем и рабочим. Кооперативные организации (производительные товарищества) Маркс тоже приветствует как частичную победу коллективистического принципа, носителем которого является пролетариат, над индивидуализмом буржуазного общества, так как «они доказали, что производство богатств не требует вовсе, чтобы орудия труда составляли чью-либо монополию и через то обращались в орудия насилия над рабочими и их порабощения; они доказали, что труд из-за заработной платы есть не что иное, как переходная форма, которой суждено исчезнуть перед ассоциативным производством». Но, «для того чтобы освободить всю массу рабочих, кооперативное производство должно быть распространено на всю страну, и, следовательно, его развитие должно находить поддержку во всех силах и средствах государства». Отсюда следует, как вывод, что главной обязанностью рабочего класса является завоевание политической власти. Для этого необходимо образование всюду политических рабочих партий; но без объединения усилий рабочих всех стран захват политической власти рабочими не может быть достигнут. С целью осуществления этого единения и основывается Международное товарищество рабочих. Адрес, подобно «Коммунистическому манифесту», кончается призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В проекте временного устава Интернационала, также составленного Марксом, развиваются и усиливаются мотивы, говорящие за необходимость международного объединения рабочих. Там, между прочим, говорится, «что экономическая зависимость рабочего от капиталиста есть основа рабства во всех его видах, социальной нищеты, духовного упадка и политического угнетения; что, следовательно, экономическое освобождение рабочего есть великая цель, которой должно быть подчинено в качестве средства всякое политическое движение; что все стремления к достижению этой великой цели оставались до сих пор безуспешными вследствие того, что рабочие в различных отраслях производства и в различных странах до сих пор были лишены духа солидарности и братского единения; что освобождение труда представляет

не местную, национальную, а международную задачу, и должно поэтому охватить все страны, в которых общественная жизнь достигла современной высоты, и что разрешение этой задачи может быть осуществлено теоретическим и практическим взаимодействием всех стран».

Задача Интернационала заключалась в осуществлении этого объединения, в создании руководящего, осведомительного и организационного центра, как бы международной рабочей партии, руководящей всем рабочим движением всех стран и направляющей его к одной великой цели. В каждой стране лица, примыкавшие к Интернационалу, образовывали местные группы, или секции; несколько секций в одной и той же стране образовывали объединение, во главе которой стоял федеральный совет. Секции или их федеральные советы сносятся с Генеральным советом, выбираемым ежегодным международным конгрессом всех секций. Генеральный совет — орган исполнительный и направляющий — имеет местопребывание в Лондоне. Ежегодно должен происходить общий конгресс). Всех конгрессов Интернационала было пять (если не считать маловажного Женевского конгресса 1873 г.), кроме двух конференций. На этих международных собраниях представителей всемирного пролетариата подвергались обсуждению важнейшие вопросы пролетарского экономического и политического миросозерцания, причем главным вождям движения, и в особенности Карлу Марксу, пришлось рассеять немало буржуазных теоретических пережитков и предрассудков, крепко сидевших в головах многих делегатов, а тем более представляемых ими рабочих, находившихся под влиянием теорий мелкобуржуазных и утопических идеологов.

Чтобы понять весь ход этой борьбы, нужно принять во внимание, что в среде пролетариата, как это можно видеть из предшествующих исторических обзоров рабочего движения передовых стран, не было единомыслия во взглядах на сущность, средства и конечные цели рабочего движения.

Французские рабочие находились, главным образом, под влиянием взглядов Прудона; их называли мютюэлистами, так как они были сторонниками организации взаимного кредита и непосредственного обмена продуктами, производимыми рабочими, объединившимися в производительные товарищества; многие из них были противниками политической борьбы, утверждая, что рабочий вопрос может и должен быть разрешен только на экономической почве. Как сторонники мелкобуржуазного строя они были противниками

коммунистической собственности, в особенности в аграрной области. Они были также за то, чтобы в члены Интернационала принимались одни только рабочие.

Их главными противниками были сторонники теории К. Маркса — марксисты, или централисты, — к которым относились немецкие и отчасти английские рабочие. Стоя на точке зрения классовой борьбы, марксисты признавали, что экономический и политический вопросы тесно связаны друг с другом, и что сколько-нибудь заметное улучшение положения рабочего класса невозможно без завоевания политических прав. Марксисты признавали необходимым вести одновременно и экономическую, и политическую борьбу, а для последней организовать во всех странах самостоятельные политические рабочие партии. Марксистов называли также централистами, потому что они считали необходимым руководство Интернационалом из одного центра, с ограниченной самостоятельностью отдельных секций. Впрочем, англичане — в большинстве вожди английских тред-юнионов — стояли на более узкой точке зрения; они хотели видеть в Интернационале организацию, способствующую их борьбе за повышение зарплаты и улучшение других условий труда. Кроме прудонистов и марксистов были бланкисты, которые в этот момент главной целью своей деятельности ставили свержение власти Бонапарта во Франции и надеялись найти в этом поддержку в Интернационале.

Особо следует отметить бакунистов, или анархистов (главным образом итальянцев и испанцев), во главе которых стоял русский эмигрант М. А. Бакунин. В то время как Прудон проповедывал бойкот государства, предсказывая его исчезновение в более или менее отдаленном будущем, — Бакунин призывал к немедленному и полному его уничтожению. Государство, по его мнению, одинаково вредно для трудящихся — принимает ли оно форму деспотического самодержавия русского царя, конституционной монархии английского короля или диктатуры рабочих. Разрушение государства было главным пунктом его программы.

На развалинах государства трудящиеся воздвигнут новую, очень простую форму общежития — свободный союз свободных самоуправляющихся общин.

Для осуществления этой программы Бакунин вызывает не к квалифицированным рабочим, зараженным, по его мнению, буржуазным духом, а к анархо-бунтовческим инстинктам беднейшего крестьянства, деклассированной интеллигенции и

нищенского (босяцкого) пролетариата (люмпен-пролетариев). II, действительно, он находил себе более всего последователей в тех экономически отсталых странах (каковы Италия, Испания, отчасти Франция), где имелись значительные кадры указанных классовых элементов. Бакунин образовал отдельную организацию — «Международный союз социальной демократии», известный также под названием «Альянса». Завязав внутри Интернационала борьбу в защиту своих анархических взглядов, Бакунин и его сторонники немало содействовали преждевременному распадению Интернационала.

В 1865 г. должен был состояться первый конгресс Интернационала в Брюсселе; вместо него состоялась конференция в Лондоне; здесь были представители от Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Германии, Италии; в числе новых деятелей сюда впервые явились знаменитый во французском рабочем движении Варлен, бельгиец Цезарь де-Пал — врач, сделавшийся наборщиком, чтобы войти непосредственно в состав рабочего класса, усердный участник в дебатах, происходивших на конгрессах; далее, И. Ф. Беккер — революционер и виднейший деятель международного рабочего движения. На конференции также присутствовал Маркс. На конференции были заслушаны доклады местных секций, из которых выяснилось, что рабочее движение в большинстве стран, за исключением Англии, находится в зародышевом состоянии; во Франции выявилось господство мелкобуржуазных идей Прудона, а в Бельгии — неопределенного бунтарского настроения. Здесь впервые раздались голоса за необходимость борьбы с отсталыми течениями в рабочем движении. Немало внимания было уделено вопросу финансовому, организационному, об официальном печатном органе и пр.

I конгресс состоялся в Женеве в 1866 г. Сюда явились 46 делегатов от 22 секций и 14 делегатов от 11 примыкающих обществ. Маркс не мог явиться, потому что был в это время занят подготовкой к печати I тома своего «Капитала». Он прислал докладную записку, в которой содержались ответы на важнейшие вопросы, дебатировавшиеся на конгрессе. Среди порядка дня конгресса значились следующие вопросы: организационный, о женском и детском труде, о кооперации, о профессиональных союзах, об уничтожении постоянных армий и замене их народной милицией, о борьбе с русским самодержавием и пр.

На этом конгрессе произошли первые схватки между прудонистами и марксистами. Много времени было уделено во-

просу организационному (о членстве, о правах и обязанностях секций и Генсовета и их взаимных отношениях). Толкуя по-своему тезис устава, что «освобождение рабочего класса — дело самого рабочего класса», французские делегаты предлагали исключить из состава Интернационала представителей интеллигенции (боясь революционно-политических стремлений бланкистов и республиканцев); но этому воспротивилось большинство конгресса.

По вопросу о женском и детском труде разгорелись горячие споры между прудонистами и марксистами. Первые, как сторонники мелкобуржуазного строя и, в частности, мелкобуржуазной семьи, были против женского фабричного труда, утверждая, что место женщины — возле семейного очага. Марксисты выдвигали противоположную точку зрения, казавшуюся близоруким прудонистам реакционной, а по существу глубоко революционную: они высказывались за сохранение на фабриках труда женщин и подростков, конечно, при законодательной гарантии его гигиеничности и ограждений его от чрезмерной эксплуатации; они выяснили значение труда, и именно фабричного, для революционизирования сознания женщины и труда подростков для всестороннего их развития.

Дети должны быть разделены на три категории по возрастам и, развивая постепенно ум и тело, постепенно овладевать также всеми формами промышленной техники и всеми приемами всякого рода труда.

Не менее горячие столкновения происходили по вопросу о кооперативных и профессиональных союзах. Прудонисты защищали меновую и кредитную кооперацию в духе своего учителя, между тем Маркс (в докладной записке) и его сторонники указывали, что это средство не единственное и не главное и что рядом с кооперативным движением необходимо развитие профессионального и политического движения.

В вопросе о профессиональном движении, которому записка Маркса приписывала большое значение, отмечалось как значение его для борьбы за повседневные интересы, так и значение его как мощной организации рабочего класса для уничтожения системы наемного труда и господства капитала. Здесь Маркс имел в виду английское профессиональное движение, английский тред-юнионизм и предостерегал его от забвения главных целей рабочего движения из-за мимолетных временных интересов.

Заключавшийся в уставе тезис, что политика должна быть подчинена экономике как средство, был потом истолкован

прудонистами и их единомышленниками в том смысле, что политике вообще придается второстепенное значение, результатом чего явились недоразумения и столкновения.

II конгресс состоялся в Лозанне в 1867 г. На этом конгрессе присутствовало свыше 70 делегатов от главных стран Европы.

Только что закончившаяся австро-прусская война дала Генсовету повод к рассмотрению вопроса о войне и об отношении к ней пролетариата. Генсовет признал, что минувшая война была распрей двух тиранов и что пролетариат в подобных случаях не должен становиться ни на ту, ни на другую сторону, а должен стремиться к свержению всех тиранов для полного своего освобождения. Конгресс в свою очередь признал, что мир может быть упрочен «новым порядком вещей, свободным от деления общества на два класса, из которых один эксплуатируется другим», — но в то же время постановил присоединиться к буржуазному конгрессу «Лиги мира», который должен был собраться в Женеве, вступая, таким образом, в единение с буржуазными пацифистами, которых Маркс очень метко называл «вралями из Лиги мира». Принятие этой резолюции было результатом преобладания на конгрессе влияния прудонистов, которым удалось провести еще несколько второстепенных резолюций в своем духе.

Но зато Лозаннский конгресс был значительным шагом вперед в следующем отношении: во-первых, при обсуждении вопроса о политической свободе была принята резолюция, в которой указывалось, что социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения; во-вторых, в резолюции о назначении государства было выражено требование о переходе в его руки всех средств транспорта и сообщения в целях устранения монополий крупных компаний. В связи с этим было выдвинуто предложение о признании коллективной собственности на землю. По этому вопросу посыпались возражения со стороны прудонистов. В виду разгоревшихся прений было постановлено отложить обсуждение этого вопроса до следующего конгресса.

Еще после 1-го и в особенности 2-го конгресса начинается расцвет Интернационала; во всех цивилизованных странах возникают его отделения, растет число его членов среди рабочих всего мира, которые с громадным интересом следят за его ежегодными конгрессами и принимаемыми на них резолюциями.

Но не только своими резолюциями старается влиять Интернационал на рабочее движение всех стран; он старается принимать участие во всех его проявлениях в различных углах Европы.

В 1866 — 1868 гг. во многих странах, вследствие промышленного застоя, происходили стачки, которым Интернационал помогал, посылая опытных организаторов, а также оказывая денежную поддержку. В числе первых стачек, в которые вмешался Интернационал, была стачка парижских бронзовщиков, настаивавших на признании хозяевами их союза. Благодаря вмешательству Генерального совета, английские тред-юнионы оказали бронзовщикам материальную поддержку. Хозяева принуждены были пойти на уступки. Стачки, происходившие в 1868 г. в Бельгии и сопровождавшиеся расстрелами и избиениями стачечников (расстрел углекопов в Шарлеруа, кровавое подавление голодного бунта в Маршье), дали возможность приверженцам Интернационала, благодаря поддержке, оказанной стачечникам (воззвание Интернационала о помощи жертвам буржуазной расправы; организация судебной защиты углекопам, привлеченным к ответственности в качестве бунтовщиков), доказать бельгийским рабочим пользу международного объединения пролетариата и привели к переходу на сторону Интернационала многих бельгийских организаций. Точно так же поддержка и денежная помощь, оказанные Интернационалом Женевской стачке строительных рабочих в 1868 г., а также удачный результат этой стачки сильно подняли в Швейцарии симпатии рабочих к Интернационалу и увеличили там число его членов. Интересно отметить еще обстоятельства следующих двух стачек. Когда в Лондоне (в 1867 г.) началась забастовка рабочих-портных, континентальные рабочие не допустили ввоза штрейкбрехеров и оказали стачечникам денежную помощь. В 1867 г. в Лондоне же произошло столкновение между рабочими корзиночных мастерских и их хозяевами вследствие понижения заработной платы и предъявленного к рабочим требования о выходе из союза. Были привезены штрейкбрехеры из Бельгии. Завязав с ними сношения, Генеральный совет убедил их вернуться на родину, в чем им была оказана денежная помощь со стороны союза корзиночников с возмещением их убытков. В 1868 г. к Интернационалу присоединились южно-немецкие рабочие союзы во главе с Либкнехтом, а также некоторые рабочие организации, образовавшиеся в

Австрии, и Нейенбургский съезд немецких образовательных фрейнов в Швейцарии.

III конгресс состоялся в Брюсселе в 1868 г.; на нем присутствовало 99 делегатов. Среди рассматривавшихся вопросов, наиболее важными были: о коллективной собственности, о стачках.

По вопросу о коллективной собственности, перенесенному на разрешение настоящего конгресса с лозаннского, опять произошли стычки с прудонистами. Вопрос этот был передан на рассмотрение особой комиссии; последняя предложила резолюцию, согласно которой коллективная собственность устанавливается на все средства сообщения, на земельные недра и на все земли, занятые под сельскохозяйственную культуру и леса. Прудонисты как идеологи мелкого крестьянства согласны были допустить коллективную собственность на орудия крупнопромышленного производства, но решительно восставали против обобществления земель; однако резолюция была принята значительным большинством голосов. Впрочем эту резолюцию в части, касавшейся вопроса об обобществлении земли, решено было снова обсудить на следующем конгрессе в виду ее крайней важности и вызванных ею горячих споров.

По вопросу о стачках прудонисты заняли отрицательное положение — впрочем, не все и не столь категорично, как на I конгрессе. Конгресс же в своей резолюции признал стачки неизбежным средством пролетарской борьбы при существующем капиталистическом строе и вместе с тем рекомендовал образование профсоюзов, и их национальное и международное объединение.

По вопросу о войне в резолюции конгресса говорится, что только социальные преобразования положат конец войнам, пока же пролетариат должен бороться с войной средствами, находящимися в его распоряжении, включая и всеобщую стачку.

В связи с этой резолюцией конгресс отказался от посылки делегатов на бернский конгресс Лиги мира и предложил ей прекратить самостоятельное существование и присоединиться к Интернационалу; на это Лига ответила отказом. Но левая часть ее с Бакуниным во главе от нее откололась, после чего Бакунин образовал свою особую организацию («Международный союз социальной демократии»).

По вопросу об организации кредита с целым рядом лекций выступили прудонисты, рекомендуя, согласно плану своего

учителя, немедленно приступить к основанию обменного банка с указанными выше функциями. Немцы и англичане доказывали утопичность и несбыточность этого плана, но прудонисты нашли поддержку среди бельгийских делегатов. В конце концов резолюция признала план менового банка слишком сложным и отложила решение вопроса до следующего конгресса.

После Брюссельского конгресса рост Интернационала продолжается. В Англии, под влиянием подавления стачки углекопов военной силой, Бирмингемский съезд тред-юнионов в своей резолюции рекомендовал всем тред-юнионам вступить в Интернационал. В том же (1869) году образуется секция Интернационала в Голландии, где Интернационал оказал поддержку стачке корабельных плотников. Образовавшаяся в 1869 г. на съезде в Эйзенахе германская социал-демократическая рабочая партия вынесла решение, в котором рекомендовала германских социал-демократам вступать членами в Интернационал.

IV конгресс состоялся в Базеле в 1869 г. На нем присутствовали 75 делегатов. На этом конгрессе марксисты нанесли последний тяжелый удар прудонистам, проведши еще раз (принятую уже на брюссельском конгрессе) резолюцию о коллективной собственности на землю; но покончив с прудонистами, конгресс должен был начать борьбу с новым врагом — анархистами, которые сильной группой появились здесь впервые в лице Бакунина и его сторонников и центр которых был в швейцарской Юре — в юрской федерации. Дебаты и голосование показали, что в лице бакунистов марксизм имеет в недрах Интернационала серьезного врага.

Первые стычки с бакунистами произошли, главным образом, по вопросу политическому и по вопросу о наследовании. Отмене права наследования бакунисты придавали большое значение, как серьезному шагу к водворению коллективизма. Бакунисты сумели организовать вокруг своей резолюции большинство конгресса. Напрасно марксисты доказывали, что отмена права наследования возможна лишь вместе с коренной ломкой капиталистического строя. Бакунин, стоявший за резолюцию, выдвигавшую требование немедленной отмены права наследования, в этом вопросе одержал верх.

Базельская резолюция о коллективной собственности была встречена с энтузиазмом передовыми слоями рабочих всех стран. В Англии при содействии Генерального совета была образована «Лига земли и труда», в программу которой вхо-

дили: национализация земли, установление прогрессивного подоходного налога и пр. В Женеве образовалась русская секция Интернационала, избравшая К. Маркса представителем в Генеральный совет.

V конгресс должен был состояться в 1870 г. в Париже. Но этому помешала франко-прусская война, затем революция во Франции и восстание Коммуны. Причины и ход франко-прусской войны изображены выше (см. стр. 257-8). Берлинская и парижская организации Интернационала выпустили каждая воззвания к рабочим, в которых разъяснялось, что у рабочих нет и не может быть причин для национальной вражды, и, протестуя против братоубийственной войны, призывали рабочих к солидарности. Вожди эйзенахцев, Бебель и Либкнехт, которые в это время были депутатами северо-германского рейхстага, воздержались от голосования военных кредитов. Генеральный совет Интернационала 23 июля выпустил манифест, написанный Марксом. В манифесте указывалось, что эта война имеет для Германии оборонительный характер (провокационный образ действия главы германского правительства Бисмарка был установлен только впоследствии), но если немцы позволят превратить ее в завоевательную, то последствия ее будут гибельны для самой Германии, так как это будет на-руку реакции, толкающей Германию в объятия русского царя.

После разгрома Франции при Седане, падения Наполеона и превращения Франции в республику, брауншвейгский комитет бывших лассальянцев выпустил воззвание, в котором, восторженно приветствуя французскую республику, требовал немедленного заключения мира без аннексий и призывал рабочих устраивать демонстрации против намерения отнять у Франции Эльзас-Лотарингию. За эти выступления брауншвейгцы были арестованы и привлечены к суду. 9 сентября Генеральный совет выпустил второй манифест (опять написанный Марксом). Призывая германцев противодействовать ограблению Франции (отнятию у нее Эльзас-Лотарингии), манифест указывал, что это ограбление может в ближайшем будущем привести к новой войне, к более убийственным столкновениям, уже не в местном, а в международном масштабе, результатом которых будет увеличение торжества «господ над мечом, земли и капитала над рабочими».

Война, как уже упоминалось, кончилась революцией в Париже, за которой последовало восстание Коммуны и ее поражение (см. стр. 257-276). Поражение Коммуны крайне

тяжело отразилось на жизни Интернационала, вырвав почти целиком из его рядов французские секции и последовавшей за ней реакцией придавив жизнь прочих частей Интернационала. При таких обстоятельствах тем чувствительнее должен был отразиться на существовании Интернационала раскол, назревавший внутри его. Вместо конгресса состоялась конференция в Лондоне (в середине сентября 1871 г.), которая по организационным вопросам (касавшихся швейцарских секций) высказалась в пользу образа действия Генсовета против происков бакунистского Альянса. По вопросу политическому конференция, учитывая поражение Коммуны, категорически высказалась за образование самостоятельных политических рабочих партий, что необходимо как для повседневной борьбы рабочих за политическую свободу против надвигающейся реакции, так и для торжества социальной революции и ее конечной цели — уничтожения классов.

Бакунисты, крайне недовольные постановлением конференции по политическому вопросу, еще более были обижены тем, что она в споре между романской и юрской федерациями (Швейцарии) стала на сторону первой, признав ее более верной директивам Генсовета и действительным интересам рабочего движения. По указанным причинам бакунисты созвали самостоятельный съезд и выпустили циркулярное воззвание ко всем федерациям Интернационала. В этом воззвании постановления Лондонской конференции объявлялись недействительными; романская федерация была признана распущенной, а юрская — центральной. В воззвании критиковались все действия марксистов, которые приписывались единоличному влиянию Маркса, деспотичность Генсовета и пр.; организацию Интернационала предлагалось перестроить на основах автономности секций с тем, чтобы Генсовету оставить функции информационно-статистического бюро.

Воззвание бакунистов возымело свое влияние: началось брожение среди секций и групп. В Испании образовались две федерации — марксистская и бакунистская. Несмотря на усилия Поля Лафарга (зятя Маркса), стоявшего во главе марксистской федерации и потратившего много энергии на работу среди испанских рабочих, успех бакунистских федераций среди последних был гораздо значительнее. Состоявшийся в августе 1872 г. в Римини съезд итальянских секций нашел, что Генсовет совершил целый ряд «подлогов» и постановил порвать с ним всякую связь. Бельгийская федерация также

высказалась против Генсовета, предложив упразднить его как ненужный и вредный аппарат. Центробежное влияние отразилось даже на Англии; один из основателей Интернационала, типичный тред-юнионист Оджер, вместе с многими вождями тред-юнионов ушел из Интернационала, ссылаясь на «ужасные» деяния Коммуны.

V конгресс собрался в Гааге (в Голландии) в 1872 г.; на нем присутствовали 65 делегатов. Количество стран, приславших своих представителей, было больше, чем на всех предыдущих конгрессах. Так, кроме обычных стран, прислали своих представителей Америка, Австралия, Венгрия, Богемия, Дания. На этом конгрессе впервые лично присутствовал К. Маркс, кроме того Энгельс, Лафарг, Дицген, Бекер, Ланге, деятели Коммуны Франкель, Вальян и др. На конгрессе тотчас обнаружилось резкое деление на марксистов и бакунистов, но первых все же было больше, хотя определенно выяснилось, что создавшееся соотношение сил неблагоприятно для дальнейшего существования Интернационала. Споры вращались, главным образом, вокруг двух вопросов: политического и организационного. По политическому вопросу было принято марксистское решение, гласившее, что пролетариат может действовать как класс, только организовав свою собственную политическую партию, противостоящую всем прочим партиям господствующего класса, и что завоевание политической власти становится великой задачей пролетариата. Марксисты также стояли за централизованную организацию Интернационала. Бакунисты были противниками всякой политической борьбы и сторонниками автономии секций и групп. Конгресс значительным большинством высказался в пользу марксистских резолюций; вместе с тем он усилил власть Генерального совета, предоставив ему право до ближайшего конгресса приостанавливать деятельность секций и федераций, идущую вразрез с резолюциями конгресса; но в то же время решено было перенести местопребывание Генерального совета из Лондона в Нью-Йорк, чтобы он не попал в руки эмигрантов Коммуны, склонных к заговорщическим методам борьбы; эта мотивировка заставила удалиться с конгресса бланкистов. На этом же конгрессе Бакунин был исключен из Интернационала, так как было установлено, что основанный им Альянс продолжал тайно существовать, несмотря на данное им обещание его распустить. Кроме того, было установлено одно обстоятельство личного характера, коим Бакунин компрометировал Интернационал. Бакунин основал от-

дельный анархистский Интернационал ¹⁾). Вместе с перенесением Генерального совета в Нью-Йорк, Интернационал фактически перестал существовать (если не считать вновь возникшую организацию под руководством Бакунина). Генеральный совет, возглавлявший несколько лет несуществующую организацию, созвал в 1876 г. конференцию, на которой было постановлено признать Международное товарищество рабочих распущенным на неопределенное время в зависимости от дальнейшего хода политических событий в Европе.

Внутренние дразги ускорили гибель Интернационала, но не были причиной ее. Интернационал перестал существовать потому, что само социально-экономическое развитие Европы и, в частности, развитие рабочего движения, требовало перехода к более совершенной форме международного объединения рабочих. Рабочие движения различных стран переросли ту форму международного их объединения, каким являлось Международное товарищество рабочих. Почти все страны Европы созрели для организации самостоятельных рабочих партий, международным объединением которых должен был явиться новый Интернационал. Кроме того, I Интернационал сильно пострадал от косвенного, но очень тяжелого удара — разгрома Коммуны.

Значение Интернационала для всемирного рабочего движения той эпохи было благотворно во многих отношениях. Что эта организация отвечала самым действительным потребностям рабочего класса, — лучшим доказательством служит ее быстрый рост. Секции его возникали во всех цивилизованных странах, и число членов его возрастало непрерывно. Влияние его на рабочий класс было огромно, если принять во внимание состояние рабочего движения в ту эпоху. Всюду он своими конгрессами, резолюциями и выступлениями будил мысль рабочих, вызывал восторги, окрылял надежды. Он поддерживал все проявления рабочего движения в теоретическом и практическом отношениях; возникавшие в этот период стачки, получали со стороны Интернационала не только моральную, но и материальную поддержку. Он вмешивался во все более или менее крупные столкновения между трудом и капиталом. Франко-прусская война встретила осуждение и протесты как со стороны Генерального совета, так и французских и германских секций. Восстание

¹⁾ Этот антиавторитарный («антицентралистский») Интернационал созвал четыре конгресса в 1873--1877 гг., после которых было два областных съезда — в 1879 и 1880 гг.

Коммуны нашло горячий отклик в Интернационале, который отзывался на все крупные события, с ним связанные, стремясь выяснить их смысл и значение. Лучшим доказательством благотворного влияния Интернационала на рабочее движение служат страхи, которые он возбуждал во всемирной буржуазии, которая в своих влиятельных органах печати и в отдельных брошюрах призывала правительства к энергичным действиям, предрекая в противном случае гибель современного общества.

Интернационал не только содействовал развитию самосознания рабочих всего мира и уничтожению буржуазных и мелкобуржуазных элементов в их миросозерцании, — он сильно содействовал переходу рабочих от экономических к политическим формам борьбы; он, наконец, — что не менее важно — содействовал установлению международных связей в рабочем движении, таким образом, дал мощный и животворный толчок дальнейшему развитию интернационализма.

Если мы теперь обратимся к влиянию Интернационала на рабочее движение каждой из рассматриваемых нами стран, то мы увидим следующее.

Английское рабочее движение не только выделило из своих рядов основателей и активных членов Интернационала, как Оджер, Гоуэль, Осборн, Апплгарс, Бенжамен, Лекрафт и др., но также в лице своих представителей всегда поддерживало марксистское крыло Интернационала, голосуя на конгрессах вместе с марксистами по главным вопросам: о собственности, политической борьбе и роли профессиональных союзов. Но это не мешало тем же представителям английского рабочего движения и деятелям Интернационала оставаться приверженцами экономических воззрений индивидуалистического английского радикализма, что всецело вытекало из того практицизма и деловитости, которыми был проникнут английский тред-юнионизм. Ведь и при самом основании Интернационала англичане мотивировали необходимость такой организации тем, что при ее посредстве возможно будет легче препятствовать ввозу иностранных рабочих, привлекаемых фабрикантами и правительством для борьбы со стачками. Политическая борьба, признававшаяся английскими интернационалистами, все же мыслилась ими как борьба за повседневные нужды, за полную легализацию союзов и лучшие фабричные законы, причем образование самостоятельной рабочей партии откладывалось на будущее, а пока что политическая деятельность выражалась в поддержке то одной,

то другой из главных буржуазных политических партий. Точно так же, голосуя за марксистскую революцию о профессиональных союзах, англичане видели центр тяжести рабочего движения не в конечных целях, отмечаемых резолюцией, а в ближайшей повседневной борьбе за экономические нужды, столь острой в ту эпоху в Англии. Но насколько, однако, англичане были далеки от понимания истинных целей Интернационала и сочувствия им, — видно хотя бы из поступка Оджера и его сторонников, покинувших ряды Интернационала. Что же касается количества тред-юнионов, присоединившихся к Интернационалу, то их было около тридцати, преимущественно мелких.

Отношения между французским рабочим движением и Интернационалом были более тесными и активными, несмотря на тот мелкобуржуазный дух, который вносили в Интернационал делегаты-прудониисты и с которым боролось большинство на конгрессах. Не говоря о том, что представители французского пролетариата (Толен, Перрашон, затем Денуаль, Боске и др.) вместе с англичанами были главными основателями Интернационала, связь между последним и французским рабочим движением выразилась в поддержке стачек, а в особенности в поддержке Коммуны, которая не только имела в своих рядах членов Интернационала, но находила в Генеральном совете отклик на все проявления своей деятельности. Интернационал много сделал на своих конгрессах для борьбы с мелкобуржуазными и анархическими тенденциями французского рабочего движения, которых ему тем не менее не удалось из него вытравить вследствие объективных экономических особенностей французского рабочего движения той эпохи и которые в основных чертах перешли в анархо-синдикализм начала XX в.

Наиболее последовательными сторонниками наиболее здорового течения Интернационала были немцы, выдвинувшие из своих рядов такого представителя, каким был Карл Маркс, имевший сподвижником Фр. Энгельса, затем В. Либкнехта и др. Насколько велико было значение теоретической и организационной деятельности Карла Маркса в недрах Интернационала, — всемирный пролетариат мог оценить только впоследствии, рассматривая ее при свете экономических и политических событий недавнего, а тем более настоящего времени. Эйзенахское крыло немецкого рабочего движения, как известно, требовало от каждого своего члена, чтобы он вместе с тем был членом Интернационала, и хотя это не удавалось

осуществить на практике, но сама тенденция указывает на последовательность германской социал-демократии. Но гораздо важнее то, что только немецкая социал-демократия, в полном согласии с резолюциями Интернационала, первая основала самостоятельную и мощную политическую рабочую партию и постепенно вносила в профессиональное движение те цели, которые были намечены резолюцией Женевского конгресса.

**Зарождение
профессиональ-
ных союзов**

Предшественниками профессиональных союзов в Германии были братства (или союзы) подмастерьев, возникновение которых относится к седой старине. Это были, прежде всего, союзы взаимопомощи, к которой присоединялось выполнение различных общественно-религиозных обрядов и церемоний. Кроме того, братства давали пособия странствующим подмастерьям и устраивали товарищеские развлечения и увеселения (пирушки); даже дела братства рассматривались на ежегодных пирушках. Хотя братства не ставили себе прямой целью борьбу за улучшение условий труда, но все же и в этом отношении их роль была немаловажна. Иногда братство постановляло «заклеймить» мастера за дурное обращение с подмастерьем и за невыполнение обычных условий труда. Это был своего рода бойкот, благодаря которому мастеру нелегко было найти подмастерье раньше, чем он не «очистится», т. е. не удовлетворит обиженную сторону. Нередко возникали конфликты между организациями мастеров и подмастерьев данного ремесла, и тогда подмастерья бросали работу, причем такая забастовка распространялась и на соседние территории, примыкавшие к бастовавшим из солидарности. Как и во Франции, в Англии мы встречаем в этот период жалобы хозяев властям на непокорность и дерзость подмастерьев и вмешательство властей в виде арестов «зачинщиков», осуждения их в тюрьму или на изгнание из города. Описанные союзы не могут быть названы профессиональными в современном смысле этого слова, ибо подмастерья не были пролетариями, так как по истечении известного времени они сами становились хозяевами и, таким образом, выбывали из своего союза; мастера и подмастерья были, следовательно, членами одного класса, интересы которых расходились только временно. Но во всяком случае братства имели немаловажное значение для развития самой идеи профессионального единения, и во многих отраслях производства, где переход от ремесла к фабрике совершался постепенно,

они создавали уже готовую почву для единения, которая чрезвычайно облегчала пропаганду и организацию профессиональных союзов.

Почти вся первая половина XIX в. до мартовской революции 1848 г. является наиболее мрачной в положении рабочего класса Германии. С одной стороны, после государственных реформ, явившихся результатом поражений, понесенных в борьбе с Наполеоном, цеховой строй в значительной степени был уничтожен; с другой стороны, возникли фабричные и полуфабричные отрасли производства, в которых не было и признака прежней цеховой защиты труда, и рабочие были предоставлены полному произволу хозяев; всякие же вспышки рабочих влекли за собой жестокие репрессии, как это было со стачкой золингенских точильщиков в 1826 г., или с описанным нами восстанием силезских ткачей в 1844 г.

«Немецкое братство рабочих», возникшее в революцию 1848 г., носило только отчасти профессиональный характер. Это было преходящее явление, исчезнувшее вместе с быстро наступившей реакцией. Хотя вожди «братства» в значительной степени находились под влиянием идей «Коммунистического манифеста», но в нем преобладали мелкобуржуазные тенденции, что вполне понятно, ибо в экономической жизни Германии ремесло было преобладающей формой производства. С наступлением реакции, после неудачной революции 1848 г., особенно отрицательное влияние на дальнейшее развитие профессионального движения имело запрещение союзов. Только во вторую половину 60-х годов это запрещение в различных германских государствах постепенно смягчилось фактической терпимостью или даже было отменено. Так, в Саксонии разрешение объединяться было получено рабочими в 1861 г.; некоторые другие мелкие государства последовали этому примеру. Окончательная отмена запретов была внесена в промышленный устав 1869 г., который в 1871 г. был распространен на всю Германию¹⁾.

¹⁾ Но это разрешение, как в Англии и во Франции в ту эпоху, сопровождалось множеством ограничений и оговорок. Оно распространялось на промышленных рабочих и не относилось к сельскохозяйственным рабочим и прислуге, вследствие чего сельскохозяйственные рабочие еще надолго были отданы на полный произвол землевладельцев, от которых находились в полукрепостной зависимости. Оно также не распространялось на государственных служащих. Этот закон, как и в Англии, строго запрещал «заstraщивание» штрейкбрехеров, которое наказывалось тюрьмой, причем суд

С этого момента, т. е. с середины 60-х годов, начинается развитие современного профессионального движения, чему немало содействовали существовавшие среди более развитых рабочих и подмастерьев кружки самообразования. Инициатива в области профессионального объединения германских рабочих принадлежит лейпцигским табачникам и печатникам, хотя толчок к этому был дан несколько ранее так называемым штутгартским комитетом. Во главе движения лейпцигских ситарщиков стал ситарщик Фрицше, вождем местных лассальянцев. Благодаря его агитации в конце 1865 г. был созван конгресс в Лейпциге, который привел к основанию «Всеобщего германского союза рабочих-ситарщиков». Год спустя в Лейпциге образовалась центральная организация печатников, возникшая благодаря стараниям деятелей существовавшего здесь с 1862 г. образовательного фрейна (кружка) и после трехмесячной стачки (в 1865 г.) — печатников-подручных. Конгресс, на котором присутствовали 34 делегата с мандатами от 80 мест, состоялся 20 мая 1866 г.; результатом этого конгресса было создание союза печатников. В 1867 г. была создана в Кельне центральная организация портных, а в 1868 г. началось движение в пользу создания центральной организации среди пекарей и рабочих по обработке золота. Вообще годы 1867—70 были наиболее замечательные из раннего периода профессионального движения в Германии.

Описанное движение получило гораздо более широкий размах и более правильное направление благодаря вмешательству социалистических деятелей.

В 1868 г. Август Бебель, стоявший во главе образовательных фрейнов в Лейпциге, обратил внимание на организацию профессиональных союзов; его соратник Вильгельм Либкнехт познакомился с профессиональным движением в Англии и, хотя не переоценивал роли тред-юнионов, однако не мог не признать их крупного значения для повседневной борьбы рабочих за улучшение условий труда и для организации и сплочения рабочих. На конгрессе в Нюрнберге (5—8 сентября 1868 г.), после принятия с.-д. программы, предложенной Бебелем, встал вопрос об основании касс страхо-

в этом случае был очень нестрог в требованиях доказательств; в частности, союзы, стремившиеся к политическим целям, были подвергнуты многим ограничениям и поставлены под надзор администрации; в каждом из союзных германских государств существовали еще местные ограничения, которые, при желании администрации их использовать, делали несносным существование профессиональных союзов.

вания на случай старости под надзором государства. Под влиянием агитации Либкнехта, Вальтейха и швейцарца Грейлиха была принята резолюция против передачи страхования в руки современного реакционного государства и за передачу этого дела, как и вообще всего дела взаимопомощи, профессиональным союзам, которые надлежало организовать. Это обстоятельство дало таким образом толчок образованию профсоюзов.

Одновременно с этим агитация за образование профессиональных союзов началась со стороны вождя лассальянцев Швейцера. Хотя Швейцер, подобно Лассалю, придавал небольшое значение экономической стороне рабочего движения (исходя из железного закона заработной платы) и переносил почти целиком центр тяжести его на политическую сторону, но, не желая уступить первенства бебельяцам, он, со свойственной ему энергией, выступил агитатором в пользу профессиональных объединений и в этом смысле сделал доклад на общем собрании членов Всеобщего германского союза в городе Гамбурге (в августе 1868 г.). Будучи сторонником централизации, он, по аналогии с политическим всеобщим союзом, предлагал образовать всеобщее немецкое профессиональное объединение, для чего созвать соответствующий конгресс. Так как представители существующих профессиональных союзов и разделявшие их взгляды другие делегаты высказались против всеобщего союза и за отдельные союзы по цехам и профессиям, то Швейцер заявил, что он и Фрицше, как депутаты рейхстага, по собственной инициативе, а не по поручению партии, берут на себя созыв намеченного конгресса. Агитация Швейцера и Фрицше имела большой успех. На конгресс, состоявшийся в конце сентября того же года, прибыло до 205 делегатов от 105 мест, представлявшие до 142 тыс. рабочих, принадлежавших к 56 отраслям производства. По предложению Швейцера, который представил тщательно разработанный план организации и проект устава, съезд принял резолюцию об образовании 12 рабочих союзов, объединяемых «Всеобщим немецким союзом рабочих», с президентом и советом во главе. Вскоре действительно образовалось 11 таких союзов, а именно: горнорабочих, металлистов, фабричных и ручных рабочих, мануфактуристов, ткачей, сапожников, переплетчиков, кожевников, деревообделочников, каменщиков, пекарей.

Под влиянием лассальянцев, ведущих ожесточенную борьбу с прогрессистами, за дело организации профсоюзов взя-

лись и последние, опасаясь, что лассальянцы посредством профессиональных союзов перетянут на свою сторону ту часть рабочих, которые еще примыкали к прогрессивному лагерю. Один из лидеров прогрессистов Макс Гирш был деятелем образовательных рабочих фёрейнов. С целью изучить профессиональное движение он отправился в Англию, откуда вернулся рьяным поклонником английских тред-юнионов, лишенных в ту эпоху и тени революционности и целиком примыкавших к либерализму. При содействии берлинского издателя Франца Дункера он принялся за организацию профессиональных союзов. Свою деятельность Гирш и Дункер начали в Берлине среди машиностроительных рабочих, составлявших ядро прогрессистской партии. Состоявшееся в сентябре 1868 г. собрание машиностроителей одобрило предложение М. Гирша об образовании союза по английскому образцу для защиты и поощрения всех справедливых (?) интересов рабочих на основе самопомощи. Здесь же решено было выступить на Берлинском конгрессе, созываемом Швейцером, чтобы помешать рабочим перейти на сторону социалистов. Выступление это привело к столкновению, окончившемуся насильственным удалением со съезда двенадцати гиршевых сторонников.

Таким образом, почти в одном и том же году из трех источников стало развиваться профессиональное движение в Германии. Но раньше, чем говорить о дальнейшем развитии профессионального движения в Германии, укажем, каковы были взгляды К. Маркса на профессиональное движение.

Еще в «Нищете философии», появившейся в 1847 г., Маркс, хотя и вкратце, касается профессиональных союзов и отмечает их значение для борьбы пролетариата; он считает профессиональное движение естественным результатом промышленного развития и полагает, что по степени развития этого движения можно судить о степени промышленного развития той или иной страны. В своем сочинении «Заработная плата, цена и прибыль» Маркс рассматривает вопрос о профессиональном движении в связи с вопросом о заработной плате. Хотя современный капитализм имеет тенденцию понижать средний уровень заработной платы, но отсюда, — как подчеркивает Маркс, — не вытекает еще, что рабочий класс должен равнодушно относиться к этому явлению и не пытаться с ним бороться. Если бы он так поступал, он

**Взгляд К. Маркса
на профес-
сиональ-
ное движе-
ние**

превратился бы в безвольную массу безнадежных нищих. «Профессиональные союзы,—говорит Маркс в указанном сочинении,—это центры сопротивления против нападения капитала. Они оказываются несостоятельными в отдельных случаях, вследствие неразумного приложения своих сил (здесь и далее имеется в виду тактика английских тред-юнионов). Они бьют мимо цели, когда ограничиваются мелочной борьбой против последствий современной системы, вместо того чтобы стремиться к ее преобразованию и использовать свою организованную силу как рычаг для окончательного освобождения рабочего класса, т. е. окончательного уничтожения системы заработной платы».

Свою точку зрения на профессиональное движение Маркс неоднократно высказывал через своих сторонников на конгрессах Интернационала, где им приходилось бороться с враждебной точкой зрения прудонизма, защищаемого французскими делегатами. В докладной записке, представленной на женевский конгресс и принадлежащей перу Маркса, он (1866 г.) защищает профессиональные союзы с точки зрения содействия, оказываемого ими устранению конкуренции между самими рабочими. Борьба за повышение заработной платы и укорочение рабочего дня вполне правильна и необходима,—говорится в записке,—и не должна прекращаться, пока существует современная система производственных отношений. Но вместе с тем профессиональные союзы, как «организованные центры рабочего движения, должны сознательно стремиться к полному освобождению. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, которое направлено к этой цели. Если они будут сознать себя авангардом и представителями всего рабочего класса и соответственно этому действовать, то им, несомненно, удастся вовлечь в свои ряды тех рабочих, которые еще ныне находятся вне их. Они должны энергично стать на защиту интересов хуже оплачиваемых слоев рабочих,—например, сельских поденщиков, которые, благодаря исключительным условиям своего положения, оказались беспомощными. Они должны доказать всему миру, что их деятельность не ограничена узкими рамками, и ставит себе целью освобождение угнетенных миллионов».

Из изложенного видно, что Маркс придавал большое значение профессиональному движению, считал его необходимой составной частью рабочего движения; подчеркивая, что профессиональные союзы должны заниматься не только

повседневными вопросами, но иметь в виду конечные идеалы рабочего движения, Маркс этим самым указывал, что экономическая сторона рабочего движения должна быть подчинена политической.

Образование трех течений в профессиональном движении раздробляло и ослабляло его вследствие образования параллельных профессиональных объединений одной и той же профессии, примыкавших: одни — к лассальянцам, другие — к эйзенахцам, третьи — к гириш-дункеровцам. Много энергии тратилось на взаимные распри; в особенности сильны были трения между двумя социалистическими течениями до их объединения в 1875 г.

У лассальянцев, благодаря властолюбивым стремлениям Швейцера и проводимому им крайнему централизму, профессиональное движение не только не налаживалось, но, наоборот, в скорости обнаружило признаки распада. Если на Берлинском учредительном конгрессе были представлены 142 тыс. рабочих, то в следующем году на первый съезд в Касселе явились 100 делегатов от 11 союзов, представлявшие 35.232 членов от 220 мест; всех же членов в союзе числилось более 50.000 (сигарщиков—10.000, плотников—5.585, каменщиков—3.955, фабричных и поденщиков—3.666, металлистов—3.281, деревообделочников—2.137, сапожников—1.808, мануфактурных рабочих—1.742, горнорабочих—1.558, портных—671). На этом конгрессе вступление в члены лассальянских профессиональных союзов обуславливалось принадлежностью к лассальянской политической рабочей партии, причем подчеркивалось, что профессиональные союзы должны занять подчиненное положение по отношению к партии.

35.232 члена профессиональных союзов, представленных на Кассельском съезде, все же являлись солидной цифрой, хотя после учредительного Берлинского съезда можно было ожидать большего. Но вскоре под влиянием диктаторских стремлений Швейцера, объединявшего в своем лице должность президента «Всеобщего германского союза» и президента профессионального объединения, из союза вышел ряд видных деятелей, как, например, вице-президент Фрицше, председатель организации портных Шоб, председатель организации сапожников Шуман и председатель объединения столяров Йорк. Швейцер начал травлю против своих прежних друзей и против непокорных союзов. Начались волне-

ния, расколы, насилие. В результате на Берлинском съезде (5 января 1870 г.) было представлено всего 20.674 члена. Постановления этого съезда послужили причиной дальнейшего разложения лассальянских профессиональных организаций. Дело в том, что Швейцер провел здесь постановление о слиянии всех отдельных профессиональных союзов воедино для образования из них сплоченной классовой организации. Таким образом, рядом с «Всеобщим германским рабочим союзом» возник «Всеобщий германский союз помощи рабочим», причем во главе обоих союзов стал Швейцер. Но это было скорее объединение на бумаге, чем в действительности, так как союзы один за другим стали высказываться за отдельное существование рядом с «Всеобщим союзом». В то же время существование «Всеобщего союза», хотя и на бумаге, отпугивало многие союзы от присоединения к лассальянцам и послужило причиной отложения некоторых других. Франко-прусская война 1870 г. нанесла удар профессиональному движению, ибо много членов было мобилизовано, и, по обыкновению, все внимание народа было приковано к войне. Последовавшие вскоре мир и расцвет промышленности (благодаря пятимиллиардной контрибуции, полученной с Франции) все же не могли оживить лассальянского профессионального движения. На съезде в 1871 г. было установлено, что объединение насчитывает всего 4.257 членов, а в 1872 г. число членов поднялось до 8.337, в 1873 г. было около 6 тыс., в 1874 г. — 7.450.

Причиной неуспеха лассальянского профессионального движения также служили еще следующие обстоятельства. Швейцер был того мнения, что профессиональные союзы должны быть органами партии, что отпугивало от профсоюзов аполитично настроенных рабочих. Менде, президент дрезденского Всеобщего германского союза, отколовшегося от основного лассальянского объединения, видел в профессиональных союзах исторически-реакционные организации. Другой вождь лассальянского рабочего движения, Тельке, был сторонником полного уничтожения профессиональных союзов, с передачей их средств и функций «Всеобщему германскому рабочему союзу». Все это привело к тому, что отдельные профессиональные союзы — как, например, союзы столяров, плотников, каменщиков — стали отпадать от «Всеобщего союза помощи рабочим». Лассальянское профессиональное движение, таким образом, все более и более чахло; по его окыгча-

тельная гибель была предупреждена объединением с эйзенахцами.

Эйзенахские союзы, руководимые Бебелем и Либкнехтом, развивались медленно, но без тех потрясений, которые выпали на долю лассальянского профессионального движения. Причиной, благоприятствовавшей развитию эйзенахского движения, было то, что при организации союзов эйзенахцы руководились требованиями, выдвигаемыми самой жизнью. На Нюрнбергском и Эйзенахском конгрессах рекомендовано было организацию профессиональных союзов начать с местных касс взаимопомощи или касс борьбы, приспособляясь при этом к местным условиям. Эйзенахцы, таким образом, начинали организацию союзов снизу, надеясь, что с течением времени общность интересов рабочих одной и той же профессии приведет к объединению местных союзов в национальные и международные.

После франко-прусской войны (1870—1871 гг.), в продолжение которой развитие движения сильно затормозилось, в июне 1872 г. собралась конференция эйзенахских союзов в Эрфурте. Здесь были представлены 9.920 организованных в союзы рабочих; из них 6.152 были объединены в национальные союзы, а 3.768 принадлежали к местным кассам. Всего было представлено 15 ремесел, из коих сильные организации образовали деревообделочники, металлисты, сапожники, портные; организации остальных одиннадцати профессий (столяров, стекольщиков, бочаров, каретников, мауфактурных рабочих и ткачей, каменщиков и плотников, маляров, скорняков, жестяников, гончаров) относились к числу слабых.

У эйзенахцев одно время (1870 г.) поддерживалась мысль о слиянии всех союзов. Против этого возражал Иорк, председатель союза деревообделочников, который утверждал, что для «действительной борьбы союзов с капиталом надо приблизиться к знакомой и привычной для рабочих организации по цехам, но в то же время он был сторонником объединения всех отдельных союзов на договорных началах в один «Союз профессиональных союзов». На Эрфуртской конференции (1872 г.). Иорк должен был представить проект объединительного устава. Конференция высказалась за проект Иорка, но против полного слияния, отстаивая принадлежащую союзам долю самостоятельности. Иорк начал работу в пользу объединения на предложенных им основах (главным пунктом объединения была взаимная поддержка

во время стачек и право странствующих ремесленников обращаться за дорожной помощью ко всем кассам). В мае 1874 г. был созван в Магдебурге конгресс профессиональных союзов. На конгресс явились представители деревообделочников, международного союза металлистов, союза каменщиков и плотников, всеобщего германского союза портных, международного союза сапожников и всеобщего германского союза седельников. Союзы образовали центральное объединение, во главе которого стал Йорк, но развитие этого объединения было задержано отчасти вследствие сопротивления местных союзов, а затем приостановилось вследствие смерти Йорка.

Хотя—как видно из приведенных данных—эйзенахцы тоже не обнаружили больших успехов в деле развития профессионального движения, но все же оно шло у них правильнее вследствие того, что было лишено централистских стремлений лассальянцев и что, кроме того, членам союза была предоставлена свобода в политическом отношении; лидеры эйсенахцев руководились тем обстоятельством, что рабочие еще не были достаточно сознательны и что для сплочения их не следовало до поры до времени подчеркивать политическую сторону профессионального движения. Эйсенахский конгресс 1869 г. осудил порядок принятия членов в зависимости от политических убеждений. Эрфуртская конференция в 1872 г. приняла следующее постановление: «В виду того, что власть капитала давит и эксплуатирует рабочих независимо от того, консерваторы ли они, радикалы, либералы или социал-демократы, конгресс признает святой обязанностью рабочих забыть партийную рознь, чтобы создать на нейтральной почве единой профессиональной организации условия для успешного и мощного сопротивления». Сами союзы неоднократно выдвигали требования политической нейтральности. Так, печатники всегда сохраняли нейтралитет по отношению к обеим партиям. Конгресс переплетчиков в Лейпциге в 1869 г. стремился создать организацию, независимую от обеих партий. Союз ситарщиков, после выхода из лассальянского объединения, также занял нейтральную позицию. Подобные явления наблюдались в больших размерах среди различных союзов в 1871—1872 гг. Вновь образовавшиеся в эти годы союзы шапочников, седельников, портных стремились объединить в своих рядах и лассальянцев и эйсенахцев, а столяры также и гиршдункеровцев.

Ясно, что сама жизнь толкала лассальянские и эйзенахские союзы к объединению, но попытки были неудачны вследствие несогласия между вождями. Очень серьезным толчком к объединению послужили начавшиеся преследования со стороны правительства (деятельность прокурора Тессендорфа), под влиянием которых все союзы принуждены были объявить себя нейтральными и освободиться от какой бы то ни было политической окраски. Таким образом, одновременно с объединением обеих политических партий подготавливалось объединение обеих ветвей профессионального движения. Летом 1875 г. в Готе, после политического объединительного конгресса, состоялась конференция правлений профессиональных союзов. Присутствовали представители 12 союзов. Конференция приняла резолюцию об обязанности всех параллельных союзов объединиться, для чего постановлено было созвать в скором времени объединительный конгресс; вместе с тем, конференция признала, что хотя профессиональное движение способно временно поднять материальный и духовный уровень рабочих, оно само по себе неспособно дать продолжительное и прочное улучшение их положения, а потому конференция постановляет: «Члены профессиональных союзов обязаны не допускать внедрения политики в профессиональные организации, а сами они должны вступить в «социалистическую рабочую партию Германии», ибо только она одна может поднять экономическое и политическое состояние пролетариата до достойного уровня».

Первые годы после объединения были направлены на пропаганду и организацию. Согласно тогдашнему состоянию промышленности, в члены союзов, по уставу, допускались, кроме рабочих и работниц, также мелкие мастера и мелкие мастерицы. Много внимания было уделено вопросам объединения с сохранением известной самостоятельности частей. Многие союзы ввели у себя платных руководителей, и это был громадный шаг вперед в деле сохранения устойчивости организации. Громадную роль играли разъездные агитаторы, которым приходилось в глухих утлах бороться с враждебностью цеховой рутины и которые благодаря своей энергии завоевывали профессиональному движению новые области. Печать в германском профессиональном движении с самого начала играла более важную роль, чем в английском тред-юнионизме после многих лет существования. В 1877 г. германские профессиональные союзы

имели 16 печатных органов. У печатников был «Корреспондент», у ситарщиков — «Вестник»; «Всеобщий союз помощи», основанный лассальянцами, стал издавать «Пионера», который долго играл значительную роль в профессиональном движении; берлинский союз каменщиков издавал «Краеугольный камень», у кузнецов была «Наковальня».

Цели профессиональных союзов были так скомбинированы в уставах, чтобы привлечь возможно больше членов. Сюда относились: 1) Взаимопомощь, а именно: пособия на случай преследования со стороны предпринимателей, забастовок, локаутов; затем путевые пособия как странствующим ремесленникам, так и перебрасываемым в другие места забастовщикам; далее шли пособия на случай болезни и похорон, что привлекало рабочих, освобождая их от обязанности, по закону, страховать в местных и фабричных кассах. 2) Борьба за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы принадлежала к главным целям профессиональных объединений. Лассальянцы выдвигали вперед вопрос о сокращении рабочего дня, исходя из того, что, согласно железному закону, повышение заработной платы не может быть длительным. В области заработной платы борьба была направлена не только на повышение ее, но и на уничтожение сдельщины. 3) Из полицейских сообщений ничего не говорилось о борьбе с капиталистическим строем, но в пропаганде эта цель подчеркивалась как одна из важнейших, так как осуществление всех других целей не может дать длительного и существенного улучшения положения рабочего класса. Одним из главных средств борьбы с предпринимателями были стачки. Лассальянцы в своих уставах были против «опрометчивых» стачек, причем для крупных стачек требовалось разрешение центра; айзенахцы предоставляли местным объединениям больше свободы; часто случалось, что у лассальянцев возникали забастовки без одобрения центра. Для руководства стачкой выбирали забастовочный комитет, главной обязанностью которого был сбор пожертвований. Через несколько дней после начала забастовки холостые обязаны были уехать в другие города за поисками работы, чтобы облегчить забастовочному комитету непосильное ему бремя вспомоществований. Столкновения с предпринимателями, в особенности длительные и крупные, если даже они кончались неудачей, не изглаживались из памяти и служили на будущее уроками борьбы и самопожертвования.

По статистике, собранной и опубликованной Гейбом в 1877 г., в Германии существовало 30 профессиональных организаций, из коих 25 были национальными и 5 местными; общее число членов этих союзов составляло 49.055 в 1.266 местах (по мнению других историков германского профессионального движения, число организованных было выше, а именно—около 55 тыс.); эта цифра членов, по мнению Гейба, составляла 2½% всех рабочих, занятых в отраслях, к коим относились организованные. По числу членов на первом месте стояли табачники—7.100, затем печатники—5.500, столяры—5.100, металлисты—4.400. Средний месячный доход от членских взносов достигал: у печатников—18.276 марок, у табачников—5.000 марок, у столяров—1.600 марок.

Из этих данных и из всего вышеизложенного мы видим, что рабочие, в собственном смысле, принимали в профессиональном движении незначительное участие, а преобладали ремесленники (и торнорабочие).

Закон против социалистов обрушился также и на профессиональные союзы. В продолжение двух месяцев после издания этого закона было распущено 18 центральных профессиональных союзов и ряд местных касс. Преследования не коснулись гирш-дункеровских и христианских союзов. Как и социалисты, члены профсоюзов прибегали к всевозможным ухищрениям, чтобы поддержать друг с другом связь. Этому служила профессиональная печать. Стали возникать профессиональные газеты самого умеренного направления; некоторые такие газеты объявляли своей целью чисто-технические вопросы того или иного ремесла. Но среди чисто-технического материала попадались заметки, касавшиеся профессиональных интересов—тарифов, стачек, спроса на труд; с течением времени сюда присоединились отчеты о сборах в пользу стачечников; подобные заметки и вообще профессиональная печать в целом служили прекрасным средством для поддержания взаимных связей между членами распущенных союзов. Чтобы поддержать свое существование, многие союзы превратились в отделения больничных касс. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что некоторые более крупные союзы в свое время основали больничные кассы, имевшие отдельное от союзов существование; теперь бывшие члены союзов сгруппировались вокруг этих касс. Некоторая часть рабочих использовала христианские союзы для образования под их флагом «союзов специалистов»; эти союзы стали объединяться, в чем очень были заинтересованы стран-

ствующие подмастерья, так как это облегчало им возможность получения путевой помощи в различных городах. Наконец, очень значительную роль для поддержания связей среди рабочих играли стачечные кассы, которые, благодаря своему временному характеру, не подпадали под закон о союзах; они сносились между собой посредством доверенных лиц, которые с удивительным умением и преданностью делу налаживали их взаимные отношения. Здесь велась в самых широких размерах пропаганда социализма, которая имела тем больший успех, что предприниматели, пользуясь репрессиями, обрушившимися на рабочий класс, значительно увеличили эксплуатацию труда. Задачей этих организаций, — как выразился один из их руководителей, — было пропитывание масс духом социал-демократии.

Не приходится повторять, насколько велик был произвол администрации, которая, взяв ту или иную организацию под подозрение, потому что в ней участвовало несколько социал-демократов, находила какой-нибудь предлог, чтобы подвести ее под запрет и после обысков, выемок и арестов распустить. Все, что хоть сколько-нибудь носило характер рабочего единения и не находилось под покровительством либералов и попов, было отдано на полный произвол полиции и суда, тем не менее преследования в результате достигли обратной цели. Когда закон против социалистов вступил в силу (21 октября 1878 г.), в профессиональных объединениях считалось около 50 тыс. членов; в год отмены закона (1890 г.) профессионально-организованных рабочих насчитывалось до 250 тыс.

В заключение скажем здесь несколько слов о гирш-дункеровских и христианских союзах.

Гирш-дункеровские союзы. О причинах, заставивших прогрессистов взяться за организацию профессиональных союзов, упомянуто выше. Что касается теории и практики профессионального движения прогрессистов, то они заключались в следующем.

Прогрессисты, а вслед за ними Гирш и Дункер, учили, что между интересами предпринимателей и рабочих отнюдь не существует противоречия, а наоборот, согласованность, или, как тогда выражались, предприниматели и рабочие объединены «гармонией интересов»; поэтому все столкновения между трудом и капиталом можно и должно оканчивать миролюбиво. По той же причине союзы эти в число

своих членов принимали рядом с рабочими и хозяев; они не имели касс борьбы; их цели ограничивались взаимопомощью, образованием, устройством контор найма, дачей юридических советов.

В виду указанных причин союзы эти, по мере развития капитализма и обострения борьбы между трудом и капиталом, стали распадаться, а рабочие переходить в социал-демократические союзы. Но гириш-дункеровским союзам пришел на помощь закон о социалистах, разрушивший все с.-д. организации. Гирш-дункеровские союзы ожили и расширились. После отмены закона о социалистах, когда начался расцвет с.-д. партии, а потом и с.-д. профессиональных союзов, гириш-дункеровские союзы всё же не распались и даже, хотя и очень медленно, расширяли свои ряды. Объясняется это тем, что они отказались от своих прежних взглядов и, приспособившись к требованиям жизни, стали в повседневной борьбе придерживаться тех же методов, как и союзы, находившиеся под влиянием социал-демократов.

Христианские союзы. Для борьбы с «язвой» социализма католическое, а потом протестантское духовенство в начале 50-х годов стали образовывать среди подмастерьев духовно-нравственные общества, где рабочим внушалось, чтобы они были «довольны своей участью и терпеливы в трудах», а паче всего, чтобы они сторонились политики и социализма. Для привлечения подмастерьев общества эти, кроме назиданий, давали своим членам различные пособия и пенсии.

Но по мере развития капиталистических отношений общества эти, чтобы не растерять своих членов, принуждены были перейти на путь профессиональной борьбы, сначала миролюбивой, а потом и довольно воинственной.

Первый «христианский» профессиональный союз возник в 1894 г. среди горнорабочих; с тех пор движение стало разрастаться.

Факты показывают, что в последнее время христианские союзы в профессиональной области развивают не менее боевую политику, чем с.-д. профессиональные союзы. Они борются только за нужды настоящего момента, мало интересуясь конечными целями рабочего движения, оставаясь верными своим религиозно-партийным принципам и голосу на выборах — католики за католический центр, а протестанты за протестантский. Цифры и данные, относящиеся к либеральным и христианским союзам, будут приведены ниже.

III

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ - ДЕМОКРАТИЯ С 90-Х ГОДОВ ДО 1914 ГОДА

Расцвет партии
после отмены за-
кона о социали-
стах и состояние
ее до войны

После отмены закона о социалистах начинается эпоха расцвета германской социал-демократической партии. Число ее приверженцев растет с каждым годом. Это видно из следующей таблицы увеличения голосов, поданных за партию на выборах в рейхстаг. В 1890 г. — 1.427.298 голосов и 35 депутатов, в 1893 г. — 1.786.738 голосов и 44 депутата, в 1898 г. — 2.107.076 голосов и 56 депутатов, в 1903 г. — 3.010.771 голос и 81 депутат, в 1907 г. — 3.258.968 голосов и 43 депутата, в 1912 г. — 4.150 тыс. голосов и 110 депутатов.

Во главе ее становится целый ряд выдающихся политических деятелей, вышедших большей частью из рядов интеллигенции, (реже — из среды рабочих) каковы: старый вождь с.-д. партии, самый блестящий оратор в рейхстаге Бебель, главный теоретик и популяризатор идей Маркса Каутский, историк германской социал-демократии Меринг, далее, Зингер, Ауэр, Бернштейн, Фольмар, Шиппель, непримиримый борец, верный идеалам Интернационала К. Либкнехт, сын знаменитого основателя социал-демократической партии, Клара Цеткин, Роза Люксембург и многие другие.

Деятельность партии сводится: к расширению своих кадров среди рабочего класса (путем пропаганды — устной и печатной), к организации пролетариата (политической, профессиональной, кооперативной), к практической работе в рейхстаге. Пока с.-д. была нелегальной партией, она на парламентскую деятельность смотрела как на пропаганду, обращенную через головы депутатов к стране. Но после того, как она стала значительной партией в рейхстаге, она

постепенно перешла к участию в практической парламентской работе.

Остановимся немного подробнее на постановке дела организации и пропаганды в социал-демократической партии с момента отмены закона о социалистах до последней европейской войны; в указанном отношении германская с.-д. партия в этот период стояла впереди всех европейских рабочих партий, несмотря на крайне неблагоприятные в политическом отношении условия для своего существования и развития.

Отмена закона о социалистах еще не означала для социал-демократической партии свободы существования. Как и все общества и союзы, с.-д. организации подлежали местным и имперским законам о союзах и собраниях, которые были настолько стеснительны для образования рабочей партии, ставящей себе конечной целью свержение капиталистического строя, что об открытом существовании такого «общества» не могло быть и речи. Социал-демократы использовали для образования партийной организации законы о выборах в рейхстаг и положили в основу своего единения союз с.-д. избирателей данного избирательного округа рейхстага; все остальные ступени объединения были поставлены в связи с этой основной единицей. Такими основными (окружными организациями) была покрыта вся Германия; до войны их было, по числу избирательных округов, 397. Округ делится на секции, секции — на участки. Во главе участка стоит особый делегат, на обязанности которого лежит ведение списков членов и распространение партийной литературы. Секция обнимает несколько участков и имеет во главе секционное правление, функции которого, применительно к ее территории, совпадают с функциями участковых делегатов. Кроме того, на секционном кассире лежит обязанность собирать членские взносы. Раз или два в месяц устраиваются собрания членов по секциям — обыкновенно в каком-нибудь кафе или пивной; программа собрания обыкновенно состоит из заслушивания какого-нибудь доклада на социально-политическую тему и дебатов по нему, за которыми следует рассмотрение текущих дел. Во главе всего избирательного округа стоит комитет, который руководит всеми делами с.-д. организаций округа, проверяет ведение дел в низших инстанциях, дает направление всем политическим выступлениям на его территории. Следующей по степени является областная организация, объединяющая несколько смежных окру-

гов; во главе областной организации стоит областное правление, созывающее каждые два года областные собрания делегатов; областные правления вносят планомерность в деятельность своих округов, распределяют по округам ораторские силы, согласовывают общие выступления. Подобных областных объединений до войны было 34 (в Пруссии—23, в Саксонии—6, в Баварии—5). Областные организации объединяются в государственные по отдельным, более крупным, германским государствам, причем каждое такое высшее объединение носит название «партии»; таким образом, существует с.-д. партия Пруссии, Саксонии, Баварии и т. д. Существование таких местных партий обеспечивало единство с.-д. политики в каждом из многочисленных государств германского имперского (ныне республиканского) союза сообразно с его местными особенностями. Таких местных партий всего 10. Наконец, все эти местные партии объединены в общую с.-д. рабочую партию Германии, во главе которой стоит центральное управление, с местопребыванием в Берлине; контрольная комиссия наблюдает за деятельностью правления; ежегодные съезды (партейтаги) являются высшей инстанцией для решения всех важных вопросов толкования программы и тактики, а также наиболее выдающихся вопросов внутренней жизни партии. Центральным органом партии до войны была газета «Вперед» (Vorwärts)¹.

Для покрытия партийных расходов существуют членские взносы, в общем очень невысокие; до войны они колебались от 15 до 20 коп. в месяц. Кроме того, «доверенные лица» и активные партийные работники занимались сборами при всех удобных случаях (на собраниях, во время манифестаций). Собранные суммы распределялись следующим образом: одна треть — в пользу секции, одна треть — в пользу областной организации, а оставшая треть распределялась между органами местной и общегосударственной партии.

Особого внимания заслуживает постановка партийной печати; в этом отношении германская с.-д. партия до войны не знала себе конкурентов.

¹) Такова была организация с.-д. партии до войны и во время войны; после войны единая германская с.-д. партия раскололась, о чем подробно будет сказано дальше. Образовавшиеся с.-д. партия большинства (шейдемановцы), независимая с.-д. партия и коммунистическая партия организовались на основе свободы союзов, установленной республиканским строем. „Vorwärts“ остался органом с.-д. большинства, независимые стали выпускать „Freiheit“ («Свобода»), коммунисты — „Rote Fahne“ («Красная знамя»).

С.-д. партия в 1914 г. имела 90 ежедневных газет, выходявших во всех более или менее значительных городах; из них 83 печатались в собственных типографиях, которых у партии было 62, с числом рабочих в 2.600 человек. Общий тираж всех газет до войны был около полутора миллиона. Из них наиболее крупными были: «Вперед» — с тиражом в 160 тыс., «Гамбургское эхо» — 75 тыс., «Хемницкий народный голос» — 60 тыс., «Лейпцигская народная газета» — 50 тыс. Особо следует отметить: Научный еженедельник, под редакцией К. Каутского, «Новое время» (Neue Zeit) — с тиражом 10.500, женский двухнедельник «Равенство» — 112 тыс. и юмористический двухнедельник «Простак Яков» — тираж 370 тыс. Кроме того, партия выпускала множество книг и брошюр по социальным, политическим и естественно-научным вопросам, а также подсобные и справочные издания, вроде юридических сборников, записных книжек, календарей; особенно нужно отметить выпуск листов и легучек. О количестве этих последних можно судить по тому, что в одном 1913 г. партией было распространено их 47 млн.

Говоря о цифрах, приведем данные о числе членов партии. В 1906 г. было — 384 тыс. чел., в 1907 — 530 тыс., в 1908 — 587 тыс., в 1909 г. — 633 тыс., в 1910 г. — 720 тыс., в 1911 г. — 837 тыс., в 1912 г. — 970 тыс., в 1913 г. — 983 тыс.

Выше мы привели статистические сведения об избирательных успехах партии в рейхстаг. Дополним их данными относительно представительства партии в местном самоуправлении (т.-е. в городских думах и сельских управлениях). Вот данные, относящиеся к 1913 г. Общее число всех с.-д. представителей в местном самоуправлении равнялось 11.681 человек; из этого числа — 2.753 гласных 509 городских дум, остальные 8.928 — члены 2.973 сельских управлений; членов управ с.-д. имели в 65 городских управах 133 человека и 187 — в 120 сельских управах. В добавление к этим цифрам следует заметить, что избирательный дореволюционный закон, на основании которого происходили эти выборы, был очень далек не только от демократизма, но и от либерализма.

С самого возникновения с.-д. партии в ней наблюдалось два направления: умеренное и радикальное. В конце 90-х годов умеренное направление получило более определенную форму, вылившись в проповедь ревизионизма.

Главой этого направления был его теоретик, видный деятель партии Эд. Бернштейн; его взгляды изложены им

Ревизионизм
Эдуарда Берн-
штейна

в нескольких работах, наиболее полно — в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В своих сочинениях Бернштейн доказывает, что взгляды Маркса отчасти устарели и не совсем совпадают с фактами современной действительности; точно так же нуждаются в поправках и те философские воззрения, на которых основан научный социализм. Поэтому взгляды Маркса должны быть подвергнуты пересмотру (или «ревизии»; отсюда — «ревизионизм»).

Главный пункт в учении Маркса, на который нападает Бернштейн — это теория концентрации капитала. Он доказывает, что мелкие и средние предприятия отнюдь не имеют стремления исчезать с той быстротой, как предсказывал Маркс. Более того — во многих отраслях производства число этих предприятий с течением времени увеличивается. Совсем неприложима теория концентрации капитала к сельскому хозяйству, где мелкие крестьянские владения обладают удивительной устойчивостью и способностью конкурировать с крупным сельскохозяйственным производством. Неправильно, по мнению Бернштейна, учение об обнищании и необеспеченности существования трудящихся классов. Экономическое неравенство с течением времени не только не увеличивается, а, наоборот, имеет стремление сглаживаться. Вследствие указанных обстоятельств, превращение капиталистического строя в социалистический должно произойти путем постепенных реформ, а не в результате революционного переворота. Социализм будет осуществляться, постепенно вращаясь в капиталистический строй. А потому Бернштейн рекомендует главные условия партии направить на практическую работу, на стремление к частичным улучшениям в положении рабочего класса и советует сотрудничество с буржуазными партиями, чтобы добиваться при их содействии тех реформ, которые выгодны для трудящихся классов. Углубляясь в теоретические вопросы, Бернштейн рекомендует отказаться от диалектического материализма и вернуться к критицизму Канта.

Своим возникновением и успехами немецкий ревизионизм обязан тем же причинам, что и оппортунизм французской социалистической партии и социалистических партий других стран. Здесь на первом плане нужно поставить период промышленного процветания, в который в конце XIX в. вступили почти все европейские страны, продолжавшие и закончившие дележ земного шара, и те в сущности незначительные успехи, которых в связи с этим добились рабочие

в некоторых странах в политической области (расширение или установление всеобщего избирательного права, улучшение фабричного законодательства и пр.). Немаловажной причиной поворота к ревизионизму и оппортунизму было увеличение числа членов социалистических партий, благодаря вступлению в ряды партий мелкобуржуазных элементов, в угоду которым эти партии стремятся смягчить свою тактику (о влиянии «попутчиков» на тактику германской социал-демократии подробнее будет сказано в следующем параграфе).

Мы не станем останавливаться здесь на оценке учения Бернштейна и на доказательстве его ложности. То и другое читатель найдет в книге Каутского «Анти-Бернштейн» ¹⁾. Укажем только на то, что Бернштейн и его единомышленники не доказали, как совершается вращение социалистического строя в современный буржуазный и как последний разрушается путем постепенных реформ.

Вожди и теоретики ревизионизма заметили прекращение периодических экономических кризисов; но, не поняв сущности новой фазы капитализма, перешедшего в империализм, не предвидели подготовлявшихся новых кризисов, в виде мировых военных столкновений, гораздо более грандиозных по своему масштабу, гораздо более бедственных для пролетариата и гибельных для капитализма. Предлагаемая ревизионистами легальная политическая деятельность не могла быть осуществлена в сколько-нибудь важных для пролетариата размерах; германская социал-демократия была обречена на бесплодную парламентскую борьбу, пока Германия оставалась почти самодержавной страной, демократизация которой была возможна только путем революции. Впрочем, опыт существующих демократий показал, какие опасности для пролетарской партии таятся в стремлении к практической парламентской деятельности в единении с буржуазной демократией или при ее поддержке.

Учение Бернштейна встретило отпор со стороны старых вождей партии, в особенности со стороны Бебеля, Каутского, Либкнехта, Меринга. Те, которые остались верны взглядам

¹⁾ Каутский, до войны боровшийся (хотя не всегда достаточно последовательно) против ревизионизма,— во время войны и после нее, в особенности после Октябрьской революции, резко изменил свою позицию, выступив с воззрениями более оппортунистическими и антимарксистскими, чем ревизионизм Бернштейна, за что по справедливости был заклеймен Лениным как ренегат.

Маркса, в противовес ревизионистам, получили название ортодоксов (правоверных).

**Партейтаги
1890—1913 гг.**

На ежегодных съездах партии — партийтагах — рассматривались и обсуждались, кроме программных вопросов, преимущественно вопросы тактики, выдвигаемые повседневной работой в партии и рейхстаге. Эти вопросы, иногда очень мелкие, имели часто громадное принципиальное значение, и верное их решение было весьма важно, чтобы партия не сбилась с правильного пути. Рассмотрение резолюций, принятых на партийтагах с начала 90-х годов, указывает на частое колебание партийной политики то вправо, то влево и на отсутствие единства взглядов в партии.

Не следует, однако, думать, что это происходило оттого, что вожди партии время от времени меняли свои взгляды. Главная причина колебаний — в существовании в партии (среди ее лидеров) умеренно-ревизионистского направления, которое, под влиянием тех или иных политических обстоятельств, брало верх над взглядами ортодоксальных марксистов или влияло на отклонения вправо. На колебания вправо иногда влияли интересы избирательной кампании. Дело в том, что в Германии, как во Франции, на выборах в парламент за рабочую партию подавали голоса — и в очень значительном количестве — также мелкобуржуазные элементы, поддержка которых для окончательных результатов выборов была немаловажна. Но эти «попутчики» отставали, лишь только партия обнаруживала слишком резкий, на их взгляд, уклон влево. Так было, например, в 1907 г., когда партия на выборах потеряла около половины своих депутатских мест, что отчасти следует объяснить ее левыми резолюциями на партийтагах 1905—1907 гг. под влиянием русской революции, а также антимилитаристическими заявлениями. Дорожа голосами умеренно-социалистических и мелкобуржуазных избирателей и стремясь к проведению максимального числа своих кандидатов в рейхстаг, деятели германской социал-демократии в своих выступлениях в рейхстаге и на партийтагах стремились часто примирить непримиримое.

После отмены закона о социалистах партия вышла из подполья не только не разрушенной, но значительно окрепшей. Ближайшие выборы 1890 г., давшие социал-демократам полтора миллиона избирательных голосов, показали, что с.-д. являются крупной политической силой и пользуются сочувствием масс. Это заставило многих умеренных лидеров

с.-д. заговорить о необходимости переменить тактику. Много шума наделали речи баварского с.-д., видного лидера партии, Фольмара, который предлагал оставить непримиримую позицию и наметить практическую программу, ограничиваясь требованиями, «достижимыми при данном соотношении политических сил», и рекомендовал путь «спокойной законной парламентской деятельности в самом широком смысле слова». Фольмар нашел много сочувствующих. Но Фольмар и его единомышленники получили отпор со стороны Бебеля, явившегося на Эрфуртском партийтаге (1891 г.) выразителем мнений всех ортодоксальных марксистов. В своей речи он выяснил, какая парламентская деятельность полезна для достижения конечных целей с.-д. партии; он доказывал, что современной целью парламентской деятельности является не завоевание той или другой уступки, но просвещение масс, которые должны быть правильно ознакомлены с деятельностью и стремлениями всех других партий; чтобы они ворунию убедились, насколько эти партии далеки от существенных уступок трудовым массам. Только такого рода парламентская деятельность полезна. Правда, для приобретения симпатии народных масс у с.-д. сейчас нет нужды прибегать опрометчиво к революционной тактике; но в то же время не следует забывать, что от буржуазных партий невозможно ожидать существенных уступок, и нечего терять время и энергию на «положительную работу». Конгресс согласился с мнением Бебеля, заявив в своей резолюции, что с капитализмом никакие компромиссы невозможны и что партия не имеет основания изменять свою традиционную тактику.

С выходом партии на легальную дорогу перед ней один за другим вставали новые вопросы тактики, и каждый партийтаг был сражением между умеренными и левыми элементами. На партийтаге во Франкфурте-на-Майне (1894 г.) был затронут аграрный вопрос, причем умеренные (Фольмар, Давид и др.) выдвинули тезис, что социал-демократия является партией не только промышленного пролетариата, но и крестьянства. Аграрная программа для улучшения положения крестьян, представленная комиссией, избранной для ее выработки, рассматривалась на Бреславльском партийтаге (1895 г.), где против мелкобуржуазных тенденций защитников этой программы (Кварка, Давида, Фроме, Шенлака) выпустили левые, с Бебелем во главе, который заявил, что для завоевания прочных позиций в деревне партия нуждается в деревенских пролетариях, кото-

рые должны стать ее пионерами и передовыми отрядами; без этих передовых отрядов партия никогда не в состоянии будет внедриться в деревню.

Бреславльский партейтаг поручил правлению партии предложить известному числу теоретиков изучить аграрный вопрос, с тем чтобы результаты их исследований были опубликованы. Результатом этого изучения и дебатов, продолжавшихся под влиянием Франкфуртского и Бреславльского партейтагов, явилось несколько работ по аграрному вопросу, из коих наиболее замечательны «Аграрный вопрос» К. Каутского (в ортодоксальном духе) и «Социализм и сельское хозяйство» Эд. Давида (в ревизионистском духе).

На Гамбургском партейтаге (1897 г.) главными вопросами были вотирование военных кредитов и вопрос об участии в выборах в прусский ландтаг (местный прусский парламент). Здесь широким одобрением была встречена речь Шиппеля, который заявил: «Раз мы не в состоянии предупредить войну, — мы не в праве вооружать наших солдат плохими ружьями и плохими пушками». Это было зловещим предзнаменованием для будущей тактики с.-д. в этом вопросе. Что касается участия с.-д. в выборах в прусский ландтаг, то существовавший избирательный закон был таков, что с.-д. без компромисса — союза с одной из буржуазных партий — не могли провести ни одного депутата. Одним из первых в партийной прессе в защиту этого компромисса выступил Бернштейн. Его поддержал Каутский, который заявил, что социал-демократия, отказываясь от участия в выборах в ландтаг, служит делу реакции; бойкот выборов мог казаться практичным, пока с.-д. была небольшой партией, не имевшей никакого влияния на фактическое положение вещей; но он потерял всякий смысл и является косвенной поддержкой консерваторов и реакционеров с тех пор, как с.-д. стала величайшей партией Германии. На сторону этого компромисса также стал Бебель, высказавшись за избирательный союз со свободомыслящими демократами и центром. «Для боевой партии, подобно нашей, — сказал он, — целью является одержание победы; если ее невозможно одержать собственными силами, — а такая попытка должна быть сделана при всяких условиях, — то в случае нужды ее должно одержать с помощью чорта и его бабушки, конечно, не продавая им своей души, в данном случае — принципов партии».

На Штутгартском партейтаге (1898 г.) один из лидеров умеренной стороны Пеус договорился до того, что

с.-д. должны забыть на время о конечной цели и заняться практической работой в рейхстаге; а Фольмар решительным образом высказался против мечты о диктатуре пролетариата, которую он назвал «бланкизмом»: «Ничего более худшего не могло бы случиться с немецкой социал-демократией, чем необходимость прежде времени взять в свои руки политическую власть, когда экономические условия не созрели, для того чтобы воспользоваться ею надлежащим образом». Конечно, подобные заявления получали заслуженный отпор со стороны Бебеля, Либкнехта, Зингера, Меринга и др., но подобные заявления указывали, насколько сильны были тенденции к поправлению среди германских с.-д. в первое десятилетие после выхода из подполья.

На Ганноверском партийтаге (1899 г.), где главным вопросом дня был ревизионизм, принята была резолюция, столь растяжимая, что под ней могли подписаться и ортодоксы, и ревизионисты. Но споры, начавшиеся по поводу ревизионизма, принимавшие иногда очень острые формы, продолжались еще долго.

На Любекском партийтаге (1901 г.) особенно горячо дебатировался бюджетный вопрос; была принята резолюция, предложенная Бебелем: «Принимая во внимание, что отдельные государства, как и вся империя в целом, носят классовый характер, — говорится в резолюции, — и являются организациями господствующих классов для поддержания своего господства, — партийтаг высказывает надежду, что с.-д. представители в законодательных учреждениях отдельных государств при своих голосованиях не будут становиться в противоречие с партийной программой и неизменно будут отклонять государственный бюджет в целом».

Голосование за весь бюджет допускалось в особых, исключительных случаях. Резолюция, как мы видим, формулирована мягко и уступчиво.

На Мюнхенском партийтаге 1902 г. была принята резолюция, резко критиковавшая существующий закон о страховании; резолюция в 10 пунктах формулировала требования с.-д. к государству относительно правильной и целесообразной постановки страхования. Тот же партийтаг поручил правлению партии озаботиться разработкой программы с.-д. общинной политики¹⁾.

¹⁾ Тогдашний взгляд германской с.-д. по этому вопросу отразился в книге К. Гуго (с.-д. депутата Линдемманна) «Германское городское самоуправление».

На Дрезденском партийтаге (1903 г.), по выражению Бебеля, «партия перед всем светом стирала свое грязное белье». Поводом к пререканиям, перебранкам и даже выходам личного характера служили два вопроса: должна ли с.-д. фракция в рейхстаге иметь своего вице-председателя, на что она имела право по своей численности, и таким образом косвенно нести ответственность за деятельность рейхстага, и допустимо ли, чтобы с.-д. литераторы сотрудничали в буржуазной прессе. Ревизионисты допускали то и другое, ортодоксы были против. Резолюция, принятая съездом, решительным образом осуждала ревизионистские стремления изменить тактику и цели партии, но допускала право партии претендовать на должность секретаря и первого вице-президента рейхстага, (при отказе от исполнения придворных обязанностей, связанных с этой должностью)¹). Обзор приведенных решений партийтагов показывает, что в рядах германской социал-демократии, постепенно складываются три течения: правое ревизионистское (Бернштейн, Фольмар, Кольб), центр (Каутский, Бебель) и левое (Роза Люксембург и др.).

На Бременском партийтаге (1904 г.) ортодоксы сошлись с ревизионистами относительно недопустимости антимилитаристской (противовоенной) агитации среди новобранцев, причем Бебель повторил то, что говорил раньше об обязанности с.-д. защищать отечество от нападения врагов²).

Следующий партийтаг — в Иене (1905 г.) — очевидно, под влиянием русской революции 1905 г. — носил более левый характер. Здесь всеобщая стачка была признана одним из действительнейших средств борьбы как для защиты от покушений на существующие права рабочих (например, на всеобщее избирательное право), так и для приобретения новых.

Но эта резолюция шла вразрез с резолюцией, принятой Кельнским конгрессом нейтральных профессиональных союзов, на котором всеобщая стачка была осуждена как синдикалистское средство борьбы. Поэтому Мангеймский партийтаг (1906 г.), поставивший своей целью «как можно крепче связать профессиональные союзы с партией», принял резолюцию, в которой стремился примирить обе резолюции.

¹) Подробнее содержание этой резолюции, повторенной на Амстердамском конгрессе II Интернационала, см. в следующем параграфе «II Интернационал».

²) О резолюциях партийтагов и о воззрениях партии на милитаризм и войну подробнее сказано дальше в § 1 главы IV.

Но все, конечно, понимали, что это было отступлением партии перед умеренными взглядами, господствовавшими в профессиональных союзах. Тот же партийтаг признал, что для освобождения рабочего класса профессиональные союзы не менее ценны, чем с.-д. партия.

На Нюрнбергском и Лейпцигском партийтагах (1908 и 1909 гг.) замечается опять уклон вправо — в сторону ревизионизма (по вопросу о голосовании вместе с либеральной буржуазией против консерваторов за законопроект о налоге на наследства). На Магдебургском партийтаге (1910 г.), наоборот, громадным большинством было постановлено исключить из партии тех депутатов, которые будут голосовать за бюджет. Вопрос был поднят вследствие того, что с.-д. фракция баденского ландтага голосовала вместе с прогрессистами за бюджет, что было одобрено местным партийным съездом и в пользу чего высказались также гессенские с.-д. Но эта тактика, как сказано, встретила резкий отпор.

В годы, предшествовавшие войне, германским с.-д., как и социалистам всех стран, приходилось заниматься вопросами международной политики, вооружения и возможности войны. Вопросы эти обсуждались на Хемницком партийтаге в 1912 г., на коем вынесены неопределенные резолюции. На Иенском партийтаге (1913 г.) разбирались, между прочим, вопрос о том, должны ли с.-д. участвовать в вотировании новых налогов, вызванных увеличением вооружений. Ортодоксы рекомендовали мешать рассмотрению закона (обструкцию), чтобы замедлить его прохождение через рейхстаг. Ревизионисты говорили, что, раз закон все равно пройдет, нужно принять участие в его рассмотрении, чтобы налоги падали своей тяжестью более на богатых. Мнение ревизионистов взяло верх.

Здесь также обсуждался вопрос о всеобщей стачке, как средстве для достижения всеобщего избирательного права в ландтаги. Горячие прения, возникшие по этому поводу, показывают насколько различны были взгляды в различных слоях партии относительно этого средства. Бюро партии предлагало отвергнуть анархическое воззрение, считающее всеобщую стачку средством исцеления от всех зол. Некоторые сторонники всеобщей стачки ссылались на пример Бельгии, Австрии, России. Бернштейн указывал на те тяжелые последствия, к которым должна будет привести неудача этого средства, а такой исход он считал наиболее вероятным в Германии с ее многомиллионным пролетариатом, из коего

организовано не более 15%, и при тех средствах отражения и дезорганизации таких выступлений, какими обладает современное германское правительство. На все эти умеренные и опасливые рассуждения Роза Люксембург отвечала едким замечанием, что партия могла бы заниматься чем-нибудь более серьезным и существенным для достижения своих конечных целей, чем простое увеличение числа платных членов и подписчиков на ее газеты и журналы. Среди различных мнений было и такое, которое, не отвергая всеобщей стачки, как средства борьбы с.-д., вместе с тем предлагало эту меру держать в запасе для наиболее важных и серьезных политических столкновений. Партейтаг значительным большинством голосов отверг всеобщую стачку, как средство добиться всеобщего избирательного права в ландтаги.

**Профессиональ-
ное движение
(1890—1914 гг.)**

Политическая обстановка и дальнейшее развитие. Отмена закона о социалистах не означала отмены всех ограничений, которым подлежали союзы. Как выше было указано, во всех германских государствах существовали законы, запрещающие связь между союзами, занимавшимися политической деятельностью. А так как профессиональные союзы, примыкавшие к социал-демократам, рассматривались администрацией как союзы, занимавшиеся политикой, то этот закон создавал очень серьезную преграду для их объединения. В 1899 г. закон этот был отменен отчасти, а в 1908 г. — окончательно; но и этим не была создана полная свобода союзов; во-первых, свобода коалиций не распространялась на сельскохозяйственных рабочих; во-вторых, администрация путем всевозможных толкований ухищрялась применять к с.-д. профессиональным союзам целый ряд запрещений и ограничений; ей на помощь приходили суды, которые особенно были свирепы по отношению к нарушителям ограничений, воздвигнутых против свободы стачек. Строгие кары налагались за «принуждение» и «насилие», выражавшиеся, например, в том, что члены союза предупреждали нечленов, что не будут вместе с ними работать; хотя закон прямо не предусматривал запрещения пикетирования, но оно квалифицировалось и каралось как бестинство; штрейкбрехеры пользовались особым покровительством администрации и суда, и большое наказание налагалось за их оскорбление или даже простое проявление к ним недружелюбия. Для борьбы с профессиональными союзами образовались очень сильные союзы предпринимателей, которые обязывались не припи-

мать к себе на службу организованных рабочих; они давали средства на образование желтых союзов, ввели взаимное страхование от убытков вследствие стачек, завели черные списки, рассылавшиеся по всем однородным предприятиям, и по взаимному соглашению устраивали локауты, которые иногда применяли в широких размерах, для того чтобы истощить кассу союза и таким образом нанести союзу сокрушительный удар.

Несмотря на все эти отрицательные политические условия, профессиональные союзы развивались с быстротой, приводившей в отчаяние администрацию и предпринимателей.

Первое время развитию профессиональных союзов содействовали чисто-стаечные организации, так называемые «рыхлые» организации, возникавшие только для ведения данной стачки. Опыт показывает, что такие «рыхлые» организации подготавливали почву для перехода к постоянным профессиональным организациям. «Рыхлые» организации преобладали в фабричном производстве, еще не захваченном профессиональным движением. Вместе с тем эти чисто-стаечные боевые организации долго продолжали существовать в Германии под названием локальных (местных) союзов.

Росту профессиональных союзов в значительной степени содействовало введение ими в широких размерах поддержки безработных. «Сегодня вступить в союз, а завтра начать стачку,— как отмечал в 90-х годах секретарь профессиональных объединений гор. Нюрнберга,— так понимают рабочие значение профессионального движения». После стачки рабочие часто стремятся оставить союз. Но когда союз обещает поддержку безработных, то выход из союза грозит им материальным ущербом; таким образом выдача пособий безработным прочно привязывает их к союзам. Немало содействовали упрочению профессиональных объединений тарифные (коллективные) договоры, заключаемые союзами с предпринимателями. Такие договоры, защищая рабочего от произвола предпринимателя, заставляют его искать защиты под сенью профессионального союза.

С.-д. профессиональные союзы, которые в начале 90-х годов занимали последнее место по своей численности, вскоре развились до громадных размеров, далеко опередив все прочие союзы. Объясняется это прежде всего развитием промышленности и, следовательно, преобладанием пролетарских элементов в рабочем классе над мелкобуржуазными, но также переменой взглядов с.-д. на профессиональ-

ное движение. О воззрениях с.-д. на профессиональное движение мы скажем дальше; здесь только укажем, что с середины 90-х годов с.-д. партия обращает самое серьезное внимание на развитие профессионального движения, посылая в союзы самых активных и талантливых работников и содействуя развитию задач союзов так, чтобы они привлекали возможно более широкие кадры пролетариата.

В 1914 г. из четырех миллионов профессионально-организованных рабочих на социал-демократические профсоюзы (называемые также централизованными, свободными) приходилось больше 2.500 тыс., на долю христианских союзов — больше 300 тыс., гириш-дункеровских — около 150 тыс. Кроме того, ряд независимых профессиональных союзов насчитывал около одного миллиона рабочих и служащих. Среди независимых союзов следует отметить некоторые локальные, ставшие постепенно на точку зрения французского анархо-синдикализма. Идеологом этих «местных» союзов являлся доктор Фридберг, в 1907 г. исключенный из партии за свою проповедь анархо-синдикализма.

Как быстро происходил рост германских с.-д. профессиональных союзов и их денежных средств — видно из следующей таблички.

Год	Число союзов	Число членов	Доход	Расход
		(в тысячах)	(в тысячах рублей)	
1895	53	259,2	1.456,7	1.194,2
1899	55	580,5	3.688,9	3.096,5
1902	60	733,2	5.326,8	4.902,9
1905	64	1.344,9	13.329,7	12.011,9
1907	61	1.865,5	24.670,5	20.698,9
1910	53	2.017,3	30.898,6	26.204,9
1913	47 ¹⁾	2.548,8	39.359,6	35.959,7

Таким образом мы видим, что менее чем за 30 лет с.-д. профессиональные союзы увеличили число своих членов почти в 10 раз; число своих доходов и расходов — в 25 раз.

Быстрый рост денежных средств объясняется не только увеличением числа членов, но и непрерывным повышением членских взносов, которые с 6—8 коп. в неделю в начале 90-х годов дошли (в 1912 г.) до 25 коп. и более, а в некоторых

¹⁾ Без домовых служащих и с.-х. рабочих.

союзах — лучше оплачиваемых рабочих — даже до 50—60 коп. в неделю. Следует при этом заметить, что, кроме «основных» взносов, существуют еще дополнительные местные взносы, идущие на покрытие разных местных расходов. Такое финансовое состояние давало возможность германским профессиональным союзам выдерживать самые тяжелые столкновения с капиталистами и не распадаться в годы кризисов. В финансовом отношении германские профессиональные союзы не уступали старым английским тред-юнионам.

Вместе с тем они превосходят английские тред-юнионы в организационном отношении. Как выше было указано, английские тред-юнионы отличаются значительной раздробленностью, между тем как германские поражают своей сплоченностью и концентрированностью. Если в Англии на один союз в среднем приходилось (1913 г.) 3.500 членов, то в Германии в среднем на один «свободный» (с.-д.) союз приходилось (в 1913 г.) 54 тыс. членов, т.-е. в 15 раз больше. В Германии за последние годы все более обнаруживается стремление сплачиваться в союзы, охватывающие рабочих не какой-либо одной профессии, а всех рабочих целой отрасли производства. Примером такого производственного, или индустриального, союза (Industrieverband) может служить, например, союз немецких металлистов, объединявший рабочих 31 профессии, занятых в металлическом производстве (слесарей, токарей, кузнецов, механиков и пр.). Таков же союз рабочих по дереву, объединявший 18 профессий, фабричных чернорабочих — объединявший 58 профессий, текстильных рабочих, транспортных рабочих, торнорабочих. Эти шесть индустриальных, или производственных, союзов объединяли в своих рядах около 1.400 тыс. (данные 1912 г.) членов, т. е. около 56% всего количества членов социалистических профессиональных союзов Германии.

Выгоды такого объединения громадны. Во-первых, такое объединение (всех рабочих, например, от электротехника до простого чернорабочего в металлическом производстве) содействует изгнанию кастового духа — духа превосходства одного цеха над другим, обученных рабочих над необученными; во-вторых, содействует лучшей защите интересов пролетариата, давая возможность сразу привести в движение рабочих целой отрасли производства.

Органы объединения. Вопрос об объединении профсоюзов, который столько раз обсуждался лассальянцами и эйзенахцами и облекался ими в те или иные формы

В 70-х годах, вновь встал перед профессиональными союзами как практическая задача, лишь только профессиональное движение вышло на легкую дорогу. Толчком к поднятию вопроса послужил конфликт между гамбургскими рабочими и предпринимателями, начавшийся по поводу празднования 1 мая. Состоявшееся объединение предпринимателей для борьбы с непокорными рабочими показало последним, что и им следует стать на тот же путь объединения, ибо «действительная защита от нападения агрессивных предпринимателей возможна лишь при единодушных выступлениях всех организованных в профессиональные союзы рабочих». Так говорилось в воззвании представителей пяти отраслей металлообрабатывающей промышленности, обращенном к целому ряду союзов и предлагавшем созыв конференции для обсуждения вопросов объединения. Предложение гамбургских металлистов было встречено сочувственно всеми союзами, и в ноябре 1890 г. в Берлине собралась конференция для выработки общей организации, объединяющей все профессиональные союзы. Конференция после горячих дебатов подавляющим большинством голосов решила создать такую организацию, считаясь с существующими ограничениями и запрещениями закона о союзах; вместе с тем конференция постановила в ближайшее время созвать конгресс для создания этой организации, задачи которой должны были состоять в следующем: агитация за отмену старого закона о коалициях, организация наиболее отсталых слоев рабочих, руководство агитацией и защита интересов рабочих в тех местностях, где союзы не имеют почвы для развития, созыв конгрессов, предполагавшийся через каждые три года. На этой конференции была избрана временная центральная комиссия из семи членов, с Карлом Легином во главе. Она получила название «Г е н е р а л ь н о й к о м и с с и и г е р м а н с к и х п р о ф е с с и о н а л ь н ы х с о ю з о в». На первом всеобщем конгрессе профессиональных союзов, состоявшемся в марте 1892 г. в Гальберштадте, постановлено было оставить Генеральную комиссию как постоянную организацию объединения (более прочного объединения нельзя было создать в виду существующего закона о союзах), а также решено было созывать через каждые три года всеобщие конгрессы профессиональных союзов; функции Генеральной комиссии были дополнены следующими: объединение статистических работ отдельных союзов и ведение статистики стачек, издание печатного органа, установление международных свя-

зей. О течении времени число членов Генеральной комиссии было доведено с семи до тридцати. II конгресс профессиональных союзов подкрепил объединение созданием Совета профессиональных союзов, перед которым Генеральная комиссия должна была отчитываться за свои действия. О течением времени в месте пребывания Генеральной комиссии (в Гамбурге, а с 1903 г. в Берлине) стали собираться конференции представителей правлений отдельных союзов, которые, являясь прямыми представителями с мест, приобрели больший авторитет, чем Совет, существование которого в 1914 г. было признано излишним рядом с конференцией правлений.

Потребность в местном объединении и развитие задач профессионального движения привели к образованию двух чрезвычайно важных подсобных органов профессионального единения — картелей и рабочих секретариатов.

Картели (межсоюзные объединения) являются органами, объединяющими профессиональные союзы данной местности. Они в этом отношении сходны с французскими биржами труда, с которыми имеют и другие общие функции: устройство гостиниц для приезжих рабочих, контор найма, статистическое обследование спроса и предложения рабочих рук и вообще вопросов профессионального движения на местах, учреждение профессиональных судов и пр. Задачи местных картелей были точнее определены на Франкфуртском конгрессе (1899 г.). В 1899 г. картели существовали в 252 местах, в 1914 г. — в 575.

К числу подсобных органов профессионального движения принадлежат, наконец, рабочие секретариаты, главные функции которых — дача юридических советов, в особенности по вопросам государственного страхования, фабричного законодательства и договора найма. Каким важным потребностям рабочей жизни удовлетворяли секретариаты, видно из того, что одним своим существованием они в значительной степени содействовали росту профессиональных союзов. Первый секретариат был создан в 1894 г. Нюрнбергскимkartелем профессиональных союзов; в 1914 г. рабочих секретариатов насчитывалось около 150. С течением времени было создано одиннадцать окружных секретариатов в местах нахождения высших государственных органов рабочего страхования и один центральный рабочий секретариат при высшей страховой инстанции в Берлине.

Организация. Выше мы указывали, что в организации союзов в Германии все более и более выдвигается

производственный принцип; однако ему приходилось и приходится преодолевать целый ряд препятствий со стороны постепенно и исторически сложившихся форм. Как и в Англии, здесь сильна была тенденция к сохранению этих форм, и только настойчивость организаторов и руководителей постепенно преодолевает косность и консервативность масс.

В деле организации ранее вопроса о производственном типе выдвинулся вопрос об объединении местных союзов в центральные. Вопрос о преимуществах центральных организаций в сравнении с местными был решен уже на вышеуказанной Берлинской конференции, «в виду того, — как говорится в резолюции, — что принцип местных организаций уже не соответствует современным производственным отношениям, а тяжелое экономическое положение пролетариата настоятельно требует сплочения всех его сил». Это решение было подтверждено I всеобщим конгрессом в Гальберштадте, настоятельно рекомендовавшим местным союзам присоединиться к существующим центральным или образовать новые. Практика показала, что принцип центральных союзов является жизненным и плодотворным, так как все объединенные союзы процветают, между тем как союзы, стремящиеся сохранить свою местную самостоятельность, наоборот, с трудом держатся и кончают тем, что присоединяются к соответствующему центральному союзу.

Гораздо более трудностей было связано с вопросом о проведении производственного принципа во внутреннем строе союзов. Естественное развитие союзов выдвинуло самые разнообразные типы; вопрос, таким образом, шел о ломке и переустройстве существующего. Генеральная комиссия с самого начала своего существования пыталась выработать определенную схему организации, чтобы показать союзам организационный путь в будущем. Генеральная комиссия подошла к вопросу очень осторожно; признавая цеховой принцип основным, она рекомендовала объединение родственных профессий для совместных выступлений. На конференции в Гальберштадте, предшествовавшей Гальберштадтскому конгрессу, металлисты выступили с проектом производственных союзов, а деревообделочники соглашались в общем с проектом Генеральной комиссии, оставляя вопрос об образовании производственных союзов открытым в зависимости от дальнейшего развития. Конгресс примкнул к

взгляду деревообделочников, соглашаясь, что насильственная ломка сложившихся объединений принесла бы только вред.

Однако сама жизнь толкала к объединению по производственному типу; так, в некоторых отраслях во время стачек предприниматели заменяли стачечников необученными рабочими, не входившими в союз. Это заставило пивоваров привлечь в свой союз всех подсобных рабочих, переименовав его из союза пивоваров в союз рабочих пивоварен; точно так же поступили мельники, превратившись из союза мельников в союз рабочих на мельницах. Иногда недостаток средств для стачечной борьбы заставлял мелкие союзы примкнуть к родственным более крупным; так, например, в 1907 г. граверы примкнули к металлистам. Немаловажную, если не наиболее важную роль в концентрации союзов, играли успехи техники, стиравшие грани между родственными профессиями; под влиянием этого произошло объединение кузнецов со слесарями, позолотчиков и токарей с деревообделочниками; точно так же к деревообделочникам с течением времени примкнули щеточники, корзинщики, каретники; штукатуры примкнули к строительным рабочим, перчаточники — к кожевникам и т. д. Такие объединения, под влиянием вышеуказанных и других причин, совершались в продолжение последнего десятилетия до войны и продолжают совершаться по сию пору. Но все же говорить об образовании единого типа производственного союза по сию пору еще не приходится. О положении этого вопроса в последние годы будет сказано в следующей главе, в параграфе, трактующем о состоянии профессионального движения после войны. С вопросом о слиянии был связан вопрос о разграничении отдельных профессий и круга действия того или иного профессионального союза или «споры о границах», бывшие предметом обсуждения на нескольких конгрессах. Гамбургский конгресс (1908 г.) принял резолюцию, в которой говорится: «Развитие профессионального движения, несомненно, происходит в направлении слияния организаций в большие дееспособные союзы. Внешнее вмешательство в это самостоятельно происходящее развитие посредством решений конференций и конгрессов будет лишь затруднять и мешать развитию, и поэтому всякое окончательное регулирование границ посредством таких решений признается нежелательным. Чтобы предоставить простор для существования профессиональных союзов, им рекомендуется, признавая существующее состоя-

ние организаций, разграничивать спорные области агитации специальными соглашениями между центральными правлениями заинтересованных союзов и все вопросы профессиональной и совместной агитации, перехода членов из одного союза в другой и совместных выступлений по вопросам заработной платы регулировать путем прочных постановлений в виде картельных договоров» (цит. по Нестрипке. Профсоюзы, т. I, изд. ВЦОПС). Мюнхенский конгресс 1914 г. вновь рассматривал тот же вопрос, что показывает, насколько он был чреват конфликтами. Конгресс в своей резолюции подчеркивает, что прогресс техники ныне более, чем в прежние времена, требует присоединения неквалифицированных и вспомогательных рабочих к соответствующим союзам данной профессии или производства и рекомендует для улаживания конфликтов, кроме картельных договоров, третейские суды.

Печать. Исключительная роль, которую играла профессиональная печать в период действия закона о социалистах, нами отмечена выше. С переходом профессионального движения на легальное (вернее говоря, полулегальное) существование, профессиональная пресса развивается и крепнет вместе с развитием самого движения. Как общее правило, все центральные союзы имеют каждый свою газету; лишь незначительные организации выпускают газету реже раза в неделю; большинство имеет еженедельные газеты, а более мощные организации выпускают свою газету чаще. «Корреспондент» печатников выходит три раза в неделю. Газета обыкновенно посылается членам бесплатно; снабжение ею своих членов является как бы одной из функций союза, добросовестно им выполняемой.

«Газета металлистов» выходила до войны в количестве 600 тыс. экземпляров и печаталась в двух местах — в Штутгарте в собственной типографии и в Берлине; тот же союз издавал ежемесячник для обсуждения общих вопросов культуры. «Корреспонденцблат», издаваемый Генеральной комиссией, разросся в солидный орган, сообщающий и обсуждающий все, что относится к общепрофессиональной жизни как с принципиальной, так и с практической стороны. Обширная информация и статистические данные давали возможность каждому обозревать профессиональное движение вширь и вглубь. Генеральная комиссия, между прочим, издавала газеты на польском и итальянском языках для пропаганды среди польских и итальянских рабочих.

Кроме периодической прессы, профессиональные союзы издавали литературные произведения для своих читателей, справочные издания, прекрасно разработанные отчеты, руководства с богатыми статистическими материалами, ценными статьями по вопросам профессионального движения, социально-политическим вопросам и пр. Некоторые крупные профсоюзы имеют собственные типографии.

Отношения между профсоюзами и партией

Об отношениях с.-д. партии к профессиональному движению несколько раз упоминалось выше. Остановимся на этом вопросе немного подробнее. Из истории рабочего движения Англии, и в особенности Франции, мы видели, какой ущерб терпит это движение в случае розни и несогласий между политической партией и профессиональными союзами. Во Франции это неприязненное отношение между обеими сторонами рабочего движения является своего рода хронической болезнью. В Германии, как мы видели выше, возникновению и развитию профсоюзов содействовала партия, и это способствовало установлению между ней и союзами отношений, которые можно назвать нормальными. Эти отношения чрезвычайно содействовали развитию мощи германского рабочего движения. Хотя доступ в союзы был открыт всем рабочим без различия их партийных симпатий, вследствие чего союзы получили название «свободных», но фактически они находились целиком под влиянием социал-демократической партии; но, само собой понятно, здесь было немало колебаний и трений между сторонами, которые не всегда удачно удавалось уладить.

Еще на Кельнском партийтаге 1893 г. высказывались сомнения, могут ли много дать профессиональные союзы рабочему движению. Здесь сказалось розовое настроение в партии, возбужденное громадным успехом в первые годы после выхода из подполья. В. Либкнехт сказал: «Я и мои друзья не думаем, чтобы профессиональные союзы достигли когда-либо в Германии такой высоты развития, как в Англии. Я убежден, что прежде чем будет достигнута эта ступень развития, на бастионах капитализма и укрепленных замках немецкой буржуазии будет развеяться красное знамя победоносной социал-демократии». Однако Кельнский партийтаг в своей резолюции возложил на партийных товарищей «обязанность неутомимо содействовать пониманию значения профессиональных организаций и всеми силами бороться за их укрепление». В продолжение всех 90-х го-

дов с.-д. смотрели на профессиональные союзы как на «резервуары», из которых партия может черпать новых членов и последователей; Бебель их называл школами социализма. Отмена в 1899 г. закона, запрещающего политическим обществам вступать в сношения между собой, облегчила сближение между профессиональными союзами и партией. В конечном итоге отношения, установившиеся между обеими сторонами, основывались на доверии, которое профсоюзы питали к партии как защитнице их интересов. Это обстоятельство было отмечено на франкфуртском конгрессе профсоюзов (1899 г.) председателем Генеральной комиссии К. Легином в следующих выражениях: «Профессиональные организации Германии (подразумеваются свободные профсоюзы. — А. А.) не суть социал-демократические, ибо прием новых членов они не ставят в зависимость от того, социал-демократ ли каждый вновь вступающий и принадлежит ли он к социал-демократической партии. Но члены немецких профессиональных союзов в значительном большинстве своем принадлежат к немецкой социал-демократической партии. Такое явление само собой понятно... Социал-демократическая партия есть та партия, которая требует и энергично защищает то же, чего мы требуем в качестве профессиональных союзов, и поэтому мы не можем не быть социал-демократами». Кроме того, — как добавил председатель союза каменщиков — большинство членов немецких профессиональных союзов пришло к твердому убеждению, что рабочий класс не добьется действительно улучшения своего положения... пока современная, капиталистическая система хозяйства, не будет заменена коллективистской.

Несмотря на установившиеся, повидимому, нормальные взаимоотношения между профсоюзами и партией, лидеры профессионального движения непрерывно жаловались на то, что представители партии смотрят на союзы, как на ее органы, как на «специальное оружие» партии, не считая их равноправной ветвью рабочего движения. Вопрос этот, обсуждавшийся на партийтагах и профессиональных конгрессах, был, наконец, решен с оппортунистическим уклоном на Мангеймском партийтаге (1906 г.), признавшем партию и профессиональные союзы равно необходимыми частями рабочего движения. Признавая равноправность обеих сторон рабочего движения, резолюция призывает лидеров той и другой стороны работать в дальнейшем в более тесном контакте, причем «для проведения

совместных выступлений, одинаково затрагивающих интересы партии и союзов, центральные органы обеих организаций должны вступить в соглашения».

Голосую за указанную резолюцию, лучшие представители соц.-дем. партии не без основания опасалась правящей, которая кроется в союзах, обладающих крупными капиталами, собственными домами, кооперативами и даже предприятиями; она опасалась того духа примиренчества, к которому становятся склонными такие организации, не желающие из-за проблематических, по их мнению, благ отдаленного будущего рисковать теми завоеваниями, которых уже удалось добиться. Это особенно рельефно обнаружилось на разногласиях между партией и союзами по вопросам о всеобщей стачке и о праздновании 1 мая. Что касается первого столкновения, поводом к которому послужила резолюция Иенского партийтага (1905 г.), то об этом нами сказано в своем месте (см. § «Партейтаги»). В этом вопросе, как мы видели, партия сделала уступку союзам. С вопросом о праздновании 1 мая дело обстояло так. В 1895 г. партия обратилась к профсоюзам с предложением более активно проводить первомайскую забастовку. Между тем в союзах в виду того, что предприниматели отвечали на первомайские забастовки локаутами, предпочитали вечернее празднование 1 мая. Между профсоюзами и местными партийными организациями по вопросу о праздновании 1 мая всегда возникали серьезные трения. Для улажения вопроса между партией и Генеральной комиссией был заключен договор, согласно которому в городах и фабрично-заводских местностях создавались паритетные комиссии, которые должны были заботиться о должном проведении праздника, учитывая профессиональные и местные отношения. В 1908 г. Нюрнбергский партийтаг принял постановление, согласно которому все служащие партийных и профессиональных организаций должны ежегодно отчислять однодневный заработок в «майский фонд». Конфликт, происшедший оттого, что некоторые служащие отказались делать указанные взносы и профессиональные инстанции их поддержали, был улажен в 1913 г. на Иенском партийтаге, который отменил это постановление, сделав взносы добровольными.

Мы видим, таким образом, что в весьма серьезных вопросах тактики профсоюзы оказывались значительно правее партии, которая при всяком конфликте с ними делала уступки, необходимые для сохранения единства рабочего движения.

Стаечное движение в Германии очень значительно, и в отношении ежегодного числа стачек Германия не отстает от Франции и Англии.

Приводим таблицу забастовок и локаутов с 1900 до 1913 г.

Год	Число столкновений	Число участников	Число потерянных дней	Успешно	Частично успешно	Неуспешно
				в процентах		
1900	852	115.711	1.234.025	45,2	25,9	26,1
1901	727	48.522	1.194.553	37,7	24,1	33,4
1902	861	55.713	964.317	41,4	18,5	35,0
1903	1.282	121.593	2.622.232	49,4	19,0	28,5
1904	1.625	135.957	2.120.154	55,7	20,1	22,1
1905	2.323	507.964	7.362.802	53,6	23,5	21,0
1906	3.480	316.042	6.317.675	53,8	22,4	20,9
1907	2.790	281.030	5.122.467	49,4	25,4	22,7
1908	2.052	126.883	2.045.585	44,2	19,7	33,6
1909	2.045	131.244	2.247.512	56,8	16,4	24,3
1910	3.194	369.011	9.037.575	53,6	31,0	14,9
1911	2.914	325.253	6.864.240	65,3	15,3	19,0
1912	2.825	479.289	4.776.818	61,7	16,4	19,3
1913	2.600	248.986	5.672.034	63,8	16,6	19,5

Из прилагаемой таблицы мы видим, во-первых, что с течением времени число успешных столкновений растет, каковое обстоятельство следует объяснить ростом могущества союзов и улучшением тактики борьбы; вместе с тем, при более внимательном рассмотрении таблицы по отдельным годам и соответствующим данным, мы убеждаемся, что успешность конфликтов тем выше, чем крупнее стачки по числу участников и по их продолжительности, т. е. по настойчивости борьбы; так, мы видим, что наиболее выдающийся в этом отношении 1910 г., со средним числом участников одного столкновения в 115 человек и средним числом потерянных дней на каждого участника в 24,5, дал 84,6% успешных и частично успешных столкновений и всего 14,9% неуспешных (недостающий процент приходится на незаконченные к концу года конфликты); аналогичные результаты

дает и 1911 г. Между тем, 1908 г., со средним числом участников одного столкновения в 61 человек и средним числом потерянных дней на каждого участника в 16, дает 63,9% успешных и частично успешных и 33,6% неуспешных конфликтов.

Отметим те из стачек, которые отличались грандиозностью размеров и напряженностью борьбы.

Большое внимание всех общественных кругов и печати привлекла в 1896 г. борьба рабочих конфекционной промышленности (готовое платье, белье и пр.) больших городов, которая познакомила широкую публику с ужасами эксплуатации мужчин и женщин, работающих сдельно на дому для этой отрасли промышленности. Здесь повторились картины потогонной системы, с которой двадцать лет тому назад велась ожесточенная борьба в Англии.

В конце 1896 г. бастовали гамбургские портовые рабочие и моряки в количестве 18 тыс. человек. Борьба, длившаяся 3½ месяца, довела участников до ожесточения, проявившегося в нескольких кровавых столкновениях, но не дала рабочим желаемых результатов.

В 1908 г. забастовали ткачи в Кримичау, в Саксонии, посылающей в рейхстаг, главным образом, социал-демократов. В продолжение полугода боролись стачечники за 10-часовой рабочий день не только против фабрикантов, но и против всей германской буржуазии ¹⁾. Пролетариат со всех концов Германии присылал стачечникам пожертвования, что делало стачку общепролетарским делом. Но фабриканты проявили необычайное упорство, и стачечники в конце концов принуждены были уступить.

В 1905 г. произошла грандиозная стачка рурских рудокопов (в Западной Пруссии), преднамеренно вызванная предпринимателями, объединенными в могучий союз (или синдикат). Дело в том, что слишком взвинченные синдикатом цены на уголь вдруг начали падать. Для остановки этого падения необходимо было временно приостановить производство, чтобы создать «угольный голод». Для этого нужно было вызвать стачку. «Угольные бароны» начали провоцировать рабочих, удлиняя рабочий день, производя неправильные расценки работ. Сначала вожаки не ропсали на борьбу, находя стачку невыгодной в данный момент. Они убедили рабочих добиваться третейского суда,

¹⁾ В Англии, как мы видим из примера стачек машиностроителей (1852 г.) и плотников (1858 г.), «публика» нередко оказывала денежную помощь стачечникам против капиталистов.

но предприниматели и в этом отказали. Тогда 200 тыс. рабочих забастовали. Исчезли разногласия между союзами социал-демократическими, христианскими и либеральными. Все объединились в общем рабочем деле. Стачка продолжалась четыре недели и кончилась только тогда, когда в дело вмешалось правительство, обещавшее удовлетворить рабочих изданием нового закона, который должен был сократить аппетиты предпринимателей. Рабочим эта стачка обошлась в 20 млн. марок, синдикату предпринимателей в 70 млн. марок, но последние с лихвой вернули свои убытки, повысив должным образом цены на уголь.

В том же году была крупная стачка табачных рабочих в Дрездене, рабочих по металлу в Мюнхене и др.

В 1906 г. вспыхнула стачка тюрингенских углекопов, продолжавшаяся два месяца и доставившая им победу в виде установления 9-часового рабочего дня и увеличения заработной платы. В том же году происходила всеобщая забастовка рабочих по металлу в ответ на отказ предпринимателей установить минимум заработной платы и уничтожить сверхурочные работы. Хозяева ответили локаутом. Столкновение, длившееся больше двух месяцев, кончилось компромиссом: рабочие отказались от требования минимальной заработной платы, хозяева уступили по вопросу о сверхурочных работах, обязавшись оплачивать их на 25 % дороже.

Еще грандиознее, чем вышеупомянутые стачки рудокопов, была стачка рабочих этой отрасли в 1912 г., в которой участвовали 235.148 чел. Она окончилась неудачно вследствие того, что христианские профсоюзы, имевшие здесь сильные организации с большим количеством членов, не поддержали бастовавших.

Социальное и
фабричное законо-
дательство ¹⁾

Все виды социального и фабричного законодательства современного капиталистического государства следует рассматривать как прямые или косвенные завоевания рабочего класса, потому что господствующие классы, как показывает опыт, неспособны сделать в пользу рабочего класса ничего, если они к тому не вынуждены борьбой рабочих или собственными интересами.

Так, принудительные кассы взаимопомощи, созданные прусскими законами 1849 и 1854 гг., были вызваны к жизни тем, — как показывает сама мотивировка закона, — что не-

¹⁾ В области фабричного и социального законодательства произошли значительные перемены после революции 1918 г.

обеспеченность рабочих «способствует развитию разрушительных мечтаний социализма».

Под влиянием тех же причин возникло в 1883 г. так называемое бисмарковское страхование рабочих. Борясь с необыкновенно быстрым распространением социализма, Бисмарк, с одной стороны, издал закон о социалистах (1878 г.), разрушивший тогдашнюю с.-д. организацию; желая вместе с тем привлечь рабочих на свою сторону, он задумал государственное страхование. Но, как показали факты, затем эта не привела к желанной цели, хотя рабочие не отказались воспользоваться тощими благами этого «социального» дара.

Государственное страхование на случай болезни (по закону 1883 и 1889 г., дополненное целым рядом других законов, правил и постановлений) ведалось семью различного рода кассами. В «свободных зарегистрированных» кассах управление находилось целиком в руках рабочих. В местных больничных кассах центр тяжести управления находился на стороне рабочих; в «фабричных» кассах преобладало смешанное представительство; «общинные» кассы управлялись бюрократически. Наиболее были развиты местные больничные кассы. В 1908 г. во всех кассах было застраховано 12.300 тыс. рабочих, кроме того, в особых горно-заводских кассах — 800 тыс. рабочих. Издержки на больных поднялись с 157.800 тыс. марок в 1900 г. до 297.400 тыс. марок в 1908 г.

Функции касс заключались в предоставлении бесплатного врачебного ухода в продолжение 26 недель, в выдаче больничного вспоможения в размере половины заработной платы, в помощи роженицам в продолжение 6 недель и в выдаче похоронных денег. Средства касс составлялись (до 1914 г.) из взносов, делаемых в размере двух третей рабочими и одной трети предпринимателями.

Страхование от несчастных случаев является по существу страхованием предпринимателей от несения ответственности за пострадавших у них рабочих. Предприниматели (целиком за свой счет) страховали рабочих в особых профессиональных товариществах, управление коими находилось в руках лиц, избираемых предпринимателями; рабочие имели только своих представителей в комиссиях и в трестейском суде. Размер получаемой ренты (пособия) находился в зависимости от годового дохода рабочего. В случае полной потери трудоспособности рента составляла две трети

Годового заработка. По статистическим данным, средний годовой заработок застрахованного рабочего равнялся в 1900 г. 896 маркам, в 1908 г. — 1.074 маркам, т. е. возрос за 8 лет почти на 20%. В 1908 г. было застраховано от несчастных случаев 23.600 тыс. человек, а страховую ренту получали 1.008.677 увечных (или их родственники).

Страхованию на случай старости и инвалидности подлежали все лица, имеющие от роду 16 лет и занятые за денежное вознаграждение, причем независимо от размера вознаграждения — рабочие, приказчики, подмастерья, ученики, прислуга и лица судовой команды, а с заработком не свыше 2 тыс. марок — мастера, техники, конторщики, частные учителя и пр. Добровольно могли страховаться лица, не достигшие 40 лет и получавшие больше 2 тыс. марок, но не больше 3 тыс. марок.

Инвалиды получали инвалидную ренту, если они в продолжение 200 недель делали взносы; стариковскую пенсию получали соответствующие лица по достижении 70 лет, если они делали взносы в продолжение 1.200 недель.

Средства для выплаты рент составлялись из взносов работодателей и рабочих в одинаковых долях и приплаты правительства в размере 50 марок на каждое лицо. Высота взносов различна в зависимости от класса, к которому отнесено лицо по своему заработку; таких классов было пять.

Рента была ничтожна, хотя ее средний размер из года в год возрастал соответственно с увеличением заработной платы. Средняя инвалидная рента была в 1891 г. — 113 марок, в 1895 г. — 124 марки, в 1900 г. — 142 марки, в 1904 г. — 155 марок. Средняя стариковская рента была в 1891 г. — 123½ марки, в 1895 г. — 132 марки, в 1900 г. — 145½ марок, в 1904 г. — 157 марок.

Фабричное законодательство. Как и в других странах, оно прежде всего было направлено на ограничение работы детей и женщин.

В 1893 г. издан (в Пруссии) закон, запрещающий работу детей моложе 9 лет на фабриках и в горных промыслах; для подростков от 9 до 16 лет рабочий день ограничивается 10 час. с полуторачасовым перерывом для еды; ночная работа подростков воспрещена.

В 1853 г. издан закон, повысивший возраст детей, коим воспрещена работа на фабриках и в горных промыслах, постепенно до 12 лет; для подростков до 14 лет рабочий день ограничивается 6 час. В 1854 г. воспрещена работа подростков

до 16 лет в копях под землей. Учреждена фабричная инспекция. В период 1869 — 1873 гг. законы эти распространены на всю Германию.

В 1891 г. запрещена работа детей моложе 13 лет и тех 13 — 14 лет, которые обязаны посещать школу. В 1900 г. разрешена работа подростков в течение 8 час. с перерывом в 1 час.

Все указанные законы не касались сельской и домашней промышленности, где детский труд применялся в широких размерах, начиная с пятилетнего возраста детей. В 1903 г. запрещен и в этих областях труд чужих детей до 12 лет и собственных детей до 10 лет; дети старше 12 лет не могут быть заняты работой с 8 час. веч. до 8 час. утра; рабочий день их не может превышать 3 час., а во время вакации — 4 час.

Регулирование фабричного труда женщин начинается в 1878 г., когда женщинам запрещена работа под землей в горных промыслах. В 1891 г. запрещена ночная работа женщин на фабриках (8½ час. вечера — 5½ час. утра) и работа в воскресные и праздничные дни. Длина рабочего дня женщин не должна превышать 11 час., накануне праздников — 10 час., перерыв в 1 час. для еды. Родильницы не должны быть занимаемы работами 4 недели после родов, а на 5-й и 6-й неделях работают с разрешения врача. По закону 1902 г., женщины, служащие в трактирах и пивных, должны иметь отдых в 8 часов. По закону 1909 г., рабочий день женщин в предприятиях, где работает больше 10 человек, сокращен до 10 час.

Для мужчин общих узаконений не было, за исключением закона о праздничном отдыхе. В 1896 г. в булочных и кондитерских работа в ночное время ограничена была для подмастерьев 12 час. Законом 1902 г. требование 8-часового отдыха для служащих в трактирах и пивных распространено и на мужчин. По закону 1900 г. торговые заведения должны закрываться не позже 9 час. вечера. Такого в общем скудное законодательство в пользу взрослых рабочих.

В рассмотренной области после революции 1918 г. произошли коренные перемены, о которых речь в следующей главе.

Кооперативное движение Кооперативное движение в Германии стало развиваться в 50-х годах. Сначала стали возникать кредитные товарищества, насаждаемые в городах Шульце-Деличем, в деревнях — Райфайзенном.

Пролетарская потребительская кооперация получила возможность свободно развиваться вместе с отменой закона о

социалистах. Сначала пролетарская кооперация примыкала к общему мелкобуржуазному союзу, созданному последователями Шульце. Но вскоре потребительным обществам становится тесно в этом союзе с мелкобуржуазными элементами. А когда, благодаря усилиям, главным образом, саксонских пролетарских потребительских обществ, было основано в 1894 г. Общество опытных закупок, то разрыв между пролетарскими потребительскими обществами и остальной частью союза стал неизбежным. Но все же этот разрыв произошел только через 8 лет на кооперативном конгрессе в Крейцнахе в 1902 г., когда из всеобщего союза были исключены рабочие потребительные общества. Исключенные потребительные общества образовали новую центральную организацию под названием Центральный союз германских потребительных обществ, к которому в 1912 г. принадлежало $\frac{3}{4}$ всех потребительных обществ. По данным 1915 г., число рабочих составляло $81\frac{1}{2}\%$ всех членов.

Центральной торговой организацией является Общество оптовых закупок в Гамбурге; в 1914 г. его оборот равнялся 157.524 тыс. марок. Общество оптовых закупок имеет мыловаренный завод, табачную фабрику, кофеобжигательную и ряд других промышленных предприятий; его собственное производство в 1914 г. выразилось в сумме 10.475.273 марок.

Отношение с.-д. партии к кооперативному движению ¹⁾ было, приблизительно, такое же, как к профессиональному движению: сначала равнодушное и даже неблагоприятное, но когда пролетарский характер потребительных обществ выявился, отношение с.-д. партии изменилось в смысле признания пролетарского потребительного движения составной частью общего рабочего движения.

Кооперативы, принадлежащие к центральному союзу, располагали в 1908 г. 73 млн. марок оборотного капитала. Оборот их равнялся 236,6 млн. 158 строительных товариществ с 49.400 членами имели капитал в 110 млн. и 4.914 готовых домов с 14.868 квартирами.

На Копенгагенском международном социалистическом конгрессе в 1910 г. по вопросу о потребительской кооперации была принята резолюция, в которой, между прочим, говорится:

«Принимая во внимание, что потребительные общества не только способны давать своим членам непосредственные

¹⁾ За исключением производительных ассоциаций, входивших в программу лассальянцев и рекомендованных Интернационалом. Из Эрфуртской программы производительные кооперативы исключены.

материальные выгоды, но и призваны путем устранения торговых посредников и путем собственного производства для организованного употребления экономически укрепить рабочий класс и улучшить условия его существования, а также воспитать рабочих к самостоятельному ведению своих дел и тем помочь подготовить демократизацию и социализацию производства и распределения, — съезд заявляет, что, хотя кооперативное движение одно никогда не может привести к освобождению труда, оно все же может быть могучим оружием в классовой борьбе пролетариата, направленной к достижению его конечной цели — завоевания политической и экономической власти для обобществления всех средств производства и обмена и что для пролетариата весьма важно использовать это оружие.

Поэтому конгресс самым настойчивым образом рекомендует всем членам партии и всем профессионально-организованным рабочим стать деятельными членами кооперативного движения.

Наконец, конгресс заявляет, что в интересах рабочего класса, в его борьбе с капитализмом необходимо, чтобы связь между политическими, профессиональными и кооперативными организациями становилась все теснее без всякого посягательства, однако, на самостоятельность каждого из этих движений.

Более осторожная резолюция принята на Магдебургском партийном конгрессе германской социал-демократии 1910 г., происшедшем вслед за Копенгагенским международным конгрессом.

«Общее вздорожание продуктов, — говорится в принятой партийным конгрессом резолюции, — и предметов первой необходимости... все убедительнее доказывает широким массам пользу объединения в потребительные общества...»

«Создавая фонды вспомоществования для своих членов, влияя на условия труда в тех предприятиях, у которых общества закупают товары, организуя собственное производство и приучая рабочих самостоятельно вести свои дела, потребительные общества становятся ценным средством поддержки рабочих в их классовой борьбе.

Социал-демократическая партия защищает потребительные общества от нападков их врагов как в печати, так и в представительных учреждениях. Эта защита отвечает классовым интересам пролетариата, ибо кооперативная деятельность есть весьма действительное дополнение к политической и

профессиональной борьбе за улучшение положения рабочего класса».

Вопрос о сближении рабочей потребительной кооперации с профсоюзами обсуждался многократно в печати и на съездах обеих сторон; сближение незадолго до войны начало налаживаться. Тесная связь между кооперативными и профессиональными центрами установилась благодаря совместной организации ими «народного страхования», не имеющего своей целью получение прибыли. Необходимый капитал в 1 млн. марок был вложен в это дело поровну обоими указанными центрами. Как велик был интерес широких трудовых масс к этому делу — видно из того, что «народное страхование», начавшее функционировать с середины 1913 г., уже в первое полугодие своего существования заключило 74.746 договоров о страховании в общем на сумму 13,25 млн. марок.

В 1914 г. в Центральный союз входило 1.149 потребительных обществ с 1.730 тыс. членов; с 30.522 служащими; собственный капитал этих обществ равнялся 77.811 тыс. марок; оборот — 699.445 тыс. марок, прибыль — 44.919 тыс. марок.

**Отличительные
черты герман-
ского рабочего
движения**

Главной отличительной чертой германского рабочего движения нужно считать его умеренность, нереволюционность, которую тем более следует подчеркнуть, что германское рабочее движение с самого начала развивалось, главным образом, как движение политическое. Некоторые буржуазные теоретики (как, например, Зомбарт) пытаются объяснить эту нереволюционность тем, что «миролюбие» находится в крови у немца. Но это не объяснение для социально-политических фактов.

Здесь прежде всего нужно принять во внимание развитие германской промышленности. Еще до начала 70-х годов Германия была страной мелкоремесленной по преимуществу, стоя в отношении развития крупной промышленности позади Англии и Франции. И вот, после своего объединения и разгрома ею Франции в 1871 г., Германия начинает развивать свою промышленность сказочными шагами и вскоре не только оставляет позади себя Францию, но начинает — и очень успешно — конкурировать с Англией. Благодаря такому интенсивному развитию промышленности, спрос на рабочие руки неизменно возрастал, заработная плата держалась на приличном уровне. Вместе с тем, ввиду «вмешательства» еще с 50-х годов государства в отношения между трудом и

капиталом (что явилось результатом борьбы партий, а также подражания Западу), рабочие не были совершенно беззащитны против эксплуатации капитала, как это было в Англии в первой половине XIX в. Вследствие указанных причин германский рабочий класс в значительной степени избег тех бедствий, которые переживал английский рабочий класс в первые периоды развития промышленности в Англии. С другой стороны, ни средняя, ни мелкая буржуазия не играли в раздробленной, отсталой Германии 50-х и 60- годов той политической революционной роли, какую, например, они играли во Франции, а когда им настала пора играть эту роль, на сцену выступил уже довольно сильный пролетариат. Поэтому у германского рабочего не было революционных союзников из мелкобуржуазного класса, как это было во Франции, ни столь острых причин к возмущению, как это было в Англии в начальный период развития промышленности.

В то же время колоссальную роль в направлении германского рабочего движения сыграли эволюционные элементы теории, почерпнутые некоторыми руководителями движения якобы из учения Маркса и созданные другими в противовес этому учению, а именно — учение о постепенном развитии предпосылок социализма, о постепенном увеличении политических сил пролетариата в стране и парламенте. Воспринятая теория вскоре взяла верх над политической практикой, и теоретические споры заступили место действия. «Вы, — говорил Жорес, обращаясь к немцам на Международном амстердамском конгрессе, — скрываете ваше бессилие за непримиримыми теоретическими формулами, которые вам будет преподносить до конца своей жизни ваш замечательный товарищ Каутский». Партия на своих ежегодных съездах, хотя и клялась беспощадно бороться с ревизионизмом, в действительности делала ему уступки на каждом шагу и из революционной партии, какой она себя считала, скоро превратилась в партию социальных реформ. Преобладание теории над действием обнаружилось в той характерной черточке, что направления в германском рабочем движении носят названия по именам теоретиков: ласкальянство, марксизм бернштейнианство, между тем как во Франции направления носят названия по именам политических вождей — бланкизм, бруссизм, гедизм, жоресизм и пр.

Наконец, третьей — и положительной — чертой германского рабочего движения является согласованность и связанность его политических элементов

экономическими, т. е. правильное взаимоотношение между с.-д. партией и профессиональным (а также кооперативным) движением. Эта гармония взаимоотношений выражалась в том, что профессиональные (и кооперативные) организации выступали дружно и согласованно рядом с с.-д. партией, в то же время подчиняясь ее влиянию как руководительнице всего целого, носительнице конечного идеала рабочего движения — социалистического идеала, который она призвана осуществить.

В этом отношении германское рабочее движение находилось в условиях, которых мы не наблюдаем ни в одной крупнопромышленной стране. Здесь тоже сказались особенности политического и промышленного развития Германии, но и в немалой степени влияние воспринятых теорий (Лассалья и Маркса).

В 1863 г., когда Германия только пробуждалась к промышленной жизни, в ней уже зародилась самостоятельная рабочая партия. После отмены закона о социалистах развитие этой партии пошло гигантскими шагами. В это время пролетарское профессиональное (и кооперативное) движение только что начинало развиваться и укрепляться. Вполне понятно, что экономические организации рабочего класса должны были оказаться в подчиненном положении у политической уже окрепшей организации, тем более, что деятелями и руководителями экономических организаций были большей частью люди, прошедшие партийную школу.

Обратное явление мы видим в Англии, где профессиональное движение до последнего времени развивалось при полном отсутствии самостоятельной рабочей партии. Что касается Франции, то хотя и там политика преобладала над экономикой, но там никогда не было единой, а потому сильной и авторитетной рабочей партии, которая могла бы подчинить своему влиянию профессиональное движение.

Немалую роль в Германии, в рассматриваемом отношении, сыграло и то обстоятельство, что со времени Лассалья существовало пренебрежительное отношение к профессиональному движению и к потребительной кооперации, вследствие чего усилия руководителей этих ветвей рабочего движения были направлены не на господство в совокупном рабочем движении, а на то, чтобы партия признала, по крайней мере, их равноценность рядом с политическим движением.

Если вообще можно говорить о заслугах рабочего движения отдельных стран перед общим всемирным рабочим

движением, то скажем словами Маркса, что в этом совокупном рабочем движении английское является экономистом, французское — политиком, немецкое — теоретиком, ибо английское рабочее движение создало основные элементы профессионального движения, французское — дало нам образцы революции, немецкое — лучезарный свет теории.

Второй
интернационал ¹⁾ После разгрома Парижской коммуны в 1871 г. (см. отд. II, гл. I) и распада I Интернационала в 1872 г. ²⁾ рабочее движение в раз-

личных странах Европы только временно пошло на убыль, но вскоре оправилось и получило более широкий размах, чем в период I Интернационала: в одних странах Европы стали возникать политические рабочие партии, в других — возникли условия для их образования; в то же время развивалось и укреплялось во многих странах профессиональное движение. Поэтому, уже скоро начинаются попытки нового международного объединения пролетариата. К числу их следует отнести всемирный социалистический конгресс в Генте в 1877 г. Конгрессом был принят ряд постановлений касательно объединения всех социалистических сил; но конгресс не привел к желаемому объединению, так как слишком разнородны были воззрения и направления его участников. В 1881 г. собрался конгресс социалистов различных стран в швейцарском городке Хуре. Конгресс нашел, что для создания нового Международного товарищества рабочих, почва еще недостаточно подготовлена, так как рабочее движение, пришедшее на смену Интернационалу, еще слишком молодо, и социалистические партии в отдельных странах еще слишком слабы. В 1888 и 1886 гг. состоялись две международные рабочие конференции. На первой из них преобладали английские тред-юнионисты и французские POSSIBILISTES; на второй конференции преобладали представители профсоюзов; социалисты не были на нее допущены. В 1888 г. в Лондоне собралась международная конференция профсоюзов. Здесь, по предложению POSSIBILISTES, решено было созвать международный конгресс в Париже в 1889 г. (это был год столетнего юбилея Великой французской рево-

¹⁾ В задачи настоящей книги не входит изложение международных элементов рабочего движения; но принимая во внимание, что ею пользуются как учебным пособием, мы сочли нужным вставить настоящей параграф, который мы помещаем в этом отделе по той же причине, по которой сюда отнесено изложение истории I Интернационала.

²⁾ Бакунинский Интернационал, существовавший до 1880 г. не имел существенного влияния на подготовку II Интернационала.

люции; кроме того, в этом году в Париже устраивалась всемирная выставка). Одновременно с этим и съезд гедистских профсоюзов, происходивший в Бордо, принял такое же решение. Во избежание устройства двух одинаковых конгрессов собравшаяся в Гааге в феврале 1889 г. международная конференция вступила в переговоры с POSSИБИЛИСТАМИ, но последние не пошли на уступки. В виду этого организация конгресса была поручена гедистам и бланкистам. В результате в 1889 г. в Париже были устроены два конгресса; но POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс оказался слабым, и действительным международным социалистическим конгрессом, положившим начало II Интернационалу, был конгресс, устроенный марксистами-гедистами (при содействии бланкистов).

П а р и ж с к и й к о н г р е с с (14 — 20 июля 1889 г.). На конгресс прибыло больше 390 делегатов от 19 стран. Больше половины делегатов, впрочем, было от Франции ¹⁾. Много времени ушло на заслушивание докладов о состоянии рабочего движения в различных странах. Представители анархистских организаций не были допущены, но много анархистов принимали участие в конгрессе как делегаты профессиональных союзов.

В резолюции об экономической и политической борьбе, принятой в связи с докладами о состоянии рабочего движения в различных странах, было признано, что одной только экономической организации труда (профсоюзов) недостаточно для освобождения рабочего класса, что для этого абсолютно необходимо образование во всех странах самостоятельных политических рабочих партий, целью которых является политическая деятельность для завоевания политической власти.

Столь же четко были определены задачи пролетариата при рассмотрении вопроса о международном рабочем законодательстве, где конгресс, выдвигая ряд требований в защиту условий труда, выражает убеждение, что «освобождение труда и человечества может быть достигнуто только международными усилиями пролетариата, организованного интернационально как класс, и только после того, как он завладеет политической властью, чтобы экспроприировать средства производства капиталистического класса и отдать их в общественную собственность».

¹⁾ На этом конгрессе один из докладчиков о России Г. В. Плеханов в конце своей речи произнес следующую, ставшую исторической, фразу: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

При рассмотрении вопроса об отмене постоянных войск и всеобщем вооружении народа, конгресс констатировал, что «постоянное войско, или вооруженная сила, служащая травящему или змущему классу, представляет собой полное отрицание демократического или республиканского строя и является средством монархического, олигархического и капиталистического господства, а также орудием реакционных государственных переворотов и социального угнетения; что постоянное войско, являясь результатом и причиной системы наступательных войн, создает постоянную опасность международных столкновений, почему постоянное войско и наступательная политика, орудием которого оно является, должны уступить место защитительной и мирной политике демократии, т. е. организации всего народа, обученного и вооруженного не для грабежа и завоеваний, но для защиты своей независимости и своих вольностей». Требуя вследствие указанного замену постоянных войск всеобщим вооружением народа, конгресс заявляет, что «война как неизбежный продукт современных экономических условий окончательно исчезнет только с уничтожением самого капиталистического строя, с освобождением труда и международным торжеством социализма».

На этом же конгрессе было принято постановление об организации ежегодной международной манифестации в день 1 мая с предъявлением правительству требования о введении 8-часового рабочего дня и выполнения всех других постановлений, принятых на Парижском конгрессе.

Если мы попытаемся определить значение Парижского конгресса, то должны будем установить следующее: во-первых, конгресс этот положил начало II Интернационалу; во-вторых, его резолюции (несмотря на проскальзывающие в них реформистские нотки) показывают, что учение Маркса нашло признание в широких рабочих слоях, представителями которых явились участники конгресса, и, в-третьих, Парижский конгресс содействовал дальнейшей организации и сплочению социалистических партий.

Брюссельский конгресс (16 — 23 августа 1891 г.). Присутствовало 380 делегатов от 15 стран (больше всего от Бельгии — 188). Среди обсуждавшихся вопросов наиболее важными были: о допущении анархистов, о рабочем законодательстве, о профдвижении, о стачке и бойкоте, о войне, о праздновании 1 мая.

По вопросу о допущении анархистов после долгих дебатов было постановлено, что к участию в конгрессе допускаются все организации, признающие основные принципы социализма, и профсоюзы, которые, не принимая непосредственного участия в политическом движении, стоят на почве классовой борьбы и признают необходимость политических действий, и, следовательно, законодательной и парламентской борьбы.

По вопросу о рабочем законодательстве резолюция конгресса констатирует, что «фабричные законы и распоряжения, изданные в некоторых отдельных странах со времени Парижского конгресса 1889 г., нисколько не соответствуют справедливым требованиям рабочего класса». Конгресс поэтому призывает рабочих бороться за осуществление требований Парижского конгресса всеми имеющимися в их распоряжении средствами, так как эта борьба, даже не давая осязательных результатов, будет иметь большое значение для развития сознательности пролетариата.

По следующему пункту порядка дня конгресс признал, что «стачки и бойкот являются для рабочего класса необходимым оружием как для защиты от нападения врагов, так и для завоевания тех уступок, какие возможны в современном буржуазном обществе». Констатируя, однако, что это оружие обоюдоострое, могущее наряду с пользой принести и вред, «конгресс советует рабочим каждый раз старательно взвешивать все обстоятельства, прежде чем употребить это оружие». Как лучшее средство успешности стачечной борьбы конгресс рекомендует организацию профсоюзов. Так как международное объединение профсоюзов встретило бы теперь много затруднений (в существующих законодательных и полицейских ограничениях), то конгресс рекомендует «учредить в каждой стране, где только это возможно, национальные рабочие секретариаты, которые следили бы за борьбой труда с капиталом и при всяком столкновении давали бы возможность рабочим различных стран принимать меры для поддержки их товарищей».

По вопросу о войне была принята резолюция, предложенная В. Либкнехтом (Германия) и Вальяном (Франция), повторявшая в общем основные принципы, высказанные в резолюции Парижского конгресса. Резолюция подверглась резкой критике со стороны лидера голландских социалистов (впоследствии — анархиста) Домелы Ньювенгуиса. Последний заявил, что недостаточно осудить войну, следует еще указать, как надо действовать в случае войны, и пред-

ложил встретить ее всеобщей стачкой. Защищая свою точку зрения, Ньювенгуис вскрыл содержащиеся в позиции конгресса (в особенности его немецкой части) реформизм и шовинизм, ведущие к разделению войн на наступательные и оборонительные. В критике Ньювенгуиса было много правды, которая, однако, не попадала в цель, так как сам Ньювенгуис и его единомышленники в своих положительных построениях стояли на точке зрения, близкой к анархизму.

Англичане, швейцарцы и немцы, пользуясь неясностью резолюции Парижского конгресса о праздновании 1 мая («трудящиеся различных наций организуют эту манифестацию так, как им будет подсказано условиями их страны») перенесли в 1890 и 1891 гг. майскую манифестацию на ближайшее после 1 мая воскресенье. Ввиду этого брюссельский конгресс установил «единую демонстрацию для рабочих всех стран», назначив ее на 1 мая. В резолюции, однако, заключается новая лазейка, которой «рекомендуется прекращение работ там, где это выполнимо».

Значение Брюссельского конгресса в том, что в своих резолюциях он стремится отмежеваться, с одной стороны, от оппортунистического социализма (в лице POSSИБИЛИСТОВ, теперь принявших участие в общем конгрессе), а с другой — от анархистов, защищая в большей или меньшей степени марксистские позиции и продолжая таким образом деятельность новой международной организации по распространению и укреплению марксизма в международном рабочем движении.

Цюрихский конгресс (6 — 12 августа 1893 г.). Присутствовало свыше 400 делегатов (от 21 страны), среди них Фридрих Энгельс.

Неясность выражения, — «политические действия» — в резолюции предыдущего конгресса относительно анархистов дала возможность последним проникнуть на конгресс. В виду этого конгрессом было разъяснено, что под политическими действиями подразумевается «пользование» политическими правами и законодательным механизмом в интересах пролетариата и для достижения политической власти».

Среди вопросов в порядке дня значились: о мерах проведения 8-часового рабочего дня, о войне, о праздновании 1 мая, о политической тактике социал-демократии, о ее международной организации, об аграрном вопросе, о всеобщей стачке.

По вопросу о мерах к проведению 8-часового рабочего дня конгресс, объявляя, что «восьмичасовой рабочий день есть одно из важнейших условий окончательного

освобождения рабочего класса от ига капитала и важнейшая мера для улучшения его положения», вместе с тем подчеркивает, что «благодаря восьмичасовому рабочему дню безработица станет реже, работоспособность увеличится, и зарплата повысится...»

Указанное выше заключительное выражение резолюции о праздновании 1 мая дало основание германской с.-д. на партийном 1892 г. принять постановление о праздновании 1 мая не в виде забастовки, а вечером, после работ. Ввиду этого, по предложению австрийских социал-демократов была принята резолюция, разъяснявшая, что «долг социал-демократа каждой страны добиваться отдыха от работ в день 1 мая и оказывать поддержку всякой попытке, делаемой в этом направлении той или иной организацией».

Вопрос о войне к цюрихскому конгрессу приобрел тем больше остроты, что незадолго перед тем имело место образование франко-русского союза. В комиссию были внесены две резолюции — немцами (с Бебелем и Либкнехтом во главе) и голландцами (с Домелой Ньювенгуисом во главе). Первая резолюция в основном повторяла главные положения парижской и брюссельской резолюций. Резолюция голландцев гласила: «Принимая во внимание... что все современные войны вызываются исключительно классом капиталистов в его собственных интересах, служа для него средством сломить революционное движение и укрепить господство буржуазии на основании самой бесстыдной эксплуатации; что ни одно правительство не может оправдаться тем, будто его спровоцировали на войну, ибо на деле война является результатом интернациональной воли капитализма, — конгресс заявляет, что рабочие социалисты втянутых в войну стран должны на объявление войны правительствами отвечать отказом запасных явиться на военную службу, всеобщей стачкой, в особенности в тех отраслях производства, которые связаны с войной, и призывом к женщинам, чтобы они удерживали дома своих мужей и сыновей».

Докладчик от комиссии Плеханов заявил, что всеобщая стачка невыполнима сейчас вследствие отсутствия у пролетариата для этого необходимых средств, а если бы всеобщая стачка была осуществима, то это означало бы, что экономическая власть находится в руках пролетариата, и в таком случае стачка явилась бы излишней. Он далее указал, что военная стачка обезоружила бы, прежде всего, культурные народы, отдав Западную Европу на произвол русских казаков.

Конгрессом была принята резолюция, предложенная нем-

цами, со следующей поправкой бельгийцев: «Представителям рабочих в парламенте вменяется в обязанность отвергать военные кредиты и высказываться за всеобщее разоружение».

Вопрос о политической тактике социал-демократов был одним из главных на цюрихском конгрессе в виду того политического значения, которое к этому времени приобрели социалистические партии во многих странах. В принятой резолюции говорится, что «политическая деятельность необходима как для целей агитации... так и в видах завоевания действительно необходимых реформ; что конечной целью политической деятельности, к которой призывается пролетариат, является завоевание политической власти для превращения ее из орудия господства капитала в орудие освобождения пролетариата. Предоставляя выбор видов и способов политической и экономической борьбы отдельным национальностям сообразно особым условиям их стран, — «конгресс, однако, считает необходимым, чтобы при этой борьбе революционная цель социалистического движения... оставалась на первом плане и чтобы политическая деятельность ни в коем случае не служила поводом для компромиссов или союзов, могущих повредить нашим принципам или нашей самостоятельности». Рядом с этими положениями, составленными в вполне марксистском духе, резолюция высказывается за полное осуществление народного суверенитета, не объясняя при этом, что самое демократическое государство все же является орудием господства буржуазии.

Но если сама резолюция была составлена в марксистском духе, то в словах докладчика (Вандервельде) и в прениях было высказано (Либкнехтом, Элленбогеном и др.), много в защиту оппортунизма и реформизма. Необходимо отметить, что своими левыми элементами вышеуказанная резолюция в значительной степени обязана анархистам, резко и по временам очень правильно вскрывавшим таившиеся в воззрениях социал-демократии реформизм и оппортунизм.

Сущность резолюции о всеобщей стачке приведена нами выше (см. отдел II, гл. II).

В резолюции по аграрному вопросу сказано, что конгресс, ввиду его важности для социалистического движения, считает необходимым, чтобы на следующем конгрессе он занял первое место в порядке дня. Вместе с тем конгресс высказывается за принятие общественной земельной собственности и считает одной из важнейших задач социал-демократии организацию на ряду с промышленными также сельско-

хозяйственных рабочих для привлечения их в ряды борцов всемирного социализма.

Лондонский конгресс (27 июля—1 августа 1896 г.) был особенно многочисленным (свыше 700 делегатов от 20 стран).

Лондонскому конгрессу опять пришлось иметь дело с вопросом об анархистах, проникших на конгресс в качестве представителей синдикатов. Несмотря на их сопротивление и поддержку, оказанную им частью англичан, французов и голландцев, анархисты были удалены с конгресса. Вместе с ними ушли и полуанархисты типа Домелы Ньювенгуиса.

Среди вопросов, обсуждавшихся на Лондонском конгрессе, отметим вопросы: аграрный, военный, о политических задачах рабочего класса и об экономической политике рабочего класса.

В аграрном вопросе наметились два основных направления: одна часть конгресса считала, что мелкая земельная собственность обречена на исчезновение, подобно мелкой промышленной собственности, и потому аграрная программа с.-д. должна сводиться к защите сельскохозяйственных рабочих, а не крестьян. Другая часть, подобно французским марксистам (гедистам), незадолго перед тем принявшим аграрную программу (см. отдел II, гл. II), высказывалась за защиту также и мелких крестьян и мелких арендаторов. Конгрессом была принята резолюция (по докладу Вандервельде), гласившая, что бедствия земледельца исчезнут вместе с обществением земли наравне со всеми средствами производства и введением научного способа ее обработки. Подтверждая, что существенной задачей каждой рабочей партии является организация с.-х. пролетариата, конгресс, исходя из того положения, что экономические условия и разделение сельского населения на группы в разных странах различны, считал необходимым «предоставить каждой нации самой определять тактику и способы действия, наиболее соответствующие положению ее страны».

Что касается резолюции о войне, то, повторяя в теоретической части положения предыдущих конгрессов и подчеркивая, что один лишь рабочий класс может иметь серьезное намерение и возможность осуществить всеобщий мир, резолюция выдвигает следующие требования: 1) немедленное упразднение постоянных армий и организация вооруженного народа; 2) учреждение международного третейского трибунала, решениям которого должен быть присвоен высший судебный авторитет; 3) предоставление окончательного решения вопроса

о войне непосредственно самому народу в тех случаях, когда третейское решение не будет принято их правительствами.

Кроме того, конгресс выражает в своей резолюции протест против системы тайных договоров.

В этой резолюции, несмотря на марксистский характер ее теоретической части, имеются два существенных дефекта: она хочет вселить в рабочих веру в возможность улажения военных конфликтов при капиталистическом строе посредством третейских судов, что равносильно вере в возможность исчезновения войн при капитализме; во-вторых, она не дает никаких конкретных указаний, как должен встретить пролетариат начавшуюся войну.

Резолюция об экономической политике рабочего класса разработана с особенной тщательностью. Конгресс констатирует основные признаки начавшегося периода империализма, «не прекращающийся рост национальных и интернациональных картелей и объединений, за которыми находятся большие капиталистические организации, душащие свободную конкуренцию...». Все возрастающее могущество производства, вместо того чтобы служить благу всего человечества, является причиной национальных и интернациональных кризисов... вследствие чего рабочие оказываются выброшенными на улицу. «Необходимо положить конец этой хаотической системе путем обобществления производства. Обширные каменноугольные копи, огромные плавильные и химические заводы, железные дороги находятся в таком состоянии, когда превращение их в общественную собственность экономически не представляет никаких затруднений». Вместе с развитием экономических сношений международного капиталистического рынка развиваются и промышленные столкновения, а потому необходимы международные действия пролетариата... Резолюция перечисляет ряд экономических и политических требований (8-часовой рабочий день, отмена потогонной системы, неограниченное право союзов и собраний и пр. и пр.), которые рабочие всех стран должны поддерживать своей экономической и политической борьбой.

Для освободительной борьбы рабочего класса рядом с партией нужны профсоюзы. Каждый рабочий должен стать членом профсоюза. Последние должны объединиться в федерации, охватывающие всю страну. «Всякая трата сил на маленькие обособленные организации порицается». Рабочие объединяются независимо от политических убеждений, «но обязанность всех рабочих, вытекающая из сущности проле-

тарской классовой борьбы, сделать своих членов убежденными социалистами». Чтобы сделать возможными международные действия профсоюзов, надо устроить в каждой стране центральные комитеты профсоюзов, которые обмениваются статистическими данными и докладами о всех важных для профсоюзов событиях своей страны. Резолюция оканчивается указанием на то, что «развитие экономических и политических сил подвигается настолько быстро, что кризис может произойти в сравнительно короткое время».

Рассмотренный период был периодом расцвета II Интернационала, продолжавшийся, приблизительно, до конца XIX в. В этот период происходит расширение его базы (продолжающееся, впрочем, и во втором периоде), вследствие увеличения и укрепления рабочих партий и увеличения его мощи, вследствие пропаганды революционного марксизма, легшего в основу программ и тактики большинства социалистических партий. Следующий период в жизни II Интернационала является периодом кризиса, когда таившиеся в нем реформистские элементы углубляются и более или менее резко выступают наружу. Вместо решительной борьбы с реформизмом большинство придерживается неустойчивой, шатающейся, компромиссной политики, что приводит постепенно к торжеству реформизма, подготовившему крах II Интернационала.

Парижский конгресс (23 — 27 сентября 1900 г.). Присутствовало около 800 делегатов от 29 наций (больше половины делегатов — 473 чел. — было от Франции).

Среди вопросов порядка дня были следующие: милитаризм и отмена постоянных войск, колониальная политика, борьба за право всеобщей сдачи голосов, муниципальный социализм, завоевание власти и союзы с буржуазией, всеобщая стачка.

В период, протекший после Лондонского конгресса усилились и выступили наружу явзы реформизма и оппортунизма, сокрушившие впоследствии II Интернационал. Они резко проявились в двух странах, где социалистические партии были сильнее, чем где-либо: в Германии и Франции. В Германии, как мы выше видели, выступил с ревизионизмом Бернштейн; во Франции, как раз незадолго до Парижского конгресса, произошел знаменитый «случай с Мильераном». Вместо того чтобы резко заклеить поступок последнего, конгресс, по предложению Каутского, принял резолюцию, названную «каучуковой»: в силу заключавшейся в ней половинчатости

и всяких «но» и «если», она не только не нанесла чувствительного удара министерализму, но была истолкована оппортунистами как их моральная победа.

Смысл резолюции приведен нами выше в своем месте (см. отдел II, гл. II). Здесь остановимся на ней подробнее.

«Вступление отдельного социалиста в ряды буржуазного правительства, — гласила резолюция, — не может быть рассматриваемо как нормальное начало завоевания политической власти, но как вынужденное временное и исключительное средство в борьбе с трудными обстоятельствами (? — А. А.). Если в отдельных случаях (? — А. А.) политическое положение требует этого рискованного опыта, то это вопрос тактики, а не принципа (?! — А. А.) и такие случаи не подлежат обсуждению международного конгресса, но во всяком случае вступление социалиста в буржуазное правительство дает возможность надеяться на хорошие результаты для борющегося пролетариата (? А. А.) в том случае, когда социалистическая партия подавляющим большинством одобрит подобный шаг и когда министр-социалист продолжает оставаться уполномоченным своей партией. Наоборот, в случае если министр становится независимым от этой партии или представляет лишь ее фракцию, — его участие в буржуазном министерстве угрожает ослабить социализм, вместо того чтобы его усилить, и может ему воспрепятствовать в завоевании политической власти, вместо того чтобы это завоевание облегчить.... «Во всяком случае конгресс держится того мнения, что даже в этих чрезвычайных случаях социалист должен покинуть министерство, лишь только организованная партия решит, что это министерство дает очевидные доказательства своего пристрастия в борьбе капитала с трудом».

Резолюция, предложенная меньшинством с Гедом во главе, гласила: «Пятый международный конгресс, собравшийся в Париже, напоминает, что под завоеванием политической власти надо понимать мирную или насильственную политическую экспроприацию класса капиталистов. Понятно, что таким образом, завоевание политической власти оставляет место лишь для занятия тех выборных постов, которыми партия завладеет путем употребления в дело своей собственной силы... Исходя из этого, конгресс запрещает всякое участие социалиста в буржуазном правительстве, по отношению к которому социалисты должны находиться в непрерывной оппозиции».

Вопрос о министериализме, затронувший большое место II Интернационала, привел к чрезвычайно острым дебатам. Докладчик Вандервельде сказал: «Конгресс не судилище и не церковный собор для отлучения от церкви еретиков. Задача конгресса не есть одобрение или осуждение, и мы должны действовать умиротворяюще, примиряюще, объединяюще между двумя направлениями французского социализма».

Не приходится разъяснять, как противоречит подобный взгляд на роль конгресса революционному марксизму и как много вреда в нем заключается для рабочего движения.

Вполне в духе революционного марксизма говорил Гед. Соглашаясь с теми частями проекта резолюции (Каутского), которые осуждают министериализм (поскольку из нее можно было извлечь такое осуждение), Гед сказал: «Я не согласен, однако, с резолюцией Каутского, так как она в самом начале уже готовит оправдание тому, что им осуждено. Классовая борьба не может свестись к сотрудничеству классов. Еще Либкнехт говорил, что «социалист, вступающий в буржуазное правительство, перестает быть социалистом». Он может думать, что он еще социалист, но фактически он больше не является таковым; он не может в дальнейшем действовать как социалист; он не может сразу служить двум хозяевам. Непримиримые классовые противоречия не допускают, чтобы одно и то же лицо было одновременно представителем интересов и пролетариата и буржуазии. Положение несколько не меняется, если за социалистическим министром стоит организованная партия. Наоборот, благодаря этому положение только ухудшается, ибо тогда вся партия несет ответственность за ошибки, преступления и банкротство буржуазного правительства».

Перейдем теперь к другим вопросам, рассмотренным Парижским конгрессом.

Вопросы милитаризма и колониальной политики приобретают в рассматриваемый период (начавшегося расцвета империализма) особенное значение как вследствие ряда империалистических войн, происходивших незадолго перед ним или протекавших в это время (итало-абиссинская война, испано-американская, китайская, англо-бурская), так и вследствие усилившихся колониальных завоеваний и грабежей.

Резолюция о милитаризме (докладчик — Р. Люксембург), подтверждая резолюции предыдущих конгрессов о милитаризме, рекомендует в качестве способов борьбы с ним еще

следующие: 1) организацию и воспитание юношества в целях борьбы с милитаризмом; 2) антимилитаристическую агитацию и демонстрации протеста, которые, чтобы быть более плодотворными, должны быть направляемы интернациональной социалистической комиссией, организующей их в необходимых случаях по одному общему плану.

Резолюция по колониальному вопросу, повторяя основные положения резолюций предыдущих конгрессов по этому вопросу и углубляя их указанием на то, что следствием развития капитализма является империализм, ведущий к непрерывному увеличению расходов на военное снаряжение, рекомендует следующие меры борьбы с колониальной политикой буржуазии: 1) исследование колониального вопроса; 2) способствование образованию колониальных социалистических партий, примыкающих к организациям метрополий.

Рассмотрение вопроса о муниципальном социализме имело то особенное значение, что в некоторых странах социалистические фракции или общества (например бруссисты во Франции, фабианцы в Англии) придавали ему особенное значение как средству внедрения социализма в капитализм. Резолюция, отводя муниципальному социализму подобающее ему место, придает ему значение одного из многих средств, которое социалисты могут и должны использовать, чтобы подготовить и облегчить наступление социалистического строя. Резолюция рекомендует социалистам добиваться муниципализации средств сообщения, бань, больниц и пр., превращая эти учреждения в образцовые и заботясь об интересах занятых в них рабочих; она далее советует социалистам стремиться к образованию общинных федераций и считает необходимым созыв международного конгресса муниципальных депутатов, намечая задачи, подлежащие его ведению.

Вопрос о всеобщей стачке был решен в духе предыдущих конгрессов. Дебаты о всеобщей стачке замечательны тем, что в них с защитой всеобщей стачки (в качестве одного из двух докладчиков комиссии) выступил синдикалист, вскоре переметнувшийся в лагерь буржуазии, чтобы стать буржуазным министром, а потом министром-президентом и ныне (1929 г.) состоящий таковым — ренегат Аристид Бриан.

На этом конгрессе, наконец, было вынесено постановление о завершении организации II Интернационала путем создания Международного социалистического бюро,

которое должно было иметь местопребывание в Брюсселе. Детали этой организации и ее устав были разработаны после Амстердамского конгресса (1904 г.) и приняты на Штутгартском конгрессе (1907 г.). Международное социалистическое бюро должно было состоять из делегатов (по одному) от социалистических партий каждой нации; в виду существования во многих странах двух социалистических партий, число делегатов от многих наций было увеличено до двух. Впоследствии было постановлено, чтобы в состав Международного социалистического бюро вошли и представители от парламентских социалистических фракций. Главными функциями Международного социалистического бюро были: созыв конгрессов, установление их порядка дня и разрешение вопросов и приеме в Интернационал с правом обжалования его постановлений конгрессу. Вследствие громоздкости этого учреждения (число членов его перед войной составляло 72 и 6 заместителей от 28 секций) оно не могло собираться чаще, чем раз в год. Постоянным учреждением является секретариат, в задачи которого входило создание архива, техническая подготовка конгресса, опубликование протоколов конгресса и пр. Кроме того, существовал Исполнительный комитет, состоявший вследствие пребывания его в Брюсселе из одних бельгийцев (председатель Вандервельде).

Как видно из истории Интернационала, Международное социалистическое бюро и его придаточные органы не представляли собой действительной и боевой организации подобной той, в которую Маркс стремился превратить Генеральный совет I Интернационала, а было тем «почтовым ящиком», который хотели сделать из Генерального совета Бакунин и его единомышленники. В этой роли почтового ящика Международное социалистическое бюро, конечно, не в состоянии было служить объединительным центром II Интернационала и не могло оказывать должного влияния на образ действий отдельных секций, а тем более руководить всей деятельностью II Интернационала в революционно-марксистском духе.

Амстердамский конгресс (14—20 августа 1904 г.). Присутствовало 476 делегатов более чем от 25 стран. Среди вопросов, подлежавших обсуждению на этом конгрессе, самым важным был вопрос о реформизме, который в порядке дня фигурировал под названием: «О международных правилах социалистической тактики». Из других вопросов в порядке дня значились: колониальная политика, эмиграция и имми-

грация, всеобщая стачка, социальная политика и рабочее страхование, тресты и безработица, празднование 1 мая, единство партий.

Происходившая в это время русско-японская война дала повод к демонстрации, хотя и незначительной, но произведшей сильное впечатление на конгресс и на всю общественность вне его. В своей речи председатель конгресса Ван-Коль отметил, что в то время как на далеком Востоке льется кровь народных масс России и Японии вследствие войны, начатой их правительствами, в это время представители рабочих этих стран заседают на настоящем конгрессе с целью мирного разрешения жгучих международных вопросов. При этих словах представители Японии и России, Сен-Катаяма и Плеханов, находившиеся в президиуме в качестве вице-председателей, поднялись и пожали друг другу руки, что вызвало бурные овации конгресса.

Вопрос о международных правилах социалистической тактики был выдвинут гедистами с целью вызвать со стороны конгресса осуждение ревизионизма и реформизма (бернштейнианства, мальерановщины и пр.); они нашли поддержку со стороны Каутского (Германия), Гайндмана (Англия), Плеханова и других русских делегатов. Так как на происходившем незадолго перед тем Дрезденском партийном съезде немецкой социал-демократии была принята резолюция, осуждавшая ревизионизм, то Гед предложил конгрессу эту резолюцию, получившую название «дрезденской».

В резолюции было сказано:

«Конгресс отвергает самым энергичным образом ревизионистские попытки, направленные к тому, чтобы изменить нашу испытанную и славную тактику, основанную на классовой борьбе, и заменить завоевание политической власти путем борьбы против буржуазии политикой уступок существующему порядку. Следствием подобной ревизионистской тактики было бы превращение партии, которая ставит себе целью возможно скорое преобразование буржуазного общества в социалистическое из революционной — в лучшем смысле этого слова — в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому конгресс, убежденный, вопреки существующим ревизионистским тенденциям, в том, что классовый антагонизм не только не уменьшается, но все усиливается, объявляет... что социал-демократия в соответствии с резолюцией Каутского, принятой Парижским международным социалисти-

ческим конгрессом 1900 г., не может добиваться какого бы то ни было участия в правительстве буржуазного общества. Конгресс отвергает, кроме того, всякие попытки к затушевыванию все растущего антагонизма классов, облегчающему сближение с буржуазными партиями.

Конгресс полагает, что социал-демократические фракции в парламентах попрежнему обратят свои огромные силы... на то, чтобы выяснять конечные цели социал-демократии...».

Против резолюции выступил Жорес, нашедший поддержку в бельгийских делегатах, в части австрийских и в сильном правом крыле германских делегатов (Фольмар, Бернштейн и др.). Вандервельде (Бельгия) и Адлер (Австрия) предложили компромиссную резолюцию, которая не прошла лишь потому, что при ее вотировании голоса разделились поровну.

Принятие «дрезденской» резолюции было одним из наиболее левых шагов II Интернационала, хотя необходимо тут же подчеркнуть следующее: во-первых, содержащийся в резолюции несомненный дефект, заключающийся в том, что она не выдвигает необходимости разрыва с оппортунистами (конгресс, как увидим дальше, наоборот, высказался за единство); во-вторых, что почти одинаковая часть конгресса голосовала за оппортунистическую формулу Адлера-Вандервельде.

В вопросе о всеобщей стачке (докладчик Роланд-Гольст, Голландия) Амстердамский конгресс сделал шаг вперед в том смысле, что признал массовую стачку одним из средств политической борьбы, отвергнув ее в анархическом смысле, т. е. как единственное средство свергнуть капиталистический строй. Конгресс называет «массовую стачку самым крайним средством, для того чтобы вызвать важные общественные перемены или воспрепятствовать реакционным покушениям на права рабочих». Вместе с тем «конгресс предостерегает рабочих от увлечения анархистской пропагандой всеобщей стачки, стремящейся отвлечь их от ежедневной упорной борьбы, воплощаемой в профессионально-союзной, политической и кооперативной деятельности».

Резолюция о колониальной политике (докладчик — Ван-Коль, Голландия, и Гайндман, Англия), подтверждая основные принципы, требования и мероприятия резолюции Парижского конгресса 1900 г., вменяет в обязанность социалистическим партиям: бороться со всякими стремлениями крупного капитала к монополиям и концессиям в ко-

лониях; беспощадно опубликовывать в печати факты угнетения туземного населения; выдвигать мероприятия, направленные к улучшению положения туземцев, и стараться избавить их от вредного влияния миссионеров; «требовать предоставления туземцам возможно более широкой свободы и автономии, соответствующей степени их развития, памятуя, однако, при этом, что конечной целью должна быть полная эмансипация колоний».

Формулировка последнего пункта, где автономия колоний соразмеряется со степенью «развития туземцев», а их полная эмансипация откладывается в долгий ящик, резко обнаруживает оппортунизм, в значительной степени содержащийся в колониальной политике II Интернационала.

Стремление II Интернационала и всех объединяемых им секций поддерживать единство партии, несмотря на раздиравшую их борьбу направлений, нашло свое выражение в принятой конгрессом резолюции о единстве партий. Резолюция эта в данный момент имела в виду раскол во французской социалистической партии, которая и последовала этому призыву. Факты, однако, показали, что оппортунизм этим не был парализован, а получил более широкое поприще для своего тлетворного влияния.

Несмотря на отмеченные оппортунистические уклоны, Амстердамский конгресс следует считать наиболее выдержанным в марксистском отношении. Принятием «дрезденской» резолюции II Интернационал, казалось, делал серьезную попытку руководить всеми входившими в него социалистическими партиями в революционно-марксистском духе. К сожалению, как мы отчасти видели из предыдущего изложения и как можно убедиться из дальнейшего, эта ортодоксальность II Интернационала не имела под собой прочной базы и разбилась вдребезги при первом соприкосновении с действительной жизнью.

Штутгартский конгресс (16 — 24 августа 1907 г.). Присутствовало больше 880 делегатов от 25 наций. Наиболее важными вопросами были: колониальный, о милитаризме и о взаимоотношении между профсоюзами и политическими партиями. Кроме этого рассматривались следующие вопросы: об эмиграции и иммиграции, об избирательных правах для женщин. Наконец, как выше было отмечено, на этом конгрессе рассматривался устав II Интернационала.

По колониальному вопросу на конгрессе были две точки зрения: оппортунисты исходили из того взгляда,

что так как без колоний ни сейчас, ни впредь обойтись нельзя, то речь может идти лишь о создании социалистической колониальной политики. На этой точке зрения стоял докладчик комиссии Ван-Коль. Его взгляд нашел поддержку в правом крыле германской делегации (Давид, Бернштейн и др.). Иной была позиция ортодоксальных марксистов. Каутский возражал против самого понятия «социалистическая колониальная политика», доказывая, что в формулировке таких воззрений таится защита буржуазного империализма.

Большинство конгресса, однако, стало на точку зрения осуждения капиталистической колониальной политики, заявив, что эта политика «по своему внутреннему содержанию ведет к порабощению, подневольному труду и вырождению туземного населения колоний», что «цивилизаторская миссия, взятая на себя капиталистическим обществом, служит ему только прикрытием для грубого и дикого произвола»; что «капиталистическая колониальная политика, вместо того чтобы увеличивать сумму производительных сил, разрушает путем порабощения и разорения туземцев и убийственных опустошительных войн народное богатство стран, где она насаждает свои порядки». Протестуя против этой политики «грабежа и разбоя, являющейся бесстыдным применением права сильного и попранием прав побежденного народа», — резолюция призывает социалистов, и в частности социалистических депутатов, реагировать на нее в духе решений Парижского и Амстердамского конгрессов по этому вопросу. Несмотря на то, что указанная резолюция носила левый характер, дебаты показали, что в рядах II Интернационала по этому важнейшему вопросу международной политики имеется очень сильное ревизионистски-оппортунистическое меньшинство, которое при благоприятных обстоятельствах может превратиться в большинство. И это тем более казалось возможным, что позиция самого большинства была недостаточно устойчивой и колеблющейся.

Вопрос о милитаризме и войне на этом конгрессе вызвал особенно острые прения, что соответствовало сильнейшему обострению в этот момент взаимоотношений между европейскими странами. В Африке вопрос о Марокко грозил столкновением между Францией и Германией, способным вызвать мировую войну; в Азии Россия и Англия разделяли сферы влияния в Персии; и в других частях Азии и Африки происходил «мирный» дележ сфер влияния, из которого каждый момент могла возникнуть всеобщая свалка. Более по-

дробно о резолюции Штуттартского конгресса сказано в следующем параграфе (см. гл. IV). Здесь скажем только следующее.

По рассматриваемому вопросу на конгрессе образовалось несколько группировок. В основу прений была положена резолюция Бебеля, не содержащая прямых указаний на то, каков должен быть образ действий на случай, если война разразится. Бебель, кроме того, продолжал держаться своего прежнего взгляда о делении войн на наступательные и оборонительные. Ближе к Бебелю стояли Гед и его единомышленники. Жорес и Вальян соединяли революционную точку зрения (всеобщая стачка и даже восстание в случае объявления войны) с чистейшим оборончеством (защита отечества в случае нападения). Наконец, Р. Люксембург вместе с Лениным выдвинули точку зрения превращения империалистической войны в гражданскую, что более осторожно, ввиду протеста Бебеля, было выражено в следующих словах резолюции: «Всеми силами использовать вызванный войной экономический и политический кризисы для того, чтобы всколыхнуть наиболее глуболежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического общества».

По вопросу о взаимоотношениях между профсоюзами и партиями основное расхождение было между двумя точками зрения. Нейтрализм профсоюзов защищался, главным образом, теми, которые стремились к их самостоятельности из оппортунистических или анархических соображений (руководителями германских профсоюзов, французскими синдикалистами). Левые защищали сближение профсоюзов с партиями и подчинение их влиянию последних.

Конгресс в своей резолюции признал, что «партии и профсоюзы в своей освободительной борьбе пролетариата осуществляют равноценные революционные задачи, причем каждая из обеих организаций по своей сущности располагает самостоятельной областью, в границах которых она выявляет свою деятельность. Кроме того, однако, имеется одна всегда расширяющаяся область пролетарской классовой борьбы, где успех зависит от согласованных действий партийных и профессиональных организаций. Поэтому борьба рабочего класса сложится тем успешнее и благоприятнее, чем теснее будут взаимоотношения между профсоюзами и партийными организациями».

Вследствие этого конгресс считает, что «пролетариат должен стремиться к установлению и сохранению сердечных

взаимоотношений между рабочими партиями и профсоюзами всех стран. Партии и профсоюзы в своей деятельности обязаны помогать друг другу». Вместе с тем конгресс считает необходимым указать, что «профсоюзы будут в состоянии лишь тогда выполнять свои обязанности в освободительной борьбе пролетариата, когда они в своей деятельности будут исходить из социалистических предпосылок...».

Штуттартский конгресс замечателен, с одной стороны, своими левыми резолюциями, но, с другой стороны, как можно видеть из изложенного, в происходивших на нем дебатах ярко выявилось заключавшееся во II Интернационале противоречие между оппортунистами и революционными элементами, что указывало на неизлечимую болезнь II Интернационала, осуждавшую его на бессилие. Этот конгресс замечателен еще тем, что здесь, в лице Р. Люксембург и Ленина, впервые выступило крайнее левое крыло II Интернационала. Нужно еще отметить, что на конгрессах (и в особенности на Штуттартском) все более и более выявлялось деление с.-д. на правых, центр и левых. Это особенно проявлялось в резолюциях о войне и бросало зловещий свет на недалекое будущее ¹⁾.

Копенгагенский конгресс (28 августа — 3 сентября 1910 г.). Присутствовало 896 делегатов, причем было представлено больше 30 наций. Из рассмотренных вопросов более важными были: вопросы о войне, единстве профдвижения и о кооперации. Кроме того, были рассмотрены вопросы о страховании от безработицы, о единстве социалистических партий, об организации международного протеста против смертной казни, о рабочем законодательстве, о праве убежища.

Усиление вооружений и в особенности морских вооружений (маринизма), аннексия Австрией Боснии и Герцеговины, брожение на Балканах, продолжающиеся и обостряющиеся столкновения по поводу колоний, — все это заставило вновь выдвинуть вопрос о милитаризме и войне.

Гвоздем прений служило предложение Кейр-Гарди (Англия) и Вальяна, гласившее: «Среди всех тех средств, которые должны быть применены для предупреждения войн, конгресс считает особенно целесообразным всеобщую стачку рабочих,

¹⁾ Более подробно о дебатах по поводу штуттартской резолюции — см. И. Браславский Материалы по истории I и II Интернационалов, стр. 275—277, Башуев, II Интернационал, стр. 59—75 и В. Ленин, Международный социалист. конгресс в Штутгарте.

главным образом, в тех отраслях промышленности, которые поставляют материалы для войн (оружие, амуниция, средства транспорта и т. д.). Столь же необходимы агитация и пропаганда в народе и притом самыми энергичными средствами». Предложение это, после горячих прений, было передано на предварительное рассмотрение Международного социалистического бюро. Резолюцию эту можно было бы считать некоторым завоеванием, если бы фактически дело не свелось к тому, что бюро никогда не удосужилось подвергнуть его рассмотрению.

В принятой резолюции после общей части, в которой разъяснялись классовая сущность и происхождение милитаризма и войн, социалистические депутаты в парламентах призывались: 1) беспрестанно требовать обязательного разрешения всех конфликтов между государствами международными третейскими судами; 2) неизменно возобновлять предложения о всеобщем разоружении; 3) требовать отмены тайной дипломатии; 4) постоянно требовать автономии народов.

На случай военных осложнений резолюция призывала действовать в духе резолюции Штутгартского конгресса.

Резолюция заканчивалась следующим абзацем:

«Во всех случаях, когда обнаружится опасность столкновения между двумя или несколькими государствами, и когда запрошенные национальные партии проявят замедление или колебание в принятии решения, секретарь Международного социалистического бюро — по требованию представителя хотя бы одного из заинтересованных государств — должен экстренно созвать Международное бюро и Междупарламентскую комиссию, и последние должны собраться либо в Брюсселе, либо в каком-нибудь другом месте, которое, смотря по обстоятельствам, окажется более подходящим». (О противоречиях, содержащихся в этой резолюции, см. первый параграф след. глава IV).

На Копенгагенском конгрессе был выдвинут вопрос о потребительской кооперации (впервые обсуждавшийся II Интернационалом). Дело в том, что потребительская кооперация сделалась значительным фактором общественной жизни (цифры, касающиеся английской и германской кооперации см. в соответствующих отделах). С другой стороны, интерес к делу потребительской кооперации стимулировался вздорожанием жизни, наблюдавшимся всюду в Европе в первое десятилетие XIX в. В различных странах между кооперацией и партиями существовали различные отношения. На кон-

прессе по этому вопросу, как и по вопросу о взаимоотношениях между профдвижением и партиями, преобладающими были две точки зрения: одна считала, что кооперация должна быть совершенно самостоятельна, другая стояла за подчинение кооперации руководству партии. Среди оппортунистических элементов II Интернационала многие придавали кооперации крайне преувеличенное значение в деле водворения социализма. После продолжительных дебатов в подкомиссии была выработана компромиссная резолюция, принятая конгрессом.

Отмечая материальные и культурные выгоды и политическое значение потребительской кооперации для рабочего класса, конгресс заявляет, что «одна кооперация не в силах осуществить освобождение рабочего класса», но «она может быть мощным орудием в классовой борьбе пролетариата». «Поэтому конгресс приглашает всех социалистов, всех членов профессиональных союзов стать активными членами кооперативного движения и стремиться влиять на кооперацию в социалистическом духе».

Социалистам предписывалось, чтобы они внутри кооперации боролись за осуществление следующих мер: чтобы часть прибыли шла на собственное производство и просветительные цели, чтобы организация труда была в кооперативах примерной и чтобы условия труда и размеры заработной платы в кооперативах регулировались ими в согласии с профсоюзами.

Одним из спорных вопросов был вопрос о поддержке кооперативами из своих средств политического и профессионального движения; спор шел об обязательности и размерах этой поддержки. Согласно резолюции, все это было предоставлено самостоятельному разрешению кооперативных организаций каждой страны. В заключение резолюция заявляет, что рабочий класс в своей борьбе против капитализма заинтересован сильнейшим образом в том, чтобы взаимоотношения между политическими, профессиональными и кооперативными организациями стали более тесными без нарушения их автономности.

Вопрос о единстве профдвижения был поставлен в порядок дня по следующей причине. В многоплеменной Австрии все профессиональные союзы составляли одно целое, объединяясь общей центральной организацией. Но чехи решили выделиться, образовав отдельное национальное профдвижение. Стремления чехов были встречены чрезвычайно неодобрительно конгрессом, указавшим, что тактика чехов

может привести к раздроблению и, следовательно, чрезвычайному ослаблению профдвижения.

Конгресс в своей резолюции, еще раз подтверждая требование, высказанное в резолюции Штуттартского конгресса, чтобы организационное единство профдвижения было сохранено в каждом государстве, так как это является основным условием успеха в борьбе против эксплуатации и угнетения, добавляет: «В многоязычных странах объединенные синдикаты должны, однако, считаться безусловно с культурными и лингвистическими интересами своих членов».

Базельский чрезвычайный конгресс (24—25 ноября 1912 года). Начавшаяся в 1912 г. балканская война, грозившая превратиться в общеевропейскую, заставила Международное социалистическое бюро созвать чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле. На конгресс прибыло свыше 550 делегатов от более чем 20 стран.

В порядке дня был только один вопрос: международное положение и объединенные действия против войны.

Конгресс должен был явиться грандиозной манифестацией представителей всемирного пролетариата против войны и демонстрацией единства, господствующей в социалистических рядах по вопросам борьбы с ней. Поэтому решено было ограничиться выпуском общей резолюции-манифеста без прений.

Указав на ситуацию, созданную преступной политикой капитализма, и на последствия, к которым она может привести, манифест обращается к социалистам различных стран, рекомендуя им соответствующую политику для умиротворения народов и предупреждения мирового пожара. С большим удовлетворением конгресс приветствует забастовки русских и польских рабочих и выражает надежду, что пролетариат России, Финляндии и Польши сорвет лживую маску с царизма и воспротивится его авантюрам на Балканах. Самую большую опасность для дела европейского мира представляет искусственно-поддерживаемая вражда между Англией и Германией. Конгресс приветствует попытки рабочего класса обоих этих государств уничтожить этот альянзм.

Манифест в решительных и утраченных тонах обращается к правительствам. «Пусть правительства не забывают, что при современном состоянии Европы и настроении рабочего класса они не могут разнуздать фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя. Пусть они вспомнят, что франко-прусская война вызвала революционный взрыв

Коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа... Они безумцы, если не понимают, что одна лишь мысль о страшной войне возбуждает у пролетариата всех стран чувства гнева и негодования. Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга ради прибылей капиталистов...»

Манифест заканчивается следующими словами:

«Конгресс обращается к вам, пролетарии и социалисты всех стран, чтобы в этот решительный час вы не оставались безгласны! Высказывайте вашу волю повсюду и всеми способами! Выражайте всеми силами ваш единодушный протест в парламентах, объединяйтесь в манифестациях и массовых выступлениях, используйте все средства, которые предоставляет вам организация и мощь пролетариата так, чтобы правительства постоянно видели перед собой волю бодрствующего и деятельного рабочего класса, решительно настаивающего на сохранении мира! Противопоставляйте таким образом капиталистическому миру эксплуатации и истребления масс пролетарский мир согласия и единения между народами!»

Базельская резолюция (или манифест), как мы видим, носит декларативный характер. Она делает предупреждение буржуазии (напоминая ей о Коммуне и революции 1905 г.); в то же время она стремится примирить противоречивые направления во II Интернационале. В ней ничего не говорится о «противозаконных» мероприятиях на случай войны, чем должны были быть удовлетворены правые; в то же время слова: «всеми способами», «используя все средства» можно было толковать в духе левых (как призыв ко всеобщей стачке, восстанию и пр.). В этой резолюции замечательно то место, где с удивительной точностью характеризуются вся будущая предвоенная ситуация и начало самой войны (весь манифест см. в указанном выше, в списке, сборнике И. Б р а с л а в с к о г о, стр. 314—318). В этой резолюции, несмотря на ее недостатки, содержится обещание II Интернационала «работать в духе Коммуны, октября и декабря 1905 г.», обещание, которое секциями II Интернационала было поправлено самым бесстыдным образом.

IV

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ НЕЕ

Отношение германской социал-демократии к вопросам милитаризма и войны ¹⁾

4 августа 1914 г. все 110 социал-демократических депутатов германского рейхстага в один миг попрали свои принципы, вопреки вчерашним громким протестам и угрозам против затеваемой империалистической войны, и вотировали военные кредиты и доверие правительству; вожди социал-демократии вкупе с лидерами профсоюзов с увлечением и пылом поспешили заявить в унисон с императором Вильгельмом, что перед опасностью вражеского вторжения в Германии нет партий, а есть только немцы. Эта измена немецкой социал-демократии элементарным принципам интернационализма поразила социалистов всего мира более, чем измена французских социалистов и даже безотечественников-синдикалистов, потому что германские социал-демократы во всех принципиальных вопросах являлись учителями и руководителями всех прочих социалистов, строивших свою программу и тактику на марксистских основах.

Однако для тех, кто был знаком со взглядами и заявлениями германской социал-демократии по вопросам войны и в особенности с теми национально-историческими и международно-политическими мотивами, которыми они обуславливались, образ действия ее 4 августа 1914 г. не должен был явиться такой ошеломляющей неожиданностью. Интересно поэтому проследить воззрения германской социал-демократии на этот вопрос с момента ее возникновения.

¹⁾ Мы сочли необходимым остановиться подробнее на этом вопросе, сыгравшем столь роковую роль в судьбах всемирного социализма.

Первым историческим событием, которое явилось испытанием национализма современной социал-демократии, была франко-прусская война 1870 г. Эту войну с известной натяжкой можно было считать наступательной по отношению к Германии, и все же основатели социал-демократической партии реагировали на нее в большем согласии с принципами интернационализма, чем современные с.-д., прошедшие после этого длинный путь — почти столетия — теоретического и практического развития.

Впрочем, не все германские социалисты того времени одинаково реагировали на объявление войны. Брауншвейгский комитет, состоявший из бывших лассальянцев, примкнувших к эйзенахцам, заявил, что «так как настоящая война есть оборонительная, то на нее приходится смотреть, как на неизбежное зло», и в выпущенном им манифесте прибавил: «поскольку она (т. е. война) является оборонительной, она должна быть поддержана немецкими рабочими». Единомышленник брауншвейгцев, бывший лассальянец, Фрицше голосовал в рейхстаге за военные кредиты. Но те же брауншвейгцы, после разгрома Франции при Седане, после падения Наполеона и превращения Франции в республику, выпустили второй манифест, в котором, восторженно приветствуя французскую республику, требовали немедленного заключения мира без аннексий, а депутат Фрицше в рейхстаге теперь голосовал против испрашиваемых кредитов. Для того чтобы яснее понять взгляды брауншвейгцев, нужно принять во внимание, что они вместе со всеми социалистами той эпохи и всеми передовыми людьми не только считали Наполеона нападающей стороной, но смотрели на него как на врага свободы и опору реакции в Западной Европе.

Гораздо последовательнее и согласнее с интернационалистическими принципами поступили основатели современной социал-демократической партии В. Либкнехт и А. Бебель. Хотя они оба считали, что «Бонапарт желает путем унижения Пруссии укрепить свой колеблющийся трон», но в это же время они не сочли возможным солидаризироваться с реакционным прусским правительством, которое еще недавно гораздо коварнее напало на Австрию в интересах укрепления династии Гогенцоллернов. Так как Бебель и Либкнехт были депутатами рейхстага, то им предстояло решить вопрос о голосовании военных кредитов; Либкнехт предложил голосовать против, а Бебель рекомендовал воздержаться, чтобы, выразив недоверие Бисмарку (тогдашнему главе

прусского правительства), в то же время, хотя и косвенно, не оказать поддержки Бонапарту. В декларации, составленной и прочитанной от общего их имени Бебелем, они заявляли: «В качестве принципиальных противников каких бы то ни было династических войн, в качестве социалистов-республиканцев и членов Международного товарищества рабочих, которое борется против всех и всяких поработителей без различия их национальности и которое стремится объединить всех поработенных в единый великий братский союз, — мы не можем ни прямо, ни косвенно высказаться за эту войну и воздерживаемся поэтому от голосования. При этом мы высказываем полную уверенность, что народы Европы, наученные горьким опытом современных печальных событий, напрягут все свои силы, чтобы завоевать себе право на самоопределение и положить конец нынешнему режиму сабли и классового угнетения, которое является причиной всех общественных и государственных бед».

Когда вспыхнуло восстание Коммуны, Бебель и Либкнехт в своей газете «Народное государство» высказали ей свое полное сочувствие и, печатая воззвание французских социалистов-интернационалистов, призывавших германских социал-демократов бороться за прекращение войны, сделали приписку, в которой они очень прозрачными намеками призывали немцев проделать у себя то же, что сделали у себя французы, т. е. свергнуть монархию. За свои антипатриотические выступления Либкнехт и Бебель были привлечены к ответственности и после 15 месяцев предварительного заключения были присуждены: Либкнехт — к 2 годам и 9 месяцам, а Бебель — к 2 годам тюрьмы.

Такова была выдержанная и последовательная интернационалистическая позиция Бебеля и Либкнехта в самом начале возникновения с.-д. партии. Однако с течением времени лидеры с.-д. значительно отступили от этой позиции, выдвинув точку зрения оборонительных и наступательных войн. Дело в том, что вся Германия в рассматриваемую эпоху настолько была проникнута патриотизмом и шовинизмом, что выступление Либкнехта и Бебеля не могло не отразиться отрицательно на успехах и росте с.-д. движения, так как против социал-демократов теперь все консервативные и буржуазные партии имели очень веский в глазах широких масс довод: они — «безотечественники» и даже враги отечества. Чтобы понять происхождение и значение этого патриотизма, нужно принять во внимание следующие обстоятельства.

Как нами указывалось выше (см. «Лассальянцы и эйзенханы»), необходимость объединения Германии, создание единого целого из тех 36 частей, из которых она состояла, чувствовалась в 50-х и 60-х годах всеми немцами без исключения. Это объединение диктовалось экономическим ходом вещей; слабое экономическое развитие Германии было результатом ее расчлененности. Между тем Франция и Россия в продолжение многих десятилетий вели активную политику препятствования этому объединению, которое было вредно для преобладающей роли того и другого государства в европейском концерте держав. Вопрос о том, как и под чьим главенством объединяться, разделял, как мы видели, немцев на несколько лагерей. Много было распрей и пререканий. много было предложено планов и затрачено красноречия, но решение вопроса ни на йоту не подвигалось вперед. Вопрос, как мы видели, был решен силой оружия. Быстрому разрешению его содействовали победы над Австрией и Францией. В частности, полученная от Франции контрибуция в 5 миллиардов франков золотом, выплаченная в кратчайший срок, была благодатным дождем, оплодотворившим германскую промышленность, развитие которой с этого момента идет столь гигантскими шагами, что уже в конце 90-х годов Германия в промышленном отношении далеко оставила за собой Францию и выступила грозным конкурентом «всемирной мастерской», т. е. Англии. Такой промышленный и культурный расцвет Германии не без основания приписывался ее объединению, явившемуся результатом военных успехов. Результаты этого расцвета прежде всего чувствовались, конечно, германской буржуазией, но в немалой степени и широкими народными массами. Отсюда — опасения разрушения этого могущества и благосостояния, которого можно было ожидать со стороны Франции и России. Между тем в конце 80-х годов начинается сближение между этими двумя государствами, которое в 1891 г. было закреплено в виде франко-русского союза. Само собой понятно, что этот союз не мог не возбудить самых основательных опасений среди немцев и содействовать полному патристически-шовинистическим настроениям. Правда, Германия, со своей стороны, вошла в Тройственный союз (с Австрией и Италией), но во всяком случае немецкие патриоты почувствовали, что Германия очутилась в тисках, и эта новая политическая комбинация (т. е. франко-русский союз) сильно нарушила их душевное равновесие.

Под влиянием указанных политических обстоятельств среди немецкой социал-демократии возникло определенное патриотически-шовинистическое течение, лидером которого в 90-х годах был Георг Фольмар, который еще раньше Бернштейна выступил с ревизионистскими тенденциями не на теоретической, а преимущественно на практической почве.

По поводу образования франко-русского союза Фольмар произнес речь, в которой призывал германскую социал-демократию к поддержанию иностранной политики германского правительства, якобы направленной на сохранение мира в Европе, а раз эта политика такова, то отсюда ясно вытекает, что необходимо голосовать в рейхстаге за военные кредиты, дабы в случае нарушения Францией и Россией мира в Европе Германия не оказалась вооруженной хуже своих врагов. Выступления Фольмара были предметом рассмотрения на Эрфуртском партийном съезде 1891 г. Здесь некоторые сторонники Фольмара указывали, что Либкнехт и Бебель теперь изменили свою прежнюю точку зрения и в своих взглядах сходятся с Фольмаром. В ответ на это Либкнехт и Бебель ясно и определенно указали, что единственный случай, когда они считают возможным участие социал-демократии в войне, — это в случае оборонительной войны, которую, как все тогда предполагали, придется вести с царской Россией, твердыней деспотизма и реакции.

В 1893 г. в Цюрихе (в Швейцарии) собрался международный социалистический конгресс. Этот конгресс почти целиком был посвящен вопросу о войне. Причиной этого было образование франко-русского союза. Этот союз, который основателями его был направлен против Германии, в действительности означал чрезвычайное усиление царизма средствами французского денежного мешка; а это в свою очередь означало усиление реакции как внутри России, так и в Европе. Это не могло не встревожить всех друзей свободы и в особенности социалистов. Маркс и Энгельс с момента их выступления на политическую арену считали — и вполне основательно — царскую Россию врагом международной демократии, в особенности после подавления ею венгерской революции в 1848 г. и после беспощадного потопления в крови польского восстания 1863 г. В течение десятилетий они при всяком удобном случае повторяли, что царская Россия является злейшим врагом европейской демократии и что война против нее будет оборонительной и, следовательно, законной и справедливой. Но уже в 1891 г. Энгельс сделал

к этому пункту очень важную прибавку. В одной из своих статей он отмечает, что вся постановка вопроса о войне с Россией может коренным образом измениться, если социализм найдет союзников внутри России, т. е. если в России разовьется достаточно сильное социалистическое движение. К сказанному нужно прибавить, что, говоря о войне Германии с Россией и Францией (после заключения франко-русского союза), Энгельс имел в виду войну революционную, которая приведет к свержению в Германии существующего политического строя и приблизит водворение социализма. То же самое имел в виду и Бебель, когда на Эрфуртском партийтаге говорил о войне с Россией.

Само собой понятно, что все дебаты на вышеупомянутом Цюрихском конгрессе были направлены против царизма. Представитель русских социалистов Г. В. Плеханов призывал германцев в случае войны с Россией обрушиться на нее всеми силами своего промышленного прогресса и народной мощи, дабы помочь русскому народу освободиться от оков деспотизма. Плеханов, подобно Энгельсу и Бебелью, подразумевал войну революционной Германии против самодержавной России, он сравнивал вступление германских армий в самодержавную Россию со вступлением 100 лет перед тем французских армий времен Конвента в самодержавную Германию, когда они (франгузы), победив королей, принесли германскому народу свободу. Таким образом, лозунг «Против царизма!» стал руководящим для международного социализма, и в особенности германской социал-демократии, на долгие годы.

Пользуясь этой традиционной ненавистью социалистов к царской России и затупевывая те принципиальные оговорки, которые левые элементы партии вносили в вопрос о возможной войне с Россией, правое крыло германской социал-демократии в 90-х годах стремилось проводить шовинистическую программу поддержки германского милитаризма и империализма. В самом деле, — рассуждали представители этого направления (Фольмар, Шиппель, Ауэр, Гейне), — раз мы предвидим возможность и необходимость войны с восточным врагом, то мы должны явиться на нее надлежащим образом вооруженными, следовательно, мы должны дать правительству такие средства на военные надобности, чтобы оно могло вооружиться лучше нашего противника. Они додумались до мысли вступить в сделку с правительством, давая ему средства на вооружение взамен уступок в области полезных ра-

бочему классу реформ или, как они кратко выражали свою программу: «пушки за реформы» (Kanonen gegen Reformen). Но с.-д. партия в целом осудила подобную программу и вынесла ее защитникам порицание на Эрфуртском, Ганноверском и других партийтагах.

На Майнцском партийтаге в 1900 г., во время англо-бурской войны и после захвата германцами китайской гавани Киао-Чау партия, устами П. Зингера, решительно протестовала против германского империализма, который, подобно империализму других стран, поκειται «на жажде буржуазии к наживе, на жажде военной славы и на шовинистическом стремлении к созданию Великой Германии». Роза Люксембург, между прочим, в своей речи заявила: «Если бы перед лицом этих событий наша партия стала делать уступки официальным или неофициальным шовинистам, то это стало бы поистине роковым для нашего движения». Резолюция в целом заклемила империализм, видя главное средство против грядущей империалистической войны в международной солидарности рабочих.

Но рядом с таким категорическим заявлением мы в дальнейшем опять видим колебание, которое проявилось в 1903 г. в вопросе вотирования кредитов (воздержание вместо вотирования против) на подавление восстания гереро, небольшого африканского племени, восставшего против своих угнетателей — германцев вследствие зверского с ними обращения. В 1907 г. на Эссенском партийтаге, при обсуждении парламентского выступления депутата Носке (так называемого «случая Носке»), германская социал-демократия вновь повернула на социалистическую точку зрения, выраженную в речи Каутского. Депутат Носке (будущий подавитель восстания спартаковцев), тогда уже явный оппортунист, в своем выступлении в рейхстаге заявил, что германская социал-демократия в каждой оборонительной войне будет на стороне «своего» правительства и не оставит его на произвол судьбы. В своей речи Каутский между прочим (против Бебеля, защищавшего на международном Штутгартском конгрессе различие войн оборонительных и наступательных) указывал, что он не взял бы на себя смелость решить в настоящее время, какую войну следует считать действительно оборонительной; он сомневается далее, в самом ли деле социал-демократия каждой страны и при действительно оборонительной войне должна являться на помощь своему правительству для защиты отечества; он, наконец, с особенным ударением за-

щищает положение, что при современной экономической обстановке, в случае войны, дело идет не о национальном, а об интернациональном вопросе, «ибо война между великими державами станет мировой, она охватит всю Европу и вовсе не ограничится только двумя странами. И вот окажется, что в один прекрасный день германское правительство попытается одурачить германских рабочих, будто на Германию напали, а французское правительство сделает то же самое во Франции. И тогда мы стали бы свидетелями войны, в которой французские и немецкие пролетарии с одинаковым энтузиазмом, следуя за своими правительствами, перерезали бы друг другу горло. Этого нужно избежать, и от этого можно предохранить себя, если не применять критерия наступательной войны, а применять критерии интересов пролетариата, которые одновременно являются интернациональными интересами». Каутский в этой речи предсказал ту совокупность обстоятельств, которую мы пережили... Необходимо отметить, что партия не вынесла на Эссенском партийтаге определенного решения, кто прав: Носке или Каутский, — этим косвенно подбодрив оппортунистов и шовинистов.

После Эссенского партийтага вопросы войны и милитаризма ставились два раза на партийтагах в Иене (1911 г.) и Бремене (1912 г.). Оба раза вопросы ставились в связи с политическими событиями. И оба раза партия высказывалась в интернациональном духе, но с оговорками, в которых скрывалась будущая опасность. Так, по поводу конфликта из-за Марокко (колонии в Северной Африке) Бебель на Иенском партийтаге, бичуя империализм как политику «грабежа, крови, грязи, и преступлений», в то же время оговорился, что, относясь враждебно ко всей мароккской политике германского правительства, социал-демократия имеет естественное и справедливое желание, чтобы германское торговое и промышленное развитие могло совершаться в Марокко на одинаковых правах с торговым и промышленным развитием всех других стран, между тем как последовательно-социалистическая точка зрения должна была прийти к одному выводу — к требованию освобождения колоний от ига империалистических эксплуататоров. Высказанная Бебелем точка зрения послужила впоследствии одним из оправданий для германской социал-демократии ее поведения в европейской войне, ибо в вопросах о колониях она считала свое отечество обиженной стороной и потому видела необходимость обороняться от посягательств Франции и Англии.

Этот тезис о равноправном развитии промышленности в колониях был подхвачен и развит на Хемницком партийном ревизионистом Квесселем, который получил отпор со стороны Ледебура и Гаазе. Хемницкая резолюция определенно заклеила антинародную, грабительскую, беззастенчивую империалистическую политику и предостерегала против опасностей мировой войны, разжигаемой магнатами капитала и крупным дворянством.

Чтобы полнее охарактеризовать позицию германской социал-демократии в вопросах войны и империализма, необходимо коснуться выступления ее представителей на международных социалистических конгрессах, где дебатировались эти вопросы. Прежде всего коснемся Штутгартского конгресса (1907 г.), где шла полемика между немцами и французами — между Бебелем и Фольмаром, с одной стороны, Эрве, Жоресом, Вальяном, — с другой. Здесь Бебель выступил против защищаемого Эрве положения «Коммунистического манифеста», что пролетарии не имеют отечества, причем он защищал критерий оборонительной и наступательной войны. Бебель и примыкавшее к нему большинство германских делегатов стремились оставить в тени вопрос о том, должна ли социал-демократия в случае войны прибегнуть к революционным мерам, мотивируя это тем, что в случае прямого и утвердительного ответа германское правительство получило бы орудие для возбуждения преследований против германской социал-демократической партии. Иное положение занимали Жорес и Вальян, предложившие резолюцию, в которой социалистам-интернационалистам вменялось в обязанность для предотвращения войны прибегнуть ко всем средствам вплоть до массовой стачки и восстания; в то же время это вполне определенное требование странным образом сочеталось с другим тезисом, внесенным в ту же резолюцию — что «угрожаемые нации и их рабочие классы имеют повелительную обязанность защищать свою независимость и самостоятельность от нападений», что указывало на игнорирование авторами этой поправки характера и сущности войн периода империализма. От этих позиций принципиально отличалась позиция представителей Польши и России — Р. Люксембург и В. Ленина, предложивших к проекту резолюции поправку, чтобы в случае войны агитация велась не только за скорейшее ее прекращение, но чтобы война была использована для ускорения краха классового господства вообще. Эти поправки после

переговоров с некоторыми национальными лидерами (в особенности с Бебелем) была принята и внесена в резолюцию, которая в общем отличалась революционным духом, но говоря ничего об оборонительных и наступательных войнах и о защите отечества и обязывая социалистов всех стран, в случае если войну не удастся предотвратить поступить согласно поправке, предложенной Р. Люксембург и В. Лениным. Но все же приходится признать, что, хотя в резолюции ничего не говорилось о защите отечества, представители различных наций (в особенности немцы и французы) каждый по-своему говорили об этой защите и чувствовали, что эти слова важнее тех, которые внесены в резолюцию, нейтрализованную и обезличившую различные мнения. Речи Бебеля и Фольмара в комиссии были очень умеренны, а резолюция конгресса — в революционном духе. С другой стороны, Жорес и Вальян, хотя и говорили о всеобщей стачке и восстании, но в то же время напоминали о праве угрожаемой нации на защиту своей независимости и, следовательно, скатывались к теории войн оборонительных и наступательных. Что это так — это видно из тех толкований, которым после конгресса подвергали резолюцию в своих докладах Бебель и Жорес. Последний цитировал слова Бебеля, который говорил, что нельзя наперед определить будущий образ действий, ибо если бы какая-либо нация при каких угодно обстоятельствах наперед отказалась от защиты, то этим играла бы на-руку правительству насилия, варварства, реакции (например, если бы германская с.-д. так поступила в случае войны Германии с Россией). Со своей стороны, Бебель, выдвигая тезис о защите отечества в случае наступательной войны, говорил, что он повторяет слова Жореса и других, сказанные на конгрессах в Лилле и Нанси.

То, что происходило в Штутгарте в 1907 г., повторилось отчасти на международном конгрессе в Копенгагене в 1910 г. Французы и англичане выступили с «революционными» формулами, а немцы — с оппортунистическими. Первые выдвинули поправку Вальян-Гарди, гласившую: «Среди всех тех средств, которые должны быть применены для предупреждения войн, конгресс считает особенно целесообразным общую стачку рабочих, главным образом, в тех отраслях промышленности, которые поставляют материалы для войны (оружие, амуниция, средства транспорта и т. д.)». В этой поправке ничего не говорится ни об оборо-

нительной, ни о наступательной войне,—она предлагается на все случаи войны; немцы были против поправки и в то же время выдвинули предложение о борьбе за разоружение и за разрешение международных споров третейским судом. В результате поправка Вальяна-Гарди не была ни принята, ни отвергнута; по предложению обеих сторон, она была передана на предварительное обсуждение Международного социалистического бюро, которое должно было вновь поставить этот вопрос на рассмотрение ближайшего международного конгресса.

Последний международный конгресс перед войной происходил в Базеле. Речи и резолюции Базельского конгресса не менее, если не более, чем Штутгартского, направлены против империализма. Здесь накануне империалистской бойни, которая уже чувствовалась в воздухе, всемирному пролетариату ничего не было сказано ни об оборонительных войнах, ни о защите отечества; наоборот, ясно разоблачен характер грядущей войны как войны из-за интересов кучки капиталистов; пролетариат призывался следовать великим примерам 1905 г., французской Коммуны, не быть слепым орудием в руках эксплуататоров и не уничтожать друг друга для торжества капитала и военной клики.

Из изложенного мы видим, насколько непрочна была интернациональная позиция у всех партий II Интернационала, включая германскую социал-демократию, и как часты у последней были колебания между оппортунизмом и революционизмом. Вот почему, лишь грянула война, социалисты каждой из воюющих стран нашли лазейки для измены много раз провозглашенным и за день до войны повторенным принципам интернационализма. Нашла их, конечно, и германская социал-демократия.

Когда грянула война и от слов нужно было перейти к делу, то те мотивы, которые невидимо руководили немецкими с.-д. во всех их выступлениях, всплыли во всей совокупности, и германские с.-д. нашли, во-первых, что война, которую они ведут,—не наступательная, а оборонительная; во-вторых, что она — справедливая и «культурная» война, потому что она ведется против русского царизма, победа которого была бы тяжелым ударом для европейской культуры и всемирной свободы, и, в-третьих, что в этой империалистической свалке идет борьба за колонии, а в отношении колоний Германия является обиженной страной и имеет моральное право защищаться и бороться за равные со всеми

другими государствами условия для развития ее торговли и промышленности.

Не нужно очень углубляться, чтобы увидеть, что во всех этих доводах скрываются грубые передержки и явная измена принципам интернационализма. В самом деле. Если в период 50—80-х годов все революционные социалисты и в начале 90-х годов весь Интернационал могли объединиться под лозунгом «против России» (подразумевая под Россией русский царизм), то с конца 90-х годов и в особенности после 1905 г. этот лозунг потерял свое прежнее значение, во-первых, потому, что переход капитализма в его высшую стадию — империализм — уже вполне выявился и, во-вторых, потому, что Россия успела пережить революцию, развить широкое рабочее движение и готовилась (в середине лета 1914 г.) к новому революционному взрыву. В эту эпоху общим врагом был не царизм, а империализм, и лозунг «против царизма» при новой социально-политической обстановке был столь же фальшив, как лозунг противной стороны: «против прусского милитаризма». Между тем германская социал-демократия использовала этот потерявший свое прежнее значение лозунг как средство примирения со своей буржуазией, как предлог для измены основным интернациональным интересам. Вместо того, чтобы всеми силами марксистских доводов выступить против империализма, германская социал-демократия завопила о защите отечества против царизма и об обидах, причиненных этому отечеству при дележке колоний; всемирный пролетариат на горьком опыте убедился, насколько неправильна и противоречива теория оборонительных и наступательных войн и насколько она неприложима в эпоху, когда война, — говоря словами поправки, предложенной Р. Люксембург и В. Лениным к штутгартской резолюции, — должна была быть использована «для ускорения краха классового господства вообще».

Так социалисты каждой из воюющих стран нашли лазейки для измены много раз провозглашенным и за день до войны повторенным принципам интернационализма.

В свое оправдание германская с.-д. партия могла бы сказать, что профсоюзы в лице своих руководящих органов заняли в отношении войны более правое положение, чем она.

Если мы бросим беглый взгляд назад — на отношения между партией и профсоюзами, то увидим, что, начиная с

1906 г., когда между обеими сторонами состоялось соглашение, которое в сущности было победой профсоюзов, последние и лице своих руководящих органов производили постоянное давление на партию — часто совершенно не прикрытое — в сторону реформизма, и, как говорил один из деятелей оппозиционного течения внутри профсоюзов Рихард Миллер 2 августа 1914 г., руководящие органы профсоюзов указали путь германской социал-демократии.

Когда вспыхнула война, вожди профсоюзов с Легином во главе возвестили гражданский мир («бургфриден»), согласно которому впредь запрещаются всякие забастовки и другие выступления, могущие нарушить правильный ход хозяйственной жизни. Все силы профсоюзов, — говорилось в воззвании Генеральной комиссии, — должны быть направлены на то, чтобы сокрушить врага; все вопросы внутренней политики должны утихнуть, когда враг у ворот отечества. Между вождями профсоюзов и военными властями установилось полное единодушие. Легин и Бауер, председатели Генеральной комиссии, приглашались на совещания высшими военными властями; им было разрешено объезжать театры военных действий, где им воздавались военные почести. Само собой понятно, что все благонадежные чиновники профсоюзов были освобождены от воинской повинности; в то же время воинская повинность рабочих была усилена посредством закона «об отечественной службе», на основании которого даже те рабочие от 17 до 60 лет, которые для военной службы были негодны (т. е. больные и калеки), привлекались к работам на нужды стратегии. Закон этот был разработан при содействии Легина и Бауера. Точно так же, по идее Генеральной комиссии, был основан «Союз за свободу и отечество», в котором наравне с руководителями профсоюзов заседали представители промышленной буржуазии и воспицыны. Само собой понятно, что союз имел единственной целью содействовать всеми мерами успешному ходу войны; почему здесь на первом плане стояло «за свободу», — это остается тайной главарей этого учреждения, ибо свобода-то была совершенно подавлена и уже строились планы насчет ее подавления в будущем.

В продолжение первых месяцев войны среди рабочих не обнаруживалось никакой оппозиции против патриотического дурмана, чему немало содействовали непрерывные успехи немецкого оружия и общее патриотическое ликование. Но уже к концу 1914 г. начинается пробуждение в рядах рабочих.

Ссылаясь на растущую дороговизну, берлинские токари по металлу выставили требование повышения заработной платы и вызвали движение среди металлистов, обходя официальные органы профсоюзов. В дело вмешались военные власти. Не желая раздражать рабочих, они образовали инстанцию «мирного посредничества» для мирного улажения могущих возникнуть конфликтов. В продолжение 1915 г. оппозиция среди рабочих возрастала. Но Генеральная комиссия зорко следила, чтобы не нарушался гражданский мир, запрещая профсоюзам участие в демонстрациях и всякое выражение осуждения военной политики с.-д. партии. Но так как, несмотря на это, оппозиция то здесь, то там проявлялась, руководители этой оппозиции время от времени вырывались из рядов рабочих для отправки на фронт, хотя, как специалисты по изготовлению военных припасов, не подлежали мобилизации; впоследствии было документально установлено, что эти высылки производились с ведома и по указанию главарей профсоюзов.

Между тем под влиянием ухудшения положения пробуждалось сознание более передовой части рабочих, в особенности в металлической промышленности, где оппозиционное настроение рабочих готово было прорваться в виде открытого сопротивления военным властям. Это настроение прорвалось в конце 1916 г. в виде забастовки 55 тыс. берлинских металлистов по поводу каторжного приговора над Либкнехтом за его протест в день 1 мая 1916 г. против войны и требование мира. По окончании забастовки много лиц было арестовано. В выпущенном воззвании комиссия профсоюзов обвиняла участников забастовки в государственной измене, что дало повод властям для судебных преследований.

Следующий взрыв среди рабочих был связан с объявлением весной 1917 г. сокращения хлебной порции. По этому поводу в Берлине забастовало до 300 тыс. рабочих; главари профдвижения (в особенности Адольф Коген) постарались придать забастовке чисто экономический характер и вскоре ее прекратить; однако 50 тыс. рабочих продолжали бастовать, выставив политические требования; но и это сопротивление было сломлено, и тысячи рабочих, хотя и не годных к военной службе, были отправлены в передовые окопы. Генеральная комиссия в своем раболепном обращении по поводу этих событий к властям, со всяческими изъявлениями покорности и преданности, не могла не отметить и даже подчеркнуть, что «низкая заработная плата, нежелание многих

предпринимателей оплачивать труд в соответствии с дороговизной жизни, ненужные жестокости при проведении закона о вспомогательной службе, неоднократные попытки урезать или упразднить права, признаваемые законом за рабочими,— все это вызывает сильное неудовольствие и создает материал для конфликтов».

В конце января 1918 г. вспыхнула большая политическая забастовка, в которой участвовало до полумиллиона рабочих самых крупных заводов Берлина и его окрестностей, и хотя забастовкой руководила с.-д. партия (или, вернее, — с.-д. партии), но все же она вскоре пошла на убыль и кончилась неудачно; нечего говорить, что за подавлением забастовки последовали репрессии в еще большей степени, чем прежде.

Говоря об оппозиции шейдемановцев, скажем вкратце о расколе, происшедшем в германской с.-д. рабочей партии.

18 членов с.-д. фракции рейхстага, не сочувствовавшие военной политике шейдемановцев, в 1916 г. от них откололись и образовали самостоятельную группу, поставившую себе целью организовать отдельную партию. 7 января 1917 г. в Берлине состоялась конференция новой партии, на которой присутствовали также представители группы «Интернационал» (получившие название «спартаковцев»), а 6—8 апреля 1917 г. в Готе состоялась конференция, на которой была основана «Независимая с.-д. партия Германии». Таким образом, германская с.-д. партия раскололась на две части; вскоре от независимых отделились «спартаковцы», образовав отдельную «Коммунистическую партию Германии», о которой подробнее будет сказано дальше.

Германская
революция
(8 ноября
1918 г.)

Еще с начала 1918 г. стратегическое положение Германии стало крайне тяжелым, а в середине года — совершенно безвыходным. Вся австрийская армия была разгромлена; германская армия всюду отступала; началось разложение армии, ускоренное революционной и антивоенной пропагандой, ведшейся на всех фронтах. Солдаты чувствовали, что война проиграна, и революция готова была каждый момент разразиться. Нужен был повод. Таким поводом явилось восстание матросов в Киле. Военное командование решилось на последний отчаянный шаг — путем военной хитрости заманить британский флот подальше в открытое море и атаковать его с подводных лодок. Матросы, давно уже революционно настроенные и пострадавшие за несколько вспышек во время

войны, понимая всю нелепость и преступность этой затеи, — отказались повиноваться. Они низложили командный состав. К восставшим присоединился гарнизон г. Килия. Был организован матросский и солдатский совет. По предложению губернатора матросы формулировали свои требования; они были очень умеренны. Главными требованиями были: признание полной свободы слова и печати, признание рабочего, матросского и солдатского совета и отмена отдания чести.

Кильское восстание произвело действие искры, брошенной в горючий материал. В тот же день — 2 ноября — к восстанию присоединились: Гамбург, Любек, Бремен, Ганновер, Кельн, Лейпциг, Дрезден и другие города. В Берлине восстание началось 9 ноября. Во главе правительства, после нескольких смен канцлеров во время войны, стоял принц Макс Баденский, пользовавшийся сомнительной популярностью в мещанских кругах; его поддерживало социалистическое большинство, имевшее своих представителей в кабинете министров. Все стремления потушить начавшийся пожар были безуспешны. Солдаты, восставая, низлагали своих начальников, выбирали других из своей среды и вместе с рабочими организовали советы.

Союзники поставили условием заключения мира отречение германского императора Вильгельма от престола. Пастроенные революционно, рабочие громко требовали отречения императора, в короткий срок потерявшего всю свою сомнительную популярность. Социалисты большинства, желая сохранить свою руководящую роль, принуждены были присоединиться к этому требованию. Вильгельм долго отказывался повиноваться ясно выраженному требованию широких народных масс, не желая расстаться с властью. Тогда рабочие объявили 9 ноября всеобщую забастовку и послали к правительству делегацию, с с.-д. Эбертом во главе, требуя скорейшего отречения. Убедившись, что дело проиграно, Вильгельм 9 ноября отрекся от престола и поспешил оставить пределы Германии. Правительство принца Макса передало власть Эберту и его товарищам.

Тотчас же было образовано новое правительство, получившее название Совета народных уполномоченных; в состав его вошли три представителя от социалистов большинства — Эберт, Шейдеман и Ландсберг и три от «независимых» — Гаазе, Диттман и Барт. Карлу Либкнехту предложено было войти в правительство в качестве представителя «спарта-

концев» — коммунистов, но он наотрез отказался. Образовавшийся таким образом Совет народных уполномоченных должен был оставаться у власти впредь до созыва Всегерманского съезда советов, который был признан высшим законодательным органом страны и должен был в первую очередь высказаться о новой форме правления. Таким образом будущие судьбы Германии и германского пролетариата очутились в руках социалистов. То был момент, о наступлении которого мечтали многие поколения социалистов.

Между тем одни только спартаковцы (или коммунисты) определенно и безоговорочно высказывались за передачу всей власти советам и за диктатуру пролетариата. Независимые были сторонниками советской власти, но не желали диктатуры пролетариата, опасаясь гражданской войны, а потому предлагали строй, носивший характер двухпалатной системы, а именно: руководство политикой переходит к всеобщему демократическому собранию, а контроль над индустрией — к всеобщему совету рабочих депутатов; они надеялись таким образом установить нечто вроде равновесия между всеклассовым представительством и представительством одного только рабочего класса с преобладающей властью последнего. Наконец, социалисты большинства категорически высказывались за созыв учредительного собрания. Позиция социалистов большинства тем менее может быть оправдана, что они могли и должны были предвидеть, что в учредительном собрании большинство будет принадлежать буржуазным партиям.

Между указанными тремя направлениями не было и не могло быть никакого соглашения, и вопрос перешел на решение Всегерманского съезда советов солдатских и рабочих депутатов, который открылся через 5 недель после отречения Вильгельма, а именно — 16 декабря 1918 г. Коммунисты и отчасти независимые, чтобы склонить съезд на свою сторону, подняли агитацию, организовали ряд стачек и массовых демонстраций, но уже первые голосования съезда показали, что шейдемановцы имеют на своей стороне подавляющее большинство съезда. Это не должно было показаться неожиданным, если вспомнить, какую консервативную и даже реакционную силу в продолжение всей войны представляли собой руководители и заправилы профсоюзов, державшие под своим влиянием широкие народные массы; несколько последовательных голосований показали, что шейдемановцы имеют на съезде в восемь раз больше голосов, чем остальная оппозиция.

Страстные дебаты на съезде разгорелись вокруг вопроса о сроке выборов в учредительное собрание. Независимые хотели оттянуть этот срок, чтобы дать революции развернуться; шейдемановцы стремились к обратному — к скорейшей ликвидации власти советов; первые выдвинули дату 16 марта, т. е. трехмесячный срок с момента начала съезда советов, а затем, когда эта цифра оказалась неприемлемой. — 16 февраля; но состоявшийся из шейдемановцев съезд назначил выборы на 19 января, а 6 февраля Всегерманский съезд советов сдал свои полномочия Всегерманскому национальному (учредительному) собранию.

Когда в октябре 1918 г. для всех стало очевидным неминуемое крушение военной и внутренней политики Германии, перед крупными промышленниками встал вопрос о том, как себя обезопасить от результатов грядущей революции или как сделать эту революцию безопасной для своей собственности. Надежды на правительство не было никакой, ибо не нужно было особой прозорливости, чтобы видеть, что оно скоро будет свергнуто; единственный организованной и мощной силой был рабочий класс, к тому же вооруженный благодаря войне. У промышленников возник остроумный план — путем предварительного соглашения с представителями рабочих ослабить силу предстоящего столкновения, а может быть, даже предупредить его. Что именно таковы были побуждения, руководившие промышленниками, — это определенно высказал секретарь «Общества немецкой железно- и сталепромышленности» в своем докладе, читанном им 30 декабря 1918 г. в Эссене: «Наше положение, — пишет докладчик, — уже было ясно в первых числах октября. Вопрос шел о том: как спасти промышленность? Как спасти предпринимателей от угрожающей, распространяющейся по всем отраслям промышленности, социализации, от перехода производства в руки государства и от приближающейся революции?»

Впрочем, все это было ясно без указанных комментариев.

Имея в виду все вышеуказанное, главарь германской железодельной промышленности Гуго Стиннес вступил в переговоры с главарями профсоюзов. Последние охотно пошли навстречу предложению Стиннеса, стремясь в меньшей мере предотвратить крушение капитала. Конференция из равного числа представителей от промышленников и рабочих открылась в Берлине 1 ноября, но течение ее работ

было замедлено совершавшимися политическими событиями. В этой конференции участвовали, с одной стороны, представители всех крупных капиталистических объединений во главе с Гуго Стиннесом, а с другой — вожди всех крупных профсоюзов, с Карлом Легином во главе; не только с.-д. союзы, но гириш-дункеровские и христианские союзы имели здесь своих представителей. Весь рабочий класс Германии заключал коллективный договор со всем классом капиталистов. Этот замечательный договор заключался под раскаты разразившейся революции и был подписан 15 ноября.

Вот текст этого соглашения:

«Крупные объединения предпринимателей и профессиональные союзы выработали следующее соглашение:

1. Профессиональные союзы признаются представителями пролетариата в производстве.

2. Какое бы то ни было ограничение прав рабочих на организацию недопустимо.

3. Предприниматели и их организации должны совершенно отказаться от услуг «желтых» союзов (организаций штрейкбрехеров) и отказать им в прямой и косвенной поддержке.

4. Все демобилизованные рабочие — солдаты — имеют право, после должного извещения, снова поступить на работу в те предприятия, где они работали до войны. Договаривающиеся организации предпринимателей и рабочих будут стремиться к тому, чтобы путем производства сырья и т. п. дать возможность полного выполнения этого обязательства.

5. Устанавливается объединенное управление и контроль над предоставлением работы всем рабочим.

6. Условия труда для всех рабочих должны быть установлены, согласно с характером обстановки в различных производствах, путем коллективного договора с организациями работодателей. Переговоры по данному вопросу должны быть начаты и закончены в кратчайший срок.

7. В каждом предприятии с количеством рабочих не меньше 50 организуется рабочий комитет, на обязанности которого лежит совместно с работодателями следить за выполнением в данном предприятии всех условий труда, установленных в коллективном договоре.

8. В коллективных договорах должны быть предусмотрены комитеты арбитража, состоящие из равного количества представителей рабочих и предпринимателей.

9. Во всех отраслях производства рабочий день устанавливается максимум в 8 часов. Никакое понижение зара-

ботной платы в связи с этим уменьшением рабочего времени не допускается.

10. Для осуществления этого соглашения и для принятия дальнейших мер по демобилизации армий, по охране беспрепятственного течения хозяйственной жизни, обеспечению существования рабочих и особенно инвалидов войны, договаривающиеся организации работодателей и рабочих создают центральный комитет, с надлежащими производственными отделениями, на основе паритетного представительства.

11. Данный центральный комитет будет разрешать все основные вопросы, поскольку они возникают при установлении коллективного урегулирования тарифа и условий труда. Он также будет в качестве посредника разрешать все те конфликты, которые затронут несколько отраслей производства. Его решения обязательны как для работодателей, так и для рабочих, если только в течение одной недели после вынесения постановления какая-либо из сторон не заявит своего протеста.

12. Это соглашение вступает в силу с момента его подписания и является законным регламентом производственной жизни впредь до того, как одной из договаривающихся сторон не будет заявлено, за три месяца вперед, о желании внести те или другие изменения.

Это соглашение должно применяться также и к отношениям между организациями работодателей и профессиональными союзами служащих» (цитировано по брошюре В. Фостера, Волны рабочей революции).

Состоявшееся таким образом соглашение предопределило в значительной степени ход дальнейших событий; революция получила очень упругий тормоз; представители рабочих явились на Всегерманский съезд советов умиротворенными полученным от капиталистов задатком; некоторые даже считали, что трудовое (или иначе называемое — «деловое») соглашение есть капитуляция промышленников перед пролетариатом; что оно надолго обеспечит правильный ход промышленной жизни и выговоренные в нем prerogatives пролетариата. Заключенное частным образом соглашение было претворено в жизнь, т. е. оформлено в виде декретов «революционным» правительством, т. е. правительством шейдемановцев. Таков был путь, при посредстве которого реформистские вожди предали интересы рабочего класса.

Но обеспечил ли в действительности этот «социальный» договор prerogatives рабочего класса или, наоборот, не дал

ли он перевес промышленникам, обеспечив им их барыши? Факты показывают, что последнее вернее.

Результаты трудового единения и работы «социализированных» учреждений, созданных в связи с этим единением, скоро сказались.

Прежде всего начали расти цены в железоделательной промышленности. Этот рост совершался с такой безостановочностью и быстротой, что последствия его тотчас же почувствовали все другие отрасли производства. Ближайшим результатом было повышение цен на уголь, для добывания которого необходимы железные и стальные инструменты и приборы; далее, повысились железнодорожные тарифы вследствие чрезвычайной убыточности железных дорог, крайне увеличивавшейся вследствие дороговизны металлов; вздорожание съестных припасов в свою очередь явилось результатом вздорожания сельскохозяйственных машин; наконец, возросли государственные расходы вследствие того, что Германия обязана была ежегодно доставлять союзникам 2 млн. *т.* тоннажа; крайне увеличились расходы на восстановление торгового флота; то и другое повело к увеличению налогов, падавших главным бременем на рабочих. Таким образом, вся Германия очутилась под диктатурой железных и угольных баронов, с которыми заодно действовали лидеры профсоюзов. Представители рабочих в различных «социальных» комиссиях, не будучи в состоянии охватить всей конъюнктуры производства и торговли, давали свое согласие на значительное повышение цен взамен незначительных прибавок к заработной плате, между тем как эти повышения только в незначительной степени оправдывали увеличение себестоимости. За угольными и железными баронами следовали все объединенные предприниматели. Таким образом деятельность общих хозяйственных корпораций, созданных на основании и в связи с «деловым» объединением, послужила к чрезвычайному усилению позиций частно-предпринимательского капитала, вследствие чего новое, «социализированное», хозяйство Германии нашло самых горячих защитников в лице представителей крупной промышленности.

Поражение революции Несогласия в рядах социалистов начались с первого момента свержения Вильгельма и перехода власти в руки пролетариата. Хотя в состав Совета народных уполномоченных вошли на равных основаниях представители социалистов большинства и независимых, но надлежащие отношения не могли между

ними наладиться; независимые все время чувствовали себя во враждебном лагере. Когда же на Всегерманском съезде советов выяснилось совершенно неблагоприятное для них соотношение сил, необходимость ухода из состава правительства сделалась для них ясной, ибо, оставаясь дольше, они принуждены были бы делить ответственность, не имея ни малейшей возможности влиять на направление политики. Первая неудача, которая постигла независимых, заключалась в полном отклонении их предложения относительно срока созыва учредительного собрания. Второй вопрос, который их чрезвычайно интересовал, был вопрос о том, к кому перейдет власть после закрытия съезда — к Центральному исполнительному комитету съезда или к Совету народных уполномоченных. Социалисты большинства постарались, чтобы власть фактически перешла к Совету народных уполномоченных. Тогда независимые отказались войти в центральный исполком, и последний был составлен целиком из социалистов большинства.

Поводом к уходу независимых из состава правительства послужило матросское восстание в Берлине 23 — 24 декабря и подавление его правительством Эберта вооруженной рукой, хотя инцидент можно было уладить более миролюбиво. Независимые убедились, что социалисты большинства не остановятся перед использованием командного состава старой армии для подавления народных восстаний и укрепления своей власти. Представители независимых, воспользовавшись разногласиями по вопросу о матросском восстании, вышли из состава правительства, предварительно указав Совету народных уполномоченных и Центральному исполкому в поданной ими записке на те пункты правительственной политики, с которыми они не согласны. Здесь было отмечено стремление правительства «искать опору в генералитете и в остатках старой регулярной армии, построенной на основе рабского повиновения», стремление правительства игнорировать постановление съезда советов касательно отмены знаков отличия и воспрещения офицерам тыловых частей носить оружие вне службы и проявленная правительством крайняя медленность в издании законоположений для проведения социализации тех отраслей производства, которые достигли необходимого для этого развития.

Еще более натянутыми — вернее говоря, определенно враждебными — были отношения между правительством и спартаковцами, которые не видели иного способа спасти революцию, как путем открытого восстания. Уже в продолже-

ние ноября и декабря были отдельные вспышки; во время восстания матросов 23 — 24 декабря спартаковцы захватили помещение газеты социалистического большинства «Форвертс», но принуждены были его вернуть.

Поводом к восстанию, известному под названием «восстания спартаковцев» (хотя в нем участвовали и независимые), было увольнение независимого социалиста Эйхгорна с поста начальника полиции Берлина; коммунисты в этом не без основания увидели стремление шейдемановцев обезопасить себя со стороны всех действительных социалистов, или, как выражалась прокламация, стремление отделаться от последнего представителя революционного рабочего Берлина в правительстве, для того чтобы с тем большим успехом применять против рабочих систему террора. В ответ на увольнение Эйхгорна коммунисты и независимые решили организовать в виде протеста демонстрацию рабочих Берлина, которая была назначена на 5 января. Выпущенная по этому поводу прокламация, напечатанная в газетах «Роте Фане» (орган коммунистов) и «Фрейхейт» (орган независимых), кончалась словами: «Долой насильников Эберта, Шейдемана, Гирша и Эрнста». Демонстрация имела большой успех. Правительство, со своей стороны, обратилось к рабочим по заводам и привлекло часть их на свою сторону. В тот же день коммунистами и независимыми был организован Временный революционный комитет, председателями которого на равных началах были избраны Георг Ледебур, Карл Либкнехт и Пауль Шольце. 6 января ревком выпустил воззвание, в котором объявил правительство Эберта—Шейдемана низложенным и власть — перешедшей к ревкому. Вооруженные рабочие заняли ряд редакций и, между прочим, помещение редакции и типографию «Форвертса». Левосоциалистические газеты «Роте Фане», «Фрейхейт», «Республик» вышли с воззваниями, призывавшими рабочих «итти дальше, чтобы раз навсегда покончить со всякими контрреволюционными замыслами». В этот день положение правительства было довольно критическим, и энергичный натиск восставших мог повести к переходу власти в их руки; но этого натиска не последовало, и таким образом правительству был дан срок организовать свою защиту и подавить восстание. Оно вызвало регулярные войска из провинции и привлекло к обороне кадровых офицеров. Руководство военными действиями было передано социалисту большинства Носке. Бои на улицах Берлина продолжались целую неделю, и только 13 января восстание было окончательно подавлено; при-

этом было расстреляно немало коммунистов, взятых в плен, а 16 января были арестованы Карл Либкнехт и Роза Люксембург и зверски убиты арестовавшими их лицами.

После январского восстания было еще несколько попыток свергнуть власть учредительного собрания и его правительство, но тоже окончившихся неуспешно. Так, в марте 1919 г., когда началась работа учредительного собрания, в Берлине и других городах вспыхнул ряд серьезных восстаний. В Мюнхене (Бавария) возникшая советская республика была ликвидирована вооруженной силой. Наконец, самая последняя и тоже неудачная попытка была сделана в марте 1921 г., когда в центральной Германии восстали широкие массы рабочих.

Таким образом, социалисты большинства, державшие всю власть в своих руках и имевшие на своей стороне не менее $\frac{3}{4}$ всех рабочих и солдат, не только не сделали попытки водворения социалистического строя, но кровью рабочих залили покушение более революционной части пролетариата и его вождей. Совершенно правильно говорит В. Фостер (в своей брошюре «Волны рабочей революции»), что если бы в Германии произошла социальная революция, — «все страны Западной Европы должны были бы тогда последовать ее примеру. Все говорит за то, что бурные волны рабочих восстаний прокатились бы тогда по всему континенту, уничтожая на своем пути капиталистический строй. Но если даже допустить, что никакая другая страна не присоединилась бы к Германии и России, произведшим у себя революционный переворот, то эти две страны во всяком случае смогли бы создать такой мощный пролетарский экономический и политический союз, которому, несомненно, удалось бы положить начало новому типу общества. Германия, с ее блестящим техническим оборудованием промышленности, и Россия, с ее неизмеримыми естественными богатствами, — образовали бы одно могущественное целое, которое могло бы существовать совершенно самостоятельной жизнью, не нуждаясь в помощи остального мира. Капиталистическая блокада, так же как и военная интервенция объединенного капитала, была бы совершенно бессильна сокрушить этот пролетарский союз».

**Профессиональ-
ное движение
после войны**

Подводя итог всему изложенному нами о рабочем движении во время войны и о течении германской революции, приходится констатировать факт, что в течение 1918—20 гг., а в особенности в самом начале революции, были в высшей степени благоприятные объективные возможности для соци-

алистической революции в Германии; но этому не соответствовала степень революционной сознательности рабочих масс. Это не значит, что германская рабочая масса еще недостаточно сознательна; нет, в этом отношении пятидесятилетняя партийная и профсоюзная практика сделали очень и очень много; но они воспитали массы в ином, неревolutionном направлении. В самом деле, если — как явствует из предыдущего — в партии были очень сильны ревизионистские тенденции, то профсоюзы, которые всегда были правее партии, неизменно стояли на определенно реформистской и даже умеренно-реформистской платформе, а воспитательная роль профсоюзов даже в Германии была значительно меньше воспитательной роли партии.

Как увидим дальше, оппозиция против шейдемановско-легиновской политики началась не только в партии, но в еще более значительной степени в фабрично-заводских организациях и профсоюзах; вот почему, раньше чем говорить об этой оппозиции, интересно познакомиться с состоянием профдвижения после войны и революции.

Упадок и рост профдвижения за период войны и в первые годы после нее можно видеть из следующей таблицы:

Годы	Свободные союзы		Христианские	Гирш-дункеровские
	Всего	В том числе женщин		
1913	2.573.718	230.347	342.785	106.618
1914	2.075.759	210.314	282.744	77.749
1915	1.159.497	177.535	176.137	61.086
1916	966.705	185.810	174.300	57.766
1917	1.106.657	268.614	243.865	79.113
1918	1.664.991	422.957	392.914	113.792
1919	5.470.073	1.192.767	858.583	189.831
1920	7.830.102	1.710.761	1.076.792	225.998

Цифры, указанные для 1920 г., могут быть приблизительно отнесены к 1921—22 гг. и таковыми остаются до последней трети 1923 г., когда, под влиянием экономических и политических причин, начинают значительно падать ¹⁾.

¹⁾ К середине 1924 г. число членов профсоюзов упало больше чем на треть, в сравнении с цифрами 1920—22 гг. и после этого еще продолжало падать.

Из этой таблицы мы видим, с одной стороны, стремительное уменьшение числа организованных рабочих с развитием войны и еще более их стремительный рост после революции. Это вполне понятно, если принять во внимание, что рабочие, рядом с крестьянами, составляли основные кадры германской армии и в сравнении с крестьянами — ее лучшую и наиболее образованную часть. Обращает на себя также внимание абсолютное возрастание числа организованных женщин, которое в 1918 г. (год наибольшего напряжения военных сил) составляло около 25% всех организованных рабочих, а в 1919 и 1920 гг. — около 22%. Абсолютное увеличение числа организованных рабочих после революции грандиозно. Это в значительной степени объясняется тем, что, согласно последовавшим правительственным декретам, профсоюзы являются признанными и официальными защитниками интересов рабочих перед предпринимателями; но вместе с тем оно, несомненно, указывает на доверие широких рабочих масс (которые, т. е. доверие, как мы увидим дальше, все более и более убывает) к руководителям профсоюзов. На колоссальный рост мощи профсоюзов и профдвижения после революции указывают также цифры распространенности профсоюзной прессы. Так, до войны 35 ежедневных газет, 7 двухнедельников и 5 ежемесячных журналов были распространены в количестве 2.610.695 экземпляров; в 1920 г. почти одинаковое количество изданий (33 ежедневных газеты, 11 двухнедельников и 5 ежемесячников) были распространены в количестве 8.404.960 экземпляров. Необходимо в заключение обратить внимание на то, что, как видно из приведенной таблицы, число рабочих гириш-дункеровских (либеральных) союзов увеличилось с 1913 г. до 1920 г. в 2,1 раза, между тем как число членов христианских союзов за это время увеличилось в 3,1 раза и в 1920 г. превышало число членов либеральных союзов в 4,7 раза. Если мы к сказанному прибавим, что христианские союзы объединяют преимущественно католических рабочих в Вестфалии и в других местностях с католическим населением, то мы убедимся, какой значительной силой является еще католицизм в Западной Европе.

Число организованных рабочих и служащих в 1913 г. составляло около одной пятой части всех рабочих и служащих Германии, считая всех организованных рабочих и служащих в 4.445.795 чел. (если к цифрам, приведенным в вышеуказанной таблице, прибавить членов диких союзов — 318.508, желтых — 273.725 и союзов служащих — 830.441),

а число членов свободных союзов составляло около одной восьмой части всего германского пролетариата. В 1921 г. это соотношение сильно изменилось. Всех организованных рабочих было в свободных союзах *9.192.892; в христианских, либеральных, диких и в союзах служащих числилось около 2½ млн., а всего немногим больше 11½ млн. (в действительности число организованных рабочих в 1921 г. считалось больше и в общем доходило до 13 млн.). Что касается общего числа рабочих и служащих в Германии, то, по переписи 1919 г., их было всего 22.062.912, из коих женщин — 7.915.706. Таким образом, мы видим, что число организованных рабочих и служащих (считая его в 12 млн.) составляло в 1921 г. 54 %, т. е. больше половины всех рабочих и служащих.

Хотя, как видно из этих данных, Германия, по абсолютному числу организованных рабочих и по их процентному отношению ко всему своему пролетариату, занимала первое место на всем земном шаре, но все же, ввиду положения, занятого социалистическими партиями в Германии, и ввиду официального признания профсоюзов, можно было ожидать значительно большего объединения рабочих.

Но не только в количественном отношении германское профдвижение является в Зап. Европе самым передовым; оно считается таковым и в организационном отношении. Впрочем, не следует думать, что в последнем отношении германское профдвижение является образцовым. Здесь и по сию пору профессионально-цеховой тип организации преобладает над производственным. Это, конечно, объясняется прежде всего постепенностью развития германского профдвижения; хотя в указанном отношении оно находилось в более благоприятных условиях, чем английское, возникши значительно позже его, но все же оно имеет более чем полстолетнюю историю; а потому, несмотря на все старания передовых деятелей придать ему наиболее совершенный организационный характер, по сию пору не удалось этого вполне достичь. Факты показывают, что союзы профессионально-цехового типа в большинстве случаев туго поддаются пропаганде объединения в производственные союзы, дорожа своей самостоятельностью, своими фондами, а в известной степени также благодаря сопротивлению руководителей, пользующихся издавна влиянием в определенных рабочих слоях и боящихся его потерять. Но все же необходимо констатировать, что в продолжение более десятилетия до войны теория и практика были в пользу производственного типа объединения, а после войны эта тен-

денция подтверждена на Нюрнбергском съезде профсоюзов, собравшемся в 1919 г. после пятилетнего перерыва. В § 4 принятого на этом конгрессе устава, сводящего воедино весь опыт предшествовавших лет, говорится: «Объединение признает, что развитие профессионального движения должно идти в направлении дальнейшего объединения в крупные дееспособные союзы и что развитие техники обуславливает притяжение всех необученных и вспомогательных рабочих и работниц в профессиональные или производственные союзы соответственно той отрасли труда, в которой занят данный рабочий». И в практике послевоенного профдвижения значение производственного принципа начинает увеличиваться, хотя еще очень далеко до того, чтобы он завоевал первенствующее значение.

В Германии в 1919—20 гг. было всего 52 центральных (свободных, т. е. с.-д.) союза, даже на 4 больше, чем до войны; но это увеличение объясняется тем, что в число полноправных союзов включены союзы сельскохозяйственных и домашних рабочих, прежде только примыкавшие к свободным, и вступили в объединение союзы: работников кинематографа, служащих гостиниц, полировщиков и трубочистов. Непрерывно наблюдается среди союзов стремление к слиянию, благодаря чему некоторые союзы переименовали свое название: союз портных превратился в союз рабочих по производству одежды, союз вспомогательных рабочих печатного дела — в союз вспомогательных рабочих графического производства и т. п.; союз ваятелей объединился с союзом деревообделочников, союз приказчиков — с союзом конторских служащих и пр. Как мы видим, тенденция к централизации и превращению в производственный тип несомненна. Интересно отметить, что этой тенденции значительно содействовали падение курса марки и вздорожание жизни, вследствие чего фонды отдельных союзов становились все меньше и недостаточнее для ведения стачек, и сколько-нибудь значительная стачка грозила поглотить все наличные средства; таким образом, необходимость обеспечить себе возможность ведения стачек заставляла отдельные союзы объединиться. Но все же работа в этой области далеко незавершена.

Если мы возьмем число членов, приходящихся на один центральный союз до войны, то увидим, что оно немногим больше 50 тыс. человек, между тем как после войны оно

в 1920 г. доходило до 150 тыс., а в 1922 г. было выше 170 тыс.

По количеству членов, на первом месте стоял союз железнодорожников, в котором числилось (в 1922 г.) 4.128.174 чел., на втором месте — союз металлистов с числом членов 1.547.917, далее сельскохозяйственные рабочие — 695.695 чел., фабричные рабочие — 643.800, транспортники — 568.080.

Отметим отдельно быстрый рост союза с.-х. рабочих. Среднее за год число членов этого союза составляло: в 1913 г. — 19.077, в 1918 г. — 9.923, в 1919 г. — 265.862, в 1920 г. — 695.695. Причина столь быстрого расцвета — уничтожение полупфеодалальных пережитков в деревне. Далее следует отметить грандиозный рост организаций служащих. До революции организации служащих избегали соприкосновения с рабочими союзами; имея свои собственные центры, они вступали в договорно-коалиционные отношения с теми или другими из центров профдвижения, преимущественно с «христианским» или либеральным. После революции число организаций служащих и членов в них чрезвычайно увеличилось. Целый ряд союзов служащих объединился в единую организацию — «АФА», примыкающую к свободным союзам. С другой стороны, среди организаций служащих, вошедших в свободные союзы, тоже произошла сильная концентрация, и союз их в указанный период охватил около 400 тыс. человек.

Число местных, свободных союзов с 1913 г. возросло более чем вдвое; в такой же степени возросло число местных христианских союзов; число либеральных союзов, наоборот, уменьшилось.

Как уже было сказано выше, с 1923 г. начинается бегство из профсоюзов, что можно видеть из следующих цифр. Число членов свободных профсоюзов в 1922 г. было 7.895.065, в 1927 г. — 4.150.160; христианских: в 1922 г. — 1.033.506, в 1927 г. — 605.789, гириш-дункеровских: в 1922 г. — 230.012, в 1925 г. — 157.571.

Говоря о самостоятельных профессиональных организациях, примыкающих к свободным союзам, нужно упомянуть об образовавшемся после войны «Всеобщем союзе германских чиновников (ADBB)».

• На Нюрнбергском конгрессе 1919 г. все свободные союзы, до сих пор объединявшиеся Генеральной комиссией, организовались во Всеобщее германское объединение профсоюзов (ADGB), причем Генеральная комиссия была заменена правлением из 15 членов.

Коммунистическая партия и развитие революционного направления в профсоюзах

Как уже было упомянуто, начавшаяся во время войны в среде с.-д. оппозиция против политики большинства (получившего название «шейдемановцев») привела к образованию партии независимых с.-д. и «союза спартаковцев». Партия независимых, которая долгое время пыталась лавировать между правым и левым крылом, в конце концов примкнула к первому, с которым слилась в 1923 г. Единственной левой пролетарской партией осталась коммунистическая партия Германии.

История компартии Германии такова. Еще с самого начала войны в рядах с.-д., под руководством К. Либкнехта, Р. Люксембург, Франца Меринга, Клары Цеткин образовалось левое крыло, которое повело борьбу с реформистской политикой с.-д. партии, находившейся под влиянием Шейдемана и его единомышленников. В апреле 1915 г. группа эта начала издавать журнал «Интернационал» и получила название «группы Интернационала». В январе 1916 г. группа нелегально устроила в Берлине конференцию, на которой решено было издавать бюллетень «Спартак»¹⁾, и приняла это название. В 1917 г., вместе с образованием независимой партии, группа вошла в эту партию как автономная часть.

До революции большинство из вождей этой группы томилось в тюрьмах. После 9 ноября, когда главные деятели вышли на свободу, «Союз спартаковцев» стал издавать газету «Красное знамя» (Rote Fahne). Видя, что независимые занимают двойственное положение и не желают перейти к ясно выраженной революционной тактике, «Союз спартаковцев» решил образовать самостоятельную коммунистическую партию, что и было осуществлено на учредительном партийном съезде 30 декабря 1918 г. Попытка партии в январе 1919 г. свергнуть правительство Эберта — Шейдемана кончилась тяжелым поражением, причем белогвардейскими офицерами были убиты самые выдающиеся и активные вожди: К. Либкнехт и Р. Люксембург, а потом Лео Иогихес. Много коммунистов было убито при подавлении восстания; много было брошено в тюрьмы. Все эти потери и осадное положение, объявленное правительством и длившееся около года, сильно дезорганизовали партию.

¹⁾ Так назывался предводитель восставших римских рабов и гладиаторов (цирковых борцов, которых римляне для своей потехи заставляли драться на смерть). Спартак поднял их на восстание с лозунгом: «Если уж умирать, то за свою свободу!»

Летом 1919 г. от партии откололась часть ее, образовавшая самостоятельную партию под названием «Коммунистическая рабочая партия Германии». О причинах этого раскола, произведшего дальнейшее расстройство в рядах партии, будет сказано дальше. На IV партийтаге партии решено было принять участие в предстоящих летом 1920 г. выборах в рейхстаг (выборы в Национальное учредительное собрание компартией бойкотировались). Компартия получила на выборах 445.995 голосов и провела двух депутатов — Клару Цеткин и Пауля Леви. Партия тогда имела 1.214 местных групп, в коих считалось 78.715 членов. В том же году в независимой с.-д. партии произошел раскол, и левое крыло ее присоединилось к компартии; была создана «Объединенная коммунистическая партия». Благодаря этому присоединению компартия получила сразу 300 тыс. новых членов, больше 20 депутатов в рейхстаг, ряд новых газет.

Согласно данным Йенского партийтага (август 1921 г.) партия насчитывала 359.613 членов и имела 33 газеты с 395 тыс. подписчиков. Кроме этих газет партия издавала еще следующие периодические издания: «Интернационал», «Коммунистический профессионалист», «Коммуна», «Коммунистка», «Плуг» и другие. При выборах в семь германских ландтагов, состоявшихся зимой 1920/21 г., партия получила 1.440.140 голосов (независимые — 1.481.350, с.-д. — 5.309.189).

Оппозиция в профсоюзах против реформистской политики началась еще до конца войны. Ею руководили независимые и будущие коммунисты. На съезде металлистов в 1919 г. была принята резолюция, резко направленная против шейдемановцев и легинистов; в ней подчеркивалось, что ноябрьская революция не принесла с собой освобождения рабочих от капиталистического ига; что профессиональные организации должны сплотиться в могучие производственные союзы, чтобы стать фундаментом органически развивающейся системы советов социалистического производства; резолюция далее отвергала деловое объединение с предпринимателями и заявляла о готовности создать новую боевую и организационную базу. Такое же движение наблюдалось в это время в союзе текстильщиков, общее собрание которого обнаружило оппозицию к реформистской политике профсоюзов. Оппозиционно настроенные рабочие большинства союзов возлагали надежды на металлистов и текстильщиков, надеясь, что вокруг этих

центров сорганизуются все недовольные политикой официальных вождей; но Легиту и его единомышленникам удалось склонить на свою сторону руководителей этих союзов и заставить их занять более примирительную позицию.

Одновременно с этим внутри союзов, под влиянием агитации независимых и коммунистов стали образовываться организации революционных меньшинств. Этому движению был нанесен сильный ущерб течением, стремившимся к самостоятельной организации оппозиционных рабочих элементов. На эту точку зрения стала выделявшаяся из компартии «Коммунистическая рабочая партия Германии», которая защищала взгляд, что в интересах революционной борьбы и скорейшего торжества революции необходимо, чтобы коммунисты вышли из профсоюзов и образовали самостоятельные профессиональные организации. С этой целью ими был образован «Всеобщий рабочий союз», состоявший из левонастроенных рабочих, вышедших из профсоюзов. Эта политика была осуждена конгрессом III Интернационала и отвергнута Объединенной коммунистической партией. Хотя реформисты в противовес этому стали исключать тысячами оппозиционных рабочих из профсоюзов, но эти рабочие, находясь под руководством коммунистов, не стремились к образованию отдельных собственных союзов, а добивались обратного приема в свои союзы и достигали своей цели.

В 1922 г. около трети членов свободных профсоюзов (около 2½ млн.), главным образом в крупных союзах, принадлежали к сторонникам компартии, и наиболее активные из них, оставаясь в недрах профсоюзов, работали в пользу дальнейшего революционизирования их членов. Некоторые красные профсоюзы, существовавшие отдельно, примкнули к Профинтерну. Таковы: «Унион работников физического и умственного труда», насчитывавший до 150 тыс. членов, «Союз моряков», имевший около 25 тыс., и «Союз исключенных стрелковых рабочих» с таким же количеством членов.

Кроме того, организовался «Вольный рабочий унион» (локалисты) анархо-синдикалистского направления, крайне враждебный Профинтерну и коммунизму. Число членов этого союза в конце 1919 г. было около 150 тыс., но уже к 1923 г. упало до 30—35 тыс.¹⁾.

¹⁾ В конце 1922 г. деятели анархо-синдикализма различных стран образовали самостоятельный интернационал, так называемый Бернский интернационал.

Особое внимание компартия обратила на фабрично-заводские комитеты.

Фабзавкомы.
Контроль и
комиссии.
Пролетарские
сотни

До войны на фабриках и заводах существовали уполномоченные от рабочих. После ноябрьской (1918 г.) революции их заменили фабрично-заводские комитеты, которые в более промышленных частях Германии образовали делегатские собрания по отраслям промышленности. Стремясь урегулировать и ограничить это движение определенными законными рамками, рейхстаг принял закон о фабзавкомах (в январе 1920 г.), согласно которому назначение этих организаций сводилось, главным образом, к контролю над правильным функционированием предприятий и в частности к содействию повышению в них производительности труда.

Уже в середине 1921 г. число членов фабзавкомов достигло огромной цифры — 400 тыс. человек; согласно данным 1923 г., 270 тыс. членов фабзавкомов приходилось на мелкие предприятия (до 50 рабочих), около 130 тыс. членов — на предприятия с 50—200 рабочих, до 40 тыс. — на предприятия с 200—1.000 рабочих и только 2 тыс. — на самые крупные предприятия. С.-д. партия, относившаяся первоначально равнодушно к фабзавкомам, видя все возрастающее влияние в них коммунистов, вступила с последними в борьбу; и хотя ей удалось овладеть многими фабзавкомами, однако, как показывают данные 1923 г., коммунисты имели на своей стороне значительное большинство фабзавкомов в крупных предприятиях.

На первом общегерманском конгрессе фабзавкомов в октябре 1921 г. лидерам профсоюзов удалось провести постановление о подчинении фабзавкомов профсоюзам. В резолюции конгресса 1922 г., прошедшего под явным влиянием коммунистов, подчеркивалось, что фабзавкомы не хотят и не стремятся заменить профсоюзы, а считают, наоборот, необходимым работать в самом тесном с ними контакте; причина в том, что компартия стремится не к разрушению профсоюзов, хотя и находящихся под влиянием с.-д., а к овладению ими, и, следовательно, заинтересована в их сохранении и даже спасении от разложения.

Но установленные указанным конгрессом контакт и размежевание функций в действительности не соблюдались. Причина этого в следующем. Вся нынешняя работа профсоюзов базируется, с одной стороны, на взаимопомощи, а

с другой — направлена на соглашение с предпринимателями. Но что касается взаимопомощи, то падение курса марки и чрезвычайное обеднение рабочего класса свело кассы профсоюзов в период 1920—24 гг. и, следовательно, взаимопомощь почти к нулю, а соглашение с предпринимателями при современной политике с.-д. свелось фактически к подчинению требованиям, диктуемым предпринимателями. Вот почему фабзавкомы стали вмешиваться в вопросы чисто экономической борьбы между рабочими и предпринимателями, в особенности в тех случаях, когда профсоюзы готовы были идти на вредные уступки и компромисс. Но, кроме того, фабзавкомы нашли и свой особенный путь и средства борьбы. Идя навстречу требованиям, выдвигаемым революционной политико-экономической обстановкой, стремясь облегчить материальные страдания рабочего класса и защищать его политическую позицию, фабзавкомы стали действовать через созданные при их посредстве контрольные комиссии и пролетарские союзы.

Контрольные комиссии стали возникать в середине 1922 г. (в связи с волной протеста и возмущения против убийства фашистами министра Ратенау). В первое время деятельность этих комиссий была направлена на борьбу с контрреволюцией; они занялись слежкой за монархическими военными союзами, выведыванием, где находятся их оружейные склады, удалением из учреждений монархических портретов и эмблем. В этой области деятельность контрольных комиссий не была особенно плодотворна.

С начала 1923 г. функции контрольных комиссий под воздействием фабзавкомов изменяются; они становятся органами по борьбе с дороговизной и спекуляцией, причем, по мысли их наиболее активных руководителей, они должны перейти к завоеванию на этом пути рабочего контроля над производством, торговлей и транспортом. Контрольные комиссии не были чисто классовыми рабочими организациями, ибо в них рядом с рабочими участвовали мелкие лавочники, чиновники, представители трудовой интеллигенции. Функции их в этой второй фазе деятельности сводились, главным образом, к урегулированию цен, организации доставки продуктов, розыску и реквизиции запряганных ради спекуляции товаров, скупке в сельских местностях скота по твердым ценам и пр.

Принося таким образом непосредственную материальную пользу рабочим и другим трудовым слоям общества, кон-

трольные комиссии косвенно служили средством установления связи между пролетарскими массами и мелкой буржуазией, страдавшей от натиска крупного капитала и экономической разрухи по временам не менее пролетариата. В то же время эти комиссии развивали самодеятельность населения, образуя добавочную сеть организаций на случай революционных выступлений и в ходе своей работы выдвигая более активные, иногда революционно настроенные личности из бесформенной обывательской массы.

Пролетарские сотни первоначально (в 1922 г.) стали организовываться по фабрикам и заводам как органы пролетарской самообороны, а на Франкфуртской международной конференции организация сотен была рекомендована как средство борьбы с фашистской опасностью.

С.-д. сначала игнорировали пролетарские сотни, как они первоначально игнорировали фабзавкомы, но, увидев, что движение разворачивается помимо них, выдвинули лозунг «партийных» сотен; часть коммунистов отказывалась стать на подобную точку зрения, полагая, что чисто-коммунистические сотни надежнее в предстоящей борьбе; но вскоре коммунисты, по директиве ЦК, стали проводить и в этих организациях принцип «единого фронта». С.-д. на это ответили агитацией против каких бы то ни было боевых целей и подчеркиванием назначения сотен как органов пролетарской самообороны. Поддерживая номинально эту формулу, компартия, однако, продолжала готовить сотни для более активных целей борьбы, которая, как всем было ясно, надвигалась со дня на день.

Организация и в особенности боевая подготовка сотен сильно тормозилась их нелегальным положением (запрещены правительством 14 мая 1923 г.) и частыми провалами их руководителей вследствие их недостаточной конспиративности. Что касается их вооружения, то оно тоже не могло быть достаточно солидным, ибо револьверы и маузеры — совершенно недостаточные средства борьбы с противником, располагающим пулеметами и артиллерией, но все же сотни были организованной силой, которая могла и должна была сослужить полезную службу в первоначальный момент революционного столкновения. Накануне октябрьских дней (1923 г.) пролетарские сотни насчитывали до 250 тыс. участников; из них коммунистов — около 60 %, с.-д. и беспартийных — 40 %.

Фабзавкомы считаются зародышем и подобием русских советов рабочих депутатов, а пролетарские сотни — зароды-

шем германской Красной армии. Фабзавкомы, контрольные комиссии и пролетарские сотни, вместе взятые, образовали очень солидную низовую организацию пролетариата с некоторой примесью мелкобуржуазных и среднеклассовых элементов.

**Оккупация Рура
и пассивное со-
противление**

Согласно Версальскому мирному договору, Германия обязана уплатить Антанте (главным образом Франции и Бельгии) 132 миллиарда марок золотом репараций (возмещения убытков от разрушений, главным образом фабрик и заводов, произведенных во время войны), в счет коих, кроме периодических денежных взносов, она должна производить определенные поставки угля и дерева. Ввиду того, что Германия не сделала следуемых с нее годичных поставок и взносов, французскими и бельгийскими властями была оккупирована (занята) 11 января 1923 г. Рурская область, которая вместе с Рейнской является богатейшей территорией по заключающимся в ее недрах углю и железу. Чтобы судить о богатстве этих областей и об их значении для Германии, приведем следующие цифры.

В 1922 г. Рурская и Рейнская области дали Германии 3 млн. *т* железа, т. е. 41% всей германской добычи; чугуна — 8,2 млн. *т*, т. е. 74% всей германской добычи; цинковой руды — 91.000 *т*, т. е. 44%. Каменного угля Германия рассчитывала в 1923 г. добыть в Рурской и Рейнской областях 100 млн. *т* (из общей суммы 115 млн. *т* добычи во всей Германии), что составляет 87% предполагавшейся добычи.

Германское правительство ответило на оккупацию отзыванием своих послов из Франции и Бельгии, протестом Антанте за нарушение Версальского договора, прекращением репараций и провозглашением лозунга «пассивного сопротивления». Это была вторая война с Францией (и Бельгией). «Пассивное сопротивление», по замыслу его авторов, должно было быть грандиозной итальянской забастовкой против оккупантов.

Этот лозунг встретил сочувствие всех партий (до коммунистов включительно), но понимался ими различно. Буржуазия поддерживала его потому, что не было вооруженных сил для отражения врага; социал-демократия, как и во многих случаях, заняла двойственную позицию: с одной стороны, она увидела здесь аналогию с 4 августа 1914 г. и потому считала необходимым общий фронт с буржуазией для защиты отечества в «оборонительной» войне, но в то же время значительная часть ее прессы требовала активного вы-

ступления германского пролетариата, поддержанного пролетариатом других стран, и, таким образом, как будто переходила на классовую интернациональную позицию. Ввиду первоначального патриотического подъема масс и недостаточной подготовленности пролетариата, компартия принуждена была строить свои лозунги на формуле пассивного сопротивления, но прибавляя: и образования рабочего правительства, которое сумеет придать более действенное значение пассивному сопротивлению.

Оккупационные власти ответили на сопротивление арестами, высылками, а на более активные выступления — преданием военно-полевому суду, который приговаривал к казни и в некоторых случаях к расстрелу. Особенно стойкое сопротивление оказали железнодорожники, за что (в период первых шести месяцев оккупации) было выслано 2.855 железнодорожников, 264 были арестованы, 63 — приговорены к различным наказаниям, а 2 — расстреляны. Почтово-телеграфных и иных чиновников, обвиненных в саботаже, приговаривали к 4 — 10 годам тюрьмы и высылки целыми эшелонами. Репрессии по отношению к директорам предприятий (Тиссенгу, Аренсу и др.) были чисто бумажными, сводясь к небольшим штрафам и непродолжительным арестам. Интересно в то же время отметить, что с рабочими и их представителями оккупационные власти старались быть возможно вежливее, между тем как по отношению к предпринимателям тон был официально-холодный, по временам грубый; французы стремились доказать, что оккупация вызвана злонамеренностью капиталистов, что она направлена исключительно против них.

Несмотря на патриотическое настроение в буржуазных и мелкобуржуазных кругах, которое лидеры профсоюзов стремились сообщить широким кругам рабочих, среди последних даже в оккупированных местностях не наблюдалось почти никакого шовинизма, и всякое проявление его в общественной среде подавлялось самими рабочими. Это настроение, поддерживаемое и углубляемое компартией, особенно резко проявилось на отношении рабочих к двум лозунгам, выдвинутым буржуазией и ее союзниками слева — лозунгам «особого стачечного фонда рурской помощи», в который рабочие должны были отчислять часовой заработок (причем отказ часто вызывал разные замаскированные репрессии), и «единого и с предпринимателями фронта перед лицом общенациональной опасности».

Эти лозунги встретили всемерную и энергичную поддержку Всеобщего объединения германских профсоюзов. «Формертс» ежедневно печатал жирным шрифтом: «Спасайте Рейн и Рур; жертвуйте в немецкий народный фонд». Но среди масс, даже находившихся под влиянием профсоюзов, эти лозунги не только не находили отклика, но, наоборот, даже встречались враждебно, так что даже некоторые с.-д. газеты,— правда, наиболее левые,— предостерегали против общего фронта и гражданского мира. Компартия выдвинула идею собственного пролетарского фонда. Разоблачения, сделанные «Роте Фане», доказали, что значительная часть «фонда» идет в карманы предпринимателей.

И в самом деле, капиталисты, призывавшие рабочих ко всяким жертвам для спасения отечества и промышленности, сумели очень выгодно устроить свои дела. Они заблаговременно вывезли запасы угля внутрь Германии, обеспечив себя доставкой угля из Англии. Все убытки, причиненные капиталистам оккупантами, вследствие захвата угля, кокса и других товаров, были полностью оплачены из «рурской помощи»; точно так же были покрыты из того же источника все убытки, причиненные им расквартированием войск, разрушением производства и пр. К этим «репарациям», полученным капиталистами, следует прибавить громадные прибыли, полученные ими на неуплате налогов, снижении заработной платы и в особенности на начатой правительством неудачной кампании стабилизации марки. Как увидим из дальнейшего, отрицательные результаты этой кампании пали почти всем на плечи рабочих.

Еще более отрицательно было отношение масс к «общенациональному фронту» и «гражданскому миру»; и если рабочие иногда устраивали забастовки протеста вследствие ареста хозяев и директоров предприятий, то это не мешало им также бастовать для защиты собственных интересов.

Если таково было настроение рабочих в первые дни Рура, когда насилия французской оккупации слишком били по нервам и поневоле будили национальные чувства, то гораздо резче стало оно, когда рабочие узнали истинную подоплеку рурской махинации. Дело в том, что еще до оккупации железно-угольные магнаты со Стиннесом во главе вели переговоры с французским комитетом металлургической промышленности о создании единого железо-стале-литейно-угольного центрально-европейского треста; немцам предлагалось в этом тресте 40% акций, а 60% французский комитет оставлял себе. Эта сделка была невыгодна для главарей не-

мецкой промышленности; ища способ сломить упорство французского комитета, они надеялись найти его в оккупации, которую пассивное сопротивление должно было сделать ловушкой для французов. Убедившись в провале своего плана, немецкие капиталисты решили исподволь отступить и шаг за шагом стали возобновлять деловые сношения с оккупантами. Вполне понятно, что, возобновляя работы, предприниматели для покрытия понесенных убытков стали прибегать к обычным средствам снижения заработной платы и увеличения рабочего дня.

Таким образом, рабочие увидели себя обманутыми в двух отношениях; они увидели себя покинутыми предпринимателями в вопросе о пассивном сопротивлении, которое еще так недавно проповедывалось (и продолжало проповедываться) с религиозным пылом, и почувствовали себя вновь в лапах прежней эксплуатации после проповеди «единого фронта и гражданского мира».

Очень характерным для этого «гражданского мира» является нижеследующий факт обращения представителя немецкого правительства к оккупационным властям для подавления забастовки шахтеров.

В июне (1923 г.) рурские шахтеры объявили забастовку с требованием увеличения заработной платы на 50%. Это требование было в высшей степени справедливо, так как падение курса марки сильно обесценило заработную плату, доводя шахтеров до полуголодного существования. К бастовавшим шахтерам присоединились металлисты и рабочие других отраслей. Что же делают представители местной немецкой власти? Они в лице Люттербека, заместителя градоначальника Дюссельдорфа, обращаются к французскому командованию с просьбой пропустить в места забастовки немецкую полицию, раньше удаленную отсюда за пассивное сопротивление. В сделанном по этому поводу письменном заявлении Люттербек указывает французским властям на опасность разжигаемого пожара, «который не остановится на Рейнской границе», на опасность «от игры, которая здесь ведется, для самой Франции».

Представитель германского правительства вполне правильно видел, что «единый фронт» в действительности существует и может существовать не между немецкими промышленниками и немецкими рабочими, а между первыми и их французскими собратьями.

После окончания войны производство очень быстро наладилось, так как технические условия производства были в удовлетворительном состоянии и на продукты промышленности после военного голода был большой спрос. Безработицы в первое время не было, так как, с одной стороны, Германия во время войны потеряла около одной пятой части своего рабочего состава, а с другой — согласно заключенному «деловому соглашению» (см. выше), оставшиеся в живых рабочие были приняты на свои прежние места; более того: чтобы дать всем работу, в некоторых предприятиях были допущены повышенные штаты. Как государственные, так и частные предприятия допускали подобные послабления, чтобы смягчить натиск революционной бури.

В период 1919—1922 гг. заработная плата хотя и падала сравнительно с ростом цен на жизненные продукты, но не настолько, чтобы резко ухудшить положение рабочих; это резкое ухудшение начинается только со 2-й половины 1922 г., когда с особенной силой дают себя чувствовать результаты Версальского договора, и финансовая разруха начинает свою дезорганизационную работу. Какова была реальная зарплата в 1922 г. — видно из следующих данных о количестве продуктов, которое можно было приобрести на средний заработок квалифицированного рабочего в 1914 и в 1922 гг.: хлеба в 1914 г. — 61 фун., в 1922 г. — 27,2; кофе — 7 фун. и 1,6 фун., риса — 34 фун. и 10,4 фун., сахару — 35 фун. и 6,4 фун.; говядины — 11 фун. и 3,2 фун., свинины — 12 фун. и 2,4 фун., масла — 6 фун. и 1,6 фун., маргарина — 11 фун. и 2,4 фун., картофеля — 283 фун. и 72,8 фун., молока — 39 литров и 13,6 литра, яиц — 110 шт. и 36 шт.

О послевоенном бюджете рабочего мы составим более ясное понятие, если примем во внимание, что до войны расходы на продукты первой необходимости составляли всего около половины месячного бюджета, в то время как с 1920 г. этот доход почти целиком уходит на эти продукты.

Об увеличении цен на продукты питания в сравнении с довоенными и об их росте в 1922 г. дают представление следующие цифры: в январе цены эти были в 25 раз выше довоенных, в феврале — в 30 раз, в марте — в 36, в апреле — в 44, в мае — в 47, в июне — в 51, в июле — в 68, в августе — в 97, в сентябре — в 154, в октябре — в 266, в ноябре — в 550, в декабре — в 807 раз.

И все же можно сказать, что до оккупации Рура положение рабочих было сносно; действительно голодное существование начинается с середины 1923 г.¹⁾

Здесь, прежде всего, сказалось катастрофическое падение марки, за которым не могло угнаться никакое номинальное повышение заработной платы и которое в действительности настолько от него отставало, что по временам заработок рабочего аннулировался. Еще в конце января 1923 г. 1 золотая марка = 10 тыс. бумажных, а курс доллара = 49 тыс. марок, а в начале августа соответствующие цифры были 1 млн. и 5 млн., а в 20-х числах октября — 10 млрд. и 40 млрд.

Цены на предметы питания увеличиваются в 1923 г. в сравнении с довоенными помесечно: в январе — в 1.366 раз, в феврале — в 3.183 раза; в следующие месяцы — в 3.315, 3.500, 4.620, 9.347, 46.510 раз, а в начале августа — в 149.531 раз: цены на одежду повышались еще резче. В августе, сентябре и октябре повышение цен рядом с падением курса марки достигает астрономических цифр.

Если взять общие итоги то относительно середины 1923 г. (и следующих месяцев) можно сказать, что в сравнении с довоенными цифрами заработка квалифицированного рабочего повысился в 20 — 25 тыс. раз, между тем как цена предметов первой необходимости повысилась в 70 — 140 тыс. раз, что составляет одну четвертую и одну пятую реальной довоенной зарплаты²⁾.

¹⁾ Насколько заработок германских рабочих в это время был ниже заработка рабочих других стран, — видно из следующей таблицы о недельном заработке некоторых категорий рабочих (за апрель — май 1922 г.), означенном в шиллингах и пенсах (ш.-п.).

Профессии	Англия	Германия	Франция		Бельгия	
	ш.-п. %	ш.-п. %	ш.-п. %	ш.-п. %	ш.-п. %	ш.-п. %
Каменщики	88—100	15-8 18	58-6 61	45-8 51		
Плотники	88—100	15-8 18	68-9 78	14-2 50		
Монтеры	79—100	16-4 21	49-9 68	41-1 52		
Печатники	95—100	14-6 15	59-8 62	45-8 48		
Чернорабочие	61—100	15-4 25	89-7 65	82 52		

Из книги С. Д. Мстиславского, *Классовая война в Германии*).

Правда, в Германии стоимость жизни в рассматриваемый период была значительно ниже, чем во Франции, и в особенности в Англии, но все же различие зарплаты слишком резкое.

²⁾ Вышеприведенные цифровые данные заимствованы нами из следующих источников: статистический сборник «Рабочий класс Германии в послевоенные годы», под редакцией Н. Ангарского, изд. «Мосполиграф» 1924 г. — С. Д. Мстиславский. *Классовая война в Германии*, ГИЗ. — Л. Полонская. *Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы 1913—1923 гг. в фактах и цифрах*. ГИЗ.

Приведенные цифры характеризуют материальное положение работавших полную неделю; нужно, однако, вспомнить, что рядом с этим существовали значительные кадры рабочих, работавших неполную неделю и получавших соответственно меньшую зарплату. Что касается числа полных безработных, то оно тоже значительно увеличивается в 1923 г., достигая в апреле цифры приблизительно в 420 тыс. чел.

Таковы были результаты, которые дало пассивное сопротивление. Рабочие массы нищали, голодали, встречая равнодушное отношение к своим бедствиям со стороны правительства, между тем как крупные предприниматели встречали со стороны последнего всемерную поддержку в самых различных формах и прежде всего — в форме кредитов, с правом их возвращения в обесцененной валюте; такие кредиты представляли собой вспомоществование в скрытой форме, так как при стремительном падении курса марки возвращаемые через известный период суммы равнялись незначительной части выданных. Точно так же капиталисты немало зарабатывали, прикарманивая золото, которое правительство выбрасывало на рынок с целью стабилизации марки ¹⁾.

На такое положение вещей рабочие отвечали забастовками, голодными бунтами, демонстрациями. Трудно перечислить все забастовки этого периода; укажем главнейшие из них за май — июль: забастовка портовых рабочих в Гамбурге, печатников во Франкфурте, строителей и телеграфистов в Кельне, большие стачки углекопов, а затем сельскохозяйственных рабочих в Силезии, моряков в Эмдене, Гамбурге и Любеке, ряд забастовок в Гамбурге, вызвавших введение осадного положения, забастовка горнорабочих в Цвикау и многие другие. И все это — на фоне голодных бунтов и демонстраций безработных; особенно широких размеров голодные беспорядки достигли в Берлине, где они сопровождались разгромом магазинов, булочных и ресторанов, что было невиданным до сих пор явлением в Германии и доказывало, что раздражение рабочих достигло очень высокой степени.

При таком положении вещей с.-д. выдвинули план образования нового министерства на основе широкой коалиции (все партийные группировки, за исключением коммунистов; с.-д. получают 4 места); новое правительство должно было про-

¹⁾ Мы здесь говорим о крупных промышленниках и капиталистах; что касается средних слоев промышленников и торговцев, то они в большинстве случаев разорялись от финансовой и промышленной разрухи или, вернее говоря, экспроприировались крупным капиталом.

вести ряд мероприятий, в числе коих — более действительное обложение капитала и гарантирование устойчивого минимума зарплаты. Профсоюзные заправилы стремились, в унисон с с.-д. партией, успокоить рабочую массу обещаниями уступок со стороны капиталистов и вели агитацию в этом направлении довольно успешно. Компартия не сочла возможным выступить с крайней платформой, способной оттолкнуть недостаточно сознательные элементы, и выдвинула свой прежний лозунг рабочего правительства и продвижения единым фронтом к цели без кровавых потрясений.

Руководящая роль в эти дни осталась за фабзавкомами; они организовали ряд делегаций в рейхстаг для ознакомления парламента с волей рабочих, подняли агитацию в профсоюзах, требуя от них решительных действий в этот отчаянный момент, организовали «комитет 15» для проведения итальянской забастовки.

11 августа состоялся пленум фабзавкомов, на котором решено было объявить трехдневную всеобщую забастовку с предъявлением следующих требований: 1) немедленная отставка правительства Куно; 2) реквизиция всех продовольственных запасов для обеспечения продовольствия населения; 3) немедленное официальное признание рабочих контрольных комиссий; 4) отмена запрещения пролетарских сотен; 5) установление минимума зарплаты, в сумме 60 пфеннигов мирного времени в час, для всех рабочих и служащих; 6) включение в производственный процесс всех безработных и инвалидов войны с полной оплатой их труда; 7) отмена чрезвычайного положения и запрещения демонстраций; 8) немедленное освобождение всех политических заключенных.

Одновременно предлагалось всем рабочим организациям координировать немедленно свои действия для создания рабочего правительства.

Забастовка началась и проводилась успешно; казалось, надвигались решительные события.

Чтобы сорвать забастовку и успокоить рабочих, с.-д. на своем фракционном собрании вотировали отставку Куно и образование широкой коалиции, в результате чего был образован кабинет Штреземана, в который вошли четыре с.-д. министра; вместе с тем с.-д. заставили рейхстаг в спешном порядке принять закон о повышении налога на доходы в размере 400% и налога на акционерные общества — в размере 600%; одновременно с этим на многих заводах было объявлено о выдаче рабочим единовременных пособий и о повышении зарплаты. Все это, вместе взятое, содействовало

понижению боевого настроения рабочих. Забастовочное движение прошло на убыль, и 14 августа комитет фабзавкомов принужден был объявить о прекращении забастовки.

От августовской
оттаки до
октябрьского дви-
жения

Неудачу августовской забастовки и отступление рабочих буржуазия, вполне понятно, приняла за слабость пролетариата и от обороны перешла к нападению.

Началась чистка фабрик и заводов от неблагонадежного элемента; в одном Берлине было уволено до 10 тыс. членов фабзавкомов и наиболее революционных рабочих. Начался ряд локаутов; на многих предприятиях объявлено было о снижении зарплаты под предлогом ухудшения дел, с чем рабочие в большинстве случаев мирились во избежание локаута. К действиям предпринимателей присоединились преследования правительства. 15 августа приказом министра внутренних дел вновь образованного правительства Штреземана объявлен был распущенным общегерманский исполком фабзавкомов. Последовал ряд арестов наиболее активных участников забастовки. Через некоторое время был распущен центральный исполком берлинских фабзавкомов. Примеру столицы последовал ряд провинциальных городов. Запрещен был съезд компартии, назначенный на 25 августа, произведен арест коммунистов — членов берлинского исполкома фабзавкомов. С своей стороны, лидеры профсоюзов вели агитацию против коммунистов и производили чистку в своих рядах, исключая коммунистов из профсоюзов.

27 сентября правительство объявило о прекращении пассивного сопротивления, хотя фактически оно прекратилось несколько месяцев перед тем. Следующей мерой правительства было поручение министру финансов с.-д. Гильфердингу оздоровить финансы. Главным пунктом его программы было овладение валютным рынком; но все меры, направленные к этому, вплоть до создания валютного комиссара с неограниченным правом контроля всех находящихся в обращении и в частных руках ценностей, повели к панике в финансовых сферах и к дальнейшему безудержному катастрофическому падению марки. Обращение Штреземана к королям тяжелой индустрии заставило последних гордо поднять голову. Они выдвинули требование отмены 8-часового рабочего дня и снижения зарплаты. С.-д., как всегда, колебались. Сначала они склонялись к уступке в вопросе о 8-часовом рабочем дне, но потом они взяли свое решение обратно и заявили о своем уходе из состава правительства. Создавшийся кризис был

улажен новой переменной с.-д. своего решения; они вернулись в кабинет Штреземана, приняв его согласительную формулу: «в интересах удешевления и повышения производства допускается законное удлинение 8-часового рабочего дня».

Это был первый успех блока тяжелой индустрии и военной. После этого Стиннес и К^о, минуя правительственную инстанцию, вступили в непосредственные переговоры с французами о возобновлении поставок, и когда правительство Штреземана обратилось к Франции и вместе с тем к Антанте с предложением о возобновлении переговоров о репарациях, оно получило от французского правительства ответ, что вопрос будет разрешен на месте соглашением между оккупационными властями, промышленниками и рабочими организациями. Одновременно с таким шагом Стиннес предъявил правительству ультиматум с десятью требованиями (названными «десятью заповедями Стиннеса»). Они сводились к установлению целого ряда льгот для угольной промышленности, предоставлению права непосредственных переговоров с французами о поставках и, в заключение, к требованию удлинения рабочего дня, запрещения стачек, отмены закона о социальном обеспечении, отмены поддержки рабочих средствами государства.

В рейхстаге по поводу нахальных требований индустриальных магнатов поднялась буря, но, по обыкновению, вскоре улеглась; были сделаны кое-какие уступки в налоге на уголь и в вопросе о заключении договоров с оккупационными властями, ибо ссориться с магнатами капитала для правительства было совершенно не желательно. Таким образом, и правительство как будто не потеряло своего престижа и угольные бароны были в известной степени удовлетворены.

Примирение это было тем более необходимо, что правительство и промышленная буржуазия не чувствовали твердой почвы под ногами. Им грозили удары с двух сторон — со стороны фашистов и со стороны революционного пролетариата. Силы первого сосредоточились в Баварии, силы вторых — в Саксонии и Тюрингии.

В Баварии, после образования кабинета Штреземана, была установлена диктатура Кара. Первой мерой Кара было удешевление пролетарских организаций — фабзавкомов, компартии и даже социал-демократии. Пролетарские сотни были запрещены под страхом суровых кар, запрещены стачки, установлены строгие кары за проявление насилия в экономических конфликтах; вскоре были закрыты все коммунистические организации, и начались повальные аресты коммунистов. В то

же время, несмотря на запрещение всяких политических союзов и собраний, оказывались всемерная поддержка и попу- стительство фашистским организациям, с которыми Кар сговаривался о монархическом перевороте и походе на Берлин.

Политика Штресемана, дополненная политикой Кара и все возрастающей наглостью королей угля и железа, всколыхнула рабочие массы, экономическое положение коих, явившееся результатом изображенного наступления государства и капитала, ухудшалось со дня на день. Во многих отраслях производства реальная заработная плата упала до одной трети довоенной, у чиновников и в некоторых других отраслях службы — до одной четверти. Никогда за послевоенные годы экономическое положение рабочих не было столь бедственно, как в августе, сентябре и октябре 1923 г. Исчезли из потребления пиво, табак, мясо, масло; основной пищей стали картофель и хлеб с маргарином; потребление собачьего мяса получило значительные размеры. Соответственно этому изменилась до неузнаваемости и худшему внешняя обстановка жизни рабочих — квартира, меблировка, одежда. Безработица в некоторых отраслях (текстильной, например) достигла одной трети всех рабочих; в Кельне в октябре числилось до 60% безработных; в Саксонии 12% населения содержалось на счет государства. Рядом с этим — волна забастовок во всех промышленных районах и продовольственные беспорядки, сопровождавшиеся столкновениями с полицией, в результате коих были убитые и раненые с обеих сторон. Голодные бунты и беспорядки приняли повсеместный характер; казалось, всюду отчаяние толкало пролетариат на решительную схватку с правительством.

Блок коммуни-
стов с социал-
демократами в Сак-
сонии и Тюрингии.
Гамбургское возе-
стание и его по-
ражение

При таком положении вещей, перед ли- цом революции, приближавшейся и казав- шейся неизбежной, у компартии и левой ча- сти с.-д. возникла идея о блоке, который был осуществлен в Саксонии и Тюрингии.

В этих наиболее промышленных герман- ских провинциях с.-д. имели большинство в ландтагах, а потому там в 1923 г. были с.-д. правительства. Здесь социал-демократия, находившаяся под влиянием революционно настроенного пролетариата, и подталкиваемая им влево, поддерживала запрещенные пролетарские сотни (вернее говоря, мирилась с их существованием), не препятствовала пребыванию в Дрездене нелегального центра фабзавкомов и

пр. Ввиду этого саксонские коммунисты, считаясь с назревавшими революционными событиями и с угрозой нашествия фашистов со стороны баварской границы, решили сделать предложение саксонскому правительству об образовании рабоче-крестьянского правительства с вооружением пролетарских сотен и расширением прав контрольных комиссий. С своей стороны, саксонские с.-д. искали опору в революционно настроенном пролетариате, ввиду передачи из Берлина всей власти в Саксонии военному командованию в лице генерала Мюллера; но, стремясь к сохранению легальных форм борьбы, саксонские с.-д. ответили коммунистам, что основой их блока должны быть существующие всегерманская и саксонская республиканские конституции, укреплению коих должен содействовать этот блок. Имея в виду свою цель, а именно — образование единого фронта в Саксонии, для того чтобы вырвать рабочие массы из-под влияния с.-д. и развязать силы революции, компартия приняла этот пункт со многими оговорками, полагая, что грядущие революционные события должны аннулировать практическое значение этого условия. Кроме этого условия, был выработан ряд пунктов, касающихся отношения к центральному правительству, улучшения положения пролетариата, сохранения и расширения пролетарских организаций и пр.

11 октября саксонский кабинет был преобразован вхождением в него двух коммунистов при пяти с.-д. и председателе с.-д. Цейгнере. 13 октября аналогичному преобразованию подвергся и тюрингенский кабинет.

Узнав об образовании в Саксонии и Тюрингии объединенного с.-д. и коммунистического кабинета, берлинское правительство, ожидавшее столкновения с компартией на саксонском фронте и готовое к этому, подписало генералу Мюллеру принять самые строгие меры против возможных беспорядков. Генерал Мюллер потребовал у Цейгнера роспуска пролетарских сотен; последний сначала этому воспротивился, а потом, вследствие приказа из Берлина, решил уступить. Генерал Мюллер приступил к разгону запрещенных организаций и аресту их руководителей. К границе Саксонии приближался рейхсвер (правительственные войска); в Саксонию была приостановлена доставка хлеба. Чтобы ослабить компартию, центральное правительство возбудило в то же время дело по обвинению лидеров компартии в государственной измене, к которому привлекло некоторых членов ЦК и наиболее видных членов фабзавкомов.

При таких обстоятельствах и ввиду происходивших в стране голодных бунтов, демонстраций, многочисленных стачек и прочих выступлений, свидетельствовавших о высокой степени боевого настроения пролетариата, компартия на конференции саксонских пролетарских организаций, происходивших 21 октября в Хемнице, внесла предложение об объявлении всеобщей стачки и создании центра для руководства могущим разразиться революционным движением, но с.д., члены саксонского правительства, решительно воспротивились этим боевым лозунгам, грозя расторжением блока. Компартии пришлось примириться с компромиссным решением о создании паритетного «комитета действия», который должен был в случае «обострения положения» объявить генеральную забастовку (действуя по возможности через профсоюзы и партию).

На следующий день (23 октября) неожиданно для руководителей движения к Дрездену подошли сильные отряды рейхсвера; в Тюрингии тоже были сосредоточены большие отряды рейхсвера, с тем чтобы по первому приказу выступить в Саксонию. Поднимать восстание при таких обстоятельствах — значило вызвать бесцельное кровопролитие.

Как раз в этот момент началось восстание в Гамбурге. В начале октября по всем портам прокатился ряд забастовок докеров и портовых рабочих, а 21 октября конференция докеров в Гамбурге постановила объявить всеобщую забастовку, если имперское правительство поведет наступление на Саксонию. Когда 22 октября стало известно, что рейхсвер вступил к Саксонию, началась забастовка, а 23 октября в Гамбурге началось настоящее революционное восстание. Около пяти часов утра полицейские заставы в гамбургских предместьях подверглись нападению передовых рабочих отрядов; на 26 заставах полицейские были разоружены; в некоторых местах рабочими были захвачены склады оружия и снарядов. Рабочие, в числе коих было немало женщин, строили баррикады и основательно укрепились в нескольких пунктах; но у них было очень мало оружия и совершенно недостаточное количество патронов. Между тем полиция непрерывно получала подкрепления. Сначала была подвезена полиция из Любека, потом прибыли отряды рейхсвера, а на следующий день (24 октября) утром была подвезена морская пехота из Килия. Восставшим рабочим приходилось сражаться с противником, превосходящим его во много раз численностью. Несмотря на это, рабочие геройски защищали свои позиции в

продолжение всего следующего дня до самого вечера. Но еще в первый день боя ЦК компартии (ввиду неудачи в Саксонии и общего неблагоприятного положения вещей в других частях Германии) прислал в Гамбург приказ не распространять боевых выступлений на другие города и прекратить борьбу при первом удобном случае, избегая по возможности жертв. Действуя в согласии с этим приказом, боевой комитет рядом искусных мер произвел очень удачное отступление, ликвидировав восстание, из которого рабочие вышли с сравнительно небольшими потерями.

27 октября Штреземан предъявил главе саксонского правительства, Цейгнеру, требование об отставке. Цейгнер отказался повиноваться. Тогда 29 октября рейхсвер с пулеметами и бомбометами занял здание министерства, откуда министры были удалены силой. 8 ноября было ликвидировано также социалистическо-коммунистическое правительство и в Тюрингии. Начались массовые аресты коммунистов.

После подавления октябрьского восстания пролетариата, а затем ноябрьского фашистского покушения Гитлера-Людендорфа, германская буржуазия почувствовала, что наступил момент, когда можно, не опасаясь противодействия, установить прочную власть. Она была установлена 1 декабря в форме кабинета Маркса, опирающегося на диктатуру генерала Секта. Первым актом этой диктатуры было запрещение компартии (23 ноября). Начались повальные обыски и аресты, захват помещений и типографий; согласно сообщению буржуазных газет, при этих обысках было изъято более 20 тыс. штук оружия, до тяжелых пулеметов включительно. Компартия принуждена была уйти в подполье.

Но это не сломило германской компартии; кадры ее продолжали возрастать, несмотря на все преследования. Это показали выборы в рейхстаг, происходившие в начале 1924 г., давшие компартии 3.750 тыс. голосов и 65 мандатов (в 1920 г. — 442 тыс. голосов и 13 мандатов).

С'езд германских профсоюзов в Бреславле (1925 г.).
Хозяйственная демонстрация

Вместе с развитием реакции в Германии все более и более выявляется поправление германского профдвижения или, вернее говоря, лидеров Всеобщего объединения германских профсоюзов. Это особенно проявилось на XII съезде ВОГП в Бреславле (31 августа — 4 сентября 1925 г.).

Направление работы съезда уже обозначилось из его порядка дня, из которого были устранены наиболее важ-

ные и актуальные вопросы профдвижения — 8-часовой рабочий день, план Дауэса, опасность войны, примирительно-третейское разбирательство классовых конфликтов и пр. Но и вопросы, которые значились в порядке дня, получили крайне реформистское освещение, дальше которого двигаться вправо было трудно ¹⁾.

В своем докладе председатель правления Лейпарт хотя и говорил что-то об экономическом и политическом наступлении предпринимателей, называя их тактику неразумной и грубой, но отнюдь не призывал профсоюзы к активной (и тем более к боевой) защите своих интересов, а бормотал о каких-то обязанностях государства по отношению к рабочему классу, который с начала войны и до сего времени способствовал и способствует спасению его (т. е. государства) от всех угрожающих ему бед. Совершенно ложное и враждебное освещение получил вопрос об единстве профдвижения, причем вина за раскол его взваливается на Профинтерн и коммунистов.

Предложение «левых» реформистов (группы Диссмана) о скорейшем проведении референдума о 8-часовом рабочем дне было снято с обсуждения, несмотря на то, что постановление о референдуме самим правлением было принято в марте 1924 г. Но тогда это был маневр с целью сорвать обострившуюся борьбу за 8-часовой рабочий день. Теперь, когда борьба затихла, правление примирилось с отменой 8-часового рабочего дня и противилось всяким новым дебатам по этому вопросу.

В порядке дня был вопрос о реорганизации союзов из профессионально-цеховых в производственные. Впервые по существу этот вопрос обсуждался на съезде профсоюзов в Лейпциге (1922 г.). Тогда за предложение Диссмана, защищавшего принцип производственных союзов, было подано 4,9 млн. голосов против 1,6 млн. Согласно принятой резолюции, Диссману предложено было разработать проект организации производственных союзов. Но разработанный проект, внесенный в правление за некоторое время до съезда Диссманом (вместе с 14 другими представителями крупных профсоюзных объединений, составлявших в общей сложности большинство членов ВОГП), встретил противодействие со

¹⁾ Интересно отметить следующее. В то время как на прежних съездах зал заседаний украшался бюстами Маркса, Энгельса, Бебеля и др., а также красными знаменами и плакатами, на Бреславльском съезде преобладал черно-красно-золотой цвет германской капиталистической республики. Место бюстов Маркса и Энгельса занял бюст Лассалля.

стороны преверженцев узко профессионального принципа (руководимых Тарновым). И хотя последние составляли меньшинство, они встретили полную поддержку в правлении.

В результате было принято компромиссное решение (принципиальное признание производственных союзов с оставлением прежнего положения вещей). Это же решение прошло на съезде.

Особое место в программе съезда занимал вопрос о «хозяйственной демократии». Цель этой новой реформистской утопии выяснил один из наиболее реакционных реформистов, председатель союза деревообделочников Тарнов, в следующих словах: «Рабочие массы Германии пережили великое разочарование в результате обнаружившейся несостоятельности рабочих организаций во время революции и крушения возлагавшихся на них надежд. Они утратили свои идеалы, и нужно им дать новый идеал в лице хозяйственной демократии». В общем и целом новая теория означала отказ (впрочем, уже давно практиковавшийся) от пропаганды социальной революции и вообще от свержения капитализма и создание новой, чисто реформистской, программы. Сущность этой теории сводится к тому, что улучшения своего положения рабочие должны ожидать от реформирования капиталистического хозяйства, а именно — увеличения его производительности и усиления его способности к конкуренции на мировом рынке. Это будет достигнуто путем интенсивного сотрудничества и участия профсоюзов и всего рабочего класса в хозяйстве, т.-е. в государственных экономических советах на паритетных началах. Это и есть хозяйственная демократия.

В принятой резолюции об экономическом положении и хозяйственной демократии съезд предъявляет германскому союзу и отдельным странам, в него входящим, ряд требований и, между прочим, требования: скорейшего преобразования Временного всегерманского экономического совета в подлинный и органически построенный экономический парламент, скорейшей организации управляемых на паритетных началах предпринимателями и рабочими экономических палат для всех отраслей промышленности и торговли, планомерной поддержки потребительских и в особенности производственных кооперативов и пр. (всего 11 пунктов).

Демократизированный таким путем экономический строй, по уверению составителей этой резолюции, должен привести к «коллективному хозяйству». Но уверения эти лживы; ведь

реформистские лидеры отлично понимают, что при существующем курсе германского профдвижения эти «требования» не только не будут удостоены внимания со стороны правящей буржуазной клики, но более того — будут истолкованы как признак капитуляции перед капиталом и окончательного отказа от действительной пролетарской борьбы.

Вопросы теории и практики «хозяйственной демократии» были предметом обсуждения и на съезде ВОГП, в Гамбурге (1928 г.). В своей резолюции центральное правление уверяет, что демократизация хозяйства означает постепенное устранение господства, основанного на владении капиталом, и превращение руководящих органов капиталистических интересов в руководящие органы интересов общественного коллектива, а один из теоретиков этого направления добавил, что «...социализм и хозяйственная демократия, как конечная цель, неразрывно связаны между собой. Не может быть полной хозяйственной демократии без социалистической хозяйственной системы, а идеал социализма неосуществим без демократизации управления промышленностью». А председатель центрального правления Лейпарт подчеркнул, что хозяйственная демократия должна быть тесно связана с демократией политической. «Германские рабочие, — сказал он, — стоят за республику и за то правовое государство, в создании которого они участвовали. Они образуют подавляющее большинство в рядах великой оборонительной армии республики... Мы, (социал-демократия) стремимся к тому, чтобы Германская республика превратилась в действительно новое государство, государство социально-правовое, государство подлинной демократической свободы и культуры».

К чему в действительности стремятся социал-демократы и в чем истинный смысл хозяйственной демократии — это с особой резкостью показали первомайские события.

Первого мая 1929 г. улицы Берлина облились кровью рабочих, выступивших для мирного празднования великого международного праздника пролетариата. Никогда еще в истории рабочего движения первомайская демонстрация не сопровождалась такими жестокими избиениями, таким количеством жертв (убитых и раненых)... Расстреливающими рабочими были члены германской социал-демократической партии. Чем объяснить эту новую измену германской социал-демократии самым священным принципам рабочего движения, это жестокое попрание ею самых элементарных прав, прав,

От социал-реформизма — к социал-фашизму

Они облились кровью рабочих, выступивших для мирного празднования великого международного праздника пролетариата. Никогда еще

в истории рабочего движения первомайская демонстрация не сопровождалась такими жестокими избиениями, таким количеством жертв (убитых и раненых)... Расстреливающими рабочими были члены германской социал-демократической партии. Чем объяснить эту новую измену германской социал-демократии самым священным принципам рабочего движения, это жестокое попрание ею самых элементарных прав, прав,

которые та же социал-демократия еще так недавно, но с гораздо меньшими жертвами, отвоевывала у прусской юнкерско-буржуазной полиции? Ответ на этот вопрос мы найдем, если присмотримся ближе к тому, что такое хозяйственная демократия и к чему она неминуемо должна привести своих руководителей и вдохновителей.

Хозяйственная демократия, как выше указано, это — сотрудничество профсоюзов в хозяйстве, т.е. в государственных экономических советах на паритетных началах, или, как сказано в резолюции центрального правления ВОГП на съезде в Гамбурге: «Паритетное представительство рабочих во всех учреждениях и органах экономической политики, установление контроля над монополиями и картелями при активном участии профсоюзов, объединение отдельных отраслей промышленности в самоуправляющиеся корпорации...» А, это само собой разумеется, означает поддержку той капиталистической рационализации, которая вот уже четыре года проводится в Германии, составляя опору той относительной капиталистической стабилизации, которая ныне расшатывается по всем швам.

Защитники идеи рационализации уверяют, что вследствие улучшения техники и повышения производительности труда она должна привести к увеличению зарплаты и понижению цен. К чему приводит для рабочего класса капиталистическая рационализация, основанная на «мире в промышленности», мы видели отчасти при рассмотрении того же вопроса по поводу конгресса тред-юнионов в Сванси (см. стр. 179). Четырехлетний опыт рационализации в Германии показывает, что и здесь о повышении зарплаты не может быть и речи; наоборот, рабочие все время борются против снижения как номинальной зарплаты, так и ее реального значения, являющегося результатом повышения цен. То же самое приходится сказать относительно рабочего дня: вместо его сокращения во всех производствах наблюдается стремление к его повышению. Что касается безработицы, то хотя согласно официальным данным цифра лиц, получающих поддержку от государства к 1929 г., уменьшилась (в 1927 г. — около 1 млн., в 1928 г. — около 2 млн., в начале 1929 г. — около 1,88 млн.), но это уменьшение только кажущееся, так как благодаря мероприятиям, принятым при содействии социал-демократических министров, контингент безработных, получающих пособие от государства, значительно сужен; число безработных в действительности значительно выше приве-

денной цифры, превышая 2½ млн. (доходя по некоторым данным до 3 млн.). Немалое значение имеет отрицательное влияние рационализации на здоровье рабочих. С момента введения рационализации наблюдается увеличение числа несчастных случаев в различных производственных отраслях и повышение заболеваемости рабочих ¹⁾.

Вот плоды капиталистической рационализации для рабочих. Последние, разумеется, реагируют на это стачками и другими методами борьбы.

Каково же положение современной германской социал-демократии между рабочими и предпринимателями? На чьей стороне она находится в этих столкновениях? Ответ ясен сам собой.

Деятели современной германской социал-демократии не только пропагандируют капиталистическую рационализацию, не только поддерживают ее в паритетных экономических учреждениях, но принуждены проводить ее — и проводят ее не за страх, а за совесть, как члены и главы правительства. По этой последней линии деятели социал-демократии должны стремиться к обеспечению для германской промышленности внешнего рынка; а это, ввиду проведения рационализации во всех главных капиталистических странах мира, в первую очередь означает нажим на зарплату и рабочий день, так как только этим путем можно создать более благоприятные условия конкуренции для германской промышленности и на мировом рынке.

Как члены правительства социал-демократы (еще активнее, чем в период, когда они были вне правительства) проводят буржуазную линию репарационной проблемы, а это означает обременение Германии 2 млн. репарационных платежей при ежегодной пассивности торгового баланса опять-таки в размере 2 млрд. марок и 700—800 миллионов марок платежей процентов. «Все это при отсутствии колониальных источников сырья и рынков сбыта и территориальных потерях, вытекающих из Версальского договора, означает для германского империализма потребность в чудовищном обострении эксплуатации».

На этом пути социал-демократические деятели опять встречаются с протестами рабочего класса, с одной стороны, в виде стачек, демонстраций и пр., а с другой — в виде оп-

¹⁾ См. ст. Г. Сабботка, Капиталистическая рационализация и ее последствия для рабочего класса, в № 10, «Красного интернационала профсоюзов» за 1928 г.

Позиционно-революционного движения, возглавляемого и направляемого компартией. Это приводит германскую социал-демократию к заключительной части их действительной программы, к мобилизации тех средств устрашения и подавления, которые находятся в их руках, как членов и главарей правительства.

Таким образом, мы видим, что капиталистическая рационализация приводит германских социал-демократов к тому же, к чему более прямым путем пришел Муссолини.

Беглое рассмотрение послевоенной истории рабочего движения в Германии показывает, во что выливается борьба германской социал-демократии против того класса, руководителем которого она себя мнит. Она сводится к преданию стачек, к изгнанию из профсоюзов оппозиционных элементов, к натиску на безработных путем уменьшения им выдат и пр. Но так как вследствие этого оппозиционное рабочее движение и успехи компартии усиливаются (что, между прочим, доказывается последними выборами фабзавкомов), то германская социал-демократия, являющаяся оружием в руках буржуазии, действует, с одной стороны, репрессиями, устрашением и, наконец, кровопусканием, а, с другой стороны, стремится спровоцировать левую часть рабочего класса на преждевременный бой, чтобы расправиться с ним всеми находящимися сейчас в их руках средствами.

Таков смысл первомайских событий. Таков путь германской социал-демократии: от социал-реформизма — к социал-фашизму.

ЛИТЕРАТУРА¹⁾

Сочинения, касающиеся всех стран

История социализма в монографиях К. Каутского, П. Лафарга, К. Гуго и др., 4-е изд. Леонтьевых, 1909 г.; Госиздат, 1922 г.

Энзор. Современный социализм, изд. Гранат, 1906 г., ц. 1 р.

Каутский, К. Очередные проблемы международного социализма, Госиздат, 1919 г.

Диль. О социализме, коммунизме и анархизме, изд. Саблина, 1906 г., ц. 75 к., изд. «Пролетарий».

Гуго и Штегман. Справочная книга социалиста, в 2 ч., изд. «Голос», 1906 г.

Плеханов, Г. В. Историческое подготовка научного социализма, изд. «Моск. Рабочий», 1922 г.

Волгин, В. П. Очерки по истории социализма. Госиздат, 1924 г.

Горев, Б. И. История социализма. Т. I. Социализм на Западе.

Его же. От Томаса Мора до Лешина (1516—1916 гг.), изд. Л. Д. Френкеля, М. 1922 г.

Его же. Популярная история социализма, изд. «Пролетарий», 1926 год.

Туган-Барановский, М. Современный социализм в своем историческом развитии, 1906 г.

Его же. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, изд. 4-ое, 1909 г., ц. 1 р.

Его же. В поисках нового мира, СПб. 1913 г.

Геркнер. Рабочий труд в Западной Европе, изд. «Русская мысль», 1917 г.

Ленин, В. И. О международном рабочем движении. Сборник статей с предисловия Н. Я. Мещерякова, ГИЗ, 4 тома, М. 1925 г.

Его же. Крах II Интернационала. Сборник статей.

Маркс и Энгельс. Детский труд, изд. ЦК РСМУ, Харьков, 1922 год.

¹⁾ В настоящем приложении мы постарались собрать все более или менее ценные сочинения по истории рабочего движения в Англии, Франции и Германии, а также по теоретическим вопросам рабочего движения, представляющие интерес по содержащемуся в них материалу или по освещению, даваемому тому или иному вопросу.

Многие из перечисленных здесь сочинений переизданы Госиздатом и другими современными издательствами.

- Павлович, М. Социалистическое движение на Западе.
Луж Поля. Будущее социализма.
- Зомбарт, В. Социализм и социальное движение в XIX столетии.
Изд. Скирмунта. 1906 г., ц. 60 к. (Есть и др. изд.).
- Мартов, Л. Рабочий класс и его требования.
Вандервельде, Э. Коллективизм.
- Стеклов, Ю. М. История рабочего движения. Ч. I. Период I Интернационала, Госиздат, 1921 г.
- Венедиктов, А. История международного рабочего движения, изд. «Красная новь», 1924 г.
- Чекин (Яроцкий, В.) История рабочего движения. 2 выпуска.
Изд. «Труд и Книга», 1928 г.
- Браславский, И. История международного рабочего движения, изд. «Новая Москва», 1925 г.
- Фриче, В. М. Очерки мирового рабочего движения, выпуск I, ГИЗ.
- Мстиславский, С. Очерки мирового рабочего движения, ГИЗ, 1925 год.
- Зомбарт, В. Промышленный рабочий вопрос, изд. Казинцына, 1906 год.
- Его же. Организация труда и трудящихся, ОПБ, 1901 г., ц. 1 р. 50 коп.
- Его же. Современный капитализм, М., Изд. Скирмунта, П т., ц. 4 р. 50 к.
- Гобсон. Эволюция современного капитализма, изд. Попова, ц. 1 р. 50 к.
- Кулишер, И. Промышленность и рабочий вопрос на Западе в XVI—XVIII стол., изд. Брокгауза, 1911 г.
- Его же. Лекции по истории экономического быта, Пгр., 1916 г.
- Булгакова, Е. Из жизни средневекового ремесленника, изд. Дороватовского и Черушникова, 1902 г.
- Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии.
- Каутский, К. Эрфуртская программа, изд. «Социал-демократ», 1905 г., ц. 20 к., «Московский рабочий», 1922 г.
- Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест, с предисл. Рязанова, изд. «Московский Рабочий», 1922 г.
- Андлер. Введение и комментарий к Коммунистическому манифесту. изд. Петровской библ., 1906 г., и Госиздата, 1920 г.
- Бернштейн, Э. Условия возможности социализма, изд. Врублевского, 1906 г., ц. 50 к., то же под загл. «Возможен ли научный социализм», изд. «Буревестник», 1906 г., ц. 15 к.
- Его же. Исторический материализм, изд. «Знание», 1901 г.
- Его же. Парламентаризм и социал-демократия, изд. «Право».
- Бебель, А. О Бернштейне, речь на Гамбургском партийтаге, изд. «Буревестник».
- Люксембург, Р. Социальная реформа или революция. Ответ Бернштейну.
- Каутский, К. Бернштейн и социал-демократия.
- Его же. К критике теории и практики марксизма (Анти-Бернштейн).
- Оленов. Так называемый кризис марксизма, над. «Дело».
- Жорес и Бебель. Две речи, произнесенные на международном рабочем конгрессе в 1904 г. в Амстердаме, изд. «Вперед», 1905 г.

Государство будущего. Речи Жореса и Вальяна, издание «Мир». 1907 г.

Атланткус. Государство будущего, изд. «Дело», 1906 г., и Госиздата, 1921 г.

Бebelь, А. Будущее государство.

Штерн. Государство будущего.

Государство будущего, дебаты в германском рейхстаге, изд. «Свободный Труд», 1907 г.

Бebelь, А. Женщина и социализм, Госиздат, 1923 г.

Луначарский и Зиновьев. Маркс и социальная революция.

Борхард, Ю. Капитал К. Маркса, изд. «Моск. раб.», 1922 г.

Каутский, К. Социальная революция и на другой день после социальной революции.

Его же. Экономическое учение К. Маркса в общедоступном изложении, изд. «Буревестник», «Московский рабочий», 1922 г.

Его же. Карл Маркс. Биографический очерк, изд. «Знание» (и др.), 1906 г., ц. 5 к.

Его же. Карл Маркс и его историческое значение. К 26-летию со дня его смерти, изд. «Звено», 1906 г., и Госиздата, 1918 г.

Меринг, Ф. К. Маркс. История его жизни. Гиз, 1920 г., стр. 442.

Стеклов, Ю. К. Маркс. Госиздат, 1919 г.

Берлиа, П. К. Маркс и его время, изд. «Польза», 1906 г., изд. МГОСПС.

Лафарг, П. Мои воспоминания о Карле Марксе, изд. «Демос», 1903 г., Пгр. Сов., 1920 г.

Либкнехт, В. Воспоминания о Марксе, изд. «Буревестник» «Пролетарий» и др.

Финн-Енотаевский. Экономическая система К. Маркса.

Корш. Сущность марксизма, Изд. «Кр. Новь», 1923 г.

Ленин, Н. Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма, изд. «Кр. Новь», 1923 г.

Сборник. К. Маркс. (В. И. Ленин, Г. Зиновьев, Клара Цеткин, Роза Люксембург), изд. «Прибой», 1923 г.

Бер, М. Карл Маркс и его жизнь и учение. Изд. «Кр. Новь», 1923 г.

Памяти К. Маркса. Сборник статей Зиновьева, Каменева, Ленина и др. Пгр. изд. 1919 г.

Маркс, К. Святое семейство, или критика критической критики.

Его же. Нищета философии, изд. Львовича.

Его же. Наемный труд и капитал (неск. изд.).

Его же. Заработная плата, цена, прибыль (неск. изд.).

Его же. Первый манифест международного товарищества рабочих.

Лафарг, П. Капитал и труд (главным образом о прибавочной стоимости).

Вальфсон и Гак. Очерки по историческому материализму. ГИЗ, 1929 г. Стр. 240.

Меринг, Ф. Об историческом материализме.

Жорес и Лафарг. Идеализм и материализм в истории.

Исторический материализм. Сборник статей Энгельса, Каутского и др. Составил С. Семковский.

Бухарин. Теория исторического материализма.

Горев, В. Очерки исторического материализма, изд. «Пролетарий».

Искк. Интернационал, изд. «Знание» и др.

Малоя, Б. Интернационал, его история и принципы, 1907 г.
п. 20 к

Стеклов, Ю. Интернационал, 3-е изд., 1923 г.

Гильом, Дж. Интернационал, изд. «Голос Труда», 1921 г.

Его же. Карл Маркс и история Интернационала.

Самойлов-Кринский, А. I Интернационал, изд. «Прибой», 1924 год.

Фриче, В. Интернационал, изд. «Обновление», 1917 г.

Лавров, П. Л. Очерки по истории Интернационала, 1919 г.

Венедиктов, А. I Интернационал.

Международный социалистический конгресс. (Собрание резолюций конгрессов по различным вопросам программы и тактики).

К. Б. Международный социалистический конгресс в Париже. «Рабочее дело». 1900 г., № 8.

Его же. Первая конференция международ. соц. бюро «Рабочее дело». 1900 г., № 11—12.

Плеханов, Г. Несколько слов о последнем международном соц. конгрессе, журн. «Заря» 1901 г., № 1.

Амстердамский конгресс. Изд. «Молот» Спб. 1906.

Ван-Коль. Доклад Амстердамскому конгрессу о колониальной политике, изд. «Знание».

Лядов, М. Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу. Изд. Свердловского университета. М. 1924 г.

Милю, Э. Тактика социализма (По поводу решений Амстердамского конгресса). Изд. Саблина.

Блюм, А. Амстердамский международный конгресс об отношении к буржуазным партиям. Журн. «Вестник жизни» 1906 г., № 10.

Базаров, В. Интернациональный социалистический конгресс в Штутгарте. Журн. «Вестник жизни», 1907 г., № 7.

Герасимов. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Журн. «Современный мир», 1907 г., кн. 9.

Кудрин, Н. Е. Милитаризм и социализм. По поводу последних социалистических конгрессов. Журн. «Русское богатство», 1907 г. №№ 11 и 12.

Ленин, В. И. Международный конгресс в Штутгарте, т. VIII.

Д. Ф. Копенгагенский конгресс. Журн. «Совр. мир.», 1910 г., кн. 10.

Русанов, Н. С. Идеалы и будничная практика социализма. О Копенгагенском конгрессе. Журн. «Русское богатство», 1910 г., № 9.

Сталинский, Е. Международный социалистический конгресс в Копенгагене. Журн. «Русское богатство» 1910 г. № 9.

Мартов, Л. Копенгагенский конгресс. Журн. «Наша заря», 1910 г., № 8—9.

Карелин, С. Международный социалистический конгресс (Копенгаген). О работах конгресса. Журн. «Жизнь», 1910 г., № 2.

Зиновьев, Г. Международный социалистический съезд в Копенгагене. «Социал-демократ» № 17.

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. С предисловием и примечаниями Г. В. Плеханова. Изд. «Кр. Новь». Стр. 144.

Энгельс, Фр. От утопии к науке, изд. «Кр. Новь» и др.

Каутский, К. Фридрих Энгельс, его жизнь, деятельность и произведения, изд. Врублевского и др., изд. «Кр. Новь», 1923 г.

Эмбарт, В. Фридрих Энгельс (1824—1895 гг.). Из истории развития социализма, изд. Шпр. совдепа, 1918 г.

- Дволайцкий. Фр. Энгельс.
 Меринг и Лафарг. Фр. Энгельс.
 Полонский. Бакушин, Госиздат, 1923 г.
 Горев, В. И. Бакунин, изд. «Основа».
 Стеклов, Ю. Бакунин, жизнь, деятельность, ч. I. 2-е изд. Ком-
 академии.
 Брентано, Л. Профессиональные рабочие союзы.
 Майский, И. Профдвижение на Западе, 1925 г., стр. 320.
 Кулеман. Профессиональное движение. Очерк профессиональной
 организации рабочих и предпринимателей, 1901 г.
 Синдикаты и партии, с приложением резолюций, принятых
 в Амьене и Лиможе, сборник статей Бернштейна, Э. Вандервельде,
 Э. Кейр-Гарди и др., 1904 г., ц. 20 к.
 (Некоторые брошюры о профессиональном движении, относящиеся к
 отдельным странам, но затрагивающие вопросы, имеющие общее значение,
 помещены нами в этом разделе).
 Каутский, К. Нейтрализация профессиональных союзов, изд.
 «Знание», ц. 15 к.
 Ауэрбах. Маркс и профессиональное движение, изд. «Кр. Новь»,
 1923 г.
 Чекин, А. Теория, история и практика профдвижения, изд.
 ВЦСПС, 1923 г.
 Егоров. Азбука профессионального движения, изд. «Кр. Новь»,
 1924 г.
 Святловский, -В. Профессиональные рабочие союзы и учреж-
 дения, ими созданные, изд. 3-е, Пирожкова, СПб, 1908 г., ц. 1 р.
 Шиппель. Профессиональные союзы, изд. «Книга», 1917 г.
 Профессиональные союзы и политические партии. Сбор-
 ник статей.
 Чекин (Яроцкий), А. Красный Интернационал профсоюзов,
 изд. «Пролетарий», 1926 г.
 Шатан, Е. Профсоюзы Западной Европы, изд., «Пролетарий»,
 1926 г.
 Гарви (Чацкий). Профессиональные союзы, их организация и
 деятельность.
 Святловский, В. Положение вопроса о рабочих организациях
 в иностранных государствах.
 Торгашев. Профессиональное движение и с.-д-ия, изд. «Союз»,
 1907 г., ц. 10 к.
 Стамблер, М. Профсоюзы Западной Европы. 1926 г. Стр. 92.
 Сорбонский. Международное рабочее движение в цифрах и
 фактах. Л. 1926 г. Стр. 172.
 Полетика и Гофман. Мировой пролетариат в цифрах. ГИЗ,
 1926 г. Стр. 140.
 Хейсин. Профессиональные рабочие союзы, изд. «Общ. Польза»,
 1907 г., ц. 30 к.
 Бебель, А. Профессиональное движение и политические партии,
 изд. Алексеевой, 1905 г., ц. 12 к.
 Эльм. Социализм и профессиональное движение.
 Лозовский. Амстердам или Москва.
 Гальперин, С. Профессиональные союзы Западной Европы в
 годы войны, изд. МГСПС. 1924 г.
 Фабзавкомы и профсоюзы. Сборник, изд. Профинтерна.

Тальгеймер, А. I Интернационал и профессиональные союзы. Изд. Профинтерна.

Лозовский, А. Мировое профессиональное движение до и после войны, 2-е изд. «Вопросы Труда», 1925 г.

Его же. Что такое Профинтерн. ГИЗ. Стр. 48.

Шиппель. Современная бедность и современное перенаселение.

Гобсон. Проблема бедности и безработицы.

Вальян, Э. Кризис и безработица, изд. «Молот», 1905 г.

Канель, В. Безработица и борьба с нею.

Войтинский, В. Безработица и локауты.

Либкнехт, В. Пауки и мухи.

Войтинский. Минимальная заработная плата.

Вебб, С. и Кокс. 8-часовой рабочий день, издание «Общественная Польза», 1904 г., ц. 1 р. 25 к., Изд. «Сотрудн.», 1918 г.

Зейдель, Р. 8-часовой рабочий день, изд. «Буревестник», 1905 г.

Бebelъ. А. 8-часовой рабочий день, Изд. «Утро», 1906 г.

Кричевский, Б. Восьмичасовой рабочий день, 1906 г., ц. 15 к.

Мижуев, П. Восьмичасовой рабочий день. 1907 г., ц. 70 к.

Минаев, И. Восьмичасовой рабочий день, изд. Мягкова, 1906 г., цена 10 к.

Зиновьев, Г. О восьмичасовом рабочем дне.

Зиновьева. Восьмичасовой рабочий день как право.

Браун. За восьмичасовой рабочий день.

Гед. 8-часовой рабочий день и 1 мая.

Плеханов, Г. Ежегодный праздник рабочих и 8-часовой рабочий день, изд. «Новый Мир», 1906 г. ц. 5 к.

Фриче, В. Мировой великий праздник, 1920 г.

Каутский, К. Законодательная охрана труда и 8-часовой рабочий день, 1906 г., ц. 12 к.

Каплув, С. Труд и здоровье, изд. ВЦПС, 1923 г.

Цадек. Рабочий день и вырождение.

Международное социалистич. бюро о продолжительности рабочего дня (статистический материал).

Ролан-Гольст. Всеобщая стачка и социал-демократия, изд. «Молот», 1906 г и др., ц. 35 к.

Фридберг (анархо-синдикалист). Парламентаризм и всеобщая стачка.

Роллер (анархист). Социальная всеобщая стачка.

Бюиссон, Э. Всеобщая стачка, изд. Скермунта и др., 1906 г., ц. 15 коп.

Жорес. Социальные этюды. Всеобщая стачка и революция, изд. «Работник», 1906 г., ц. 6 к.

Войтинский. Примирительные камеры на Западе.

Святловский, В. Примирительные камеры.

Пажитнов. Примирительные камеры и третейский суд в промышленности.

Афский. Примирительные камеры.

Войтинский, И. Коллективные соглашения об условиях труда (тарифный рабочий договор), 1911 г., ц. 30 к.

Волков, А. Секретариаты рабочих и палаты труда в Зап. Европе, 1905 г., ц. 1 р.

Мюллер. Рабочие секретариаты и государственное страхование рабочих в Германии.

Вальян, Э. Социальное страхование, изд. «Труд и Воля», 1906 г., цена 8 коп.

Суворин, Н. Безработица и страхование от ее последствий в Западной Европе, ц. 75 к.

Сувилов, Н. Государственное страхование рабочих на Западе, изд. «Просвещение», ц. 49 к.

Оленев, М. Государственное страхование рабочих, изд. 2-е «Дело».

Фрезе. Конституционный строй на фабрике (рабочие комитеты), 1907 г., ц. 25 к.

Туган-Барановский, М. Социальные основы кооперации, 1916 г., ц. 3 р.

Флейссер, Г. Кооперация и рабочее движение.

Пажитнов, К. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму.

Линдов, Г. Рабочие кооперативы и профессиональные союзы.

Мещеряков. Кооперация и социализм. ГИЗ. 1920 г.

Семковский, С. Кооперативы и социализм.

Масловский, С. Рабочая кооперация.

Линдеман. Коммунальная политика социализма.

Ежегодник Коминтерна. Справочная книга по истории международного рабочего политического и профессионального движения, статистика и экономика всех стран мира на 1923 г., изд. Коминтерна, 1923 г.

Ленин, Н. Империализм как новейший этап капитализма.

Лилецкий, Я. Две теории империализма, 1924 г.

Люксембург, Р. Накопление капитала, 1921 г.

Павлович, Мих. Что такое империализм?

Каменев, Ю. Экономическая система империализма и задачи социализма, Госиздат, 1923 г.

Фриче, В. Империализм, изд. «Обновление».

Павлович, Мих. Интернационал смерти и разрушения.

Каутский, К. Колониальная политика в прошлом и настоящем.

Ван-Коль. Колониальная политика и социал-демократия.

Парвус. Колониальная политика и крушение капиталистического строя.

Марксизм и вопросы войны и мира. Сборник статей.

Зиновьев, Г. Война и кризис социализма.

Сталин. Второй Интернационал в наши дни. ГИЗ. Стр. 75.

Интернационал и мировая война. Материалы, собранные К. Грюнбергом, с предисловием Г. Зиновьева.

Мартов. Против войны. Сборник статей.

Дрон. Маркс и Энгельс и диктатура пролетариата. Госиздат, 1924 г.

Первая Циммервальдская конференция.

Кинтальская конференция. (Вторая Циммервальдская конференция).

Фостер, В. Волны рабочей революции в Германии, Англии, Италии и Франции.

Цеткин, К. Борьба коммунистических партий против войны и военной опасности.

Международное профдвижение 1923—1924 гг., изд. Профинтерн.

Единство мирового профдвижения (доклады в речи на VI съезде профсоюзов СССР). Изд. Профинтерна.

Юзефович, И. Интернационалы по производствам.

Дашковский, Мировой капитализм и план Дауэса.

Партии Коммунистического Интернационала. Сборник статей. ГИЗ 1928. Стр. 205.

Ягов, В. Программа и уставы важнейших партий II Интернационала.

Малая Энциклопедия по международному профдвижению. Издание Профинтерна. М. 1927 г.

АНГЛИЯ

Вебб, С. и Б. История рабочего движения в Англии, изд. Ф. Павленкова, 1904 г., ц. 1 р. 50 к. То же под заглавием «История тред-юнионизма», изд. ВЦСПС.

Вебб, С. и Б. Теория и практика английского тред-юнионизма, изд. О Поповой, 1901 г., 2 тома по 2 р. 50 к., и ВЦСПС, 1925 г. (только I том).

Вебб, С. Социализм в Англии, изд. «Общ. Польза», 1907 г., ц. 1 р.

Метен. Социализм в Англии, изд. Пантелеева, 1899 г., ц. 1 р. 50 к.

Вер, М. История социализма в Англии, Госиздат, 1923 г.

Вер, М. Современный английский социализм, изд. ВЦСПС, 1923 г.

Вебб, С. Положение труда в Англии за последние 60 лет, издание 1899 г.

Роджерс, Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX ст., изд. «Издатель», 1899 г., ц. 3 р.

Седой. Промышленная жизнь Англии.

Гиббинс, Г. Промышленная история Англии, изд. Поповой, СПб., 1898 г.

Тойнби, А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. Перевод с предисл. Наумова. Изд. «Мир». М. 1924 г. Стр. 171.

Моносов, С. Возникновение промышленного капитализма в Англии.

Захер, Я. Промышленный переворот в Англии и его последствия, изд. «Прибой», 1924 г.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Со вступительной статьей Е. Косминского. ГИЗ. Л.—М. 1928 г. Стр. 376.

Туган-Барановский, И. Периодические промышленные кризисы. (История английских кризисов), изд. 1923 г.

Ностиц, Г. Рабочий класс в Англии в XIX стол., изд. 1903 года. ц. 3 руб.

Маркс, К. Капитал, т. I, главы VIII, XIII, XVII—XX.

Ротштейн, Ф. Очерки по истории рабочего движения в Англии. Госиздат, 2-ое изд.

Шлютер. Чартистское движение. ГИЗ, 1925 г.

Гингор. Первое политическое рабочее движение в Англии, «Прибой», 1925 г.

Чартизм. Материалы по истории революционного движения на Западе, вып. 1, изд. унив. Свердлова, М., 1923 г.

Слоссен. Чартистское движение и причина его упадка. Изд. «Мир» 1923 г. Стр. 168.

Гаммедж, Р. История чартизма, изд. «Дело», 1907 г., ц. 2 р.

Чайковский, Н. Чартистское движение.

- Боркгайм. Чартистское движение, изд. Мягкова, М., 1905 г.
- Чекин, А. Очерки современного тред-юнионизма.
- Его же. Современная рабочая Англия, изд. ВЦОПС, 1925 г.
- Кувшинская, С. Борьба рабочих за политическую свободу в Англии, изд. 1906 г.
- Кларк, А. Фабричная жизнь Англии, изд. 1904 г., ц. 60 к.
- Бутс. В трущобах Англии, изд. Павленкова, 1891 г., ц. 1 р.
- Моррисон, А. Рассказы о жалких улицах (очерки из жизни рабочего Лондона), изд. 1898 г., ц. 50 к.
- Рабочая кабала в Англии, изд. Звонарева, 1900 г., ц. 25 к.
- Вебб, Е. Мирный переворот в экономической жизни (кооперация в Великобритании), изд. Горбунова, 1910 г., ц. 1 р.
- Кувшинская, Е. Борьба рабочих за 8-часовой рабочий день в Англии, изд. 1907 г., ц. 80 к.
- Фаньо, Ф. Рабочее профессиональное движение в Англии, изд. «Знание», 1906 г., ц. 12 к.
- Мижухев, П. Английские рабочие союзы, 1906 г., ц. 40 к.
- Кувшинская, Е. История фабричного законодательства в Англии.
- Маркс, Элеонора. Классовое рабочее движение в Англии, изд. Мягкова, 1906 г., ц. 1 р.
- Поллит Гарри. Очерки английского профдвижения, изд. Проф-интерна, 1923 г.
- Кол. Введение в тред-юнионизм, изд. ВЦОПС, 1924 г.
- Зотов. Соглашения и третейский суд между предпринимателями и рабочими в английской промышленности, изд. 1902 г.
- Ширард, Р. Белые рабы в Англии, изд. «Посредник», 1905 г.
- Холиок, Д. История рождельских пионеров. М., 1918 г.
- Либкнехт. Роберт Оуэн, его жизнь и общественно-политическая деятельность, изд. «Молот», 1905 г.
- Эд. Доллеан. Роберт Оуэн, его жизнь и учение, изд. «Просвещение».
- Цедербаум (Ежов) Роберт Оуэн. Биограф. библи. ГИЗ, 1925 г.
- Каменский, А. Роберт Оуэн, изд. Павленкова.
- Гиббинс. Английские реформаторы, изд. Водовозовой, СПб.
- Чекин, А. Вильям Аллен и Вильям Ньютон — строители тред-юнионизма, изд. ВЦОПС.
- Пименова, Э. Джон Бернс, вождь рабочей партии в Англии, изд. Дмитриева, 1908 г.
- Туган-Барановская, Л. Иосиф Арч, английский крестьянин-депутат.
- Кэйр-Гарди. Различия между английским и континентальным рабочим движением, изд. «Набат».
- Крэк, У. Краткая история современного рабочего движения в Англии, 1924 г.
- Керженцев, В. Новая Англия, 1918 г. (гл. 5 и 6).
- Смит, А. Классовая борьба в современной Англии, 1922 г.
- Харасков, И. Англия до и во время войны, изд. 1923 г.
- Бородин, М. История великой измены, Госиздат., 1923 г.
- Керженцев, В. Революционная Ирландия, Госиздат., М., 1923 г.

Стр. 224.

Волынский, В. Английская рабочая партия, изд. «Красн. Новь», 1924 г.

- Сноуден, Филипп. Программа рабочего правительства Англии. Ротштейн, Ф. Современная Англия, изд. «Кр. Новь», М. 1923 г. Манн Том. Воспоминания, изд. 1924 г. Бер, М. Современная Англия, 1925 г. Бессонов, С. Современная Англия, «Уралкнига», 1925 г. Мстиславский, С. Рабочая Англия, 1924 г. Чекин, А. Профсоюзы СССР на Гульском конгрессе, 1924 г. Лозовский, А. Съезд английских профсоюзов в Скарборо, Госиздат, 1926 г. Левин, И. Англия на ущербе. ГИЗ. 1927 г. Его же. Новый закон о профсоюзах, ГИЗ. 1927 г. Стр. 52. Исторический кризис английского капитализма. Сборник изд. Комакадемии. Троцкий, К. Куда идет Англия? ГИЗ. 1927 г. Опектор, Англия на перепутьи. ГИЗ. 1925 г. Иоффе, Англия в наши дни. ГИЗ. 1926 г. Радек, Девять месяцев английского рабочего правительства. ГИЗ. Аллисон, Д. Профдвижение в Англии. Изд. Профинтерна. Тэйлор. Гильдейский социализм и его политика. ГИЗ. 1925 г. Кол, Д. История рабочего движения в Англии, 1927 г. Левин и Зубок, Документы и речи английских вождей о всеобщей забастовке. Изд. Профинтерна. Файф, Г. За кулисами всеобщей забастовки. Изд. Профинтерна. Лозовский, А. Английский пролетариат на распутьи. Изд. Профинтерна. Кол. Гильдейский социализм. Изд. «Плановое хозяйство». М. 1925 г. Броун, П. Классовая борьба в послевоенной Англии. Изд. Профинтерна, 1926 г. Лозовский, А. Ленин и тактические вопросы английского рабочего движения, изд. Профинтерна. Ленин, В. И. Пути английского рабочего движения (составил Ташкаров), Госиздат, 1927 г. Палм Датт, Р. Новый английский реформизм. Изд. «Прибой», 1928 г. Стр. 158.

Журнальная литература

- Кудрин, Н. Е. Рабочий вопрос в сельской Англии, «Русское богатство», 1905 г., кн. IV. Кудрин, Н. Е. Компромисс между трудом и капиталом в Англии, «Русское богатство», 1908 г., кн. XI. Дионео. Тред-юнионы, «Русское богатство», 1907 г., кн. XI. Его же. Без работы, «Русское богатство», 1908 г., кн. XI. Его же. Синдикализм в Англии, «Русское богатство», 1911 г., кн. X. Его же. Билль о страховании рабочих, «Русское богатство», 1911 г., кн. V. Мижуев, П. Как живут рабочие в Англии, «Вестник Европы», 1911 г., кн. III. П. Британская социалистическая партия, «Наша заря», 1911 г., кн. XII. Ротштейн, Ф. От Гулля до Лестера (Два съезда англ. раб. парт.), «Мысль», 1911 г., кн. III. Его же, На пути к объединению (письмо из Англии), «Просвещение», 1911 г., кн. I.

Его же, Законопроект об обязательном страховании в парламенте, «Русское богатство», 1912 г., кн. I.

Его же. Из жизни рабочих, «Русское богатство», 1912 г., кн. VI.

Его же. Стачка угольщиков, «Русское богатство», 1912 г., кн. III.

Берлиш, П. На Западе. Историческая стачка, «Новая жизнь», 1912 г., кн. III.

Александров, Из английского рабочего движения, «Заветы», 1913 г., кн. II.

Ротштейн, Ф. Всеобщая забастовка горнорабочих (письмо из Англии), «Просвещение», 1912 г., кн. III—IV.

Петр, П. Стачное движение в Англии, «Наша заря», 1912 г., кн. III.

Чекин, А. Акт о национальном страховании на случай болезни и инвалидности, «Вестник Европы», 1912 г., кн. X.

Дионео. Из Англии. Дальн. воспом. Хайндмана, «Русское богатство», 1913 г., кн. II.

W. Английские споры о либеральной рабочей политике, «Просвещение», 1913 г., кн. IV.

Керженцев. Рабочий вопрос в Ирландии, «Современник», 1913 г., книга XII.

П. П. Новые тенденции в английском рабочем движении, изд. «Наша заря», 1913 г., кн. IV—V.

Рапопорт, С. Воспоминания Гайндмана, «Русская мысль», 1913 г., кн. IV.

Ротштейн, Ф. К вопросу об объединении социалистов в Англии, «Просвещение», 1913 г., кн. XI.

Его же. Дублинское побоище, «Просв.», 1913 г., кн. IX.

Сонев. Муницип. и городские биржи труда в Англии, «Изв. Моск. гор. думы», 1913 г., кн. VI—VII.

Гершер, III. Борьба английских рабочих в цифрах, «Ежемесячный журнал», 1914 г., кн. VI.

Керженцев, В. В рабочем Лондоне, «Современник», 1914 г., кн. XI.

Его же. Английский сельский рабочий, «Просвещение», 1914 г., кн. II.

Майский, В. Английский пролетариат и культурно-просв. работа, «Вольный университет», 1914 г., кн. VIII, X, XXI—XXII.

Мартынов, А. Английский пролетариат на пути к самостоятельности, «Наша заря», 1914 г., кн. II.

Петр, П. Гомруль и рабочее движение в Ирландии. «Наша заря», 1914 г., кн. II.

Р. Е. Образовательная ассоциация рабочих в Англии, «Русская школа», 1914 г., кн. IX—X.

Рабинович, А. Английское социальное законодательство 1908—1913 гг., «Русское богатство», 1914 г., кн. V.

Ротштейн, Ф. История социализма в Англии, «Просвещение», 1914 г., кн. I.

Смит, М. «Незаработанное приращение» и «возможность жить», «Вольный унив.», 1914 г., кн. XV—XVI.

Чекин, А. Охрана детского и женского труда в Англии, «Обобществ. Врач», 1914 г., кн. VIII.

Его же. Новые основы охраны труда в Англии, «Вестник Европы», 1914 г., кн. IX.

Брагинский, М. Кэйр-Гарди, «Северные Записки», 1915 г., кн. IX.
О современном рабочем движении — см. журналы: «Коммунистический Интернационал», изд. Коминтерна, «Коммунистическая Революция», изд. ЦК ВКП(б), «Красный Интернационал профсоюзов», изд. Профинтерна, «Вестник труда», изд. ВЦСПС.

ФРАНЦИЯ

Вейль, Ж. История социального движения во Франции, изд. «Общ. польза», 1906 г., а также изд. «Жизнь и знание».

Луи Поль, История социализма во Франции, изд. 2-е, Гранат и др.

Моносов, С. История революционных движений, изд. «Пролетарий».

Линдов. История Великой французской революции.

Захер, Я. Великая французская революция. 4-е изд., 1927 г.

Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции.

Бризон, История труда и трудящихся.

Гед и Лафарг, Программа французской Рабочей партии, изд. «Общ. польза», 1906 г., ц. 12 к. и изд. Госиздата.

Блюм, Л. Конгрессы французских рабочих и социалистов, изд. «Логос», 1906 г.

Прокопович, С. Развитие социалистической мысли во Франции, 1911 г.

Тарле, Е. В. Рабочий класс во Франции в первое время машинного производства (1815—1831. ГИЗ. 1928 г., Стр. 278.

Моносов, С. Два восстания лионских рабочих, изд. «Пролетарий».

Галеви, Очерки по истории рабочего движения во Франции, изд. бр. Гранат, 1906 г., ц. 70 к.

Лафарг, П. Из истории социализма во Франции, изд. «Общ. польза», ц. 25 к.

Луи Поль, История профессионального движения во Франции.

Бороздин, И. Очерки по истории социального движения во Франции.

Лагардель, Революционный синдикализм, изд. «Шиповник», 1906 г.

Козловский, Л. Очерки синдикализма во Франции, изд. «Свободная мысль», 1906 г., ц. 65 к.

Критская и Лебедев, История синдикального движения во Франции, изд. 1908 г.

Лозовский, А. Анархо-синдикализм и коммунизм, изд. «Красная новь», 1923 г.

Его же. Рабочая Франция (заметки и впечатления), изд. «Красная новь», 1923 г.

Кривцов, С. Обзор литературы о синдикализме. Журнал «Печать и Революция», 1922 г., кн. VI (в указанном обзоре читатель найдет систематизированные сведения по указанному вопросу).

Пелутье, Ф. История бирж труда, изд. «Свободный труд», 1906 г., ц. 30 коп.

Юшкевич, П. Теория и практика синдикализма.

Стрельский, П. Новая секта в рядах социалистов, изд. 1918 г.

Плеханов, Г. Сборник «От обороны к наступлению».

- Сорель, Социальные очерки современной экономики.
Сборник. Синдикализм, изд. «Земля».
- Его же. Синдикализм, изд. Дороватовского, 1917 г., 114 стр.
- Каутский, К. Республика и социал-демократизм во Франции, ГИЗ, Пгр., 1920 г., стр. 144.
- Сборник. Социальное движение во Франции.
- Ге, Р. К. Камеры соглашения во Франции.
- Лабриола. Реформизм и синдикализм.
- Пелутье, Ф. Жизнь рабочих во Франции, изд. 1901 г., ч. 1 р. 25 к.
- Луи Поль. Женский труд во Франции, изд. «Набат», ч. 5 к.
- Профессиональные союзы во Франции. Сборник под ред. Л. Козловского.
- Торгашев. Профессиональные союзы во Франции.
- Кагеш, Ж. Союзы чиновников во Франции, изд. 1906 г., ч. 8 к.
- Леруа. Эволюция государственной власти (синдикаты чиновников), 1906 г., ч. 70 к.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. III, Госиздат, 1921 г.
- Паушкин. Буржуазия и пролетариат в революциях 1830 и 1848 гг. во Франции, М., 1906 г.
- Эронтье, Луи. История революции 1848 г. и 2-ой республики, ГИЗ, 1925 г.
- Стеклов, Ю. Революция 1848 г. во Франции. Пгр., 1918 г.
- Ренар. Республика 1848 г. Перев. с франц. СПб., 1907 г. Стр. 459.
- Лиссагаре. История Парижской коммуны, изд. «Знание», 1906 г., ч. 70 к.
- Арну, Артур. Народная история Парижской коммуны.
- Ленин, Н. Парижская коммуна, изд. «Пролетарий».
- Браславский, И. История Парижской коммуны, 1925 г.
- Слущкий, А. Парижская коммуна, 1925 г.
- Мишель Луиза. Коммуна, изд. Чарушников и Дороватовского.
- Марко, К. Гражданская война во Франции.
- Степанов. Парижская коммуна, изд. 1922 г.
- Лукин (Н. Антонов). Парижская коммуна 1871 г., изд. Госиздат, М. 1922 г.
- Лавров, Парижская коммуна.
- Дюбрейль, Л. Коммуна 1871 г., СПб., 1908 г., изд. Госиздат.
- Тюрлян. Популярная история Парижской коммуны.
- Мендельсон. Парижская коммуна, ее происхождение и значение, изд. «Молот».
- Вандервельде, Э. Парижская коммуна.
- Бакст, В. Парижская коммуна 1871 г.
- Быстрянский, В. Очерк Парижской коммуны, Пгр., Госиздат, 1920 г.
- Сборник. Парижская коммуна, изд. «Мол. раб.», 1924 г., стр. 198.
- Парижская коммуна. Акты и документы, ред. Г. Зиновьева.
- Фриче, В. Парижская коммуна. Популярный очерк.
- Маркс, К. Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 г., изд. 1905 г.
- Его же. 18-е брюмера Луи Бонапарта.
- Русанов, А. (Кудрин, Н.). Галерея современных французских знаменитостей.

Предшественники современного социализма, под общей редакцией В. Волгина. Изложение учения С. Симона:

Волгин, В. Сен-Симон, изд. «Красная новь».

Фендель. Сен-Симон.

Арк. А.—н. Сен-Симон, его жизнь и учение, изд. «Московский рабочий», 1925 г.

Водовозов, Н. Шарль Фурье.

Бebel, А. Шарль Фурье, его жизнь и учение, изд. «Знание», 1907 г.

Арк. А.—н. Шарль Фурье, его личность, учение и социальная система, изд. 2-е «Пролетарий», 1925 г.

Бабеф, Учение равных, изд. Глаголева, под ред. А. Тома, изд. 1908 г.

Буонаротти. Грах Бабеф и заговор равных.

История «Заговора равных» по Денилю, изд. Мягкова, 1905 г., цена 15 к.

Туган-Барановский. Прудон. Биогр. библиотека, изд. Павленкова.

Прудон, П. Ж. Что такое собственность? 1907 г. Стр. 267.

Стеклов, Ю. Прудон — отец анархии. П. 1918 г. Стр. 47.

Его же. Поль Лафарг.

Люкс. Кабэ и икарыйский коммунизм. Изд. «Просвещение». Стр. 323.

Кабэ. Путешествие в Икарию. Под ред. Горева. Изд. «Новая Москва»

1924 г. Стр. 176.

Гепнер. Икарийцы в Северной Америке.

Чернов, И. Луи Блан, изд. «Молодая Россия», 1906 г., стр. 64.

Блан Луи. Организация труда. 1926. Стр. 80.

Горев, Б. Ог. Бланки, его жизнь, революц. деятельность и роль в истории социализма. Изд. 1923 г. Стр. 146.

Жеффруа, Г. Бланки его жизнь и революционная деятельность. Стр. 315.

А. Мирской. Вечный инсургент, М., 1906 г.

Руоова. Луиза Мишель—защитница прав французских рабочих, изд. «Д. Р.», ц. 8 к.

Раппопорт, Х. Жюль Гед и французская рабочая партия, изд. Поповой, 1906 г., ц. 15 к.

Гед, Ж. Речи, произнесенные в палате, изд. «Образование», 1908 г., ц. 60 к.

Жорес, М. Избранные речи и статьи, изд. «Луч», ц. 90 к.

Его же. Социализм и мир.

Эрве. Социализм и партиотизм, изд. Сытина.

Альбер. Отечество, война и казарма, Казань, 1906 г., 30 стр.

Лягардель. Пролетариат и милитаризм во Франции и Бельгии. СПб., 1906 г., 60 стр.

Луи Поль. История социалистической партии во Франции, изд. «Красная новь», 1923 г.

Мартов, М. Кризис демократии во Франции. Изд. «Социалист», 1917 г.

Троцкий, Л. Коммунистическое движение во Франции.

Жорес, Ж., и Гед, Ж. Две тактики, изд. «Литературное дело», 1906 г.

Троцкий, Л. Жан Жорес, изд. «Книга», 1917 г.

Павлович, М. Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX в., Госизд., 1919 г.

Павлович, М. Смерть Жореса, Изд., 1916 г.

Раппопорт, Ш. Жан Жорес. Человек—мыслитель—социалист. Гомель, Госнадат, 1921 г.

Покровский, М. Франция до и во время войны, изд. Ком. университета Зиновьева, 1923 г.

Павлович, М. Франция накануне войны.

Мануильский, Кризис французской компартии, М., 1923 г.

Гальперин, С. Профдвижение во Франции со времени войны, 1924 г.

Лозовский, А. На французском съезде 1925 г. Изд. Профинтерна.

Мау, В. Борьба за единство во Франции. Изд. Профинтерна.

Броун. Франция последнего десятилетия, изд. «Пролетарий».

Дюкло, Ж. Фашизм во Франции. Изд. «Моск. раб.» 1929 г. Стр. 120.

Журнальная литература

Петрович, Гр. Муниципальные биржи труда, «Русские записки», 1915 г., кн. IV.

Русанов, Н. Французский синдикализм, «Русское богатство», 1906 г., кн. XII.

Сталинский, Е. Эволюция французского синдикализма, журн. «Русское богатство», 1909 г., кн. VI, VII, VIII.

Шах, Вл. Происхождение современного синдикализма, «Образование», 1907 г., кн. I и II.

Плеханов, Г. Критика теории и практики синдикализма, журн. «Современный мир», 1907 г., кн. XI, XII, 1908 г., кн. II и IV.

Сталинский, Е. Борьба направлений во французском социализме, журн. «Русское богатство», 1908 г., кн. V и VI.

Круглов, И. Биржи труда, «Наша заря», 1910 г., кн. VIII—IX.

Мартов, Л. Забастовка чиновников, «Современный мир», 1910 г., кн. V.

Чернов, Всеобщая конфедерация труда (письмо из Парижа), «Вестник Европы», 1909 г., кн. V.

Кудрин, Стачка почтово-телеграфных служащих. «Образование», 1909 г., кн. IV.

Сталинский, Е. Чиновничье движение и почтовая забастовка во Франции, «Русское богатство», 1909 г., кн. V.

Борисович, Л. Движение чиновничьего пролетариата во Франции, «Образование», 1908 г., кн. I.

Русанов, Н. Милитаризм и социализм, «Русское богатство», 1907 г., кн. XI.

Бутенко, В. Парижский рабочий парламент 1848 г. и его деятельность, «Русское богатство», 1908 г., кн. X.

Кудрин, Н. Синдикализм и стачки государственных служащих во Франции, «Русское богатство», 1907 г., кн. III.

Сталинский, Е. Социальный католицизм во Франции, «Русское богатство», 1910 г., кн. VII.

Ал—ский, Г. Памяти П. Лафарга и Л. Маркса, «Современный мир», 1911 г., кн. XII.

Залевский, К. П. Лафарг и Л. Маркс, «Наша заря», 1911 г., кн. XI.

Каутский, К. Лафарг и Л. Маркс, «Просвещение», 1911 г.

Лагардель, Г. Ж. Жорес как оратор, «Новая жизнь», 1911 г., кн. XIII.

Мартов, Л. Радикалы и рабочие во Франции, «Наша заря», 1911 г., кн. IV.

Его же. П. Лафарг, «Новая жизнь», 1911 г., кн. XIII.

Раппопорт, X. Действительность и мечты. (Ортодоксия и реформизм). «Мысль», 1911 г., кн. IV.

Его же. VIII конгресс французской объединенной социалистической партии, «Мысль», 1911 г., кн. V.

Русанов, Н. Памяти Лафарга, «Русское богатство», 1911 г., кн. XI.

Его же, П. и Л. Лафарг, «Русское богатство», 1911 г., кн. XII.

Мартов, Л. Лионский конгресс (французск. соц. п.). «Запросы жизни», кн. VIII.

Сталинокий, Е. Социализм и крестьянство во Франции «Русское богатство», 1912 г., кн. X.

Шляпников, А. Рабочий Париж. Металлисты, «Просвещение», 1912 г., кн. V—VII.

Стеклов, Ю. Поль Лафарг (1842—1911). «Просвещение», 1912 г., кн. II.

Белоусов, К. положению рабочего класса во Франции (Письмо из Парижа), «Вестник Европы», 1913 г., кн. X.

Бэр, П. Конгресс французских металлистов и кризис синдикализма, «Наша заря», 1913 г., X—XI.

Григорьев, Д. Посредничество по найму труда в Париже, «Изв. Моск. гор. думы», 1913 г., кн. IV.

Сталинский, Е. Учительское движение во Франции, «Русское богатство», 1913 г., кн. II.

Латардель (Lagardelle). Проблемы синдикализма во Франции, «Заветы», 1913 г., кн. VI—VII.

Плеханов, Г. Французский утопический социализм XIX века. «Современный мир», 1913 г., кн. VI—VII.

Стеклов, Ю. Французская черносотенцы и рабочий класс (посвящ. русск. анархо-синдикалистам), «Просвещение», 1913 г., кн. XI—XII.

Сталинский, Е. Французская конфедерация труда и война. «Заветы», 1913 г., кн. I.

Шляпников, А. Строительные рабочие в Париже, «Просвещение», VII—VIII.

Его же, Борьба за «английскую неделю» во Франции, «Просвещение», 1913 г., V.

Александров, Под знаком кризиса (рабочий синдикализм во Франции), «Заветы», 1914 г., II.

Брагинский, М. Конгресс французских социалистов, «Северные записки», 1914 г., кн. II.

Васютинский, А. Жорес—историк, «Голос минувшего», 1914 г., кн. IX.

Строев, Р. Жорес, «Современник», 1914 г., кн. XIII—XV.

Струве, П. Ж. Жорес—великий оратор-пацифист, «Русск. мысль», 1914 г., кн. X.

Финн-Енотаевский, А. Памяти Ж. Жореса, «Современный мир», 1914 г., кн. IX.

Херасков, И. Проф. Олар о Жоресе, «Голос минувшего», 1914 г., кн. X.

Civis. Выборы во Франции, «Наша заря», 1914 г., кн. VI.

Губский, Н. Жорес—политик, «Голос минувшего», 1914 г., кн. IV.

Л—ий, В. Жорес, «Наша заря», 1914 г., кн. VII—IX.

Мартынов, А. Дело Кайо и выборы во Франции, «Наша заря», 1914 г., IV.

Морошкин, К. Новый французский закон об охране материнства, «Общественный врач», 1914 г., кн. VI.

Его же. Французское законодательство о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев, «Общ. врач», 1914 г., IX—X.

Мякотин, В. Смерть Жореса, «Русск. богатство», 1914 г., кн. VIII.

Павлов, М. Смерть и похороны Ж. Жореса, «Северные записки», 1914 г., кн. VIII—IX.

С. Р. Победа французских социалистов на выборах 1914 г., «Современник», 1914 г., кн. IX.

Его же. Памяти Жореса, Ежемесячный журнал, 1914 г., VIII—IX.

«Буржуазия». Из книги Жореса, «Северные записки», 1916 г., кн. I.

Кривцов, С. Жюль Гед (с библиографией о Гед), «Под знаменем марксизма», 1922 г., кн. VII—VIII.

О современном рабочем движении — см. журналы, указанные в конце литературы отдела «Англия».

ГЕРМАНИЯ

Зомбарт, В. История экономического развития Германии в XIX в., I и II т., изд. Брокгауза и Ефрона, СПб., 1913 г., ц. 3 р.

Гельферих, Развитие народного хозяйства Германии 1893—1913 гг.), М. 1920 г.

Меринг, Фр. История германской социал-демократии, 4 тома, изд. бр. Гранат, 1906 г. и Госиздата, 1922 г.

Начало немецкой социал-демократии. Юбилейный сборник лейпцигских раб., изд. «Знание», 1907 г., ц. 20 к.

Кампфмейер, Очерк развития социал-демократии, изд. Львовича, 1907 г., ц. 15 к.

Мильо, Германская социал-демократия.

Возникновение партийной организации германской соц. демократии, изд. Доров. и Чаруши.

Кампфмейер. Очерк истории и литературы германского рабочего движения.

Бebelь, А. Наши цели (относится к эпохе борьбы Бебеля с немецкой народной партией).

Каутский и Шенлак, Идеи марксизма в герм. раб. партии.

Парвус, В рядах германской социал-демократии, изд. Глаголева, 1907 г., ц. 15 к.

Бebelь, А. Из моей жизни. Мемуары.

Браун. Положение рабочего класса в Германии, изд. 1906 г.

Жизнь современного фабричного рабочего в Германии, под ред. и с предисл. П. Гере, 1908 г.

Бернштейн, Э. История рабочего движения в Берлине, изд. 1908 г. цена 2 руб.

Прокопович, С. Рабочее движение в Германии, изд. 2-ое, 1908 г., цена 1 р. 50 к.

Майский, В. По рабочей Германии.

Гере, П. Три месяца фабричным рабочим, изд. Сытина, 1907 г.

Иоллос, Г. Письма из Берлина.

Вейтлинг, В. Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть, изд. «Просвещение», 1906 г., ц. 12 к.

Его же. Евангелие бедного грешника, изд. «Мысль», 1907 г.

Калер, Эм. В. Вейтлинг, его жизнь и учение.

Вейтлинг, В. Биографический очерк, изд. «Молот», 1906 г., ц. 8 к.

Бернштейн, Э. Лассаль и его значение, изд. Львовича, 1906 г., цена 15 к.

Виноградская, П. Фердинанд Лассаль, ГИЗ, 1926.

Онкен. Лассаль как политический деятель.

Майский, И. Фердинанд Лассаль, изд. ВЦСПС, 1923 г.

Лассаль, Ф. Собрание сочинений, изд. Глаголева, 3 тома, цена 3 р. 75 коп.

Лассаль, Ф. Гласный ответ центральному комитету, изд. «Колокол», «Буревестник», и др.

Его же. Наука и рабочие, изд. «Демос», 1906 г., ц. 4 к.

Его же. О программе работников, изд. «Буревестник», «Донская речь», 1906 г., и др.

Его же. Принцип труда в современном обществе, изд. «Колокол» (и др.), 1906 г., ц. 5 к.

Его же. Капитал и труд. Г. Бастиа — Шульце-Делич, изд. Яковенко (и др.), 1906 г., ц. 75 к.

Его же. О сущности конституции, изд. «Буревестник», Львовича и др.

Его же. Письма к Марксу и Энгельсу, изд. 1906 г., ц. 1 р. 50 к.

Его же. Мои воспоминания о Карле Марксе, изд. «Демос», 1906 г. (и др.), ц. 10 к.

Плеханов, Г. Лассаль, изд. «Пролетарий», 1906 г., ц. 10 к.

Маркс, К. Революция и контрреволюция в Германии.

Литература о Марксе и марксизме, а также о ревизионизме, как имеющая общее значение, перенесена в отдел «Сочинения, касающиеся всех стран».

Либкнехт, В. Германская социал-демократия перед судом присяжных, изд. «Луч», 1906 г.

Его же. Из истории Германии в XIX в., изд. Мягкова, 1906 г., цена 25 к.

Его же. Наши цели. Изд. «Молот», 1906 г., ц. 7 к.

Его же. К юбилею мартовской революции, изд. Петрогр. совдепа, 1918 г.

Его же. Р. Блюм и революция 1848 г. в Германии, изд. «Просвещ.», СПб., 1906 г.

Энгельс, Ф. Революция и контрреволюция в Германии, изд. «Красная новь», 1923 г.

Майский, И. Современная Германия, изд. «Красная новь», 1923 г.

Эйхнер, К. В. Либкнехт, его жизнь и деятельность, изд. «Буревестник», 1906 г., ц. 15 к. и Петр. совдепа.

Львова, Е. В. Либкнехт, изд. «Накануне».

Майский, В. Как организованы рабочие в Германии.

Ресель, Б. Очерки из истории германской с.-д. рабочей партии, изд. Скирмунта, 1906 г.

Шмеле, Социал-демократические профессиональные союзы в Германии, изд. 1904 г., ц. 1 р. 25 к.

Тома и Лафарг. Профессиональное движение в Германии, изд. Сомова, 1905 г., ц. 25 к.

Легин. Профессиональное движение в Германии, 1905 г., ц. 7 к.

Маркузон. Биржи труда в Германии.

Его же. Организация и деятельность страховых касс в Германии.

Каутский. Профессиональное движение и политическая партия пролетариата.

Профессиональное движение и социал-демократия (из отчета об Иенском партийтаге), изд. «Жизнь и наука».

Штребель. Профессиональные союзы и социал-демократия.

Неманский. Профессиональные союзы и социал-демократия.

Сомов, А. Профессиональные союзы и с.-д. партия.

Умбрейт. Значение и задачи центрального бюро профессиональных союзов.

Его же. Четверть века германского профдвижения, изд. «Пролетарий», 1925 г.

Вилец. Задачи и деятельность центрального бюро в Германии.

Майский, В. В мире германского профессионального движения, изд. «Социалист», 1917 г.

Миллер, Рихард. Германские профессиональные союзы до и после революции, Госиздат, 1921 г.

Нестрипке, З. Профессиональное движение, 2 тома, изд. ВЦСПС.

Гере, П. Как священник стал социал-демократом.

Павлов, Ф. Германское страхование, изд. «Д. Р.».

Озеров, И. Страхование трудящихся в Германии.

Герценштейн, Д. Государственное страхование рабочих в Германии, изд. 1905 г., ц. 30 к.

Гольденвейзер, А. Социальное законодательство Германии, изд. 1890 г. Киев.

Гаген, В. Безработица в Германии и меры борьбы с нею, изд. 1904 г.

Мюллер, А. Рабочие секретариаты и государственное страхование рабочих в Германии, изд. Скимунта, 1907 г.

Мангеймский партийтаг германской социал-демократии. Доклады и прения о массовой стачке.

Бернштейн, Э. Массовая политическая стачка и политическое положение германской социал-демократии, изд. 1906 г., ц. 5 к.

Каутский, К. Обнищание и крушение. Новая фаза ревизионизма.

Люксембург, Роза. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия (доклад на Мангеймском партийтаге).

Бебель, А. О всеобщей стачке.

Антонов, Н. Германская социал-демократия и война.

Зиновьев, Г. О причинах краха германской социал-демократии.

Майский, В. Германия во время войны.

Лурье, М. (Ларин). Германское профессиональное движение и война.

Каутский, К. Потребительные товарищества.

Зиновьев, Г. и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речи.

Памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург. Сборник статей.

Зиновьев, Г. Германский кризис и задачи партии.

- Кэтэ Поль. Германия накануне Октября.
 Радек, К. Карл Либкнехт, ГИЗ, стр. 14.
 Ацаркни, А. Карл Либкнехт, изд. «Нов. Москва».
 Зиновьев, Г. Двенадцать дней в Германии, ГИЗ, стр. 120.
 Ланге, П. Новая ориентация профсоюзов в Германии, стр. 45.
 Лурье, М. (Ю. Ларин). Состав пролетариата (Германия), ГИЗ, стр. 32.
 Бернштейн, Э. Германская революция, изд. 1923 г.
 Исповедь кровавой собаки (социал-демократ Носке о своих предательствах), изд. «Прибой».
 Меринг, Фр. В эпоху войны и краха Интернационала.
 Хафт. Значение крестьянства в надвигающейся германской революции.
 Спектатор. Проблема социализма в Германии.
 Фишгендлер. Вопросы социализации и кооперации в Германской революции.
 Полонская, Л. Пути Германии, ГИЗ, 1924 г.
 Ангарский, Н. (ред.) Рабочий класс Германии в послевоенные годы.
 Сборник. Фабзавкомы в Германии, изд. «Мосполиграф», цена 1 р. 25 коп.
 Мстиславский. Классовая война в Германии, ц. 2 р.
 Корш, К. Рабочее движение и фабзавкомы в Германии, изд. «Кр. новь», 1924 г.
 Р. Л. Гамбург на баррикадах. 1925 г., стр. 96.
 Реммеле, Г. Германская компартия, изд. «Моск. раб.», 1928 г.
 Бантке, Германские коммунисты в борьбе за массы, ГИЗ, стр. 53.
 Гешке, Коммунистическая партия Германии, ГИЗ, стр. 56.
 Астров, В. и Слепков, А. Социал-демократия и революция, изд. «Московский рабочий», стр. 212.
 Геккерт, Революционное профдвижение в Германии, изд. Профинтерна.

Журнальная литература

- Гроссман, Г. Процесс ревизионистов, «Образование», 1903 г., кн. XI.
 Берлин, П. О бернштейнизме, «Жизнь», 1901 г., кн. I.
 Надев, К. Иенский съезд германских с.-д., журн. «Мир божий», 1905 г., кн. XI.
 Коллонтай, А. Итоги Мангеймского съезда германской с.-д. партии и профессиональные союзы, «Современный мир», 1906 г., кн. XI.
 Бернштейн, Э. Две тенденции в германской социал-демократии на Нюрнбергском партийтаге «Образование», 1908 г., кн. XI.
 Бланк, Р. Первая брешь (по поводу победы с.-д. при выборах в прусский ландтаг), «Русское богатство», 1908 г., кн. VII.
 Парвус. Нюрнбергский партийтаг и германская социал-демократия, «Современный мир», 1908 г., кн. X.
 М. Н. Магдебургский партийтаг, «Наша заря», 1910 г., кн. VIII, IX.
 Майский, В. Магдебургский партийтаг, «Современный мир», 1910 г., кн. X.
 Егуже, Из хроники соц. борьбы в Германии. Локаут в строительной промышленности, «Русское богатство», 1910 г., кн. VII.

Надев, К. Стачки и локауты в Германии 1901—1903 гг., журн. «Русское богатство», 1907 г., кн. VII.

В. Т. Седьмой (чрезвычайный) конгресс немецких профессиональных союзов, «Наша заря», 1910 г., кн. VI.

Русанов, Н. Социал-демократический конгресс в Иене, журн. «Русское богатство», 1911 г., кн. IX.

Мартов, Л. Пауль Зингер, «Наша заря», 1911 г., кн. II.

Бebelь, А. О П. Зингере. «Дело жизни», 1911 г., кн. II.

Каутский, К. Тактические направления в германской соц.-дем., «Мысль», 1911 г., кн. V.

Майский, В. Конгресс германских профсоюзов. «Жизнь для всех», 1911 г., кн. VII.

Его же. Новое оружие германского пролетариата (свободные «профсоюзы и кооперативы»), «Наша заря», 1911 г., кн. IX—X.

Его же. Массы и вожди в германском рабочем движении. (Из личных наблюдений). «Русское богатство», 1911 г., кн. VIII и IX.

Его же. Из теории и практики проф. движения на Западе, «Наша заря», 1911 г., кн. XII.

Мартынов, А. Иенский партийтаг и размежевание в левом лагере германской социал-демократии, «Наша заря», 1911 г., кн. IX—X.

Его же, Г. Шульц о школьной реформе соц.-дем., «Вестник воспитания», 1911 г., кн. VIII.

Розанов, В. Законы о государственном страховании рабочих в германском рейхстаге, «Наша жизнь», 1911 г., кн. IV.

Рыкачев, А. Социалистическое движение; социализм и кооперация, «Русская мысль», 1911 г., кн. II.

Рябовский, П. Рабочие клубы в Германии в эпоху закона о социалистах, «Дело жизни», 1911 г., кн. II.

Скопин, Н. Германские раб. проф. союзы и их 8-й съезд в Дрездене, «Просвещение», 1911 г., кн. I.

Соснов, Н. Иенский съезд германской соц.-демокр., «Дело жизни», 1911 г., кн. IX.

Стрельцов, Р. Церковь и рабочие (письмо из Берлина), «Вестник Европы», 1911 г., кн. II.

Цеткина, К. П. Зингер, «Мысль», 1911 г., кн. III.

Б. Рост германской социал-демократии, «Просвещение», 1912 г., кн. VIII—IX.

Гарри, Н. Рабочие секретариаты. «Современник», 1912 г., кн. VI.

Ковров, А. Германская с.д. после выборов 1912 г., «Новая жизнь», 1912 г., X.

Левцкий, В. Лассальянцы и эйзенхачы в освещении Бебеля (А. Бебель, мемуары, т. II, вып. 2), «Наша заря», 1912 г., I—II.

М. В. Выборы в рейхстаг и соц.-демокр., «Современный мир», 1912 г., кн. III.

Майский, В. Красные выборы в рейхстаг, «Русское богатство», 1912 г., кн. II.

Его же. Трагедия немецких углекопов, «Русское богатство», 1912 г., кн. IV.

Мартов, Л. Германская победа, «Наша заря», 1912 г., I—II.

Панин, М. Спор об империализме в германск. с.д., «Наша заря», 1912 г., кн. XI—XII.

Панкратов, С.д. партийтаг в Хемнице, «Наша заря», 1912 г., IX—X.

Пилецкий, Я. Избирательные недоразумения, «Наша заря», 1912 г., кн. IV.

С. В германской с.-д. «Заветы», 1912 г., кн. I.

Семенова, А. Новейшие выступления ревизионизма, «Наша заря», 1912 г., кн. IV.

Скопин, Н. На славном посту. Германск. с.-д. на выборах и после них, «Просвещение», 1912 г., III—IV.

Спектатор, Хемницкий партейтаг германск. с.-д., «Современный мир», 1912 г., кн. X.

Алексинский, Г. Черный флер на красном знамени (похороны Бебеля), «Современный мир», 1913 г., кн. VIII.

Бебель, А. К 50-летию германск. соц.-демократии, «Просвещение», 1913 г., кн. VI.

Бланк, Р. Германская с.-д. Съезд германск. с.-д. партии в Иене, «Вестник Европы», 1913 г., кн. X.

Зиновьев, Г. О германском ревизионизме (по поводу Иенского конгресса), «Просвещение», 1913 г., IX.

Его же, А. Бебель, «Просвещение», 1913 г., VII—VIII.

Зорин, И. Похороны Бебеля, «Соврем.», 1913 г., IX.

Каутский, К. Август Бебель (изд. «Die Neue Zeit»), «Современник», 1913 г., кн. IX.

Коллонтай, А. Великий борец за права свободной женщины (памяти А. Бебеля), «Наша заря», 1913 г.

Левидский, В. Из иностр. социалистической печати, «Наша заря», 1913 г., X—XI.

Левитин, С. Из встреч с Бебелем (1906—1907 гг.), 1913 г., «Голос минувшего», 1913 г., IX.

Майский, В. В мире германской с.-д. (организация, пресса и пр.), «Современный мир», 1913 г., VII.

Его же, А. Бебель, «Русское богатство», 1913 г., IX.

Н—а, М. От обороны к нападению (тактика германских с.-д.), «Наша заря», 1913 г., VII—VIII.

П—кий. Иенский партейтаг, «Наша заря», 1913 г., VII—VIII.

Плеханов, Г. А. Бебель, «Современный мир», 1913 г., кн. VIII.

Р—ов, В. Бебель и парламентская тактика германских с.-д., «Наша заря», 1913 г., кн. VII—VIII.

Ратнер, М. Германская с.-д. партия (Иенский партейтаг), «Северные записки», 1913 г., кн. X.

Рязанов, Н. Апостол нового мира (А. Бебель), «Современный мир», 1913 г., кн. VIII.

Ю. Л. А. Бебель, «Вестник Европы», 1913 г., IX.

Борецкий, М. Из истории с.-д. организации в Берлине, «Борьба», 1914 г. кн. V.

Его же. Рабочие кооперативы в Германии, «Борьба», 1914 г., кн. VII—VIII.

Зиновьев, Г. А. Бебель в эпоху подполья, «Просвещение», 1914 г., кн. III.

К. О. Профессиональное движение в Германии, «Просвещение», 1914 г., кн. II.

Каутский, К. Воспоминания, «Борьба», 1914 г., кн. II.

Комков, Б. Социалистическая мысль в Германии (ревизионизм), «Заветы», 1914 г., кн. VII.

М а й с к и й, В. Два типа (немецкий и англ. рабочий), «Наша жизнь», 1914 г., кн. I.

Е г о ж е. Интеллигенция и рабочее движение в Германии, «Русское богатство», 1914 г., I.

Р — ч, Я. Рабочее движение в Германии, «Заветы», 1914 г., кн. VII.

С а м у и л е н к о, Е. Театры для рабочих в Германии, «Вольный университет», 1914 г., V.

Х е й с и н, М. Культурно-просветительное движение германских рабочих, «Вольный университет», 1914 г., кн. VI.

Е г о ж е. Очерки по страхованию рабочих в Германии, «Обществ. врач», 1914 г., кн. V.

В о д о в о з о в, В. Карл Либкнехт, «Северные записки», 1916 г., книга X.

О современном рабочем движении — см. журналы, указанные в конце литературы отдела «Англия».

3 руб. 50 коп.
папка 25 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

в торговый сектор госиздата
Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4;
в Московское областное отд. Госиздата
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
Москва, Кузнецкий Мост, 7, и во все
магазины и отделения Госиздата РСФСР